

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая

Материалы XI Международной научной
конференции

Культурная Антропология и Этнография

vk.com/ethnograph

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
Banzarov Buryat State University
Institute of Archaeology of Inner Mongolia Autonomous Region of China
Irkutsk State University
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences
Renmin University of China
National University of Mongolia
Inner Mongolia Autonomous Region Museum of China
Northwestern University of China
Ulaanbaatar State University
Katanov Khakass State University
Jilin University of China

Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China

Transactions of the XIth International Conference

September 8–11, 2021, Abakan

Институт истории материальной культуры РАН
Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Институт археологии Автономного района Внутренняя Монголия КНР
Иркутский государственный университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Китайский народный университет
Монгольский государственный университет
Музей Автономного района Внутренняя Монголия КНР
Северо-Западный университет КНР
Улан-Баторский государственный университет
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Цзилиньский университет КНР

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая

Материалы XI Международной научной конференции

8–11 сентября 2021 года, г. Абакан

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.В. Поляков (отв. ред.), к.и.н. М.Т. Кашуба (отв. ред.), д.и.н. А.Д.Цыбиктаров (отв. ред.),
В.М. Лурье (отв. секретарь)

Editorial board:

A.V. Polyakov, Dr of History (executive editor); M.T. Kashuba, Candidate of History (executive editor);
A.D. Tsybiktarov, Dr of History (executive editor); V.M. Lurie (executive secretary)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Ю.С. Худяков (ИАЭТ СО РАН),
доктор исторических наук, профессор В.В. Бобров (КемГУ)

Reviewers:

Yu.S. Khudjakov, Dr of History, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS),
V.V. Bobrov, Dr of History, Professor (Kemerovo State University)

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. — Абакан: ИИМК РАН, 2021. — 376 с.: ил.

Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: Transactions of the XIth International Conference (September 8–11, 2021, Abakan) / executive eds. A.V. Polyakov, M.T. Kashuba, A.D. Tsybiktarov. — Abakan: Institute for the History of Material Culture RAS, 2021. — 376 p.: ill.

ISBN 978-5-907298-19-4

Сборник материалов XI Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» содержит работы участников конференции, состоявшейся 8–11 сентября 2021 года в г. Абакан (Российская Федерация). Эта конференция, которая продолжает серию научных мероприятий, начатых в 2010 году в г. Улан-Удэ, была проведена на базе Южносибирского филиала Института истории материальной культуры РАН. Материалы сборника хронологически охватывают большой период времени от палеолита до современности и посвящены актуальным проблемам археологической науки, этнологии и сохранения историко-культурного наследия восточной части Северной Евразии.

The Proceedings of the 11th International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, South Siberia and North China” contain works of participants of the conference held on September 8–11, 2021 in Abakan (Russian Federation). This conference, which continues a series of scientific events started in 2010 in Ulan-Ude, was held on the basis of the South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The Conference Proceedings chronologically cover a large period of time from the Paleolithic to the Modern Times and are devoted to current problems of archaeological science, ethnology and preservation of historical and cultural heritage of the eastern part of Northern Eurasia.

В оформлении обложки использованы: пейзажная фотография — вид с востока–северо-востока на реку Абакан в районе впадения в нее реки Сос (фотография А.В. Полякова); художественное изделие из рога — Итколь II курган 14 могила 4 (раскопки А.В. Полякова).

In the design of the cover were used: landscape photography — view from the east-northeast of the Abakan River in the area of the confluence of the Sos River (photography by A.V. Polyakov); artistic product made of a horn — Itkol II barrow 14 grave 4 (excavations by A.V. Polyakov).

ISBN 978-5-907298-19-4

DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (the names noted in the contents), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

История археологии Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: исследователи, научные направления	9
<i>А.В. Варенов, М.А. Кудинова.</i> Монографические публикации петроглифов северных районов Китая в XX веке и их авторы	9
<i>Ц. Му.</i> Вклад В.Д. Кубарева в изучение керамической посуды из курганов пазырыкской культуры	15
<i>А.А. Нурзат, А.Ч. Ашак-оол</i> и его вклад в развитие археологии Тувы	19
<i>В.Н. Тугужекова.</i> Вклад Виталия Епифановича Ларичева в изучение Хакасии	22
Эпоха камня	27
<i>С.А. Васильев, В.С. Зубков.</i> Палеолитические местонахождения Хакасии: материалы к археологической карте	27
<i>Вл.А. Семенов.</i> Стоянки каменного века в Центральной Туве	33
Эпоха палеометалла	37
<i>Ч. Мөнхбаяр.</i> «Нүхэн» хэв шинжийн Монгол Алтайн нэгэн нүхтэй чулуун сүхний тухай	37
<i>И.П. Лазаретов.</i> «Впускные» курганы окуневской культуры	45
<i>А.А. Ковалев, Ч. Мөнхбаяр.</i> Хар Чулуут 1 чемурчек оршуулга-тахилгын цогцолборын төрж буй эмэгтэйн дүрслэл	51
<i>П.В. Мандрыка.</i> Бобровский тип керамики на Енисее	58
<i>И.В. Ковтун.</i> Деревянные столбы андроновских захоронений	63
<i>О.Н. Корочкова.</i> Андроновская общность: модель сложения	69
<i>С.В. Сотникова.</i> К вопросу о символической интерпретации парных разнополюх захоронений (по материалам памятников андроновской культурно-исторической общности)	74
<i>Л.С. Марсадолов.</i> О системе счета у племен андроновской культуры	79
<i>А.В. Семенов.</i> Карасукский след в долине Чаа-Холя: случайные находки и исследование стоянки в урочище Терезин (Чаа-Хольский район, Республика Тыва)	84
<i>С.А. Ковалевский.</i> О происхождении и датировке ирменских кельтов-тесел с лобным ушком	96
<i>К.В. Бирюлева.</i> Керамика бронзового века селища Шилка-13 таежной зоны Среднего Енисея	100
<i>А.В. Поляков.</i> Роль миграционных процессов в сложении культур периода палеометалла Минусинских котловин	104
<i>А.Д. Цыбиктаров.</i> Отражение дипломатии древних кочевников Центральной Азии в петроглифических, палеоантропологических и топографических источниках культур плиточных могил и херексурсов (часть III, к постановке проблемы)	109
<i>Л.С. Марсадолов.</i> О хронологии евразийских роговых псалиев X–VII вв. до н.э.	115
Ранний железный век	124
<i>П.К. Дашковский.</i> Боевые кинжалы скифского времени из Северо-Западного Алтая (по материалам могильников Ханкаринский дол и Чинета-II)	124
<i>Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко, А.А. Зиганшина, А.А. Тишкин.</i> Использование современных цифровых технологий для документирования и всестороннего изучения «оленных» камней, хранящихся в музеях России	131
<i>П.О. Сенотрусова.</i> Свидетельства кузнечного дела у населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века (по материалам могильника Пинчуга-6)	137
<i>L.S. Marsadolov.</i> Great Salbyk barrow – pyramid with megaliths in Siberia	141
На рубеже эр	147
<i>Ю.Н. Есин.</i> Новая гипотеза о владельце Абаканского дворца	147
<i>М.Е. Килуновская, П. Леус.</i> Бронзовые ажурные пряжки-пластины Саяно-Алтая	154
<i>А.А. Тишкин, Н.А. Пластеева, П.А. Косинцев.</i> Лошади из курганов хуннского времени памятника Яломан-II (Алтай): археологический контекст и археозоологические определения	157
<i>С.А. Яценко.</i> Традиции костюма кочевников в Северном Китае в IV–VI вв.	162
<i>V. Obrusanszky.</i> Survival of the Northern Xiongnu Empire in the 1 st century CE	171

<i>С. Өлзийбаяр, Ш. Уранчимэг. Өгөөмөр уулын дурсгалт газар</i>	176
<i>Т. Идэрхангай. Хүннү гүрний улс төрийн төв, Харганын Дөрвөлжингийн Хүннүгийн хааны зуны орд Лунчэн буюу Луут хот</i>	183
Средневековье	192
<i>Н.Н. Серегин, С.А. Васютин. Предметы конского снаряжения из раннетюркских «поминальных» комплексов Центрального и Восточного Алтая (по материалам раскопок А.С. Васютина)</i>	192
<i>Р.В. Давыдов. Технология изготовления чеканной железной торовтики малых форм (по материалам погребальных памятников енисейских кыргызов)</i>	199
<i>С.Г. Скобелев, А.В. Выборнов. Археологические объекты II тыс. н.э. на горе Унюк</i>	207
<i>С.Г. Бочаров. Китайская керамика XIV в. в материальном комплексе второй столицы Золотой Орды (Царевское городище)</i>	212
<i>М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин. Длинноклинковое оружие из средневековых погребений Кузнецкой котловины</i>	218
<i>А.М. Монгуш. Образ мужчины в древнетюркских памятниках и традиционной культуре тувинцев</i>	227
<i>М.К. Хабдулина. Сакральный код древнетюркского городища Бозок (Центральный Казахстан)</i>	230
<i>Н.Н. Серегин. Основные аспекты социальной интерпретации археологических комплексов Алтая монгольского времени</i>	237
<i>А.У. Урбушев, Н.А. Константинов. Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай)</i>	243
<i>Э.Р. Усманова, М.Б. Кожа, К. Ускенбай, Г.А. Ахатов, Д.А. Джумабеков. К вопросу о тайных погребениях золотоордынской эпохи в Ульгатау</i>	249
<i>З.Ч. Ухинов, И.В. Уланов. Внутримогильные конструкции из досок: по материалам погребений XI–XIV вв. Поононья</i>	258
<i>А.В. Харинский, М.А. Портнягин. К вопросу о расположении Тункинского могильника, исследованного Б.Э. Петри в 1920-е гг.</i>	265
<i>任冠, 魏坚. 唐朝墩古城浴场遗址与丝绸之路东西交流</i>	271
<i>Л. Эрдэнэболд, Б. Анхбаяр, Ц. Одбаатар, А. Очир. Хундын Хоолойн Монгол булш</i>	280
<i>Т. Идэрхангай, Д. Цэнд. Хавцгайтын хадны зураг дахь Монголын эзэнт гүрний үеийн өвөрмөц дүрслэлүүд</i>	296
<i>王洁. 考古发现所见黠戛斯社会文化</i>	306
Археология сквозь века и эпохи	310
<i>Ю.М. Свойский, Е.С. Леванова, Е.В. Романенко, Д. Уранчимэг. К вопросу об атрибуции и относительной датировке петроглифов Рашаан-Хад (Монголия)</i>	310
<i>А.Л. Заика, С. Бо. Антропоморфные личины Северного Китая (на примере петроглифов Хэланьшань)</i>	317
<i>М.А. Куслий, А.А. Тишкин, Н.В. Воробьева, В.П. Семibrатов, К.Ю. Кирюшин, А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, А.С. Графодатский. Палеогенетические определения мастей и пола у лошадей из древних памятников Алтая</i>	323
<i>К. Matsumoto, А. Tsend, I. Lochin. A survey of Bronze and Early Iron Age tools and weapons from Northern Mongolia</i>	329
<i>Д.А. Виноградов. Поселение Иркутское в красноярской лесостепи</i>	342
Этнография и современность	348
<i>И.Н. Трошкина. Хакасский этнос и его семья: реконструкция исторической динамики</i>	348
<i>М.П. Чебодаева. Истоки хакасской народной вышивки</i>	352
<i>Е.В. Шелепова. О почитании и использовании археологических памятников в Монголии (по материалам второй половины XIX – начала XX в.)</i>	357
<i>Р.И. Бравина. Воздушные захоронения на реке Оленёк в Якутии (XVIII–XIX вв.)</i>	362
<i>И.Г. Смолина. История становления и развития избирательной системы (региональный аспект)</i>	367
Список сокращений	373

CONTENTS

The history of archaeology of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: scientists, research areas	9
<i>A.V. Varenov, M.A. Kudinova.</i> Monographic publications of petroglyphs of northern regions of China in the 20 th century and their authors	9
<i>Ts. Mu.</i> Contribution of V.D. Kubarev to the study of ceramic ware from the mounds of the Pazyryk culture	15
<i>A.A. Nurzat.</i> A.Ch. Ashak-ool and his contribution to the development of Tuvan archaeology	19
<i>V.N. Tuguzhekova.</i> Vitaly Epifanovich Larichev's contribution to the study of Khakassia	22
Stone Age	27
<i>S.A. Vasilev, V.S. Zubkov.</i> Paleolithic sites of Khakassia: materials for the archaeological map	27
<i>Vl.A. Semenov.</i> Stone Age sites in Central Tuva	33
Paleometal Epoch	37
<i>Ch. Munkhbayar.</i> One hole stone axe of the "Yamnaya" type in Mongolian Altai	37
<i>I.P. Lazaretov.</i> "Inlet" burial mounds of the Okunev culture	45
<i>A.A. Kovalev, Ch. Munkhbayar.</i> Description of the woman giving birth of Khar Chuluut 1, chemurchek enclosure	51
<i>P.V. Mandryka.</i> Bobrovka type of ceramics on the Yenisei	58
<i>I.V. Koutun.</i> Wooden poles of Andronovo burial mounds	63
<i>O.N. Korochkova.</i> The Andronovo community: formation model	69
<i>S.V. Sotnikova.</i> On the symbolic interpretation of pair different-gender burials (based on the materials of the Andronovo cultural-historical community)	74
<i>L.S. Marsadolov.</i> To the counting system among the tribes of the Andronovo culture	79
<i>A.V. Semenov.</i> Karasuk trace in the Chaa-Kholya valley: accidental finds and research of the site in the Terezin tract (the Chaa-Kholya district, the Republic of Tyva)	84
<i>S.A. Kovalevskiy.</i> About the origin and dating of Irmen celts-adzes with frontal ears	96
<i>K.V. Biryuleva.</i> Bronze Age ceramics of Shilka-13 settlement of the taiga zone in the Middle Yenisei	100
<i>A.V. Polyakov.</i> The role of migration processes in the formation of cultures of the Paleometal Epoch in the Minusinsk Basins	104
<i>A.D. Tsibiktarov.</i> Reflection of the diplomacy of ancient nomads of Central Asia in petroglyphic, paleoanthropological and topographic sources of Slab graves and Khereksurs (Part III, setting of a problem)	109
<i>L.S. Marsadolov.</i> To the chronology of the Eurasian horn psalies of the 10 th –7 th centuries BC	115
Early Iron Age	124
<i>P.K. Dashkovskiy.</i> Battle daggers of the Scythian period from the North-Western Altai (based on the materials of Khankarinsky Dol and Chineta-II burial grounds)	124
<i>Yu.M. Svoisky, E.V. Romanenko, A.A. Ziganshina, A.A. Tishkin.</i> Use of modern digital technologies for documentation and comprehensive study of "deer" stones stored in museums of Russia	131
<i>P.O. Senotrusova.</i> Evidence of blacksmithing among the population of the Lower Angara Region in the final of the Early Iron Age (based on the materials of Pinchuga-6 burial ground)	137
<i>Л.С. Марсадолов.</i> Большой Салбыкский курган – пирамида с мегалитами в Сибири	141
At the turn of the Eras	147
<i>Yu.N. Esin.</i> New hypothesis on the owner of the Abakan palace	147
<i>M.E. Kilunovskaya, P. Leus.</i> Bronze openwork buckles-plates from the Sayan-Altai	154
<i>A.A. Tishkin, N.A. Plasteeva, P.A. Kosintsev.</i> Horses from the Xiongnu period barrows of Yaloman-II archaeological site (Altai): archaeological context and archeozoological determinations	157
<i>S.A. Yatsenko.</i> Traditions of the nomadic costume in North China in the 4 th –6 th centuries CE	162
<i>Б. Обрусански.</i> О существовании империи северных хунну в I веке н.э.	171

<i>S. Ulziibayar, Sh. Uranchimeg.</i> The Ugoomor mount site	176
<i>T. Iderkhangai.</i> The Xiongnu Chanyu's summer capital city named Luut or Longchen city in Kharganiin Durvuljin, the political center of the Xiongnu Empire	183
Middle Ages	192
<i>N.N. Seregin, S.A. Vasyutin.</i> Items of horse equipment from the early Turkic "memorial" complexes of the Central and Eastern Altai (based on the materials of A.S. Vasyutin's excavations)	192
<i>R.V. Davydov.</i> Production technology of minted iron tiorotics of small forms (based on the materials of funerary sites of the Yenisei Kyrgyz)	199
<i>S.G. Skobelev, A.V. Vybornov.</i> Archaeological sites of the 2 nd millennium AD on the Unyuk Mountain	207
<i>S.G. Bocharov.</i> Chinese ceramics of the 14 th century in the material complex of the Golden Horde's second capital (Tsarev medieval city)	212
<i>M.G. Suleymenov, A.M. Ilyushin.</i> Longline weapons from medieval burials of the Kuznetsk Basin	218
<i>A.M. Mongush.</i> The image of a man in ancient Turkic monuments and the Tuvans' traditional culture ...	227
<i>M.K. Khabdulina.</i> The sacred code of the ancient Turkic settlement of Bozok (Central Kazakhstan)	230
<i>N.N. Seregin.</i> The main aspects of the social interpretation of the archaeological complexes of Altai dated by the Mongolian period	237
<i>A.U. Urbushev, N.A. Konstantinov.</i> Images of medieval dwellings on Dyalbak rock art site (Eastern Altai)	243
<i>E.R. Usmanova, M.B. Kozha, K. Uskenbai, G.A. Akhatov, D.A. Dzhumabekov.</i> To the question of secret burials of the Golden Horde period in Ulytau	249
<i>Z.Ch. Ukhinov, I.V. Ulanov.</i> Coffin structures made of planks: based on the materials from burials of the 11 th –14 th centuries in Poononye	258
<i>A.V. Kharinsky, M.A. Portnyagin.</i> To the question of the location of Tunka burial ground, explored by B.E. Petri in the 1920s	265
<i>Ren Guan, Wei Jian.</i> The bath remain in the Tangchaodun city site and the cultural interaction between East and West along the Silk Road	271
<i>L. Erdenebold, B. Ankhbayar, Ts. Odbaatar, A. Ochir.</i> Mongolian graves discovered at Khundyn Khooloi site	280
<i>T. Iderkhangai, D. Tsend.</i> Mongolian empire period specific description in the petroglyphs of Khavtsgait	296
<i>Wang Jie.</i> Social culture of Kirghizia based on the materials of archaeological research	306
Archaeology through the centuries and epochs	310
<i>Yu.M. Svoisky, E.S. Levanova, E.V. Romanenko, D. Uranchimeg.</i> On the question of attribution and relative dating of Rashaan-Khad petroglyphs (Mongolia)	310
<i>A.L. Zaika, X. Bo.</i> Anthropomorphic images of North China (based on Helanshan petroglyphs)	317
<i>M.A. Kuslii, A.A. Tishkin, N.V. Vorobyova, V.P. Semibratov, K.Yu. Kiryushin, A.A. Kovalev, D. Erdenebaatar, A.S. Grafodatsky.</i> Paleogenetic definitions of horse colors and sexes from ancient sites of Altai	323
<i>К. Мацумото, А. Ценд, И. Лочин.</i> Изучение орудий и оружия бронзового и раннего железного веков из Северной Монголии	329
<i>D.A. Vinogradov.</i> Irkutskoe settlement in the Krasnoyarsk forest-steppe	342
Ethnography and Modern Times	348
<i>I.N. Troshkina.</i> Khakass ethnic group and its family: reconstruction of historical dynamics	348
<i>M.P. Chebodaeva.</i> Origins of Khakass folk embroidery	352
<i>E.V. Shelepova.</i> On the veneration and use of archaeological sites in Mongolia (based on the materials of the second half of the 19 th – early 20 th centuries)	357
<i>R.I. Bravina.</i> Aerial graves on the Olenek River in Yakutia (17 th –19 th centuries)	362
<i>I.G. Smolina.</i> History of the formation and development of the electoral system (regional aspect)	367
List of abbreviations	373

История археологии Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: исследователи, научные направления

А.В. Варенов¹, М.А. Кудинова²

¹ Новосибирский государственный университет (Россия)

² Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия)

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ПЕТРОГЛИФОВ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ В XX ВЕКЕ И ИХ АВТОРЫ

В Китае петроглифы распространены в основном в окраинных районах: выбивки и гравировки – на севере, красочные изображения – на юге (рис. 1). До начала XXI в. изданы монографические исследования и публикации петроглифов из четырех административно-территориальных единиц провинциального уровня севера страны: автономного района Внутренняя Монголия (рис. 1-1), Нинся-Хуэйского автономного района (рис. 1-2), Синьцзян-Уйгурского автономного района (рис. 1-3) и провинции Цинхай (рис. 1-4).

Внутренняя Монголия (рис. 1-1)

Петроглифы Внутренней Монголии в XX в. исследовали и публиковали Гай Шаньлинь, Лян Чжэньхуа и Н. Даленгуриб.

Гай Шаньлинь (盖山林) (1935–2020) родился в уезде Синтан провинции Хэбэй. В августе 1956 г. он поступил на исторический факультет Северо-Западного университета в г. Ланьчжоу по специальности «археология». После окончания университета, с сентября 1960 по апрель 1962 г., Гай Шаньлинь работал заведующим Отделом истории в Краеведческом музее Нинся-Хуэйского автономного района. В апреле 1962 г. он перешел на работу в отряд по изучению и охране памятников культуры Автономного района Внутренняя Монголия (в последующем отряд был преобразован в Институт археологии и материальной культуры Автономного района Внутренняя Монголия). С декабря 1987 г. Гай Шаньлинь – заместитель заведующего Отделом охраны памятников в этой академической структуре. Подробные сведения о биографии Гай Шаньлиня опубликованы в отдельной работе (Варенов, 2020).

Наиболее значительными работами Гай Шаньлиня, которые посвящены публикации памятников наскального искусства отдельных районов Внутренней Монголии, являются его монографии «Пе-

троглифы [гор] Иньшань», «Петроглифы [степи] Уланьчаб» и «Петроглифы пустыни Баданьцзинь». Все монографии Гай Шаньлиня, в которых рассмотрены петроглифы из южных и западных районов Внутренней Монголии, выполнены по одной схеме (Гай Шаньлинь, 1986, 1989, 1997а). Основная их часть отведена краткому описанию, сопровождающемуся иллюстрациями-заливками небольшого размера, наскальных рисунков, сгруппированных по местонахождениям, пунктам и группам. Как правило, прилагается альбом фотографий наиболее интересных, с точки зрения автора, петроглифов. В конце книги представлена интерпретационная часть исследования. Из ранних исследований теоретического характера можно отметить «Петроглифы Иньшань» того же Гай Шаньлиня – книгу, одноименную с публикационной монографией 1986 г., но посвященную исключительно интерпретации наскальных рисунков (Гай Шаньлинь, 1985).

Поступив на заметную административную должность в Институте археологии и материальной культуры Внутренней Монголии в конце 1987 г., Гай Шаньлинь больше не проводил масштабные полевые исследования по поиску новых наскальных изображений. Однако он продолжал публиковать как серьезные книги теоретического характера, так и научно-популярные издания, посвященные изучению петроглифов. В числе первых можно отметить «Китайское петроглифоведение» и собрание многочисленных статей Гай Шаньлиня, оригиналы которых были иногда размещены в малодоступных изданиях, а среди вторых – «Петроглифы Китая» (Гай Шаньлинь, 1995а, 1995b, 1997b). Варианты последней книги неоднократно выходили в течение 1990-х гг. в разных городах страны. В 2002 г., как бы подводя черту под этим периодом жизни ученого, увидела свет фундаментальная монография, написанная им

в соавторстве с сыном Гай Чжихао, «Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии». Самая поздняя из доступных нам монографий Гай Шаньлиня целиком посвящена интерпретациям и поискам аналогий, петроглифы (в основном заливки) приводятся в ней лишь для иллюстрации тех или иных положений авторов (Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002).

Монография *Лян Чжэньхуа* (梁振华) описывает наскальные рисунки относительно небольшого района Внутренней Монголии – городского округа Ухай, расположенного на границе с Нинся, горы Чжоцзышань (кит. «Столовые горы»), которые представляют собой продолжение гор Хэланьшань. В целом район гор Чжоцзышань уже был ранее обследован Гай Шаньлинем, а результаты его поисков опубликованы (Гай Шаньлинь, 1986, с. 386–411). В книге Лян Чжэньхуа в качестве иллюстраций при описании петроглифического материала используются в основном не заливки, как у Гай Шаньлиня, а протирки (микалентные копии), присутствуют довольно обширные интерпретационные главы и альбом цветных фотографий (Лян Чжэньхуа, 1998).

Трехязычный (на китайском, монгольском и английском языках) альбом *Н. Даленгуриба* (纳·达楞古日布), напротив, состоит из одних лишь цветных фотографий, с небольшим количеством интерпретационных объяснений (Даленгуриб, 2000).

Нинся (рис. 1-2)

Все четыре монографии XX в. о наскальных рисунках Нинся: Чжоу Синхуа, Ли Сянши и Чжу Цуньши, Сюй Чэна и Вэй Чжуна – изданы практически одновременно, в начале 1990-х гг.

В 1991 г. первой увидела свет монография-альбом *Чжоу Синхуа* (周兴华). В ее начале имеется небольшой (около 40 страниц) вступительный раздел «Открытие и исследование петроглифов Чжунвэя». В нем рассказывается о количестве и распространении наскальных изображений по уезду, особенностях рельефа местности и связанного с ним размещения петроглифов, об их сюжетах и содержании, назначении и применении, стиле и технике исполнения, об этнической принадлежности их создателей, общем и особенном в петроглифах Чжунвэя, а также приводятся догадки об их периодизации, соображения о ценности и охране петроглифов (Чжоу Синхуа, 1991). За вступительным разделом у Чжоу Синхуа следует солидный по объему (более 400 снимков) альбом черно-белых фотографий.

Чжу Цуньши (朱存世) родился в 1966 г. В 1985–1989 гг. он проходил обучение по специальности «археология» на факультете археологии Цзилинь-

ского университета в Чанчуне. После этого в 1989–1991 гг. работал в Управлении по охране памятников культуры г. Иньчуань. С 1991 г. по настоящее время Чжу Цуньши – научный сотрудник Института археологии и памятников материальной культуры Нинся-Хуэйского автономного района. С 2019 г. он занимает пост директора этого учреждения. В 1998–1999 гг. Чжу Цуньши находился на научной стажировке в Японии, в префектуре Симанэ. Он является членом Профильного комитета по этнографии, фольклористике и памятникам культуры Китайской академии памятников материальной культуры, членом Специального комитета по археологии эпох Сун, Ляо, Цзинь, Юань, Мин, Цин Китайского археологического общества. Научные интересы Чжу Цуньши в основном затрагивают изучение наскального искусства Северного Китая и археологию эпох Хань–Тан.

Ли Сянши (李祥石) не был профессионально подготовленным археологом. В 1965 г. он окончил Университет Нинся, после чего работал в отделе образования, культуры и здравоохранения уезда Хэлань Нинся-Хуэйского АР, а с 1985 г. – в отделе пропаганды того же уезда. Позднее Ли Сянши стал научным сотрудником Центра исследования петроглифов Второго Северо-Западного института национальностей. Еще в 1969 г., в самый разгар «культурной революции», он открыл петроглифы в ущелье Хэланькоу (уезд Хэлань) и впоследствии, начиная с 1983 г., занимался их фиксацией и изучением, опубликовав более 20 научных работ, посвященных исследованию наскального искусства Нинся. В 1993 г. Ли Сянши в соавторстве с Чжу Цуньши издал монографию «Петроглифы гор Хэланьшань и Бэйшань». В начале этой книги размещен альбом цветных и черно-белых фотографий. Далее примерно на 60% объема монографии идет представленное по уездам описание петроглифов, которое сопровождается их рисунками, а оставшиеся 40% книги занимают интерпретационные главы (Ли Сянши, Чжу Цуньши, 1993).

В том же 1993 г. опубликованы сразу две монографии Сюй Чэна и Вэй Чжуна, посвященные петроглифам гор Хэланьшань. *Сюй Чэн* (许成) родился в 1953 г. в провинции Нинся (современный Нинся-Хуэйский АР). В 1976 г. он окончил исторический факультет Пекинского университета по специальности «археология». Одно время занимал пост заместителя руководителя Управления по охране памятников культуры Нинся-Хуэйского АР. Научные интересы Сюй Чэна в основном касаются археологии тангутского государства Западное Ся (Си Ся). Его соавтор *Вэй Чжун* (卫忠) родился в июне 1965 г. в уезде Сяньфэнь пров. Шаньси. В 1983–1987 гг. он учился на историческом факультете Пекинского университета

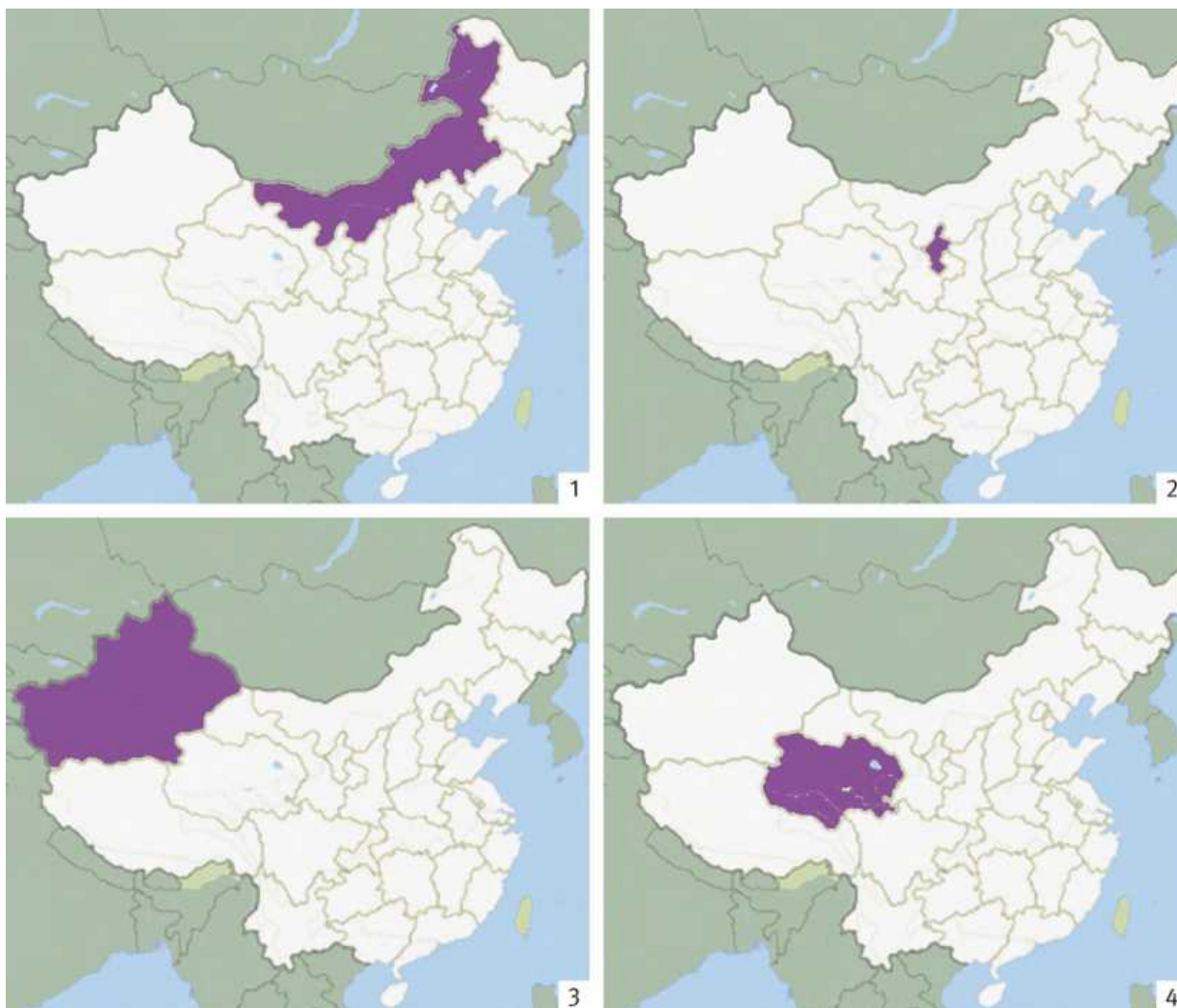

Рис. 1. Административно-территориальные единицы КНР провинциального уровня: 1 – автономный район Внутренняя Монголия; 2 – Нинся-Хуэйский автономный район; 3 – Синьцзян-Уйгурский автономный район; 4 – провинция Цинхай

Fig. 1. Administrative units of the People's Republic of China at the provincial level: 1 – Inner Mongolia Autonomous Region; 2 – Ningxia-Hui Autonomous Region; 3 – Xinjiang-Uyghur Autonomous Region; 4 – Qinghai Province

по специальности «археология». С 1987 по 2000 г. Вэй Чжун работал в Институте археологии и памятников материальной культуры Нинся-Хуэйского автономного района (с 1997 г. в должности заместителя директора). В 2000–2009 гг. Вэй Чжун – заместитель руководителя Управления по охране памятников культуры Нинся, в 2007–2009 гг. он занимал по совместительству пост директора Музея уезда Гуюань. В 2009–2018 гг. Вэй Чжун – руководитель Управления по охране памятников культуры Нинся-Хуэйского автономного района. С 2012 г. он – заместитель руководителя Департамента культуры Нинся-Хуэйского АР, а с 2018 г. – заместитель руководителя Департамента культуры и туризма Нинся.

Одна из монографий Сюй Чэна и Вэй Чжуна повторяет по схеме публикационные книги Гай Шаньлиня. Основная часть ее объема отведена краткому

описанию наскальных рисунков. Ближе к концу книги следуют интерпретационный раздел, а также альбом цветных и черно-белых фотографий (Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993а). Вторая книга Сюй Чэна и Вэй Чжуна представляет собой собрание протирок (микалентных копий). Альбомы этих авторов удачно дополняют друг друга. Мелкие схематичные заливки наскальных рисунков и их фотографии из одного издания легко можно перепроверить крупными, на всю страницу, протирками (микалентными копиями) тех же петроглифов из другого издания (Сюй Чэн, Вэй Чжун, 1993б).

Синьцзян (рис. 1-3)

Для Синьцзяна первыми монографическими публикациями петроглифов в XX в. были альбомы Чжао Янфэна, Ван Линьшаня и Ван Бо, книги Ван Бинхуа и Су Бэйхая.

Опубликованный в 1987 г. альбом *Чжао Янфэна* (越养锋) увидел свет по горячим следам первых монографий Гай Шаньлиня. Однако стремление автора «ковать железо, пока горячо» вылилось в не очень высокое качество его публикации (Чжао Янфэн, 1987). В альбоме Чжао Янфэна географическая привязка фотографий дана в подрисуночных подписях по кодовой системе (A1, B2 и т.п.), но расшифровка этих кодов отсутствует, что не позволяет соотнести изданные петроглифы даже с уездами и тем более с конкретными памятниками. Пояснительный текст в альбоме имеется в минимальном объеме, а крупные цветные и черно-белые фотографии наскальных изображений не всегда четкие (в ряде случаев отсутствует наводка объектива на резкость). Впрочем, эти фотографии петроглифов сопровождаются в углу страницы их же мелкими прорисовками (заливками), что позволяет осуществлять взаимный контроль и необходимую коррекцию изображений.

В альбоме *Ван Линьшаня* и *Ван Бо*, носящего, скорее, характер туристического путеводителя и посвященного степным древностям Китайского Алтая в целом, даны несколько страниц цветных фотографий петроглифов хорошего качества, но отсутствуют их прорисовки, а пояснительный текст минимален (Ван Линьшань, Ван Бо, 1996, с. 54–71).

Ван Бинхуа (王炳华), один из крупнейших исследователей археологии Синьцзяна, родился в ноябре 1935 г. в г. Наньтун пров. Цзянсу. В 1960 г. он окончил исторический факультет Пекинского университета по специальности «археология» и поступил на работу в Институт археологии Синьцзян-Уйгурского АР. Там он трудился, занимая должности научного сотрудника, а затем директора института, вплоть до своего ухода на пенсию в 2000 г. С того же 2000 г. Ван Бинхуа – приглашенный профессор Исследовательского центра языков Западного края (т.е. Синьцзяна) Института китаеведения Народного университета (г. Пекин).

Научные интересы Ван Бинхуа включали археологию Синьцзяна, археологическое изучение культуры саков и усуней, исследование цивилизаций Западного края и археологических материалов, связанных с функционированием Шелкового пути. За годы работы в Синьцзяне он руководил раскопками усуньских погребений в бассейне р. Или, сакских погребений в Алагоу на Тяньшане, могильников эпохи бронзы Убао в Хами и Гумугоу в пустыне Такла-Макан, средневекового некрополя Астана в Турфане. Совместно с японскими учеными Ван Бинхуа проводил обследования и раскопки памятников Ния, погребений эпох Цзинь–Тан у городища Цзяохэ, памятника Дандан-Ойлык в пустыне Такла-Макан. Он организовал совместные

франко-китайские исследования в бассейне р. Керия, совместные корейско-китайские работы по изучению Шелкового пути в различных районах Синьцзяна.

Однако петроглифами Ван Бинхуа почти не интересовался, за исключением яркого памятника Канцзяшимэньцзы в уезде Хутуби, который он связывал с деятельностью саков. Ван Бинхуа начал заниматься Канцзяшимэньцзы еще с 1987 г. и успел в 1990 г. опубликовать солидную статью по этой теме. Вышедшая в свет в 1992 г. небольшая книжечка карманного формата объемом всего 60 страниц о петроглифах в уезде Хутуби являлась, по сути, ее переложением. В «монографии» приводится как комплексная прорисовка всей плоскости с наскальными изображениями, так и каждой из девяти групп рисунков, выделенных Ван Бинхуа в целях удобства их восприятия и описания (Ван Бинхуа, 1992).

Су Бэйхай (苏北海) (1915–1999), пожалуй самый старший представитель китайского петроглифоведения, родился в уезде Уси (находился на территории современного городского округа Уси) пров. Цзянсу. В июле 1937 г. он окончил исторический факультет Педагогического института Цзянсу. После окончания института Су Бэйхай работал преподавателем истории в Увэйском педагогическом училище (пров. Аньхуэй), доцентом факультета литературы и истории Синьцзянского института. После образования КНР он стал научным сотрудником Научно-исследовательского отдела Синьцзянского отделения ЦК КПК, затем – редактором Синьцзянского народного издательства (*Синьцзян жэньминь чубаньшэ*), доцентом, а впоследствии – профессором Синьцзянского университета. Су Бэйхай был членом Научного общества по изучению Турфана и Общества исследователей искусства Западного края.

Научные интересы Су Бэйхая были связаны в основном с изучением этнической истории Западного края (в частности, истории казахов и западных монголов), а также с исследованием наскального искусства Синьцзяна. В монографии Су Бэйхая, в которой петроглифы Синьцзяна описаны по уездам, опубликованы только прорисовки (заливки тушью) наскальных рисунков, а фотографии их отсутствуют. Заливки эти не отличаются высоким качеством (Су Бэйхай, 1994). В 2013 г. монография Су Бэйхая была переиздана посмертно (видимо, к 100-летию ученого) под несколько измененным названием, но ее текст и иллюстрации остались без изменений (Су Бэйхай, 2013).

Цинхай (рис. 1-4)

Изучение наскального искусства в Цинхае началось позже, чем во многих других соседних регионах Северного Китая (за исключением Ганьсу), и пока представ-

лено только одной монографией Тан Хуэйшэна и Чжан Вэньхуа.

Тан Хуэйшэн (汤惠生) родился 14 декабря 1955 г. в уезде Пинсян пров. Цзянсу, детство его прошло в уезде Лэду пров. Цинхай, куда в конце 1950-х гг., как «правый элемент», был сослан его отец. Окончив школу, он работал на Цинхайском кузнечном заводе сельскохозяйственного оборудования. После восстановления государственных вступительных экзаменов Тан Хуэйшэн поступил на исторический факультет Северо-Западного университета в Сиане по специальности «археология». После окончания университета в 1983 г. в течение 18 лет он трудился в Институте археологии пров. Цинхай, где занимал должности научного сотрудника, а затем заместителя директора института. В 2001 г. Тан Хуэйшэн перешел на преподавательскую работу в Нанкинский педагогический университет в качестве профессора факультета музееведения и заместителя директора Института общественного развития. С 2012 г. Тан Хуэйшэн является профессором факультета археологии Института истории и культуры Хэбэйского педагогического университета, а с 2014 г. возглавляет созданный в этом университете Международный центр датирования петроглифов. С сентября 1992 г. по ноябрь 1993 г. Тан Хуэйшэн стажировался в Камунском центре доисторических исследований в Италии, где учился у известного археолога, одного из крупнейших в мире специалистов по наскальному искусству Эммануэля Анати. В 2006 г. Тан Хуэйшэн был приглашенным исследователем в Университете Северной Каролины (США), а также читал лекции по истории и археологии Тибета в Колумбийском университете.

Список литературы

- Ван Бинхуа.** Синьцзян Хутуби шэнчжи чунбай яньхуа [王炳华. 新疆呼图壁生殖崇拜岩画]. Петроглифы уезда Хутуби в Синьцзяне, изображающие культ плодородия. – Пекин: Бэйцзин Яньшань чубаньшэ, 1992. – 58 с., 22 л. ил. (на кит. яз.)
- Ван Линьшань, Ван Бо.** Чжунго Аэртайшань цаюань вэньху [王林山, 王博. 中国阿尔泰山草原文物]. Степные древности китайского Алтая. – Шэньчжоу: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1996. – 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)
- Варенов А.В.** Памяти Гай Шаньлиня (1935–2020) – выдающегося исследователя наскального искусства Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – Вып. 10: Востоковедение. – С. 162–166. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-10-162-166.
- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [盖山林. 阴山岩画]. Петроглифы [гор] Иньшань. – Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 1985. – 4, 192 с., ил. (на кит. яз.)

Тан Хуэйшэн в основном занимается исследованиями в области археологии, наскального искусства и первобытной религии. Этим вопросам посвящено несколько монографий и сотни статей ученого, в которых он впервые применил теорию бинарных оппозиций к изучению первобытного мышления, мифоритуального комплекса и раннего искусства (в частности, петроглифов) древнего населения на территории современного Китая. Книга Тан Хуэйшэна и Чжан Вэньхуа «Петроглифы Цинхая: исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве» посвящена описанию достаточно немногочисленных петроглифов Цинхая, проблемам их датировки и интерпретации (Тан Хуэйшэн, Чжан Вэньхуа, 2001). Работы Тан Хуэйшэна в области петроглифоведения получили широкое признание в китайском и мировом научном сообществе. Он состоит в ряде международных и региональных научных обществ: член Бюро Международной федерации организаций по изучению наскального искусства (IFRAO), член Австралийской ассоциации исследователей наскального искусства (AURA), член совета Камунского центра доисторических исследований (Италия), член редколлегий ряда профильных научных изданий в Австралии, Италии, Франции, Китае.

В целом, следует констатировать, что современное китайское научное петроглифоведение зародилось в 1970-х – 1980-х гг., когда в археологической периодике КНР начали публиковаться первые статьи о наскальных рисунках, а расцвета, отмеченного выходом целого ряда монографий, оно достигло во второй половине 1980-х – 1990-х гг.

- Гай Шаньлинь.** Иньшань яньхуа [盖山林. 阴山岩画]. Петроглифы [гор] Иньшань. – Пекин: Вэньху чубаньшэ, 1986. – 2, 20, 442 с., IV, XLVIII л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Уланьчабу яньхуа [盖山林. 烏蘭察部岩画]. Петроглифы [степи] Уланьчаб. – Пекин: Вэньху чубаньшэ, 1989. – 22, 336 с., XVI, XXXII л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Чжунго яньхуасюэ [盖山林. 中国岩画学]. Китайское петроглифоведение. – Пекин: Шуму вэньсянь чубаньшэ, 1995а. – 338 с., XVI л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь** вэньцзи [盖山林文集]. Собрание статей Гай Шаньлиня. – Харбин: Хэйлунцзян цзяюй чубаньшэ, 1995b. – 916 с. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Баданьцилинь шамо яньхуа [盖山林. 巴丹吉林沙漠岩画]. Петроглифы пустыни Баданьцилинь. – Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 1997а. – 400 с., VIII л. ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлинь.** Яньши шаньдэ лиши туцзюань: Чжунго яньхуа [盖山林. 岩石上的历史图卷: 中国岩画]. Иллюстрированные свитки истории на скалах: петроглифы

- Китай. – Шанхай: Саньянь шудянь, 1997b. – 126 с., ил. (на кит. яз.)
- Гай Шаньлин, Гай Чжихао.** Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. – Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2002. – 546 с., ил. (на кит. яз.)
- Даленгуриб Н.** Нэймэнгу яньхуа ишу [纳·达楞古日布. 内蒙古岩画艺术]. Искусство петроглифов Внутренней Монголии. – Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2000. – 208 с., ил. (на кит. яз.)
- Ли Сянши, Чжу Цуньши.** Хэланьшань юй Бэйшань яньхуа [李祥石, 朱存世. 贺兰山与北山岩画]. Петроглифы [гор] Хэланьшань и Бэйшань. – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1993. – 369 с. (на кит. яз.)
- Лян Чжэньхуа.** Чжоцзышань яньхуа [梁振华. 桌子山岩画]. Петроглифы [гор] Чжоцзышань (Столовых гор). – Пекин: Вэньчубаньшэ, 1998. – 102 с., 66 л. ил. (на кит. яз.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян яньхуа [苏北海. 新疆岩画]. Петроглифы Синьцзяна. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 1994. – 616 с., ил. (на кит. яз.)
- Су Бэйхай.** Синьцзян янькэхуа [苏北海. 新疆岩刻画]. Наскальные гравюры Синьцзяна. – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2013. – 596 с., ил. (на кит. яз.)
- Сюй Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа [许成, 卫忠. 贺兰山岩画]. Петроглифы [гор] Хэланьшань. – Пекин: Вэньчубаньшэ, 1993a. – 34, 398, XLVIII, XLVIII л. ил. (на кит. яз.)
- Сюй Чэн, Вэй Чжун.** Хэланьшань яньхуа табэнь цуйбянь [许成, 卫忠. 贺兰山岩画拓本萃编]. Альбом собрания эстампов петроглифов [гор] Хэланьшань. – Пекин: Вэньчубаньшэ, 1993b. – 46, 364, 20 с., ил. (на кит. яз.)
- Тан Хуэйшэн, Чжан Вэньхуа.** Цинхай яньхуа – шицян ишу чжун эрюань дуйли сывэй цзи ци гуаньнянь дэяньцзю [汤惠生, 张文华. 青海岩画—史前艺术中二元对立思维及其观念的研究]. Петроглифы Цинхая – исследование дуалистического мышления и его идей в первобытном искусстве. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2001. – 280 с. (на кит. яз.)
- Чжао Янфэн.** Чжунго Аэргтайшань яньхуа [越养锋. 中国阿尔泰山岩画]. Петроглифы Китайского Алтая. – Сиань: Шэньси жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1987. – 128 с. (на кит. яз.)
- Чжоу Синхуа.** Чжунвэй яньхуа. [周兴华. 中卫岩画]. Петроглифы Чжунвэя. – Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 1991. – 6, 442 с. (на кит. яз.)

A.V. Varenov¹, M.A. Kudinova²

¹ *Novosibirsk State University (Russia)*

² *Institute of Archaeology and Ethnography, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

MONOGRAPHIC PUBLICATIONS OF PETROGLYPHS OF NORTHERN REGIONS OF CHINA IN THE 20TH CENTURY AND THEIR AUTHORS

In China, before the beginning of the 21st century, research books and albums of petroglyphs were published in four administrative units at the provincial level in the North-West of the county: Inner Mongolia, Ningxia, Xinjiang and Qinghai (**Fig. 1**). Petroglyphs of Inner Mongolia were studied and published by Gai Shanlin, Liang Zhenhua and N. Dalengurib. All four monographs on Ningxia rock art by Zhou Xinghua, Li Xiangshi and Zhu Cunshi, Xu Cheng and Wei Zhong were published almost simultaneously, at the beginning of the 1990s. Ancient rock art of Xinjiang was published

in albums by Zhao Yangfeng, Wang Linshan and Wang Bo and in books by Wang Binghua and Su Beihai. The monograph by Tang Huisheng and Zhang Wenhua was devoted to the description of Qinghai petroglyphs and the problems of their interpretation. Generally, it can be stated that modern Chinese scientific rock art research was born in the first half of the 1980s, when the first articles on rock carvings started to appear in Chinese archaeological periodicals and flourished in the second half of the 1980s and the 1990s, when quite a number of monographs were published.

KEYWORDS: *petroglyphs, northern regions of China, history of studying in the 20th century, monographs.*

Ц. Му

Алтайский государственный университет (Россия)

ВКЛАД В.Д. КУБАРЕВА В ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ИЗ КУРГАНОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-39-90022 «Керамическая посуда из памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени: комплексные исследования и реконструкции»)

Посвящается 75-летию В.Д. Кубарева

Введение

Керамические изделия являются одной из наиболее массовых категорий находок в памятниках пазырыкской культуры, в основном они найдены при раскопках курганов. Обычно в каждой могиле хоронили одного умершего человека, которому предназначался один глиняный сосуд, но известны парные или коллективные погребения, а также кенотафы. На территории Российской Федерации к настоящему времени раскопано более 650 курганов пазырыкской культуры (Кирюшин и др., 2003; Тишкин, Дашковский, 2003; Кубарев, Шульга, 2007). В Казахстане (Самашев, 2011), Монголии (Молодин и др., 2012) и Китае (Му, 2020) исследовано около 100 таких объектов. Основываясь на этих данных, можно предположить, что коллекция керамики должна составлять не менее 700 археологически целых изделий. Небольшое количество фрагментов глиняной посуды было обнаружено в курганных насыпях, на поминальниках и поселениях пазырыкской культуры (Шульга, 2015).

Древняя керамика – один из важных археологических материалов. Реконструкция процессов ее производства, обработки, обращения, использования и утилизации несут большой объем информации о деятельности людей и их системе жизнеобеспечения. Комплексный анализ керамики – необходимое условие для интерпретации археологической культуры. Так, в изучении пазырыкской культуры и найденной на ее памятниках посуды накоплен значительный опыт (см.: Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Сорокин, 1974; Могильников, 1983; Кубарев, 1987, 1990, 1991, 1992, 2001; Суразаков, 1988; Мамадаков, 1999; Кирюшин, Степанова, 2000, 2004; Миронов, 2000; Полосьмак, 2001; Кирюшин и др., 2003; Марсадоллов, 2004; Кубарев, Шульга, 2007; Шульга, 2015; Хан Цзянье, 2017; и др.). Среди исследований пазырыкской керамики особое значение имеют работы В.Д. Кубарева. Рассмотрению вклада ученого, а также формированию новых подходов в изучении пазырыкской посуды посвящена настоящая статья.

Находки В.Д. Кубаревым керамики в курганах пазырыкской культуры

С 1973 г. В.Д. Кубарев возглавил Восточно-Алтайский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции. В ходе своих работ он зафиксировал около 300 курганов скифо-сакского времени в долинах рек Алтая (Уландрык, Юстыд, Барбургазы, Бутузун, Чуя, Урсул, Катунь), часть из которых он раскопал. В ходе полевых работ было обнаружено большое количество керамических изделий, анализ которых нашел отражение в серии его монографий и статей.

В 1987 г. В.Д. Кубарев опубликовал монографию, посвященную интерпретации материалов пазырыкской культуры из курганов, которые он исследовал в долине р. Уландрык. Найдено более 50 глиняных сосудов, для которых сделана типология, а также обсуждалась технология производства. В этой монографии представлено первое системное изучение керамической посуды пазырыкской культуры (Кубарев, 1987, с. 42–49).

В 1991 г. издана монография о результатах раскопок в долине Юстыда. В ней рассмотрено более 70 керамических изделий (Кубарев, 1991, с. 54–64). В.Д. Кубарев уделил внимание типологическому анализу, распространению, назначению и источникам производства глиняных сосудов. Кроме того, были даны характеристики расписной керамики (Там же).

В 1992 г. опубликована монография, объединившая археологические материалы из раскопок курганов в бассейнах р. Барбургазы и Бутузун. Обнаружено более 60 глиняных изделий, около 40 из них сохранились целыми (Кубарев, 1992, с. 37–49). Исследователь следовал тому же алгоритму анализа, нашедшему отражение в предыдущих монографиях, при этом он расширил научный поиск при интерпретации зафиксированных находок.

В 2001 г. В.Д. Кубарев опубликовал статью, посвященную материалам, полученным при раскопках комплексов Бике-I и Бике-III на территории Нижней Катунь (Кубарев, 2001). Найденную глиняную

посуду, которая «...является стойким этнокультурным определителем», он разделил на две группы, которые проанализировал. Особое внимание было уделено сосудам с наклепными «ушками».

В 2007 г. вышла монография о курганах пазырыкской культуры, исследованных в бассейнах р. Чуи и Урсула (Кубарев, Шульга, 2007). В этом районе В.Д. Кубарев раскопал погребения на могильниках Балык-Соок-1, Балык-Соок-2, Боротал-1, Барбургазы-3, Кор-Кечу и др. Монография отличается от выше представленных работ В.Д. Кубарева – в ней по-другому рассматриваются найденные керамические изделия (Кубарев, Шульга, 2007, с. 58–62). Даются описания и аналогии нескольким глиняным сосудам особой формы, обнаруженным на могильнике Балык-Соок-1.

Исходя из материалов пазырыкской культуры, опубликованных В.Д. Кубаревым, можно заключить, что им введены в научный оборот и проанализированы более 200 глиняных сосудов.

Опыт изучения В.Д. Кубаревым керамики пазырыкской культуры

Как отмечено выше, в своих работах В.Д. Кубарев затрагивал проблемы классификации и типологии глиняных сосудов, технологию их производства, функции и значение в погребально-поминальной практике, а также рассматривал расписную посуду, изделия с «ушками» и др.

Классификация керамики. По форме и назначению В.Д. Кубарев разделил керамику из курганов долины Уландрыка на две категории: горшки и кувшины. Для кувшинов были выделены четыре типа (Кубарев, 1987, с. 42–45). В зависимости от формы и размеров 70 глиняных сосудов из курганов долины Юстыда В.Д. Кубарев также разделил в две группы: горшки и кувшины. Он описал четыре типа кувшинов и три типа горшков (Кубарев, 1991, с. 55–58). По тому же принципу В.Д. Кубарев разделил 44 сосуда из курганов, исследованных в долинах Барбургазы и Бугузун, на две категории: горшки и кувшины, выделив четыре типа горшков и два типа кувшинов (Кубарев, 1992, с. 38–41).

Функция керамических сосудов. Взгляды В.Д. Кубарева на функцию глиняных кувшинов менялись по мере их изучения. Первоначально он разделил глиняные кувшины на две категории: с широким и с узким горлышком. Опираясь на мнения специалистов, исследователь считал, что морфология кувшинов зависела от их практического применения: сосуды с широким горлышком использовались для хранения еды, а с узким – для напитков. Он отмечал, что глиняные кувшины нелегко перемещать, и кочевники могли их применять на зимних стоянках.

Глиняные кувшины, найденные в погребениях, по его мнению, использовались в повседневной жизни кочевников (Кубарев, 1991, с. 59). Когда В.Д. Кубарев обнаружил нагары на глиняной посуде в замерзшей могиле – это доказывало, что найденная керамика реально использовалась в хозяйственной деятельности (Кубарев, 1992, с. 48). Однако позднее он отмечал, что глиняные кувшины были специально созданы для похорон и имеют ритуальные или жертвенные функции (Кубарев, 2001, с. 127).

Происхождение глиняной посуды. В своей первой монографии В.Д. Кубарев указывал, что глиняные кувшины являются результатами тесных этнокультурных контактов на территории Юго-Восточного Алтая, Западной Монголии и Тувы. Маршрут и направления обмена не были определены, но они могли идти с юго-востока Центральной Азии, вероятно Восточный Сибиряк, запад Внутренней Монголии, Ганьсу и Цинхай (Кубарев, 1987, с. 46–47). Позднее исследователь обнаружил, что глиняные кувшины были распространены по всему Алтаю, а также на территории Верхней Оби и в бассейне р. Енисей, что затрудняло определение центра производства глиняных кувшинов в таком обширном регионе (Кубарев, 1991, с. 62). В курганах, раскопанных в долинах р. Барбургазы и Бугузун, обнаружены сосуды со сливом. В.Д. Кубарев считал, что такая глиняная посуда была редкой, но могла быть произведена местным населением как имитация бронзовых сосудов (Кубарев, 1992, с. 48). Найденный при раскопках могильника Балык-Соок-1 бочонковидный сосуд обнаруживает аналогии в основном в лесостепи Алтая, на памятниках каменной и быстринской культур, что указывает на его импортный характер (Кубарев, Шульга, 2007, с. 60–61).

Изготовление керамики. Посуда пазырыкской культуры – это керамика красного, желтого и черного цвета, имеющая различные примеси. Большая часть керамики представлена в обломках. В.Д. Кубарев считал, что в основном посуду пазырыкской культуры изготавливали на месте (Кубарев, 1991, с. 61) и вся она лепная (Кубарев, 1987, с. 42; 1991, с. 54; 1992, с. 38). На поверхности сосудов обычно имеются черные пятна – следы огня. Иногда цвет поверхности не соответствует цвету сломы. Например, внутренняя и внешняя поверхности сосуда – красные, а в цвет сломы – черный. Исследователь полагает, что керамика обжигалась на открытом огне, при этом разные части сосуда нагревались неравномерно (Кубарев, 1987, с. 48; 1992, с. 38).

Расписная керамика. Расписная керамика – особая категория посуды пазырыкской культуры, которая неуклонно привлекает внимание исследователей. В.Д. Кубарев всесторонне рассмотрел расписную

керамику и считал, что она производилась на месте. Основанием такого заключения стало то, что, по сравнению с соседней Монголией, Восточным Казахстаном и Тувой, расписная керамика пазырыкской культуры – наиболее ранняя и самая многочисленная (Кубарев, 1990, с. 190; 1992, с. 45–47). Он отметил, что криволинейный орнамент на расписной керамике представляет собой змею, олицетворяющую образ подземного мира, поэтому такая посуда представляет собой жертвенную утварь (Кубарев, 1990, с. 191). Многообразие узоров на расписной керамике по материалам из Юго-Восточного и Центрального Алтая В.Д. Кубарев разделил на три группы: 1) спирали или волотообразные завитки, горизонтальные зигзаги и зубцы (орнамент нанесен, как правило, в средней или пригорловой части сосуда); 2) змееподобные (волнистые или зигзагообразные) фигуры; 3) криволинейные фигуры, включающие в себя плавные изгибы, зигзаги, спирали, петли и т.п. (Кубарев, 1990, с. 187–189).

Керамика с «ушками». В.Д. Кубарев выделил два типа сосудов с «ушками»: 1) сосуды с двумя ушками – петлевидными маленькими «ручками», которые находились у края горла; 2) сосуды с расположенными на горле двумя отверстиями для подвешивания, которые усилены подковообразным налетом («ременная ручка»). Исследователь считал, что первый тип более ранний, чем второй. Керамика с «ушками» первого типа пришлая – она последовательно появлялась в Поволжье, Урале, Восточном Казахстане и Алтае. Второй тип – это местные традиции, широко распространенные в соседних регионах, за исключением Алтая. Такая традиция керамики с «ушками» восходит ко времени карасукской или даже более ранней андроновской культуры (Кубарев, 2001, с. 126–127).

В целом, В.Д. Кубарев открыл новый этап в изучении керамики пазырыкской культуры. До этого в основном выходили работы, в которых анализировалась посуда из раскопок отдельных могильников (см.: Сорокин, 1974; Могильников, 1983). В работах В.Д. Кубарева были рассмотрены более широкие аспекты изучения посуды пазырыкской культуры:

Список литературы

- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во ГЭ, 1950. – 92 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Расписная керамика скифского времени могильника Тыткескен VI со Средней Катунь // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. – С. 35–40.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – 292 с.: ил.

либо анализировалась керамика из определенного региона (например, из долин Уландрыка или Юстыда), либо рассматривался определенный тип, например расписная керамика.

Заключение

Исследования В.Д. Кубарева, несомненно, внесли существенный вклад в изучение керамики, являющейся важным источником для историко-археологических реконструкций. Он обобщил эти материалы, полученные в ходе раскопок в определенном районе Алтая, и определил новый подход их изучения. В.Д. Кубарев предложил свою классификацию, обратил внимание на технологию производства, как и рассмотрел многие более узкие проблемы. Современные исследования керамики пазырыкской культуры, бесспорно, опираются на опыт предшественников, которые сформировали общее направление в изучении этой категории материальной культуры. Кроме этого, появились новые перспективы и методы, раскрывающие большие возможности для всестороннего анализа керамики, включая применение естественно-научных методов для получения дополнительной информации о древней керамике. Важным также является сравнительный анализ керамики пазырыкской культуры с керамикой раннего железного века в Синьцзяне.

Постскриптум: Владимир Дмитриевич Кубарев – выдающийся советский и российский археолог, посвятивший всю свою жизнь археологическим раскопкам на Алтае (в России и Монголии) и академическим исследованиям. Самыми известными являются его достижения в области изучения памятников раннего железного века, наскальных изображений, «оленных» камней, тюркских каменных изваяний, гончарных обжиговых печей хуннского времени и каракольского феномена. Они позволили ему стать известным не только в России, но и также в Монголии, Германии, Китае, США, Японии, Южной Корее и других странах. В этом году исполняется 75 лет со дня рождения В.Д. Кубарева (Тишкин, 2020). Данная статья – дань уважения этому ученому.

- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – 234 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Кубарев В.Д.** Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 31–35.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д.** Бике-1, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – 2001. – № 7. – С. 120–145.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – 282 с.
- Мамадаков Ю.Т.** Сосуды с росписью с могильника Кырлык-II // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю.Ф. Кирушин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 101–104.
- Марсадалов Л.С.** Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III веков до н.э. // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 37–51.
- Миронов В.С.** Культура населения Средней Катунь в скифское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.
- Могильников В.А.** Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / Гл. ред. Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3–39.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.** Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф-принт, 2012. – 566 с.
- Му Ц.** Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 2 (30). – С. 138–147. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-10.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с. + СХХVI табл.
- Самашев З.** Берел. – Алматы: Таймас, 2011. – 236 с.
- Сорокин С.С.** Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – 1974. – Вып. 16. – С. 62–91.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1989. – 216 с.
- Тишкин А.А.** 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, археолога В.Д. Кубарева (1946–2011) // Алтайский край, 2021 г.: календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул: Акция-Информ-Плюс, 2020. – С. 148–149.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – 430 с.
- Шульга П.И.** Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 336 с.
- Хань Цзянье** [韩建业]. Сяньцинъ шици Аэртаи цзи иси дицой таоху дэ лайюань – цзяньлунь гуноуаньянь ицянь цзи хоубань Аэртаи цзи иси дицой хэ Иньшань – Тяньшань дицой дэ вэньхуа цзялюю [先秦时期阿尔泰及以西地区陶壶的来源—兼论公元前一千纪后半叶阿尔泰及以西地区和阴山—天山地区的文化交流]. Происхождение глиняных кувшинов Западного Алтая в доинский период: к дискуссии о культурных связях между Западным Алтаем и Иньшань-Тяньшанским регионом во второй половине первого тысячелетия до н.э. // Сиюй яньцзю [Исследования западных регионов [西域研究]]. – 2017. – № 2. – С. 37–47 (на кит. яз.)

Ts. Mu

Altai State University (Russia)

CONTRIBUTION OF V. D. KUBAREV TO THE STUDY OF CERAMIC WARE FROM THE MOUNDS OF THE PAZYRYK CULTURE

In this paper, V.D. Kubarev's scientific works are reviewed, including materials about ceramics of the Pazyryk culture. The given topic is conventionally divided into two parts. The first part, according to the time sequence, briefly reflects the information accumulation process in the process of archaeological excavation. For many years, V.D. Kubarev had carried out targeted and systemic research in Altai, which enabled him to form a large amount of data about the number of data the material and spiritual culture of the nomadic people in the Scythian-Saka time. Among these materials, clay

containers occupy a special position. Therefore, special attention has been paid to them in V.D. Kubarev's scientific works, which is reflected in the second part of the article. The results obtained, such as the classification of ceramic vessels, their location, features and manufacturing technology, are considered. Separate articles and sections in the monograph are devoted to painted ceramics and ceramics "with ears". The conclusion of the article is that when V.D. Kubarev studied the ceramic products of the Pazyryk culture, the modern possibility allowed us to continue such research.

KEYWORDS: *V.D. Kubarev, archaeological excavation, Pazyryk culture, Scythian-Saka period, pottery, classification, production of clay vessel, painted ceramic.*

А.А. Нурзат

Тувинский государственный университет (Россия)

А.Ч. АШАК-ООЛ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ ТУВЫ

Александр Александрович Блок в своих «Записных книжках» писал, что «Археолог – это человек или влюбленный, или поэт». Эти слова в полной мере характеризуют Андрея Чолдак-ооловича Ашак-оол (1960–2014) как влюбленного в свое дело археолога, ученого и краеведа Тувы. Он родился 29 июня 1960 г. в с. Ленинка Пий-Хемского р-на Республики Тыва в семье рабочих. В 1977 г. он поступил в Красноярский государственный педагогический институт на исторический факультет, который успешно окончил. Трудовую деятельность ученый начал в Краеведческом музее им. Алдан-Маадыр (ныне Национальный музей Республики Тыва) в 1981 г. Через год он был переведен на должность младшего научного сотрудника Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в секторе истории и этнографии, где получил уникальный опыт полевых работ в экспедициях под руководством этнографа В.П. Дьяконова.

Он продолжал свои научные исследования, несмотря на занимаемые ответственные должности в республиканских учреждениях в 1991–2000 гг. Особенно его интересовали вопросы истории древней Тувы, свидетельством этому – дипломная работа на тему: «История возникновения и развития земледелия в древности и средневековье в Туве». Сама работа была написана в 1981 г. под руководством д-ра ист. наук, проф. Геннадия Федоровича Быконя, а тема в дальнейшем стала исследованием всей его жизни.

С 2000 г. начинается его научно-преподавательская деятельность в Тувинском государственном университете на кафедре всеобщей истории, одновременно он не оставлял и свою активную научную исследовательскую работу. Участие в научно-практических конференциях преподавателей и аспирантов, разработка учебно-методических пособий по истории древней Тувы и краеведению, работа в архивах, а также руководство археологическими практиками студентов способствовали тому, что Андрей Чолдак-оолович завершил написание своей диссертации.

Несмотря на малоизученность и сложность темы исследования «Земледелие Тувы с древнейших времен до монгольского завоевания (с III тысячелетия до н.э. – по XIV в.)», он успешно защитил диссерта-

цию в 2005 г. под чутким руководством д-ра ист. наук, проф. Зои Юрьевны Доржу. Она отмечает в своей статье об А.Ч. Ашак-оол: «...проведение диссертационного исследования было хлопотным и нескорым, наша совместная работа шла не просто. В Андрее Чолдак-ооловиче совмещались такие на первый взгляд несовместимые качества, как мягкость и огромная трудоспособность, физическая выносливость, он был одержим своей работой, буквально жил своей темой, изучал все ее грани и готов был отстаивать каждую свою позицию, как это и пришлось делать на самом деле. Объект и предмет исследования вызывали не только интерес, но и вопросы, учитывая такой большой хронологический период. Оппоненты Г.Ф. Быконя и С.А. Угдыжеков отметили новаторство автора в области изучения истории земледелия скотоводческих племен на территории Тувы. Работа имела специфический характер, была выполнена с привлечением данных археологии, палеогеографии, этнографии и других научных дисциплин. <...> Это была защита в полном смысле этого слова, она была убедительной, прошла на высоком уровне» (Доржу, 2013, с. 9).

Действительно, сложность заключалась, во-первых, в теме диссертации, которая охватывала длительный исторический период с конца III тыс. до н.э. по XIV в. н.э. Во-вторых, в отсутствии глубоких исследований в области земледелия Тувы. Комплексное изучение истории земледелия древних и средневековых скотоводческих племен Тувы, сыгравшего существенную роль в их общественном развитии, определяется как основная цель диссертационного исследования ученого. Земледелие сыграло существенную роль в становлении и развитии «кочевой цивилизации», что также предопределяет актуальность исследования.

В ходе исследования Андреем Чолдак-ооловичем было выяснено, что поливное земледелие во все времена своего исторического развития являлось второстепенной отраслью кочевого скотоводства, которое всегда выступало ведущей ролью экстенсивно-пастбищного скотоводства и было подчинено кочевому образу жизни и быту кочевников. Однако поливное земледелие в общественной жизни племен Верхнего Енисея играло важную социально-экономическую роль. Занятие орошаемым земледелием,

наряду с другими формами природопользования, делало комплексное скотоводческое хозяйство более эффективным, устойчивым и гибким к колебаниям климата, последствиям конкретно-исторических событий.

В результате анализа материалов было установлено, что развитие поливного земледелия на территории Тувы непосредственно связано с климатическими изменениями в степях Западной Сибири и Центральной Азии. Интересно, что развитие и возрождение поливного земледелия на Верхнем Енисее имеет непосредственную связь с аридизацией климата в степях. С другой стороны, история поливного земледелия непосредственно связана и с этнической историей Тувы, которая была весьма сложной – частые войны и сложная политическая ситуация в степях отрицательно сказывались на развитии поливного земледелия. В целом, развитие поливного земледелия было динамичным и продуктивным для исторических предков тувинского народа. Оно сохранило в себе многовековой народный опыт в области агрономии и ирригации. Например, средневековое ирригационное земледелие по уровню развития агротехники и площади освоенных земель ничем не уступало хлебопашеству современной Тувы. В конце XIX – начале XX в. русские крестьяне-переселенцы, осваивая засушливые межгорные степи Урянхай, перенимали опыт ирригации у местных скотоводов-земледельцев. Даже в 1930–40-х гг. увеличение площадей орошаемых земель достигалось за счет восстановления русел древних и старых аратских каналов. Причем общая площадь земель с оросительной сетью до 1945 г. составляла 126 тыс. га, тогда как в 1980 г. она сократилась до 50,8 тыс. га, в том числе под пашней – 41,1 тыс. га. Это свидетельствует, что древняя кочевая земледельческая культура Тувы имела богатый исторический опыт, была экономически эффективной и разумной системой природопользования (Ашак-оол, 2005). Его исследования и диссертация стали важным вкладом в археологию и этнографию Тувы.

Он проводил ежегодные археологические практики студентов исторического факультета в различных местностях Тувы, где известны находки древних материалов: в окрестностях кургана Аржаан-2, в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища, в местности Вавилинский затон и др. Помимо этого ученый со студентами принимали активное участие в совместных проектах университета с РГО. Летом 2008 г. они были задействованы в уникальном проекте РГО по сохранению памятника культуры крепости Пор-Бажын на берегу оз. Тере-Холь в 8 км от населенного пункта Кунгуртуг. Это была широко-масштабная археологическая экспедиция, в которой

приняли участие известные российские ученые-археологи, а также более 100 ученых самых разных специальностей, волонтеры, студенты из разных уголков России. В 2011–2014 гг. стартовал международный проект РГО «Кызыл-Курагино» в зоне строительства железнодорожной магистрали в Республике Тыва. В нем участвовали свыше 500 российских и зарубежных археологов и более 2,5 тыс. волонтеров из разных стран. Среди них были и студенты исторического факультета вместе с Андреем Чолдак-ооловичем, который являлся руководителем группы.

Научные разработки ученого были реализованы на практике – на их основе создано учебно-методическое пособие «История земледелия древней Тувы (конец III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.)» для студентов исторического и сельскохозяйственного факультетов Тувинского государственного университета. Интересен был проект по теме: «Выявление, изучение и паспортизация средневековых и традиционных оросительных каналов тувинцев конца XIX – начала XX в. в долине реки Демир-Сут Улут-Хемского кожууна Республики Тыва», поддержанный РГНФ в 2010 г. Была открыта учебно-научная лаборатория «Археология, этнография и историческое краеведение» (Дыртык-оол, 2014, с. 82).

Одним из последних достижений ученого был университетский музей, основанный в 2009 г. на историческом факультете при учебно-научной Лаборатории археологии, этнографии и исторического краеведения. По предложению ректора университета С.О. Ондар в 2010 г. его статус был изменен – он стал общеуниверситетским музейным комплексом с филиалами на других факультетах. В результате поисковой работы лабораторией созданы библиотека музея, рукописный фонд, видео- и фотоматериалы по археологии и этнографии Тувы, артефакты уйгурской крепости Пор-Бажын, древние каменные орудия труда из местности Вавилинский затон и фрагменты керамики из окрестностей оз. Сватиково. В 2009 г. в рамках научного проекта «Памятники археологии и градостроительства г. Кызыла и его окрестностей» под руководством А.Ч. Ашак-оола были собраны сведения об археологических памятниках, находящихся в черте города, – могильниках скифского и тюркского периодов, петроглифах (Дыртык-оол, 2013, с. 170).

Как основатель и идейный вдохновитель, Андрей Чолдак-оолович проделал огромную работу в разработке концепций музея. На основе собранных материалов были созданы следующие экспозиции по истории Тувы: «Археология Тувы», «Шаманизм», «Материальная культура западных тувинцев», «Традиционный быт тувинцев-тоджинцев», «Аржаан-2».

В музее хранятся коллекции, скомплектованные археологическими экспедициями, – это фрагменты каменных плит с петроглифами (сборы Вл.А. Семёнова), орудия древнекаменного века (сборы А.Ч. Ашак-оола). Геолог и зоолог Тувы В.И. Забелин передал музею археологическую коллекцию ведущего научного сотрудника Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов геолога В.И. Кудрявцева: орудия труда из камня, фрагменты керамики скифского периода и др. Уникальные и неповторимые изделия, изготовленные по старинным технологиям и характеризующие материальную культуру тоджинцев-оленеводов, были приобретены от тувинского охотника С.М. Арандола (Дыртык-оол, 2013, с. 171).

Таким образом, Андрей Чолдак-оолович внес значимый вклад в археологию Тувы, впервые изучил и определил ключевую роль земледелия в хозяйстве древних и средневековых кочевых племен Тувы, имевшую существенное значение в их развитии. Он мечтал о том, чтобы в исследованиях принимали участие студенты Тувинского государственного университета. С этой целью он неоднократно выезжал в ведущие университеты Сибири, устанавливал научные связи с отечественными учеными. Результа-

том его кропотливой работы является введение профиля «археология» на историческом факультете и объединение двух кафедр в одну, которая теперь называется «Всеобщая история и археология» (Дыртык-оол, 2014, с. 82).

Также хочу отметить особую роль ученого в становлении и развитии музейного дела в университете, целью которого является сохранение и популяризация историко-культурного наследия тувинцев, а также реализация учебно-образовательных, научно-исследовательских, культурно-просветительных и воспитательных проектов. Для студентов исторического факультета Тувинского государственного университета он был профессионалом своего дела, делился с ними археологическим опытом, преподавал качественные знания по археологии и этнографии Тувы, был наставником и талантливым педагогом. Для своей семьи был и остается самым лучшим сыном, мужем, отцом и дедушкой.

Его труд был отмечен при жизни множеством наград, благодарностями, почетными грамотами Республики Тыва и Российской Федерации. Самая главная награда – это память о нем и его делах. Светлая память ученому, краеведу, археологу Тувы Андрею Чолдак-ооловичу Ашак-оол.

Список литературы

Ашак-оол А.Ч. Земледелие Тувы с др. времен до монгольского завоевания (с конца III тыс. до н.э. – по XIV в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2005. – 22 с.

Доржу З.Ю. Ученый, педагог, патриот Тувы // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 1. – С. 7–12.

Дыртык-оол А.О. Становление музея «История и материальная культура народов Центральной Азии» Тувинского государственного университета и его перспективы // Вестник ТомГУ. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 170–173.

Дыртык-оол А.О. Андрей Чолдак-оолович Ашак-оол (1960–2014) // Люди и события Тувы: календарь-хронограф 2015. – Кызыл, 2014. – С. 81–83.

А.А. Nurzat

Tuvan State University (Russia)

A.CH. ASHAK-OOL AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF TUVAN ARCHAEOLOGY

The article is devoted to the scientist, ethnographer, Candidate of Historical Sciences Andrey Choldak-Oolovich Ashak-Ool and his life path as an archaeologist. The work provides a brief analysis of the thesis research on the topic: “Agriculture of Tuva from ancient times to the Mongol conquest (from the 3rd millennium BC – 14th century)”, which is one of the most important studies on agriculture in Tuva. The research and scientific-pedagogical activity of the scientist at Tuvan State Univer-

sity is also described. The author of the article notes the enormous contribution of Andrey Choldak-Oolovich to the development of archeology and ethnography of Tuva, highlights the special role of the local historian in the formation and development of museum work at the university, the brilliant leadership of students' archaeological practices and active participation in various joint projects of the university with the Russian Geographical Society.

KEYWORDS: *Andrey Choldak-Oolovich Ashak-Ool, Tuva, archaeology and ethnography, scientific-pedagogical activity, museum work at the university, Russian Geographical Society.*

В.Н. Тугужекова

Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН (Россия)

ВКЛАД ВИТАЛИЯ ЕПИФАНОВИЧА ЛАРИЧЕВА В ИЗУЧЕНИЕ ХАКАСИИ

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие»

В сентябре 2018 г. сотрудники ХакНИИЯЛИ провели научную конференцию, посвященную 85-летию со дня рождения востоковеда, археолога, доктора исторических наук В.Е. Ларичева. В представленных докладах особое внимание было уделено его научному наследию, особенно работам в Хакасии (Материалы..., 2018, с. 4–33).

Хакасия – уникальный регион Северной Азии по концентрации древних памятников, среди которых Сундуки можно отнести к сакральному центру Северной Хакасии (см.: Ларичев, 2009, с. 73–74). Именно северу Хакасии, предгорьям Кузнецкого Алатау посвятил более 40 лет своей жизни В.Е. Ларичев. Его ученик С.В. Алкин отметил, что север Хакасии стал местом интенсивного научного поиска археолога: здесь, на берегах Белого Июса, в полной мере раскрылся потенциал исследователя. Образ реки Времени пронизывает все творчество В.Е. Ларичева. Одним из его символов стали Сундуки на Белом Июсе (см.: Алкин, 2016, с. 14). Обратимся к отдельным вехам биографии ученого.

После окончания школы В.Е. Ларичев поступил в Ленинградский государственный университет на восточный факультет, где специализировался на кафедре «История Дальнего Востока» в группе «История Китая» (Комиссаров и др., 2012). Учеба в университете и академическая среда сформировали у молодого Ларичева необычайную общеисторическую широкую эрудицию и глубочайшие знания. Знакомство с известным археологом и будущим академиком А.П. Окладниковым определило его научные интересы. В 1955 г. после окончания вуза он был распределен во Владивосток, в Отдел истории Дальневосточного филиала СО АН СССР на должность лаборанта. Далее – учеба в Институте истории материальной культуры Ленинградского отделения АН СССР (с 1959 г. – ЛОИА АН СССР), где он окупился в изучение древностей России, Китая, Японии, Кореи. Плодом его исканий стал труд «Древние культуры Северо-Восточного Китая», защищенный в 1960 г. в качестве кандидатской диссертации. Позднее в своей докторской диссертации «Палеолит Се-

верной, Центральной и Восточной Азии: формирование основ современных представлений о палеолите Азии», над которой ученый трудился 11 лет, он не только создал концепцию «азиатской» археологии, но и обозначил вехи, по которым должна развиваться эта область науки. Но Виталия Епифановича волновали не только китайские древности. Его страстью оставалась «тайна каменных черепах», несущих стелы с эпитафиями, обнаруженных первопроходцами И.А. Лопатиным и П. Кафаровым вблизи с. Никольское (ныне г. Уссурийск) и раскопанных Ф.Ф. Буссе (Ларичев, 1966).

Первые два десятилетия своей деятельности Ларичев вел исследования в рамках традиционной археологии – принимал участие в полевых экспедиционных исследованиях на территории Приморья, Приамурья (раскопки поселений Осиповка и Кондон; копирование Архаринской писаницы), в Амурской области (разведывательные работы по Амуру и Зее), в Забайкалье (разведывательные работы в долинах Ингоды и Шилки, а также на севере Читинской области) и Прибайкалье (раскопки неолитических поселений и могильников в районе Свирска и Рютино), в Красноярском крае (раскопки Ачинского поселения), в Хакасии (раскопки поселения Малая Сья), в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии и на Алеутских островах (Первая русско-американская археологическая экспедиция 1974 г.).

Востоковедные исследования в СО РАН велись с момента его образования (1957 г.), но именно Ларичев и возглавляемый им сектор Истории и археологии стран зарубежного Востока придали этому направлению новый импульс. На юбилейной конференции в 2002 г., посвященной 70-летию В.Е. Ларичева и 30-летию возглавляемого им сектора, академик А.П. Деревянко обозначил достижения и перспективы развития сектора (Деревянко, 2002).

С 1972 г. – с первого года возобновления издания в КНР археологической периодики – библиотека Института истории, филологии и философии СО РАН получала все центральные и многие местные журна-

лы. Параллельно собирались и японские периодические издания по археологии. За счет такой продуманной политики библиотека (рук. З.В. Бородина), начавшись практически с нуля, имеет сейчас одно из лучших в России собраний сочинений литературы по древним культурам Восточной Азии. В результате за прошедшие годы сотрудниками сектора было издано более пяти десятков книги и сборников статей по указанной тематике (Там же). Общая библиография научных и научно-популярных публикаций содержит свыше 1500 наименований.

В секторе Ларичевым был создан Северохакасский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции для изучения древних памятников Северной Хакасии в долинах рек Белый и Черный Июс.

Именно Хакасия сделала в судьбе научного поиска Виталия Епифановича новый поворот – началась его астроархеологическая эпопея. Работы в Хакасии начались с раскопок Ачинской стоянки (1972). Ларичев вспоминал: «По настоящему судьбоносным считаю редкостную удачу раскопок Ачинской стоянки в начале 1970-х гг. Древность памятника восходит к 19 тыс. лет от наших дней. В пределах его удалось обнаружить загадочного назначения сооружение из костей вымерших животных, очаги, которые отапливались каменным углем (!) и, главное, – предмет искусства, изготовленный из бивня мамонта, жреческий "жезл", "украшенный" двумя спиральными лентами. Они заключали в себе более тысяч луночек, числовых знаков, образующих остроумную арифметическую систему счисления времени лунными трехлетиями. С тех пор я стал представителем "неформальной археологии", "непопулярной научной традиции", которую неудобный для авторитетов основатель ее, князь Павел Арсентьевич Путятин, назвал в середине 80-х гг. XIX в. астроархеологией или, в ином варианте, космической археологией» (Плотников, 2013, 8 августа; Тугужекова, 2018, с. 5).

Затем – раскопки поселения Малая Сья (1976–1979 гг.). Об этих раскопках со слов Ларичева: «"Звездный час", правда шумно скандальный, связанный с открытиями в этой сфере, пришелся на конец 70-х гг. прошлого века, когда я начал раскопки поселения Малая Сья в Северной Хакасии. Они неожиданно для всех удревнили начало освоения Сибири Homo sapiens примерно на 10 тыс. лет, чем предполагалось прежде (событие это вышло за пределы 30 тыс. лет!), а сама культура весьма озадачила очевидной, кажется, невероятностью – наличием своеобразных из камня предметов искусства. Обнаружение таковых не предполагалось в Сибири, как считалось, медвежье глухой периферии расселения

"людей разумных" Евразии. Возбудившая негодование авторитетов хронология памятников, а в особенности – нетривиальная интерпретация образов древнейшего в Азии искусства дорогого стоили мне. Раскопки Малой Сьи были насильственно прерваны, памятник и материалы его скомпрометированы, и у меня нет никакого желания вдаваться в детали научной драмы хотя бы потому, что теперь такого же возраста стоянки стали известны в других регионах Сибири, а при раскопках их тоже удалось обнаружить предметы искусства» (Плотников, 2013, 8 августа).

Именно Малая Сья подтолкнула Ларичева к дальнейшему изучению долины реки Белый Июс, образующих уникальную Июсскую котловину, с прилегающими предгорьями Кузнецкого Алатау, над которыми возвышается горная гряда – Сундуки. Над ними возвышается Первый Сундук. Издалека похожий на корабль пришельцев, птицу, а ближе – Сундук, хранящий древние знания. В.Е. Ларичев считал, что древние жрецы эту живописную возвышенность Сундуки воспринимали в качестве земной ипостаси Мировой горы. Эта гора и прилегающие к ней территории превращались в сакральное место. Оно обустроивалось в строгом согласии с религиозно-культурными канонами жречества (Ларичев, 2009, с. 74).

Дальнейшее исследование этой котловины показало, что такого же величия объекты рассредоточились и в ближайших окрестностях Сундуков, четко очерчивая по периметру границы всей заболоченной котловины поселков Июс, Малое Кобежиково, Фыркал, Кобяково, Соленоозерное, Черноозерное и Подлиственки.

В новой области исследования – астроархеологии Виталий Епифанович привлекал астрономов, геодезистов, математиков. Так, в 1984 г. по приглашению В.Е. Ларичева в экспедиции участвовали преподаватели НИИГАиК (Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, сейчас СГГА, Сибирская государственная геодезическая академия) Г.С. Шептунов, В.Н. Комиссаров, Г.Ф. Серкин во главе с В.А. Меркушевым – зав. кафедрой астрономии и гравиметрии.

С 1985 г. начались работы по астрономогеодезическому обследованию пятого Сундука. Группа студентов НИИГАиК под руководством В.Н. Комиссарова выполнила детальную топографическую съемку всех обнаруженных объектов. Г.Ф. Серкин выполнил определение опорного астрономического азимута по наблюдению Полярной звезды и Солнца, а затем панорамы дальнего горизонта с определением астрономических азимутов всех точек от юго-востока до северо-запада. При этом было отмечено, что все астрономически значимые события:

восход зимнего солнца и его закат, а также заход летнего солнца – хорошо привязываются к заметным объектам на горизонте. Район исследований расширялся: выполнялись работы на первом Сундуке, затем были вылазки на Белую Лошадь и на могильник в районе с. Копьево. В 1989 г. в связи с большой загруженностью по основной работе Г.Ф. Серкин передал свои обязанности Г.С. Шептунову, а после его безвременной кончины этот труд взяла на себя Е.Г. Гиенко (с 2003 г.). С 1997 по 2013 г. в экспедиции выезжал Д.А. Севостьянов, врач и фотограф, по совместительству исследователь петроглифов и повар. С 2005 г. активное участие в исследованиях и их организации принимал С.А. Паршиков. Кроме археологов, астрономов и геодезистов, в экспедициях работали художники, фотографы, специалисты по лазерному сканированию и студенты-практиканты. Много разных людей собиралось в гостеприимном экспедиционном лагере – посмотреть, пообщаться, поучиться... Приезжали и работали в лагере добровольные помощники, для которых было важно общение с Виталием Епифановичем и интересны окружающие места. Так начиналась сибирская астроархеология (см.: Тугужекова, 2018, с. 7).

При обследовании горных массивов в округе первого Сундука в 1986 г. Ларичев на склоне горы Солбон обнаружил неолитическое святилище, названное «Белая Лошадь». Это святилище так занимало Виталия Епифановича, что он посетил его в зимнее солнцестояние (по предварительным астрономическим расчетам, от Белой Лошади над первым Сундуком должен был наблюдаться восход зимнего солнца). Темным ранним и морозным утром, через сугробы по пояс, Виталий Епифанович пробрался по полочке к рисунку. Говорил, что больше всего боялся, что погода испортится. Но ему повезло, проверка гипотезы опытным путем состоялась. Кроме того, возможно, он почувствовал ощущение древнего человека, изобразившего эту белую лошадь (Гиенко, Серкин, 2014, с. 139).

В 1992 г. вышла книга ученого, посвященная этому святилищу в Хакасии (Ларичев, 1992). Ларичев предполагал, что Белая Лошадь была для жрецов настоящей астрономической обсерваторией. Зодиакальный пояс, в пределах которого двигались на определенном расстоянии от Земли и друг от друга Солнце, Луна и планеты, представляло собой главное структурное звено в той картине мироздания, которую воссоздало палеолитическое жречество. Святилище Белая Лошадь представляло лишь одно звено в сложной сети астропунктов, с которых в долине Белого Июса эпохи палеолита велись наб-

людения за небом. Возраст этого святилища от 18 до 32 тыс. лет (Там же, с. 89, 91).

О своих особо приятных достижениях в долине Белого Июса исследователь говорил: «Я бы упомянул открытие в Хакасии скального храма раннего железного века с многофигурными картинами героического эпоса» (Плотников, 2013, 8 августа). Этот уникальный памятник В.Е. Ларичев открыл у подножия четвертого Сундука, на несколько веков удревнив истоки богатырских сказаний сибирских народов. Ларичев по наскальным рисункам воссоздал целый героический эпос, повествовавший о герое-богатыре, который совершал подвиги. Сказ начинался, как и полагается по канонам героического эпоса народов мира, с трагической сцены убийства отца будущего богатыря врагами. Его же самого, еще ребенка, спасла от смерти мать, которой удалось бежать от преследующего ее воина – чужеземца. Последующие «картины» рассказывали, как хрупкий и почти безоружный подросток победил могучего богатыря, за что благодарные соплеменники в лице глубокого старца вручили ему традиционные атрибуты народного героя-освободителя – лук, кинжалы и, очевидно, шлем. Финальная сцена из жизни богатыря тем не менее печальна. Он, предприняв рискованное путешествие в дальние края, холодные и засыпанные снегом, попал с товарищами в засаду и погиб. Однако на этом приключения эпического героя не закончились. «Картины» нижнего уровня писаницы святилища рассказывают о том, как он, оказавшись после смерти в преисподней, с честью, достойной настоящего воителя, преодолевал одно за другим препятствия мира чудовищ, устрашающих духов и великих божеств края смерти и мрака. В конечном счете ему удалось вырваться из хоровода человекообразных существ и выйти из преисподней в полном рыцарском облачении, готовым на новые подвиги (Ларичев, 2006, 3 марта).

В пределах первого Сундука за годы его изучения обнаружено и исследовано множество астроархеологических памятников, предназначенных для отслеживания Солнца, Луны и других планет, общему обзору которых посвящена отдельная работа ученого и его соратников (Ларичев и др., 2009). Первый Сундук представлял собой в древности грандиозный комплекс отслеживания небесных явлений в течение всего года и мифологически оценивался в качестве Мировой горы (Там же, с. 88).

В августе 2008 г. в Хакасии впервые в Сибири был проведен полевой семинар «Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Ха-

касии» по инициативе и под руководством В.Е. Ларичева. В данном мероприятии участвовали ведущие астроархеологи России Т.М. Потёмкина, В.Е. Ларичев, Л.С. Марсадолов, Е.А. Окладникова и др.

Экспедиция В.Е. Ларичева, на протяжении долгих лет работавшая на гряде Сундуки, постепенно уходила на запад. В 2005 г. обнаружен памятник, названный Ларичевым «храм "Сотворение мироздания"», расшифровка которого потребовала несколько лет. На прикрытых сакральным козырьком каменных плоскостях храма «Сотворения мироздания» развернута композиция рисунков, составляющих по смыслу уникальную в художественном смысле иллюстрацию хорошо известного в индоевропейской космогонической мифологии сюжета о чудесном сотворении из яйца, плавающего в первозданном Мировом океане, творца Вселенной, управляющего материализованным его усилиями Миром. Как считал Виталий Епифанович, информации, заложенной в данной композиции, хватит для написания целой книги (популярное изложение см.: Ларичев, 2005, 2 сентября; 2006, 19 октября). В частности, свою статью, в которой представлен краткий экскурс по святилищам в Сундуках от «Мировой горы» до храма «Сотворения мироздания», он завершил следующими словами: «Египетские пирамиды всегда были синонимом великих достижений предков в становлении протонаук и духовных канон. Сибирские Сундуки, сотворенные Природой и чрезвычайно остроумно, особенно без больших уси-

лий обустроенные древними людьми, заслуживают не меньшего почитания. Первобытный человек азиатского Севера сделал это задолго до появления на берегах Нила рукотворных феноменов во мраке полутора десятков тысячелетий древнекаменного века, когда в котловине Июса бродили мамонты и шерстистые носороги» (Ларичев, 2007, с. 113).

Последние годы экспедиция В.Е. Ларичева вела исследования на Саратовском Сундуке. Виталий Епифанович планировал подготовить монографию по Саратовскому святилищу, но не успел. Его команда продолжает эту работу. Уже после смерти В.Е. Ларичева издана статья «Тень Бога и иконография Зурвана» (Ларичев и др., 2015).

В течение более 40 лет В.Е. Ларичев был руководителем полевых экспедиций в Северной Хакасии, где на относительно небольшом участке в долине р. Белый Июс (20×30 км) сосредоточено множество памятников разных эпох. Одной из основных задач исследований было выявление «астрономических аспектов» в древности – того, как в сообществах воспринимали мир, структурировали его и объясняли его происхождение, как исчисляли время и наблюдали небесную механику (см. Тутужекова, 2018, с. 10).

Благодаря исследованиям В.Е. Ларичева Северную Хакасию можно рассматривать как древний жреческий центр Евразийского пространства, а уникальную Июсскую долину необходимо продолжать изучать и сохранить для потомков.

Список литературы

- Алкин С.В.** Реки времени в научном поиске В.Е. Ларичева на территории Северной Хакасии // *Астрономические методы исследований астроархеологических объектов горной гряды «Сундуки» и других исторических объектов: Мат-лы Всерос. полевого семинара.* – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. – С. 14–15.
- Гиенко Е.Г., Серкин Г.Ф.** В память о В.Е. Ларичеве. Астроархеологические изыскания в Северной Хакасии // *Archeoastronomy and Ancient Technologies.* – 2014. – 2 (1). – С. 134–156.
- Деревянко А.П.** Сектору истории и археологии стран зарубежного Востока – 30 лет. Достижения прошлого и перспективы настоящего // *История и культура Востока Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.).* – Новосибирск, 2002. – Т. 1. – С. 11–14.
- Комиссаров С.А., Алкин С.В., Пиков Г.Г., Делидчик А.Е.** Ad astra. К 80-летию со дня рождения доктора исторических наук В.Е. Ларичева, действительного члена РАЕН, Заслуженного работника науки РФ // *Вестник НГУ. Серия: История, филология.* – 2012. – Т. 11. – Вып. 4: Востоковедение. – С. 219–224.

- Ларичев В.** Тайна каменной черепахи (Документальная повесть об одном археологическом поиске). – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1966. – 254 с.
- Ларичев В.Е.** «Белая лошадь» – святилище древнекаменного века Хакасии. – Новосибирск, 1992. – 100 с.
- Ларичев В.** Храм «Сотворения мироздания» // *Наука в Сибири.* – 2005. – № 34 (2520). – 2 сентября.
- Ларичев В.** Древнейший богатырский эпос Сибири // *Наука в Сибири.* – 2006. – № 9 (2534). – 3 марта.
- Ларичев В.** «И ступил он на звездную твердь» // *Наука в Сибири.* – 2006. – № 41 (2576). – 19 октября.
- Ларичев В.Е.** Священный трактат, исполненный в камне // *Восточная коллекция.* – 2007. – № 3. – С. 110–116.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Проконьева С.А., Серкин Г.Ф.** «Сундуки» – великий сакральный Центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творением природы) // *Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. История и культура Востока Азии / В.Е. Ларичев и др. / Отв. ред. В.Е. Ларичев.* – Красноярск: Город, 2009. – С. 73–91. (История и культура Востока).

Ларичев В.Е., Паршиков С.А., Гиенко Е.Г. Тень Бога и иконографии Зурвана // *Archeoastronomy and Ancient Technologies*. – 2015. – 3 (2). – С. 1–22.

Материалы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящ. 85-летию со дня рожд. востоковеда, археолога, д-ра ист. наук Виталия Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.) / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2018. – 130 с.

Плотников Ю. Исповедь путешественника во времени (интервью с В.Е. Ларичевым) // *Наука в Сибири*. – 2013. – № 30–31 (2915–2916). – 8 августа.

Тугужекова В.Н. Виталий Епифанович Ларичев (к 85-летию юбилею доктора исторических наук, востоковеда, археолога, астроархеолога) // *Мат-лы V* Междунар. науч. конф. «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвящ. 85-летию со дня рожд. востоковеда, археолога, д-ра ист. наук Виталий Епифановича Ларичева (27–28 сентября 2018 г.) / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2018. – С. 4–11.

V.N. Tuguzhekova

The South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

VITALY EPIFANOVICH LARICHEV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF KHAKASSIA

For more than forty years, V.E. Larichev was the leader of summer expeditions in northern Khakassia, where a relatively small area in the valley of the Belyi Ius River (20 and 30 km) contains a lot of ancient cultural sites of different times. The main task of the research was to identify the “astronomical aspects” of ancient cultures – how the ancestors perceived the world, structured it and explained its origin; how they calculated time and

lived in accordance with the movement of the stars. The ancient people (priests) paid great attention to celestial mechanics. They calculated the movement of the planets, could predict solar and lunar eclipses, which gave them great power over their fellow tribesmen. Thanks to the research of V.E. Larichev, northern Khakassia is an ancient priestly center of the Eurasian space. This unique valley should be studied and preserved for posterity.

KEYWORDS: *Khakassia, V.E. Larichev, personality in science, archaeoastronomy, astroarcheology.*

Эпоха камня

С.А. Васильев¹, В.С. Зубков²

¹ *Институт истории материальной культуры РАН (Россия)*

² *Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Россия)*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ХАКАСИИ: МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде»

Введение

Цель доклада – дать общую характеристику известных на территории Хакасии палеолитических памятников в плане географического распределения, хронологической позиции и культурной принадлежности. Хотя первые сведения о наличии древнекаменного века в Хакасии относятся к XIX в. (описанные И.Т. Савенковым находки с р. Узунжул и горы Изых), в течение долгого времени палеолитические древности изучались периодически. Упомянем открытие С.А. Теплоуховым и В.И. Громовым стоянок на р. Таштык в 1924–1925 гг., сборы Э.Р. Рыгдылона в долине Абакана в 1945–1949 гг. Стоит отметить также раскопки А.Н. Липским в 1958 г. ямки-кладовочки у Соснового Озера в Койбалльской степи.

Основные достижения в деле изучения древнейшего прошлого Хакасии связаны с деятельностью новостроечных экспедиций на водохранилищах енисейского каскада ГЭС, прежде всего с раскопками З.А. Абрамовой в 1960–1967 гг. группы стоянок у р. Таштык. З.А. Абрамова провела рекогносцировки на Левобережье Енисея и в долине Абакана. Разведки на берегах Красноярского водохранилища успешно продолжил Н.Ф. Лисицын, открывший стоянки Афанасьева Гора, Сабаниха и др. Ю.С. Худяковым и Н.Ф. Лисицыным была проведена большая работа по обследованию палеолитических местонахождений в Койбалльской степи и долине Абакана. В 1974–1979 гг. З.А. Абрамова руководила раскопками в гроте Двуглазка, где были обнаружены средне- и верхнепалеолитические остатки. В 1974 г. Н.Д. Оводовым в предгорьях Кузнецкого Алатау открыта стоянка Малая Сья, раскопки которой начиная с 1976 г. вел В.Е. Ларичев, а позднее Ю.П. Холюшкин. На Верх-

нем Енисее с 1971 г. С.Н. Астахов начал изучать палеолитические стоянки в районе Саяногорска (Означенное I) и в Саянском каньоне Енисея на месте будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС (Кантегир, Джой). Эти работы были продолжены С.А. Васильевым, открывшим и исследовавшим в 1980–1991 гг. группу позднепалеолитических стоянок близ Майнской ГЭС (Майнинская, Уй I и II, Майнский Лесозавод I).

После перерыва в 1990-е гг. изучение древнейшего прошлого Хакасии возобновилось. В 2000 г. небольшие работы в гроте Двуглазка провел К. Тернер. С 2001 г. В.С. Зубков начал планомерное обследование юго-запада республики, где в долинах рек Абакан, Таштып, Джебаш, Большие и Малые Арбаты найдены палеолитические местонахождения (краткую историю изучения каменного века в Хакасии см.: Готлиб и др., 2014). В 2013 г. были возобновлены раскопки Малой Сьи, в 2016 г. обследовалась стоянка Сабаниха. Наконец, с 2017 г. на Абакане в районе Усть-Соса–Маткечика начала работу группа российских и китайских археологов во главе с Н.И. Дроздовым, а в 2020 г. В.М. Харевичем проведены новые раскопки на Сабанихе.

Долина Енисея в пределах Западного Саяна

Самая южная в пределах территории Хакасии палеолитическая стоянка располагалась до затопления водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС в устье р. Кантегир. Памятник был приурочен к отложениям II террасы. 1-й слой стоянки, связанный с погребенной почвой, залегающей в покровных супесях, относится к финалу плейстоцена. Ниже, в слоистых

аллювиальных супесях, были открыты остатки 2–5-го культурных слоев. Нижние культурные слои могут быть сопоставлены со слоями 4-й и 5-й Майнинской стоянки, а 1-й слой относится к финалу плейстоцена. Фауна: сибирский козерог, бизон, благородный олень, есть также кости рыб. В культурных слоях были расчищены очаги и скопления расщепленного камня. Находки близки по облику материалам Майнинской стоянки и относятся к афонтовской культуре. Сходные индустрии зафиксированы в переотложенном состоянии в толще второй террасы на пункте Джой, а также в покровных отложениях этого террасового уровня (Майнинский Лесозавод I и II, Большой Карак и др. – см.: Астахов, 1986; Васильев, 1996).

Среди памятников майнской группы, расположенных близ устья р. Уй, наиболее древним является комплекс нижнего культурного слоя стоянки Уй I, связанный с аллювиальными отложениями 23–25 м террасового уровня. Фаунистический комплекс характеризуется преобладанием остатков кулана, бизона и сибирского козерога. Получена датировка по древесному углю более 22 тыс. лет, которая оказалась древнее, чем серия дат по кости 16–17 тыс. лет. Вероятен раннесартанский возраст памятника. В слое расчищены скопления камней, которые можно интерпретировать как основания столбовой конструкции. Интерес представляет очаг в своеобразном «каменном ящике». Встречен необычный объект – конструкция из ребер животных, вбитых вертикально или под углом, скорее всего остатки приспособления для закрепления шкур при обработке. Коллекция памятника включает конусовидные, призматические и клиновидные нуклеусы, скребки на пластинах и отщепках, ретушированные пластинки и отщепы, а также клык-подвеску, роговой наконечник, острия и оригинальное орудие из обломка трубчатой кости.

Основной памятник палеолита района – Майнинская стоянка. Западная часть стоянки дислоцирована на III (25–27 м) террасе. В разрезе под неолитическими остатками вскрыта покровная толща отложений с культурными слоями А–1–3 возрастом 11,7–12,1 тыс. лет, что указывает на обитание стоянки в конце плейстоцена, а возраст слоя Б оценивается примерно в 15 тыс. лет. Интересно планиграфическое разделение площади верхних (А–1–3) культурных слоев на южную часть с очагами (в слое А–3 открыты остатки жилого комплекса) и многочисленными костными остатками и северную, представлявшую собой специализированную мастерскую по расщеплению камня.

Нижняя (восточная) часть памятника была связана со II (16–18 м) террасой и содержала серию позднепалеолитических культурных слоев, залегающих в покровной части колонки (0 и 1) и подстилающих

аллювиальных песках и супесях (слои 2–1, 2–2, 2–3, 2–4, 2–5, 3, 3а, 3б, 4, 5, 6, 7, 8, 9). Фауна включает остатки преимущественно сибирского козерога, бизона и благородного оленя, со временем доля бизона в составе фауны уменьшается. Радиоуглеродные даты по слоям с 5-го по 1-й в основном лежат в интервале от 16 до 12 тыс. лет. В ходе раскопок исследовано большое число структур обитания в виде скоплений расщепленного камня и очагов, в том числе с каменными обкладками. В 3-м слое расчищено скопление из 10 отборных орудий, которое может расцениваться как клад палеолитического мастера.

Обширная коллекция изделий из камня позволяет проследить ступени эволюции афонтовской культуры на Верхнем Енисее. Среди находок преобладали одно- и двуплощадочные дисковидные, плоские леваллуазские ядрища, клиновидные и торцовые микронуклеусы. Есть также кельтовидные, призматические, цилиндрические нуклеусы. Основные классы орудий – скребла, скребки на отщепках и долотовидные изделия. Имеются отщепы с ретушью, ретушированные пластины, зубчато-выемчатые орудия, пластинки с притупленным краем, резцы. Встречены остроконечники, проколки, чопперы, комбинированные изделия, своеобразные дисковидные орудия и лимас. Стоянка доставила серию костяных и роговых наконечников с одним и двумя пазами и беспазовых, лопатки, костяные острия с головкой, роговые молоток и рукоятку. Особую значимость памятнику придает открытие в 5-м культурном слое уникальной антропоморфной статуэтки – единственного произведения глиняной пластики палеолитического возраста в нашей стране.

Прямо напротив Майнинской стоянки находилась другая многослойная стоянка – стоянка Уй II. Здесь в разрезе II террасы под голоценовой пачкой отложений с поздними культурными слоями залежали слоистые аллювиальные пески, включавшие палеолитические слои 2, 3, 3а, 4, 5, 6 и 7. Эти напластования перекрывали галечник с остатками 8-го культурного слоя. Судя по сопоставлению разрезов, стоянка Уй II в плейстоцене образовывала единое целое с нижним уровнем Майнинской стоянки, ныне отделенной от нее устьем р. Уй. Фаунистические остатки характеризуются преобладанием костей благородного оленя, есть также бизон, кулан, заяц и др. Серии радиоуглеродных определений указывают на позднесартанский возраст культурных слоев с 7-го по 2-й (13–14 тыс. лет).

Наиболее древний 8-й культурный слой представлял собой следы мастерской по первичному расщеплению подбирившихся на месте галек. В вышележащих слоях памятника исследованы многочисленные очаги, в том числе с каменными обкладками. В 7-м культурном слое изучен сложный комплекс,

состоявший из двух окруженных камнями структур и двух внешних очагов. Объекты можно интерпретировать как остатки жилища и легкого навеса. Другой жилой комплекс исследован во 2-м культурном слое памятника. Индустрия стоянки аналогична Майнинской. Стоит отметить серию бус из окаменелостей и подвеску из шлифованного сланца. Во 2-м слое встречена расколота на две части зернотерка и курант (Васильев, 1996; Васильев и др., 2005).

Непосредственно на северном склоне гор Западного Саяна на стыке с Койбальской степью располагалась стоянка Означенное I, связанная с толщей суглинков на склоне 30–35 м террасы. В составе фауны преобладал северный олень. Культурный слой с немногочисленными артефактами датирован по кости временем 14–15 тыс. лет (Астахов, 1986).

Койбальская степь

Близ Саяногорска на 8–10 м террасе располагалось местонахождение Аэродром; собранная здесь коллекция каменного инвентаря полностью соответствует параметрам афонтовской культуры (Астахов, 1986).

В центре Койбальской степи, на берегу Соснового Озера А.Н. Липским был исследован интересный объект. Под песчаниковой плитой в квадратной ямке обнаружился клад, содержащий восемь роговых наконечников и 10 изделий из камня (скребла, отщепы), а также пять фрагментов костей лошади, вероятно заготовок для производства орудий. Поблизости были открыты местонахождения финального палеолита (Сосновое Озеро I–IV), где на выдувах каменные орудия встречались вместе с фауной лошади, кулана, косули (Лисицын, Худяков, 1997). Возможно, плейстоценовый возраст имеют другие местонахождения, расположенные в междуречье Абакан–Енисей: Смирновка, Аршановка, Борки и др. (Абрамова и др., 1991).

Среди памятников долины Абакана примечательна стоянка Улугбиль, где изделия из камня залегали на выдувах совместно с фауной бизона и северного оленя. Среди находок – клиновидные микронуклеусы, остроконечники, ретушированные пластины, скребки, скребла и др. Пластиночная индустрия стоянки близка к кокоревской культуре (Лисицын, Худяков, 1997). Вероятно, к палеолиту можно отнести ряд местонахождений, открытых в разные годы в районе Большого Монока, Маткечика и Усть-Соса, хотя бывает трудно различить материалы финала плейстоцена и раннего голоцена (Абрамова, 1975; Лисицын, Худяков, 1997; Дроздов и др., 2017а). На пункте Хызыл-Хая в сопровождении фауны бизона и благородного оленя встречены призматические и клиновидные нуклеусы, скребла, скребки, ретушированные пластины. На пункте Конгурэ на выдувах собраны кости бизона и изделия из кам-

ня, включая серию ретушированных пластин и остроконечников; здесь были открыты остатки культурного слоя (Лисицын, Худяков, 1997). На пункте Маткечик I немногочисленные находки зафиксированы на двух уровнях в отложениях 8–12 м террасы р. Абакан (Дроздов и др., 2017б).

Верховья р. Абакан

Особого внимания заслуживает огромная по площади стоянка-мастерская Куйбышево II, расположенная в долине р. Джебаш (приток Абакана). Культурные остатки были связаны с маломощными покровными суглинками, перекрывающими кору выветривания на 70–75 м уровне (есть находки, приуроченные к 60–65 и 90 м уровням). Расположение памятника приурочено к выходам жильного кварцита, встреченным менее чем в 1 км к западу от стоянки. Основная часть индустрии стоянки близка комплексам афонтовской культуры с преимущественным использованием отщепов как основной формы заготовки, крупными одноплощадочными ядрищами, клиновидными микронуклеусами, скреблами, скребками и долотовидными орудиями. В то же время здесь имеется серия хорошо выраженных резцов, в том числе удлиненных, изготовленных на ретушированных пластинах, аналогичных встреченным в комплексах кокоревской культуры. Интересна серия тонких листовидных бифасов.

Неподалеку, в долине ручья Кривой Чистобай, на 35–40 м террасе найдена стоянка Кривой Чистобай I. Здесь в сходных с Куйбышево II стратиграфических условиях обнаружен палеолитический культурный слой, связанный с перекрывающими кору выветривания криотурбированными суглинками. В состав каменной индустрии входят одно- и двуплощадочные ядрища, клиновидные микронуклеусы, скребла, скребки, резцы и др. По ряду параметров (пластиночная техника, наличие серии ретушированных пластин, скребков и резцов на пластинах, удлиненный листовидный остроконечник) комплекс близок к кокоревской культуре.

Серия памятников связана с низкими террасами долины Абакана и его притоков. Это стоянка Можаров Увал I, приуроченная к 27 м террасовому уровню на правобережье р. Абакан. Здесь были вскрыты остатки двух культурных слоев верхнепалеолитического возраста, в нижнем из которых был расчищен очаг и приочажные камни. В районе очага зафиксировано скопление артефактов, а также кости бизона, благородного оленя и лося. Есть радиоуглеродная датировка около 14 тыс. лет. Обнаружены одноплощадочные нуклеусы для снятия отщепов, микроядрища и скребла. Судя по облику каменной индустрии и роговых беспазовых наконечников, комплекс может быть отнесен к афонтовской культуре.

На расположенной в долине р. Большие Арбаты стоянке Матрос I в супесях 5–6 м террасы вскрыты остатки 2-го культурного слоя. По кости получены радиоуглеродные датировки 13,9–14,9 тыс. лет. Встречены кости архара (преобладает), лося, северного и благородного оленя, косули, бизона или тура. Среди изделий из камня – одноплощадочные нуклеусы, ножи, скребла, скребки, роговое кинжаловидное оружие с пазом.

Неподалеку, на 8–12 м террасе расположена стоянка Большие Арбаты I. Для 3-го культурного слоя, связанного с покровными супесями, получена по кости радиоуглеродная датировка около 12,4 тыс. лет. Отсюда происходят кости лося и архара. Найдены клиновидные микронуклеусы, скребки, ножи, скребла.

К позднему плейстоцену можно отнести немногочисленные остатки нижних культурных слоев на пунктах Сигиртуп I, Большие Арбаты II, Семеновский Ручей I, Кривой Чистобай II и Куйбышево III (Зубков и др., 2019).

Сыдо-Ербинская котловина

В долине р. Толчеи расположен грот Двуглазка. Археологические остатки были зафиксированы в слоях 2 (мезолит), 4 (верхний палеолит) и 5–7 (мустье). В териофауне последних слоев преобладали остатки кулана, лошади и носорога (в слое 7 доминировал бизон). Из других видов отметим благородного оленя, сайгу. Многочисленные следы погрызов на костях указывают на сложный характер накопления фаунистического комплекса, в основном связанного с обитанием в гроте пещерных гиен. Находки из мустьерских слоев включают двуплощадочное ядрище, дисковидные нуклеусы, серию леваллуазских острий, скребла, зубчато-выемчатые изделия. Для верхнепалеолитического слоя 4 получена радиоуглеродная датировка порядка 26,5 тыс. лет, что позволяет отнести его к позднекаргинскому времени (к сожалению, остальные даты по памятнику противоречивы и по большей части лишены четкой привязки к стратиграфии). Среди фаунистических остатков преобладали кости горного барана, лошади и кулана, интересно отметить наличие байкальского яка. Небольшая коллекция состоит из одноплощадочного ядрища, пластин с ретушью краев, скребков на ретушированных пластинах, острия. Здесь же найдено оригинальное костяное оружие типа клина с нарезками и подвеска (Абрамова и др., 1991; Лисицын, 2000; Turner et al., 2013).

На берегу Красноярского водохранилища обследованы размываемые пункты с палеолитическими находками (Куня, Мохов Улус, Советская Хакасия, Малые Копены и др.). Наиболее изучена стоянка Крутогорское, связанная с отложениями 40 м уровня Енисея. Собранный коллекция (пластинки с ретушью,

остроконечники, скребки) позволяет отнести памятник к кокоревской культуре (Абрамова и др., 1991).

Чулымо-Енисейская котловина

Группа памятников афонтовской культуры, ныне затопленных Красноярским водохранилищем, была исследована на берегах р. Таштык. Культурные слои памятников были связаны со второй террасой Енисея. В разрезе пункта Таштык I под толщей покровных супесей со следами погребенных почв следовало сложно построенное переслаивание песков и супесей. В них залежали три культурных слоя, доставивших многочисленные остатки северного оленя, а также аргали, лошади, благородного оленя, сайги, бизона, зайца и др. Радиоуглеродная датировка из 1-го культурного слоя равна примерно 12 тыс. лет.

На стоянке Таштык II раскопками была вскрыта покровная толща отложений с четырьмя горизонтами погребенных почв. В основании второй палеопочвы встречены остатки 1-го культурного слоя, а 2-й слой был приурочен к нижней части толщи и залегал уже в аллювиальной части разреза. Как и на Таштыке I, большинство костей принадлежали северному оленю, есть остатки лошади, сайги, бизона и др. В культурных слоях были открыты очаги и рабочая площадка – место производства скребел.

Расположенная неподалеку стоянка Таштык IV содержала культурные остатки на двух уровнях, залежавшие в толще отложений II террасы, перекрытой современным оползнем. Определены кости северного оленя и бизона. Для нижнего уровня залегания артефактов получена радиоуглеродная дата 14,7 тыс. лет (Абрамова, 1979).

К афонтовской культуре можно отнести материалы, собранные на местонахождении Первомайское II. Судя по стратиграфической позиции находок, связанных с покровными отложениями, и облику изделий из камня, стоянки Подгорновская, Черновая I и II, др. датируются заключительной фазой плейстоцена (Абрамова и др., 1991).

Культурный слой стоянки Первомайское I также открыт в толще покровных супесей. По кости из сборов на разрушенной части памятника получена радиоуглеродная датировка около 12,9 тыс. лет. Среди находок – ретушированные пластины, остроконечники, скребла, резцы, скребки. Материал близок кокоревской культуре (Лисицын, 2000). Предположительно к той же культуре отнесены немногочисленные материалы со стоянки Сидориха (Харевич и др., 2020б).

Однако в районе есть более древние памятники. Так, культурный слой стоянки Афанасьева Гора был приурочен к покровным глинам на склоне 40 м террасовидной площадки. На размывах вблизи памятника собраны кости мамонта, северного оленя, лошади

ди, аргали; фауна из небольших по площади раскопок неопределима. Инвентарь (ретушированные пластинки, остря, скребки, резцы и др.) близок по облику материалам стоянки Тарачиха и может быть объединен с ней в рамках единой культурной традиции средней поры верхнего палеолита (Лисицын, 2000).

На берегу Красноярского водохранилища расположена стоянка Сабаниха. Культурные остатки здесь залегают выше горизонта бурой супеси (интерпретируемой как ископаемая почва каргинского времени) в отложениях 40 м уровня. В составе фауны преобладали кости благородного оленя, бизона и аргали. По углям из кострищ получены радиоуглеродные датировки от 22,9 до 26,9 тыс. лет. В составе находок – одно- и двуплощадочные крупные ядрища, ретушированные пластины (в том числе изделия с вогнутыми рабочими краями, напоминающие ориньякские формы), скребки на пластинах и ретушированных пластинах, характерные скребки с острием в основании, бифасиальные скребла, чопперы и др. Имеется серия изделий из кости и рога – тесла, беспазовые наконечники, иглы, а также каменные бусины (Лисицын, 2000; Барков, Мещерин, 2018; Харевич и др., 2020а).

Отроги Кузнецкого Алатау

В стороне от Енисея, в долине р. Белый Июс известна стоянка Малая Сыя. Памятник приурочен к склону лога на высоте 32–35 м. Мощный культурный слой связан с переотложенной погребенной почвой, несущей следы криотурбаций, и перекрыт толщей покровных суглинков. Среди фаунистических остатков преобладали кости северного оленя, барана или козла, бизона. Серия радиоуглеродных определений противоречива (разброс от 17,8 до 34,5 тыс. лет). В последнее время получен ряд АМС-датировок в диапазоне 29–34 тыс. лет. Индустрия Малой Сыи основана на крупных пластинах, на которых изготавливались скребки, скребла, резцы. Много пластинок с ретушной отделкой краев, в том числе своеобразных изделий изогнутых очертаний. Имеется серия беспаз-

зовых костяных и роговых наконечников, а также заготовки украшений и подвески из серпентинита с отверстиями. Индустрия имеет много общего с находками из Сабанихи и, вероятно, относится к одной культурной традиции (Ларичев, Холушкин, 1992; Лбова и др., 2013, 2015).

Заключение

Несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, обширная территория Хакасии остается неравномерно изученной в плане палеолита. Даже на многократно обследованном отрезке долины Енисея в районе Майны–Саяногорска, как показали результаты разведки 2013 г. (Астахов и др., 2019), возможно открытие новых памятников. Перспективной для поиска остатков древнекаменного века представляется полоса северных предгорий Западного Саяна от Саяногорска до Бондарево. На Верхнем Абакане выборочно обследованы долины некоторых притоков – рек Большие и Малые Арбаты и бассейн среднего течения Джебаша. На берегу Красноярского водохранилища гибнут размываемые памятники, о чем свидетельствуют находки Е.А. Миклашевич (устное сообщение). Загадочным остается неоднократно зафиксированное практически полное отсутствие следов палеолита в карстовых полостях (см. Абрамова и др., 1991, с. 12; Деревянко и др., 2000), обильно представленных на рассматриваемой территории.

Столь же велика неравномерность распределения стоянок во временном плане. Между леваллуа–мустье грота Двуглазка и древнейшими верхнепалеолитическими комплексами зияет большая хронологическая лакуна. Подавляющее большинство памятников относится к позднесартанскому времени, финальной поре верхнего палеолита, и представлены в основном комплексами афонтовской культуры. В то же время на Верхнем Абакане зафиксированы следы кокоревской культуры (Улутбиль, Кривой Чистобай I) и своеобразный вариант енисейского позднего палеолита с листовидными бифасами (Куйбышево II).

Список литературы

- Абрамова З.А.** Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии / Отв. ред.: А.П. Окладников, А.П. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 21–30.
- Абрамова З.А.** Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 158 с.
- Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф.** Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.
- Астахов С.Н.** Палеолит Тувы. – Новосибирск: Наука, 1986. – 174 с.

- Астахов С.Н., Васильев С.А., Зубков В.С.** Местонахождения каменного века на Верхнем Енисее в районе г. Саяногорска // Археологические вести. – 2019. – № 25. – С. 44–57.
- Барков А.В., Мещерин М.Н.** Стоянка Сабаниха Богградского района // Археологические открытия 2016 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 436–438.
- Васильев С.А.** Поздний палеолит Верхнего Енисея. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 224 с.
- Васильев С.А., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ю., Кузьмин Я.В., Джулл Т.А.** Новые данные по хронологии и палеосреде многослойных стоянок Майнского

- района на Верхнем Енисее // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения / Отв. ред.: А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 25–35.
- Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И.** История Хакасии. Древность. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2014. – 288 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Тугужекова В.Н., Гладышев С.А., Кривошапки А.И., Рыбин Е.П., Милютин К.И.** Исследования по каменному веку в Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – Т. VI. – С. 79–83.
- Дроздов Н.И., Макулов В.И., Дроздов Д.Н., Сюй Цзинь, Цюань Цянькунь.** Археологические исследования на юге Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2017а. – Т. XXIII. – С. 111–113.
- Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П., Дроздов Д.Н., Цюань Цянькунь, Цоу Хоуен, Ван Вэй, Дай Юйбяо, Гао Лэй, Сюй Цзинь, Чжан Чжэньшань.** Исследование палеолитических местонахождений Маткечик на юге Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2017б. – Т. XXIII. – С. 114–116.
- Зубков В.С., Васильев С.А., Бурова Н.Д., Махлаев М.Л., Ямских Г.Ю.** Поздний палеолит Верхнего Абакана (Хакасия) // *Stratum plus*. – 2019. – № 1. – С. 279–294.
- Ларичев В.Е., Холушкин Ю.П.** Археология верхнепалеолитического поселения Малая Сья // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян) / Отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха. – Красноярск: Зодиак, 1992. – С. 119–122.
- Лбова Л.В., Барков А.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Кукса Е.Н.** Палеолитическое местонахождение Малая Сья: итоги полевых исследований в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – Т. XIX. – С. 104–108.
- Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В.** Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.
- Лисицын Н.Ф.** Поздний палеолит Чулымо–Енисейского междуречья. – СПб.: Петербургское Достоковедение, 2000. – 232 с.
- Лисицын Н.Ф., Худяков Ю.С.** Дюнные стоянки Хакасии (Койбальская степь). – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – 76 с.
- Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В.** Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (средний Енисей) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2020а. – Т. XXVI. – С. 271–278.
- Харевич В.М., Харевич А.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В.** Разведочные работы на побережье Красноярского водохранилища в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2020б. – Т. XXVI. – С. 279–286.
- Turner C.G., Ovodov N.D., Pavlova O.V.** Animal teeth and human tools: a taphonomic odyssey in ice age Siberia. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 490 p.

S.A. Vasilev¹, V.S. Zubkov²

¹ *Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

² *N.F. Katanov Khakass State University (Russia)*

PALEOLITHIC SITES OF KHAKASSIA: MATERIALS FOR THE ARCHAEOLOGICAL MAP

The paper deals with the Paleolithic sites of the Republic of Khakassia, South Siberia. The main concentrations of the Old Stone Age sites located along the Yenisei River valley, at the Minusinsk Basin lowlands, in the upper reaches of the Abakan River, and at the piedmonts of the Kuznetsky Alatau Mountains have been described. In spite of the long-term prehistoric research, the territory under consideration remains unevenly explored. The same could be said about the chronological position of

the sites. There are huge temporal gaps between the Levallois-Mousterian of the Dvuglazka Grotto and the oldest Upper Paleolithic occurrences. The majority of the sites belong to the late Upper Paleolithic Afontova culture dated between *ca.* 16,000 to 10,000 BP. At the same time, in the Abakan River basin there are late Upper Paleolithic assemblages with close affinities with the Kokorevo culture (Ulugbil, Krivoi Chistobai I), and an original industry with foliated bifaces (Kuibyshevo II).

KEYWORDS: *South Siberia, Khakassia, Paleolithic, archaeological map.*

Вл.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН (Россия)

СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)»

В основе всякой периодизации лежит стратиграфия.

В.И. Громов

Стратифицированные памятники в Туве – большая редкость. Палеолит Тувы исследован С.Н. Астаховым по материалам более 120 местонахождений с «поверхностным контурным горизонтом» (Астахов, 2008). Специфика таких объектов заключалась в том, что на значительных по площади территориях Республики Тыва не скапливались поверхностные отложения эолового или какого-либо иного происхождения, таким образом создание относительной хронологии и корреляции комплексов возможно только на основе типологического анализа (Там же, с. 29). Тем не менее С.Н. Астахов разделил все это обилие материала по трем кластерам: первый включал орудия ашельского типа, происходящие с пограничных районов Тувы и Монголии, второй – мустьерскую серию, собранную в долине реки Саглы, и третий – серию находок из Центральной Тувы, в основном из долины Улуг-Хема.

Один из правобережных притоков Улуг-Хема – р. Куйлуг-Хем тщательно обследовался экспедицией А.Д. Грача, где производил изыскания и С.Н. Астахов. Однако они работали в нижнем течении этой реки. Мы проводили здесь мониторинг в 2001 г. и раскопки курганов монгун-тайгинского типа, попадающие под затопление. Мое внимание привлекло название реки Куйлуг-Хем, которое переводится с тувинского языка как «пещерный лог» или «река, имеющая пещеру» (Ондар, 2004, с. 124). Мы поднялись вверх по течению реки и в 12 км от устья обнаружили открытый грот, при обследовании которого были зафиксированы артефакты каменного века. В 2003–2007 и 2009 г. мною здесь были проведены раскопки (Семенов и др., 2006).

Пещерный грот в долине р. Куйлуг-Хем располагается в обширном карстовом районе, приуроченном к полосе известняков предположительно вендского возраста. Она протягивается полосой шириной порядка одного километра в среднем течении правых притоков р. Улуг-Хем (теперь Саяно-Шушенское водохранилище) от р. Демир-Сут на востоке до Шугура на западе. Протяженность

ее составляет около 60 км. Различные исследователи и местные жители здесь отмечают довольно частые пещеры, однако точные сведения о них и их местоположении отсутствуют. Между тем карст этого района наиболее благоприятен для существования пещер, пригодных для жизни: он не выведен полностью из современного водообмена и поэтому его формы приближены к руслам рек и ручьев, входы в пещеры, вероятно, небольшие и достаточно скрыты от постороннего глаза. Изучение этого вопроса требует совместной работы археологов и геологов со своими специфическими приемами наблюдений.

В настоящее время вблизи грота отсутствуют источники воды. Подход к памятнику возможен только по тропинке, поднимающейся по склону с южной стороны.

Сам грот асимметричный, неправильно-овальный в поперечном сечении. Наибольшая глубина рыхлых отложений вероятна в южной части полости. Грот выработан в трещине в известняке. Глубина карстовой полости примерно 5–6 м, высота в средней части 2,3 м (рис. 1).

Субгоризонтальная привходовая площадка грота имеет размеры 26 м по направлению север–юг и ширину 8 м. Площадка продолжается у подножия скалы в южном направлении от выхода из грота примерно на 20 м. В северном направлении она ограничена изгибом скальной стенки.

Собственно грот в пределах капельной линии представляет собой овальную в плане сухую полость размерами 5×3,8 м. С севера к нему причленяется узкая скальная ниша с круто поднимающимся дном глубиной 3,5–4 м, заложенная по тектонической трещине. Пол грота горизонтальный (искусственно выровнен) и покрыт слоем кизяка. Овальный в сечении вертикальный попор высотой 5–6 м примыкает к полости грота с юга. Основной ход грота ориентирован по трещине в известняке в западном направлении. Этот узкий ход со скальным дном завален глыбами примерно в 2 м от края полости.

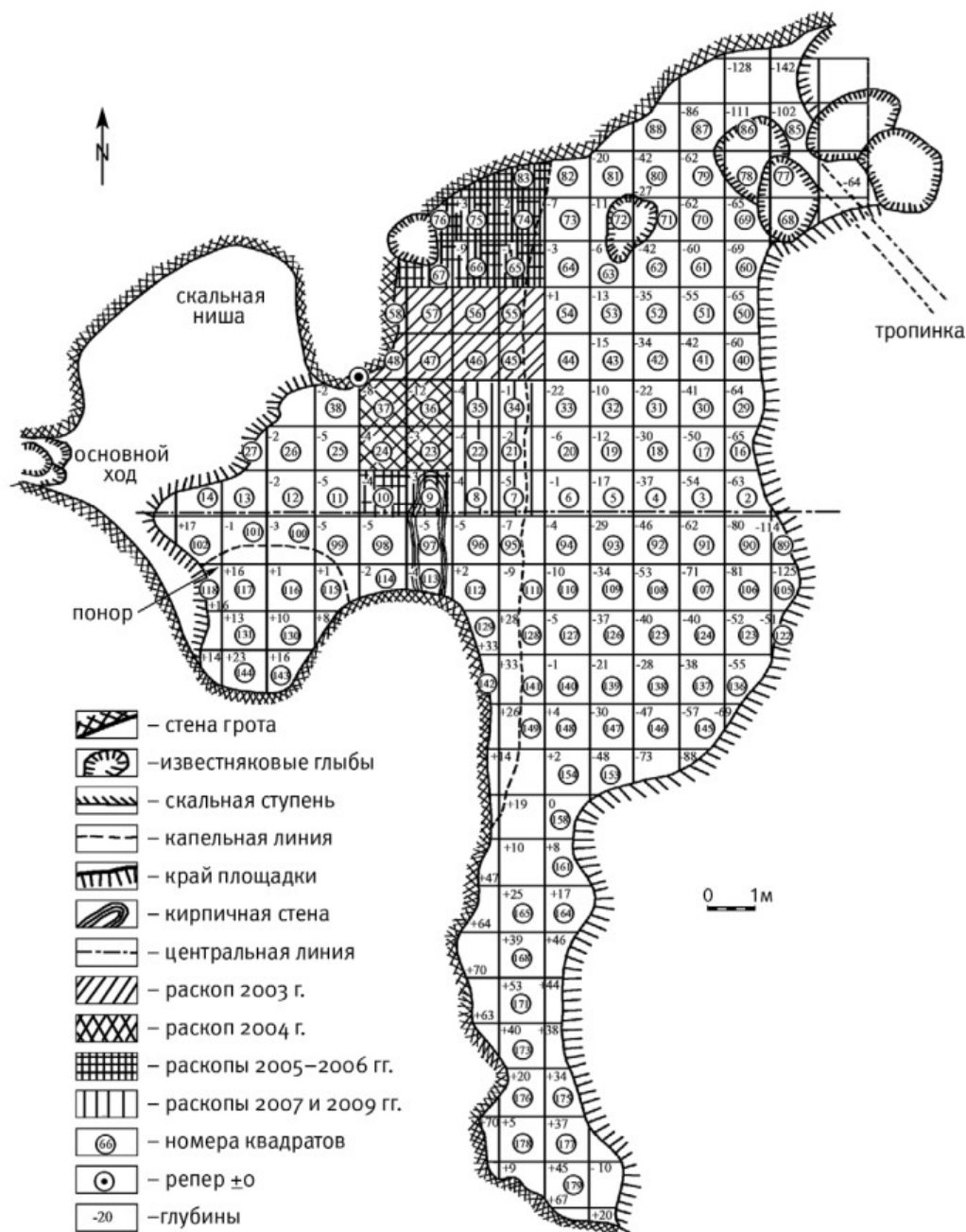

Рис. 1. Схема 1 Куйлуг-Хемского грота

Fig. 1. Diagram 1 of Kuylug-Khem grotto

Общая площадь памятника 180 кв.м. Максимальная глубина наслоений, вскрытых до скального дна, около 2 м. В результате раскопок зафиксировано 5 культурных слоев. Культурные остатки залегают в рыхлопесчаных отложениях с одинаковым количеством фракций крупного и среднего песка, мелкого песка и крупной пыли. Два верхних культурных слоя содержат материал неолитического времени. Они вскрыты на площади 14,5 кв.м. От нижележащих плейстоценовых слоев они отделены мощным слоем белых меловых отложений – «тектонической муки». Три верхнеплейстоценовых слоя исследованы на

площади 10 кв.м. Стратиграфия памятника демонстрирует понижение скального дна грота в направлении с запада к востоку (рис. 2).

Верхний мешаный слой в гроте состоял из корней растений, помета, обломков скал и т.д. В недавнем прошлом грот был обитаем и использовался в качестве загона для скота. После удаления остатков современного обитания был зачищен первый культурный слой – буквально на глубине уже нескольких сантиметров начали встречаться фрагментированная керамика с гребенчатым орнаментом и отходы производства каменных орудий. После удаления рыхло-

го верхнего горизонта был вскрыт нижний горизонт 1-го культурного слоя, в котором расчищены очаги с сильным прокалом, насыщенным жжеными костями, которые, вероятно, использовались как топливо. Определимые кости животных принадлежали дикому козлу или барану, косуле, маралу, птицам и мышевидным грызунам (определения А.А. Каспарова). На этом уровне найдено более 100 фрагментов керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, 50 осколков камня, много отщепов, нуклеус, пластины и скребки. Для слоя получена дата $Le6902 - 6710 \pm 90$ BP.

Второй культурный слой залегал в желтых супесях. Здесь также сохранились очажные пятна, кальцинированные кости животных, отходы от обработки камня. В квадрате 83 были расчищены остатки прямоугольного очага размерами 85×90 см, сложенного из бревен небольшого диаметра. Очаг был ориентирован углами по странам света. Заполнение очага состояло из плотного слоя золы и угля, поверх которых находились обломки скалы и мелкие плитки. Вероятно, очаг имел культовое значение и огонь

в нем разводился эпизодически. Подобные деревянные ограждения очагов отмечены в недавнем прошлом в чумах тофаларов Восточного Саяна. Кости животных принадлежали козлу/барану и крупному быку. Многие фрагменты костей имеют следы погрызов, что может косвенно свидетельствовать о наличии в гроте домашней собаки. Среди орудий нужно отметить скребки на отщепах, небольшие скребла, микропластинки, наконечники стрел с вогнутым основанием, двусторонне ретушированные вкладыши. Здесь обнаружен 61 фрагмент керамики с гребенчатым и накольчатым декором, но очень плохой сохранности. Дата слоя $Le8602 - 9260 \pm 100$ BP.

Третий слой находится ниже стерильного прослоя. Он был насыщен обломками трубчатых костей и костяной трухой. Происхождение такого обилия раздробленных костей, иногда со следами погрызов, пока не вполне ясно. Возможно, в период отсутствия человека в пещере селились хищники. Среди костей определены остатки дикого козла/барана, медведя, лисы, зайца, пищухи, мышевидных грызунов и птицы крупного размера, а также, возможно, собаки. Находок было

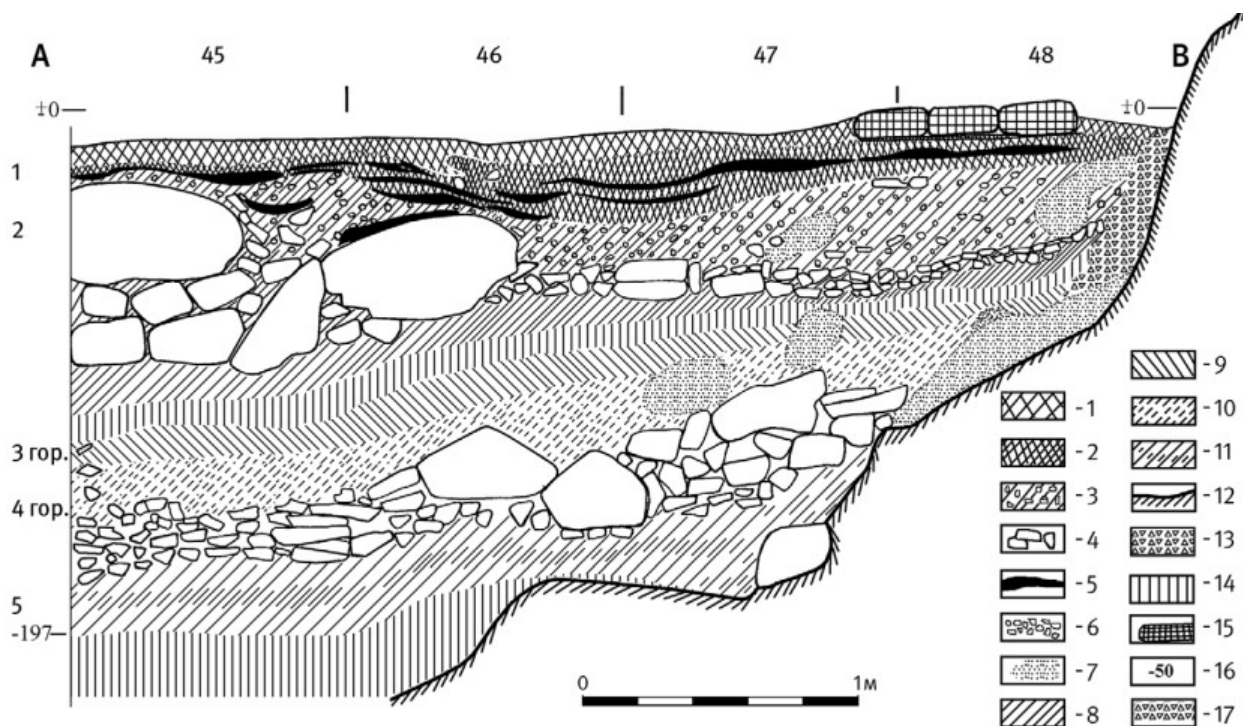

Рис. 2. Куйлуг-Хемский грот. Стратиграфический разрез А-В [южная стенка раскопа]: 1 – гумусированный слой; 2 – черная пылеватая супесь; 3 – светло-желтая супесь с щебнем; 4 – камни; 5 – прослойки угля; 6 – щебень; 7 – норы грызунов; 8 – желтая супесь; 9 – ярко-желтая супесь с костями; 10 – серая супесь; 11 – желтая супесь с мелким щебнем; 12 – скальное дно; 13 – мелкий щебень; 14 – белый меловой натек; 15 – сырцовый кирпич; 16 – глубины; 17 – мелкий угловатый плотный щебень

Fig. 2. Kuylug-Khem grotto. Stratigraphic section A-B [southern wall of the excavation]: 1 – humus layer; 2 – black powdery sandy loam; 3 – light yellow sandy loam with crushed stone; 4 – stones; 5 – coal layers; 6 – crushed stone; 7 – rodent burrows; 8 – yellow sandy loam; 9 – bright yellow sandy loam with bones; 10 – gray sandy loam; 11 – yellow sandy loam with small crushed stone; 12 – rock bottom; 13 – small crushed stone; 14 – white chalk flowstone; 15 – raw brick; 16 – depths; 17 – small angular dense crushed stone

мало: речные гальки и фрагменты сланцевых плиток, нуклеус, скребло, зубчатое орудие, отщеп с ретушью, микропластинки. Для слоя получены даты Ле8603 – 12880±90 ВР и Ле6901 – 15500±180 ВР.

Четвертый культурный слой, насыщенный обломками скалы и щебнем и нарушенный кротовинами, в основном приурочен к нижней части пылеватых отложений. Лежащие в слое плиты могли служить для раскалывания костей, обломки которых в большом количестве концентрировались вокруг них. Здесь найдены остатки дикого быка (зубра или бизона?), кулана, дикого козла/барана, зайца, пищухи. Находки – осколки расщепленного камня, отщепы, пластина, выемчатое орудие. Для слоя получены даты Ле6999 – 23600±400 ВР, Ле7612 – 18740±300 ВР и Ле8604 – 24800±400 ВР.

Пятый культурный слой распространялся на меньшую площадь и выклинивался у стенок. Находки в основном приурочены к нижней части отложений на 5–10 см выше скального дна. По всей толще слоя попадались расколотые кости животных, из числа которых определены остатки козла/барана, кулана, хищника типа медведя, крупной птицы (размером с утку), пищухи, грызунов. Отметим находку фрагментов дентинового покрытия зуба крупного

травоядного (мамонта или носорога?). Из числа каменных орудий нужно отметить одинарные и двойные скребла, комбинированное орудие, пластину и отщеп с ретушью. В слое была сделана уникальная находка – подвеска из кости, украшенная точечным орнаментом. Для слоя получены даты Ле7610 – 20300±500 ВР и Ле8065 – 26100±800 ВР.

Результаты раскопок грота на р. Куйлуг-Хем чрезвычайно важны для построения периодизации древних культур Тувы и бассейна Верхнего Енисея. Материалы, выявленные в пяти культурных слоях, относятся к каменному веку. Каменный инвентарь и керамика с гребенчатой орнаментацией из 1-го и 2-го культурных слоев памятника находит аналогии в комплексах нижних слоев стоянки Тоора-Даш, на основании которых была выявлена верхнеенисейская неолитическая культура (Семенов, 2004; 2018, с. 38–105). На Тоора-Даше нижние слои датируются по костям III тыс. до н.э. В гроте мы имеем даты VIII–VI тыс. до н.э., которые в целом подтверждают концепцию о раннем возрасте верхнеенисейской неолитической культуры. Три нижних слоя относятся к эпохе верхнего палеолита и датируются от 26 до 12–13 тыс. лет. Это первый палеолитический памятник в Туве с сохранившимся культурным слоем.

Список литературы

- Астахов С.Н.** Палеолитические памятники Тувы. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 180 с.
- Ондар Б.К.** Топонимический словарь Тувы. – Абакан: Изд-во Абаканского гос. ун-та, 2004. – 256 с.
- Семенов Вл.А.** К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов,

взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Отв. ред.: В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. – СПб.: ИИМК РАН, 2004. – С. 70–87.

Семенов Вл.А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2018. – 340 с.

Семенов Вл.А., Васильев С.А., Килуновская М.Е. 1 Куйлуг-Хемский грот – новый многослойный памятник каменного века в Туве // Записки ИИМК РАН. – 2006. № 1. – С. 31–41.

VI.A. Semenov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

STONE AGE SITES IN CENTRAL TUVA

The multi-layered Stone Age site Kuylug-Khem grotto 1 was discovered by the Tuvan archaeological expedition in 2001 on the right bank of the Kuylug-Khem River, about 12 km from the river's confluence with the Ulug-Khem. Five cultural layers were revealed at the site. The two upper layers date back to the Neolithic and be-

long to the Upper Yenisei Neolithic culture, identified during the excavation of Toora-Dash site on the right bank of the Yenisei. The three underlying layers date back to the Upper Paleolithic time – from 12 to 25 thousand years ago. Today it is the first Paleolithic site in Tuva with a preserved cultural layer and clear stratigraphy.

KEYWORDS: *Tuva, Ulug-Khem, cave site, Neolithic, Upper Yenisei culture, Upper Paleolithic.*

Эпоха палеометалла

Ч. Мөнхбаяр

Ховд их сургууль (Монгол улс)

«НҮХЭН» ХЭВ ШИНЖИЙН МОНГОЛ АЛТАЙН НЭГЭН НҮХТЭЙ ЧУЛУУН СҮХНИЙ ТУХАЙ

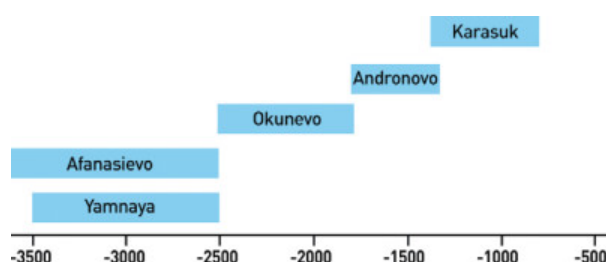
Монгол нутаг дахь зэс чулуу болон хүрлийн түрүү үеийн түүхийг судлах хамгийн чухал индо-европ гаралтай нүүдэлчдийн үлдээсэн археологийн дурсгалыг судлан эрт үеийн түүхийг асуудал ихээхэн чухал сэдэв билээ.

Сүүлийн жилүүдэд зэс чулууны үеийн хүн судлал хийгээд он цагийн судалгаа дорвитой явагдаж (Hollard et al., 2018, p. 98) (зур. 1), Хятадын судлаачид ургамал судлалын чиглэлээр судалгаа хийхдээ Их Алтайд афанасьев болон чемурчекчууд нүүдэллэж байсан талаар (Xinying Zhou et al., 2020) өгүүлжээ.

Баянхонгор аймгийн Алтан сандал, Шатар чулууны афанасьев булшны хэрэглэгдхүүнээс (Волков, 1980) хэтэрдэггүй байсан буюу энэ чиглэлийн судалгаа манай оронд харьцангуй хоцрогдонгүй явж ирсэн бол сүүлийн жилүүдэд Монголын ураг төрлийн байгууллын түүхийг эртний судлалын чиглэлээр дорвитой судлах болжээ.

Монгол нутагт тархсан түүх соёлын дурсгалын археологийн хайгуул, малтлага судалгааны анхдагчдын нэг нь Төв азийн археологийн шинжилгээ судалгааны ангийн судалгаа юм. Тус судалгааны анги Монгол улсын баруун бүс нутагт хийгдсэн Пазырык булшны судалгааг эхлүүлээд (Варенов и др., 2004) зогсохгүй 2004 онд афанасьев булшны судалгааг 30 гаруй жилийн дараа үргэлжлүүлэн анх (Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007) явуулж, 2008 онд монголын зэс чулууны сүүл болон хүрэл, төмөр зэвсгийн үеийн археологийн соёлын он дараалалыг (Ковалев и др., 2008; Мунхбаяр, 2014) гаргажээ. Чингээд монгол нутаг дахь нүхэн оршуулгын зан үйлтний буюу индо-европ гаралтай нүүдэлчдийн үлдээсэн афанасьев соёлд холбогдох булшны судалгааны тойм өгүүлье.

1971, 1975 онд археологич В.В. Волков Архангай аймгийн Алтансандал, Баянхонгор аймгийн Шатар чулуу зэрэг газраас афанасьев хэв шинжийн хэлбэрийн 6 булшнуудыг малтан шинжилжээ (Волков, 1980).

Зур. 1. Өмнөд Сибирийн археологийн соёлууд (иш татсан: Hollard et al., 2018, p. 98, fig. 1)

Fig. 1. Archaeological cultures of South Siberia (after Hollard et al., 2018, p. 98, fig. 1)

2004 онд Төв азийн археологийн шинжилгээ судалгааны анги Ховд аймгийн Булган, Баян-Өлгий аймгийн Улаан хус суманд хүрэл, төмөр болон түрэгийн хаант улсын үед холбогдох булш, тахилгын байгууламжийн малтлага судалгаа явуулахдаа (Эрдэнэбаатар, 2006) Афанасьевийн соёл (МЭӨ 2800–2500 жил)-д холбогдох нэгэн булшны судалгааг, монгол нутагт ийм төрлийн булш анх малтагдан судлагдснаас даруй 33 жилийн дараа шинээр хийсэн юм.

2007 онд тус судалгааны ангийн малтан судласан Төв Азийн бүс нутагт урьд тэмдэглэгдсэн болон шинээр илэрсэн археологийн соёлын он цагийн судалгаа нийтлэгдэж эхлэн (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; Эрдэнэбаатар, Ковалев, 2007, с. 38; 2009), 2010 онд уг булшны малтлага судалгааны үр дүн дэлгэрэнгүй хэвлэгдэв (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010а; 2010б).

2011 онд афанасьевын соёлд холбогдох Баян-Өлгий аймгийн Цэнгэл сумын нутаг Тахилгат үзүүрийн олон үед холбогдох булшнаас 31-р булшийг малтан судлах ажлыг ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн судлаачид Герман улсын судлаачидтай хамтарсан “Монгол Алтайн хүрлийн үеийн археологийн судалгаа” төслийн хүрээнд явуулжээ (Төрбат нар, 2012). Мөнхүү төслийн үр дүнг Монголын түүхийн цахим толь бичиг (<https://mongoltoli.mn/history/h/56>) болон

ШУА-ын Түүх, археологийн хүрээлэнгийн гаргасан Монголын эртний булш оршуулга хамтын бүтээлд (Алдармөнх, 2016) нийтэлсэн байна.

2012 онд Ч. Мөнхбаяр, А.А. Тишкин, А.А. Ковалев нар Ховд аймгийн Ховд аймгийн Ховд сумын нутаг Өргөн ширэгт 1 афанасьев булш, Хуурай салааны аманд 1 чемурчек булш, Хар үзүүрт 4 түрэгийн тахилгын байгууламж малтан шинжилсэн байна (Тишкин и др., 2013; Мунхбаяр и др., 2013; Мөнхбаяр нар, 2014; Мөнхбаяр, 2014, т. 56; Ковалев и др., 2015). 2014 онд Оросын судлаачид Афанасьев булшны судалгааг нэгтгэн нэгэн сэдэвт бүтээл туурвижээ. Уг бүтээлд Монгол нутаг дахь Алтан сандал, Шатар чулуу болон Хуурай говийн афанасьев булшны талаар өгүүлжээ (Вадецкая и др., 2014, с. 274–279). 2014 онд Ч. Мөнхбаяр Увс аймаг Сагил сум Далтын амны афанасьев булшны талаар нийтэлжээ (Мөнхбаяр, 2014, т. 56, зур. 9).

2015 онд Буянтын археологийн экспедицийн Алтайн улсын их сургуулийн судлаачид С.П. Грушины удирдлаган дор хүрээг газарт хавиргалан босгосон нэгэн жижиг булшийг малтан шинжилжээ (Буянтын археологийн хээрийн, 2015; Мөнхбаяр, Ковалев, 2019, т. 123–124).

2016 онд Ч. Мөнхбаяр Цамбагарав уулын өвөр болон баруун бэлээр «Грийт Чингис» компанийн «Монгол Алтай 2016» аялал-экспедицийн маршрутаар 7 сарын 9-нөөс 21-ний хооронд ажиллахдаа Хонгор өлөнгийн сүйтгэгдсэн афанасьев булшинд тодорхойлолт (Мөнхбаяр, 2016) үйлджээ. Монгол-Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний анги 2016 оны 7–9 сарын хооронд Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутаг Их хануй нуурын зүүн өмнөд бие Уу хөглийн Цагаан толгой хэмээх газарт хүрэл зэвсгийн үеийн 5 дөрвөлжин булш, тэгш өнцөгт хэлбэрийн 1 тахилын байгууламж, Түрэгийн үеийн 1 тахилын онгон малтах явцдаа Зүүн салааны голын Хүүшийн өвдөгт хүрэл зэвсгийн эрт үед холбогдох Афанасьевийн соёлын нэгэн булшийг малтан судалжээ (Эрдэнэбаатар и др., 2017, с. 265, 268).

Монголын үндэсний музей, АНУ-ын Баруун Кентаки их сургуультай хамтарсан «Баруун Монгол» археологийн судалгааны анги 2017 оны 5 дугаар сарын 28-наас 6 дугаар сарын 24-ны хооронд Увс аймгийн Зүүнхангай сумын төв орчимд Гялгарын бэлд гонзгой хэлбэрийн босоо чулуугаар хүрээ хийсэн жигд хавтгай дараас чулуутай 1 том булш, зарим тахилгын байгууламжийн хамт, Улаан толгойд дээрхтэй ижил хэлбэрийн 2 булшны нэгийг малтан шинжилжээ (Баярсайхан нар, 2018). 2017 онд Ч. Мөнхбаяр Ховд аймгийн Дуут сумын Машийн голд нэгэн афанасьев хэв шинжийн булшийг тэмдэглэн (Ховд их сургуулийн, 2017, т. 17) авсан байна.

2017 оны 7 дугаар сарын 17-наас 9 дүгээр сарын 22-ны хооронд Монгол – Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологи» төслийн хээрийн шинжилгээний анги Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Алаг уул багийн нутаг Зөөлөнгийн ам, Тахилтын голд тус бүр афанасьев соёлд холбогдох нэг булшийг малтан судаллаж тахилгын байгууламж болохыг тогтоожээ (Идэрхангай нар, 2018).

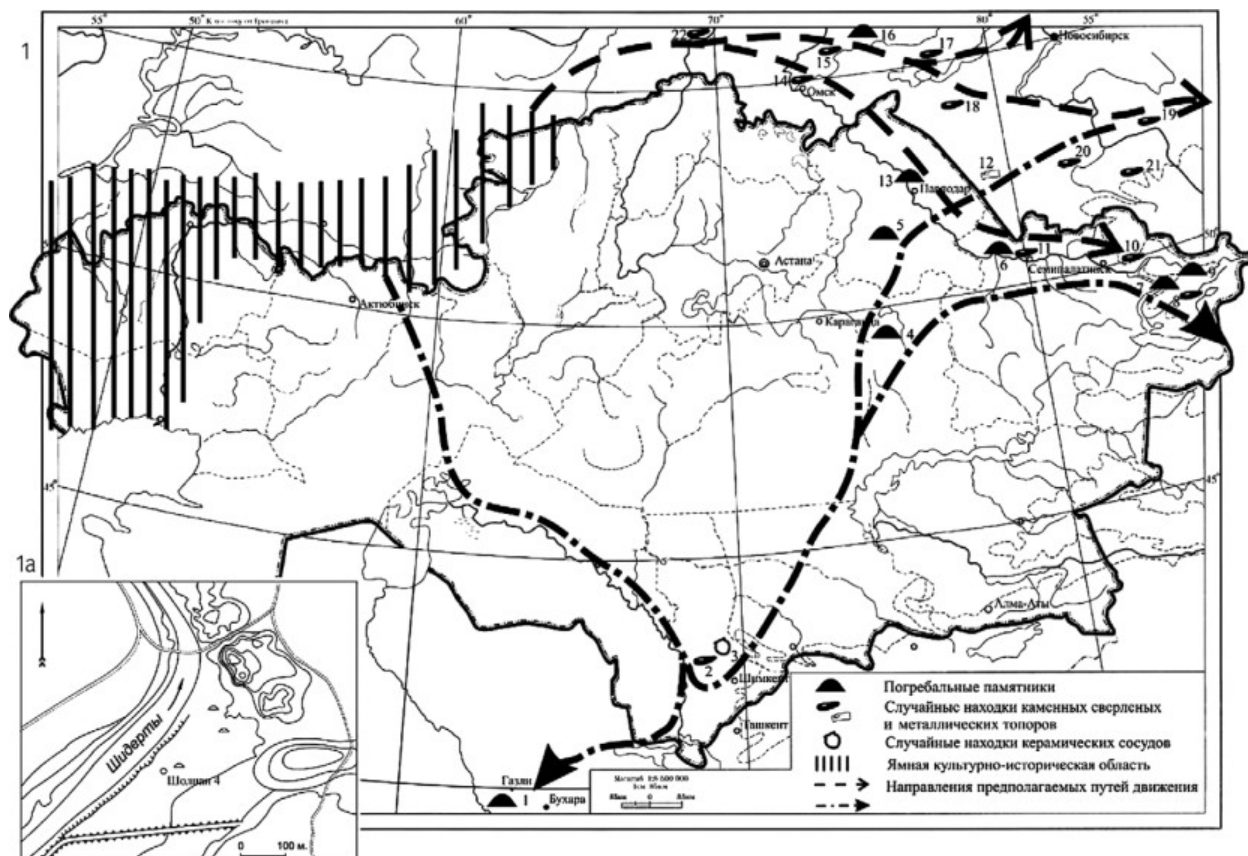
2018 онд МҮМ-н судлаачид Монголын Үндэсний Музей-АНУ-ын Баруун Кентаки их сургуультай хамтран хэрэгжүүлж буй «Баруун Монгол» судалгааны төслийн баг 2018 оны 5 дугаар сарын 26-наас 6 дугаар сарын 23-ны хооронд Увс аймгийн Зүүнхангай сумын нутагт хээрийн судалгааны ажил гүйцэтгэх явцдаа Зүүнхангай сумын нутаг Замбын үзүүр хэмээх газарт нэгэн Афанасьевийн соёлд хамаарах томоохон булшийг малтан шинжилжээ (Баярсайхан нар, 2019б). 2018 онд Төв Азийн археологийн шинжилгээ экспедици Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Ямаат голд нэг афанасьев хэв шинжид холбогдох гаднах хэлбэр бүхий чулуун байгууламжийг малтан шинжилжээ (Мөнхбаяр нар, 2018).

2019 онд МҮМ-ийн судлаачид Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Годон голын сав газар Афанасьев хэлбэрийн булш малтан шинжилжээ (Баярсайхан ба бус, 2019а, т. 117). 2019 онд ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн судлаачид Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Цагаан асгын голд афанасьев хэв шинжид гадаад хэлбэр нь холбогдох 1 булш малтан шинжилжээ (Төрбат нар, 2019). 2019 онд А.А. Ковалев БНХАУ-д тархсан афанасьев булшны талаар нийтлэхдээ Монгол Алтайд малтан шинжилсэн зэс чулууны үеийн бууц суурин болон булшны байршлыг газрын зурагт тэмдэглэсэн (Ковалев, 2019, с. 190, рис. 1-11, 1-12) байна.

Чингээд нүхэн оршуулгын зан үйлтнүүдийн тархалтын өмнөд цэгийг тогтоох нэгэн нүхтэй чулуун сүхний тухай тогтон өгүүлье.

ОХУ-ын нутаг Баруун Сибирээс олдсон чулуун сүх нь 8 өөр газраас олдсон байна. В.И. Матющенко тэдгээрийн байршлыг тэмдэглэхдээ: хоёр нь Тюменскийн хязгаар, бусад нь Андреевск, Омскийн суурингаас, Томскийн хязгаарын Бельса гол, Новосибирскийн хязгаарын Куйбышевскийн район, Убинск нуур зэрэг газраас олджээ (**зур. 2**) (Матющенко, 1973, с. 58, Мерц, Мерц, 2010, с. 135, рис. 1).

Уг чулуун сүхийг бид 2013 онд тойм байдлаар нийтэлсэн билээ (Мунхбаяр, 2013, с. 124, 401). Ховд аймгийн Манхан сумын орон нутаг судлах музейд афанасьевийн соёлд холбогдох нэгэн нүхлэн цоологдон засагдсан чулуун сүх хадгалагдаж байна. Түүний урт 7,5 см, өргөн 5,2 см (гол хэсгээрээ), зузаан 4 см

Зур. 2. «Нүх»-эн хэв шинжийн дурсгалын тархалтын зураг (1): 1 – Заманбаба; 2 – Бадам; 3 – Бугунь; 4 – Караагаш; 5 – Шолпан 4; 6 – Измайловка; 7 – Усть-Нарым; 8 – Курчумский район; 9 – Черновая II; 10 – Уланка; 11 – Семипалатинские Дюны; 12 – «Шипуновский оршуулга» болон бус.; 13 – Григорьевка 2; 14 – Омскын суурин; 15 – Тарскийн тойрог; 16 – Сопка 2; 17 – Убинскийн нуур; 18 – Куйбышевский район Новосибирскийн хязгаар; 19 – Бийск; 20 – Чарыш; 21 – Алтайн өмнөд бие; 22 – Тюменскийн хязгаар; (1а) – Шолпан 4 булшны байрлалын дэвсгэр зураг (иш татсан: Мерц, Мерц, 2010, с. 135, рис. 1)

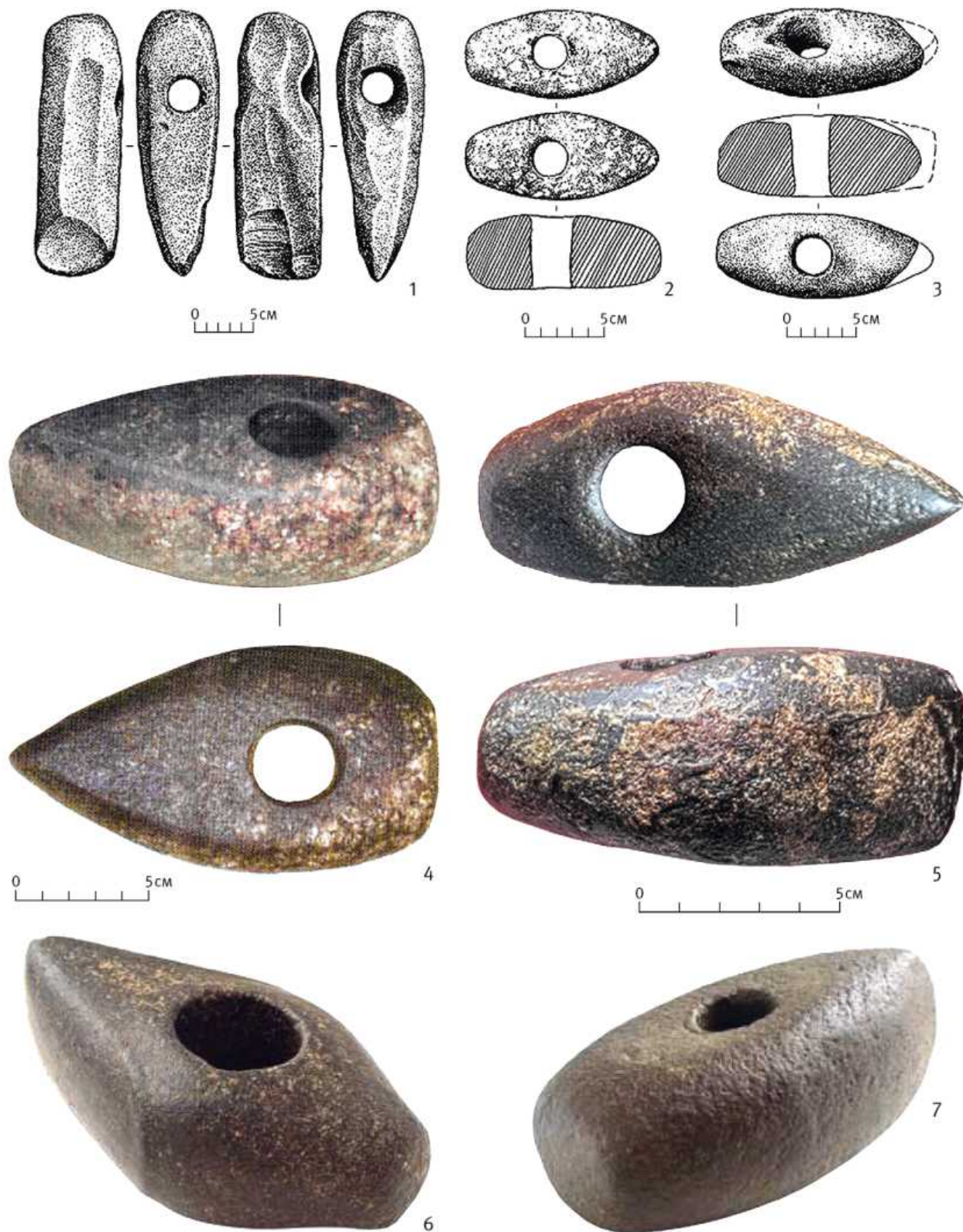
Fig. 2. Distribution map of the “Yamnaya” type sites (1): 1 – Zamanbaba; 2 – Badam; 3 – Bugun; 4 – Karaagash; 5 – Sholpan 4; 6 – Izmailovka; 7 – Ust-Narym; 8 – Kurchum District; 9 – Chernovaya II; 10 – Ulanka; 11 – Semipalatinsk Dunes; 12 – “Shipunovsky’s hoard” and others; 13 – Grigorievka 2; 14 – Omsk site; 15 – Tarsk District; 16 – Sopka 2; 17 – Lake Ubinskoe; 18 – Kuibyshev District, Novosibirsk Region; 19 – Biysk; 20 – Charish; 21 – Southern Altai; 22 – Tyumen Region; (1a) – Background map of kurgan Sholpan 4 (after Мерц, Мерц, 2010, с. 135, рис. 1)

(их биений дундуур) (Мунхбаяр, 2015, с. 85, 291, рис. 17-5). ОХУ-д ийм хэлбэрийн сүх түүвэр байдлаар 1982 онд Инегень (Степанова, Поляков, 2010, с. 4–15) хэмээн газраас олдож нийтлэгдэж байсан (Абдулганеев и др., 1982) бол эдүгээ Горный Алтай (Баженов, 2002, с. 12, 42–46, рис. 4; приложение 6-фото 1), Афанасьевын оршуулга (Кирюшин и др., 2010) болон Казахстанас (Самашев и др., 2008, с. 36–37, рис. 174; Мунхбаяр, 2015, с. 85, 291, рис. 174) (зур. 3) олджээ. Нийтдээ ОХУ-ын нутгаас 20 гаруй (Кирюшин, 2002, с. 19–20; Мерц, Мерц, 2010, с. 142), Казахстаны нутгаас 3 (Мерц, Мерц, 2010, с. 142) тус тус олджээ.

Нүхтэй сүхнээс гадна Оросын Алтайд түүвэр байдлаар төмөрлөг сүх Шипуновогийн станц («шипуновогийн оршуулга»), Плотниково суурин, Инегень, Хабаровка зэрэг газраас олдсон бөгөөд эдгээр

олдвор нь Дорнод Европоос гаралтай нүхэн оршуулгын зан үйлтнүүдийн аж ахуйн зүйлсийг хэрэглэж байсны илрэл юм (Мерц В., 2007, с. 73; Грушин и др., 2009, с. 15–17, табл. III; Кузнецов, 2009, с. 102). Ховд аймгийн музейд афанасьев төмөрлөг сүхтэй ойролцоо хэлбэртэй сүх (Ховд аймгийн музейн, 2010) хадгалагдаж байна.

«Нүх» бүхий дурсгалын байрлал нь тэдгээрийг тээгчдийг Дорнод Европын тал нутгаас Уралын цаад биеийн ойт хээрийн бүс нутгийн гол (Дээд Алабуга, Убаган 1, Гладунино 1, шүглэгийн газар Савин 1, Слабодчики 1) мөрний хөндий дагасан чиглэлээр нүүдэлснийг харуулж байна (Мерц В., 2007, с. 74), дараагаар нь Баруун Сибирийн ойт хээрийн даган (Тюменскийн хязгаарын нүхлэгдсэн сүх) Обь-Эрчис мөрний хооронд (Григорьевка 2, Сопке 2-ын № 648 дугаар

оршуулга) болон цааш дорно зүг чиглэжээ. Өмнөд Казахстан болон Дундад Азийн «нүх»-эн хэв шинжийн эх хэрэглэгдэхүүнээс «нүхэн хэв шинжит?» ард түмэн баруун урд зүг Арал тэнгис болон цааш Сырдарья мөрөн түүний цутгалд дундад азийн газар тариалангийн бүс нутагт тархсан байж болох нэгэн

чиглэл ажиглагдаж байна. Тэгэхээр ийм нөхцөлд Заманбабын булш болон суурин, Зеравшанын доод урсгалд болон Амударья, түүнээс өмнө зүгт «нүх»-эн хэв шинжтэний эх хэрэглэгдэхүүнүүд илрээгүй байна (Кутимов, 2005, с. 188, 204). Уг ард түмэн хойт газар тариалангийн бүс нутагт Арысь болон Бугунь

Зур. 3. Ховд аймгийн Манхан сумын орон нутаг судлах музей дахь афанасьев нүхлэсэн чулуун сүх болон түүний харьцуулалт. 1 – Бийк гол (Уулын Алтай) [иш татсан: Кирюшин и др., 2010, с. 51, рис. 23]; 2 – Сентелек суурин (Чарышийн орон нутаг судлах музей, № OF-1245, Чарыш район, Уулын Алтай) [иш татсан: Кирюшин и др., 2010, с. 52, рис. 24]; 3 – Чарышийн орон нутаг судлах музей (Чарышский район, № OF-151, Алтайн хязгаар) [иш татсан: Кирюшин и др., 2010, с. 52, рис. 25]; 4 – Владимировка (Алтайн хязгаар) [иш татсан: Баженов и др., 2002, цв. вкл. I]; 5 – Манхан сумын орон нутаг судлах музей (Монгол улс, Ховд аймаг); 6 – Баруун Казахстан [иш татсан: Unbekanntes Kazakhstan, 2013, S. 178, Katalog-Objekt 63]; 7 – Усть-Каменногорск, Зүүн Казахстан [иш татсан: Unbekanntes Kazakhstan, 2013, S. 178, Katalog-Objekt 63; Мунхбаяр, 2015, с. 291, рис. 174]

Fig. 3. Afanasyev hole stone ax in the Local History Museum of Mankhan Soum, Khovd aimag and its comparison. 1 – Biyk gol (Mountain Altai) [after Кирюшин и др., 2010, с. 51, рис. 23]; 2 – Sentelek settlement (Charysh Museum of Local Lore, № OF-1245, Charysh District, Mountain Altai) [after Кирюшин и др., 2010, с. 52, рис. 24]; 3 – Charysh Museum of Local Lore (Charysh district, № OF-151, Altai Region) [after Кирюшин и др., 2010, с. 52, рис. 25]; 4 – Vladimirovka (Altai Region) [after Баженов и др., 2002, in color. App. I]; 5 – Local History Museum of Mankhan Soum (Mongolia, Khovd aimag); 6 – West Kazakhstan [after Unbekanntes Kazakhstan, 2013, S. 178, Katalog-Objekt 63]; 7 – Ust-Kamennogorsk, East Kazakhstan [after Unbekanntes Kazakhstan, 2013, S. 178, Katalog-Objekt 62; Мунхбаяр, 2015, с. 291, рис. 174]

голын сав даган суурьшсан болох нь чулуун сүх болон шавар сав зэргээр тогтоогдох газаргүй бөгөөд цаашлаад Төв Казахстан (Караагаш болон Шолпан 4) ба Эрчис (Измайловка, Усть-Нарым) мөрнөөр дамжин Соён Алтай (нүхлэгдсэн сүх болон төмөрлөг сүх Баруун өмнөд Сибирт олдож байгаа нь)-д нүүдэллэн очсон бололтой (**зур. 2**). Магадгүй «нүхэн оршуулгатаан» нүүдэллэсэн хөдөлгөөн Тянь-Шань уулын өмнөд бие даган Уулархаг Алтайгаас Зүүн гарын гарцаар цаашлан Төв Азид нэвтэрсэн бололтой. Гэхдээ харамсалтай нь одоогоор энэ нүүдлийн замыг батлах баримт Өмнөд болон Зүүн өмнөд Казахстан болон Дундад Азийг судлаагүйтэй холбоотой хараахан байхгүй байна. «Нүхэн оршуулгатаан»-ны зарим хэсэг Казахстаны хойт тал нутаг болон өмнөд хязгаар нутгаар нүүдэллэн ботай-терсек болон усть-нарым-шидертийн соёлыг бүрдүүлдсэн бололтой гэсэн таамаглал байдаг (Калиева, Логвин, 1997, с. 162; Мерц В., 2008). Барууныхны талаарх нүүдэл хөдөлгөөнд түлхэц өгсөн саналын эсрэг мэдээллийг антропологчид өгүүлж байна. Учир нь Уулын Алтайн афанасьевчууд европ төрхтөний хойт салаа мөчир болохыг тогтоосон байна (Козинцев, 2008, с. 143), харин Ижил болон Уралд нүхэн оршуулгатаанууд оршин байжээ (Солодовников, 2006, с. 12). Сонирхолтой нь Григорьевке 2 булшны бүхий л шинж тэмдэг «Нүхэн оршуулгатаан»-тай тохирч байгаа бол булшинд оршоогдсон эмэгтэй монгол хэв шинжийн хүн судлалын хэв шинжтэй байна. К.Н. Солодовниковын саналаар Григорьевке 2 булшны монгол хэв шинжийн хүн судлалын хэв шинж нь усть-нарым-шидертийн зэс чулууны үеийн ард түмэнтэй холбоогүй бололтой. Гэвч ойролцоо тархан сууж өмнөд тайгийн бүсэд амьдарч байжээ. Энэ баримт нь тохиолдол бүс гэдгийг «Нүхэн оршуулгатаан» григорьевын оршуулгад өөрийн ул мөрөө үлдээн хойт талын нүүдлийн зам дагуу нутгийн ард түмэнтэй шууд харилцаатай байжээ (Мерц, Мерц, 2010, с. 143).

Энэ нь Баян-Өлгий хэв шинжийн чөмүрчөк булшнаас гарсан хүний ясны Монголжуу төрхтэй ойролцоо тэмдэглэгдснийг батлах, монголжуу төрхтний баруун зүгт хүртэлх тархалтыг харуулж байгаа нь хүрлийн түрүү үеийн нүүдэлчдийн угсаа соёлын хамаадлыг тогтоох чухал баримт юм. Елунин соёлын эд өлгийн зүйлсийн зэрэгцээ хүний ясанд хийсэн антропологийн судалгааны үр дүн монголжуу төрхтэй байгаа нь Баян-Өлгий хэв шинжийн жижиг тэгш өнцөгт хашлагатай дурсгал Монгол Алтай (Ковалев и др., 2020), Дорнод Казахстан болон Баруун өмнөд Сибирийн бүс нутагт Афанасьевын соёлын дараагаар Елунин-Кротов, Чөмүрчөк, Окуневын соёлын хүрлийн түрүү үеэс хөгжингүй үеийг хүртэл угсаа соёлын нийтлэгийг бүрдүүлсэн бололтой. Окунев, Дорнод казахстаны булшны хүн судлалын хэрэглэгдүүнд ихэвчлэн эмэгтэй тал нь монголжуу төрхтэй байгаа бол, Баян-Өлгий хэв шинжийн «жижиг тэгш өнцөгт хэлбэртэй» чөмүрчөк булшны эрэгтэй хүн болон баруун өмнөд сибирт тархсан елунин соёлын хүүхдийн антропологи нь монгол төрхтэй байгаа явдал нь Монгол Алтайн зүүн биед шинэ чулуун зэвсгийн үеийн монгол төрхтөн, баруун талаас нүүдэллэн ирсэн афанасьев чөмүрчөк соёлын индоевроп төрхтөнтэй уулзаж монгол болон европ төрхтөний холимог угсаа соёлын нийтлэг үүссэн (Мунхбаяр, 2015, с. 69) болохыг улам дэмжиж байна.

Уг угсаа соёлын нийтлэг үүссэн болохыг гэрчилсэн «нүхэн» оршуулгын зан үйлтний буюу индоевроп гаралтай нүүдэлчдийн соёлын гол заагч болсон нүхэлсэн чулуун сүх Монгол Алтайгаас олдсон явдал нь тэдний тархалтын зүүн урд хязгаарыг зааж байгаа явдал юм. Цаашид Монгол нутаг дахь афанасьев булшны судалгааг идэвхжүүлж, илэрсэн олдвор болон хүн судлалын хэрэглэгдэхүүнд нарийвчилсан судалгааг бүс нутгийн хуримтлагдсан материалуудад тулгуурлан явуулах шаардлагатай байна.

Ном зүй

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: АлтГУ, 1982. – С. 52–77.
- Алдармөнх П.** Афанасьев соёлын булш // Монголын эртний булш оршуулга Кatalоги / Ботийн редактор Г. Эрэгзэн. – Улаанбаатар, 2016. – Т. 31–35. («Монголын археологийн өв» 6 боть кatalоги. – Боть III).
- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М.** Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. – Томск: ТомГУ, 2002. – 120 с.
- Баярсайхан Ж., Хюл Ж.-Л., Түвшинжаргал Т.** Монгол-Америкийн хамтарсан «Баруун Монгол» төслийн 2017 оны хээрийн судалгаа // Монголын археологи – 2017. – Улаанбаатар, 2018. – Т. 165–169.
- Баярсайхан Ж., Баяндэлгэр Ч., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Ванвезэр Н.** «Умард монгол» төслийн Баян-Өлгий, Баянхонгор, Говь-Алтай аймагт хийсэн судалгаа // Монголын археологи – 2019 эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2019 оны 12 дугаар сарын 20-21). – Улаанбаатар, 2019а. – Т. 117–120.
- Баярсайхан Ж., Хюл Ж.-Л., Сейцонин О., Баяндэлгэр Ч., Эгүз Н.** Монгол-Америкийн хамтарсан «Баруун Монгол» төслийн 2018 оны хээрийн судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи – 2018. – Улаанбаатар, 2019б. – Т. 49–52.
- Буянтын археологийн хээрийн шинжилгээний анги-ийн тайлан** (2015 оны 6 сарын 1 – 8 сарын 20). – Ховд, 2015. – 469 т.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф.** Свод памятников афанасьевской культуры: монография. – Барнаул: Азбука, 2014. – 382 с.
- Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.** Разведка пазырыкских курганов в северо-западной Монголии // Проблемы археологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. X. – С. 211–216.
- Волков В.В.** Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. – 1980. – Т. IX, Fasc. 2. – С. 13–16.
- Гришин Ю.С.** Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 108 с. (САИ. – Вып. В3-12).
- Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В.** Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. – 160 с.
- Идэрхангай Т., Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А., Цэнд Д., Эрдэнэпүрэв П., Амгаланбат Б., Батчимэг Б.** Монгол – Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологи» төслийн Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутаг дахь Зөөлөнгийн ам, Тахилтын гол, Тээлийн голд явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2017. – Улаанбаатар, 2018. – Т. 54–58.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: ИА АН Республики Казахстан, Кустан. гос. ун-т, 1997. – 180 с.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза Юго-Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е.** Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – Вып. 7. – С. 81–88.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А.** Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катунь (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. – 80 с.
- Ковалев А.А.** Распространение афанасьевской культуры на территории Сибиряка: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культуры раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2019. – С. 188–209.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.** Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками / Отв. ред.: В.В. Невинский, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 80–85.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.** Афанасьевско-чумурчская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Түүхийн товчоон. – 2010а. – Боть V, Fasc. 13. – Т. 181–205.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.** Афанасьевско-чумурчская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и проблемы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010б. – С. 91–108.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д.** Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центральноазиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического и типологического упорядочения памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 172–176.
- Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Тишкин А.А., Ожередов Ю.И.** Чумурчские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймак Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии:

- чемурчекский культурный феномен. Ч. П. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. – СПб.: МИСР, 2015. – С. 100–141.
- Ковалев А.А., Солодовников К.Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А.И., Зубова А.В.** Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульгийский аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 1 (48). – С. 78–95.
- Козинцев А.Г.** Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // АЭАЕ. – 2008. – № 4 (36). – С. 140–144.
- Кузнецов П.Ф.** Курганные культуры и вероятность миграционных моделей // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. – Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2009. – С. 98–104.
- Кутимов Ю.Г.** Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // Археологические вести. – 2005. – Вып. 12. – С. 188–208.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Часть 1: Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). – Томск: ТомГУ, 1973. – 184 с. (Из истории Сибири. – Вып. 9).
- Мерц В.К.** К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной) / Отв. ред. М.П. Вохменцев. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 71–75.
- Мерц В.К.** Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.
- Мерц В.К., Мерц И.В.** Погребения «ямного» типа Восточного и Северо-Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Афанасьевский сборник: сборник научных статей / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 134–144.
- Мөнхбаяр Ч.** Археологи дахь арван жилийн дурсамж. – Ховд: ХГУ, 2014. – 280 т.
- Мөнхбаяр Ч.** Цамбагарав уулаар аяласан нь (Морин судалгааны ангийн өдрийн тэмдэглэл) // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. – 2016. – Боть VIII, Fasc. 31. – Т. 275–285.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А.** Ховд их сургууль, Төв Азийн археологийн шинжилгээ экспедицийн сүүлийн 5 жилийн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны үр дүн // Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. XIV междунар. науч. конф. (18–19 сентября, 2019, г. Ховд). – Ховд: Соёмбо принтинг, 2019. – Боть 2. – Т. 121–129.
- Мөнхбаяр Ч., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Х.Д., Ковалев А.А., Грушин С.П., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.О., Фрибус А.В.** 2012 оны зун Монгол улсын Ховд аймгийн нутагт явуулсан археологийн хээрийн судалгааны урьдчилсан үр дүн // Түүхийн товчоон. ХоИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Битпресс» хэвлэлийн компани. – 2014. – Боть VII, Fasc. 6. – Т. 54–75.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Д.** Монгол – Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Их хулагаш, Ямаатын голын археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи. – Уланбаатар, 2018. – Т. 70–86.
- Мунхбаяр Ч.** Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 [Место защиты: АлтГУ]. – Барнаул: АГУ, 2013. – 425 с. // Библиотека АлтГУ.
- Мунхбаяр Б.Ч.** Хронологическая схема бронзового века Монголии и монгольская археология (Происхождение, развитие и перспективы науки) // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «VI Оразбаевские чтения» по теме «Проблема преемственности культур в археологии и этнологии», приуроченной к 80-летию КазНУ им. аль-Фараби (25 апреля 2014 г.). – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – С. 165–173.
- Мунхбаяр Б.Ч.** Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы. – Барнаул, Ховд: Соёмбо принтинг, 2015. – 315 с.
- Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Серегин Н.Н., Сарантугалаг Д., Идэрхангай Т.-О.** Раскопки на памятнике Хар узуур-1 // ЭШБ (Ховд их сургуулийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг). – 2013. – Боть VI (18), Fasc. 14. – Т. 88–114.
- Самашев З., Ермолаева А., Куц Г.** Древние сокровища Казахского Алтая. – Алматы: Өтнер, 2008. – 200 с.
- Солодовников К.Н.** Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / АлтГУ. – Барнаул, 2006. – 25 с.
- Степанова Н.Ф., Поляков А.В.** Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 4–15.
- Тишкин А.А., Грушин С.П., Горбунов В.В., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Идэрхангай Т.-О., Фрибус А.В., Эрдэнэбаатар Д.** Результаты полевых исследований в Ховдском аймаке Монголии летом 2012 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 157–169.

- Төрбат Ц., Батсүх Д., Баярхүү Н.** «Монгол Алтайн хурлийн үеийн археологийн судалгаа» төслийн 2011 оны тайлан. ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэнгийн Баримт мэдээллийн сан. – Уланбаатар, 2012.
- Төрбат Ц., Цэлхагарав Ц., Өмирбек Б.** Түүрүү хурлийн үеийн булшийг малтан судалсан ажлын товч үр дүн // Монголын археологи – 2019 эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2019 оны 12 дугаар сарын 20–21). – Уланбаатар, 2019. – Т. 314–320.
- Ховд** аймгийн музейн үзмэрүүд / Х. Эмхэтгэсэн. Бямбасүрэн. – Уланбаатар, 2010. – 80 т.
- Ховд** их сургуулийн НХУС-ийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн «Түүх соёлын хээрийн танилцах дадлага»-ын тайлан (2016–2017 оны хичээлийн жил). – Ховд, 2017. – 68 т.
- Эрдэнэбаатар Д.** Түүхийн хүрээлэнгээс явуулсан археологийн судалгааны мэдээлэл // Угсаатан судлал. – 2006. – Т. XVII. – Т. 155–156.
- Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Варенов А.В., Ковалев А.А., Мижиддорж Э., Эрдэнэ Ж., Өнөрбаяр Б.** Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Уу хөтлийн Цагаан толгой, Хүүшийн өвдөгт явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2016. – Улаанбаатар, 2017. – Т. 262–268.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А.** Археологические культуры Монголии в бронзовом веке // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2009. – С. 70–83.
- Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А.** Монгол Алтайн бүс нутгийн археологийн соёлууд // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology, Vol. 3, No. 1 (287). – Ulan Bator, 2007. – P. 35–50.
- Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Yu., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser Ch.** New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // American Journal of Physical Anthropology – 2018. – Vol. 167 (1). – P. 97–107. DOI: 10.1002/ajpa.23607.
- Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens:** Katalog zur Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. / Hrsg. Th. Stöllner, Z. Samasev. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. – Bd. 1. – 532 S.
- Xinying Zhou, Jianjun Yu, Robert Nicholas Spengler, Hui Shen, Keliang Zhao, Junyi Ge, Yige Bao, Junchi Liu, Qingjiang Yang, Guanhan Chen, Peter Weiming Jia, Xiaoqiang Li.** 5,200-year-old cereal grains from the eastern Altai Mountains redate the trans-Eurasian crop exchange // Nature Plants. – 2020. – Vol. 6. – P. 78–87. DOI: 10.1038/s41477-019-0581-y.

Ch. Munkhbayar

Khovd State University (Mongolia)

ONE HOLE STONE AXE OF THE “YAMNAYA” TYPE IN MONGOLIAN ALTAI

The article tells about a hole stone axe that was discovered in Mongol Altai. The axe is kept in the Local History Museum of Mankhan soum, Khovd aimag. We have previously reviewed the axe, but this time we are comparing it regionally and publishing a review of the Afanasyevo tomb in Mongolia. More than 20 axes were found in Russia and three in Kazakhstan. The discovery of the hole stone axe in Mongolian Altai, a key artefact to

identify the cultural features of “Yamnaya” burials, marks the boundaries of the south-eastern distribution of the culture. In the future, it is necessary to intensify the study of Afanasyevo tombs in Mongolia and conduct a detailed study of the findings and anthropological materials based on the accumulated materials of the region. In this way, it will be possible to study the Indo-European nomadic settlement of the Bronze Age in Mongolia.

KEYWORDS: *Mongol Altai, Bronze Age, “Yamnaya” type sites, Afanasyevo tombs, hole stone axes, distribution.*

И.П. Лазаретов

Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН (Россия)

«ВПУСКНЫЕ» КУРГАНЫ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие»

В археологии Южной Сибири широкое распространение получило повторное использование предшествующих погребальных сооружений другими народами. Обычно раннее погребение просто уничтожалось, а на его месте совершалось новое захоронение. При этом каменные конструкции курганов и самих могил зачастую сохранялись в первоначальном виде. Определить сам факт совершения такого впускного захоронения в них удается только по чужеродному обряду и сопроводительному инвентарю. В скифскую эпоху обычным явлением становится перекрытие поздними курганами курганов энеолита – бронзового века. Ранние конструкции при этом полностью или частично разбирались, погребения предшественников безжалостно разрушались. Таким образом экономилась сила и средства для возведения каменных оград и земляных насыпей собственных монументальных сооружений.

Существует еще одна, довольно малочисленная, но весьма интересная категория вторичных погребальных конструкций раннего бронзового века, получившая в литературе наименование «впускной» курган. Первый комплекс такого рода был исследован в могильнике Пистах (Подольский, 1997). В кург. 3 этого памятника круглая ограда афанасьевской культуры, сложенная из плоских камней, оказалась вписана в квадратную окуневскую ограду из врытых на ребро плит (**рис. 1-1**). Автор раскопок совершенно справедливо отметил, что ранняя ограда намеренно не была разобрана, а использовалась в качестве выразительного архитектурного элемента нового погребального сооружения. Визуально они образовывали единый синкретичный сакральный комплекс (Там же, с. 117).

Позднее было исследовано еще три подобных сооружения в могильниках Итколь-II (кург. 12 и 14) и Камышта-II (кург. 1). Материалы этих комплексов частично опубликованы (Поляков, Есин, 2015, 2017; Киргинеков, 2021). Есть основания полагать, что к данной категории относился и курган Большое Кольцо (Киргинеков, 2010). Еще несколько аналогичных конструкций обнаружено в ходе разведок и папсортизации археологических памятников в разных

районах Хакасии. Это показывает не случайный характер этого явления в развитии курганной архитектуры раннего бронзового века, а, напротив, его достаточно широкое распространение. В связи с этим возникают вопросы интерпретации, хронологических рамок и типологических характеристик в контексте соотношения афанасьевской и окуневской культур.

В публикации материалов могильника Пистах автор раскопок довольно обтекаемо высказался по ключевому вопросу, построена ли круглая ограда афанасьевцами, а затем дополнена окуневской квадратной оградой или обе конструкции возводились одновременно (см.: Подольский, 1997, с. 116–117). Опираясь на эту неопределенность, Л.А. Соколова поместила данное сооружение в разряд гибридных комплексов, как явное доказательство близких контактов афанасьевского и окуневского населения, имевшее характер родственных связей (Соколова, 2006, с. 253).

При детальном изучении чертежей могильника Пистах становится очевидно, что круглая ограда кург. 3 была пристроена вплотную к афанасьевскому кольцу кург. 1. Неслучайно регулярность ее кладки нарушена именно в точке примыкания (Подольский, 1997, рис. 2). Здесь не было необходимости, да и самой возможности выравнивания кладки по внешнему контуру. Разборка северной части кольца кург. 1 производилась окуневцами при строительстве их квадратной ограды. Значительный временной промежуток между возведением двух конструкций, круга и квадрата, легко доказывается геометрией их наложения (**рис. 1-1**). В верхней части склона (северо-западная стенка) окуневская ограда вплотную примыкает к афанасьевскому кольцу. Там не было скоплений упавших плит. Остальные стенки, расположенные ниже по склону, смещены и вынесены за пределы развалов афанасьевского кольца, т.е. к моменту строительства квадратной ограды кольцо уже было частично разрушено. «Окуневцам» пришлось местами даже отказаться от вертикальных плит, заменив их горизонтальной кладкой. Наличие хронологического разрыва между строительством кольца и квадратной оградой здесь очевидно. Аналогичная

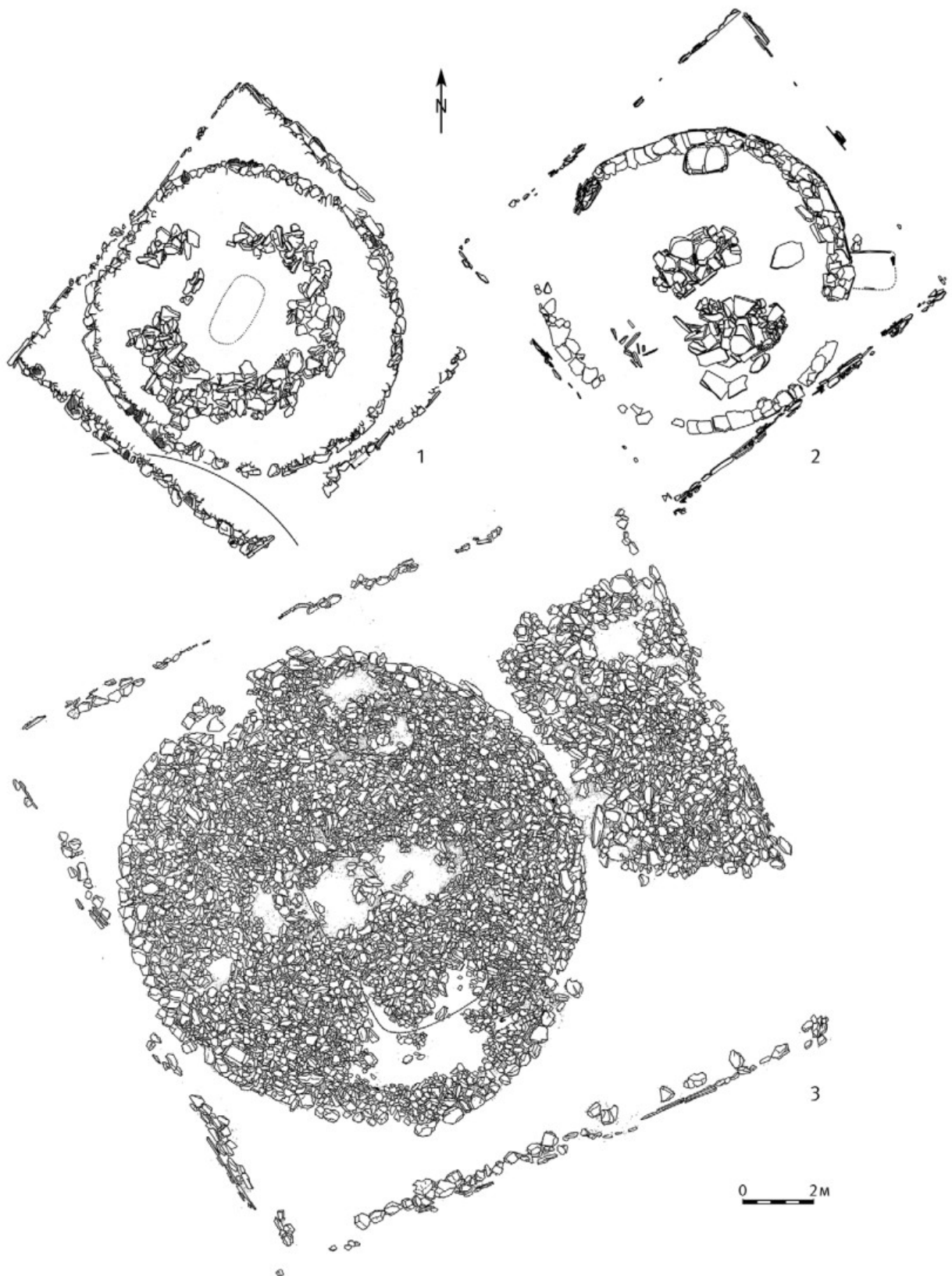

Рис. 1. «Впускные» курганы окуневской культуры: 1 – Пистах, курган 3 (по: Подольский, 1997); 2 – Итколь-II, курган 14 (по: Поляков, Есин, 2015); 3 – Камышта-II, курган 1 (по: Киргинеков, 2021)

Fig. 1. "Inlet" burial mounds of the Okunev culture: 1 – Pistakh, burial mound 3 (after Подольский, 1997); 2 – Itkol-II, burial mound 14 (after Поляков, Есин, 2015); 3 – Kamyshhta-II, burial mound 1 (after Киргинеков, 2021)

ситуация прослежена в кург. 14 могильника Итколь-II (**рис. 1-2**; Поляков, Есин, 2015, с. 44–45). В кург. 1 могильника Камышта-II в квадратную окуневскую ограду оказалось вписано не только афанасьевское кольцо, но и прямоугольная выкладка, пристроенная к нему с востока (Киргинеков, 2021). «Окуневцам» оказалось проще включить в свой курган ранний комплекс целиком, чем разбирать эту дополнительную каменную конструкцию (**рис. 1-3**).

Таким образом, полевые наблюдения показывают строгую последовательность сооружения колец и их квадратного обрамления. Хронологический разрыв между периодами строительства, несомненно, был и составлял как минимум несколько десятилетий.

Примечателен принцип отбора «окуневцами» афанасьевских объектов для их последующей перестройки. В могильнике Итколь-II представлены ограды всех трех хронологических горизонтов существования афанасьевской культуры (Лазаретов, 2017). Преобразован был единственный из курганов позднего периода и ближайшая к нему ограда второго хронологического горизонта. Однако остался нетронутым самый крупный и наиболее ранний из курганов афанасьевского могильника – в него «окуневцы» впустили только свою ритуальную яму и устроили несколько жертвенников. В могильнике Пистах также был перестроен самый поздний из трех афанасьевских курганов. Следовательно, «окуневцы» намеренно отбирали для своих целей ограды наилучшей сохранности, с минимальными развалами и задерновкой.

Попытаемся определить место «впускных» курганов в относительной хронологии самой окуневской культуры. В качестве центральных погребальных конструкций в них, естественно, использовались обширные грунтовые ямы с перекрытием на уровне древней дневной поверхности. Собственно, это были основные афанасьевские могилы, ограбленные и повторно использованные «окуневцами». Им сопутствовало еще шесть аналогичных грунтовых ям, но уже меньшего размера, восемь захоронений в катакомбах всех типов, семь ям с заплечиками и два заглубленных каменных ящика с перекрытием ниже уровня дневной поверхности. Такое сочетание погребальных конструкций характерно для самого раннего, уйбатского хронологического горизонта окуневской культуры (Лазаретов, 2019, с. 21–23). При этом оба заглубленных каменных ящика и две катакомбы типа II-в зафиксированы в кург. 14 могильника Итколь-II, что свидетельствует о его относительно позднем возрасте в рамках представленной выборки (Там же, с. 20). Именно такие конструкции становят-

ся ведущими на следующем, тасхазинском хронологическом горизонте культуры.

Мы уже отмечали, что на ранней стадии развития окуневской культуры наблюдается отчетливая дифференциация погребального обряда по гендерному признаку. Мужчины помещались в могилу в положении на спине, с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх, женщин хоронили скорченно на правом, реже на левом боку (Лазаретов, 1997, с. 36). Однако в кург. 12 могильника Итколь-II двое мужчин, лежавших в катакомбах, также оказались захоронены на правом боку. Вероятно, эта поза является рудиментом более древнего погребального обряда. Женщина из основного захоронения этого же кургана была уложена вытянуто на спине, что может указывать на связь с арагольско-улитинскими комплексами Алтая. Получается, что по конструкциям погребальных сооружений и обряду захоронения кург. 12 выглядит наиболее ранним из всех представленных (Лазаретов, 2019, с. 24).

Керамическая посуда из «впускных» окуневских курганов полностью соответствует ранним стандартам: баночная форма, обязательная орнаментация дна, частое украшение зоны венчика «жемчужинами», окраска охрой. Отсутствуют сосуды с округлым дном и такой декоративный элемент, как ряд коротких насечек, расположенных по краю венчика с внутренней стороны, характерный для комплексов среднего и позднего периодов существования окуневской культуры (**рис. 2**). При этом на двух сосудах (Пистах, кург. 3, и Итколь-II, кург. 14) уже намечается выделение придонной зоны отдельным орнаментальным фризом, что в большей степени свойственно посуде из памятников тасхазинского и позднейших хронологических горизонтов (**рис. 2-1, 2-6**; Там же, с. 31–33). Обращает на себя внимание непропорционально большое количество курильниц, обнаруженных во «впускных» курганах, – не менее четырех (**рис. 2-2, 2-3, 2-13, 2-15**). В окуневской культуре, особенно в ее поздних памятниках, сосуды такой категории встречаются гораздо реже. На двух курильницах (Итколь-II, кург. 12, и Камышта-II, кург. 1) резными линиями изображены «солнцеголовые» антропоморфные личины (**рис. 2-13, 2-15**; Поляков, Есин, 2017, рис. 3; Киргинеков, 2021). Они маркируют наиболее ранний пласт окуневской художественной традиции. В последующих погребениях подобные личины изредка встречаются, но только в качестве выбивок на плитах и только в переиспользованном виде (Поляков, Есин, 2017, рис. 4-1–4-4).

Судя по конструкциям погребальных сооружений, обряду захоронения и сопроводительному инвентарю, все известные нам на данный момент

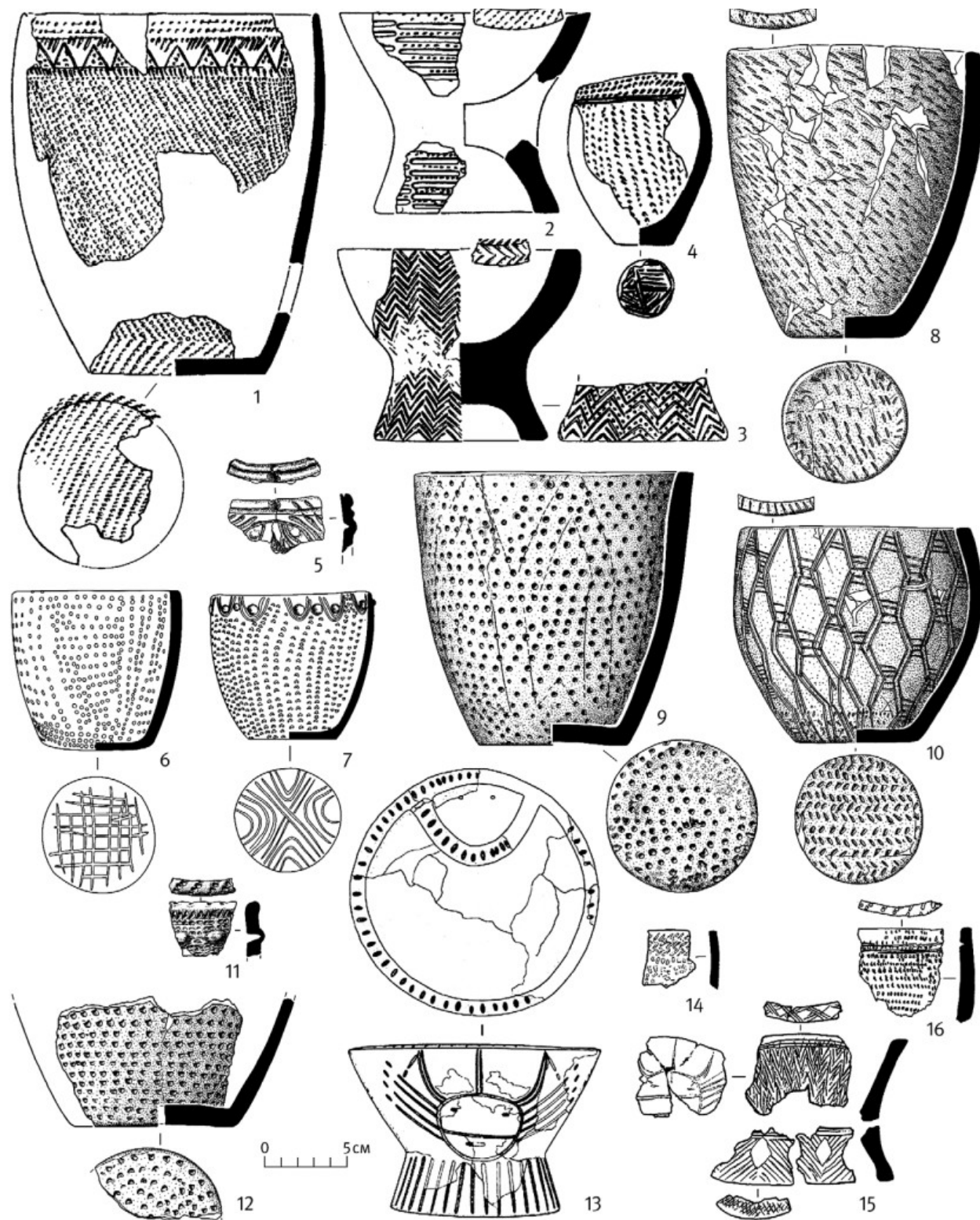

Рис. 2. Керамика: 1–4 – Пистах, курган 3 (1–3 – могила 1; 4 – могила 5); 5–13 – Итколь-II: 5–7 – курган 14 (5 – могила 2; 6 – могила 4; 7 – могила 8); 8–13 – курган 12 (8 – могила 4; 9 – могила 7; 10 – могила 11; 11 – насыпь; 12 – могила 5; 13 – могила 3); 14–16 – Камышта-II, курган 1 (14, 15 – могила 1; 16 – могила 4) (1–4 – по: Подольский, 1997; 5–13 – по: Поляков, Есин, 2015, 2017; 14–16 – по: Киргинеков, 2021)

Fig. 2. Ceramics: Pistakh, burial mound 3 (1–3 – grave 1; 4 – grave 5); 5–13 – Itkol-II: 5–7 – burial mound 14 (5 – grave 2, 6 – grave 4; 7 – grave 8); 8–13 – burial mound 12 (8 – grave 4; 9 – grave 7; 10 – grave 11; 11 – mound; 12 – grave 5; 13 – grave 3); 14–16 – Kamyshta-II, burial mound 1 (14, 15 – grave 1; 16 – grave 4) (1–4 – after Подольский, 1997; 5–13 – after Поляков, Есин, 2015, 2017; 14–16 – after Киргинеков, 2021)

«впускные» курганы окуневской культуры относятся к ее уйбатскому хронологическому горизонту. Среди них намечается деление на более раннюю группу памятников (Итколь-II, кург. 12; Камышта-II, кург. 1) и относительно позднюю (Пистах, кург. 3; Итколь-II, кург. 14). Последний комплекс, по-видимому, завершает линию развития окуневских «впускных» сооружений – его датировка приходится на границу между уйбатским и следующим за ним тасхазинским хронологическим горизонтом культуры.

Выводы

1. Сооружение «впускных» курганов является широко распространенным явлением и отражает определенный этап в развитии окуневской архитектурной традиции.

2. Афанасьевские кольца использовались в качестве важного архитектурного элемента нового, синкретичного погребального сооружения. В сочетании с квадратными окуневскими оградами они визуальное представляли единый сакральный комплекс. Для перестройки намеренно отбирались конструкции наилучшей сохранности, как правило, наиболее поздние курганы из состава афанасьевских могильников.

3. «Окуневцам» оказалось недостаточно осуществить «присвоение» афанасьевских курганов за счет помещения в них своих впускных захоронений. Не-

обходимо было еще и создать наглядную последовательность их развития: круг – круг в квадрате – квадрат. Тем самым достигался эффект визуализации «преемственности».

4. В отличие от афанасьевских, сугубо погребальных сооружений, окуневские «впускные» курганы, наряду с ритуальными площадками и монументальными комплексами типа Туим-Кольцо, образуют целостные архитектурно-ритуальные ансамбли. Это уже не просто курганы, предназначенные только для захоронения людей, а сложные системы передачи следующим поколениям сведений о собственной истории, мифологии и мироздании, отраженные в архитектуре (см.: Кызласов, 1987; Лазаретов, 2012; Лазаретов, Поляков, 2018а, 2018б).

5. «Впускные» курганы маркируют момент прихода и утверждения носителей окуневской культуры на новых для них территориях. Уже через несколько поколений необходимость таким способом доказывать свою исконность и преемственность потеряла актуальность. Все известные нам окуневские «впускные» курганы укладываются в рамки уйбатского хронологического горизонта культуры и датируются концом XXVI – XXV в. до н.э. Практика совершения впускных захоронений в афанасьевских кольцах сохранялась вплоть до начала черновского периода, но «впускные» курганы больше уже не возводились.

Список литературы

- Киргинцев Э.Н.** Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 79–91.
- Киргинцев Э.Н.** Впускной окуневский курган в долине речки Камышта Хакасско-Минусинской котловины // Археологические вести. – 2021. – (в печати).
- Кызласов Л.Р.** Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.) / Отв ред. В.П. Шилов. – М.: Наука, 1987. – С. 143–145.
- Лазаретов И.П.** Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19–64.
- Лазаретов И.П.** Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Редкол.: В.А. Алёшкин и др. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 2. – С. 220–224.
- Лазаретов И.П.** К относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея или хорошо забытое старое // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. – 2017. – № 8 (20). – С. 8–34.

Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (28). – С. 15–50.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. – 2018а. – № 2 (22). – С. 21–46.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Святилище раннего бронзового века в Туве // Археологические вести. – 2018б. – Вып. 24. – С. 83–93.

Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 113–122.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // АЭАЕ. – 2015. – Т. 43. № 2. – С. 44–57.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – Т. I. – С. 339–343.

Соколова Л.А. Типология погребальных сооружений окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол.: Д.Г. Савинов и др. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 251–259.

I.P. Lazaretov

South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

“INLET” BURIAL MOUNDS OF THE OKUNEV CULTURE

The “inlet” burial mounds of the Okunev culture are syncretic funerary structures consisting of a round Afanasev fence, supplemented later by a square structure of the Okunev culture. The purpose of their construction was to “appropriate” other mounds and visual visualization of the “continuity” of two completely different peoples. The “inlet” burial mounds mark the moment of the

appearance and formation of the Okunev culture in new territories. All of them fit into the framework of the early Uibat chronological horizon of the culture and date back to the end of the 26th–25th centuries BC. After several generations, the need to prove their ancestral identity and continuity in this way lost its relevance, and the construction of “inlet” burial mounds stopped.

KEYWORDS: *Southern Siberia, Early Bronze Age, Okunev culture, “inlet” burial mounds, early Uibat chronological horizon.*

А.А. Ковалев¹, Ч. Мөнхбаяр²

¹ ШУА-ийн археологийн хүрээлэн (ОХУ)

² Ховд их сургууль (Монгол улс)

ХАР ЧУЛУУТ 1 ЧЕМУРЧЕК ОРШУУЛГА-ТАХИЛГЫН ЦОГЦОЛБОРЫН ТӨРЖ БУЙ ЭМЭГТЭЙН ДӨРСЛЭЛ

Ховд их сургуулийн археологийн судалгаа 1980-аад оны сүүл үеэс эхлэлтэй билээ. 1994 онд тус сургууль гадны байгууллагатай хамтарч археологийн анхны малтлага судалгааг явуулснаас хойш 2010 онд анхны бие даасан малтлага явуулж ирсэн түүхтэй (Мөнхбаяр, 2014).

Эдүгээ 2019 оны байдлаар тус сургууль Монгол орны баруун бүс нутагт орших 1000 орчим түүх соёлын дурсгалыг Монгол улсын бүртгэл мэдээллийн системд бүртгүүлж, 50 гаруй булш (афанасьев 2, чемурчек 29, мөнххайрхан 2, мөнгөн тайга булш 2, хиригсүүр 7, эртний скифийн үеийн булш 3, монголын үеийн булш 1, хадны оршуулга 6 ба бус), 30 гаруй түрэгийн тахилгын байгууламжийн малтлага судалгааны ажлыг дангаараа болон хамтарсан байдлаар явуулсан байна.

Эдгээр булш оршуулгын дурсгалаас Бэлэн ус 3-ын чемурчек булшнаас илэрсэн дээрээ зосон зураг бүхий хавтан чулуу, мөнхүү булшнаас гарсан хүрэл унжлага, алтан хонгио бүхий хүзүүний зүүлт (Мөнхбаяр, 2017б), Шар говийн эхэний Мөнххайрхан булшнаас гарсан ясан халбага, хүрэл цагираг гархи бүхий бөс даавуун уут (Одоогоор Монгол нутгаас олдоод байгаа хамгийн анхны бөс даавуу) (Мөнхбаяр, Ковалев, 2019), Ямаат голын мөнххайрхан булшнаас гарсан оронгутаны шүдэн зүүлт (Мөнхбаяр нар, 2018б), Хар толгойн хиригсүүрээс гарсан бөс даавуун

өмд (Мөнхбаяр, 2017а) зэрэг нь содон цор ганц хосгүй үнэт дурсгалууд билээ.

Эдгээрээс гадна 2015 (Мөнхбаяр, 2015; Ковалев, Мунхбаяр, 2015; Мөнхбаяр нар, 2018а), 2019 онд малтан судласан Хар чулуут чемурчек цогцолбор, 2018 онд шинжилсэн Хулагаш 1 булшны хавтан болон дараас чулуун дээрх хадны сийлбэр зураг (Мөнхбаяр, Ковалев, 2019) бол эдүгээ Монгол нутагт хүрэл зэвсгийн түрүү үед холбогдох хосгүй үнэт дурсгал юм.

Монгол улсын хөдөө орон нутагт анхны дээд боловсролын байгууллага их сургууль үүсэн байгуулагдсаны буюу Ховд их сургууль үүсэн байгуулагдаж хөгжсөний 40 жилийн ойд зориулан Хар чулуут 1 цогцолборын 229, Хулагаш 1 цогцолборын 200 гаруй хавтан чулууны гол дүрслэл, булш оршуулгыг олон нийтэд музейн үзмэр болгон толилуулах, түүгээр дамжуулан МЭӨ 2700–1600 жилийн тэртээх Монгол Алтай дахь Чемурчек соёлд холбогдох нүүдэлчдийн соёлтой ард иргэдийг таниулах, мэдээллийг олон нийтэд түгээх зорилгоор «Монгол-Оросын археологчид Их Алтайд өнгөт төмөрлөгийн эрин үеийг нээсэн нь: 15 жилийн хамтын ажиллагаа (2019.05.17–10.20)» сэдэвт археологийн үзэсгэлэнг (Монгол-Оросын археологчид, 2019, с. 24) Ховд аймгийн Музейн Өв соёлын хүрээлэнд гаргаад байна (зур. 1–4). Уг олдворуудыг цаашид тус хүрээлэн-

Зур. 1. Хар чулуут 1 цогцолбор. Малтлага 1. Судалгааны эхний шат (иш татсан: Мөнхбаяр, 2019, т. 5, зур. 3)

Fig. 1. Kharchuluut 1 complex. Building 1. The first stage of research (fence and cairn cleaning) (after Мөнхбаяр, 2019, т. 5, зур. 3)

Зур. 2. Хар чулуут 1 цогцолбороос гарсан эвэрт бөө болон төрж буй эмэгтэй хүний дүрслэл бүхий хавтан чулуу (анх илрүүлсний дараах байдал)

Fig. 2. A stones lab depicting a horned deity and a woman giving birth from the Khar chuluut 1 complex *in situ*

гийн байнгийн үзмэр болгох талаар Ховд аймгийн музейн удирдлагуудтай тохироод байна.

2019 оны археологийн малтлага судалгаа Баян-Өлгий аймгийн Улаанхус сумын нутагт орших Хар чулуут 1 цогцолборын баруун хойт хэсэгт үргэлжлүүлэн малтлага судалгааг явуулахад 250 орчим зураг дүрслэл бүхий хавтан чулуу болон ямар нэгэн байдлаар засаж хүний гар хүрсэн чулуу нэмэгдэж олдлоо (Мөнхбаяр, 2019б, т. 1–2).

Эдгээр хавтан чулуудын талаар уг илтгэлээр бүгдийг толилууль чадахгүй тул зөвхөн төрж байгаа эмэгтэй хүний дүрслэл бүхий ХЧ413 дугаар бүхий хавтан чулуу (Мөнхбаяр, 2019а, т. 192, зур. 24) хүрлийн түрүү үеийн соёлын онцлогыг тодорхойлогч дүрслэл болох талаар харьцуулан өгүүлэхийг эл илтгэлийн гол зорилгоо болголоо.

Хар чулуут 1 болон Хулагаш 1 чемурчек цогцолбороос олдсон 600 гаруй хавтан чулуудын ихэнх нь Ховд аймгийн Өв соёлын хүрээлэн болон Ховд их сургуулийн музейд хадгалагдаж, үзэсгэлэнд тавигдсан байна. Эдгээрээс нэн сонирхолтой нэг хавтан чулуу Хар чулуут 1 цогцолбороос олдсон нь дээрээ эвэр өмсгөл бүхий бөө болон төрж байгаа эмэгтэй хүний дүрслэлтэй (Мөнхбаяр, 2019а, т. 250–255, зур. 170–178) байв.

Хар чулуут 1 (малтлагын нийт талбай 580 хавтгай дөрвөлжин м). Дурсгалын газар зүйн байршил – ХӨ. 48°31,66', ЗУ. 88°52,16', ДТД 2190 м. Чемурчек соёлд холбогдох тахилгын цогцолбор Хар чулуут 1 (МЭӨ 2600–2500 он) Ховд голын цутгал Годон голын баруун (хойт) эрэгт оршино (Монгол улс, Баян-Өлгий аймаг, Улаанхус сум). 2015 онд уг цогцолбор дурсгалын зүүн талын байгууламжийг тус сургууль Санкт-Петербургийн Рерихын гэр музей-хүрээлэнтэй хамтран зохион байгуулсан хээрийн шинжилгээний ангийн хүрээнд судласан болно. Байгуу-

Зур. 3. Ховд аймгийн Музейн Өв соёлын хүрээлэнд «Монгол-Оросын археологчид Их Алтайд өнгөт төмөрлөгийн эрин үеийг нээсэн нь: 15 жилийн хамтын ажиллагаа (2019.05.17–10.20)» сэдэвт археологийн үзэсгэлэн

Fig. 3. Archaeological exhibition at the Khovd Aimag Museum Heritage Institute entitled “Mongolian-Russian Archaeologists Discover the Age of Early Metallurgy in the Great Altai: 15 Years of Cooperation (May – October 2019)”

ламжийн онцлог нь 27×37 м хэмжээтэй дөрвөлжин тавцант чулуун байгууламжийг гадна талаар нь хадны сүг зураг сийлбэрлэсэн хавтан чулуугаар хүрээлэн, зүүн урд талд нь 27×37 м хэмжээтэй тахилгын байгууламжийг үйлдсэнд оршино (Мөнхбаяр, 2019, т. 1). Бидний явуулсан судалгааны үр дүн эдүгээ дэлхий нийтэд танил болжээ (Jacobson-Tepfer, 2019, р. 315, 323).

2019 онд 15×27 м хэмжээтэй баруун хойт талын тавцан чулуут байгууламжид малтлага явахад уг хавтан цогцолбор байгууламжийн баруун талд хадны сүг зураг бүхий хэд хэдэн хавтан чулуудын дунд тавигдсан байв (**зур. 1; 2**). Малтлагын эхний шатны агаараас авсан зургийн баруун хойт талд байрлах хажуу талд нь шугам тавьсан хавтан чулуу бол бидний онцлон өгүүлэхийг зорисон эмэгтэй хүний дүрслэл бүхий дурсгал юм (Мөнхбаяр, 2019а, т. 5, зур. 3).

Уг хаднаа эвэрт бөө болон бусад дүрслэлийн зэрэгцээ хоёр ширхэг төрж байгаа эмэгтэй хүний дүрслэлийг бүх талбайгаар нь хонхойлгон сийлбэрлэжээ. Эхний эмэгтэй хүнийг, биеийг хөвөөлөн цохих аргаар урласан эвэрт бөөний дээд талд толгойг доош харуулан бүх биеийг хонхойлгон биеийн бүх хэсгийг дүрсэлжээ. Эмэгтэйг хоёр хөлөө алцайж, хоёр гараа тохойгоор нь үл ялиг нугалж, дээш харуулсан байдалтай урлажээ. Эмэгтэйн толгойн үсийг хоёр талруу нь унжсан, хоёр хөлний завсараар хүүхэд гарж байгаа бололтойгоор зохиомжлон дүрсэлжээ. Хоёр дахь эмэгтэй хүнийг нэгдүгээр төрж байгаа эмэгтэйн баруун талд хэмжээний хувьд жижигхэн дүрсэлжээ. Уг эмэгтэйг I зурагтай адил дүрсэлсэн нь хөх болон алцайсан хөлний дүрслэл нь их тодорхой авч, хүний толгой болон цээж, хоёр гарны дүрслэл нь ихэд баларч бүдгэрчээ (**зур. 5-1, 5-2**). Уг хадны зураг анх өнгөн хөрсний цэвэрлэгээний дараа бүтнээр илэрсэн боловч газрын хөрсөн доор гүн биш 4600–4500 жил хэвтсэн тул чулууны чанарт бороо цасны ус нөлөөлж хөндөж авах үед хэдэн хэсэг болж хагарсан юм. Цаашид уг хавтан чулуу болон бусад хавтан чулууг наах бэхжүүлэх, дүрслэлийг судлах ажилд төр засгийн зүгээс дэмжлэг үзүүлнэ байхаа гэдэгт найдаж байна (**зур. 2; 4**).

Монгол Алтайд байрлах хүрлийн түрүү үеийн төрж буй эмэгтэйн дүрслэлтэй шууд харьцуулах дурсгал Ховд аймгийн Булган сумын нутаг Баянголын Гаалиан бичигт хад (Мөнхбаяр, 2006, т. 43–50, зур. 2; 12; 14; 15; 19; 2014, т. 99, 126, 127, зур. 35) (**зур. 5-8**), Манхан сумын нутаг Хойт цэнхэрийн гол (Санжмятав, 1995, т. 35, хус. 96-2; 97-1) (**зур. 5-5, 5-6**), Хавцгайтын адгийн Хүйтэн хошуу (**зур. 5-11**), Эрдэнэбүрэн сумын нутаг Хонгион голын дунд урсгалын зүүн эрэг дагуу орших Харганат (**зур. 5-4**),

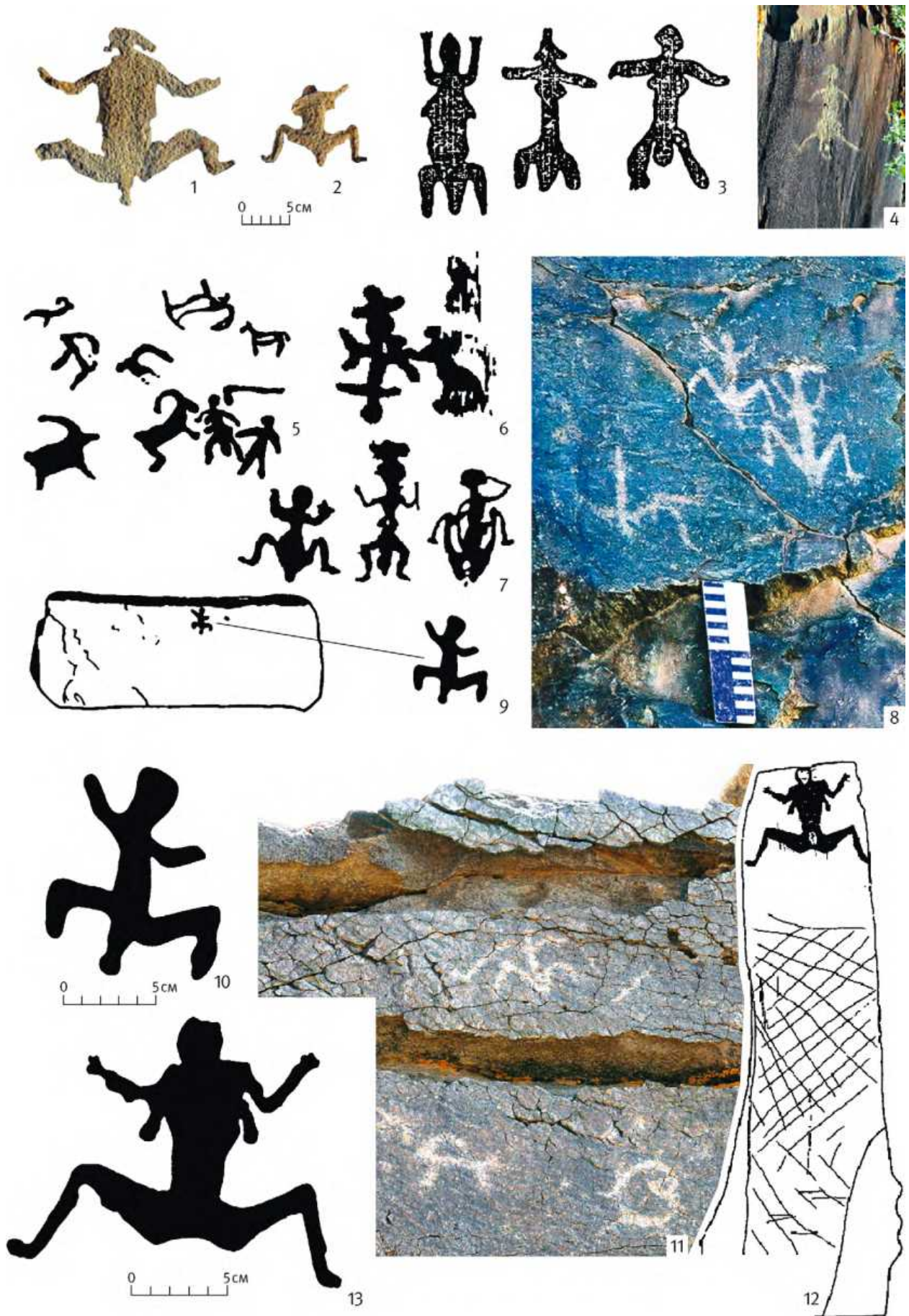
Зур. 4. Хар чулуут 1 цогцолбор. Байгууламжийн баруун хананы хажуу дахь дүрслэл бүхий чулуу (Хавтан чулууг ХИС-ийн музейруу зөөхөөр авсны дараах байдал) (иш татсан: Мөнхбаяр 2019, т. 8, зур. 7)

Fig. 4. Khar chuluut 1 complex. The stone slab depicting a horned deity and a woman giving birth close up after the slab was taken to the museum of Khovd University (иш татсан: Мөнхбаяр 2019, т. 8, зур. 7)

Баян-Өлгий аймгийн нутаг Бага Ойгор, Цагаан салаа (Кубарев и др., 2005, с. 52, рис. 6) (**зур. 5-7**) болон Архангай аймгийн Тариат сумын нутаг Чулуут гол (Новгородова, 1989; Цыбиктаров, 2006, с. 211, рис. 3-1, 3-2) (**зур. 5-3**)-д тэмдэглэгдэж байна.

Амаржиж буй эмэгтэй хүний дүрслэл Монгол Алтайд тархсан чемурचेкийн соёлтой зэрэгцэн Уулын Алтайд нэгэн цаг үед орших Караколын соёл (МЭӨ 2200–1800)-д холбогдох Озерныйгын булшны хавтан чулуу (Кубарев, 2009, с. 107, рис. 13-1, 13-2) (**зур. 5-9, 5-10**) болон Хакад орших Окуневыйн соёл (МЭӨ 2200–2000)-д хамаарах Сыда V булшны хавтан чулуун дээрх зосон зураг (Грязнов, Комарова, 2006, с. 71, табл. 12-1; Мунхбаяр, 2015, с. 252, 288, рис. 136-1а, 136-2–136-5, 136-17, 136-23, 136-24; 171-29) (**зур. 5-12, 5-13**) зэрэгт адил тохиолдож байна. Түүнчлэн 2018 оны 8 сарын 1–23-ны хооронд Соёлын өвийн үндэсний төвийн судлаачид Монгол Алтайн нурууны хадны зургийн цогцолбор дурсгалд дахин тодорхойлолт үйлдэх үедээ Увс аймгийн Ховд сумын Халиун булаг багийн нутаг Тэрэм хэмээх газар Х хэлбэрийн дүрслэл, яст мэлхий болон шувуу мэт зосоор зурсан дүрслэлүүдийг илрүүлж баримтжуулсны (Анхсанаа нар, 2018) зарим дүрслэл төрж байгаа эмэгтэйн дүрслэл байж мэдэхээр байгаа тул цаашид өнгөт зургийг үзэж, ултай харьцуулан судлах хэрэгтэй мэт санагдана.

Дүрслэлийн хувьд төрж байгаа эмэгтэй хүн нь хоёр хөлөө алцайсан, хоёр гараа тохойгоор нь хагас нугалж дээш өргөсөн, салтаа орчимоос хүүхэд гарч байгаа бололтой дүрслэлтэй ажээ. Уг төрж байгаа эмэгтэй хүнийг ялгах хоёр хөхийг унжсан байдалтай

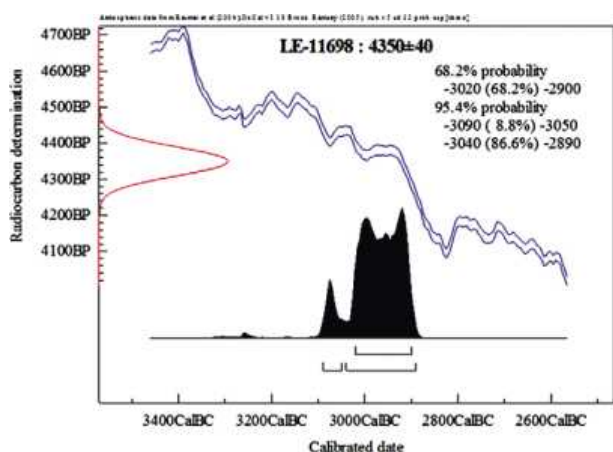
Зур. 5. Их Алтай дахь хүрлийн түрүү үеийн төрж буй эмэгтэйн дүрслэл, харьцуулалт: 1, 2 – Хар чулуут 1 чемурчек цогцолбор; 3 – Чулуут гол (иш татсан: Новгородова, 1989; Цыбиктаров, 2006, с. 211, рис. 3-1, 3-2); 4 – Харганат (иш татсан: Мөнхбаяр, 2015, т. 56-57, зур. 5-30); 5, 6 – Хойт цэнхэрийн гол (иш татсан: Санжмятав, 1995, т. 35, табл. 96-2; 97-1); 7 – Бага Ойгор Цагаан салаа (иш татсан: Кубарев и др., 2005, с. 52, рис. 6); 8 – Баянголын Гаалиан бичигт хад (иш татсан: Мөнхбаяр, 2006, т. 43-50, зур. 2, 12, 14, 15, 19); 9, 10 – Озерныйгын Каракол булшны хавтан чулуун дээрх зосон зураг (иш татсан: Кубарев, 2009, с. 107, рис. 13-1, 13-2); 11 – Хавцгайтын адгийн Хүйтэн хошуу; 12, 13 – Сыда V окунев булшны хавтан чулуун дээрх зосон зураг (иш татсан: Грязнов, Комарова, 2006, с. 71, табл. 12-1; Есин, 2010, с. 59, рис. 5-4; Мунхбаяр, 2015 с. 252, 288, рис. 136-1а, 2-4, 5, 17, 23, 24; 171-29)

Fig. 5. Comparison of petroglyphs with women giving birth of the Early Bronze Age in the Great Altai: 1, 2 – Khar chuluut 1 Chemurchek complex; 3 – Chuluut gol (after Новгородова, 1989; Цыбиктаров, 2006, с. 211, рис. 3-1, 3-2); 4 – Harganat (after Мөнхбаяр, 2015, т. 56-57, зур. 5-30); 5, 6 – Khoit tsenkheriin gol (after Санжмятав, 1995, т. 35, табл. 96-2; 97-1); 7 – Baga Oigor/Tsagaan Salaа (after Кубарев и др., 2005, с. 52, рис. 6); 8 – Bayangolyn Gaalian depicted rock (after Мөнхбаяр, 2006, т. 43-50, зур. 2, 12, 14, 15, 19); 9, 10 – Paintings on the slabs of the Karakol ciulture tomb of Ozerny (after Кубарев, 2009, с. 107, рис. 13-1, 13-2); 11 – Khuiten khoshuu of Khavtsgait valley; 12, 13 – Syda V Okunев culture kurgan tombstone painting (after Грязнов, Комарова, 2006, с. 71, табл. 12-1; Есин, 2010, с. 59, рис. 5-4; Мунхбаяр, 2015 с. 252, 288, рис. 136-1а, 2-4, 5, 17, 23, 24; 171-29)

дүрсэлсэн байгаа нь ихэнх зурагт давтагдаж байна. Ялангуяа Бичигт хадны төрж байгаа эмэгтэй хүний хөл хэсгийг дүрсэлсэн дүрслэл Хавцгайтын адгийн Хүйтэн хошууны зурагтай усны дусал шиг адил байгаа нь ихээхэн сонирхолтой (**зур. 5-8, 5-11**), яалтай ч үгүй нэг цаг үеийнх гэдэг нь маш тодорхой харагдаж байгаа юм. Монгол Алтайн дүрслэл хөрш Уулын Алтай болон Хакасд зосон дүрслэлээр адил зохиомжтой зурагдсан нь Их Алтайн хүрлийн түрүү үеийн оршин суугчид нэг угсаа соёлын нийтлэгт оршиж байсан нь оршуулгын байгууламж, ваар сав, хээ болон бусад шинжээрээ адилхан болохыг давхар батлаж байна.

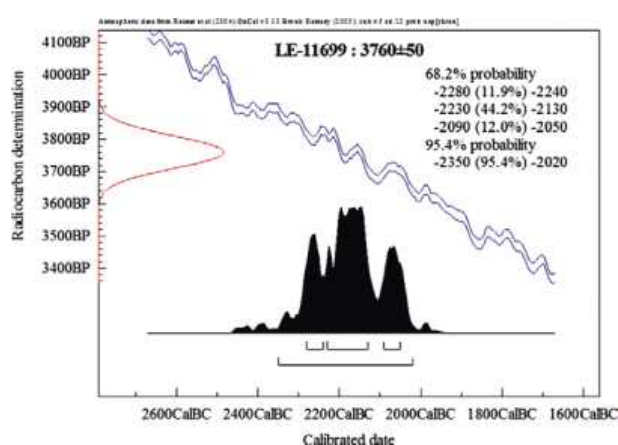
Эцэст нь тэмдэглэхэд Монгол Алтайн хүрлийн түрүү үеийн он цаг нь тодорхой болсон соёл буюу чемурчек соёлд холбогдох 30 гаруй тахилга-оршуулгын дурсгалын гол төлөөлөл болох Хар чулуут 1

цогцолбор дурсгал нь МЭӨ 2500–2600 жил (Мөнхбаяр нар, 2018а, т. 28, 34, 47, зур. 12; 13) (**зур. 6; 7**)-д мөнхүү соёлд холбогдох нь нүүрс хүчлийн хэт ислийн он цагийн судалгаагаар тогтоогдоод байгаа болно. Иймд их Алтай дахь төрж буй эмэгтэй хүний дүрслэл ялангуяа бусад бүс нутаг дахь хадны зураг дахь хөлөө алцайн гараа дээш харуулан тохойгоороо хагас нугалж, салтаа орчимоос нь хүүхэд гарч буй, эмэгтэйн хөхийг тодорхой гаргасан зохиомж бүхий зураг нь хүрлийн түрүү үед он цагийн хувьд холбогдох боломжтой соёлын онцлогыг тогтоох гол шинж бүхий дүрслэл гэдгийг бидний судалгаа батлан харуулж байна. Цаашид Их Алтай дахь хүрлийн түрүү үеийн археологийн орон нутгийн онцлогтой соёлын хүн судлалын хэрэглэгдхүүнийг хооронд харьцуулан судлаж угсаа түүх, нүүдэл суурьшлын асуудлыг тогтоох шаардлагатай болов уу.

Зур. 6. Хар чулуут 1 чемурчек цогцолборны 15/8-9 сеткээс гарсан модны нүүрснээс тогтоосон он цаг (иш татсан: Мөнхбаяр ба бус, 2018, т. 47, зур. 12)

Fig. 6. 14C-date of the charcoal from area 15/8-9 of Khar Chuluut 1 Chemurchek complex (after Мөнхбаяр ба бус, 2018, т. 47, зур. 12)

Зур. 7. Хар чулуут 1 чемурчек цогцолборны зүүн урд талын хэсгийн модон шургаагны үлдэгдэлээс тогтоосон он цаг (иш татсан: Мөнхбаяр ба бус, 2018, т. 47, зур. 13)

Fig. 7. 14C-date of the remains of a wooden pole in the southeastern part of the Khar Chuluut 1 Chemurchek complex (after Мөнхбаяр ба бус, 2018, т. 47, зур. 13)

Ном зүй

- Анхсанаа Г., Нямдорж Д., Чинбат П., Мөнгөнцоож А.** Соёлын өвийн Үндэсний төвөөс Монгол Алтайн нурууны хадны зургийн цогцолбор дурсгалд ажилласан хээрийн судалгаа // Монголын археологи – 2017. – Улаанбаатар, 2018. – Т. 207–213.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н.** Сыда V – могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Редкол.: Д.Г. Савинов и др. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 53–71.
- Есин Ю.Н.** Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.
- Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч.** Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / Сост. и науч. ред. А.А. Ковалев – СПб.: МИСР, 2015. – С. 155–214.
- Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч.** Раскопки уникального погребально-ритуального комплекса мунх-хайрханской культуры Шар говийн эхэн 1 в высокогорном районе Монгольского Алтая // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2018. Т. 14, № 3. – С. 43–58.
- Кубарев В.Д.** Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.
- Монгол-Оросын археологчид.** «Монгол-Оросын археологчид Их Алтайд өнгөт төмөрлөгийн эрин үеийг нээсэн нь: 15 жилийн хамтын ажиллагаа (2019.05.17–10.20)» сэдэвт археологийн үзэсгэлэнгийн танилцуулга // Эрхэлсэн Ч. Мөнхбаяр, А.А. Ковалев, Б. Сүхбаатар. – Ховд, 2019. – 24 т.
- Мөнхбаяр Ч.** Баянголын Гаалиан бичигт хадны зураг // Түүхийн товчоон. – 2006. – Т. III, Fasc. 6. – С. 35–49.
- Мөнхбаяр Ч.** Археологи дахь арван жилийн дурсамж. – Ховд: ХГУ, 2014. – 280 т.
- Мөнхбаяр Ч.** Монгол Алтайн хүрлийн түрүү үеийн ард түмний сүсэг бишрэлийн тухай асуудалд // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. – 2015. – Т. VII, Fasc. 7. – Т. 47–96.
- Мөнхбаяр Ч.** Хиригсүүрээс гарсан нэгэн өмдний тухай (Судалгааны урьдчилсан үр дүн) // Монголын археологи. – Улаанбаатар, 2017а. – Т. 115–119.
- Мөнхбаяр Ч.** Хүрлийн түрүү болон хөгжингүй үед холбогдох хоёр ховор олдворын солонгон задлалын үр дүн // Journal of the archaeology, history and culture. Journal of Ulaanbaatar state university Mongolia. – 2017б. – Vol. 13 (12), Fasc. 2. – Т. 7–16.
- Мөнхбаяр Ч.** «Буянтын археологийн хээрийн шинжилгээний анги»-ийн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны тайлан (2019 оны 4 сарын 01 – 10 сарын 15). – Ховд, 2019а. – 335 т.
- Мөнхбаяр Ч.** ХИС, ОХУ-ын Рерихын гэр музей-хүрээлэнгийн хамтарсан Буянтын археологийн экспедицийн Төв Азийн судалгааны анги «Монгол Алтайн эртний соёлын иж бүрэн хээрийн шинжилгээ (Алтай Таван богдын байгалийн цогцолбор газрын нутгийн жишээн дээр)» сэдэвт ажлын хүрээнд Баян-Өлгий аймгийн Улаанхус сумын нутагт явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын товч тайлан (2019.10.18). Байгаль орчин, аялал жуулчлалын яам, Монгол Алтайн нурууны улсын тусгай хамгаалалттай газрын хамгаалалтын захиргаанд илгээсэн тайлан. – Ховд, 2019б. – 15 т.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А.** Ховд их сургууль, Төв Азийн археологийн шинжилгээ экспедицийн сүүлийн 5 жилийн археологийн хайгуул, малтлага судалгааны үр дүн // Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. XIV междунар. науч. конф. (18–19 сентября, 2019, г. Ховд). – Ховд: Соёмбо принтинг, 2019. – Боть 2. – Т. 121–129.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц.** Хар чулуут I Чемурчек булшны дараас чулуун дахь тэрэгний зургийн дүрслэл // Journal of the archaeology, history and culture. Journal of Ulaanbaatar state university Mongolia. – 2018. – Vol. 14 (13), Fasc. 4. – Т. 28–47.
- Мөнхбаяр Ч., Ковалев А.А., Буян-Орших Ц., Сүхбаатар Д.** Монгол-Оросын хамтарсан хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Сагсай сумын нутаг Их хулагаш, Ямаатын голын археологийн дурсгалын судалгаа // Монголын археологи. – Улаанбаатар, 2018. – Т. 70–86.
- Мунхбаяр Б.Ч.** Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы. – Барнаул, Ховд: Соёмбо принтинг, 2015. – 315 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Санжмятав Т.** Монголын хадны зураг. – Улаанбаатар, 1995. – 103 т.
- Цыбиктаров А.Д.** Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н.э.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – 236 с.
- Jacobson-Tepfer E.** The Life of Two Valleys in the Bronze Age. Rock Art in the Altai Mountains of Mongolia / With Photography by Gary Tepfer. – Luminare Press, 2019. – 329 p.

A.A. Kovalev¹, Ch. Munkhbayar²

¹ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

² *Khovd State University (Mongolia)*

DESCRIPTION OF THE WOMAN GIVING BIRTH OF KHAR CHULUUT 1, CHEMURCHEK ENCLOSURE

To mark the 40th anniversary of Khovd University, an archeological exhibition entitled “Mongolian-Russian Archaeologists Discover the Age of Nonferrous Metallurgy in the Great Altai: 15 Years of Cooperation (2019.05.17–10.20)” was held at the Khovd Aimag Museum (Mongol-Orosyn arkheologchid, 2019, p. 24). About 500 slabs of Khar Chuluut 1 and Khulagash 1 Bronze Age burials excavated in Ulaankhus and Sagsai soums of Bayan-Ulgii aimag were unveiled at the exhibition, and about 250 new slabs were discovered during excavations in Khar Chuluut in 2019. The report com-

pares the image of a woman who was giving birth among the slabs with the Chemurchek culture and the main features of the Early Bronze Age culture with the rock paintings of the Okunevo and Karakol cultures. It can be concluded from the comparative analysis that there was a common culture in the Early Bronze Age in the Great Altai. In the future, the depiction of women giving birth in Central Asia requires a comparative analysis of periods with chronological sites such as Khar Chuluut to identify cultural features.

KEYWORDS: *Great Altai, Mongolia, Early Iron Age, Chemurchek culture, Khar Chuluut 1, slabs, petroglyphs, women giving birth.*

П.В. Мандрыка

Сибирский федеральный университет

БОБРОВСКИЙ ТИП КЕРАМИКИ НА ЕНИСЕЕ

Постановка проблемы

В бронзовом веке на берегах Енисея протекали сложные культурно-исторические процессы, связанные со сменой культурных образований в ходе миграций и/или изменения местных традиций, сложившихся еще в позднем неолите. Такие тенденции прослежены в опустыненных степях и горнотаежных районах верховьев Енисея, степях Хакаско-Минусинских котловин, Красноярской лесостепи и южной тайге Среднего Енисея. Для каждого региона разработаны сопоставимые культурно-исторические колонки, отмечены взаимовлияния, идущие по долине Енисея, приток новаций с Алтая, Казахстана, Монголии и Северного Китая. Для северных регионов Среднего и Нижнего Енисея сохраняются связи с таежными районами Западной Сибири, Северного и Южного Приангарья, Прибайкалья и Якутии. Степень изученности хронологии и разных типов памятников в этих регионах различная. Для бронзового века южнотаежной зоны Среднего Енисея основным источником остаются поселения открытого типа. Добытые на них материалы разнообразны, но культурная идентификация преимущественно устанавливается по керамике, что делает необходимой ее характеристику как важного источника.

В раннем бронзовом веке в южнотаежной подзоне Среднего Енисея выделены несколько морфологических типов керамики (Мандрыка, 2006). В настоящей статье представлена керамика с гребенчатой орнаментацией, которая получила название «бобровского типа».

Материалы

Керамика бобровского типа отмечена на целом ряде памятников южной тайги Среднего Енисея. Опорными среди них выступают многослойное поселение Бобровка и комплекс Усть-Шилка II. Отдельные материалы получены на многослойном поселении Шилка IX.

На поселении Бобровка в раскопе № 1 рассматриваемая керамика приурочена к культурному слою 7А и пачке из 16 горизонтов культурного слоя 6. Все горизонты разделяются между собой стерильными прослойками песка, образованными периодическими подтоплениями склонов террасы. Мощность каждой культуровмещающей погребенной

почвы составляла от 5 до 15 см, мощность стерильных песчаных прослоек между ними – от 5 до 20 см. В раскопе № 2 керамика бобровского типа залегала вместе с другими материалами финала эпохи бронзы и раннего железного века (Археология..., 2003).

Из 336 найденных фрагментов по венчикам определено 18 сосудов, два из которых были восстановлены целиком. 15 сосудов относятся к бобровскому типу керамики (рис. 1-1, 1-2, 1-5, 1-6), три – инокультурные: их внешняя поверхность оформлена выколочкой колотушкой, обмотанной грубым витым шнуром. Один из этих сосудов снабжен налепными ушками для подвешивания (рис. 1-3, 1-4). Вместе с керамикой из разных горизонтов происходят близкие между собой каменные орудия. Среди них цилиндрический пест, обломки наконечников стрел, концевой скребок, а также точильная плитка и призматические пластинки. В некоторых горизонтах возле кострищ зафиксированы камни-окатыши без следов обработки, но с закопченной поверхностью и грузила для рыболовных сетей из галек. Здесь же найдены обломок кончика тонкого пластинчатого бронзового ножа и бронзовые капли от расплавленных мелких предметов.

На комплексе Усть-Шилка II керамика бобровского типа залегала во втором культурном слое, который выделен условно по глубине залегания между уровнем могильника раннего железного века (слой 1В) и культурным слоем неолита (3-й культурный слой). Материалы второго слоя делятся на два разновременных комплекса, что отчетливо прослеживается по типологии орудий, керамики и в ряде случаев подтверждено планиграфией и стратиграфией.

Найдено 1474 фрагмента, относящихся к 65 сосудам, из которых два собраны целиком. К бобровскому типу принадлежит 14 сосудов, фрагменты которых приурочены к нижней части культурного слоя. В верхней части культурного слоя преобладали фрагменты керамики усть-шилкинского типа с тонкошнуровым техническим декором и орнаментом из пальцевых оттисков и/или налепных валиков.

На поселении Шилка IX фрагменты керамики от пяти сосудов бобровского типа залегали в пятом культурном слое вместе с материалами позднего бронзового и раннего железного века (Мандрыка, 2005).

Рис. 1. Керамика раннего бронзового века поселения Бобровка (1–7)

Fig. 1. Ceramics of the Early Bronze Age from Bobrovka settlement (1–7)

Характеристика керамики бобровского типа

Формовочная масса состоит из глины с песком и добавлением дресвы и шамота, иногда органического раствора. Емкости конструировались вручную, возможно техникой лоскутного налепа. Наружная поверхность стенок гладкая, внутри – затертая и замытая. Сосуды имели закрытую форму: горшки со слегка вогнутой шейкой и круглодонные банки с прямым плечиком. Венчик всегда оставался прямым, без утолщения края. Диаметр сосудов по венчику варьирует от 5 до 32 см. Высота горшков, судя по целым экземплярам, незначительно превышала диаметр венчика. Керамика типологически однородна, несмотря на то что при ее сравнительной характеристике в некоторых случаях отмечается исчезновение одних и появление других элементов в орнаментации.

Орнамент наносился только под устьем сосудов, в их верхней трети части. Под прямым в сечении краем, срез которого, как правило, украшался зубчатыми отпечатками, гребенчатые или шнуровые оттиски образуют один-два ряда и поставлены наклонно. Ниже такой же накольчатой техникой или штампом, а иногда прочерчиванием нанесены линии аналогичных оттисков, поставленных горизонтально. Оттиски создают впечатление «шнуровой» орнаментации – углублений с косыми или перпендикулярными перемычками. Под нижней линией прослеживаются либо еще два ряда наклоненных отпечатков или пара зигзагообразных линий, либо ромбовидные фигуры из зубчатых оттисков. Всю композицию ча-

сто дополняет один горизонтальный ряд ямок, расположенный под венчиком. В одном случае ямки заменены «жемчужинами» (рис. 1-5), а иногда они отсутствуют.

Рабочий край орнамента состоял из 3–8 зубцов, каждый из которых имел вид четырехугольной фигуры: квадрата, ромба или параллелограмма. В качестве орнаментов использовались инструменты с зубчатым окончанием. Это могли быть вырезанные гребенчатые штампы, а также палочка или ремешок, обмотанные шнуром. Надо отметить, что в нанесении оттисков на каждой форме использовался только один орнамент, при помощи которого под разными углами к поверхности штамповкой, прокатом или наколом наносились отпечатки.

На тулове одного, полностью отреставрированного горшка сохранилось два просверленных конических отверстия, через которые стягивалась трещина лопнувшей стенки.

Датировка

Возраст культурных слоев представленных памятников с керамикой бобровского типа определяется стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями, абсолютными датами и результатами сравнительно-типологического анализа предметов и самой керамики.

Относительная датировка пачки культурных слоев на поселении Бобровка устанавливается ее стратиграфическим размещением над горизонтами 7(б) и 7(в) с каменной индустрией неолитического облика. Перекрываются горизонты этой пачки культурным слоем с тонкошнуровой и вафельной керамикой

шепилевской культуры переходного периода от позднего бронзового к раннему железному веку.

Абсолютный возраст собственно пачки горизонтов 6-го культурного слоя и верхнего уровня 7-го культурного слоя поселения Бобровка установлен 13 радиоуглеродными датами по древесному углю из костяк и отдельных плах (Археология..., 2003, с. 75). По полученным датам отмечается устойчивая хронологическая последовательность отложений, без учета трех образцов СОАН-3667, СОАН-3668 и СОАН-3675, из которых первые два явно удревнены, а последний – омоложен. Относительно достоверные даты, наложенные на калибровочную кривую, показали календарный возраст культурных слоев с керамикой бобровского типа в пределах усредненных позиций от 2839 до 1413 гг. до н.э., причем основная серия дат укладывается в интервал от 2236 до 1630 гг. до н.э., что наиболее приемлемо, по нашему мнению.

Таким образом, абсолютный возраст слоев поселения Бобровка, содержащих керамику бобровского типа, лежит в пределах конца III – середины II тыс. до н.э. Не противоречит такой датировке и наличие здесь обломка бронзового пластинчатого ножа, который по форме повторяет вкладышевые экземпляры, составленные из каменных ножевидных пластин. Аналогичные бронзовые пластинчатые ножи небольших размеров отмечаются в таежных районах Приобья, на Степановском могильнике и городище Шаманский мыс (Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 76, рис. 29-6), где датируются первой четвертью или первой третью II тыс. до н.э.

К этому же времени относится и второй культурный слой на комплексе Усть-Шилка I, в котором также присутствует керамика бобровского типа. Для определения возраста слоя важно отметить, что вместе с керамикой бобровского типа здесь залегала керамика усть-шилкинского типа. Однако эти два совершенно разных типа керамики планиграфически и стратиграфически залегали в разных условиях. Более древней частью слоя следует считать уровень, где находилась керамика бобровского типа. Верхняя часть слоя, в которой в значительно большем количестве отмечена керамика с «тонкошнуровыми» оттисками, должна иметь несколько более молодой возраст. Очевидно, с деятельностью носителей керамики бобровского типа связаны остатки обгоревших плах, залегавших среди развалов сосудов, по которым радиоуглеродным методом была получена дата 3800 ± 45 BP (СОАН-5071). Это указывает на то, что толща второго культурного слоя Усть-Шилки II формировалась в конце III тыс. до н.э. Не противоречит предложенной датировке и наличие в слое обломков бронзовых орудий. Среди них имеется плоский треугольный наконечник стрелы с заточен-

ными краями пера, который имеет широкие аналогии в памятниках раннего бронзового века Сибири.

Таким образом, обобщая сведения о датировке культурных слоев с керамикой бобровского типа на поселениях Бобровка и комплексе Усть-Шилка II, мы можем отметить их относительно близкое хронологическое сосуществование в интервале конца III – середины II тыс. до н.э.

Обсуждение

Орнаментальный прием украшения посуды оттисками зубчатых штампов, в том числе шнуровых, зародился на просторах Евразии еще в неолите. В начале бронзового века в Европе складывается «культурно-историческая общность шнуровой керамики и боевых топоров», которая объединяет более 20 археологических культур, существовавших в интервале около 2900–2000 гг. до н.э. Ареал этой общности, протянувшийся от Южной Фенноскандии (область на севере Европы, объединяющая Скандинавию, Кольский полуостров, Финляндию и Карелию), бассейна Рейна, Альп до Верхнего и Среднего Поволжья (Культуры..., 1987, с. 36), постепенно расширяется на восток. Термином «шнуровая керамика» здесь обозначаются сосуды не по оттискам «нитчатого» технического декора, а по орнаменту, составленному из оттисков витого шнура, нанесенных на гладкую, заглаженную поверхность емкости.

Рассматриваемый прием орнаментации проник по таежным и лесостепным территориям из западных районов к Енисею и далее до Средней Ангары. О таком продвижении носителей восточноуральской культуры писал еще А.П. Окладников (1957), который связывал этот процесс с расселением предков самодийцев. К таким же выводам пришел и В.Н. Чернецов (1973, с. 14). Следует отметить, что повсеместно, в том числе и в южной тайге Среднего Енисея, в конце III тыс. до н.э. посуда, украшенная зубчатыми оттисками, сосуществует с керамикой, покрытой линейно-накольчатой орнаментацией. Зачастую эти способы узора заменяют друг друга на одном сосуде, что заметно проявилось в бронзовом веке восточно-сибирской тайги (Андреев, Фомин, 1966, с. 109, рис. 45-10; Хлобыстин, 1998, с. 82).

Орнамент керамики бобровского типа, состоящий только из оттисков зубчатого (шнурового) штампа, указывает на сохранение местных неолитических приемов. Здесь уместно вспомнить «личиночные» оттиски на керамике усть-бельского типа, которые по морфологии (утлубленные перемычки в желобке) сопоставимы с орнаментиром, имеющим перемоганный шнур. Однако в отличие от неолита в раннем бронзовом веке зубчатыми оттисками покрывается только верхняя половина формы, в то время как неолитическая посуда чаще орнаментировалась от венчика до дна.

Керамика бобровского типа также сохраняет ряд элементов неолитической посуды, украшенных «пунктирной гребенкой». Общим для них является композиционное размещение орнамента, сочетание горизонтальных линий из зубчатых или гребенчатых штампов, прочерченных линий с наклонными или вертикальными короткими отрезками под краем емкости и свисающими с нижнего горизонтального ряда линиями в виде «бахромы». Такая композиция, выполненная пунктирно-гребенчатой орнаментацией, характерна для посуды из позднеолитических памятников лесостепного красноярского района, где она встречается на стоянках у с. Ладеек (Окладников, 1957, с. 30, 31; рис. 2, 3), Базаиха (ККМ, кол. 121-1; и др.), Переселенческого пункта (Окладников, 1950, с. 387, рис. 116), Усть-Собакино. В стратифицированной культуровмещающей пачке пещеры Еленева схожая керамика найдена в культурных слоях позднего неолита (Макаров, 2005). Аналогичная керамика известна и в Канском районе – в V слое стоянки Казачка (Генералов, 1979; Савельев, 1989, с. 23). «Пунктирно-гребенчатая» керамика присутствует и на позднеолитических памятниках Приангарья, где встречается вместе с керамикой других типов (Синицына, 1985, с. 41–43, рис. 2-1). Известна она и в южной тайге Среднего Енисея, например во втором культурном слое стоянки Зимовейная (Макаров, 2005, с. 157, рис. 10-1). Во всех случаях сосуды опоясывали длинные горизонтальные линии, которые наносились неширокой горизонтальной гребенкой только в верхней части формы, обрамляя его венчик, и сочетались с поясом вертикальных линий и ямок вдоль венчика. Под широкой поясом горизонтальных линий здесь отмечаются перекрещенные или зигзагообразные линии, от углов которых иногда отходят короткие прямые отрезки (ККМ, кол. 59-75). Митровидная или полуяйцевидная форма этих сосудов с гладкими стенками также в какой-то мере указывает на ее генетическую связь с формой и способом изготовления бобровской посуды.

Композиционное построение орнамента керамики бобровского типа может иметь истоки и в традициях керамики посольского типа, которая была распространена как на памятниках Приангарья и побережья Байкала (Горюнова, Лыхин, 1985; Ивашина, 1979; Номоконова, Горюнова, 2004, с. 118), так и в Красноярском и Канском р-нах (Генералов, 1979). Авторы отмечают ее присутствие в слоях раннего и позднего неолита и датируют в пределах 6,9–4,0 тыс. л. н. (Макаров, 2005; Бердников, 2013), хотя верхняя граница указанного интервала приходится уже на ранний бронзовый век.

Исходя из приведенных данных, можно предположить, что керамика бобровского типа, вероятно,

имела корни как в местных позднеолитических культурах Средней Сибири, так и культурах раннего металла европейской части Евразии. Ее формирование связано с наложением на местные неолитические традиции привнесенных с запада приемов орнаментации – нанесение «шнуровых» и зубчатых оттисков. Присутствие пояса ямок под венчиком также указывает на местный элемент в этом типе посуды. В целом же бобровский тип керамики продолжает «пунктирно-гребенчатый пласт», который, зародившись в неолите (Савельев, 1989, с. 23), получил дальнейшее развитие на берегах Енисея в эпоху бронзы и, возможно, сохранился до века железного. Культурно-хронологический комплекс, содержащий керамику бобровского типа, сосуществует на территории южной тайги Среднего Енисея с керамикой, внешняя поверхность которой покрыта оттисками толстого шнура.

Заключение

Культурно-хронологические комплексы с керамикой бобровского типа составляют оригинальный южнотаежный вариант развития культуры раннего металла на берегах Енисея. Эти комплексы органично включают «шнуровые», зубчатые, пунктирно-гребенчатые и «толстошнуровые» традиции.

Присутствие керамики бобровского типа в нескольких уровнях культурных слоев поселения Бобровка говорит о продолжительном развитии и существовании культуры в раннем бронзовом веке в южнотаежном районе Среднего Енисея. Эта культура, скорее всего, развивалась параллельно афанасьевской и окуневской культурам Минусинской котловины и глазковской – Прибайкалья. В финальный период бронзового века и переходный период от бронзового века к железному традиции изготовления и приемы орнаментации керамики бобровского типа сохраняются, что нашло отражение в керамике самоделькинского типа (Мандрыка, 2008). Здесь наложились влияния со стороны носителей ымыяхтахской культуры, которые производили керамику с «вафельным» и рубчатым техническим декором. В дальнейшем, в середине – конце времени существования тагарской культуры, приемы орнаментации бобровской керамики встречаются на сосудах каменско-маковского типа цэпаньской культуры южной тайги Средней Сибири. Цэпаньская посуда также гладкостенная, орнамент покрывает верхнюю треть формы и состоит из сложной зональной композиции, сочетающей широкую полосу из горизонтальных линий и наклонных наколов «бахромы». Однако здесь прямая форма шейки закрытых сосудов усложняется либо вдавлением гладкой полосы, либо утолщением широким налетом («воротничком»).

Список литературы

- Андреев Г.И., Фомин Ю.М.** Новые археологические памятники на р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. – 1966. – Вып. 106. – С. 106–110.
- Археология** и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П.В. Мандрыка, А.А. Ямских, Л.А. Орлова, Г.Ю. Ямских, А.А. Гольева. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2003. – 138 с.
- Бердников И.М.** Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. ИрГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.
- Генералов А.Г.** Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. – 1979. – Вып. 157: Памятники первобытной культуры. – С. 43–47.
- Горюнова О.И., Лыхин Ю.П.** Археологические памятники п-ова Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П.Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–147.
- Ивашина Л.Г.** Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – 154 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1979. – 181 с.
- Культуры** раннего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР / И.И. Артеменко // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред.: О.П. Бадер, Д.А. Крайнов. – М.: Наука, 1987. – С. 35–51. (Археология СССР).
- Макаров Н.П.** Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
- Мандрыка П.В.** Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.
- Мандрыка П.В.** Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 414–417.
- Мандрыка П.В.** Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // АЭАЕ. – 2008. – № 1 (33). – С. 79–84.
- Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И.** Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 117–123.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I и II. – 412 с. (МИА. – № 18).
- Окладников А.П.** Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // СА. – 1957. – № 1. – С. 26–55.
- Савельев Н.А.** Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.
- Синицына Г.В.** Неолитическая керамика поселения Нижнесередкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 35–47.
- Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 342 с.
- Чернецов В.Н.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. ст., посвящ. памяти В.Н. Чернецова / [Отв. ред. А.П. Смирнов]. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.

P.V. Mandryka

Siberian Federal University (Russia)

BOBROVKA TYPE OF CERAMICS ON THE YENISEI

The article presents the morphological characteristics of the Bobrovka type of ceramics noted in the Early Bronze Age culture on the banks of the Yenisei River. Its range includes forest-steppe and southern taiga areas north of Krasnoyarsk. The author associates the formation of the type with the imposition on the local

Late Neolithic base of the traditions of decorating crockery with serrated and rope ornaments that came from the West. The long use of such ornamentation techniques is reflected not only in the materials of the Bronze Age, but also in a number of taiga cultures of the Early Iron Age.

KEYWORDS: *Yenisei basin, Early Bronze Age, settlement, Bobrovka type of ceramics, ornamentation techniques.*

И.В. Ковтун

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН

ДЕРЕВЯННЫЕ СТОЛБЫ АНДРОНОВСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ

Работа выполнена по государственному заданию (проект 0286-2021-0011)

Комплексы и ареал

Характерной чертой большинства андроновских могильников Кузнецкой котловины являются внутримогильные деревянные столбовые сооружения. Они зафиксированы в захоронениях могильников Танай I, Танай XII, Титово II, Васьково V, Юрман I и Дегтярёвка (Бобров, Горяев, 2001, с. 241; Мыльников, Бобров, 2011, с. 96 сл.; Ковтун, 2016, с. 110). Эти элементы скрытого интерьера погребальной камеры не выполняли утилитарную функцию. Судя по сохранившимся древесным остаткам, нижняя часть столбов располагалась ближе к дну могилы, зачастую упираясь в перекрытие могильного сруба, а противоположный конец поднимался кверху, вероятно до уровня засыпки погребения. Не исключено, что верхняя часть столба изначально выступала над могилкой, визуальнo олицетворяя место погребения.

Схожие столбовые конструкции обнаружены в могильниках Синеглазово, Сухомесовский, Фёдоровский, Мало-Кизильский, Урефты I (Южное Зауралье), Боровое (Северный Казахстан), Орак, Каменка II, Ланин Лог (Средний Енисей) (Ковтун, 2016, с. 110), Рублёво VIII, Барсучиха II, Фирсово XIV, Кытманово (лесостепной Алтай) (Кирюшин и др., 2015, с. 41). Вероятно, схожие столбы зафиксированы и в алакульских могильниках Куропаткино II, Семипалатное и Чистолёбяжский (Ковтун, 1994, с. 126–127; 2016, с. 110–111; Ковтун, Горяев, 2001, с. 54). В лугавском кургане Уй и в ирменском могильнике Танай VII также зафиксированы деревянные сооружения (Боковенко, Сорокин, 1995, с. 80, 84; Бобров и др., 2004, с. 7), подобные столбам из андроновских захоронений.

Находки столбов в погребениях на Среднем Енисее свидетельствуют о восточных связях кузнецких «андроновцев». Однако остается загадкой происхождение аналогичных погребальных сооружений в могилах андроновской культуры Южного Зауралья. С андроновскими памятниками восточного ареала южноуральские андроновские сообщества непосредственно не связаны. Поэтому столбовые конструкции в андроновских могилах Южного Зауралья и в андроновских захоронениях Кузнецкой котловины и Среднего Енисея могут восходить только к общему истоку.

Абсолютная хронология

Для выяснения хронологических рамок бытования столбов в андроновских могилах симптоматично их соотношение с валиковой керамикой, находки в одних памятниках с датированными бронзами и даты по ^{14}C . Деревянные статуарные сооружения никогда не пересекаются с валиковой керамикой из позднеандоновских захоронений (Ковтун, 1991). Следовательно, хронологические рамки существования андроновских внутримогильных столбов предшествуют появлению валиков на андроновской керамике (Ковтун, 2016, с. 83–84).

Радиоуглеродные даты валиковых комплексов Южного Урала и лесостепного Притоболья охватывают период с XIV по X (IX) в. до н.э. (Епимахов, 2010, с. 46), а единичная, более древняя дата признана недостоверной (Матвеева и др., 2006, с. 36). Даты саргаринско-алексеевских комплексов лесостепного Алтая не образуют устойчивого диапазона, указывая на время от XIV до IX в. до н.э. (Папин, 2015, с. 135–136). Следовательно, столбовые сооружения в андроновских могилах бытовали не позднее XV в. до н.э., т.е. времени появления валиковой керамики в Северо-Западной Азии.

Известны два случая сочетания столбов в одном комплексе или памятнике с кинжалами срубно-андоновского типа. Они зафиксированы в могильниках Урефты I и Юрман I. Эти находки важны для определения нижнего хронологического рубежа андроновских статуарных сооружений. Датировка по ^{14}C смешанного алакульско-андроновско-фёдоровского могильника Урефты I: 1880–1670 calBC (95,4%), 1690–1520 cal BC (95,4%), 1700–1520 calBC (92,2%) (см.: Hanks et al., 2007, p. 361, fig. 3) или 1780–1680 cal BC (68,9%), 1685–1520 cal BC (95,4%), 1690–1520 cal BC (92,7%) (см.: Стефанов, Корочкова, 2006, с. 116, табл. 2). Большинство дат этого памятника, без крайних и единичных значений, указывает на XVII–XVI вв. до н.э. Урефтинские кинжалы найдены в захоронениях андроновской культуры – в одном случае непосредственно в могиле со столбами (Там же, с. 54–55, рис. 37). Поэтому отрезок XVII–XVI вв. до н.э. представляется наиболее обоснованным хронологическим периодом этих захоронений.

Погребение кург. 16 могильника Юрман I датировано в аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск) по древесным остаткам 1880–1598 cal BC (87,8%) или 1771–1615 cal BC (68,2%), т.е. XIX–XVIII – рубежом XVII/XVI вв. до н.э. В этом захоронении не было ни столбов, ни кинжалов срубно-андроновского типа (Ковтун и др., 2015, с. 221–222). Поэтому полученная датировка экстраполируется на погребения могильника с кинжалом и столбовыми конструкциями с известной долей условности. При исключении крайних значений суммарное время сооружения погребений Юрмана I предварительно определяется XVIII–XVII вв. до н.э.

Уточнение нижней даты таких кинжалов и соответственно времени появления столбов в андроновских могилах возможно на основе даты по ¹⁴C позднекротовского захоронения 20 могильника Тартас-1. В этом погребении найден кинжал срубно-андроновского типа с выделенным перекрестием, а время захоронения определено 1830–1660 cal BC (83%), 1880–1840 cal BC (12,4%) (Molodin et al., 2012, p. 739, 742, tab. 1; fig. 3-6). Погребение отражает фазу интенсивных кротовско-андроновских контактов в Барабинской лесостепи, включавших импорт или захват андроновского оружия. Следовательно, в этот период до Кузнецкой котловины «андроновцы», скорее всего, еще не добрались. Таким образом, в XIX в. до н.э. кинжалы срубно-андроновского типа уже изготавливались «андроновцами», но нижняя дата такого кинжала из Юрмана I, вероятно, несколько моложе.

Для среднеенисейского могильника Ланин Лог известны три радиоуглеродные даты (Аванесова, 1991, с. 14; Poliakov, Lazaretov, 2020, p. 6, tab. 3)¹, две из которых выполнены по дереву из мог. 1 и 3 кург. 1, в которых найдены столбовые конструкции (Максименков, 1978, с. 43–44). Даты представляются условно корректными: кург. 1, мог. 1 – 3390±70 BP, т.е. 1830–1514 cal BC (87,6%) или 1767–1609 cal BC (59,8%); кург. 1, мог. 3 – 3360±65 BP, т.е. 1777–1501 cal BC (90,5%), или 1693–1599 cal BC (41,5%), или 1591–1542 cal BC (18,8%) (OxCal v4.4.2 Bronk Ramsey (2020)). При сужении вероятностного диапазона эти датировки макси-

мально пересекаются с временем существования андроновской культуры Среднего Енисея от второй трети XVIII – XVII до середины XVI в. до н.э.

Семантика и ритуал

Столбы сооружались главным образом в западных и юго-западных секторах погребений, что соотносит их с юго-западным закатом солнца в момент зимнего солнцестояния. Поэтому отождествление столбов в андроновских могилах с символической коновязью для коня, «везущего» умершего на юго-запад в «страну мертвых», передает идею Мирового Столпа – Древа жизни, которому уподоблялась эта ритуальная коновязь. С идеей Мирового дерева связывают андроновские внутримогильные столбы и исследователи могильника Танай XII (Мыльников, Бобров, 2011, с. 98). В иной, весьма экзотической интерпретации столбы рассматривались как «коммуникативная ось» для общения мертвых и живых (Савинов, Бобров, 1995, с. 88). Однако никаких подтверждений существования у андроновцев магических практик, функционально аналогичных спиритическим сеансам, авторы этой идеи не приводят.

Вероятно, прообраз собственно андроновских погребальных деревянных столбов зафиксирован в жертвенно-ритуальном кург. 3 Лисаковского I. Здесь в юго-западном углу ямы был обнаружен обожженный деревянный столб «корнями вверх» с заостренным концом и тремя резными желобами, а также череп барана, долгое время находившийся на воздухе, берцовая кость лошади, зубы и кости МРС (Усманова, 2005, с. 38–40, 107–111, фото 39–44). Радиоуглеродная дата этого статуарного сооружения определена в диапазоне 2050–1660 гг. до н.э., а суммарно по четырем датам установлен календарный возраст – 1780 г. до н.э. (Панюшкина, 2013, с. 204). Благодаря этой находке стала возможной реконструкция мифологического содержания подобных сооружений из андроновских захоронений на основании ведийских источников (Усманова, 2005, с. 108).

Образ перевернутого Мирового дерева представлен в поздневедийских источниках, а также в мифологиях эвенков, селькупов, якутов и качинцев (Кейпер, 1986, с. 159; Сагалаев, 1991, с. 113; Топоров, 2010, с. 216–217, 247; Быконя, 2011, с. 135; Атхарва-веда (Шаунака), II.7.3; Катха Упанишада, II.3.1; Майтри Упанишада, VI.4). Эти мифологические образы являются опосредованным наследием индоиранской традиции и позднейшего времени существования андроновской культуры. Следовательно, сооружение символа Мирового дерева над прахом умершего олицетворяло его сопричастность

¹ В монографии Н.А. Аванесовой конвенциональная дата дерева из кург. 1, мог. 3 определена 3360±65 BP, а в статье А.В. Полякова и И.П. Лазаретова – 3660±65 BP. Очевидно, что у кого-то из авторов ошибка в одной цифре. При калибровке мною использовалось первое значение.

к Древу жизни и подчиненность воле одного из величайших индоиранских богов.

В Ригведе перевернутое корнями вверх Мировое дерево, как Столп мироздания, поддерживает богом Варуной (Кёйпер, 1986, с. 159; Елизаренкова, 1999, с. 477), а его ветви или корни, свисающие вниз, – это солнечные лучи (Елизаренкова, 1989, с. 557):

В бездонном (пространстве) царь Варуна
с чистой силой действия
Держит прямо вершину дерева.
(Ветви) направлены вниз. Их основание – наверху.
Да укоренятся в нас лучи!

(Ригведа, I. 24. 7).

Сочетание образа Варуны с мотивом перевернутого Мирового дерева и их сибирские соответствия удостоверяют североазиатские истоки функционального плана данного ведийского божества. Помимо функциональных сходжений Варуны и угорского Нуми-Торума (Кузьмина, 1997, с. 186) ведийский бог причастен и к перевернутому вегетативному символу в мифологии ряда сибирских аборигенов, в свою очередь имеющему аналог в гимне Ригведы.

Однако истоки образа бога Варуны древнее и времени существования андроновской культуры, и ведийских текстов. Варуна почитался как одно из высочайших божеств еще в период индоиранской общности (Невелева, 1975, с. 73), т.е. в период до бытования андроновской культуры. Он сменил божество Неба, Дьяуса и по своей природе принадлежит к сонму первичных богов – асуров. Ведийскому облику этого верховного божества предшествует образ Варуны, привнесенный в Индию, как впервые предположил А.Б. Кейтс, извне. Имя же «Варуна», возможно, заимствовано из языка переднеазиатского народа, с которым индоарии когда-то соприкасались (Елизаренкова, 1960, с. 10; Чаттопадхья, 1961, с. 678; Иванов, Топоров, 1974, с. 5, 38; Невелева, 1975, с. 73; Лелеков, 1980, с. 121; Дюмезиль, 1986, с. 86; Кёйпер, 1986, с. 48, 75; Эрман, 1996, с. 113; Элиаде, 1999, с. 100 сл.; 2009, с. 248–249; Дандекар, 2002, с. 22, 118 сл.; и др.). Варуна – «индоарийский» бог, отсутствующий в древнеиранском пантеоне (Гиндин, 1972, с. 297; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 168; и др.). Но как главный асура он сравним с верховным авестийским «асурой» – Ахура-Маздой. Поэтому неоднократно отмечавшийся параллелизм ведийского Варуны и авестийского Ахура-Мазды восходит к индоиранскому состоянию (Macdonell, 1897, р. 8, 28; Чаттопадхья, 1961, с. 678; Овсяннико-Куликовский, 1962, с. 147; Дюмезиль, 1986, с. 85–86; Абаев, 1990, с. 55; см. также: Лелеков,

1978, с. 194; и др.). Так, ведийскому композиту Митра-Варуна в Авесте соответствует Митра-Ахура, Ахура-Митра (Гиндин, 1972, с. 297; Елизаренкова, Топоров, 1979, с. 52).

Предыстория Варуны значительно старше ведийских текстов и, вероятно, сопряжена со временем и ареалом контактов индоиранцев и финно-угров. Именно к индоиранскому периоду относятся общеприимские – праиндоиранские заимствования в финно-угорских языках, свидетельствующие о сравнительно раннем почитании индоиранцами и финно-уграми праобраза ведийского Варуны – «Грозного господина» и «асуры из асуров». Мордовское *azor* или *azoro* – «господин» – соответствует др.-инд. *asura* – «божество», «демон», «господин, хозяин» (Абаев, 1972, с. 28; Барроу, 1976, с. 28). В несколько иной интерпретации финно-угорскому *as3r3* – «господин», «вождь» – и морд. *azoro* соответствуют праиндоиранское *asura*- и др.-инд. *ásuraḥ* (Редеи, 1997, с. 151). Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов, как и Т. Барроу, добавляют к этому мансийское *āter*, *ōter* – «князь», которое Т. Барроу переводит как «герой» (Барроу, 1976, с. 28), но вслед за А. Йоки относят его к раннеиранскому заимствованию в финно-угорском (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 923; см. также: Членова, 1984, с. 98).

Следовательно, при установке ритуальных столбов в могилах умерших «андроновцы» подразумевали образ функционально близкого Варуне божества. Древний бог Варуна, пребывающий скрытым в подземном мире, в месте нахождения Змея – противника демиурга (Иванов, Топоров, 1974, с. 5, 38), в доведийский период являлся божеством хаоса и космических вод, находящихся под землей, а позднее стал хранителем космического закона (Кёйпер, 1986, с. 48, 75; Эрман, 1996, с. 113). Поэтому и ритуальные андроновские столбы, олицетворяющие поддерживаемое Варуной перевернутое Мировое дерево, устанавливались под землей, в месте пребывания этого божества.

Столпообразные конструкции из андроновских погребений отличаются от более поздних бегазы-дандыбаевских или, например, ирменских протостатуарных сооружений отведенным им местоположением. Андроновские деревянные столбы – не надмогильные, а исключительно внутрипогребальные конструкции, призванные не демонстрировать, а скорее скрывать от непосвященных приданные им ритуальную функцию и сакральный смысл. Поэтому помимо своего мифологического значения в качестве символа, удерживаемого протоВаруной Мирового дерева корнями вверх, андроновские столбы выполняли еще и значимую функцию в погребальном ритуале.

Хорошо известно ведийское представление о похоронном обряде как о жертвоприношении Агни, передающем его своим пламенем на высшее небо (Пандей, 1990, с. 201–202; Елизаренкова, 1999, с. 460–461). В другом ведийском гимне его исполнитель обращается к жертвенному столбу с просьбой направить жертву богам, поскольку именно столб знает их тайные имена (Гринцер, 1998, с. 10):

Где знаешь ты, о дерево,
Тайные имена богов,
Туда отправь жертвы!

(Ригведа. V, 5. 10).

Список литературы

- Абаев В.И.** Миф и история в Гатах Зороастра // В.И. Абаев. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. – С. 52–70.
- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). – Ташкент: ФАН, 1991. – 200 с.
- Атхарваведа** (Шаунака): в 3 т. / Пер. с вед., вступ. ст., коммент. и прил. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Восточная литература, 2005. – Т. I. – кн. I–VII. – 573 с.
- Барроу Т.** Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной; ред. и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Прогресс, 1976. – 411 с.
- Бобров В.В., Горяев В.С.** Андроновские погребения могильника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2001 г. / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 240–243.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П.** К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 4–34.
- Боковенко Н.А., Сорокин П.И.** Новые погребальные памятники на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – С. 76–84. (Археологические изыскания. – № 24).
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.** От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.
- Быконя В.В.** Мифические предки в культуре селькупского этноса (по лингвистическим данным) // Вестник Томского гос. педагог. ун-та. – 2011. – Вып. 3 (105). – С. 133–139.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Т. I–II. – 1328 с.
- Гиндин Л.А.** Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология. 1970 / Под ред. Ж.Ж. Варбот и др. – М.: Наука, 1972. – С. 272–321.
- Гринцер П.А.** Тайный язык «Ригведы». – М: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 72 с.
- Дандекар Р.Н.** От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология / Пер. с англ. К.П. Лукьяненко. – М.: Восточная литература, 2002. – 286 с.
- Дюмезиль Ж.** Верховные боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986. – 235 с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока).
- Елизаренкова Т.Я.** Аорист в «Ригведе». – М.: Восточная литература, 1960. – 152 с.
- Елизаренкова Т.Я.** Примечания // Ригведа. Мандалы. I–IV. Приложения. – М.: Наука, 1989. – С. 544–757.
- Елизаренкова Т.Я.** Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. – 2-е изд., испр. – Приложения. – М.: Наука, 1999. – С. 452–486. (Литературные памятники).
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.** Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии / Отв. ред.: Г.А. Зограф, В.Г. Эрман. – М.: Наука, 1979. – С. 36–88.
- Епимахов А.В.** «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // РА. – 2010. – № 2. – С. 39–50.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
- Кёйпер Ф.Б.Я.** Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 196 с. (Исслед. по фольклору и мифологии Востока).
- Кирюшин, Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А.** Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов): учебное пособие. – Барнаул: КОН-ЦЕПТ, 2015. – 108 с.
- Ковтун И.В.** О верхнем хронологическом пределе существования андроновских (фёдоровских) памятников в Западной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюз. науч. конф. (3–5 апр. 1991 г.) / [Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин]. – Барнаул: Б.и., 1991. – С. 69–71.
- Ковтун И.В.** Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой кот-

- ловине) // Методология и историография археологии Сибири / [Отв. ред. Л.Ю. Китова]. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1994. – С. 122–134.
- Ковтун И.В.** Андроновский орнамент (морфология и мифология). – Казань: Казанская недвижимость, 2016. – 547 с.
- Ковтун И.В., Баштанник С.В., Фрибус А.В.** Андроновское захоронение могильника Юрман I и змее- / драконоборческие мотивы в орнаментации погребальных сосудов // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 220–226.
- Ковтун И.В., Горяев В.С.** Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: (Мат-лы ХLI Регион. археол.-этногр. студен. конф., Барнаул, 25–30 марта 2001 г.) / [Отв. ред. А.А. Тишкин]. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – С. 53–63.
- Кузьмина Е.Е.** Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988–1996: Сб. науч. тр. [К 60-летию В.А. Дыбо] / Отв. ред.: Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997. – С. 184–190.
- Лелеков Л.А.** R. Ghirshman. l'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens, E. J. Brill, 1977, 88 p. Р. Гиришман. Иран и миграция индоариев и иранцев // Народы Азии и Африки – 1978. – № 5. – С. 220–226.
- Лелеков Л.А.** Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат-лы I Всесоюз. археол. конф. (дек. 1979 г.) / Отв. ред. А.И. Мартынов. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 118–125.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.
- Матвеева Н.П., Аношко О.М., Цембалюк С.И.** Материалы бархатовской культуры финала бронзового века с Коловского городища (лесостепное Притоболье) // РА. – 2006. – № 2. – С. 24–38.
- Мыльников В.П., Бобров В.В.** Деревянные погребальные сооружения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. – С. 92–99.
- Невелева С.Л.** Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон) – М.: Наука, 1975. – 118 с.
- Пандей Р.Б.** Древнеиндийские домашние обряды (обычай) / Пер. с англ. [и предисл.] А.А. Вигасина. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1990. – 319 с.
- Панюшкина И.П.** Возраст могильников эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. – Караганда; Лисаковск: Tengri Ltd, 2013. – С. 196–204.
- Папин Д.В.** Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестник КемГУ. – 2015. – Т. 6, № 2 (62). – С. 135–138.
- Реден К.** Древнейшие индоевропейские заимствования в уральских языках // Балто-славянские исследования 1988–1996: Сб. науч. тр. [К 60-летию В.А. Дыбо] / Отв. ред.: Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997. – С. 141–155.
- Ригведа.** Мандалы I–IV / Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 767 с.
- Ригведа.** Мандалы V–VIII / Пер. Т.Я. Елизаренкова. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1999. – 743 с. (Литературные памятники).
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Курганы андроновской культуры могильника Юрман-I в Западной Сибири // Археологические вести. – 1995. – Вып. 4. – С. 83–90.
- Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – 160 с.
- Топоров В.Н.** «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – С. 210–262.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н.** Религия индусов в эпоху вед // Избранные труды русских индологов-филологов / Сост. и отв. ред. И.Д. Серебряков. – М.: Восточная литература, 1962. – С. 144–173.
- Упанишады** [в 3 кн.] / Пер. с санскрита, предисл. и коммент. А.Я. Сыркина; [отв. ред. Т.Я. Елизаренкова]. – М.: Ладомир, Наука, 1992. – Кн. 2. – 336 с. (Памятники литературы народов Востока. Переводы; Памятники письменности Востока).
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда: Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2005. – 232 с.
- Чаттопадхья Д.** Локаята даршана. История индийского материализма / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 736 с.
- Членова Н.Л.** Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. – 1984. – № 1. – С. 88–103.
- Элиаде М.** Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
- Элиаде М.** История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2009. – 622 с.
- Эрман В.Г.** Варуна // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / [Алаев Л.Б. и др.]. – М.: Республика, 1996. – С. 113.
- Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C.** Towards a refined chronology for the Bronze Age of the southern Urals, Russia // Antiquity. – 2007. – Vol. 81 (312). – P. 353–367.

Macdonell A.A. Vedic mythology. – Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. – 189 p.

Molodin V.I., Marchenko Z.V., Kuzmin Y.V., Grishin A.E., Van Strydonck M., Orlova L.A. ¹⁴C chronology of burial grounds of the Andronovo period (Middle Bronze Age) in Baraba forest steppe, Western Siberia // Radio-carbon. – 2012. – Vol. 54 (3–4). – P. 737–747.

Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2020. – Vol. 29, 102125. – P. 1–18.

I.V. Kovtun

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)

WOODEN POLES OF ANDRONOVO BURIAL MOUNDS

The article deals with the wooden pole constructions installed on some Andronovo burial mounds. These constructions did not have any practical use and are an important part of ritual funeral practice. Based on the Veda parallels, their semantics have been determined

which was connected to the World Tree with roots upside, the image of proto-Varuna and the way the dead people reach the gods. The main areas and absolute dates of these constructions on Andronovo burial assemblages were specified.

KEYWORDS: *Southern Siberia, Kuznetsk Basin, Bronze Age, Andronovo culture, funeral practice, wooden pole constructions, World Tree.*

О.Н. Корочкова

Уральский федеральный университет (Россия)

АНДРОНОВСКАЯ ОБЩНОСТЬ: МОДЕЛЬ СЛОЖЕНИЯ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития»

Не так давно мне поступило предложение подготовить для Российской энциклопедии статью «Андроновская общность». Жанр публикаций подобного рода предполагает известную лапидарность и утвердительный характер. С поставленной задачей я не справилась, а уточняющие вопросы редактора и дискуссия с рецензентом оказались весьма действенным стимулом, которые заставили вновь обратиться к этой теме.

В свое время андроновская проблематика была одной из самых популярных в археологии бронзового века: ее поднимали многие исследователи, которые работали в разных регионах степного и лесостепного пояса к востоку от Урала до Енисея. Сейчас дискуссия перешла в латентное состояние, что связано с некоторой «усталостью» от традиционных тем, сокращением количества специалистов, вовлеченных в эту проблематику, некоторой разобщенностью российских и казахстанских археологов. Заметную роль сыграл также фактор «Синташты-Аркаима», который сместил акценты в изучении бронзового века степного пояса.

Вернемся к поднятому вопросу. Что считать андроновской общностью? Если исходить из концепции Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 1994), то по принципу включения в ее состав комплексов синташтинской, петровской, алакульской, фёдоровской и алексеевско-саргаринской культур, андроновская общность выступает как диахронное образование, передающее последовательность и логику культурогенеза на территории степного Зауралья и Казахстана от Урала до Иртыша. К востоку от Иртыша, где из перечисленного списка известны только памятники фёдоровского типа, археологический материал свидетельствует об иной модели культурогенеза. В понимании А. В. Матвеева (Матвеев, 1998, с. 375–379) андроновская семья культур – это также диахронное образование, охватывающее еще и культуры андронидного облика, которые сложились на северной окраине андроновского ареала. В представлении большинства исследователей специфику андроновской общности передают две основные культуры – алакульская и фёдоровская, выделенные К.В. Сальниковым (Сальников, 1967, с. 241–352). В таком ва-

рианте андроновская общность соответствует стабильной фазе Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции (Черных, 2008).

Какой выход видится из этой ситуации? Прежде всего необходимо определиться, собственно, с термином «общность» в конструктивистском ключе. Для археолога – это инструмент систематизации археологического материала, который подразумевает выделение признака или группы признаков, имеющих всеобщее распространение. В нашем случае таким признаком является керамика фёдоровского типа, которая первоначально называлась как раз андроновской (Теплоухов, 1929; Максименков, 1978), что демонстрирует редкий пример соответствия эпонима археологическим реалиям. Но возникает проблема соотношения алакульских и фёдоровских древностей, решение которой разворачивается в русле трех основных версий: данные культуры синхронны, последовательны, независимы. Сейчас понимание как будто достигнуто благодаря новым раскопкам, стратиграфическим данным и радиоуглеродным датам, которые указывают на синхронность этих феноменов на определенной стадии развития (Черных, 2008; Епимахов и др., 2005; Стефанов, Корочкова, 2006, с. 109–126; Молодин и др., 2014; Григорьев, 2016; Panyushkina et al., 2008). При этом все основные черты алакульской культуры (домостроительство, погребальная обрядность, хозяйство, костюм и др.) находят многочисленные параллели и соответствия в предшествующих синташтинских и петровских комплексах. Истоки фёдоровской культуры в линии «синташта-петровка-алакуль» далеко не очевидны. Но очевидна тесная связь «алакуль-фёдорово», т.к. практически все известные фёдоровские погребения обнаружены в составе алакульско-фёдоровских могильников, а немногочисленная керамика фёдоровского типа – в слоях алакульских поселений. Кроме того, известно большое разнообразие алакульско-фёдоровских комбинаций, о которых сообщают выделенные типы памятников: амангельдинский, бишкульский, кожумбердынский, таутаринский, соль-илецкий и др.

Выявленный на северной окраине андроновского ареала пласт культур андронидной общности

(черкаскульской, пахомовской, сузгунской, еловской) как будто убеждает в обоснованности версии сторонников о вызревании традиций фёдоровской культуры в подтаежной зоне Зауралья. Однако эта гипотеза, сформулированная в работах М.Ф. Косарева (Косарев, 1983, с. 4), Т.М. Потемкиной (Потемкина, 1985, с. 342), А.В. Матвеева (Матвеев, 1998, с. 311) и др., основанная прежде всего на «аргументе орнамента», не дает ответа на вопрос о происхождении здесь скотоводства, традиции сооружения мегалитических каменных сооружений и причин столь мощного воздействия немногочисленного населения эпохи бронзы этого региона на степной мир (Корочкова, 2010, с. 88–94).

Другая проблема, которая нуждается в специальном обсуждении, – это соотношение фёдоровских комплексов лесостепного и степного Зауралья и Казахстана, с одной стороны, и лесостепного Прииртышья, Приобья и Енисея, с другой. Архитектура и планировка поселений, погребальная обрядность, гарнитуры украшений свидетельствуют о заметной специфике памятников восточной зоны. Здесь нет признаков алакульского влияния, количество фёдоровской керамики, которую отличает пышный мегалитический орнамент, не превышает 10–20% от основного комплекса, представленного посудой, украшенной монотонным орнаментом, который имеет явные параллели в предшествующих кротовской и елунинской культурах.

Пришлый характер носителей фёдоровских традиций в лесостепном Приобье подтверждают антропологические данные (Чижишева, 2012, с. 181). В абсолютных датах процессы появления на востоке андроновского ареала групп протоевропейского населения, имеющих западное происхождение, соответствуют поздним значениям стабильной фазы Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции (Молодин и др., 2014; Поляков, 2019).

Обозначенные археологические ситуации, даты, ландшафтно-климатические особенности II тыс. до н.э. и антропологический контекст позволяют приблизиться к моделированию процессов сложения андроновской общности.

Дебют андроновской общности разворачивался в степях Южного Урала и Казахстана: археологически он обозначен появлением памятников алакульской культуры/общности в первой трети II тыс. до н.э. Фёдоровская культурная традиция оформляется несколько позже на этой же территории в статусе субкультуры особых групп населения, обладавших высокой степенью мобильности. Формирование андроновской общности можно рассматривать как результат бурных процессов культурогенеза в усло-

виях освоения новых земель, удаленных от территориального ядра Волго-Уральского очага культурогенеза, взаимодействия с группами обитавшего здесь населения, разделения труда и формирования различных идентичностей при насыщенных информационных связях, стимулированных развитием колесного транспорта и верховой езды, конкуренцией за сырьевые, прежде всего меднорудные, ресурсы, необходимости поиска новых пастбищ в условиях ксеротермического периода, который вызвал массовые миграции в лесостепную и подтаежную зоны.

Археологические комплексы, локализованные на западном и восточном флангах андроновской общности, различались существенно, что зафиксировано в выделении культур – собственно андроновской и черноозерской (черноозерско-томской, позднекротовской) на востоке, алакульской и фёдоровской на западе, а внутри ареала многочисленные типы т.н. смешанных памятников (алакульско-фёдоровские, амангельдинские, кожумбердынские, таутаринские и др.). Наибольшее типологическое разнообразие характерно для западной части ареала (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан), что, возможно, указывает на очаг андроновского культурогенеза и соответствует направленности биологической и социальной эволюции (Гринин и др., 2009, с. 7), согласно которой морфологическое, генетическое, видовое, типовое и другое многообразие, как правило, характерно для исходной территории. Сегментация и дифференциация общин, неизбежные в условиях повышенной мобильности, сопровождались процессами, близкими эффектам «основателя группы», дрейфа генов, адаптаций, изоляций, мутаций, аккультураций, различных вариантов взаимодействия. Особенно бурно эти явления протекали на северной периферии андроновского мира. Северная лесостепь к тому времени была заселена гораздо более плотно, нежели степь, т.к. местные ландшафты и климатические условия позволяли заниматься охотой и продуктивным рыболовством. На новых землях мигранты, которые продвигались сюда разными маршрутами, оказывались в разных ситуациях. Археологический материал сообщает о напряженных и мирных формах взаимодействия аборигенов (культуры кротовско-елунинского массива) и переселенцев, однако в конечном итоге импульс, исходивший из урало-казахстанских степей, оказался решающим в культурной эволюции.

Динамику процесса сложения андроновской общности отражает карта культурных ландшафтов II тыс. до н.э. Первоначальное ядро составляли памятники синташтинской культуры, сосредоточенные на компактной территории Зауральского пенеблена

(350×200 км). Позднее – петровской культуры, ареал которой охватывает уже более обширные земли степной полосы (500×400 км). Следующий этап обозначен памятниками алакульской культуры/общности (700×600 км), носители которой освоили степные пространства от верховьев р. Урал и Миасс на западе до междуречья Ишима и Иртыша на востоке, от лесостепи Западной Сибири на севере до пограничья степей и полупустынь Казахстана на юге. Алакульские памятники восточнее Иртыша неизвестны, как неизвестны и явные примеры взаимодействий с иными культурами, за исключением срубной. Очередное расширение происходит при участии преимущественно носителей фёдоровской культурной традиции, которые продвинулись далеко на восток. В итоге ареал андроновской общности, сформировавшийся к середине II тыс. до н.э., в сравнении с исходной территорией первой фазы Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции увеличился в четыре раза (1200×800 км).

Андроновская общность в таком ракурсе воспринимается как единство множеств, которое было сформировано магистральным миграционным импульсом, обусловленным повышенной мобильностью групп населения, ориентированных на пастушеское скотоводство и оказавшихся перед серьезными климатическими вызовами ксеротерма на фоне заметно возросшей плотности населения на исходной территории. Распространенные носителями т.н. фёдоровской традиции за пределы алакульского ареала стратегии жизнеобеспечения, связанные с чрезвычайно важными навыками содержания и ремонта стада (основу которого составляли КРС и МРС), тренинга лошадей, модели пастушеского металлопроизводства (Богданов, 2020; Ткачев, 2020), символических практик, обеспечивавших сохранение и передачу эзотерической и экзотерической информации, служили гарантиям безопасности жизни и поддержания связей, столь необходимых в условиях неравномерного распределения возобновляемых и невозобновляемых (меднорудных месторождений) природных ресурсов. Восточный миграционный вектор был вполне предсказуемым, т.к. западный, воплощенный в срубно-алакульских комплексах, свидетельствует об очевидных барьерах в условиях близости срубной общности, население которой культивировало сходные стратегии жизнеобеспечения. Хотя надо отметить, что и в западном направлении именно фёдоровский импульс имел довольно протяженные маршруты, о чем сообщают выявленные в Волго-Уралье сусканские памятники андронидного облика (Колев, 2002). Но восточные коридоры оказались более предпочтительными. Информационные достижения,

лежавшие в области транспорта, производства пищи и металла, определили траекторию превращения зауральской локальной культуры в магистральную, для которой характерны механизмы «...освоения больших пространств, синтеза локальных культур в сложные сообщества, имевшие в разные эпохи вид археологических мегакультур, языковых семей, "великих путей"» (Головнев, 2009, с. 22).

Огромная территория андроновской общности и большое количество различных по своему происхождению локальных групп населения, втянутых в процессы социоадаптации, предупреждают о многообразии социальных, технологических, хозяйственных, коммуникационных альтернатив. Археологическая систематика реагирует на это многообразием выделяемых типов памятников, хронологическими нюансами.

В заключение приведу предложенное мною определение андроновской общности, которое можно рассматривать как приглашение к дискуссии о содержании терминов в археологии вообще и о содержании термина «андоновская общность» в частности.

Андроновская общность представляет собой совокупность культур, сложившихся в период стабильной фазы (XVIII–XV вв. до н.э.) Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции эпохи бронзы на обширной территории от Уральских гор до Енисея в широтном направлении и южной кромки лесов Западной Сибири (на север) до предгорий Алтая, Тянь-Шаня и Памира (на юг). Индикаторные археологические признаки: керамика фёдоровского, алакульского или смешанного алакульско-фёдоровского облика; металлокомплекс, сложившийся под воздействием циркумпонтийских и сейминско-турбинских технологических традиций; преобладание оловянных сплавов. Погребальная обрядность отличается вариативностью, обусловленной принадлежностью к алакульской или фёдоровской культурной традиции, а также локальными особенностями, которые отразились в преимущественном использовании каменных или деревоземляных надмогильных конструкций. Основу хозяйства составляло подвижное скотоводство с преобладанием в стаде КРС и МРС, позднее возрастает роль лошади. Типичные орудия: черенковые двулезвийные ножи с перехватом и продольным ребром; серпы; топоры втульчатые; кельты с пещеркой. Высокая степень близости археологических памятников степного пояса – следствие тесных коммуникаций, развития транспорта, мобильности и разделения труда, в основе которого лежала доступность к меднорудному сырью и легирующим добавкам (олово). Территориальный охват

ограничен зонами, пригодными для скотоводства и колесного транспорта и во многом обусловлен освоением полиметаллических месторождений Урала, Казахстанского мелкосопочника, Центрального Казахстана, Рудного Алтая, Памиро-Тянь-Шаня, Средней Азии.

В современной историографии трактовки андроновской общности разнятся, но выделение синкретичных типов (амангельдинский, бишкульский,

кожумбердынский, семиреченский, соль-илецкий, таутаринский, черноозерско-томский, алакульско-фёдоровский, алакульско-срубный и др.) поддерживает версию о сложении динамичной системы близкородственных субэтносов, образующих непрерывную сеть совпадающих в большинстве своем этнодифференцирующих признаков, что предполагает принадлежность к одной языковой семье.

Список литературы

- Богданов С.В.** Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 4. – С. 6–14.
- Григорьев С.А.** Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 44–53.
- Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В.** Макроэволюция в живой природе и обществе. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.** Эпоха бронзы Центрального Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.
- Епимахов А.В.** К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 60–67.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К.** Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.
- Колев Ю.И.** Заклочительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Редкол.: Ю.И. Колев, А.Е. Мамонтов, М.А. Турецкий. – Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. – С. 242–301.
- Корочкова О.Н.** К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии: к 75-летию А.А. Формозова / Ред. и состав.: В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 202–211.
- Корочкова О.Н.** Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 104 с.
- Косарев М.Ф.** Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Башкирский гос. ун-т, 1983. – С. 3–7.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев. – М.: МГП «Калина» ВНИИТИ РАН, 1994. – 464 с.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. – 190 с.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.** Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 3. – С. 136–167.
- Поляков А.В.** Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. – 2019. – № 20. – С. 163–173.
- Потемкина Т.М.** Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Сальников К.В.** Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 408 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.** Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. – 160 с.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л.: Издание гос. Русского музея, 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.
- Ткачев В.В.** Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 68–77.
- Ткачев В.В.** Возможности ландшафтной археологии в изучении локальной мобильности степных скотоводческих культур эпохи палеометалла // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 4. – С. 32–41.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда: Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2005. – 232 с.
- Черных Е.Н.** Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. – 2008. – № 3 (35). – С. 36–53.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЕ СО РАН, 2012. – 468 с.
- Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng.** Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // Radiocarbon. – 2008. – Vol. 50 (3). – P. 459–469.

O.N. Korochkova

Ural Federal University (Russia)

THE ANDRONOVO COMMUNITY: FORMATION MODEL

The article was prepared within RFBR grant no. 18-09-40011 "The Urals and Western Siberia in archaeological retrospective: the most important discoveries, rhythms, phenomena and development paradoxes"

The Andronovo community represented a group of cultures formed during the stable phase (17th–15th centuries BC) of the evolution of the Bronze Age Eurasian/West Asian metallurgical province on a vast territory stretching west to east from the Urals to the Yenisei, and from the southern edge of the West Siberian forests in the North to the foothills of the Altai, the Tien Shan and the Pamir in the South. The indicative archaeological attributes included the Fedorov, the Alakul, or mixed Alakul-Fedorov type ceramics, the metal complex formed under the influence of the Circum-Pontic and the Seimin-Turbino technological traditions, as well as the

predominance of tin alloys. Variations of funeral rites suggested the association of a particular culture with the Alakul or the Fedorov cultural tradition. The territorial coverage was limited to the areas suitable for pastoralism and the use of wheeled transport, its formation was, to a large extent, a product of the development of polymetallic deposits. The evolution of syncretic types was an evidence of the formation of the dynamic system consisting of several closely related sub-ethnoses, forming a continuous network with the mostly overlapping ethno-differentiating attributes. From this, we may presume their belonging to the same language family.

KEYWORDS: *Bronze Age, Ural, Siberia, Andronovo community, Alakul culture, Fedorov culture.*

С.В. Сотникова

Центр археологических исследований (Россия)

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРНЫХ РАЗНОПОЛЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ)

Парные разнополые погребения, где умершие захоронены лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», получили достаточно широкое распространение на территории евразийских степей в начале позднего бронзового века. Они встречаются на памятниках синташтинского, петровского, нуртайского типов, генетически связанных с андроновской (алакульской) культурой.

Прежде всего следует обратиться к определению содержания понятия «парное погребение». В.В. Ткачёв, рассматривая синташтинский погребальный обряд, предлагает проводить разграничение двойных и парных погребений на основании такого критерия, как возраст. Парным он называет захоронение двух индивидов примерно одинакового возраста и отмечает, что они типичны как для погребений детей, так и взрослых. К двойным он относит захоронение взрослого индивида и ребенка (Ткачев В., 2007, с. 111–112).

Я.В. Рафикова, рассматривая совместные захоронения в срубных, срубно-алакульских и алакульских некрополях, разделила двойные захоронения на два типа, где основным критерием являлось взаимное расположение индивидов. Погребения, где скелеты расположены лицевой частью черепа друг к другу, в том числе в «позе объятий», она предложила называть парными. Погребения, где оба умерших захоронены на одном боку, – двойными (Рафикова, 2009, с. 46). В то же время Я.В. Рафикова отметила, что по возрастному критерию алакульские парные захоронения делятся на две крайне неравномерные в количественном отношении группы: одновозрастные (85,76%) и разновозрастные (14,3%). К тому же в группе одновозрастных представлены пары взрослых, подростков и детей (Рафикова, 2014, с. 233). Та же тенденция прослеживается и в более ранних погребениях синташтинско-петровского времени.

Вслед за Я.В. Рафиковой мы будем относить к парным те погребения, где разнополые умершие уложены лицом друг к другу. Однако в данной статье ограничимся интерпретацией только тех парных погребений, где представлены разнополые индивиды примерно одного возраста (или относящиеся к одной возрастной группе), включая погребения

взрослых, подростков, детей. Следует обратить внимание на достаточно интересную особенность этих комплексов: нередко они входят в состав коллективных, чаще всего тройных захоронений. Соответственно, здесь будут рассмотрены и те парные погребения, которые присутствуют в составе коллективных.

Мнения исследователей о характере подобных захоронений различны. Можно выделить два основных подхода к их интерпретации. В рамках первого подхода, который сформировался достаточно рано, парные разнополые погребения рассматриваются как отражение реальных семейно-брачных и общественных отношений (Артамонов, 1934, с. 122–124; Грязнов, 1957, с. 244; и др.). Среди современных исследователей эта проблема достаточно активно разрабатывается Я.В. Рафиковой, которая продолжает придерживаться гипотезы о том, что погребенные являлись супружескими парами, а детский и подростковый возраст может свидетельствовать о существовании в обществе «люлечного брака» (Рафикова, 2014, с. 242).

В рамках второго подхода, который поддерживается широким кругом современных исследователей, данные захоронения рассматриваются как символические. Предложено несколько различных версий. Д.Г. Зданович одним из первых обратился к интерпретации синташтинских парных разнополых погребений как имеющих символический характер. Однако он ограничился только теми захоронениями, где в качестве инвентаря присутствовали булавы. Исследователь полагает, что булавы имели статус сакрального или властного символа и являлись женским атрибутом, указывающим на преимущественно культовые функции их обладательниц. Он приходит к выводу, что подобные погребения «можно трактовать как одну из версий так называемого "священного брака" и подчинения божеству женского пола. Особый акцент в обряде ставился на фигуре женщины... при останках которой помещали богатый инвентарь, <...> мужчине же отводилась роль "спутника"» (Зданович, 1997, с. 54–56). Е.В. Куприянова рассматривает разнополые захоронения в «позе объятий» как особый вид погребений, которые косвенно могут быть связаны с институтом ре-

ального брака вообще, как отражением архетипа небесного брака (Куприянова, 2004, с. 121). В другой работе она более определенно говорит о символическом характере подобных погребений на памятниках синташтинского и петровского типа и отмечает, что «скорее всего, эти явления следует связывать с существованием у населения рассматриваемых археологических культур сильного культа женского божества и института женщин-жриц. Погребения в "позе объятий" можно интерпретировать как прообраз ритуала "священного брака", тесно связанного, по данным мифологии, с культом Богини и культами плодородия» (Куприянова, 2009, с. 18). В.В. Ткачёв, с одной стороны, рассматривает парные разнополюе погребения позднего бронзового века как захоронения супружеской пары и допускает возможность существования ранних браков. С другой стороны, он не отрицает воплощения в ритуале идеи «священного брака» (Ткачев В., 2007, с. 111).

По-видимому, при интерпретации подобных погребений следует учитывать, что синташтинские, петровские, алакульские памятники, по мнению многих исследователей, оставлены индоиранским населением. Опираясь на индоиранские аналогии, мною было высказано предположение, что парные погребения индивидов лицом друг к другу имели целью воспроизведение в ритуале брака первых людей – «близнечной пары», которые являлись первопредками (Сотникова, 2013, с. 42–44; 2014, с. 546–549).

Таким образом, приведенный краткий обзор мнений показывает, что вопрос о характере данных погребений является достаточно спорным, но необходимо учитывать важные при их интерпретации признаки: 1) при совершении подобных захоронений стремились подобрать людей, относящихся примерно к одному возрастному классу; 2) подобные захоронения встречаются среди индивидов всех возрастов. Данная тенденция на памятниках позднего бронзового века проявляется достаточно наглядно.

Стоит отметить, что в последнее время появились новые факты, позволяющие внести дополнительные аргументы в пользу символической интерпретации рассматриваемых погребений.

Могильник Нуртай (Центральный Казахстан), памятник нуртайского типа, по А.А. Ткачёву. Мог. 2 кург. 2 содержала тройное захоронение детей, ориентированных головой на ЮЗ. Скелеты № 1 и 2 лежали в «позе объятий». Скелет № 1 принадлежал мальчику в возрасте 10–12 лет, захороненному скорченно, на левом боку. Скелет № 2 принадлежал девочке 10–12 лет, захороненной скорченно, на правом боку. Оба скелета лежали лицевой частью друг к другу, «причем мальчик обнимал девочку за плечи: кисть его левой руки покоилась на правом плече

девочки, а кисть его правой руки находилась на левом плече девочки. Кисть левой руки девочки лежала на правом плече мальчика, правая рука согнута в локтевом суставе, ее кисть находилась под щекой мальчика» (Ткачев А., 2002, с. 162–165). Скелет № 3 принадлежал мальчику 7–9 лет, он располагался на левом боку, спиной к паре (Там же).

На памятнике синташтинско-потаповского типа *Кутулук I* (Самарское Заволжье) в погр. 1 кург. 1 встречено парное захоронение детей лицом друг к другу. Скелеты находились в скорченном положении, головами на север и размещались вплотную один к другому, соприкасаясь черепами. Скелет 1 (девочка?) в возрасте 9–10 лет лежал на правом боку, руки, сильно согнутые в локтях, находились перед грудью. Скелет 2 (мальчик?) в возрасте 11–12 лет лежал на левом боку с разворотом на живот, кости ног находились на костях ног скелета 1. Руки скелета 2, также сильно согнутые в локтях, лежали перед грудью и были плотно прижаты к скелету 1 (Лебедева, Фадеев, 2016, с. 74–76; Хохлов, 2016, с. 85).

В могильнике *Майтан* (Центральный Казахстан, атасуская культура) в могиле из ограды 17К обнаружено парное захоронение младенцев в возрасте до полугода в скорченном положении лицом друг к другу, головами на ЮЗ (Ткачев А., 2019, с. 88).

В *Лисаковском I* могильнике (Северный Казахстан, алакульская культура) в погр. 1 ограды 4А (группа Б) захоронены трое умерших головами на ЮЗ. Двое погребенных: мужчина в возрасте 30–35 лет и женщина в возрасте 25–30 лет были уложены лицом друг к другу, мужчина – на левом, женщина – на правом боку. Женский скелет частично перекрывал мужской, лучевые кости рук обоих скелетов лежали параллельно. Третий скелет находился несколько в стороне и был уложен на левый бок, спиной к паре (Усманова, 2005, с. 40–42, 225).

В могильнике *Урал-сай* (Западный Казахстан, алакульская культура) в ограде 8 мужчина и женщина, оба в возрасте 40–60 лет, были уложены лицом друг к другу (Грязнов, 1927, с. 177–178, 185–186).

В могильнике у пос. *Ново-Аккермановка* (западнее г. Орска, алакульская культура) обнаружены два парных захоронения. В погр. 4 были захоронены двое взрослых, лицом друг к другу, головами на СЗ. Скелет А мужской (около 35 лет) располагался скорченно, на левом боку (почти на груди), кисти у лицевых костей черепа. Скелет В женский (около 25 лет) лежал с разворотом на грудь, со слегка согнутыми вправо ногами и вынесенными вправо, согнутыми к лицу руками. Скелет В частично тазовыми костями и костями ног перекрывал скелет А. Погр. 8 содержало парное захоронение двух подростков в возрасте 11–13 лет скорченно, лицом друг к другу,

головами на ЗСЗ: скелет V, более массивный, – на левом боку, скелет W – на правом. Кости ног расположены в следующем порядке: сверху лежат кости левой ноги скелета W, под ним – кости правой ноги скелета V, под ними – кости правой ноги скелета W, перекрывающие кости левой ноги скелета V (Подгаецкий, 1941, с. 72–73, 77).

В том случае, когда есть определение пола, мужчина захоронен на левом боку, женщина – на правом, что свидетельствует об устойчивости традиции.

Большинство исследователей признают индоиранскую принадлежность населения, к которому относятся рассматриваемые памятники, что позволяет значительно сузить круг аналогий и обратиться к древнеиндийским текстам.

Наибольший интерес представляет текст из Брихадараньяки-Упанишады, который является буквальной характеристикой парных разнополюх погребений позднего бронзового века в «позе объятий»: «вначале [все] это было лишь Атманом в виде пуруши... Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях. Он разделил сам себя на две части. Тогда произошли супруг и супруга» (Брих.-Упан. I. 4. 1, 3). В индийской мифологической традиции изначальная целостность мира представляется как нечто единое – «Атман в виде пуруши». Момент Творения характеризуется как разделение пурушей самого себя на две части и появление в мире мужского и женского начала. «Он стал таким, как женщина и мужчина, соединенные в объятиях» (Там же). По-видимому, этот образ упоминается в тексте не случайно, а является осколком древних космогонических мифов о начале творения мира и человека.

Разделение пурушей самого себя на две части: женскую и мужскую – неизбежно отсылает к мифу о божественном андрогине. В этом плане представляет интерес гимн Ригведы (X. 10), где Ями склоняет своего брата Яму вступить с ней в кровосмесительную связь, но Яма отказывается на том основании, что они брат и сестра. Вероятно, то, что запрещалось в реальной жизни, было возможно и даже желательно в мифе и ритуале, иначе вообще не было бы человечества. Кровнородственные браки вообще характерны для мифического времени, где они не рассматриваются как нарушение нормы. Прежде всего, это браки первопредков – брата и сестры, являющихся близнецами и представляющих единственную пару на земле. Поэтому происхождение людей непосредственно зависит от этого сакрального союза. Возможно и повторение этой ситуации, когда в результате какой-то катастрофы от инцеста происходит новое поколение людей. Эта ситуация соответствует снятию брачных и иных запретов в наиболее важных ритуалах (Левинтон, 1997, с. 545).

По мнению ряда исследователей, индийские (ведийские) близнецы Яма–Ями и иранские Йима–Йимак представляли собой эволюцию более древнего образа «божественного андрогина», что подтверждается сохранением для пары близнецов одного и того же имени (Элиаде, 1998, с. 314; Дандекар, 2002, с. 95). М. Элиаде отмечает, что эти «парные первопредки» Яма–Ями, Йима–Йимак в действительности являются более поздней версией мифа о «первочеловеке», который был андрогином (Элиаде, 1998, с. 314). Того же мнения придерживается Р.Н. Дандекар, который считает, что в процессе эволюции мифологии Яма – двуполое прасущество – уступил место паре близнецов, которые и стали родителями человечества (Дандекар, 2002, с. 94–96). Таким образом, в индоиранской традиции мы видим своеобразное разделение двуполого мифологического образа на мужской и женский при сохранении одного и того же имени. Подобный мифологический образ сохранился и в балтийской традиции, уходящей корнями в индоевропейское прошлое. Так, в латышских дайнах сохранились упоминания о браке мужского персонажа Юмиса с женским персонажем Юмалой. Причем латышское имя Юмис восходит к древнему индоевропейскому названию божественного близнеца и родственно имени Яма. Кроме того, «юмисом» называли любой двоящийся плод (Иванов, Топоров, 1983, с. 148–150, 162–163).

Парные разнополюе погребения лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий», по-видимому, имели целью воспроизведение в ритуале момента Начала творения, древнего образа «божественного андрогина» или первой супружеской пары, являющейся близнецами по рождению.

В свете представлений о «божественном андрогине» и браке близнецов-первопредков интересен тот факт, что в рассматриваемых погребениях эпохи бронзы пары составлены из людей близких по возрасту или, по крайней мере, входящих в одну возрастную группу. Исходя из обычая экзогамии, женщины, захороненные рядом с мужчинами, не могли быть их женами, т.к. жены принадлежали другому роду и должны были быть погребены на своем родовом кладбище. Для интерпретации парных захоронений времени андроновской культуры важным представляется замечание Николая Дамасского о том, что скифы «старших себя считают отцами, младших – сыновьями, а сверстников – братьями» (Nic. Damsc. Paradox., 3. Цит. по: Попов, 1982, с. 77) и, следует добавить, сестрами. Логично предположить, что здесь содержится указание на употребление терминов родства также для обозначения возрастных групп, что было отмечено В.А. Поповым (Там же, с. 77–78). Это сообщение представляет значительный

интерес, т.к. отражает иранские представления о возрастных классах. Таким образом, в парных погребениях эпохи бронзы, вероятно, представлены люди, входящие в один возрастной класс, в некоторых случаях это могли быть родные брат и сестра.

Этот вывод находит подтверждение в антропологических материалах срубно-алакульского кург. 1 Селивановского II могильника, где также имеются разнополые погребения одного возрастного класса «в позе объятий». Исследователи отмечают, что «завышение частоты встречаемости ряда посткраниальных эпигенетических маркеров может свидетельствовать в пользу тезиса об определенных родственных связях между индивидами, захороненными в кургане» (Куфтерин, Нечвалода, 2016, с. 86), в том числе парные и двойные погребения могли принадлежать лицам с определенной степенью близости, в том числе сиблингам (Там же). Сиблинги – родные братья и сестры, у которых общие родители, но не близнецы.

С точки зрения мифологического мышления в кризисной для общества ситуации считалось необходимым обращение к своему мифическому прошлому, т.к. «миф объясняет существующий социальный и космический порядок так, чтобы поддерживать этот порядок, исключая необъяснимые события и безвыходные коллизии. С этим отчасти связано воспроизведение мифов в регулярно повторяющихся ритуалах...» (Мелетинский, 1998, с. 13). Таким образом, в кризисной для архаического общества ситуации миф являлся образцом для подражания и воспроизводился в ритуале. Это позволяет с определенной долей вероятности предполагать, что мифический образ «божественного андрогина»

(безусловно, менее абстрактный, чем в Упанишаде) либо миф о браке первопредков-близнецов были известны населению позднего бронзового века и использовались в ритуальной практике. Так или иначе, но парные разнополые захоронения индивидов имели символический характер: они отсылали к мифическому времени, прежде всего к наиболее значимому моменту – Началу Творения.

Таким образом, люди, захороненные в синташтинских, петровских и алакульских парных разнополых погребениях, не были близнецами по рождению, в лучшем случае могли быть братом и сестрой, но воплощали в ритуале брак первопредков-близнецов. Поэтому старались подобрать людей, принадлежащих к одной возрастной группе. В то же время среди пар могли быть представлены все возрастные категории. В таком случае вполне объяснимым становится факт, что в «позе объятий» или лицом друг к другу были захоронены как младенцы до полугодя, так и куда более взрослые индивиды 40–60 лет.

В свое время мною было высказано предположение, что парные погребения индивидов лицом друг к другу следует рассматривать как отражение близнечного культа, а именно брака «близнечной пары», которые являлись первопредками (Сотникова, 2013, с. 42–44; 2014, с. 546–549). По-видимому, в данной интерпретации следует сместить акценты. Вероятно, центральным моментом являлось воспроизведение в ритуале мифа, отсылающего к Началу Творения. В свою очередь, в индоиранской мифологической традиции происхождение человечества связано с «божественным андрогинном» или браком первопредков-близнецов, что и нашло отражение в погребальном обряде позднего бронзового века.

Список литературы

- Артамонов М.И.** Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 7–8. – С. 108–125.
- Грязнов М.П.** Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. – Л.: Особый комитет АН по исследованию союзных и автономных республик, 1927. – Вып. II. – С. 172–221. (Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик... Серия Казахстанская).
- Грязнов М.П.** Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии. – 1957. – Вып. XXVI. – С. 21–28.
- Дандекар Р.Н.** От Вед к Индуизму: Эволюционирующая мифология. – М.: Восточная литература, 2002. – 286 с.

- Зданович Д.Г.** Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. – Челябинск: ЧелГУ, 1997. – 93 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** К проблеме лтш. JUMIS и балтийского близнечного культа // Балто-славянские исследования 1982 года / Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. – М.: Наука, 1983. – С. 140–175.
- Кузьмина Е.Е.** Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. – 1964. – № 97. – С. 39–49.
- Куприянова Е.В.** Миры синташтинской культуры: мужчины, женщины, дети // Аркаим: по страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г.Б. Зданович. – Челябинск: Крокус, 2004. – С. 117–126.
- Куприянова Е.В.** Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (по материалам синташтинской, петровской и алакульской культур): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2009. – 21 с.
- Куфтерин В.В., Нечвалода А.И.** Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кур-

- гана Селивановского-II могильника (Южное Зауралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 4 (35). – С. 79–89.
- Лебедева Н.В., Фадеев В.Г.** Новый памятник синташтинско-потаповского типа Кутулук-I в Самарском Заволжье // Археологические памятники Оренбуржья. – 2016. – Вып. 12. – С. 71–86.
- Левинтон Г.А.** Инцест // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / Глав. ред. С.А. Токарев. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т. 1. – С. 545–546.
- Логвин В.Н.** Могильник Токанай-1 и проблема соотношения «петровских» и «синташтинских» памятников // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 190–194.
- Мелетинский Е.М.** Миф и историческая поэтика фольклора // Е.М. Мелетинский. Избранные статьи. Воспоминания. – М.: Изд-во РГГУ, 1998. – С. 11–32.
- Подгаецкий Г.В.** Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Археологические памятники Урала и Прикамья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 69–82. (МИА. – № 1).
- Попов В.А.** Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // Советская этнография. – 1982. – № 1. – С. 68–79.
- Рафикова Я.В.** Парные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы докл. IV Региональной (с междунар. участием) науч.-практич. конф. – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 46–48.
- Рафикова Я.В.** Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Елены Ефимовны Кузьминой / Отв. ред.: В.И. Молодин, А.В. Епимахов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – С. 228–243.
- Сальников К.В.** Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1 / Под ред. С.В. Киселева. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 51–71. (МИА. – № 24).
- Сотникова С.В.** Об отражении близнечного культа в погребальном обряде андроновского населения // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. – 2013. – Вып. 1 (21). – С. 37–47.
- Сотникова С.В.** Парные разнополюсы погребения андроновской эпохи: на грани социального и ритуального // Сибирский сборник-4: Грани социального: антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / Отв. ред.: В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 542–551.
- Ткачев А.А.** Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 1. – 289 с.
- Ткачев А.А.** Могильник эпохи бронзы Майтан. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. – 529 с.
- Ткачев В.В.** Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актюбе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. 2007. – 384 с.
- Усманова Э.Р.** Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда: Карагандинский гос. ун-т им. Е.А. Букетова; Лисаковск: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, 2005. – 232 с.
- Хохлов А.А.** Палеоантропологический материал могильника Кутулук-I (Приложение) // Археологические памятники Оренбуржья. – 2016. – Вып. 12. – С. 85–86.
- Элиаде М.** Миф о воссоединении // М. Элиаде. Азиатская алхимия. – М.: Янус-К, 1989. – С. 273–323.

S.V. Sotnikova

Center for Archaeological Research (Russia)

ON THE SYMBOLIC INTERPRETATION OF PAIR DIFFERENT-GENDER BURIALS (BASED ON THE MATERIALS OF THE ANDRONOVO CULTURAL-HISTORICAL COMMUNITY)

The article is devoted to the interpretation of pair burials of the Late Bronze Age of the Sintashta, Petrovka, Alakul population, in which a man and a woman were buried face to each other in a «pose of embraces». The author gives the survey of different points of view on this type of burials and makes clarifications in her own interpretation. For this purpose attention is paid to the following features of these burials. Firstly, for pair burials sought to choose people of about the same age. Sec-

ondly, those burials are typical as for adults, and for adolescents and children. Thus, in pairs, there were buried people not necessarily of childbearing age. Probably, the central point was the reproduction in the ritual of a myth relating to the Beginning of Creation. Ritual burials of different-gender pairs facing each other could take place in a crisis situation, when there is an existential threat to the whole society.

KEYWORDS: *Central Asia, Late Bronze Age, Andronovo cultural-historical community, pair different-gender burials, symbolic interpretation, myth of the Beginning of Creation.*

Л.С. Марсадоллов

Государственный Эрмитаж (Россия)

О СИСТЕМЕ СЧЕТА У ПЛЕМЕН АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Системы счета в древности

Фиксация счетных единиц в виде ямок, зарубок, рядов прямых, «полулунных» и перекрещивающихся насечек зародилась еще в палеолите. В это же время появились разные системы счисления – по пальцам рук и ног (от 1 до 5–10–20 и т.д.), а также по фазам Луны (7–14–28 дней; Фролов, 1992). Позднее часто использовали счет по фалангам/суставам четырех пальцев одной руки: 3–6–9–12 («треугольные» числа, «дюжина» – Шумер, Китай, Вавилон, Русь, Англия) и т.д.

Необходимость счета у скотоводов и народов Евразии возникла из потребности знания числа дней, месяцев и лет; учета принадлежавшего им скота; организации войсковых подразделений; раздела военной добычи и обмена товарами с соседями, а также для ритуалов, игры и гадания. В Южной Сибири счетные метки отмечены на альчиках баранов из поселения Торгажак в Хакасии, относящихся к X–IX вв. до н.э. (Савинов, 1996, табл. XIV); на бревнах срубов из больших курганов пазырыкской культуры Алтая, VI–V вв. до н.э. (Руденко, 1953); а также на предметах хуннского времени в Забайкалье и Монголии (Марсадоллов, 2017).

Счет у «андроновцев»

Как большие каменные изваяния и плиты с зооантропоморфными изображениями являются «визитной карточкой» окуневской культуры, так и андроновские глиняные сосуды со сложным геометрическим орнаментом без сомнения позволяют относить их к андроновской культурно-исторической общности, выделяя из огромного массива керамики множества археологических культур. Орнаментальные мотивы из Аркаима и Синташты в виде треугольников, ромбов, зигзагов и других фигур нашли продолжение на многих сосудах андроновской и близких к ним культурах (Зданович и др., 2020). Не только счетные метки-насечки, но и число простых мотивов орнамента, «художественные» и звериные образы могут свидетельствовать о развитом и сакральном счете. В близких к андроновцам культурах археологи изучали системы счета на различных предметах из камня, кости, керамики и металла (Клейн, 1997; Стефанов и др., 2016), но не на глиняных сосудах.

Изучению орнамента на андроновских сосудах посвящены десятки работ археологов. Одни ученые исследовали влияние предшествующих и последующих традиций на андроновскую керамику, другие изучали состав глиняного теста, орнаменты, мотивы, знаки на сосудах и иные аспекты. Итоги изучения андроновских орнаментов и их семантика рассмотрены в большой работе И.В. Ковтуна (Ковтун, 2016). Для наших рисунков многие орнаментальные мотивы взяты из работ И.В. Ковтуна и Г.А. Максименкова (Максименков, 1978), но они сгруппированы по-другому, с учетом усложнения орнаментальных элементов и составляющих их чисел (рис. 1-3).

В 1935 г. С.В. Киселев при раскопках могильника Усть-Ерба в Хакасии (кург. 2, мог. 2) обнаружил глиняный сосуд (Киселев, 1951, с. 72–75). На его внешней поверхности были нанесены два ряда из одиночных треугольников, а также отдельные мотивы по два и три треугольника (рис. 1-1; Максименков, 1978, табл. LI-20), что, вероятно, можно рассматривать как сознательное отображение числового ряда.

На андроновской керамике цифры могли быть «записаны» в виде отдельных палочек, точек или простых геометрических фигур, например в виде наиболее часто встречаемых треугольников, вершина которых обращена вверх или вниз. В системе счета прежде всего нужно попытаться найти последовательность цифр: 1 – 2 – 3 – 4... и т.д. Выделив в андроновских орнаментах отдельные элементы и состоящие из них мотивы, с учетом их усложнения, можно получить следующий числовой ряд: 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – 6 – 7 – 8 – 9 – 10 – 11 – 12 /...15/...18/...21 (рис. 2; 3). Наиболее часто встречается число 3 и производные от него: 3 – 6 – 9 – 12 («треугольный счет»). После числа 12 в орнаментации наблюдаются «пробелы» через 3 единицы: 15 – 18 – 21, но при этом число 12 «зеркально равно» числу 21.

Семантике орнамента на сосудах эпохи бронзы посвящены многие работы (см. Ковтун, 2016). Календарная символика отражена на ряде сосудов эпохи бронзы, при этом 12-месячный календарь могли изобразить как в виде свастики, каждый из 4 отростков (сезонов) которой заканчивался 3 лучами-месяцами (рис. 2-а), так и более сложного

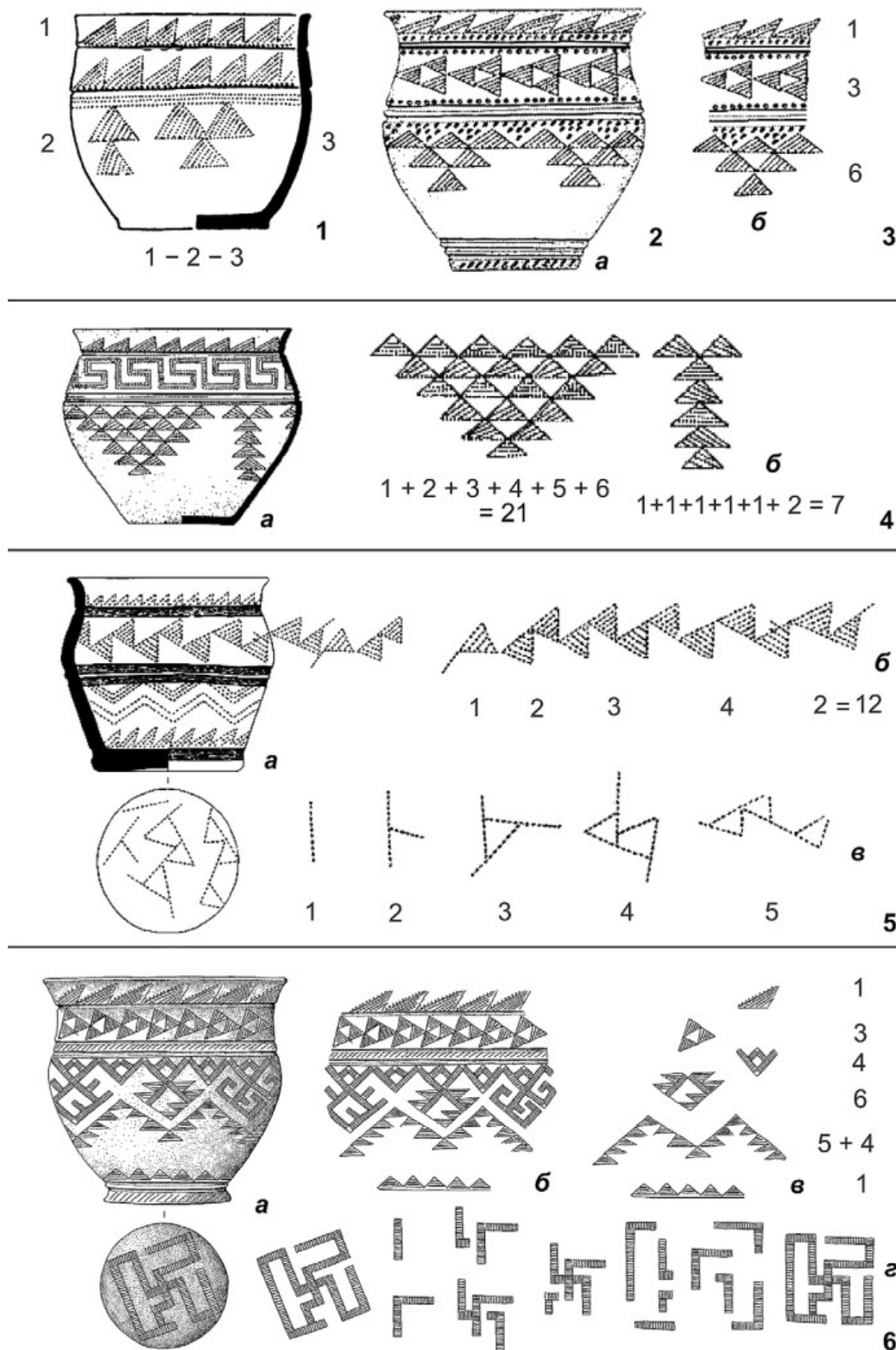

Рис. 1. Керамические сосуды андроновской культуры с разнообразными орнаментами: 1 – Хакасия, Усть-Ерба, курган 2, могила 2; 2, 3 – Юрман I, курган 1, могила 2; 4, 6 – андроновские сосуды; 5 – Томское Приобье, Еловский курганный могильник II, могила 212. Масштабы разные (1 – по: Максименков, 1978; 2–6 – по: Ковтун, 2016; составлено Л.С. Марсадоловым, добавлено 2–6, а–г)

Fig. 1. Ceramic vessels of the Andronovo culture with various ornaments: 1 – Khakassia, Ust-Yerba, barrow 2, grave 2; 2, 3 – Yurman I, barrow 1, grave 2; 4, 6 – Andronovo vessels; 5 – the Tomsk Ob Region, Elovsky burial mound II, grave 212. Scales are different. Based on materials from the works: (1 – after Максименков, 1978; 2–6 – after Ковтун, 2016; composition by L.S. Marsadolov, added 2–6, а–г)

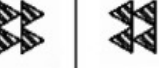

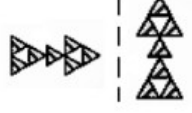

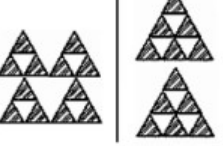

 1	 $1 + 1 = 2$ $1 = 1$	 $1 + 2 = 3$	 $-2 - 1 = -3$	 $1 - 2 = -1$
 $1 + 2 = 3$ $-1 - 2 = -3$	 $2 + 1 = 3$	 $2 + 2 = 4$	 4	 $1 + 1 + 2 = 4$
 $3 + 2 = 5$	 $2 + 1 + 2 = 5$	 $1 + 2 + 2 = 5$	 $3 + 3 = 6$	 6 6
 $1 + 2 + 3 = 6$	 $-3 - 2 - 1 = -6$	 $3 + 2 + 1 = 6$	 $-1 - 2 - 3 = -6$	 6 6
 $1 + 2 = 2 + 1$ 6	 $3 + 1 + 3 = 7$	 $1 + 1 + 1 + 1 + 1 + 2 = 7$	 7	 8
 $3 + 3 + 3 = 9$	 $4 + 3 + 2 = 9$	 $4 + 3 + 2 + 1 = 10$	 11	 $3 + 3 + 3 + 3 = 12$ $6 + 6 = 12$
 $3 + 3 + 3 + 3 = 12$ a	 $5 + 4 + 3 + 2 + 1 = 15$	 $6 + 6 + 6 = 18$	 $6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 = 21$	

Рис. 2. Распределение числовых мотивов орнамента на сосудах андроновской культуры с учетом возрастания и усложнения составляющих их элементов (а – Танаберген II; календарные узоры (?) в виде свастики и ромба с 12 «отростками-лучами») (по: Ковтун, 2016; Максименков, 1978; сгруппировано Л.С. Марсадоловым)

Fig. 2. Distribution of the numerical motifs of the ornament on the vessels of the Andronovo culture, with reference to the increase and complication of their constituent elements (a – Tanabergen II; calendar patterns (?) in the form of a swastika and a rhombus with 12 “processes-rays”) (after Ковтун, 2016; Максименков, 1978; grouped by L.S. Marsadolov)

							
1	2	3		1	2	3	
							
4	5	6		4	5	6	
							
7	8	9		7	8	9	

1			$3 + 3 + 3 = 9$
$1 + 2 = 3$			$4 + 3 + 2 + 1 = 10$
$1 + 2 + 3 = 6$			$5 + 4 + 3 + 2 + 1 = 15$
$-3 - 2 - 1 = -6$			$6 + 6 + 6 = 18$
$3 + 2 + 1 = 6$			$6 + 5 + 4 + 3 + 2 + 1 = 21$
$-1 - 2 - 3 = -6$			
$3 + 1 + 3 = 7$			

Рис. 3. Предполагаемые варианты числовых орнаментальных мотивов и их элементов на сосудах андроновской культуры. Составлено Л.С. Марсадоловым

Fig. 3. Suggested variants of numerical ornamental motifs and their elements on the vessels of the Andronovo culture. Composition by L.S. Marsadolov

12-месячного знака-года в виде большой ромбической фигуры (4 сезона – стороны ромба) с малой свастикой в центре. Даже на одном сосуде цифровые значения могли отразить в виде треугольных орнаментальных мотивов на стенке горшка и в виде палочек-черточек на его дне (рис. 1-5). Сложные знаковые и орнаментальные мотивы необходимо попытаться разложить на более простые элементы, которые позволят выявить последовательность действий при создании сложных композиций и отдельных фигур (рис. 1-6).

Список литературы

- Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г.** Археологическая археология укрепленных поселений: в 2 кн. Кн. 1: Жилища и жилое пространство. – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2020. – 466 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Клейн Л.С.** Происхождение Нуля, или Древнейшая эволюция игр в кости между Дунаем и Индом // *Stratum: структуры и катастрофы*. – СПб.: Нестор-История, 1997. – С. 47–66.
- Ковтун И.В.** Андроновский орнамент (морфология и мифология). – Казань: Казанская недвижимость, 2016. – 547 с.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum (Russia)

TO THE COUNTING SYSTEM AMONG THE TRIBES OF THE ANDRONOVO CULTURE

The article briefly analyzes the geometric motifs on the vessels of the Andronovo culture, considered as separate parts of the ancient counting system. In the monographs of G.A. Maksimenkov (1978) and I.V. Kovtun (2016), the materials of previous excavations by other archaeologists and their research are summa-

Заключение

Числовые закономерности у «андроновцев» можно было бы продолжить, но вышеприведенных примеров вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что числа играли определенную роль в жизни андроновских племен и это был определенный культурно-исторический этап в поиске новых сакральных и древних научных ценностей. Семантика каждого числа, как и каждого сакрального символа и объекта, очень важная, сложная, содержит много аспектов, хотя изучение этого многообразия только начинается.

Марсадолов Л.С. Основы сакрально-научных знаний у хуннов Забайкалья // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. до н.э. Динамика освоения культурного пространства: Мат-лы IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез», 14–18 ноября 2017 г. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: СПбГУ; Скифия-принт, 2017. – С. 97–101.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 112 с.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // *Stratum plus*. – 2016. – № 2. – С. 235–253.

Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. – М.: Наука, 1992. – 200 с.

rized, that contributed to a further in-depth study of the ornamentation of the Andronovo culture. In this article, ornamental motifs are grouped with reference to the complication of the elements of the ornament and their constituent numbers.

KEYWORDS: *Siberia, Andronovo culture, vessels, ornamentation, counting system, numeral.*

А.В. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН (Россия)

КАРАСУКСКИЙ СЛЕД В ДОЛИНЕ ЧАА-ХОЛЯ: СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ И ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ В УРОЧИЩЕ ТЕРЕЗИН (ЧАА-ХОЛЬСКИЙ РАЙОН, РЕСПУБЛИКА ТЫВА)

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций»

Урочище Терезин (**рис. 1**), расположенное в Чаа-Хольском р-не в Туве, представляет собой высокую речную террасу, сложенную преимущественно песчаными и супесчаными отложениями. С 2008 г. отряд Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством П.М. Леуса проводил ежегодный мониторинг линии обрыва и пляжа под ним. В процессе работ выявлен грунтовый могильник Терезин, принадлежащий к эпохе хунну, и собран весьма ценный подъемный материал, содержащий как вещи из разрушившихся погребений, так и предметы, явно содержащиеся в культурном слое древнего поселения: разрозненные фрагменты керамики, обломки костей животных, отдельные каменные орудия.

В 2018 г. Н.А. Жогова провела несколько пеших разведок дельты р. Чаа-Холь и окрестностей с целью выявления поселений – сезонных стоянок кочевников в зоне затопления и прилегающей территории. Маршрут № 3 проходил вдоль Терезинского обрыва, по правому берегу ручья Бай-Булун – левого притока

р. Улуг-Хем (**рис. 2**). В этом месте берег представляет собой песчаный обрыв и пляж под ним, образовавшиеся в результате антропогенно-абразионных процессов за счет подмывания водохранилищем аккумулятивной (аллювиальной) речной террасы. В береговой песчаной полосе и на уступах обрыва был собран подъемный материал: на террасе зафиксировано более 20 точек с находками разновременной керамики и каменное орудие. Местонахождения были достаточно разрознены и разбросаны на расстоянии приблизительно в 500 м. Данные находки были интерпретированы как проявления разрушающегося культурного слоя: выявленной стоянке было присвоено название «Бай-Булун 5». Стоянка находится на берегу в 1,3 км к северу от горы Кара-Даг, в 450 м к ССВ от могильника Терезин. Стоянки Бай-Булун 1–4 находятся южнее могильника Терезин, ближе к горе Кара-Даг, здесь на уступах обрыва и под ним также обнаружены находки из разрушенных культурных слоев поселений.

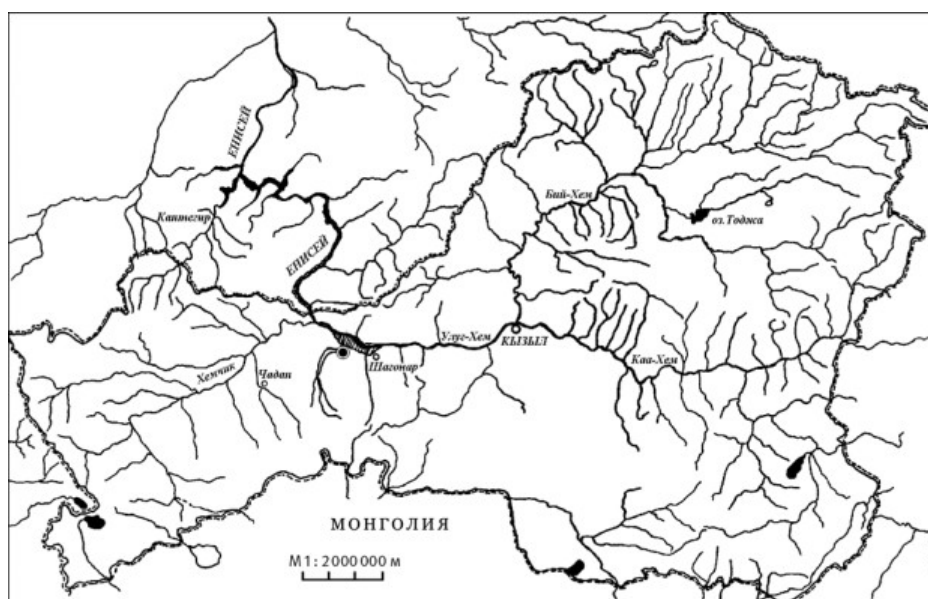

Рис. 1. Местонахождение урочища Терезин на карте Тувы

Fig. 1. Location of the Terezin tract on the map of Tuva

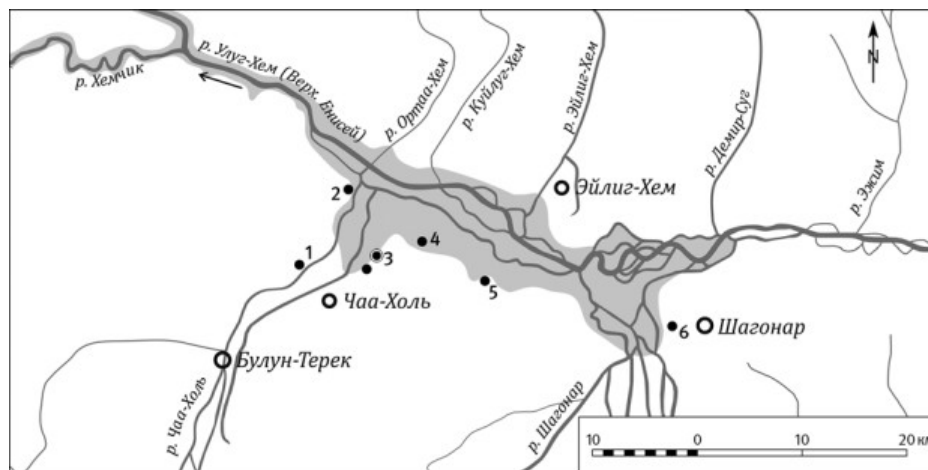

Рис. 2. Карта памятников в районе впадения р. Чаа-Холь в Саяно-Шушенское водохранилище: 1 – могильник Аймырлыг; 2 – могильник Суме-Беш, буддийская ниша Чуругмаг-Бурханниг; 3 – могильник Терезин и стоянка Бай-Булун 5; 4 – могильник Ала-Тей; 5 – могильник Аргалыкты; 6 – Шагонарское городище (по данным разведок Н.А. Жоговой)

Fig. 2. Map of archaeological sites and burial grounds in the area of the confluence of the Chaa-Khol River with the Sayan-Shushenskoe Reservoir: 1 – burial ground Aimyrlyg; 2 – burial ground Sumy-Besh, Buddhist niche Churumag-Burhannyg; 3 – burial ground Teterzin and Bai-Bulun 5 site; 4 – burial ground Ala-Tei; 5 – burial ground Argalykty; 6 – Shagonar settlement (according to the data of N.A. Zhogova's archaeological reconnaissance)

В июне 2020 г. во время пешего обхода и осмотра линии обрыва в урочище Терезин зафиксирован участок, где в обрыве и под ним находились обломки костей животных и фрагменты керамики. Изучение обрыва вблизи этого участка выявило несколько линз прокаленной почвы с угольками и мелкими осколками кальцинированных костей (**рис. 3**). Данное местонахождение соответствует стоянке Бай-Булун 5, выявленной Н.А. Жоговой (Жогова, 2018).

На стоянке Бай-Булун 5, вдоль края песчаной террасы заложен раскоп № 9 размерами 16×1,5–1,8 м. Уступ террасы вблизи стоянки почти полностью разрушен вследствие интенсивной абразии, эрозионные формы в террасе существенно расширены абразией и образуют понижения между отдельными сохранившимися участками уступа. Эти участки уступа сильно деформированы склоновыми процессами – обвалами и осыпаниями; образуются колювиальные шлейфы. На микро- и нанорельеф участка влияют эоловые процессы. Поверхность стоянки слабо задернована, представляет собой слой песка, поросшего редкими растениями.

В месте раскопа культурный слой исследован до глубины 0,4–0,7 м от современной поверхности (**рис. 4**). Скорее всего, на месте стоянки была ровная площадка: под слоем недавно образовавшегося бархана песок становится плотнее, постепенно переходя в охристый суглинок. Зачистка разреза, образованного линией обрыва, выявила несколько ям разных размеров и глубины, верх заполнения которых находился на разной глубине от современного края

обрыва, но примерно соответствовал уровню древней дневной поверхности. В раскопе зафиксирован ряд пятен более темного цвета, соответствующих видимым в обрыве границам заполнения ям. На данной площади было обнаружено 10 объектов – ям разного размера с разным заполнением (**рис. 5**). Заполнение ям немного темнее окружающей почвы и менее плотное, однако, высыхая, песок быстро становился совершенно однородным, что затрудняло как поиск границ заполнения ям, так и выявление уровня древней поверхности (**рис. 6**).

Восемь ям находились на одной линии (примерно ЮЗ–СВ) и оказались перерезаны обрывом, поэтому значительная часть их заполнения была утрачена, а точные размеры установить не удалось. Возле ям 1–3 выявлены ямы 6 и 7, не попавшие в линию обрыва. Их заполнение представляло собой коричневый мешаный песок, более темный, чем окружающий материковый слой – песок с охристым суглинком. Помимо керамики и фрагментов костей животных, в заполнениях ям 6 и 7 встречены мелкие, пережженные обломки костей и угольки. В основном эти находки были сосредоточены в небольших ямах 1, 2, 3 и 7 (шириной в 0,5–0,8 м и глубиной 0,25–0,40 м от древней поверхности). Всего найдено 69 фрагментов керамики, 23 обломка костей животных, среди которых зубы лошадей и МРС, фрагмент зернотерки и обломок клинка бронзового ножа (**рис. 7-1**). Близкие по размерам ямы 5, 6 и 10 (мусорные?) содержали небольшое количество пережженных, кальцинированных костей и мелких угольков.

Рис. 3. Культурный слой стоянки Бай-Булун 5, зачищенный по линии обрыва

Fig. 3. View of the settlement strata of Bai-Bulun 5 site, cleared along the cliff line

Ямы 4, 8 и 9 содержали мощный угольный слой при практически полном отсутствии керамики и костных остатков (найденных только в яме 4, где также находился фрагмент зернотерки), поэтому, вероятно, они могли быть углежогными ямами. Все три ямы имели сильно прокаленные стенки в нижней части и небольшой подбой, придающий им слегка грушевидную в разрезе форму. К сожалению, в значительной степени они оказались разрушены, однако по менее пострадавшей яме 8 можно судить об их круглой форме. Ямы 4 и 9 (**рис. 6**) также имеют отчетливое закругление стенок. Сами угли, хотя и за-

легают довольно плотными слоями, являются остатками небольших палочек и веток, толщиной не более 1 см. Вероятно, это остатки хвороста, использовавшегося для разведения огня в ямах, которые после того, как огонь разгорался, засыпались, чтобы получить древесный уголь. Впрочем, для углежогных ям размеры объектов 4, 8 и 9 слишком невелики; кроме того, не удалось проследить конструкции продухов, которые обычно выкапываются в стенках углежогных ям (возможно, продухи не удалось проследить в песчаной почве или из-за частичной сохранности самих объектов). Весьма вероятна версия, что данные

Рис. 4. Стоянка Бай-Булун 5. Общий вид раскопа № 9 после выборки заполнения ям

Fig. 4. Bai-Bulun 5 site. General view of excavation No. 9 after sampling of items from the pits

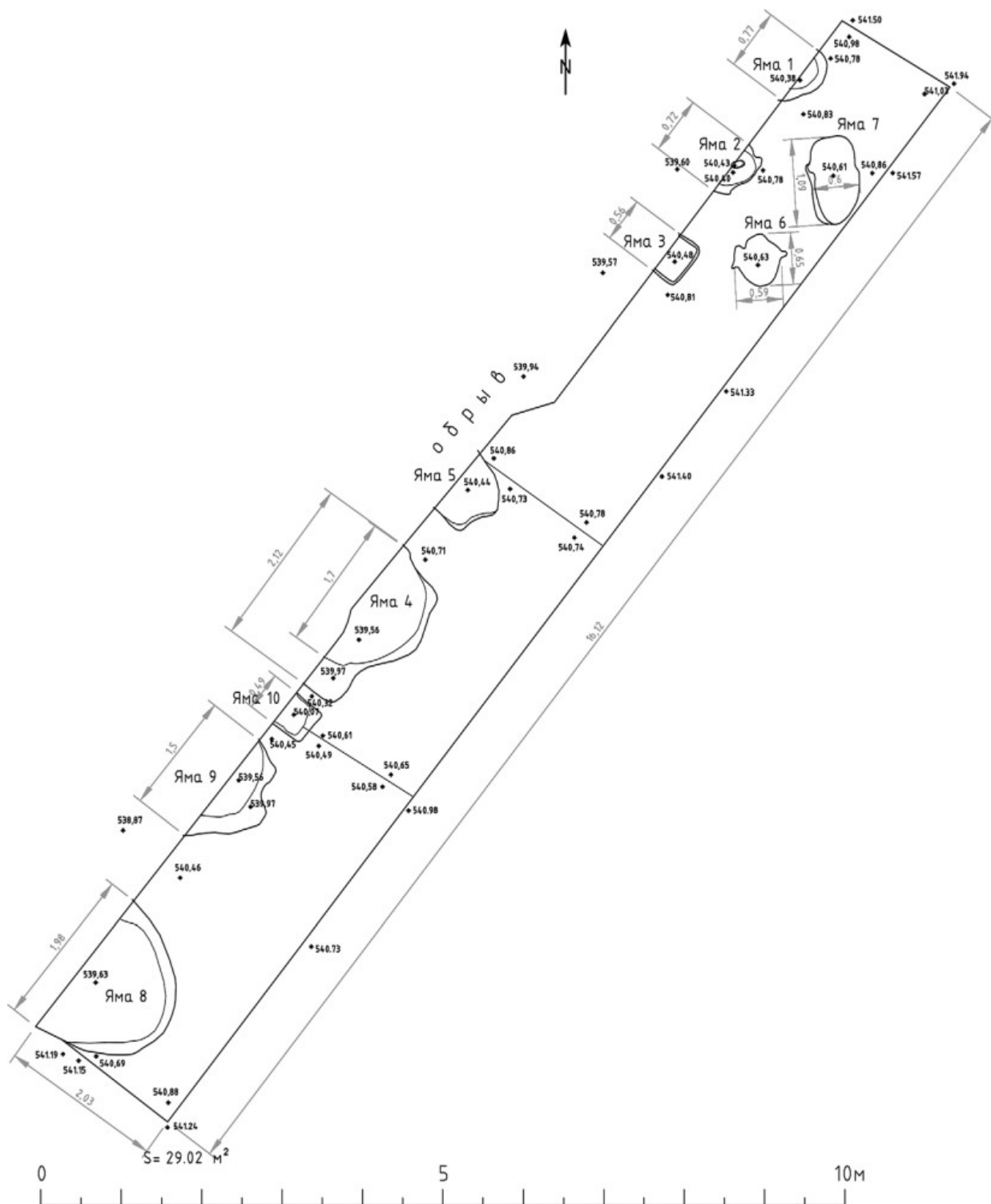

Рис. 5. Стоянка Бай-Булуи 5. План раскопа № 9

Fig. 5. Bai-Bulun 5 site. Plan of excavation No. 9

объекты представляют собой коптильни для рыбы или мяса. Для очагов эти сожжения расположены слишком глубоко. Тот факт, что 8 из 10 находились примерно на одной линии ЮЗ–СВ, позволил высказать версию о ритуально-поминальном назначении данного комплекса, в таком случае фрагменты кера-

мики и костей животных можно рассматривать как остатки от заупокойных трапез, а следы сожжения хвоста в ямах – как ритуальные костры.

Обнаруженные фрагменты венчиков сосудов с орнаментом-«жемчужинами» (рис. 7-2–7-5) имеют аналогии среди материалов позднего бронзового

Рис. 6. Стоянка Бай-Булун 5. Сожжения в ямах 4 (1) и 8 (2)

Fig. 6. Bai-Bulun 5 site. View of incinerations in pits 4 (1) and 8 (2)

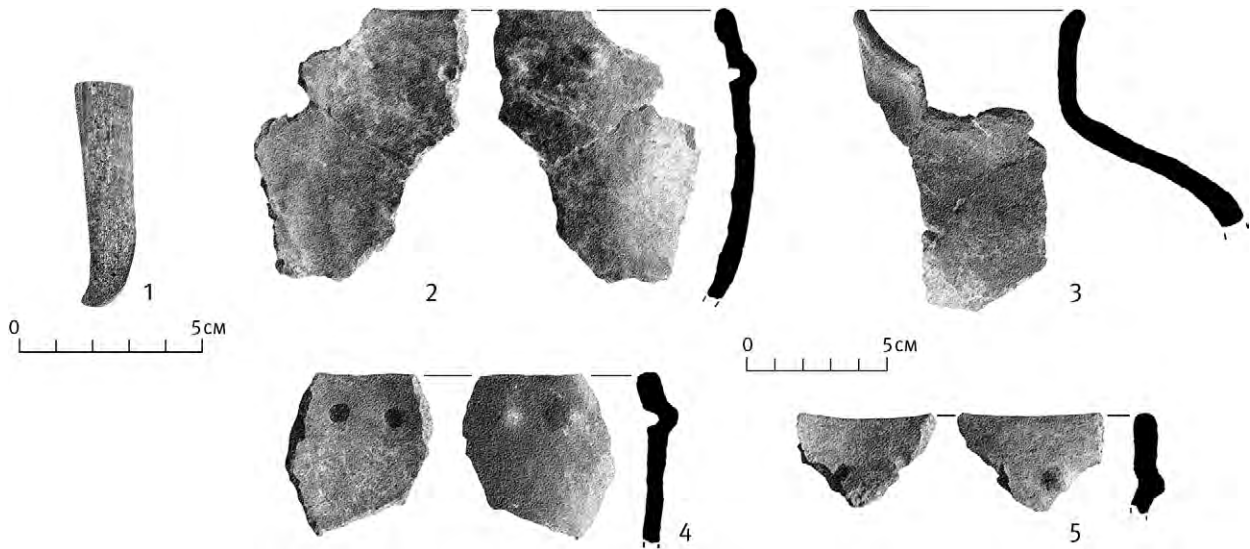

Рис. 7. Стоянка Бай-Булун 5: 1 – фрагмент бронзового ножа из заполнения ямы 2; 2–5 – фрагменты венчиков сосудов из заполнения ям 2, 3 и 7

Fig. 7. Bai-Bulun 5 site: 1 – fragment of a bronze knife from the pit 2; 2–5 – fragments of vessels' corollas from pits 2, 3, and 7

и раннего железного века Минусинских котловин, однако этот тип орнамента может считаться достаточно редким. Значительно более распространена орнаментация «ямками», когда вдавления идут с внешней стороны венчика сосуда – такой узор зафиксирован у примерно у четверти из 1500 известных сосудов карасукской культуры. Однако «жемчужины» также встречаются: среди находок в жилищах на поселении Торгажак, в некоторых погребениях могильников Сухое Озеро II, Быстрая, Кокоревских, Аскыз, на стоянке Няша (Красноярск) и в Сартак-

ском кладе (**рис. 8-1–8-14**). Керамику с «жемчужным» орнаментом в Минусинских котловинах можно отнести к среднему и завершающему этапам позднего бронзового века.

Близкий хронологический период бытования имеют и бронзовые ножи с отогнутым назад кончиком: в «классических» карасукских памятниках они практически не встречаются – в Минусинских котловинах такие ножи более распространены в погребениях позднего, лугавского этапа. Отогнутый «хвост» встречается у коленчатых и прямых ножей,

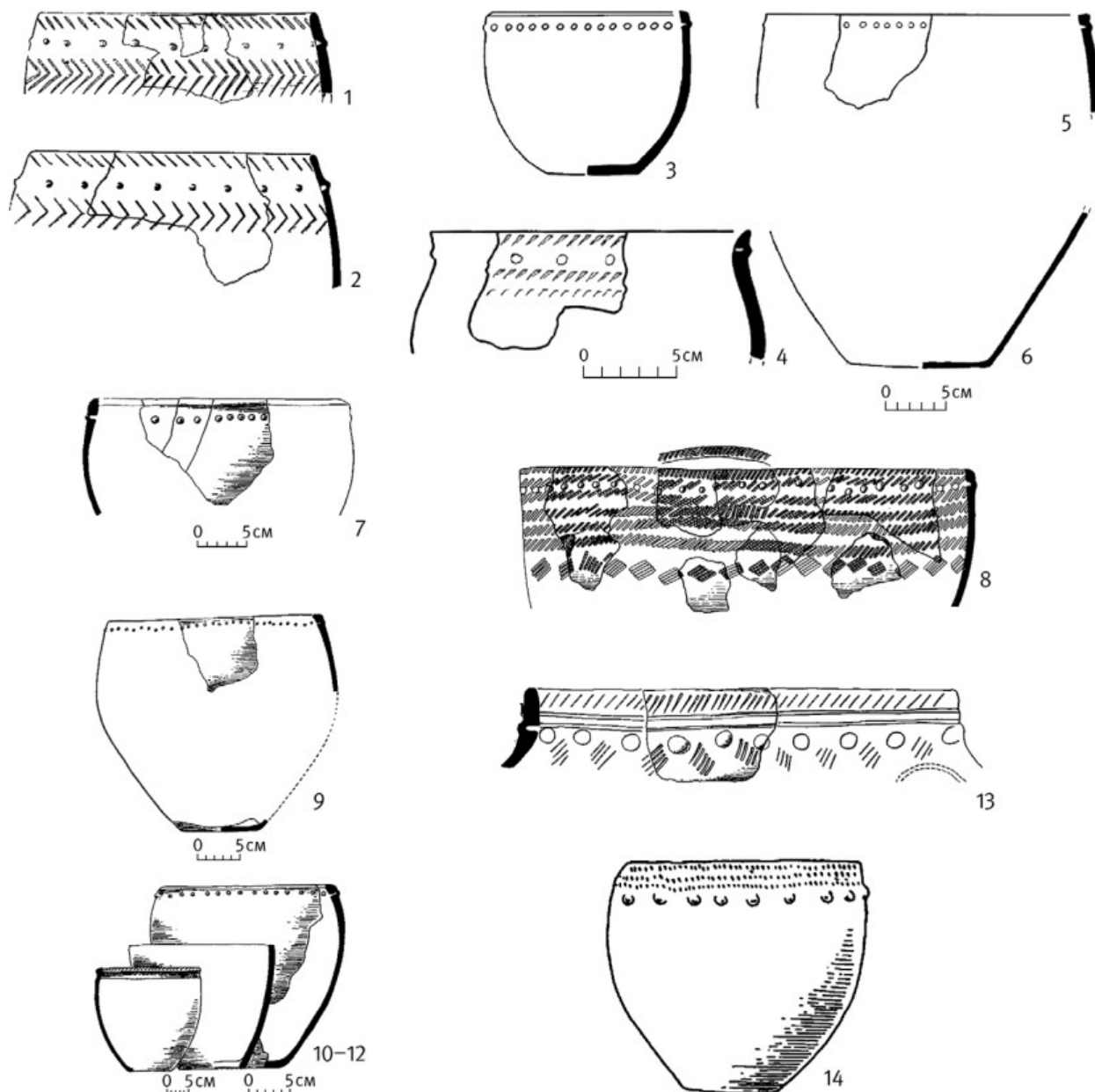

Рис. 8. Керамические сосуды с орнаментом-«жемчужинами»: 1, 2 – могильник Сухое Озеро II; 3–6 – поселение Торгажак; 7 – могильник Быстрая; 8 – Няша, Красноярск; 9–12 – Кокоревские могильники; 13 – Сартацкий клад; 14 – могильник Аскыз (1, 2 – по: Максименков, Вадецкая, 2021; 3–6 – по: Савинов, 1996; 7–14 – по Членова, 1972)

Fig. 8. Ceramic vessels with "pearl" ornaments: 1, 2 – burial ground Sukhoe Ozero II; 3–6 – Torgazhak settlement; 7 – burial ground Bystraya; 8 – Nyasha, Krasnoyarsk; 9–12 – Kokorev burial grounds; 13 – Sartak hoard; 14 – burial ground Askыз (1, 2 – after Максименков, Вадецкая, 2021; 3–6 – after Савинов, 1996; 7–14 – after Членова, 1972)

как это прослежено среди случайных находок с территории Тувы, среди материалов могильников и стоянок Минусинских котловин, а также среди отдельных находок из Китая (рис. 9-1–9-27). Обломки ножей с характерным изгибом кончика клинка, по-видимому переиспользованные, как и обломок из Бай-Булуна 5, обнаружены на поселении Торгажак в Хакасии (Савинов, 1996, табл. IX-18, IX-19), где найдено два таких фрагмента (рис. 9-14, 9-15). Сходны и небольшие «мусорные» ямы с обломками

костей, мелкими черепками и угольками, имеющие на Торгажаке различную форму, при глубине в среднем около полуметра.

Хотя на стоянке Бай-Булуна 5 имеется нарушение культурного слоя обрывом, а раскопки пока проведены на небольшой площади, имеющиеся материалы позволяют вернуться к вопросу о «некоторых элементах карасукской культуры», прослеживаемых на территории Тувы еще С.А. Теплоуховым в конце 1920-х гг. (Теплоухов, 1929, с. 44). Он описал

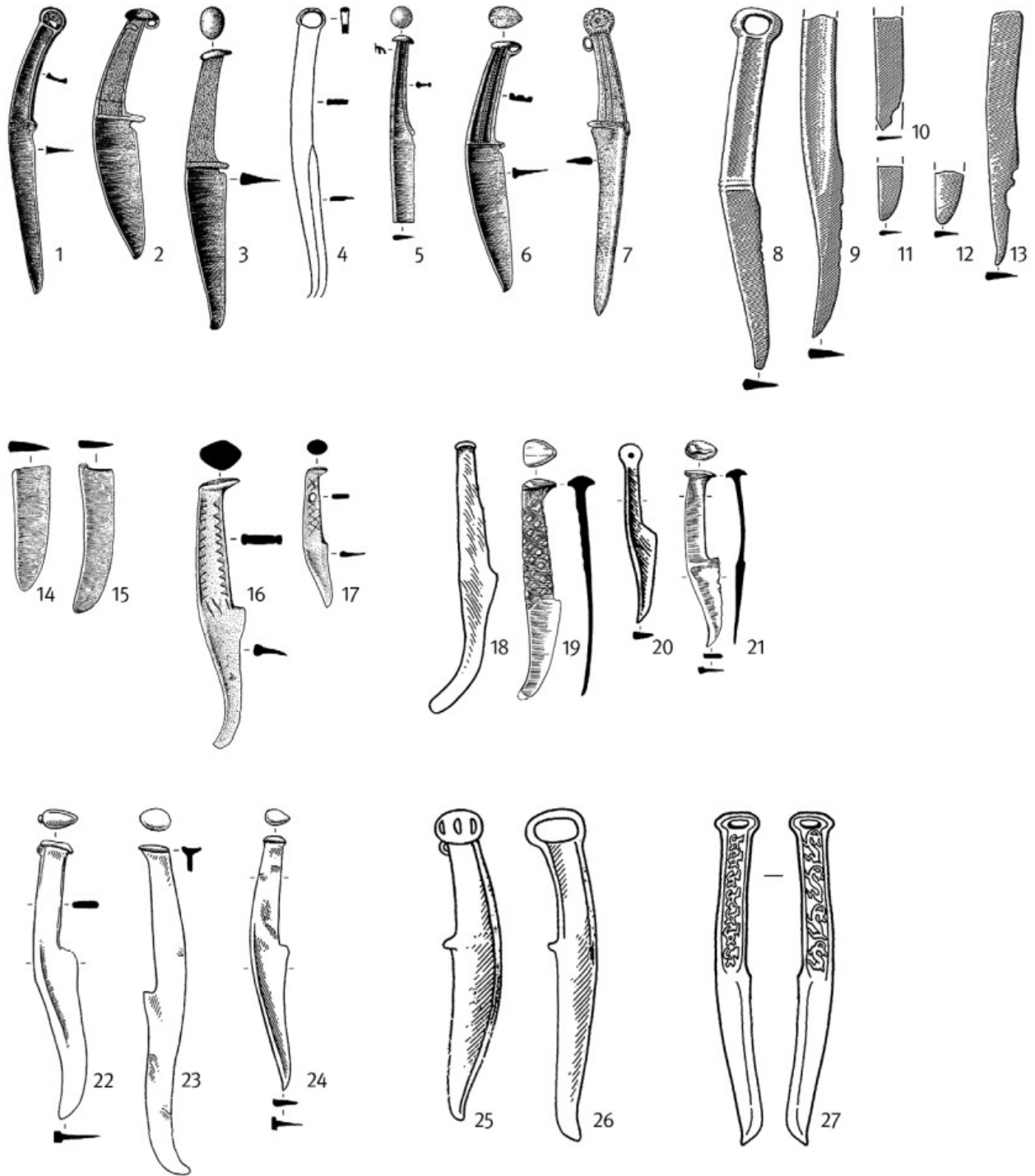

Рис. 9. Бронзовые ножи и фрагменты. 1–7 – случайные находки с территории Тувы (1 – Кызыл-Арыг; 2 – Кок-Кежик; 3–5 – окрестности Кызыла; 6 – Кошпей; 7 – Хадын); 8–13 – могильник Сухое Озеро II; 14, 15 – поселение Торгажак; 16, 17 – могильник Волчий Лог; 18–21 – могильник Фёдоров Улус; 22 – Тесинское; 23 – Бейское ГЭ; 24 – с. Восточное; 25, 26 – Ордос; 27 – Чаодаогюу (1–3, 5–7 – по: Кызласов, 1979; 4 – по: Чугунов, 2009; 8–13 – по: Максименков, Вадецкая, 2021; 14, 15 – по: Савинов, 1996; 16–27 – по: Членова, 1972). Без масштаба

Fig. 9. Bronze knives and fragments. 1–7 – accidental finds from the territory of Tuva (1 – Kyzyl-Aryg; 2 – Kok-Kezhik; 3–5 – the vicinity of Kyzyl; 6 – Koshpei; 7 – Khadyln); 8–13 – burial ground Sukhoe Ozero II; 14, 15 – Torgazhak settlement; 16, 17 – burial ground Volchii Log; 18–21 – burial ground Fyodorov Ulus; 22 – Tesinskoe; 23 – Beya; 24 – Vostochnoe village; 25, 26 – Ordos; 27 – Chaodaogou (1–3, 5–7 – after Кызласов, 1979; 4 – after Чугунов, 2009; 8–13 – after Максименков, Вадецкая, 2021; 14, 15 – after Савинов, 1996; 16–27 – after Членова, 1972). Without scale

ряд предметов: дугообразный обушковый нож, приобретенный в поселке Кызыл-Арыг (рис. 9-1), кинжал с обломанным навершием и концом клинка из окрестностей Турана (рис. 10-6) и бронзовую лапчатую подвеску, найденную в районе современного г. Кызыл, – предмет уникальный для Тувы, но имеющий многочисленные аналогии среди материалов из Минусинских котловин (например, на могильнике Сухое Озеро II – см.: Максименков, Вадецкая, 2021).

Л.Р. Кызласов в своей монографии, посвященной древней Туве, опубликовал целый ряд бронзовых кельтов, дугообразных обушковых ножей и кинжалов, как из случайных находок в различных районах Тувы, так и обнаруженных в погребениях (рис. 9-1–9-3, 9-5–9-7; 10-5, 10-6). Одним из важных центров в карасукский период, согласно Л.Р. Кызласову, являлась гора Кара-Хая, расположенная возле поселка Хову-Аксы. Здесь находились древние выработки меди, и в процессе геологического изучения этого богатого ресурсами района обнаружены значительное количество древних карьеров и штолен, а также погребение женщины с инвентарем карасукского облика (Кызласов, 1979, с. 22–31, рис. 15-19). Другое погребение было раскопано М.Х. Манай-оолом в районе поселка Чаа-Холь. Захороненный в каменном ящике человек был уложен головой на запад, среди погребального инвентаря находилась костяная ложка и «остатки» дугообразного обушкового ножа (Там же, с. 29).

К.В. Чугунов в отдельной работе приводит ряд предметов, хранящихся в Национальном музее и в частных коллекциях (Чугунов, 2009), среди которых стоит выделить нож с сильно загнутым концом клинка и сохранившейся рукоятью с кольчатым навершием (рис. 9-4). Он найден в 1996 г. к югу от г. Кызыла на 9-м километре трассы в Эрзин. Общая длина ножа – 19,8 см, длина лезвия – 10,5 см (Там же,

рис. 3-1) Данный нож, в отличие от найденного на стоянке Бай-Булун 5 обломка, имеет лезвие, выделенное на одной из плоскостей клинка. Однако формы окончаний клинков этих ножей одинаковые, а также обнаруживают сходство с ножами на поселении Торгажак (рис. 9-14, 9-15). В статье К.В. Чугунова приведены еще два ножа, формами рукоятей идентичные первому, но с обломанными примерно посередине лезвиями. Не исключено, что такая поломка была обычной для ножей этого типа – например, место слома на экземпляре из стоянки Бай-Булун 5 сильно заглажено, т.е. какое-то время его продолжа-

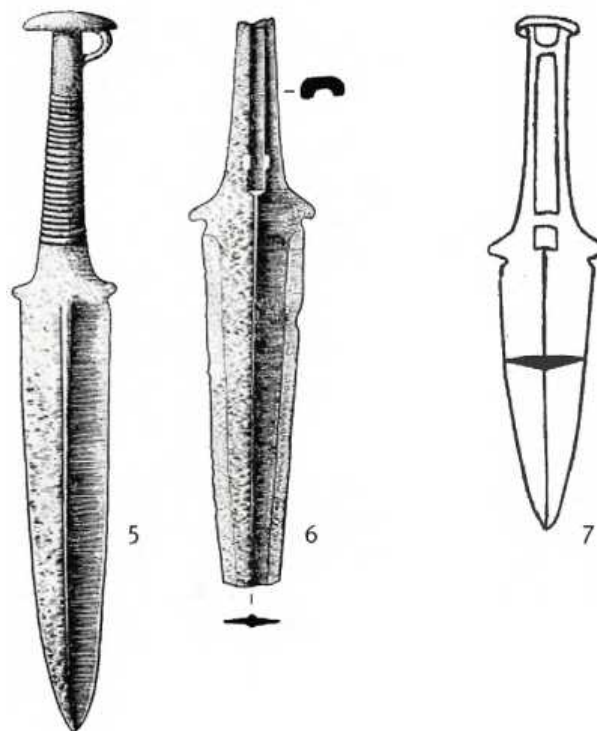
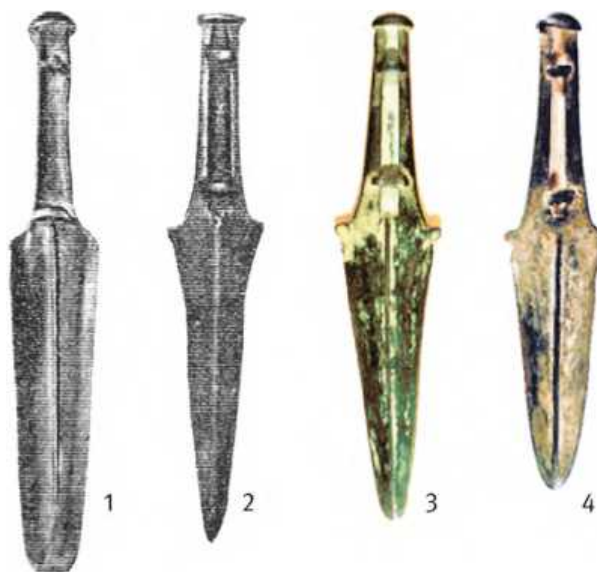

Рис. 10. Бронзовые кинжалы: 1, 2 – район Красноярска; 3 – Ордос; 4 – Монголия; 5 – Тува; 6 – Тува, окрестности Турана; 7 – могильник Улангом, сруб № 37 (1, 2 – по: Гришин, 1971, табл. 7-3; 3 – по: Wang, Wang, 1996, fig. 28; 4 – по: Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, pl. 311; 5, 6 – по: Кызласов, 1979, рис. 15-1, 15-2; 7 – по: Семенов, 2003, табл. 95-26). Без масштаба

Fig. 10. Bronze daggers: 1, 2 – the region of Krasnoyarsk; 3 – Ordos; 4 – Mongolia; 5 – Tuva; 6 – Tuva, near Turan; 7 – burial ground Ulangom, log house No. 37 (1, 2 – after Гришин, 1971, табл. 7-3; 3 – after Wang, Wang, 1996, fig. 28; 4 – after Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, pl. 311; 5, 6 – after Кызласов, 1979, рис. 15-1, 15-2; 7 – after Семенов, 2003, табл. 95-26). Without scale

ли активно использовать. Подобные ножи, согласно типологии Н.Л. Членовой, относятся к переходному карасукско-тагарскому типу (Членова, 1972, с. 45), однако не исключена и датировка этих находок раннекифским периодом (Чугунов, 2009, с. 80).

Артефакты карасукского облика из Тувы: 12 коленчатых и прямых ножей, два бронзовых кинжала, три кельта, лапчатые подвески, серьга и браслет из погребения на Кара-Хая – в основном локализируются в Турано-Уюкской котловине и в Центральной Туве, в районе Кызыла и Хову-Аксы. Вполне ожидаемо, что в преддверии Саянского Каньона, связующего Центральную Туву с Минусинской котловиной, также появятся следы проникновения носителей карасукской культуры – и они здесь действительно имеются: упомянутое выше погребение, раскопанное в 1964 г. М.Х. Манай-оолом, находки на стоянке Бай-Булун 5, а также случайно найденный артефакт.

Речь идет о бронзовом кинжале (**рис. 11**), переданном нашей экспедиции жителем поселка Чаа-Холь во время полевого сезона 2019 г. О месте его обнаружения информант достаточно неопределенно указал левый берег водохранилища, предположительно в районе урочища Терезин и места впадения в Улуг-Хем р. Чаа-Холь. Кинжал имеет характерное перекрестье в виде слегка изогнутого бруска 0,7 см шириной, с выступающими «усиками» (ширина по перекрестью – 5,1 см). Клинок прямой, обоюдо-острый, с выраженным ребром жесткости по центру, треугольный по форме, с закругленным кончиком, что могло быть вызвано перетачиванием клинка после поломки. Клинок имеет выделенные (вероятно, методомковки) режущие кромки шириной от 8 до 5 мм. В основании клинка имеются небольшие выемки. Рукоять желобчатая, с двумя «петлями» с внутренней стороны, имеет небольшой изгиб в двух плоскостях: ближе к перекрестью немного загнута во «внутреннюю» сторону и посередине незначительный изгиб относительно продольной оси. Рукоять плавно сужается от перекрестья (шириной 2,2 см) к навершию (шириной 1,55 см), в сечении представляет собой полый полукруг. Желобок, как и бортики, постепенно сужается к навершию, имеющему плоскую грибовидную форму, шириной 2,5×2,4 см. С внешней, выпуклой стороны на рукояти имеется резной декор в виде ломаной линии, образующей три треугольника. Размеры кинжала: общая длина изделия – 14,7 см; длина рукояти – 9,4 см; длина клинка – 15,3 см, ширина клинка возле перекрестья – 4,1 см.

На территории Тувы эта находка может считаться уникальной – помимо этого кинжала, известны еще два. Один из них (**рис. 10-6**) приобретен С.А. Теплоуховым в Туране в 1927 г. и опубликован

Л.Р. Кызласовым (Кызласов, 1979, рис. 15-2). Он имеет ряд особенностей, сближающих его с кинжалом из Чаа-Холя: желобчатую рукоять со следом отломанной петли на сохранившейся части, клинок с выделенными режущими кромками, равномерно сходящиеся треугольником лезвия клинка, хотя последнее нельзя точно установить, т.к. последняя треть клинка утрачена. Его перекрестье выполнено в виде немного загнутых к острию прямоугольных «усиков», но, в отличие от кинжала из Чаа-Холя, не выделено как брусок, и ребро жесткости клинка здесь доходит до желобка на рукояти.

Второй кинжал, опубликованный Л.Р. Кызласовым (**рис. 10-5**), хранится в Национальном музее Республики Тыва, точное происхождение его неизвестно (Кызласов, 1979, рис. 15-1). Этот кинжал, как и первый, имеет ряд сходств и отличий с находкой из Чаа-Холя. Общими признаками являются выделенное ребро жесткости на клинке, перекрестье в виде «усиков», плоское грибовидное навершие и небольшой изгиб рукояти. Отличается форма клинка – не треугольная, а скорее листовидная: в первой половине лезвия идут почти параллельно, затем закругляются к острию. Рукоять овальная в сечении, с рельефной насечкой в виде валиков, имитирующих обмотку. Грибовидное навершие, практически такой же ширины, как клинок, снабжено боковой петлей.

Относительно классификации кинжалов бронзового века рассматриваемого региона, К. Мацумото отметил имеющиеся проблемы, в том числе связанные с тем, что ранее эти изделия изучались отдельно: одни – на территории Минусинской котловины, другие – в регионе Великой Китайской стены (Мацумото, 2015). Он предложил классификацию кинжалов и разделение их по хронологическим стадиям на основе ряда конструктивных элементов эфесов, не уделяя специального внимания форме клинков. На основании его классификации кинжал, найденный в окрестностях Чаа-Холя, можно отнести к типу В1 – наибольшее количество элементов совпадает с подтипом В1а, к которому К. Мацумото относит ряд кинжалов из Минусинских котловин, Монголии и региона Великой Китайской стены (**рис. 10-1–10-4**). Данная группа кинжалов характеризуется узким выделенным ребром жесткости на клинке, больше половины приведенных экземпляров имеют желобчатую рукоять и грибовидное навершие. У более ранних вариантов – очень широкий в основании клинок, отсутствует выступающее перекрестье (**рис. 10-1, 10-2**), более поздние экземпляры снабжены перекрестьем с выступающими «усиками». Большая часть кинжалов подтипа В1а имеют клинки треугольной формы.

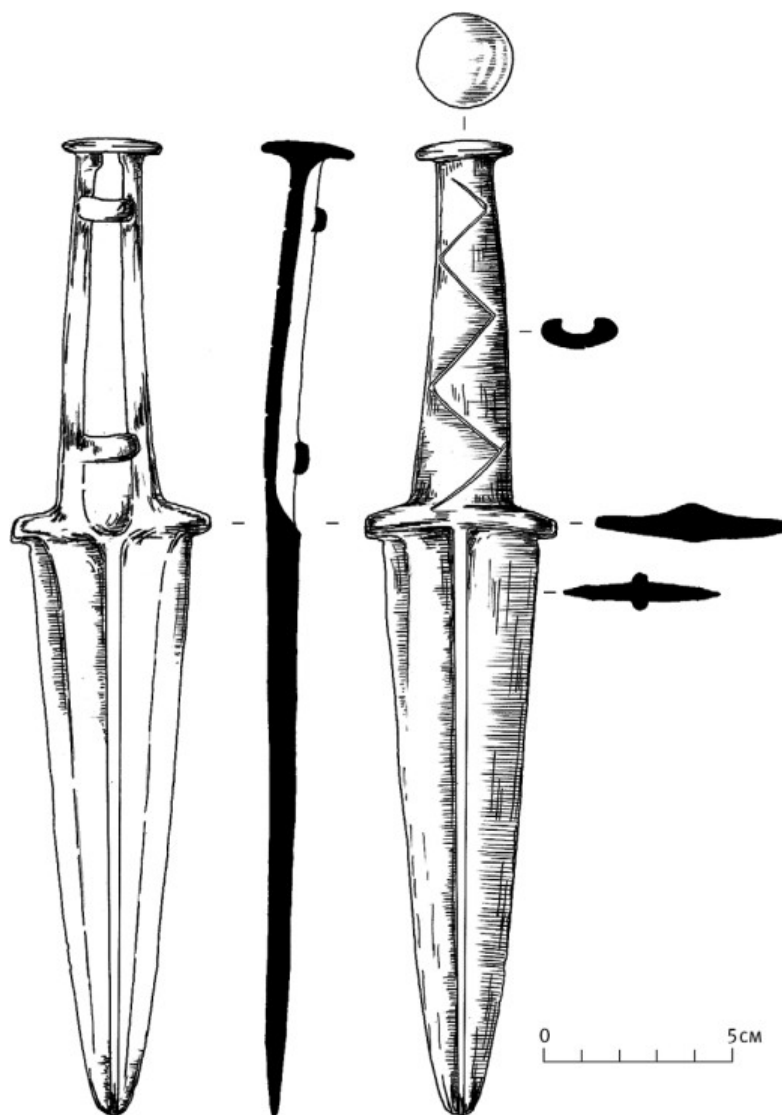

Рис. 11. Кинжал, эпоха бронзы, случайная находка в районе чаа-хольского устья

Fig. 11. Dagger, the Bronze Age, an accidental find in the area of the Chaa-Khol estuary

Признаки, характеризующие подтип В1а, являются переходными от более ранних типов А1 и А2 (датируемых периодом династии Шан – XV – XI вв. до н.э.) к последующим формам. Согласно К. Мацумото, бытование подобных кинжалов относится к началу эпохи Западного Чжоу (конец XI в. до н.э.). Однако исследователь делает оговорку, что материалов для установления его точной датировки недостаточно, учитывая разрозненность находок данного типа. Переходностью типа В1а может объясняться наличие у находки из Чаа-Холя изгиба рукояти. Изогнутая рукоять является в таком случае архаичным признаком, характерным для кинжалов типов А1 и А2, к которым Т. Мацумото относит известные кинжалы с изогнутой рукоятью и зооморфным навершием. На архаичность указывает и наличие треугольного орнамента на рукояти, который

явно имитирует декор рукоятей кинжалов с зооморфными навершиями – с этой группой находку из Чаа-Холя сближает и узкое выступающее ребро жесткости на практически треугольном клинке.

В свою очередь, выделенное перекрестье и наличие небольших выемок в основании клинка на кинжалах можно рассматривать как элементы, характерные для изделий переходного типа. По хронологической шкале, разработанной И.П. Лазаретовым и А.В. Поляковым, кинжал из Чаа-Холя можно отнести к началу III этапа периода поздней бронзы (Лазаретов, Поляков, 2008, с. 34 сл., рис. 1), т.е. к концу XI в. до н.э. Надежным датировочным элементом, по их мнению, является «скобчатая» в сечении рукоять, встречаемая у коленчатых ножей вместе с грибовидным навершием, – еще одним элементом, который имеется как среди находок из Минусинских

котловин, так и в Туве. Опубликованный С.А. Теплоуховым кинжал из окрестностей Турана, снабженный прямой желобчатой рукоятью и выделенным перекрестьем (рис. 10-6), по-видимому, также относится к переходному типу В1а. Более необычен второй кинжал из публикации Л.Р. Кызласова (рис. 10-5), имеющий неизвестное происхождение, но относящийся, скорее всего, к более раннему типу, т.к. петля под навершием и овальная в сечении рукоять с валиками имеют аналогии среди кинжалов типа А.

В этой связи можно упомянуть архаичной формы кинжалы в срубах № 37 и 43 могильника Улангом (Семенов, 2003, табл. 95-26, 95-29), один из которых – кинжал из сруба № 37 (рис. 10-7) – по ряду признаков аналогичен с найденным экземпляром в районе Чаа-Холя. Впрочем, его отличает ассиметричное сечение – кинжал плоский с одной стороны, что нехарактерно для подобных предметов раннего периода. Хотя находки из Улангома являются немногими из подобных артефактов, найденных в закрытых комплексах, нет оснований относить другие предметы подобного облика к позднескифскому периоду, т.к. в целом подобная форма кинжалов для этого периода не характерна. В качестве объяснения этого факта можно предположить, что кинжалы из Улангома являются архаичными предметами, оказавшимися в погребальных комплексах, как «найденные случайно» или добытые при ограблении могил (если бы в каком-то из сопредельных регионов сохранялась традиция создания подобного оружия, аналогично традиции создания акинаков, в захоронениях было бы гораздо больше находок таких изделий).

Таким образом, принимая во внимание аналогии из датированных памятников на территории Минусинских котловин, Монголии и региона Великой Китайской стены, появление бронзовых кинжалов и коленчатых ножей в Туве следует датировать не позднее начала эпохи Западного Чжоу (конец XI в. до н.э.), а отдельные предметы могли проникать и ранее. Кинжал, случайно найденный в районе Чаа-Холя, оригинальным образом сочетает желобчатую рукоять с перемычками и грибовидным навершием, которые можно считать сравнительно поздними элементами (характерными для ряда карасукских ножей), с архаичной конструкцией клинка и изгибом рукояти, отсылающие к артефактам периода Шан. Время появления подобных артефактов также следует относить к XI в. до н.э. В этой связи вызывает интерес тот факт, что датировки находок со стоянки Бай-Булун 5 также тяготеют к позднекарасукскому периоду, хотя не исключено и отнесение их к раннескифскому времени.

В XIII–IX вв. до н.э. в Туве появляются памятники монгун-тайгинской культуры, которая, как и родственная ей культура херексуров из сопредельной Монголии, очевидно имеет отношение к сложению протоскифской традиции. Однако погребения данных культур, хоть и обставленные внушительными конструкциями из камня, лишены сопроводительного инвентаря, отсюда невозможно однозначно датировать те или иные изделия, будь то утварь или вооружение. Известно, что изогнутые кинжалы в некоторых случаях изображались на оленных камнях, однако во всех подобных случаях изображены кинжалы с зооморфным навершием рукояти (см.: Ковалев, 1986а, 1986б). На поселениях Тувы, как уже было отмечено выше, практически неизвестны слои периода поздней бронзы, а погребения карасукского облика, как возле Хову-Аксы или Чаа-Холя, представляют собой единичные случаи.

Подводя итог, отмечу, что дальнейшее исследование Бай-Булун 5 и других подобных местонахождений в районе чаа-хольского устья позволит как получить более основательный датирующий материал, так и в целом представить картину расселения ранних кочевников, что еще не было сделано для территории Тувы. Обломок ножа и фрагменты керамики (рис. 7), имеющие аналогии на памятниках Минусинских котловин: могильники Аскыз, Фёдоров Улус, Волчий Лог, Кокоревские, Сухое Озеро II, поселение Торгажак и др., – указывают на наличие связей разных родоплеменных групп по обе стороны Саянского хребта. Пластинчатые ножи с прямым или изогнутым обухом, имеющие характерный изгиб кончика клинка и прямые, в большинстве своем декорировались весьма скромно. Они встречаются в рядовых и довольно бедных погребениях, явно будучи общекультурными элементами. Керамика же вовсе не перевозится на большие расстояния, и ее присутствие намекает на перемещение по данным территориям носителей той или иной культурной традиции.

Отдельную категорию составляют предметы высоко развитого бронзолитейного ремесла или вещи, скопированные с таковых: кинжалы и коленчатые ножи, с рукоятками и навершиями разнообразных и сложных конструкций со сложным сечением клинков, – совершенно отсутствующие в погребениях и на поселениях карасукской культуры, находки которых (в случае территории Тувы) представляют исключительную редкость. Тем не менее данные изделия маркируют другие связи – на уровне воинской и торговой элиты. Эти контакты объединяли регион в преддверии Великой Китайской стены (где подобные предметы имели широкое распространение и, по-видимому,

производились как в конце периода Шан, так и в последующий период Чжао) и Минусинские котловины.

Очевидно, что поиск памятников эпохи бронзы в преддверии Саянского каньона является достаточно перспективным. Дальнейшее исследование стоянки Бай-Булун 5 и поиск культурных слоев кара-

сукской культуры на близлежащих поселениях позволит выявить специфику бытующего на рубеже II–I тыс. до н.э. раннекочевнического хозяйственно-культурного типа в период его формирования и в значительной степени уточнить культурно-хронологическую картину региона.

Список литературы и источников

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 89 с. (САИ. – Вып. В 3-12).

Жогова Н.А. Отчет о проведении археологической разведки отдельным отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища в Чаа-Хольском районе Республики Тува в 2018 г. – М.: Научно-отраслевой Архив Института археологии РАН. – Ф-1. Р-1. – № 60374.

Ковалев А.А. К вопросу о хронологии и культурной атрибуции «карасукских» кинжалов // Общество и государство в Китае. XVI науч. конф.: Тез. и докл. – М.: Наука, 1986а. – Ч. 1. – С. 37–38.

Ковалев А.А. «Карасукские» кинжалы, оленные камни и древние кочевники китайских летописей // Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов: Тез. – Т. 1: История, источниковедение, историография. – М., 1986б. – С. 46–47.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 33–55.

Максименков Г.А., Вадецкая Э.Б. Могильник Сухое Озеро II как отражение эволюции раннего этапа ка-

расукской культуры. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – (в печати).

Мацумото К. Карасукские кинжалы – их происхождение и распространение // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. – Вып. 1 (19). – С. 19–34.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 112 с.

Семенов Вл.А. Суглут-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 240 с. (Archaeologica Petropolitana. – Vol. XV; Труды ИИМК РАН. – Т. IX).

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л.: Изд. гос. Русского музея, 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с. (МИА. – № 182).

Чугунов К.В. Древние бронзовые предметы из случайных находок на территории Тувы // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2009. – Вып. 5. – С. 74–81.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгэрийн Илд: Хүрэл зэвсгийн үе, хүннүгүрний хүрэл эд өлгийн соёл (The sword of heaven: Culture of bronze artefacts of the bronze age and Hunnu empire). – Уланбаатар хот: Нарлаг Монгол Өнөөдөр, 2011. – 495 т. (на монг. яз.)

Wang, Wang, 1996. 王林山、王博編著『中国阿爾泰山草原文物』(на кит. яз.)

A.V. Semenov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

KARASUK TRACE IN THE CHAA-KHOLYA VALLEY: ACCIDENTAL FINDS AND RESEARCH OF THE SITE IN THE TEREZIN TRACT (THE CHAA-KHOLYA DISTRICT, THE REPUBLIC OF TYVA)

In the Late Bronze Age, the Mongun-Taiga culture without grave goods spread in the territory of Tuva, so there are very few items that can be attributed to this period. These are mostly accidental finds of the so-called Karasuk bronzes. A bronze dagger was discovered in the area of the Chaa-Khol Bay, which finds analogies both among materials from Tuva, the Minusinsk Basin and

Mongolia, and can be dated to the 11th century BC, i.e., the late Karasuk Period. The site of Bai-Bulun 5, discovered in 2020, located near the Terezin burial ground near Chaa-Khol, also dates back to this time. In the settlement, household pits were investigated and fragments of ceramics with characteristic ornaments (pearls, drawn lines) and a bronze knife with a curved blade were found.

KEYWORDS: Tuva, Late Bronze Age, Karasuk culture, Bai-Bulun 5 site, household pits, ceramics, bronze knives and its fragments.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва (Россия)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДАТИРОВКЕ ИРМЕНСКИХ КЕЛЬТОВ-ТЕСЕЛ С ЛОБНЫМ УШКОМ

В ирменских древностях юга Западной Сибири известны бронзовые кельты-тесла или фрагменты литейных форм для их отливки. Однако все известные изделия представляют собой ассиметричные кельты-тесла с лобным ушком (поселения Люскус, Чекист, Торопово-VII, Фирсово-XVIII, Омь-I: Бобров, 1979, рис. 13-11; Матющенко, 1974, рис. 13-12; Илюшин, Борисов, 2016, с. 106, рис. 1-3; Федорук и др., 2008, с. 139, рис. 13-6; Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 21, рис. 11-4), а фрагменты литейных форм (поселения Чекист и Берёзовый остров-I) свидетельствуют об изготовлении совершенно другого типа бронзовых кельтов, а именно двуушковых (Васильев, 1994, с. 17–19, рис. 4-17; Мыльникова, Дураков, 2008, с. 63, 66, рис. 4-1).

В настоящей работе поднимается вопрос о происхождении и датировке ассиметричных кельтов-тесел с лобным ушком, чья принадлежность к ирменским древностям в настоящее время не вызывает сомнений. Условно к этой категории можно также отнести и случайные находки кельтов-тесел, происходящие с территории ирменской культурно-исторической общности (в традиционном понимании культуры. – С.К.) и обнаруживающие типологическое сходство с перечисленными выше экземплярами. Это кельты с территории Новосибирской области, Алтайского края и Горного Алтая (Герман и др., 2019, с. 9–10, рис. 4; Матющенко, 1974, рис. 22-11; Грязнов, 1956, с. 41, рис. 14-4; Грушин, Фролов, 2010, рис. 1-2; Абдулганеев и др., 1982, рис. 6-13) (**рис. 1-1, 1-4, 1-5, 1-7, 1-8, 1-10**).

Основные отличия между всеми этими кельтами-теслами с лобным ушком проявляются в наличии или отсутствии «пещерки» (технологическое отверстие на задней стенке) и орнамента, представляющего собой заштрихованный треугольник, расположенный на лицевой части.

К проблеме датировки кельтов из ирменских памятников юга Западной Сибири обращалась Н.Л. Членова (1994, с. 19). Она пыталась датировать два ирменских кельта из поселений Чекист (Усть-Киргизка) и Люскус, привлекая материалы выделенной А.Х. Халиковым приказанской культуры Волго-Камья, в частности ее атабаевского этапа,

который ученый относил к XII–XI вв. до н.э. Справедливо указав на наличие подобных кельтов в древностях времени карасукской культуры Минусинской котловины, Н.Л. Членова тем не менее взяла за основу поздние и типологически более далекие аналогии из большереченского поселения Ближние Елбаны-VII и Томского могильника на Большом мысу, датировав ирменские кельты VIII–VII/VI вв. до н.э. С учетом увеличившегося к настоящему времени источникового фонда древностей юга Западной Сибири и Волго-Камья, а также новых исследовательских концепций, следует еще раз обратиться к материалам позднего бронзового века этих двух регионов.

Еще в начале 1970-х гг. Ю.С. Гришин отмечал, что близкие аналогии сибирским ассиметричным кельтам-теслам с лобным ушком известны на территории Волго-Уральского региона (Гришин, 1971, с. 22). Б.Г. Тихонов указывал, что кельты-тесла с лобным ушком (как с «пещеркой» так и без нее) должны датироваться от конца II тыс. до н.э. до появления ананьинских памятников в Прикамье, т.е. XI–VIII вв. до н.э. (Тихонов, Гришин, 1960, с. 47–48).

А.Х. Халиков, рассматривая материалы выделенной им приказанской культуры, относил кельты-тесла с лобным ушком к типу кельтов, выработанному местными племенами в последней четверти II тыс. до н.э. Он разделял их на два подтипа: с валиком по краю втулки и орнаментированной верхней частью; без орнамента и валика. Ученый полагал, что этот тип кельтов использовался приказанским населением на третьем, атабаевском этапе его развития, который им был датирован XII–XI вв. до н.э. (Халиков, 1980, с. 45–46).

В настоящее время, в связи с прошедшей в 1980–90-е гг. ревизией приказанской культуры, аналогичные ирменским экземплярам кельты-тесла с лобным ушком стали рассматриваться специалистами в качестве одного из хроноиндикаторов раннего атабаевского этапа маклашеевской культуры. Атабаевский этап датирован XIV–XIII вв. до н.э. в рамках третьего периода развития Евразийской/Западноазиатской металлургической провинции. Рассматривая происхождение этого типа бронзовых изделий, А.А. Чижевский, А.В. Лыганов и С.В. Кузьминых считают, что

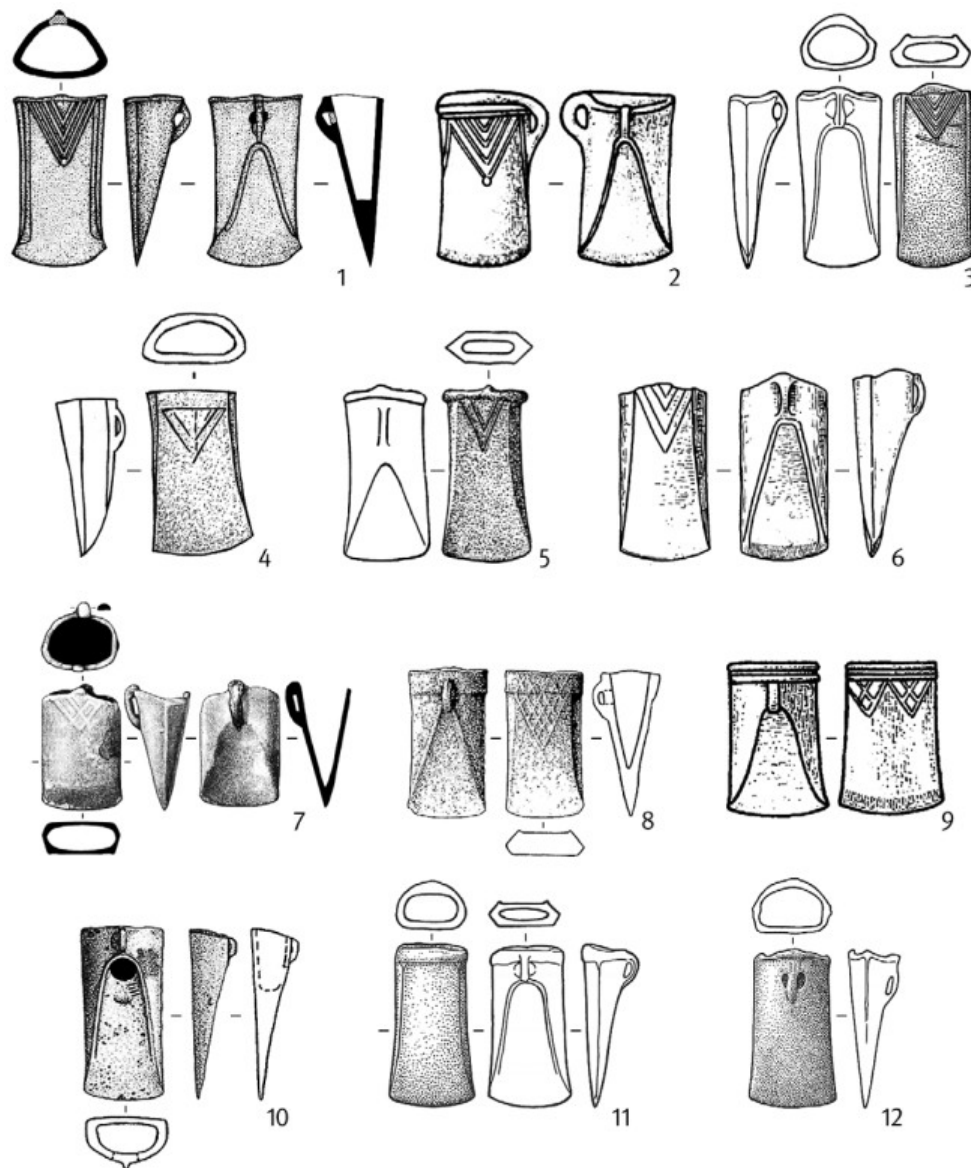

Рис. 1. Кельты-тесла с лобным ушком из ирменских и маклашеевских памятников. 1 – Торопово-VII; 2 – Deushevo; 3 – Танаика; 4 – случайная находка с территории Новосибирской области; 5 – Чекист (Усть-Киргизка); 6 – Ананьинская дюна; 7 – случайная находка близ дер. Мануйлово; 8 – Омь-I; 9 – Сюнеево; 10 – Фирсово-XVIII; 11 – Кузькинское III селище; 12 – Дубовая грива II, стоянка. Масштаб разный (1 – по: Илюшин, Борисов, 2016; 2, 6, 9 – по: Халиков, 1980; 3, 11, 12 – по: Чижевский и др., 2019; 4, 5 – по: Матющенко, 1974; 7 – по: Герман и др., 2019; 8 – по: Мыльникова, Чемякина, 2002; 10 – по: Федорук и др., 2008)

Fig. 1. Celts-adzes with frontal ears from Irmen and Maklasheev sites. 1 – Toropovo-VII; 2 – Deushevo; 3 – Tanaika; 4 – accidental find from the territory of the Novosibirsk Region; 5 – Chekist (Ust-Kirgizka); 6 – Ananyino dune; 7 – accidental find near the village of Manuilovo; 8 – Om-I; 9 – Syunevo; 10 – Firsovo-XVIII; 11 – Kuzkinskoe III ancient settlement; 12 – Dubovaya griva II site. The scale is different (1 – after Илюшин, Борисов, 2016; 2, 6, 9 – after Халиков, 1980; 3, 11, 12 – after Чижевский и др., 2019; 4, 5 – after Матющенко, 1974; 7 – after Герман и др., 2019; 8 – after Мыльникова, Чемякина, 2002; 10 – after Федорук и др., 2008)

кельты с лобным ушком и «пещеркой» появились в Волго-Камье в составе Дербеденевского клада, в материалах сусканской культуры. Дальнейшее развитие данного типа кельтов связывается с ранним (атабаевским, XIV–XIII вв. до н.э.) и поздним (маклашеевским, XII–X вв. до н.э.) этапами маклашеевской культуры. Важно отметить, что кельты с лобным ушком воспринимаются специалистами как продукция мест-

ного волго-камского производства. В пользу этого, по мнению специалистов, свидетельствует тот факт, что аналогии таким кельтам за пределами данного региона немногочисленны (Чижевский и др., 2019, с. 99, 103, 107–108, 119, рис. 8).

При ближайшем рассмотрении видно, что более короткие и широкие кельты маклашеевского этапа (Халиков, 1980, табл. 49-6, 49-8, 49-9) отличаются

от ирменских. В отличие от них маклашеевские кельты-тесла атабаевского этапа демонстрируют значительное сходство с ирменскими экземплярами, проявляющееся даже в определенных деталях. Такое сходство вряд ли можно объяснить только конвергентным развитием. Например, практически идентична орнаментация кельта из ирменского поселения Торопово-VII и атабаевских кельтов из Деушево и Танайки (рис. 1-1–1-3). На кельтах из Торопово-VII и Деушево совпадают не просто орнаментация лицевой части кельтов треугольным фестонем, но и рельефный бугорок в основании; то же просматривается и на других экземплярах (рис. 1-4–1-6). Другими примерами близкого сходства являются ирменские кельты из дер. Мануйлово, поселения Омь-I и атабаевский кельт из Стонеево (рис. 1-7–1-9). Сходны и неорнаментированные экземпляры из корчажкинско-ирменского поселения Фирсово XVIII и атабаевских Кузькинского III селища, стоянки Дубовая Грива II (рис. 1-10–1-12). Стоит отметить, что различия между кельтами двух регионов также имеются. К примеру, отдельные маклашеевские изделия наряду с лобным ушком имеют и боковое, что совершенно неизвестно на ирменских кельтах.

Таким образом, несмотря на значительную территориальную удаленность, кельты-тесла ирмен-

ской культурно-исторической общности и атабаевского этапа маклашеевской культуры демонстрируют явное типологическое сходство. Это дает основание полагать, что появление бронзовых кельтов-тесел с лобным ушком среди материалов ирменской культурно-исторической общности произошло в XIV–XIII вв. до н.э. Их происхождение, вероятно, следует связывать с маклашеевскими древностями раннего атабаевского этапа Волго-Камья. Это положение может быть актуально и для других культурных образований позднего бронзового века Южной Сибири.

Появление в ирменских древностях кельтов-тесел, имеющих маклашеевское происхождение, свидетельствует о существовавших в позднем бронзовом веке связях между населением Волго-Камья и Западной Сибири, о чем ранее уже писали специалисты (см.: Халиков, 1980, с. 53; Членова, 1981).

Нам представляется, что кельты-тесла с лобным ушком, попав в ирменскую среду, стали составной частью местной культурной традиции и нашли продолжение в бронзолитейном производстве последующего периода. Следовательно, датировать кельты данного типа нужно в пределах всего времени существования ирменской культурно-исторической общности (культуры).

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х.** Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1982. – С. 52–77.
- Бобров В.В.** Поселение на р. Люскус (Предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1979. – Вып. 10. – С. 47–59.
- Васильев Е.А.** Древнейшее поселение в устье Киргизки // Северск. История и современность. – Томск: ТомГУ, 1994. – С. 12–21.
- Герман П.В., Марочкин А.Г., Боброва Л.Ю., Щербакова А.В.** Случайные находки бронзовых кельтов в северных предгорьях Кузнецкого Алатау // Уч. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2019. – Вып. 9. – С. 5–11.
- Гришин Ю.С.** Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 87 с. (САИ. – Вып. В3-12).
- Грушин С.П., Фролов Я.В.** Новые находки бронзовых кельтов с Обь-Иртышья // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 81–85.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 226 с. (МИА. – № 48).
- Илюшин А.М., Борисов В.А.** Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – Вып. XXII. – С. 104–109.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура. – Томск: ТомГУ, 1974. – 196 с. (Из истории Сибири. – Вып. 12).
- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А.** Производственная площадка поселения Берёзовый Остров-1 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 56–68.
- Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А.** Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.
- Тихонов Б.Г., Гришин Ю.С.** Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 206 с. (МИА. – № 90).
- Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В.** Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 125–143.
- Халиков А.Х.** Приказанская культура. – М.: Наука, 1980. – 124 с. (САИ. – Вып. В1-24).

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В.

Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век: Мат-лы круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань, 2019. – № 2. – С. 99–123.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце

эпохи бронзы и начале раннего железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 4–42.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.; Пушкино: Пушкинский науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

S.A. Kovalevskiy

T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Russia)

ABOUT THE ORIGIN AND DATING OF IRMEN CELTS-ADZES WITH FRONTAL EARS

The article is devoted to the consideration of the origin and dating of celts-adzes with frontal ears, which originate from the settlements of the Late Bronze Age in the South of western Siberia (some of which are accidental finds) and are identified by most experts to be antiquities of the Irmen culture. Earlier, N.L. Chlenova dated such celts from 8th–7th / 6th centuries BC. As of late, there have been certain quantitative and qualitative changes. In particular, the funding of archaeological resources for the late Bronze Age had been significantly replenished, and new research concepts appeared. This gave us the

opportunity to compare between the archaeological findings of the Late Bronze Age of two remote regions; namely the Volga-Kama and the South of western Siberia. A significant similarity was revealed between the celt-adzes of the Irmen culture of the South of western Siberia and the Maklasheev culture of the Volga-Kama Region. It is suggested that the Irmen celt-adzes are of the Maklasheev origin. Their appearance among the artifacts of archaeological cultures of South Siberia is dated to the time of the early Atabaev stage (14th–13th centuries BC) of the Maklasheev culture.

KEYWORDS: *South of western Siberia, Late Bronze Age, celts-adzes with frontal ears, origin, dating.*

К.В. Бирюлева

Сибирский федеральный университет (Россия)

КЕРАМИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА СЕЛИЩА ШИЛКА-13 ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

В тайге Среднего Енисея в эпоху бронзы проходили сложные культурно-хронологические процессы, одним из главных источников по изучению которых является глиняная посуда. В результате многолетних работ, проводимых отрядами Сибирского федерального университета, сложилось представление об изменении материальной культуры в этот период и представлена культурно-хронологическая схема региона. Немаловажную роль в ее построении сыграли данные изучения памятников Казачинского археологического микрорайона. В рамках настоящего исследования в научный оборот вводятся и анализируются материалы наиболее северного из них – селища Шилка-13.

Характеристика керамики бронзового века селища Шилка-13

Памятник расположен в южно-таежной подзоне Средней Сибири, на правобережной 10–13-метровой террасе р. Енисей, в 1,1 км севернее русла р. Шилка. Его территория занимает площадку шириной 40–50 м между краем I надпойменной террасы и склоном следующего террасовидного уступа. Здесь визуально фиксируются 19 котлованов подпрямоугольной формы, относящихся к рубежу эр и «русскому» времени. Они образуют три ряда, расположенных параллельно краю террасы.

Селище открыто П.В. Мандрыкой в 1998 г. В 2003 г. им было проведено исследование самого северного котлована жилища раскопом площадью 76 кв.м. В 2017 г. работы на объекте были продолжены отрядом Сибирского федерального университета под руководством автора статьи. Площадью в 286,7 кв.м изучены еще два котлована северного ряда.

На памятнике выявлены четыре культурных слоя. Первый приурочен к подперновому слою гумусированной темно-серой супеси и содержит материалы раннего Средневековья, Нового и Новейшего времени. Второй слой залегает в нижней части светло-серого супесчаного слоя и включает находки раннего железного века. С этого уровня впущены углубленные жилища. Третий культурный слой расположен в верхней части бурой супесчаной почвы и относится к бронзовому веку. Четвертый культурный слой, залегающий в нижней части слоя бурой супеси, относится к неолиту.

В ходе настоящего исследования проанализирована керамическая коллекция 3-го культурного слоя, который зафиксирован на глубине 0,26–0,33 м от уровня современной дневной поверхности. Помимо фрагментов керамики в слое бронзового века обнаружены отдельные каменные артефакты и фаунистические останки. Котлованы жилищ раннего железного века прорезают уровень 3-го культурного слоя, и находки бронзового века фиксировались в вышележащем слое в переотложенном состоянии, при этом в шести случаях фрагменты одного сосуда обнаружены как в слое, так и в перекрытии и выбросах жилищ. В настоящей работе рассмотрены находки, лежавшие *in situ* и перемещенные в ходе обустройства селища.

Керамика бронзового века представлена 343 фрагментами от минимум девяти сосудов. Из них 14 фрагментов обнаружены в раскопе 2003 г. Сосуды выделялись по фрагментам верхних частей или тулова, имеющим отличительный орнамент либо технический декор. На семи из них отмечены следы шнуровой выбивки, на одном – рубчатой выколотки. Еще один сосуд имеет гладкую поверхность тулова. Помимо этого к бронзовому веку относятся еще 34 фрагмента керамики со шнуровой выколоткой и пять фрагментов – с рубчатой выколоткой, не отнесенные к сосудам, при этом большее их число обнаружено именно в перекрытии и выбросах жилищ.

Фрагменты большей части сосудов залегали разрозненно и представлены отдельными черепками или небольшими апплицированными блоками венчика, тулова или придонной части. Один сосуд зафиксирован в виде развала, в котором обнаружены фрагменты от немногим более половины сосуда (**рис. 1-1**). Еще один сосуд был археологизирован в виде развала, но его залегание *in situ* нарушено жилищным котлованом раннего железного века (**рис. 1-2**). Интересно, что крупные фрагменты от него строителями жилища были сохранены, возможно с намерением дальнейшего использования: они были обнаружены в составе скопления вместе с крупными черепками от нижнепорожинской керамики, бронзовыми сплесками, каменными обломками и фаунистическими останками.

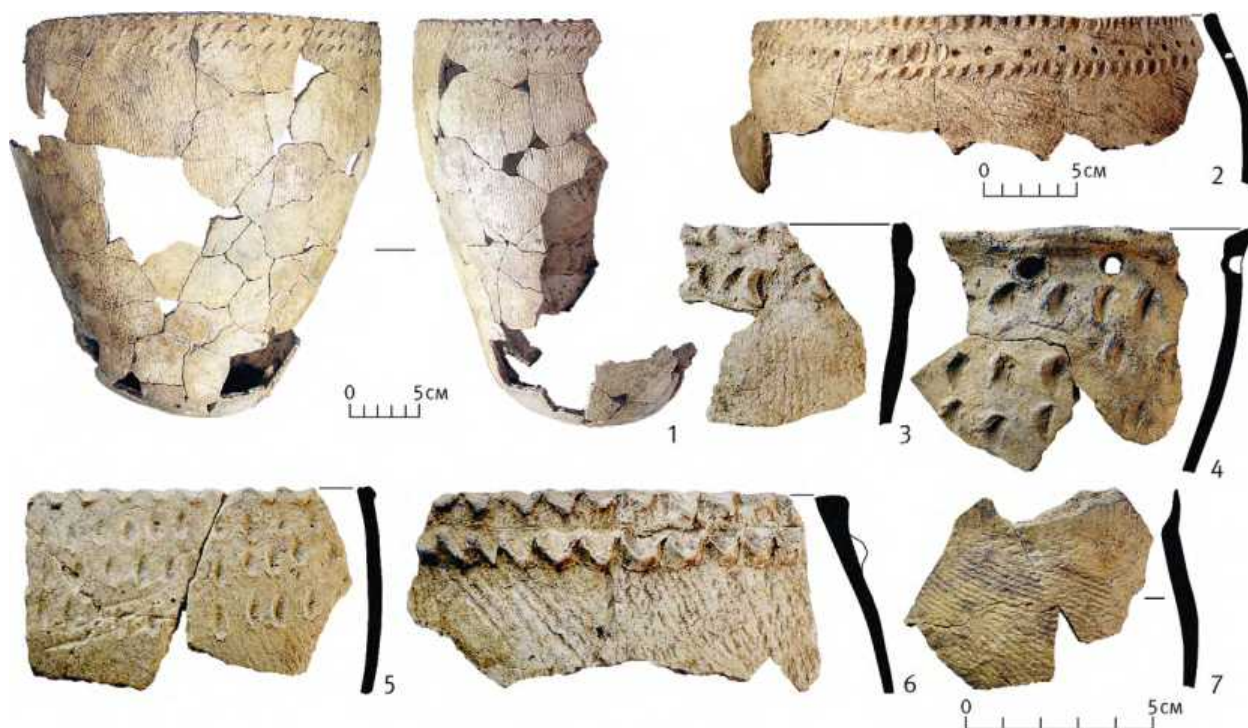

Рис. 1. Глиняные сосуды эпохи бронзы селища Шилка-13 (1-7)

Fig. 1. Ceramic vessels of the Bronze Age from Shilka-13 settlement (1-7)

Шесть сосудов коллекции – простой закрытой формы (рис. 1-1–1-6), единственным экземпляром представлен горшок с профилированной шейкой (рис. 1-7). У сосудов, покрытых шнуровыми оттисками, отмечены прямые в сечении венчики, под которыми с внешней или внутренней стороны иногда фиксируются наплывы глины. Видимо, венчик равнялся уже на заключительном этапе образования формы, поскольку его плоскость имеет наклон относительно горизонтальной оси. У сосуда, имеющего гладкую поверхность тулова, венчик каплевидный в сечении (рис. 1-4): у него с внешней стороны фиксируется наплыв глины, оформленный в «карнизик». Сосуд с рубчатой выколоткой представлен несколькими фрагментами тулова без орнамента, поэтому его форма и особенности декора не известны.

Форма дна восстановлена в трех случаях на сосудах, покрытых шнуровой выбивкой: они округлые, слегка уплощенные, толщина их варьирует от 6,5 до 8,5 см. На двух сосудах отмечено, что общая конусовидная форма меняет изгиб в придонной части, стенки здесь менее пологие (рис. 1-1).

В формовочную массу сосудов добавлялись древесина и органика, реже – шамот. Наибольшее количество шамота обнаружено в составе сосуда с гладкой поверхностью тулова. В трех случаях прослежено, что сосуды формировались на форме-основе с использованием, видимо, эластичной прокладки. Уста-

новлено, что горшок с профилированной шейкой лепился лоскутным налепом (рис. 1-7), отмечено распадение его стенок на лоскуты толщиной 2–2,5 мм. Обжиг сосудов производился в костре, в изломе черепков от разных частей сосуда наблюдается разная степень прокаленности.

Как упомянуто выше, на семи сосудах коллекции наблюдается выбивка колотушкой, обмотанной шнуром, при этом на венчике шнуровые оттиски отсутствуют. Доказательством тому, что оттиски шнура оставались в результате выбивания, а не прокатывания, является выделение зон соприкосновения колотушки со стенкой сосуда, наложенных друг на друга (рис. 1-6). В верхней половине формы оттиски плетеных нитей, как правило, вертикальные или имеют небольшой наклон относительно вертикальной оси. Однако возле венчика они расположены, как правило, диагонально. Возможно, это связано с тем, что сосуды выбивались, будучи поставленными на венчик, и работа здесь была менее удобной. В нижней части сосудов оттиски менее регулярные, встречаются замытые или затертые участки поверхности.

На одном сосуде коллекции наблюдается выбивка при помощи рубчатой колотушки, от которой на поверхности сосуда остаются характерные параллельные узкие линии. Вероятнее всего, для уплотнения стенок использовалась лопатка с прорезанными

желобками; экспериментальные данные показали, что именно при ее применении получают наиболее похожие оттиски (Максимович, 2015, с. 214).

Для декорирования сосудов характерно использование пальцев рук мастера. Орнамент локализуется только в верхней части формы. Для сосудов, покрытых шнуровыми оттисками, встречается использование рядов пальцевых защипов или наколов (4 экз.) (рис. 1-1–1-3), оттисков гладкого орнамента (1 экз.) (рис. 1-5), ямок (рис. 1-2) и налпных валиков, также разделенных пальцами рук (рис. 1-6). На одном сосуде отмечено, что ямки единого ряда в одной части наносились зигзагом, а в другой – располагались горизонтально (рис. 1-2). Венчики шнуровых сосудов либо украшались по внешнему ребру рядом пальцевых защипов, либо оставались гладкими. На сосуде с гладкой поверхностью тулова плечики украшены минимум тремя поясами пальцевых наколов с оттисками ногтя. Венчик, а точнее, небольшой «карнизик» орнаментирован ногтевыми наколами (рис. 1-4).

Анализ изученной керамики

Представленные сосуды относятся к разным периодам бронзового века. Сосуды со шнуровой выколоткой относятся к керамике усть-шилкинско-го типа, которая бытовала на территории региона в раннем бронзовом веке (конец III – середина II тыс. до н.э.) (Мандрыка, 2018, с. 22). Наиболее многочисленная коллекция такой керамики была получена при изучении 2-го культурного слоя комплекса Усть-Шилка-2, давшего название типу. Для усть-шилкинских сосудов этого комплекса были отмечены пять вариантов орнаментации, из которых три – характерны для сосудов селища Шилка-13. Помимо комплекса Усть-Шилка-2, сосуды усть-шилкинско-го типа известны на поселениях Шилка-9 и Заостровка-2, на селище Шилка-8 (жилище 1) (Мандрыка, 2006, с. 416). Появление керамики этого типа, по мнению П.В. Мандрыки, связано с миграционной волной из таежных районов Восточной

Сибири, однако ее генезис может быть также объяснен распространением «керамической моды» на выбивку стенок сосудов колотушкой, обмотанной шнуром (Мандрыка, 2018, с. 22).

Сосуды с оттисками рубчатой колотушки встречаются на памятниках региона в 5-м культурном слое многослойного поселения Бобровка (Мандрыка и др., 2003, с. 124), который относится автором работ к финалу бронзового века. Также керамика с рубчатыми оттисками отмечена в 5-м культурном слое многослойного поселения Шилка-9, где датируется эпохой бронзы (Мандрыка, 2005, с. 182). Выбивка стенок сосуда рубчатой колотушкой характерна для многих керамических традиций, существовавших на территории Средней и Южной Сибири в эпоху бронзы (Гурулёв, Максимович, 2016, с. 189). К сожалению, количество фрагментов от сосуда с рубчатой выколоткой селища Шилка-13 не позволяет отнести его к какому-либо типу.

Сосуд с гладкой поверхностью, украшенный рядами пальцевых оттисков, наиболее близок по морфологии керамике заостровского типа шепилевской культуры, датируемой интервалом с XII по IX в. до н.э. с возможным бытованием до VIII в. до н.э. (Мандрыка, 2018, с. 24–25). Для сосудов типа характерно утолщение венчика и орнаментация рядами пальцевых защипов в верхней части формы (Абдулина, Мандрыка, 2007, с. 173).

Результаты

Таким образом, в 3-м культурном слое селища Шилка-13 обнаружены фрагменты сосудов, относящиеся к разным керамическим типам и датируемые разными хронологическими промежутками в пределах эпохи бронзы. Планиграфические особенности залегания материала свидетельствуют о непродолжительном пребывании древнего населения в эту эпоху на территории памятника. Несмотря на общую малочисленность коллекции, полученные материалы позволили увеличить источниковую базу по древней истории тайги Средней Сибири в эпоху бронзы.

Список литературы

- Абдулина Ю.А., Мандрыка П.В. Новое поселение позднего бронзового века в южной тайге Среднего Енисея // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2007. – № 1 (5). – С. 168–174.
- Гурулёв Д.А., Максимович Л.А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2016. – Т. I. – С. 185–194.

- Максимович Л.А. О некоторых аспектах технологии изготовления керамики бронзового века поселения Скородумный Бык // Международная полевая школа в Болгаре: Сб. мат-лов итог. конф. – Казань; Болгар: ИА им. А.Х. Халикова; Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. – С. 211–215.
- Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П.В. Керамические комплексы бронзового века Енисейского Приангарья // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. I. – С. 414–417.

Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и Низовьев Ангары: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2018. – 54 с.

Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее – Красноярск: КГУ, 2003. – 138 с.

K.V. Biryuleva

Siberian Federal University (Russia)

BRONZE AGE CERAMICS OF SHILKA-13 SETTLEMENT OF THE TAIGA ZONE IN THE MIDDLE YENISEI

One of the sources for studying the cultures of the Bronze Age in the taiga of the Middle Yenisei is ceramic pottery. The article introduces materials from the Bronze Age of Shilka-13 settlement. Bronze Age materials are found in the 3rd cultural layer of the site. Fragments of ceramics, separate stone tools and fragments of animal bones were found here. In total, 343 pottery fragments belong at least to 9 Bronze Age vessels. Seven vessels

belong to the Ust-Shilka type of ceramics. Both vessels of simple closed shape and pots with a neck are contained. Their bodies were knocked out with a tool wrapped in a cord. Fingers were mainly used in ornamentation. Fragments of a vessel with the «ribbed» print were also found, as well as pottery of the Zaostrovka type of the Shepilevo culture. The vessels date from various chronological periods within the Bronze Age.

KEYWORDS: *Middle Yenisei, taiga zone, Bronze Age, settlement Shilka-13, pottery, various chronological periods, Ust-Shilka type of ceramics.*

А.В. Поляков

Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН (Россия)

РОЛЬ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУР ПЕРИОДА ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие»

Традиционный взгляд на процессы культурогенеза Минусинских котловин, сложившийся после разработки С.А. Теплоуховым его хронологической схемы, предполагал исключительно автохтонистский подход, базирующийся на теории эволюционизма. Считалось, что коренное население этих территорий начиная с эпохи камня и вплоть до этнографической современности сохранялось без каких-либо серьезных изменений (об эволюционизме см.: Клейн, 1999). Трансформации, которые наблюдались в местной материальной культуре, рассматривались как «распространение идей» (трансмиссионизм), а не перемещение крупных масс населения. Преобладание такого подхода в начале и середине прошлого века заложило столь мощный фундамент, что его «отголоски» продолжают встречаться в работах современных исследователей, несмотря на весь массив научных доказательств, показывающих односторонность такого взгляда на сложные процессы культурогенеза.

Полной противоположностью «автохтонизма» является концепция, предполагающая ведущую роль миграций новых коллективов в сложении популяций и формировании культурных признаков. Понимание значения этих процессов сложилось не сразу. Только начиная с середины прошлого века исследователи Минусинских котловин стали допускать перемещение сколько-нибудь значимых коллективов и связывать с ним формирование новых археологических культур. При этом доля данных коллективов во вновь сложившихся популяциях рассматривалась как не столь значительная. Они лишь приносили некий культурный импульс, после чего, по представлениям исследователей, были быстро ассимилированы коренным населением.

На следующем этапе развития взглядов появились первые концепции, предполагающие формирование отдельных культур в результате миграции больших коллективов, полностью замещающих местное население. Однако и они рассматривали подобные инвазии лишь как процессы, временно прерывающие поступательное развитие местной «аборигенной» линии развития. Со временем «пришельцы»

изгонялись, а «автохтоны» брали верх, восстанавливая непрерывную линию развития местного населения. Ярким примером такого подхода является концепция «первобытной реконкисты», предложенная Г.А. Максименковым в отношении окуневской культуры (Максименков, 1975, с. 37). По его гипотезе, пришлое население афанасьевской культуры вытеснило из Минусинских котловин местные неолитические племена, после чего постепенно передало им весь свой «культурный багаж» (скотоводство, металлургию, курганную погребальную традицию и т.п.). Со временем эти постнеолитические племена вернулись на свои исконные территории и сформировали окуневскую культуру, которая, по мнению Г.А. Максименкова, продолжала «автохтонную» линию развития в Минусинских котловинах.

Какова на данный момент ситуация с оценкой роли миграционных процессов в сложении культур периода палеометалла Минусинских котловин? Большое значение в решении этого вопроса имеют наряду с другими аналитическими процедурами данные естественно-научных методов, особенно палеогенетики. Кратко общую картину можно выразить в следующей схеме (**рис. 1**).

До сегодняшнего дня, к сожалению, изучение неолитических материалов Минусинских котловин находится на самом начальном уровне. После исключения могилы из села Батени, на этой территории нет ни одного достоверного неолитического погребения, что могло бы пролить свет на изучение погребального обряда, сопроводительного инвентаря и антропологических характеристик индивидуумов (Вадецкая, 1986, с. 11–14; 1988; Поляков, Святко, 2009, с. 23–24). Все материалы представлены исключительно стоянками, где артефакты залегают в нерасчлененных слоях совместно с находками, датирующимися более поздними афанасьевской и окуневской культурами. Все это не позволяет сформировать надежную исходную базу для изучения процессов сложения населения эпохи палеометалла.

Наиболее древний пласт памятников в пределах изучаемого периода — афанасьевская культура

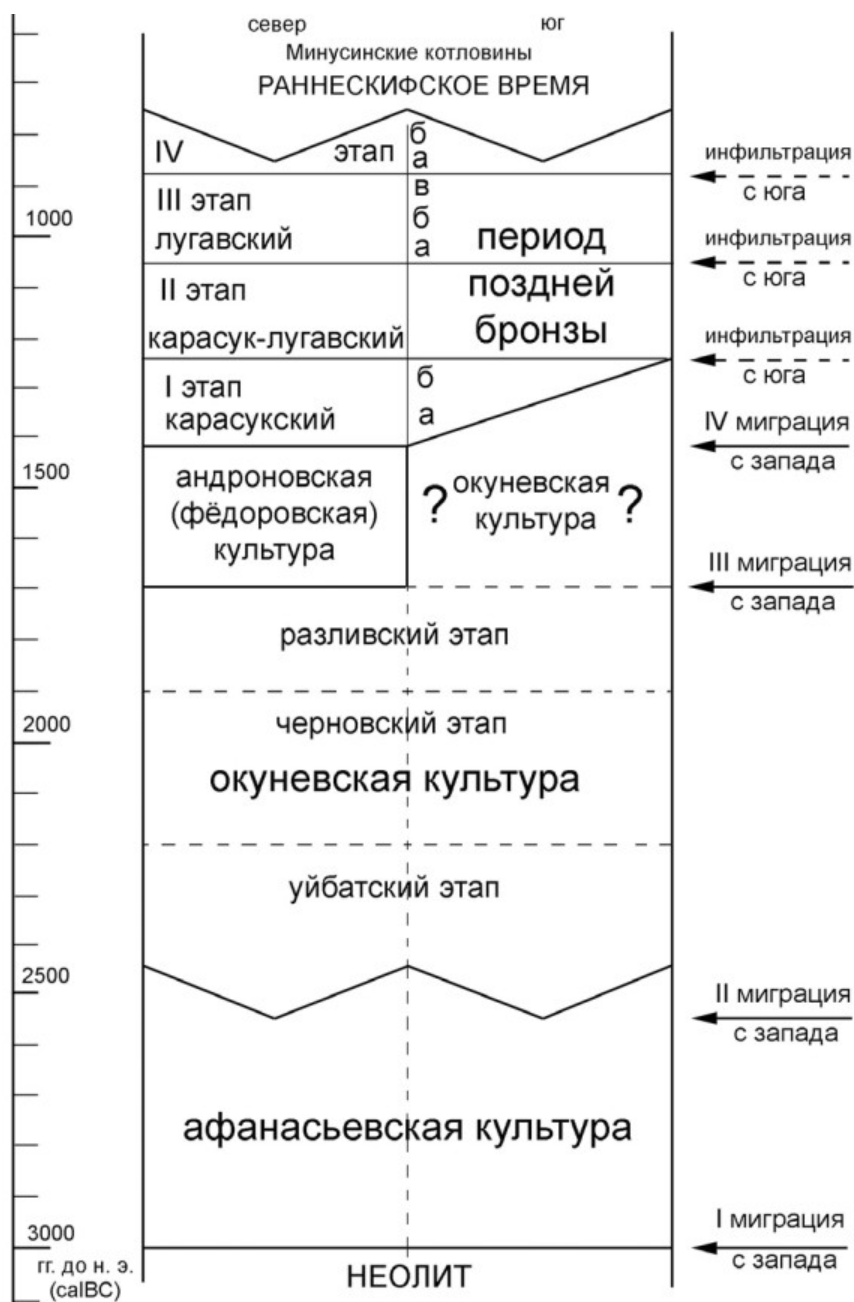

Рис. 1. Хронологическая схема культуриногенеза и развития археологических культур и периодов Минусинских котловин в эпоху палеометалла

Fig. 1. The chronological scheme of culture genesis and development of archaeological cultures and periods in the Minusinsk Basins during the Paleometal Epoch

(XXXI–XXV вв. до н.э.). Большинство исследователей, начиная с А.П. Окладникова, рассматривают процесс ее сложения исключительно как миграционный с полным замещением населения (Окладников, 1941, с. 13–14). Современные данные антропологии и палеогенетики полностью согласуются с мнением археологов о далеких западных корнях афанасьевского населения, тесно связанных с ямной культурно-исторической общностью (Хохлов и др., 2016; Rasmussen et al., 2015). Вместе с тем часть ис-

следователей придерживаются концепции центральноазиатской прародины этих племен (Molodin, 2001; Молодин, 2002, с. 118–125; Боковенко, Митяев, 2010, с. 29). Однако эта позиция требует развернутой доказательной базы, объясняющей, каким образом на Верхнем и Среднем Енисее произошло освоение неолитическими племенами металлообработки, скотоводства, а также показывающей истоки происхождения курганной традиции. Никаких предпосылок самостоятельного появления и развития таких

знаковых явлений пока обнаружить не удастся, что не позволяет согласиться со сторонниками этой концепции. Кроме того, население афанасьевской культуры, по данным антропологии, имеет ярко выраженные европеоидные признаки, а все территориально ближайшие неолитические популяции представлены монголоидным в своей основе населением.

На рубеже XXVI–XXV вв. до н.э. на территории Минусинских котловин появляется совершенно новая группа археологических памятников, объединенная термином «окуневская культура» (Максименков, 1975). На сегодняшний день существует довольно подробная хронологическая схема, подразумевающая существование не менее трех последовательно сменяющих друг друга этапов (Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020). Это позволяет отделить наиболее древний пласт этих памятников и детально изучать процесс сложения культуры. Как уже отмечалось, первую концепцию сложения окуневской культуры предложил Г.А. Максименков. Она предполагала трансформацию местных неолитических племен в «окуневское» население под влиянием «афанасьевского». Однако подавляющее большинство артефактов, изображений, погребальных конструкций и традиций, представляющих самый ранний пласт окуневских памятников, не могут быть выведены из этих двух культурных образований.

Именно поэтому начиная с момента выделения этой крайне самобытной культуры начался процесс поиска ее истоков за пределами Южной Сибири. Наряду с экзотическими гипотезами, выводящими ее с Дальнего Востока или из Индии, появилась и развивается концепция о западных корнях, связывающих ее с памятниками позднеямной и катакомбной культурно-исторической общности. Указанное направление связей подтверждается данными антропологии, показывающими, что наиболее ранние индивидуумы этой культуры имели черепа брахикранного строения, аналогии с которыми наблюдаются в этот период к северо-западу от Каспия (Громов, 1997, с. 315–316). Новейшие палеогенетические исследования демонстрируют, что при переходе между афанасьевской и окуневской культурами по женской линии популяция сменяется полностью, а по мужской наблюдается преемственность на уровне 10–20% (Поляков, 2019). Иными словами, фиксируется практически полная смена населения.

Все это позволяет предполагать, что сложение окуневской культуры является следствием мощного миграционного импульса, в результате которого с запада в Минусинские котловины пришла новая «волна» скотоводческих племен, представители

которых по антропологическим признакам относятся к европеоидной расе. В отличие предшествующей афанасьевской культуры эти новые люди весьма активно вступали в контакты с коренным местным постнеолитическим населением, отесненным в таежные районы. В результате этого в составе женской части популяции представлены в том числе индивидуумы с яркими монголоидными чертами. Это подтверждается данными палеогенетики, показывающими определенную долю восточноевразийских линий развития в составе митохондриальной ДНК (Поляков, 2019). Однако все-таки основной культурообразующий импульс был получен в результате обширной миграции.

Вследствие следующего миграционного импульса на рубеже XVIII–XVII вв. до н.э. в Минусинские котловины пришла совершенно новая группа населения, своими корнями восходящая к андроновской культурно-исторической общности. Это были представители фёдоровской культуры, которая широко распространена в Восточном Казахстане и Западной Сибири. На сегодняшний день никаких признаков преемственности от населения, оставившего памятники окуневской культуры, не наблюдается. Самым кардинальным образом меняется обряд захоронения, конструкции могил и весь сопроводительный инвентарь. Полностью поддерживают миграционный характер появления андроновского (фёдоровского) населения в Минусинских котловинах данные антропологии и палеогенетики, подчеркивающие исключительное своеобразие этой популяции и отсутствие связей с окуневскими племенами (Алексеев, 1989, с. 350–355; Козинцев, 2009; Поляков, 2019, с. 101–102). На сегодняшний день в литературе отсутствуют гипотезы, предполагающие формирование этого населения на территории Среднего Енисея.

Отдельно стоит отметить замкнутый характер андроновских коллективов, которые по этому признаку очень близки к афанасьевской популяции. И те, и другие не демонстрируют каких-либо следов смешения с местным предшествующим населением на территории Минусинских котловин. Несколько особняком в этом ряду стоит окуневская культура, носители которой были более «открыты». Фиксируется интеграция на начальном этапе отдельных представителей мужской части населения афанасьевской культуры, а также в дальнейшем прослеживается включение в состав коллективов женщин монголоидного облика, предположительно представляющих постнеолитическое таежное окружение.

Непростым остается вопрос о сложении популяций периода поздней бронзы. Это значительный отрезок времени между финалом андроновской куль-

туры и началом скифского периода, который долгое время объединялся в понятие карасукской культуры (конец XV – конец IX в. до н.э.). Традиционная автотонная концепция, сформулированная М.П. Грязновым и поддержанная Г.А. Максименковым, предполагала постепенный переход от андроновской к карасукской культуре, без смены населения Минусинских котловин (Максименков, 1978). Различные исследовательские концепции формулировали иные гипотезы, суть которых сводилась к тому, что при сохранении части местного населения происходили заметные миграции на Енисей носителей новых традиций (Хлобыстина, 1963; Новгородова, 1970; Членова, 1972). Современные исследования, основанные на изучении горизонтальной стратиграфии могильных полей, позволили выделить четыре последовательных этапа, подразделяющихся на восемь хронологических горизонтов (Поляков, 2002, 2006; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2008). В результате стало понятно, что процесс сложения каждого этапа необходимо изучать отдельно, т.к. они сильно отличаются по своим характеристикам.

Важнейшим достижением стало выделение наиболее раннего горизонта I-а памятников ППБ. Их анализ показал полное отсутствие прямой преемственности от местной андроновской (Фёдоровской) культуры (Поляков, 2009). Все сходства являются по сути стадияльными. Это неудивительно, т.к. новое население, которое можно условно назвать «карасукским», имеет безусловно андроновские корни. Эта же проблема касается и результатов изучения данных антропологии и палеогенетики. Влияние общей андроновской подосновы настолько сильно, что пока выявить знаковые отличия не удастся. В связи с этим основной акцент необходимо делать на традиционный для археологии метод сравнительно-типологического анализа, который уверенно показывает отсутствие каких-либо переходных форм

и типов между местными андроновскими и наиболее ранними «карасукскими» памятниками. Все это позволяет предполагать миграционный характер сложения памятников периода поздней бронзы, хотя, безусловно, начальная точка этой миграции находилась где-то на обширных пространствах, охваченных носителями андроновской культурно-исторической общности.

Дальнейшее развитие и трансформация этих памятников также тесно связаны с миграционными процессами, которые происходили на протяжении всего периода вплоть до начала скифской эпохи. Однако необходимо отметить, что механизм этих процессов значительно изменился. Если на начальной стадии эпохи палеометалла миграционные процессы приводили к практически полной смене предшествующего населения, то на поздней – они сводились к инфильтрации только отдельных групп, при сохранении основного населения, которое постепенно осваивало новые технологии и обычаи. В результате процесс развития был комбинированным. Наблюдалось как постепенное развитие собственных артефактов и традиций, так и появление совершенно новых, ранее не известных.

Представленный краткий обзор современных научных взглядов на процессы культурогенеза в Минусинских котловинах на протяжении эпохи палеометалла показывает огромное значение в этот период миграционных процессов. Сложение всех упомянутых выше археологических культур являлось результатом перемещения значительных масс населения. В результате происходило практически полное замещение предшествующей популяции новыми людьми. Только начиная с XIII в. до н.э., в предскифское время наблюдается иной подход, когда появление новых племен не приводило к полному замещению, а происходила постепенная взаимная ассимиляция и взаимодействие.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989. – 445 с.
- Боковенко Н.А., Митяев П.Е.** Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 16–29.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Вадецкая Э.Б.** Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. – 1988. – Вып. 199. – С. 68–74.
- Громов А.В.** Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 301–345.
- Клейн Л.С.** Миграция: археологические признаки // Stratum plus. – 1999. – № 1. – С. 52–71.
- Козинцев А.Г.** О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. – 2009. – № 4 (40). – С. 125–136.
- Лазаретов И.П.** Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 34 с.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В.** Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи

- бронзы / Отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 33–55.
- Максименков Г.А.** Окуневская культура: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 39 с.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.
- Молодин В.И.** Горный Алтай в эпоху бронзы // История республики Алтай. Т. 1. Древность и средневековье. – Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – С. 97–142.
- Новгородова Э.А.** Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. – Вып. IX. – С. 5–14.
- Поляков А.В.** Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова / Отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. – С. 209–213.
- Поляков А.В.** Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 26 с.
- Поляков А.В.** К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. – 2009. – № 4. – С. 90–109.
- Поляков А.В.** Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2 (26). – С. 91–108.
- Поляков А.В., Лазаретов И.П.** Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред.: Ю.А. Виноградов, С.А. Васильев, К.Н. Степанова. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. – С. 188–202.
- Хлобыстина М.Д.** Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1963. – 19 с.
- Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П.** Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 3 (34). – С. 86–106.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.
- Molodin V.I.** Bronzezeit im Berg-Altai // Eurasia Antiqua. – 2001. – Bd. 7. – S. 1–53.
- Poliakov A.V., Lazaretov I.P.** Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2020. – Vol. 29, 102125. – P. 1–18.
- Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjögren K-G., Pedersen A.G., Schubert M., Van Dam A., Moliin C., Kapel O., Nielsen H.B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M.Vi., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Pontén T., Foley R.A., Lahr M.M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E.** Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. – 2015. – Vol. 163 (3). – P. 571–582.

A.V. Polyakov

The South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

THE ROLE OF MIGRATION PROCESSES IN THE FORMATION OF CULTURES OF THE PALEOMETAL EPOCH IN THE MINUSINSK BASINS

In the article, there is a short overview of the modern views on the processes of forming the population of the Minusinsk Basins during the Paleometal Epoch. The traditional views, based on the theory of indigenous development, give way to new hypotheses, which demonstrate that the shaping of the new populations was largely influenced by migration processes. Thus, the scientific data becomes of great importance, especially this of paleogenetic studies. This data verifies that the main

archaeological cultures of the early Paleometal Epoch (the Afanasyevo, Okunevo, and Andronovo cultures) were formed solely by migration processes. It is also recorded that the previous population was almost entirely substituted by newcomers. On the other hand, the situation during the Pre-Scythian Period is a more complex one. The new population groups are constantly infiltrating and are intensively assimilated by locals.

KEYWORDS: Southern Siberia, Minusinsk Basins, Paleometal Epoch, Afanasyevo culture, Okunevo culture, Andronovo culture, Pre-Scythian Period, culture genesis, migrations, infiltrations and intensively assimilation.

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет (Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ, ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ КУЛЬТУР ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ И ХЕРЕКСУРОВ (ЧАСТЬ III, К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Автор в ранее опубликованных статьях дал обзор сформировавшейся источниковой базы по теме и осветил в практике межэтнических взаимоотношений древних кочевников Центральной Азии такие средства, как: обращение к переговорным процессам для мирного достижения возникавших проблем; использование военного пути реализации цели (в случае невозможности достижения мирного исхода переговоров) в форме прямой открытой экспансии на территорию соседней общности; возврат к переговорным процессам, в ходе которых стороны достигали компромисса и оговаривали условия мира во взаимоотношениях на совместной территории проживания. В ходе исследования был сделан вывод, что в условиях бесписьменной эпохи первобытности, т.е. невозможности зафиксировать графическими знаками и символами происходившие события и процессы во взаимоотношениях кочевников Центральной Азии позднего бронзового века, в качестве одного из средств отражения этих процессов могли выступать объекты, связанные с сакральной стороной жизни и исполнением культово-религиозных обрядов, а именно: надмогильные сооружения усопших предков, оленные камни, жертвенники и др. Все они являлись священными объектами в духовной сфере носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров, имея статус неприкосновенности. Разрушая их во время военного противостояния, противоборствующие стороны открыто выражали свою враждебность по отношению друг к другу. С другой стороны, именно сакральность этих памятников позволяла с их помощью символизировать примирение путем сооружения совместных погребальных объектов на одном общем могильном поле (см.: Цыбиктаров А., 2017, 2020).

В данной статье рассмотрены другие источники, имеющие отношение к названной теме: петроглифические и палеоантропологические, некоторые особенности необычного топографического расположения памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров на местности, планиграфия

памятников обеих культурных образований, в которых, по нашему мнению, могли отразиться межэтнические взаимоотношения древних кочевников Центральной Азии позднего бронзового века. В материализованной форме в них получили отражение явления и процессы, происходившие между носителями указанных культурных образований в реальности того времени. Внимание будет уделено и такому аспекту проблемы, как характеристика категории людей, которые могли осуществлять непосредственную «дипломатическую» практику в сложной этнокультурной, военной и «политической» ситуации.

В степной зоне Монголии и Южного Забайкалья топографическое размещение плиточных могил и херексуров на местности, как и большинства погребальных объектов других эпох, чаще всего характеризуется их месторасположением у оснований южных склонов гор или в падах, выходящих на южную сторону. В районах с преобладанием равнинного рельефа они располагаются прямо в открытой степи. Именно такие места наиболее удобны для выпаса скота, в летнее время они хорошо прогреваются солнцем и лучше обеспечены травостоем, а зимой южные склоны еще и защищены от холодных ветров. Эти обстоятельства, важные для выпаса скота, видимо, и повлияли на выбор древними кочевниками мест для закладки могильников, территория которых представляла для них сакрализованное пространство, вместе с тем обозначая и право владения пастбищными угодьями в данной местности. Но в Монголии и Южной Бурятии в некоторых местах встречаются выбивающиеся из данной закономерности случаи расположения отдельных плиточных могил и херексуров (изредка их скоплений) на непривычно высоких местах по гребням склонов гор и даже у их вершин, занимающих господствующее положение в данной местности. Такое расположение характерно для могильников Старая Капчеранка и Баин-Улан I в Южной Бурятии.

Могильник Старая Капчеранка находится в 15 км к СВ от г. Кяхта в одноименной пади в Кяхтинском

р-не Республики Бурятия, в местности Бурдуны в междуречье Селенги и ее правого притока Чикоя. В нескольких километрах к югу от могильника проходит государственная граница между Российской Федерацией и Монголией. Памятник разновременный, в его состав входят 30 объектов, в том числе херексуры и плиточные могилы. С северо-восточной стороны пади располагается гора Сэвгэ-Дарсыг. С ее вершины на ЮЮЗ спускается грива. По ее гребню в трех местах, значительно возвышавшихся над окружающей местностью, располагались херексуры № 19, 18 и 17. Херексур № 17 находился ниже других на уступе-площадке скалы высотой около 20 м. Выше него по гребню на расстоянии 195 м к ССВ примерно на 10 м выше по вертикали располагался херексур № 18, выше которого на расстоянии еще в 120 м к ССВ (по вертикали примерно на 5 м выше) размещался херексур № 19. При этом круглая ограда самого высокого херексура № 19 была перекрыта двумя плиточными могилами № 20 и 21. Херексуры № 17, 18, 19 и плиточные могилы № 20, 21 раскопаны. Исследования показали, что кладки всех херексуров и плиточных могил в значительной степени были разобранными. От захоронений практически ничего не осталось, как и от инвентаря в плиточных могилах, что указывает на осквернение как тех, так и других. Также выяснилось, что при сооружении плиточных могил использованы камни кладки херексура № 19. К востоку от самого нижнего херексура № 17 ниже на восточном склоне указанной гривы на расстоянии 135 м к востоку находился еще один херексур № 4, ограда которого была перекрыта кладками двух плиточных могил. Как херексур № 4, так и плиточные могилы были взаимно осквернены. При этом следует отметить, что эти объекты в топографическом отношении характеризовались особенностями, обычными для погребальных объектов степных культур, размещаясь у основания ЮЮЗ гривы горы Сэвгэ-Дарсыг на привычных относительно невысоких гипсометрических отметках, о чем свидетельствовало расположение по соседству с ними на некотором удалении кладок хуннского и средневекового времени, а также одной из плиточных могил.

Могильник Баин-Улан I располагается примерно в 10 км к ССВ от могильника Старая Капчеранка между селами Бурдуны и Усть-Киран в междуречье Селенги и ее правого притока Чикоя у самой вершины горы Баин-Улан, которая является самой высокой горой в окрестности. У основания этой горы с ее южной стороны располагается могильник Баин-Улан II, на котором кладки плиточных могил перекрывали прямоугольной формы ограду херексура (см. Цыбиктаров А., 2020). У вершины горы Баин-Улан с южной

ее стороны на достаточно крутом склоне располагались херексуры и фигурная могила. Однако раскопки на них не проведены.

Описанные выше случаи расположения херексуров и плиточных могил обращают внимание своим размещением на необычно высоких гипсометрических отметках по сравнению с большинством подобных им памятников. При этом раскопки в Старой Капчеранке показали, что захоронения там были осквернены. Наиболее вероятной представляется следующая интерпретация. Местное население культуры плиточных могил ко времени миграции носителей культуры херексуров закладывало свои могильники в соответствии со сложившимися традициями на обычных для таких памятников местах у южных оснований гор и открытой степи, о чем свидетельствует расположение плиточных могил в местности Бурдуны, в том числе и в Старой Капчеранке. Мигранты же после неосуществимости мирного решения вопроса о возможности их расселения на землях автохтонного населения стали решать проблему насильственным путем, самовольно занимая местные пастбищные угодья. Для обозначения права на их владение носители культуры херексуров в соответствии, вероятно, с существующими тогда нормами стали возводить на новых для себя землях свои могильники. Их стали размещать не только на обычных местах (херексур № 4 в Старой Капчеранке, херексур в Баин-Улане II), но и на возвышенных (херексуры № 17, 18 и 19 в Старой Капчеранке) и господствующих высотах данной местности (Баин-Улан I). Пришлое население однозначно обозначало, вероятно, несогласие с результатами переговоров и прямое притязание на использование и насильственное закрепление за собой права на расселение в данной местности и эксплуатацию пастбищных ресурсов ее земельных угодий. Несогласие местного населения с этими намерениями пришельцев отразилось в разрушении и осквернении херексуров, а затем последовали ответные действия со стороны мигрантов.

В связи с рассматриваемой темой предложенная выше интерпретация позволяет обозначить еще один из инструментов насильственной первобытной дипломатии древних кочевников Центральной Азии – обозначение ими (в случае невозможности решения мирными средствами вопроса о расселении на территории другой этнической общности) своего права на владение земельными угодьями для обеспечения жизнедеятельности своей общности путем возведения на возвышенных местах и господствующих в данной местности высотах маркеров в виде погребальных сооружений. Позиция местного населения, обозначенная в ходе, следует полагать, переговорных

процессов, выразилась разрушении и осквернении возведенных пришельцами погребальных сооружений, которые, в свою очередь, отреагировали подобным же образом. Вряд ли можно ошибиться, сделав вывод о том, что происходившие в то время события сопровождались прямыми военными столкновениями между их участниками.

Определенную информацию несут и памятники наскального искусства общностей культуры плиточных могил и культуры херексуров. Для первой из них характерны красковые петроглифы селенгинского типа, для второй – петроглифы кяхтинского типа, выполненные в технике выбивки или шлифовки (протирки). В целом ареалы распространения наскальных рисунков на территории Монголии и Южного Забайкалья (первых – в восточной части региона, вторых – в западной) соответствуют территориальным границам обеих кочевнических культур. Однако обращает на себя внимание, с одной стороны, редкость петроглифов культуры херексуров в Южной Бурятии и прилегающих районах Монголии на территории, занятой населением культуры плиточных могил, а с другой – такое же редкое присутствие селенгинских рисунков в западных областях Монголии, входящих в границы культуры херексуров. На первый взгляд в такой ситуации нет ничего особенного, т.к. это вполне объяснимо с точки зрения территориального размежевания рассматриваемых культур бронзового века в пределах Монголии и Южной Бурятии. Но дело в том, что в Юго-Западном Забайкалье известно большое количество могильников культуры херексуров, распространенных по всем степным и лесостепным районам Южной Бурятии к югу от широты г. Улан-Удэ и долины р. Уда (правый приток Селенги), в то время как наскальные рисунки ее носителей локализируются на семи памятниках в пределах небольшой территории, около 20 км, в районе г. Кяхты, на границе России и Монголии (см.: Окладников, Запорожская, 1970, с. 133; Цыбиктаров В., 2011, с. 160–162). Такая же ситуация, но обратная характерна для локализации наскальных рисунков селенгинского типа в западных районах Центральной Монголии и восточных районах Западной Монголии, где широко распространены херексуры, но плиточных могил заметно меньше.

Приведенные выше наблюдения наталкивают на мысль о том, что в идеологических представлениях и культурно-религиозной практике носителей обеих культур существовали какие-то общепринятые для практики взаимоотношений разных этнических общностей запреты на нанесение наскальных изображений, занимавших важное место в структуре святылиц на «чужой» территории. Но жизнедеятель-

ность пришлого населения на «новой» территории была немыслима без обеспечения кульгово-религиозных аспектов. Видимо, для экстраординарных ситуаций допускались какие-то ограниченные «послабления» для пришельцев, приемлемые для местного автохтонного населения. Однако они, вероятно, регулировались нормами обычного права носителей обеих культур в сфере межэтнических взаимоотношений. Предполагаемое существование таких норм в обычном праве носителей культур плиточных могил и херексуров может указывать на наличие в практике их «первобытной дипломатии» инструментов регулирования проблем, возникавших в кульгово-религиозной сфере жизнедеятельности на территории чужой общности в условиях противостояния. Скорее всего, в крайне сложной обстановке необходимо было выполнять традиционные обряды и культовые практики, обязательные в любой, даже в крайне напряженной межэтнической обстановке с кровопролитными столкновениями. Вероятно, по нормам двусторонних отношений конфликтующих сторон создание таких сакральных центров на чужой территории должно было сводиться к минимуму. В противном случае трудно объяснить столь контрастное соотношение, с одной стороны, многочисленных погребальных объектов, а с другой – единичных памятников наскального искусства, являвшихся составной частью идеологической жизни кочевнических сообществ обеих культур. При этом многочисленные могильники сооружались практически повсеместно по территории, пригодной для ведения хозяйственной деятельности скотоводческого населения, а объекты наскального искусства были крайне немногочисленны и размещались выборочно.

Обращаясь к условиям «письменной истории» человечества, можно вспомнить множество примеров, когда установившееся со временем мирное соседство разноэтнических групп населения неизбежно приводило сначала к бытовым контактам, хозяйственным, культурным и другим связям, а затем и к установлению брачно-семейных отношений, которые в конечном итоге вели к этническому смешению населения. Подобная ситуация по материалам раскопок была выявлена и во взаимоотношениях носителей культур плиточных могил и херексуров (см.: Цыбиктаров А., 2013, с. 367–370). В результате взаимоотношения местного и пришлого населения выходили на качественно новый уровень. Если первые из указанных направлений связей находили свое отражение в материальной культуре и духовной сфере, то этнические процессы материализовывались в первую очередь в антропологических особенностях населения, а также в такой форме выражения этнической культуры, как погребальный обряд.

В материалах раскопок херексуров и плиточных могил представлен и выше предположенный уровень взаимоотношений групп населения культуры плиточных могил и культуры херексуров. При раскопках херексура на могильнике Улзыт III в Южной Бурятии в валунной камере на горизонте был обнаружен скелет, череп которого характеризовался монголоидными признаками и, по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), был почти идентичен черепам из плиточных могил. Это может указывать, как нам представляется, на установление не только достаточно спокойных и мирных отношений между носителями культуры плиточных могил и херексуров, но и этнических связей между ними. Иначе трудно объяснить факт, что человек, связанный с этнической средой населения культуры плиточных могил, оказался похороненным по нормам погребального обряда населения культуры херексуров. Анализ особенностей обряда захоронения носителей культуры плиточных могил позволяет предполагать наличие в погребальной практике этого населения безынвентарного варианта погребального обряда, происхождение которого связано, возможно, с их контактами с населением культуры херексуров (Цыбиктаров А., 1998, с. 80–81, 83–84, 153).

Приведенные факты могли иметь место в реальной жизни только после нормализации отношений между пришлыми и местными племенами и установления между ними прочных культурных и этнических связей. Эти контакты не могли быть бесконтрольными и должны были принимать, с учетом предшествующих им обстоятельств враждебного противостояния, упорядоченный характер. Они, надо полагать, должны были легализовываться и санкционироваться соответствующими соглашениями между сторонами взаимодействия. Подобного рода действия представляли собой еще одну из сторон «первобытной дипломатии» общностей позднего бронзового века севера Центральной Азии.

На рассматриваемом уровне взаимоотношений монголоидного населения культуры плиточных могил и европеоидных носителей культуры херексуров в конце эпохи бронзы было положено начало формированию центральноазиатской расы континентальных монголоидов. Ведущим фактором ее образования, по мнению антропологов, была метисация носителей древней байкальской расы с европеоидами. В конечном итоге данный процесс сопровождался постепенным уменьшением контрастности населения и формированием «при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы» (Гохман, 1980, с. 32–33; Алексеев, Гохман, Тумэн,

1987, с. 237). Имеющиеся палеоантропологические материалы из плиточных могил, херексуров и курганов монгун-тайгинского типа Монголии и Южно-Забайкалья не противоречат такому определению центральноазиатской расы. Пять черепов из плиточных могил Убурхангайского и Архангайского аймаков Монголии, входящих в контактную зону населения культуры плиточных могил и культуры херексуров, характеризуются особенностями центральноазиатской расы (Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16; 1992, с. 59). В то же время в восточной и юго-восточной частях ареала культуры плиточных могил, в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и восточной части Гоби, судя по отсутствию там херексуров, антропологический тип их носителей, видимо, не должен был претерпеть особых изменений и характеризоваться особенностями байкальского типа. Несколько черепов из плиточных могил Восточной Монголии относятся к байкальскому типу (Там же) и подтверждают это. Примерно такая же ситуация, но обратного характера с поправкой в сторону европеоидности, имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа из Убсунурского и Кобдосского аймаков, а также череп из херексура в Худжиртэ в Центральной Монголии характеризовались европеоидными особенностями при некоторой монголоидной примеси (Алексеев, 1974, с. 382; Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16; Гохман, Влчек, 1991).

Охарактеризованные некоторые приемы ведения межэтнических взаимоотношений носителями культур плиточных могил и херексуров свидетельствуют о том, что в позднем бронзовом веке у степного населения Центральной Азии существовал набор инструментов регулирования проблем, возникавших в процессе вынужденных крупномасштабных миграций на территории соседних культурных образований и приводивших к «нарушению территориальной целостности границ» той или иной этнической общности. Сделанные выводы (см. Цыбиктаров А., 2020, с. 34–37) указывают на наличие среди культурных достижений скотоводческих сообществ позднего бронзового века рассматриваемого региона достаточно разнообразного и хорошо продуманного опыта в ведении межэтнического диалога, который можно определить понятием «первобытная дипломатия». Этот опыт, вне всякого сомнения, вообрал в себя достижения в рассматриваемой сфере жизнедеятельности, накопленные в предшествующие периоды истории степного населения, к изучению которого необходимо проявлять должное внимание и выявлять источники этой информации.

Принимая обозначенные выше результаты, можно признать, что в мире древних скотоводов бронзового века Центральной Азии существовали какие-то взаимопризнаваемые различными сообществами нормы соблюдения и уважения прав общностей на территории своего проживания. Совокупность таких норм соотносима по содержанию с термином «международное право» в современном понимании, но с учетом исторических реалий эпохи первобытности. Для разрешения проблем, возникших в случае нарушения этих норм, древние кочевники региона, как показали выявленные источники, выработали определенный набор приемов.

Важным аспектом дипломатии древних кочевников Центральной Азии позднего бронзового века является характеристика категории людей, которые осуществляли непосредственную «дипломатическую практику» в сложной этнокультурной, военной и политической ситуации того времени. В ограниченных рамках данной статьи отмечу, что в нее могли входить представители родоплеменной знати, которые занимались организаторско-управленческой, военной и религиозной деятельностью, – старейшины, военные вожди, служители культа. О существовании такой привилегированной прослойки общества свидетельствуют археологические памятники рассматриваемых археологических культур. Элитные или заметно более крупных размеров погребальные памятники обеих культур исследователи справедливо связывают с главами больших патриархальных семей, родовых и племенных объединений. Оленные камни культуры херексуров (Волков, 1981; Савинов, 1994; и др.) и псевдоантропоморфные камни культуры плиточных могил (Цыбиктаров А., 2016), являясь полифункциональными по своему назначению, были во многом связаны с выдающимися военными деятелями родоплеменных объединений. Наиболее ярко военная сторона этих изваяний отразилась в облике оленных камней, на которых военная атрибутика преобладает среди остальных изображений, которые в принципе также неотделимы от гарнитуры облика военного вождя. Петроглифические и оленные комплексы обеих археологических культур, исполнение погребального обряда при похоронах умерших соро-

дичей были немыслимы без категории людей, которые осуществляли культово-религиозные практики.

Представители указанных выше слоев родоплеменной знати, скорее всего, могли обладать выдающимися способностями в разных сферах жизни. Они характеризовались умом, организаторским и военным талантом, глубоким знанием обычаев и традиций, способностями организовывать и проводить крупные мероприятия и кампании, как мирного, так и военного характера, умением улаживать конфликты; они могли обладать даром предвидения, разносторонними знаниями и т.д. Соответственно в экстраординарной военно-политической обстановке вторжения иноэтничного населения в условиях экологического кризиса позднего бронзового века такие представители населения культуры плиточных могил и культуры херексуров выполняли посреднические функции и решали в процессе переговоров сложные вопросы войны и мира, объявления военных действий, установления и налаживания мирных отношений, а также санкционировали, претворяли в реальность и контролировали согласованные сторонами решения.

Таким образом, в контактной зоне носителей рассматриваемых археологических культур – в пределах Юго-Западного Забайкалья и Центральной Монголии – известно большое количество могильников, в состав которых входят плиточные могилы и херексуры. Состояние их кладок характеризуется разной степенью сохранности, но их интерпретация в контексте поднятой в статье темы крайне затруднительна без осуществления раскопок. Совместное размещение объектов обеих культурных образований на одних и тех же могильных полях может отражать разный уровень отношений их носителей – от враждебного до мирного сосуществования и установления прямых этнических контактов. При доказанной синхронности культур плиточных могил и херексуров разнообразная информация о погребальном обряде, антропологии, планиграфии погребальных сооружений и других сторонах культуры их носителей, полученная в процессе раскопок, будет способствовать углублению наших знаний о характере их взаимоотношений.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири / Отв. ред. В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 370–390. (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. – Вып. 4).
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.** Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный

век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А.П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 208–241.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. – Л., 1980. – Т. XXXVI. – С. 5–34.

- Гохман И.И., Влчек Э.Э.** Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник МАЭ. – СПб., 1991. – Т. XLIV. – С. 48–54.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 208 с.
- Тумэн Д.** Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.
- Тумэн Д.** Антропология современного населения МНР: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1992. – 62 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. – 288 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Чита, 13–19 сентября 2013 г. / Отв. ред. А.В. Константинов. – Чита: Экспресс-издательство, 2013. – С. 360–373.
- Цыбиктаров А.Д.** «Оленные камни» культуры плиточных могил (псевдоантропоморфные камни) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2016. – Т. I. – С. 283–294.
- Цыбиктаров А.Д.** Дипломатия древних кочевников Центральной Азии эпохи поздней бронзы (Часть I. К постановке проблемы, характеристика источниковой базы по материалам культуры плиточных могил и культуры херексуров) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. Чаньчунь, 11–15 сентября 2017 г. – Чаньчунь, 2017. – С. 348–360.
- Цыбиктаров А.Д.** Реконструкция дипломатии древних кочевников культуры плиточных могил и культуры херексуров эпохи поздней бронзы (Часть II, к постановке проблемы) // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 2 (35). – С. 29–39.
- Цыбиктаров В.А.** Петроглифы Забайкалья (формирование источниковой базы, историография и вопросы культурно-исторической интерпретации). – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2011. – 236 с.

A.D. Tsbiktarov

Buryat State University (Russia)

REFLECTION OF THE DIPLOMACY OF ANCIENT NOMADS OF CENTRAL ASIA IN PETROGLYPHIC, PALEOANTHROPOLOGICAL AND TOPOGRAPHIC SOURCES OF SLAB GRAVES AND KHEREKSURS (PART III, SETTING OF A PROBLEM)

The article reconstructs the following methods of “ancient primitive diplomacy” of the nomadic cattle breeders of Mongolia and Transbaikalia of the late Bronze Age. Designation, in case of impossibility of solving by peaceful means, the right to forcible use of land by installing markers in the form of burial structures on highland and dominant heights. The availability of tools for regulating problems in the cult-religious sphere in the territory of a foreign community by agreeing the conditions for the creation of sacral centers in specially designated places. Establishment of marriage and family relations by legalizing them through authorization and coordination between the parties to ethnic interaction. The category of people who carried out direct “diplomatic practice” included representatives of the tribal

nobility, who were engaged in the organizational, administrative, military and religious activities of tribal associations - military leaders, elders, priests. The results of the study (Цыбиктаров, 2017, 2020, this publication) indicate that the carriers of the culture of slab graves and the culture of khereksurs had regulations of observance and respect for the rights of the territorial integrity of the areas of their settlement. In case of breach, there was a set of generally accepted tools for solving this kind of problems. Their use allowed administering a rational interethnic dialogue. Apparently, the complex of such regulations corresponded to the content of the modern concept of “international law”, but taking into account the historical reality of the primitive era.

KEYWORDS: *Mongolia, Transbaikalia, Late Bronze Age, culture of Slab graves, culture of the Khereksurs, cult-religious sphere, “ancient primitive diplomacy”.*

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж (Россия)

О ХРОНОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ РОГОВЫХ ПСАЛИЕВ X–VII вв. до н.э.

Предметы снаряжения коня являются важным источником для изучения и реконструкции не только хозяйственной, но также этнополитической и социальной истории евразийских кочевых племен II–I тыс. до н.э. Проблемы «эволюционного» развития псалиев коня в X–VII вв. до н.э., с одной стороны, являются одной из наиболее разработанных тем в отечественной археологии и более 100 лет многократно привлекают внимание археологов, с другой, имеется много хронологических «лакун» из-за малого числа изученных комплексов с надежными датировками и большого числа единичных и случайных находок псалиев в разных регионах Евразии. В данной работе основное внимание уделено анализу конструктивных, типологических и хронологических изменений основных форм роговых/костяных и частично бронзовых псалиев из археологических памятников, изученных в разных регионах Евразии, преимущественно в Южной Сибири.

Основы для классификации и хронологии псалиев

В конце II тыс. до н.э. во многих регионах Евразии древние кочевники перешли к кочевому скотоводству и использованию коня как верхового транспортного средства (Грязнов, 1947, 1983; Иссен, 1953; Марсадолов, 1985, 1998; Боковенко, 1986, 2018; Кирюшин, Тишкин, 1997; Марсадолов, Тишкин, 1998; Шульга, 2008; Поляков, 2015; и др.).

Псалии из рога/кости хрупки, недолговечны и не могли долго использоваться. Основные формы псалиев из этих материалов с разным расположением отверстий и оформлением стержня также менялись довольно быстро, обычно в течение одного столетия и менее. Это хорошо прослеживается как на более поздних материалах Саяно-Алтая, так и на ранних псалиях из Восточной Европы и Сибири.

Для того чтобы наметить хронологические и типологические различия, все рассмотренные в данной статье псалии первоначально были разделены на два основных типа по конструктивному расположению 3 основных крепежных отверстий. Первый тип «А» – с отверстиями в двух разных плоскостях (рис. 1-1–1-6, 1-11–1-17) и второй тип «Б» – с отверстиями на одной плоскости стержня псалия

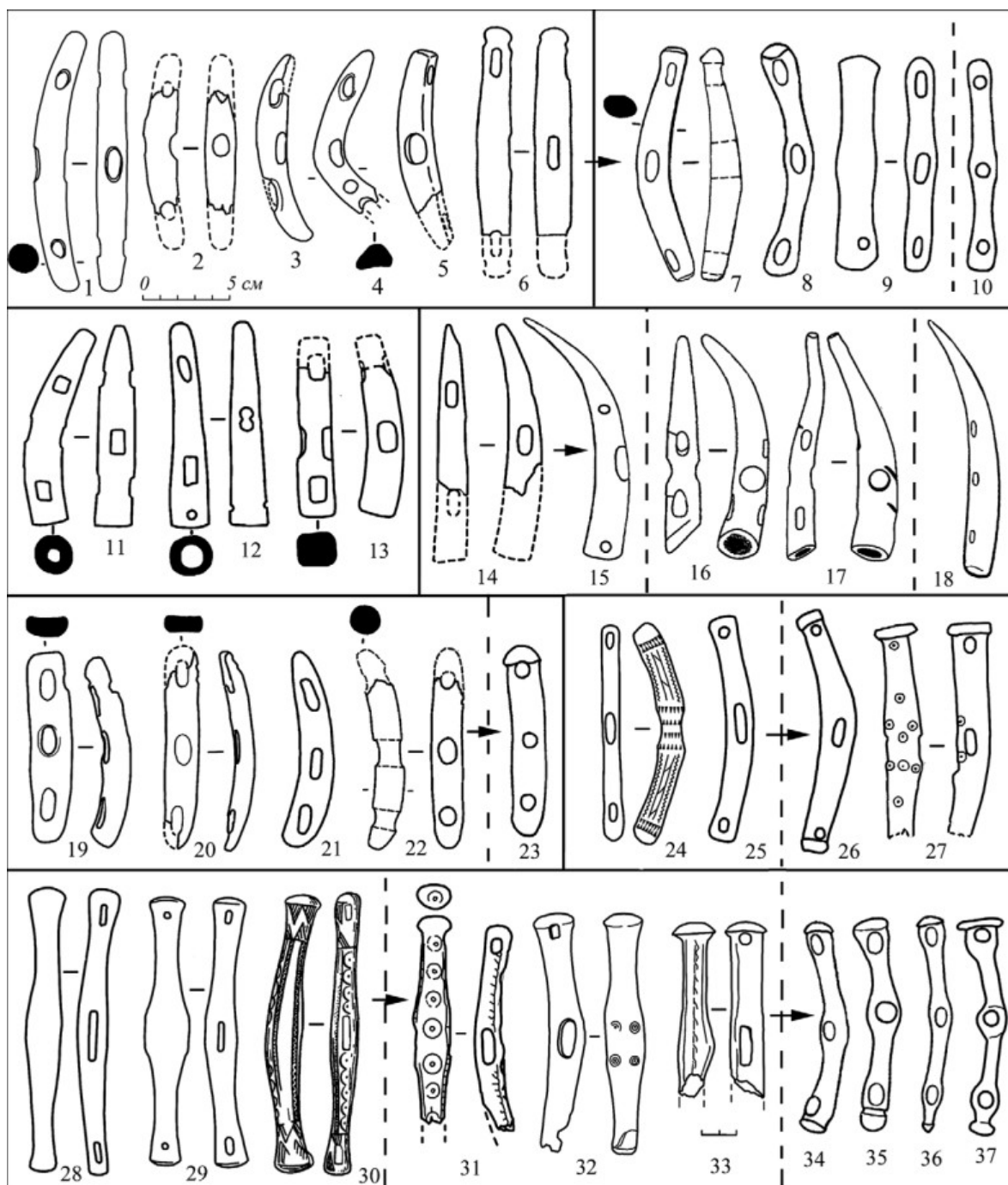
(рис. 1-8–1-10, 1-18–1-37). После этого псалии были классифицированы: по материалу; по форме стержня-заготовки; по форме, размерам и сдвигу отверстий; по оформлению псалия в целом. Предварительная классификация псалиев дана на рис. 1 (варианты разделены вертикальными линиями), но более подробно она будет рассмотрена в другой работе.

Археологи многое сделали для изучения и датирования памятников финала эпохи бронзы. В данной работе из-за ограниченности объема не рассматриваются неоднократно измененные и часто несоответствующие даты близких псалиев и памятников, предложенные многими исследователями, точки зрения которых можно найти по ссылкам. Основой для обоснованного распределения во времени предметов снаряжения коня X–VII вв. до н.э. в дальнейшем может послужить «опорная цепочка» памятников, даты которых неоднократно проверены комплексом разных методов – археологическим, типологическим, радиоуглеродным, дендрохронологическим и др. Одним из самых надежных хронологических «индикаторов» для евразийских памятников IX–VIII вв. до н.э. (Тереножкин, 1976; Грязнов, 1980, 1983) является неоднократно проверенная разными методами абсолютная дата кургана Аржан-1 в Туве – около 808 г. до н.э. (Марсадолов, 1989; 1997, с. 49; 1998, с. 5; и др.). Эта дата также является «хронологическим рубежом» для относительного и абсолютного подразделения археологических памятников и предметов Евразии IX и VIII вв. до н.э. на три хронологические группы объектов: «до» (1), близкие по времени (2) и «после» (3) сооружения кургана Аржан-1.

Хронология псалиев и комплексов X–VII вв. до н.э.

Как установили многие археологи, в целом на территории Евразии в X–VII вв. до н.э. наблюдаются тенденции перехода от более ранних псалиев типа «А» с подовальными и подпрямоугольными отверстиями к псалиям типа «Б» с круглыми отверстиями, но были выявлены и региональные отличия.

Псалии «доаржанского времени» – X–IX вв. до н.э. Два из наиболее ранних роговых псалия этого времени найдены при раскопках кург. № 7 памятника

Саяны-Пограничное-4, в верховьях долины р. Иджим, у подножия одного из отрогов Куртушибинского хребта, в пограничье с Тувой (Амзараков и др., 2015). Оба псалия относятся к типу «А»: они слабо изогнуты, сделаны из концевых заостренных отростков рога (рис. 1-14; 2-3). Центральное отверстие у этих псалиев немного больше по размерам, чем два крайних, расположенных в другой плоскости. Отверстия в целом имеют подпрямоугольную или подвальную форму, сверху и снизу они слегка скрутлены.

Формы таких «природных», или «простых», псалиев, изготовленных из необработанных отрост-

ков рогов животных, иногда слегка подправленных или копирующих их форму, изменялись особенно медленно (рис. 1; 2). Основными критериями здесь являются число и место расположения отверстий на псалии или их украшение, а также совокупность с остальными предметами из закрытых археологических комплексов. Псалии такой формы послужили прототипами для многочисленных 3- и 2-дырчатых типов в последующие столетия (рис. 2-3, 2-11а, 2-18а, 2-23а).

На памятниках Устинкино, Тамбар, Торгажак, Каменный Лог I для стержней псалиев использова-

Рис. 1. Псалии с тремя отверстиями, расположенными в двух разных плоскостях, тип «А» (1–6, 11–17), или в одной плоскости, тип «Б» (7–10, 18–37): 1, 2, 22 – Каменный Лог I, землянка 1, Хакасия; 3, 4, 19, 20 – Торгажак, жилища, Хакасия; 5 – Топхар, могила 69, Забайкалье; 6 – Каратал-1, Казахстан; 7 – Фирсово-XVIII, № 1, степной Алтай; 8, 34 – курган № 3 у хут. Черногородка, Украина; 9 – Тамбар, Кузнецкий Алатау; 10, 23, 36 – курган Аржан-1, Тува; 11, 12 – Устинкино, Кузнецкий Алатау (11 – сооружение X, могила 2, 12 – яма 3); 13 – Сотниково, плиточная могила 15, Забайкалье; 14 – Саяны-Пограничное-4, курган 7, Саяны; 15 – Елеке сазы, курган 4, Казахстан; 16, 17 – Вандаху, Китай (16 – М.1, 17 – М.4); 18 – Тасмола V, курган 2; 21 – хут. Жирноклеевский, Поволжье; 24 – Мурадымово-1, Южный Урал; 25, 31 – Мурзиха-II, погребение 173, Прикамье; 26 – Измери VII, погребение 14, Поволжье; 27 – Майртуп 2, погребение 28, Предкавказье; 28, 30 – Суботов, землянка 6, Украина; 29 – Девичий городок-IV, погребение 16; 32 – Фонтаны, Крым; 33 – Центральная Европа; 35 – Курту-II, курган 3, Западный Алтай; 37 – могильник Мохучахань, могила 46, Китай, Синьцзян.

1, 2, 22 – по: автор; 3, 4, 19, 20 – по: Савинов, 1996; 5 – по: Сосновский, 1941; 6 – по: Бейсенов, Ломан, 2009; 7 – по: Папин, Шамшин, 1999; 8, 28, 30, 34 – по: Тереножкин, 1976; 9, 11, 12 – по: Членова, Бобров, 1991; 10, 23, 36 – по: Грязнов, 1980; 13 – по: Цыбиктаров, 1998; 14 – по: Амзараков и др., 2015; 15 – по: Ахметов, Самашев, 2019; 16, 17 – по: Шульга П., Шульга Д., 2019; 18 – по: Кадырбаев, 1966; 21 – по: Смирнов К., 1961; 24 – по: Коренюк и др., 2014; 25, 31 – по: Чижевский, 2008; 26 – по: Казаков, 1994; 27 – по: Дударев, 1991; 29 – по: Казаков, 2002; 32 – по: Колотухин, 2003; 33 – по: Вальчак, 2009; 35 – по: Сорокин, 1966; 37 – по: Шульга П., Шульга Д., 2020.

Масштабы различные. Составлено Л.С. Марсадоловым.

1–9, 11–33, 35 – рог/кость; 10, 34, 36, 37 – бронза

Fig. 1. Cheek-pieces with three holes located in two different planes, type "A" (1–6, 11–17) or in one plane, type "B" (7–10, 18–37): 1, 2, 22 – Kamenny Log I, dugout № 1, Khakassia; 3, 4, 19, 20 – Torgazhak, dwellings, Khakassia; 5 – Topkhar, barrow no. 69, Transbaikalia; 6 – Karatal-1, Kazakhstan; 7 – Firsovo-XVIII, no. 1, steppe Altai; 8, 34 – barrow no. 3 near Chernogorovka village, Ukraine; 9 – Tambar, Kuznetsk Alatau; 10, 23, 36 – barrow Arzhan-1, Tuva; 11, 12 – Ustinkino, Kuznetsk Alatau (11 – building X, grave 2; 12 – pit 3); 13 – Sotnikovo, tiled grave 15, Transbaikalia; 14 – Sayany-Pogranichnoe-4, barrow 7, the Sayans; 15 – Eleke Sazy, barrow 4, Kazakhstan; 16, 17 – Wandahu, China (16 – M.1, 17 – M.4); 18 – Tasmola V, barrow 2; 21 – Zhirnokleevsky village, Volga Region; 24 – Muradymovo-1, Southern Urals; 25, 31 – Murzikha-II, grave 173, Kama Region; 26 – Izmeri VII, grave 14, Volga Region; 27 – Mairtup 2, grave 28, Northern Caucasus; 28, 30 – Subotov, dugout no. 6, Ukraine; 29 – Devichy town-IV, burial 16; 32 – Fountains, Crimea; 33 – Central Europe; 35 – Kurtu-II, barrow 3, Western Altai; 37 – Mokhuchakhan burial ground, grave 46, China, Xinjiang.

1, 2, 22 – after author; 3, 4, 19, 20 – after Савинов, 1996; 5 – after Сосновский, 1941; 6 – after Бейсенов, Ломан, 2009; 7 – after Папин, Шамшин, 1999; 8, 28, 30, 34 – after Тереножкин, 1976; 9, 11, 12 – after Членова, Бобров, 1991; 10, 23, 36 – after Грязнов, 1980; 13 – after Цыбиктаров, 1998; 14 – after Амзараков и др., 2015; 15 – after Ахметов, Самашев, 2019; 16, 17 – after Шульга П., Шульга Д., 2019; 18 – after Кадырбаев, 1966; 21 – after Смирнов К., 1961; 24 – after Коренюк и др., 2014; 25, 31 – after Чижевский, 2008; 26 – after Казаков, 1994; 27 – after Дударев, 1991; 29 – after Казаков, 2002; 32 – after Колотухин, 2003; 33 – after Вальчак, 2009; 35 – after Сорокин, 1966; 37 – after Шульга П., Шульга Д., 2020.

Scales are different. Composition by L.S. Marsadolov.

1–9, 11–33, 35 – horn/bone; 10, 34, 36, 37 – bronze

ли обработанные и часто обрезанные с двух сторон отростки рогов или костей животных (**рис. 1**; Савинов, Бобров, 1983; Членова, Бобров, 1991; Савинов, 1996; Подобед и др., 2014; и др.).

На поселении Каменный Лог I в Хакасии, раскопанном экспедицией М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой в 1961–1963 гг., в землянке № 1 найдено три псалия, относящихся к двум типам «А» и «Б» (**рис. 1-1, 1-2, 1-22**). Каждый из псалиев индивидуален, но все они имеют следы от использования в работе. Самый крупный по размерам и хорошо сохранившийся псалий сделан из обработанного рога оленя и имеет закругленные концевые части стержня (**рис. 1-1**). Большое подовальное отверстие расположено в центре одной плоскости, а два меньших по размерам овальных отверстия – на концах другой плоскости. У второго псалия типа «А» центральное отверстие имеет подовальную форму, но концы стержня обломаны на уровне отверстий, что

не позволяет достоверно судить об их очертаниях (**рис. 1-2**). У третьего псалия типа «Б» с тремя отверстиями в одной плоскости в центре расположено более крупное подовальное отверстие, но два концевых отверстия имеют округлую форму (**рис. 1-22**). Форма этого псалия могла быть одним из прототипов для псалиев с прямым стержнем из кургана Аржан-1 (**рис. 1-23**).

В землянках Каменного Лога I также обнаружены роговые/костяные заготовки для круглых и 8-образных бляшек, наконечников стрел, разделителя для ремней пояса или украшений (**рис. 2-5д**), которые в дальнейшем могли послужить прототипами для близких по форме предметов из Аржана-1 и других предскифских комплексов (**рис. 2-5, 2-9**). Сломанная при изготовлении роговая округлая бляшка-заготовка диаметром 4,8 см из землянки № 2, с небольшим отверстием в центре, была декорирована вырезанными треугольниками по

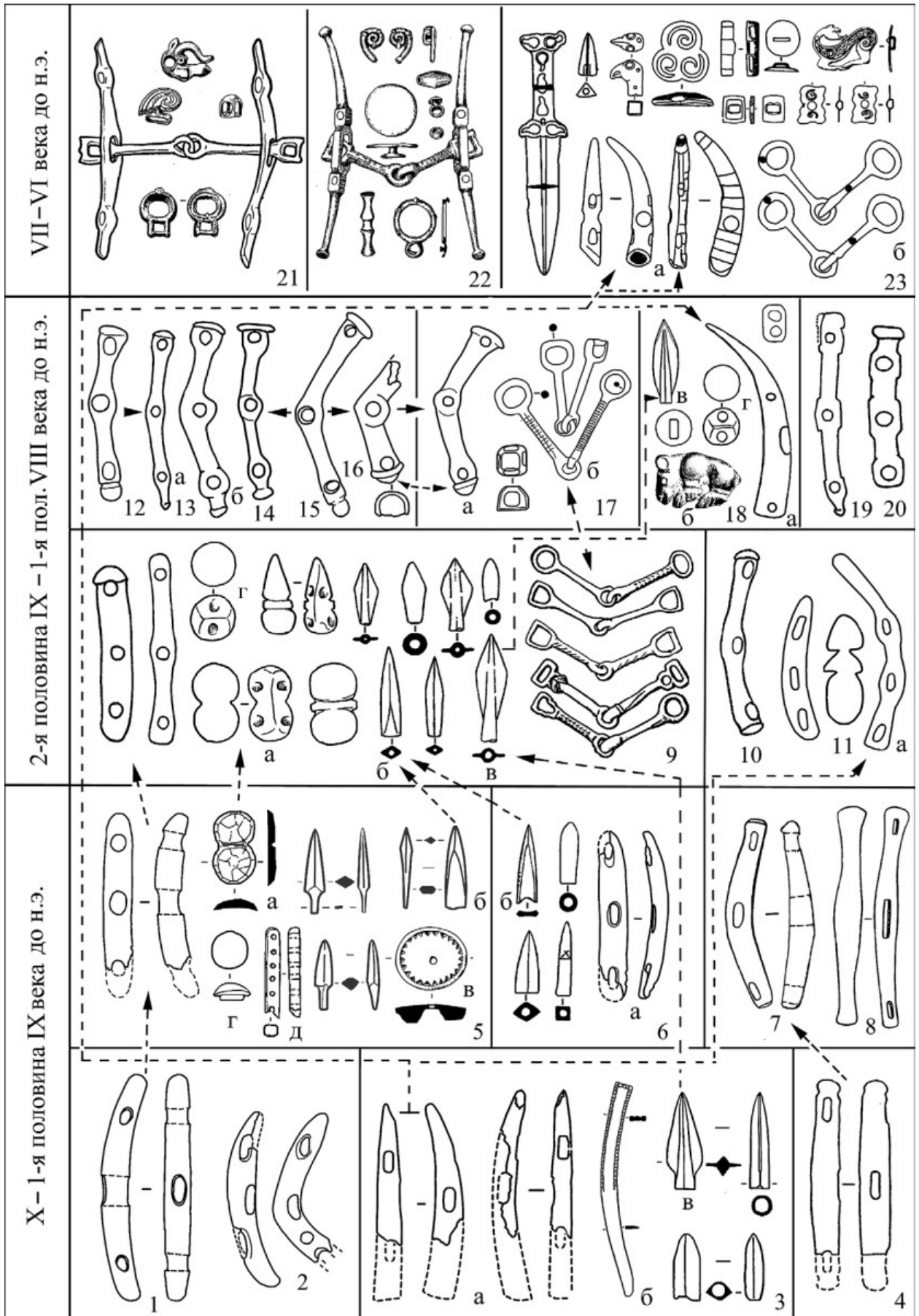

Рис. 2. Хронологическая схема изменения форм предметов в X–VI вв. до н.э.: 1, 5 – Каменный Лог I, поселение; 2, 6 – Торгажак, поселение; 3 – Саяны-Пограничное-4, курган 7; 4 – Каратал-1, Казахстан; 7 – Фирсово-XVIII, № 1; 8 – Суботов, землянка 6, Украина; 9, 13, 19 – курган Аржан-1, Тува; 10 – курган № 3 у хут. Черногоровка, Украина; 11 – хут. Жирноклеевский; 12, 15 – Курту-II, курган 3, Западный Алтай; 14, 17 – могильник Мохучахань, Китай, Синьцзян (14, 17а – могила 46, 17б – могила 54); 16 – Ак-Алаха-2, Горный Алтай; 18 – Елеке сазы, курган 4, Казахстан; 20 – Китай, Синьцзян; 21 – Тасмола I, курган 19; 22 – Уйгарак, курган 51, Приаралье; 23 – Вандаху, М1, Китай.

1, 5 – по: автор; 2, 6 – по: Савинов, 1996; 3 – по: Амзараков и др., 2015; 4 – по: Бейсенов, Ломан, 2009; 7 – по: Папин, Шамшин, 1999; 8, 10, 11 – по: Тереножкин, 1976; 9, 13, 19 – по: Грязнов, 1980; 12, 15 – по: Сорокин, 1966; 14, 17 – по: Шульга П., Шульга Д., 2020; 16 – по: Полосьмак, 1993; 18 – по: Ахметов, Самашев, 2019; прорисовки Л.С. Марсадолова; 20, 23 – по: Шульга П., Шульга Д., 2019; 21 – по: Кадырбаев, 1966; 22 – по: Вишневская, 1973.

Материал и масштаб различные. Составлено Л.С. Марсадоловым

Fig. 2. Chronological scheme of changes in the forms of objects in the 10th–6th centuries. BC: 1, 5 – Kamenny Log I, settlement; 2, 6 – Torgazhak, settlement; 3 – Sayany-Pogranichnoe-4, barrow 7; 4 – Karatal-1, Kazakhstan; 7 – Firsovo-XVIII, no. 1; 8 – Subotov, dugout no. 6, Ukraine; 9, 13, 19 – barrow Arzhan-1, Tuva; 10 – barrow no. 3 near Chernogorovka village, Ukraine; 11 – Zhirnokleevsky village; 12, 15 – Kurtu-II, barrow 3, Western Altai; 14, 17 – Mohuchakhan burial ground, China, Xinjiang (14, 17a – grave 46, 17b – grave 54); 16 – Ak-Alakha-2, Gorny Altai; 18 – Eleke Sazy, barrow 4, Kazakhstan; 20 – China, Xinjiang; 21 – Tasmola I, barrow 19; 22 – Uigarak, barrow 51, Aral Sea Region; 23 – Wandakhu, M1, China.

1, 5 – after author; 2, 6 – after Савинов, 1996; 3 – after Амзараков и др., 2015; 4 – after Бейсенов, Ломан, 2009; 7 – after Папин, Шамшин, 1999; 8, 10, 11 – after Тереножкин, 1976; 9, 13, 19 – after Грязнов, 1980; 12, 15 – after Сорокин, 1966; 14, 17 – after Шульга П., Шульга Д., 2020; 16 – after Полосьмак, 1993; 18 – after Ахметов, Самашев, 2019; drawings by L.S. Marsadolov; 20, 23 – after Шульга П., Шульга Д., 2019; 21 – after Кадырбаев, 1966; 22 – after Вишневская, 1973.

Material and scale are different. Composition by L.S. Marsadolov

внешнему краю, с двумя высокими выступами на оборотной стороне, вероятно предназначенными для подпрямоугольных отверстий (**рис. 2-5в**). Хотя эта бляшка по своему облику напоминает предшествующие округлые псалии срубной культуры, но значительно меньше их по размерам. Еще более эта бляшка-заготовка из Каменного Лога I по размерам и конструкции близка к бляхе из кург. № 3, погр. 2 у с. Иловатовка в Нижнем Поволжье, которую, вероятно, использовали для перекрестья ремней узды коня (Смирнов К., 1961, рис. 13-1).

Для трех землянок Каменного Лога I получены три радиоуглеродные даты, охватывающие большой временной период с XIV по X в. до н.э. (Поляков и др., 2020), хотя по псалиям землянка № 1 может быть датирована X–IX вв. до н.э.

Следует особо отметить, что на двух поселениях в Хакасии (Торгажак и Каменный Лог I) зафиксирован довольно быстрый переход от трехдырчатых псалиев типа «А» к псалиям типа «Б» с отверстиями в одной плоскости (**рис. 1-1–1-4, 1-19, 1-20, 1-22; 2-1–2-3, 2-5, 2-6**).

Использование для управления конем роговых трехдырчатых псалиев с прямым или слегка изогнутым стержнем часто приводило к обломам на уровне отверстий (**рис. 1-2, 1-4–1-6, 1-13, 1-14, 1-20, 1-22, 1-27, 1-31–1-33**). Поэтому, вероятно, в X или IX вв. до н.э. во многих регионах Евразии на уровне заготовок и изготовления псалиев перешли к новому конструктивному оформлению их стержней – для

прочности стали делать утолщения в средней, верхней и нижней части на уровне отверстий (**рис. 1-8–1-10, 1-28–1-37**). Этот традиционный прием был сохранен и позднее, а также был перенесен на другой материал – на бронзовые псалии (Аржан-1 и др.), хотя для металлических изделий в этом не было особой необходимости для укрепления их прочности и надежности, но такая форма способствовала меньшему расходу более дорогостоящего металла (**рис. 1-10, 1-34, 1-36, 1-37**).

Псалии «аржанского времени» – вторая половина IX – первая половина VIII в. до н.э. Большинство трехдырчатых псалиев этого времени имели круглые, а не овальные отверстия, хотя у одного рогового псалия из Курту-II крайние отверстия были подовальной формы. В кургане Аржан-1 в Туве преобладали псалии с круглыми отверстиями, но также был найден и бронзовый псалий с подовальными отверстиями (**рис. 1-36**; см. фотографию: Марсадолов, 1998, рис. 1-4). Вопрос о том, являются ли псалии с овальными отверстиями более ранними по отношению к псалиям с круглыми отверстиями, должен решаться конкретно для каждого объекта и региона.

Как отмечали исследователи, в группу объектов с псалиями типа Аржана-1 на востоке и типа Черногоровка на западе (Тереножкин, 1976; Грязнов, 1980) ныне входит большое число памятников во многих регионах Евразии (Марсадолов, 1998, 2013; Боковенко, 2018; Тишкин, Медникова, 1993; Смирнов Н., 2005; Вальчак, 2009; Хорват, 2019; и др.). Общее

между псалиями из восточных и западных регионов, как известно, проявляется в том, что они представляют собой более или менее изогнутый стержень с небольшой «грибовидной шляпкой» на конце и с тремя отверстиями с утолщениями, расположенными в одной плоскости (**рис. 1-10, 1-23, 1-34–1-37; 2-5, 2-9–2-17, 2-19, 2-20**). Основное отличие азиатских от восточноевропейских псалиев заключается в том, что первые имеют выделенное «шарообразное» утолщение на одном конце.

Два роговых псалия из кург. № 3 могильника Курту-II имеют разные изгиб стержней, длину и форму отверстий (**рис. 2-12, 2-15**). Более короткий, слабоизогнутый псалий сделан с двумя подовальными отверстиями на краях и с округлым отверстием в центре стержня (**рис. 2-12**). С.С. Сорокин (1966, с. 45) считал, что овальные отверстия были получены в результате неточности сверления, но, вероятно, это было сделано преднамеренно (Марсадолов, 2013). По своей конструкции этот псалий отражает традиции изготовления, уходящие в более раннее время, – овальные концевые отверстия и наличие более крупного по размерам овального или округлого центрального отверстия (**рис. 2-5–2-7**). У второго псалия из Курту-II, более длинного и сильнее изогнутого, все три отверстия правильной круглой формы. Оба псалия на одном крае имеют вырезанную небольшую «грибовидную шляпку», а на другом – округлое утолщение, отделенное желобком.

К псалям из Курту-II наиболее близки псалии из кургана Аржан-1. Куртуские псалии немного больше по размерам и массивнее аржанских. Известно, что «массивность» и «грацильность» изделий часто зависит от навыков и мастерства их сделавшего человека. Пока мы не можем точно установить – древнее или моложе псалии из Курту-II, чем псалии из Аржана-1; вероятно, их следует считать близкими по времени.

Форма псалиев из Курту-II и Аржана-1 также оказала влияние и на псалии из Ак-Алахи-2 на Алтае и из могильника Мохучахань в Синьцзяне (**рис. 2-12–2-17**; Полосьмак, 1993; Шульга П., Шульга Д., 2020), которые имеют сближающее их оформление одного из краев выделенным «ободком» (**рис. 2-16, 2-17а**).

В 2019 г. в горах Тарбагатай, в Казахстане, в кург. 4 памятника Елеке сазы обнаружены два псалия (**рис. 1-15**). Авторы раскопок отметили: «Этот тип псалиев характерен для конца эпохи бронзы, где они найдены в различных памятниках X–IX вв. до н.э. Центральной Азии (Каменный Лог I, Еловка, Устинкино, Торгажак и др.). <...> Конструктивные особен-

ности и сопроводительный инвентарь из каменного кургана второй группы памятников Елеке сазы позволяют уверенно датировать его не позднее середины IX в. до н.э., что раньше элитного кургана Аржан-1 в Туве, и отнести его к периоду самого раннего формирования сакской культуры Центральной Азии» (Ахметов и др., 2019, с. 11, 13).

Псалии из Елеке сазы изготовлены из отростков рога марала, с одним заостренным концом, с тремя отверстиями в двух плоскостях. К сожалению, авторы не указали форму отверстий этих псалиев, но на их фотографии видно, что один псалий имеет два небольших отверстия в одной плоскости, а также более крупное округлое или подовальное отверстие в центральной части – в другой плоскости. Они не являются близкими аналогами псалям с Каменного Лога I, Еловки, Устинкино, Торгажака (ср.: **рис. 1-15** и **рис. 1-1–1-4, 1-11, 1-12**), а ближе к псалям из кург. № 7 памятника Саяны-Пограничное-4 (**рис. 1-14**). В отличие от псалиев X–IX вв. до н.э. у псалиев Елеке сазы два крайних отверстия небольшие, округлой или слегка овальной формы, что больше характерно для псалиев VIII в. до н.э. Псалии из отростков рогов с отверстиями в двух плоскостях бытовали не только в X–VIII, но также в VII–VI вв. до н.э. и позднее (**рис. 2-21–2-23**).

Найденный в Елеке сазы бронзовый наконечник стрелы с более плавными очертаниями боковых лопастей по своей форме отличается от более раннего наконечника стрелы из Саяны-Пограничное-4 и занимает промежуточное положение между стрелами из более раннего кургана Аржан-1 и более поздних курганов Чиликта-5, Тагискен, кург. 55 и др. (см.: **рис. 2-18в** и **рис. 2-3в, 2-9в**). Не противоречат нашей дате Елеке сазы – VIII в. до н.э. – и другие предметы из этого комплекса: роговые округлые бляхи и бронзовая фигурка хищника с опущенной вниз головой (**рис. 2-18**).

Псалии «после аржанского времени» – вторая половина VIII – первая половина VII в. до н.э. Эта группа псалиев наиболее многочисленна и неоднократно рассматривалась в работах многих археологов (Грязнов, 1947; Марсадолов, 1985, 1998; Боковенко, 1986, 2018; Шульга, 2008; и др.). Более подробно эта группа будет рассмотрена в отдельной статье. Со второй половины VIII в. до н.э. в степях Евразии стали преобладать различные варианты псалиев с одним длинным отростком (Марсадолов, 1998, с. 7–8) типа более ранних жирноклеевских (**рис. 2-11а**), прототипы которых, вероятно, восходят к «природным» псалям с более узким концом-завершением (**рис. 2-3а**).

Стоит отметить, что псалии из отростков рогов животных или копирующих их форму с тремя отверстиями в двух разных плоскостях продолжали бытовать до VI в. до н.э. и позже, например, в Китае в могильнике Вандаху (см.: **рис. 1-16, 1-17** и **рис. 2-23**; Шульга П., Шульга Д., 2019). На территории Казахстана и Приаралья в VII в. до н.э. также известны псалии с тремя отверстиями в двух разных плоскостях, но сделанные не из рога, а из бронзы, – могильники Тасмола I, Уйгарак, Тагискен и др. (**рис. 2-21, 2-22**; Кадырбаев, 1966; Вишневецкая, 1973; и др.).

«Эволюция» узды в X–VIII вв. до н.э.

Археологические материалы из разных регионов Евразии позволили наметить предварительную схему изменения снаряжения коня в X–VII вв. до н.э. (Грязнов, 1947, 1980; Иессен, 1953; Смирнов К., 1961; Лесков, 1971; Тереножкин, 1976; Марсадолов, 1985, 1998, 2013; Боковенко, 1986, 2018; Кирюшин, Тишкин, 1997; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014, 2017; и др.). С дополнением новыми данными и небольшими уточнениями, схема развития конской узды в X–VII вв. до н.э. сейчас можно представить в следующем виде (см.: **рис. 1; 2**).

В связи с этими нововведениями в управлении конем, кочевники в X–VIII вв. до н.э. применяли не менее двух способов крепления трехдырчатых стержневидных псалиев: 1) узда с «мягкими» удилами; 2) узда с металлическими удилами. Как видно на рис. 1 и 2, различия между псалиями даже в одном саяно-алтайском регионе были весьма значительны. С одной стороны, это связано с тем, что в X–IX вв. до н.э. не было массового производства однотипных роговых или бронзовых изделий (даже

в одном комплекте встречаются разные по размерам и конструктивным деталям псалии), а с другой, исследовано небольшое число памятников этого времени. На примерах из кургана Аржан-1 или материалов из более поздних больших алтайских курганов ранее было отмечено одновременное бытование большого числа разнотипных псалиев (Грязнов, 1980; Руденко, 1953, 1960). Еще более значительны различия между разными регионами, поэтому можно выделять, скорее, тенденции евразийского развития элементов узды и седла.

На рубеже X/IX вв. до н.э. в Южной Сибири наблюдается довольно быстрый конструктивный переход от псалиев с тремя основными крепежными отверстиями, расположенными в двух разных плоскостях (тип «А»), к псалиям с тремя отверстиями в одной плоскости стержня (тип «Б»). Если в X–IX вв. до н.э. в основном использовались псалии с подовальной и подпрямоугольной формой отверстий, то к рубежу IX/VIII вв. до н.э. стали преобладать псалии с округлыми отверстиями (**рис. 1; 2**). У ранних псалиев отверстия преимущественно расположены на концах стержня, но к VII в. до н.э. отверстия стали сдвигать ближе к одному краю, а позднее – ближе к средней части (Марсадолов, 1998; и др.).

Как отмечают многие исследователи, X–VI вв. до н.э. были периодом поиска оптимальных форм конского снаряжения, что и вызвало такое разнообразие вариантов удили и особенно псалиев. Более детальная проработка разных категорий предметов узды и поиск предметов, сделанных в одной мастерской или одним мастером, – дело будущих исследователей.

Список литературы

Амзараков П.Б., Лазаретов И.П., Поляков А.В.

Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 14. – Вып. 7: Археология и этнография. – Новосибирск, 2015. – С. 72–83.

Ахметов Д., Самашев З., Кариев Е., Чотбаев А., Онгар А., Умиткалиев У., Жунисханов А., Нускабай А., Рахманкулов Е., Каирмагамбетов А., Кызырханов М., Киясбек Г., Ерболатов С., Толегенов Е., Оралбай Е., Самашев С., Ахмадиев Ж., Курмангалиев А., Мұсырманқұл П., Адельчанов К., Жармухаметов Д., Александров С., Боковенко Н., Большаков Д., Гасанов З., Ташагыл А., Кутлу М., Ергожа Л., Айткали А., Чобан Г., Флегонтов П., Подушкин А. Культурное наследие саков и великих тюрков в восточном Казахстане: Вопросы комплексного изучения, сохра-

нения и музеефикации // Алтай – золотая колыбель тюркского мира / АЛТАЙ – ТҮРКІ ӘЛЕМІНІҢ АЛТЫН БЕСІГІ. – Өскемен, 2019. – С. 8–33.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. – Алматы: Инжу-Маржан, 2009. – 264 с.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 24 с.

Боковенко Н.А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир большого Алтая. – Усть-Каменогорск, 2018. – № 4 (1). – С. 8–42.

Вальчак С.Б. Происхождение и развитие «камышевахских» псалиев предскифского периода // Эпоха раннего железа. Сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого / Отв. ред. С.С. Бессонова. – Киев; Полтава: ИА НАН Украины, 2009. – С. 56–73. (Археология и древняя история Украины).

- Вишневская О.А.** Культура сакских племен Низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. – М.: Наука, 1973. – 160 с.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. – 1947. – Вып. XVIII. – С. 9–17.
- Грязнов М.П.** Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – Вып. 12. – С. 3–18.
- Дударев С.Л.** Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. – Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1991. – 156 с.
- Иессен А.А.** К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. – 1953. – Вып. XVIII. – С. 49–110.
- Кадырбаев М.К.** Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана / Под ред. А.Х. Маргулана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 303–433.
- Казиков Е.П.** Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова, 1994. – С. 104–123. (Вопросы археологии Татарстана. – Вып. 1).
- Казиков Е.П.** О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Школа, 2002. – С. 83–87.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. – 232 с.
- Колотухин В.А.** Поздний бронзовый век Крыма. – Киев: Стилюс, 2003. – 138 с.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.** Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань: Отечество, 2014. – С. 116–131. (Археология евразийских степей. – Вып. 20).
- Лесков А.М.** Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. – М.: Наука, 1971. – С. 75–91. (МИА. – № 177).
- Марсадолов Л.С.** Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1985. – 16 с.
- Марсадолов Л.С.** Курган Аржан. Хронология, алтайские и европейские аналогии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. I: Тез. докл. област. конф. к 90-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. – Запорожье, 1989. – С. 81–82.
- Марсадолов Л.С.** Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – Вып. 2. – С. 45–51.
- Марсадолов Л.С.** Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред.: Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 5–24.
- Марсадолов Л.С.** Алтайские псалии из Курту и их восточноевропейские аналогии (к 100-летию С.С. Сорокина) // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Мат-лы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Е.А. Черленок. – СПб.: Скифия-принт, 2013. – С. 131–141.
- Марсадолов Л.С., Тишкин А.А.** Основная библиография печатных работ археологов за последние 50 лет (1947–1997 гг.) по конскому снаряжению I тыс. до н.э. в степной полосе Евразии // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред.: Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 91–92, 170–188.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Материалы переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в лесостепном Алтайском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – С. 141–144.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.** Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – № 7 (19). – С. 85–118.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.** Конская узда маклашеевской культуры: проблема происхождения // Археология евразийских степей. – Казань, 2017. – № 3. – С. 89–107.
- Полосьмак Н.В.** Исследования памятников скифского времени на Укоке // Altaica. – Новосибирск, 1993. – № 3. – С. 21–31.
- Поляков А.В.** Появление элементов кочевнических традиций в эпоху поздней бронзы (на примере материалов карасукской культуры Среднего Енисея) // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: тез. докл. – СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. – С. 341–342.
- Поляков А.В., Хоммель П., Марсадолов Л.С., Лурье В.М.** Первые данные по радиоуглеродной хронологии поселения Каменный Лог I (Республика Хакасия) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 80-летию Г.И. Зайцевой / Под ред. Н.Д. Буровой, А.А. Выборного, М.А. Кульковой. – СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ/ОО «Порто-принт», 2020. – С. 68–69.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с.

- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 112 с.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В.** Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983. – Вып. 12. – С. 34–71.
- Смирнов К.Ф.** Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. – 1961. – № 1. – С. 44–72.
- Смирнов Н. Ю.** Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) // Альманах молодых археологов. 2005: По мат-лам II Междунар. студенч. науч. конф. «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 67–85.
- Сорокин С.С.** Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сб. Гос. Эрмитажа. – 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.
- Сосновский Г.П.** Плиточные могилы Забайкалья // Труды Отдела истории первобытной культуры. – Л.: Изд-во ГЭ, 1941. – Т. 1. – С. 273–309.
- Тереножкин А.И.** Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 224 с.
- Тишкин А.А., Медникова Э.М.** Некоторые изделия с городища Елбаны // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез.: в 2 ч. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. – Ч. I. – С. 133–136.
- Хорват В.** Украшения из органических материалов в культурах Евразии в IX–VII вв. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2019. – Вып. XXV. – С. 323–338.
- Цибиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1998. – 288 с.
- Чижевский А.А.** Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). – Казань: Школа, 2008. – 172 с. (Археология евразийских степей. – Вып. 5).
- Членова Н.Л., Бобров В.В.** Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии / Отв. ред. В.А. Могильников. – М.: Наука, 1991. – С. 143–180.
- Шульга П.И.** Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. Ч. I. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.
- Шульга П.И., Шульга Д.П.** Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2019. – Т. XXV. – С. 649–656.
- Шульга П.И., Шульга Д.П.** Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 259 с.

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum (Russia)

TO THE CHRONOLOGY OF THE EURASIAN HORN PSALIES OF THE 10TH –7TH CENTURIES BC

Things of horse equipment are an important scientific source for the study and reconstruction of not only the economic, but also the ethno-political and social history of the Eurasian nomadic tribes of the 2nd–1st millennium BC. Problems of the “evolutionary” development of horse cheek-pieces (psaliums) in the 10th–7th centuries BC, on the one hand, one of the most developed in domestic archaeology and more than 100 years they have repeatedly attracted archaeologists’ attention, on the other hand, they have many chronological “gaps” due to the small number of studied complexes with reliable dates and a large number of single and accidental finds

of cheek-pieces in different regions of Eurasia. This article focuses on the analysis of constructive, typological and chronological changes in the main forms of horn/bone and partially bronze cheek-pieces from archaeological sites studied in different regions of Eurasia, mainly in South Siberia. Based on the absolute date of Arzhan-1 burial mound in Tuva, verified by various methods – approx 808 BC, as a “chronological milestone” for relative and absolute dating, cheek-pieces of Eurasia 10th–7th centuries BC are subdivided into 3 chronological groups: (1) “before”; (2) close in time and (3) “after” the construction of Arzhan-1 mound.

KEYWORDS: *Eurasia, archaeology, monuments, horse, cheek-pieces, classification, chronology, analogies.*

Ранний железный век

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет (Россия)

БОЕВЫЕ КИНЖАЛЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ И ЧИНЕТА-II)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края по проекту № 19-49-220002 «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона»

Предметы вооружения являются одной из важных категорий снаряжения кочевников Центральной Азии скифо-сакского периода. Изучение предметов ближнего и дальнего боя позволяет рассматривать вопросы военного дела кочевников, а также использовать указанные категории инвентаря для установления хронологии памятников, оценки развития металлургического производства и ремесленной деятельности, учитывать в социальных реконструкциях. Исследование комплекса предметов вооружения носителей пазырыкской культурной традиции показало, что кочевое общество было сильно милитаризованным (Кубарев, 1981; Кочеев, 1990, 1998, 1999; Дашковский, 2003, 2005). В то же время одной из особенностей погребального обряда пазырыкской культуры является факт, что в качестве сопроводительного инвентаря в могилы часто помещались модели, а не настоящие предметы (Кубарев, 1987, 1991, 1992; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.). В этой связи находки настоящих боевых предметов вооружения, в частности кинжалов, в погребениях пазырыкской культуры на могильниках Ханкаринский дол и Чинета-II, расположенных в Северо-Западном Алтае (Краснощековский р-н, Алтайский край), представляют особый интерес. Кратко остановимся на характеристике погребений и сопутствующего инвентаря, обнаруженного вместе с кинжалами.

Первый кинжал обнаружен в *кургане № 25 могильника Ханкаринский дол* (Дашковский, 2020). Насыпь кургана была сложена в три-четыре слоя из мелких и средних камней, ее диаметр составлял 9,75 (С-Ю) – 9,50 (З-В) м. Высота сооружения из камня достигала 0,6 м, а вместе со слоем грунта – 0,8 м.

По окружности основания кургана зафиксирована кольцевая выкладка-крепида из более крупных камней. Под насыпью выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ. По уровню древнего горизонта размеры могильной ямы составили 3,1×2,8×2,7 м. В отличие от других раскопанных курганов на могильнике Ханкаринский дол, могила была заполнена только грунтом без камней, при этом заполнение было сильно спрессовано и визуально походило на материковый слой. На дне могилы, на глубине 2,50–2,56 м вдоль южной стенки обнаружено парное погребение мужчины и женщины. Умершие были уложены в скорченном положении на правом боку и ориентированы головой на ЮВ.

Вдоль южной стенки находился мужской скелет. Рядом с левой берцовой костью обнаружен биметаллический боевой кинжал в деревянных ножнах (**рис. 1-1, 1-2**), а в районе пояса – бронзовые колчаный крюк (?), бронзовая пряжка-застежка и поясная обойма. У погребенного отсутствовал верхний позвонок, возможно, из-за того, что голова была отрублена. Второй скелет принадлежал женщине. Под черепом обнаружены две бронзовые заколки, в районе шеи – бронзовая гривна, украшенная золотой фольгой, у левой берцовой кости в районе таза – бронзовое зеркало. В 15 см к северу от костей левой кисти второго скелета на глубине 2,55 м найден развал керамического сосуда, а в 25 см к востоку от него – бронзовый нож и остатки ритуальной пищи (кости барана). Погребение, вероятно, было перекрыто деревянными плахами, которые укладывались на уступы вдоль западной и восточной стенок могилы.

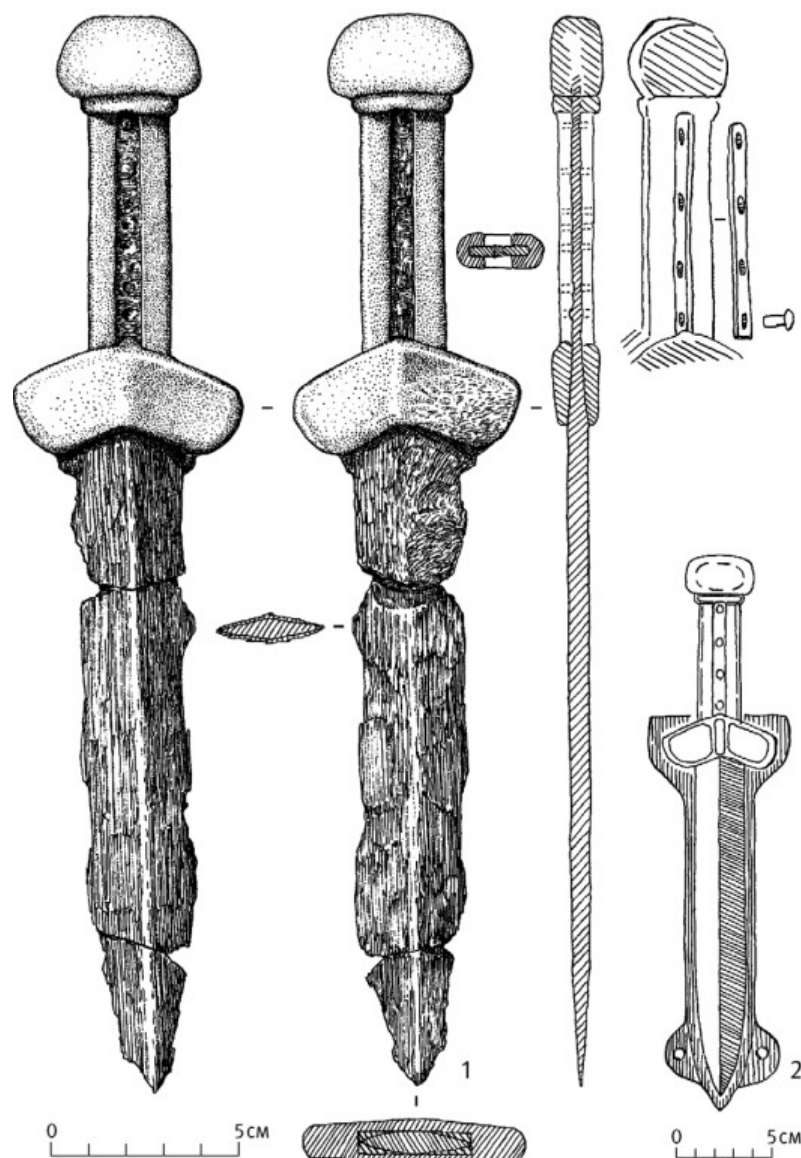

Рис. 1. 1 – биметаллический кинжал из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол; 2 – реконструкция биметаллического кинжала в деревянных ножнах

Fig. 1. 1 – the bimetallic dagger from mound No. 25 of Khankarinsky Dol burial ground; 2 –reconstruction of a bimetallic dagger in a wooden scabbard

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,35–1,68 м на глиняном уступе обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентирована головой на ЮВ. При его исследовании найден комплект снаряжения лошади, включающий две костяные налобные бляхи, бронзовые удила с костяными псалиями, украшенными зооморфными изображениями, три круглых костяных распределителя ремня и один – в виде клыка животного, костяной чумбурный блок и подпружную пряжку.

Особый интерес представляет биметаллический кинжал в деревянных ножнах плохой сохранности (**рис. 1-1, 1-2**). Железная часть кинжала включает

лезвие и черенок, который хорошо фиксируется в прорези бронзовой рукояти. Черенок длиной около 7 см от верхней части перекрестия был вставлен в его сквозное отверстие и задвинут в прорезь рукояти, ширина которой на 0,4–0,5 см меньше, чем черенок, поскольку его края входили в небольшие продольные пазы на внутренних сторонах прорези (ширина ее видимой части 0,7 см, а с учетом пазов – 1,65 см). Вставленный в прорезь черенок фиксировался четырьмя железными заклепками, установленными в заранее подготовленные отверстия. Навершие кинжала имело грибовидную форму, а перекрестие – сердцевидную. Размеры изделия: общая длина – 28,5 см, длина бронзовой рукояти – 11 см; длина

лезвия – 17,5 см; длина черенка – около 7 см; ширина ромбического лезвия в перекрестии – 3,5 см, толщина лезвия в самом широком месте – 0,55 см.

Второй кинжал обнаружен в кургане № 29 на соседнем могильнике Чинета-II, расположенном в той же долине, что и некрополь Ханкаринский дол (Дашковский, Мейкшан, 2014). Курган № 29 имел диаметр каменной насыпи 9,25 (С–Ю) – 9 (З–В) м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,5 м. Его насыпь сооружена из мелких и средних камней преимущественно в один слой, при этом камни были уложены неплотно друг к другу, не образуя единой конструкции. По периметру кургана выявлена каменная кладка из более крупных (чем в насыпи) камней. В центре насыпи зафиксирован участок без камней, образовавшийся в результате ограбления могилы в древности.

В центральной части насыпи зафиксирована могильная яма, ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ, размерами 3,4×2,5×1,85 м. На глубине 1,11–1,66 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение двух лошадей, уложенных на живот и ориентированных головой на восток. Под лошадьми и частично у западной стенки могилы находились камни. Под первой лошадью в районе ребер обнаружена костяная пронизка. В центральной части могилы на глубине 1,68–1,85 м зафиксировано сильно потревоженное грабителями парное захоронение двух людей мужского пола. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, умершие были уложены в вытянутом положении и ориентированы головой на восток. В центральной части погребения найдены два глиняных сосуда, фрагмент фольги, два набора ритуальной пищи (кости барана), два железных ножа и боевой кинжал в деревянных ножнах.

Боевой железный кинжал обнаружен в деревянных ножнах плохой сохранности (рис. 2-1, 2-2). Навершие кинжала имело валикообразную форму длиной 5 см и шириной 2,3 см. Перекрестие кинжала представлено в виде дугообразного бруска шириной 1,5 см, с максимальной длиной в сечении 7,6 см. Размеры изделия: общая длина – 30 см; длина лезвия – 17,5 см; длина рукоятки – 8,5 см; ширина ромбического лезвия в перекрестии – 4,3 см.

Выше было отмечено, что в погребениях пазырыкской культуры среди погребального инвентаря чаще всего представлены уменьшенные бронзовые копии боевых кинжалов (Кубарев, 1987, 1991, 1992; и др.). Исходя из размеров кинжалов, их разделяют на миниатюрные – длиной 10–14 см, уменьшенные – длиной 16–21 см и настоящие боевые изделия длиной 30–40 см (Кубарев, 1992, с. 57) или 27–40 см

(Суразаков, 1988, с. 40). Учитывая параметры и морфологические признаки рассматриваемых кинжалов из Ханкаринского дола и Чинеты-II, их можно отнести к настоящим боевым предметам вооружения ближнего боя.

Важно, что в памятниках пазырыкской культуры железные боевые кинжалы встречаются относительно редко, они имеют длину 30–40 см (Кубарев, 1987, с. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007, с. 74–78). Первоначально было выдвинуто даже предположение о том, что все железные кинжалы из погребений данной культуры были боевыми (Кубарев, 1987, с. 56). Однако последующие исследования показали, что на позднем этапе пазырыкской культуры встречаются модели оружия ближнего боя – кинжалов и чеканов, изготовленные из железа (Кубарев, 1992, с. 57; Суразаков, 1988, с. 49). В большей степени железные боевые кинжалы известны на памятниках каменной и быстрианской культур Алтая (Могильников, 1997; Шульга и др., 2009, с. 148, рис. 108; Шульга, 2003, с. 54; Лихачева, 2020; и др.). В данном случае обратим внимание на то, что экземпляр железного кинжала из кург. № 29 могильника Чинета-II имеет типологическое сходство по отдельным признакам (дугообразное перекрестие) с экземплярами из кург. № 26, мог. 3 могильника каменной культуры Новотроицкий-2 (Лихачева, 2020, с. 236, рис. 3-3). При этом навершие у экземпляра из могильника Новотроицкий-2 имело дисковидную форму. Данный тип кинжалов в каменной культуре датируется IV–III вв. до н.э. (Там же, с. 86). Другой сравнительной аналогией рассматриваемому кинжалу из могильника Чинета-II может быть кинжал с дуговидным перекрестием и брусковидным навершием, найденный при исследовании мог. № 4 могильника Каменка, относящейся к быстрианской культуре (Казаков и др., 2016). Период существования данного типа кинжала определяется в пределах конца VI – IV в. до н.э. (Лихачева, 2020, с. 85, 242, рис. 40-1). Кинжалы с дуговидным перекрестием известны и в памятниках пазырыкской культуры, но здесь такой типологический признак зафиксирован преимущественно на бронзовых экземплярах, поскольку железные предметы имеют плохую сохранность (Суразаков, 1988, с. 40, рис. 16-2; 44-6). В частности, бронзовые кинжалы с дуговидным перекрестием и прямым навершием обнаружены в кург. № 16 могильника Юстыд XII (Кубарев, 1991) и кург. № 17 некрополя Кок-Су-I (Сорокин, 1974), но это уменьшенные копии – модели реальных предметов вооружения. Датировка бронзовых кинжалов с дугообразным перекрестием по аналогии с материалами из Южного Приуралья определена в пределах IV в. до н.э.

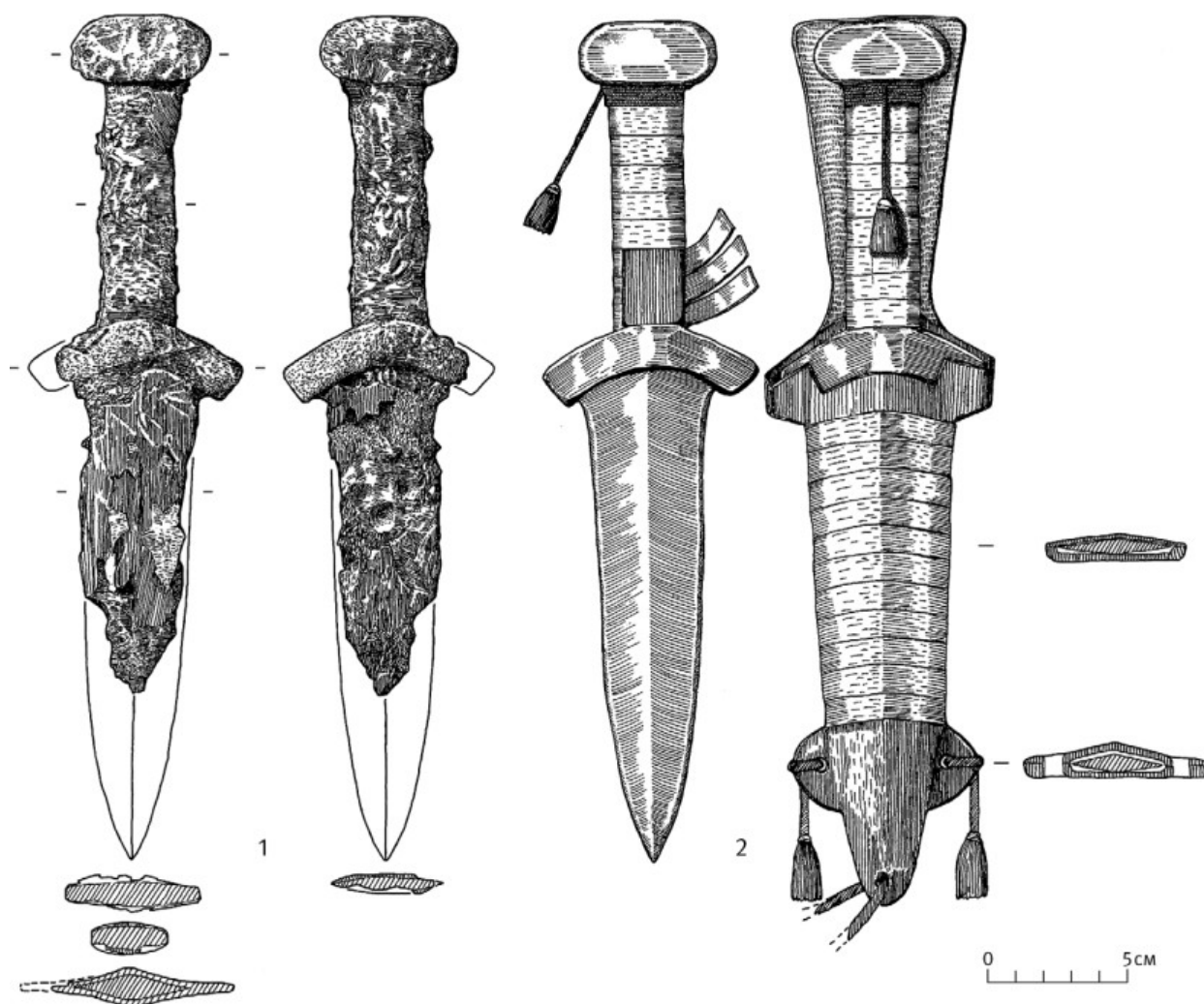

Рис. 2. 1 – железный кинжал из кургана № 29 могильника Чинета-II; 2 – реконструкция железного кинжала в деревянных ножнах

Fig. 2. 1 – the iron dagger from mound No. 29 of Chineta-II burial ground; 2 – reconstruction of an iron dagger in a wooden scabbard

(Мошкова, 1963, с. 33; 1974, рис. 2 и др.; Суразаков, 1988, с. 47). Железные кинжалы со сломанным под углом перекрестием или дугообразным перекрестием с разными типами наверший из курганов каменной культуры рассматриваются как переходные типы от кинжалов с бабочковидным перекрестием. В этой связи железные кинжалы с дугообразным перекрестием датируются IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 43–44).

Биметаллические кинжалы встречаются достаточно редко не только на памятниках пазырыкской культуры Алтая, но и в целом в курганах скифо-сакского периода в Центральной Азии. Так, по отдельным морфологическим особенностям (бронзовая рукоять с сердцевидным перекрестием, железный клинок с черенком и др.) оружие из кург. № 5 могильника Ала-Гаил-3 (Кубарев, Шульга, 2007, с. 5, рис. 27-3) обнаруживает близость кинжалу из кург.

№ 25 могильника Ханкаринский дол. Еще один полноценный биметаллический кинжал с бронзовой рукояткой, украшенной изображением грифона и бабочковидным перекрестием, найден в кург. № 2 могильника Тавдушка (Кубарев, Шульга, 2007, с. 75). Кроме того, на Алтае в курганах пазырыкского периода известны кинжалы, у которых либо перекрестие, либо рукоять изготовлено из бронзы. К их числу можно отнести находки из могильников Кош-Тал (кург. № 9 – Суразаков, 1993, с. 32, рис. 29-1), Кызыл-Джар I (кург. № 8 – Могильников, 1983) и Бураты IV (кург. № 11 – Кубарев, Кочеев, 1983). По мнению некоторых исследователей, кинжалы, у которых только один элемент (перекрестие или навершие) изготовлен из бронзы, не стоит рассматривать как полноценные биметаллические (Кубарев, Шульга, 2007, с. 75). Упомянем, что биметаллические кинжалы известны и в курганах синхронной саглынской

культуры в Туве. В частности, в кург. № 13 могильника Саглы-Бажи II обнаружен экземпляр с железным клинком и прорезной бронзовой рукояткой (Грач, 1980, с. 33, рис. 30-1). Правда, исследователи справедливо обратили внимание на то, что в монографии А.Д. Грача помещено фото кинжала, который не совсем идентифицируется с биметаллическим изделием (Кубарев, Шульга, 2007, с. 76), хотя это не исключает его наличие в принципе.

Важным является вопрос о датировке таких изделий. Наиболее аргументированной представляется позиция В.Д. Кубарева и П.И. Шульги, которые рассматривали их в совокупности со всеми предметами вещевого комплекса. Они отметили, что полноценный биметаллический кинжал из кург. № 5 могильника Ала-Гаил-3 с учетом особенностей элементов снаряжения коня и других артефактов может быть датирован серединой – второй половиной VI в. до н.э. Экземпляр из кург. № 13 могильника Саглы-Бажи II авторы отнесли к несколько более позднему времени, но без уточнений (Там же). Биметаллический кинжал из кург. № 2 могильника Тавдушка датирован ими концом VI – первой половиной V в. до н.э. (Там же, с. 77). Примечательно, что подобные находки из памятников саков в Средней Азии также относятся к достаточно раннему периоду – VII–VI или, скорее, к VI в. до н.э. (Литвинский, 1972, с. 113–114).

Таким образом, биметаллический кинжал из кург. № 25 могильника Ханкаринский дол с учетом других предметов вещевого комплекса, в т.ч. элементов снаряжения коня, следует датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э. Железный кинжал из кург. № 29 могильника Чинета-II с учетом особенностей погребального обряда и инвентаря, вероятно, можно отнести ко второй половине IV – III в. до н.э. Здесь можно обратить внимание, что биметаллический кинжал обнаружен в т.н. классическом погребении пазырыкской культуры, которое совершено по всем основным канонам погребального обряда кочевников. Сам могильник Ханкаринский дол представляется достаточно монолитным погребальным комплексом преимущественно носителей именно пазырыкской культурной традиции. Во всяком случае, подавляющая часть раскопанных на нем курганов относится к разным этапам пазырыкской культуры (Дашковский, 2016, 2020; и др.). При исследовании кург. № 29 могильника Чинета-II зафиксированы некоторые особенности в погребальной обрядности; в частности, умершие были ориентированы головой на восток, но уложены в вытянутом положении на спине, а не на правом боку, как это характерно для классического пазы-

рыкского погребального обряда. В то же время ранее такая особенность в положении умершего в погребении фиксировалась на некоторых других объектах скифо-сакского периода в горных районах Алтая. В частности, серия таких погребений выявлена в Северо-Западном Алтае, в т.ч. на некоторых курганах Чинетинского археологического микрорайона, а также в районе среднего течения Катунь (Дашковский, 2017; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 16–17; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–165). Вероятно, это является следствием межкультурного взаимодействия различных племен в контактной зоне гор и предгорий в скифо-сакский период.

Обращает внимание, что боевые кинжалы обнаружены в парных погребениях: двух мужчин (кург. № 29 могильника Чинета-II), мужчины и женщины (кург. № 25 могильника Ханкаринский дол), – с которыми были погребены сопроводительные захоронения лошадей, при этом в кург. № 29 могильника Чинета-II выявлено парное сопроводительное захоронение лошадей. Наличие такой особенности погребального обряда свидетельствует о достаточно высоком статусе погребенных в рассматриваемых курганах, т.к. в курганах пазырыкской культуры в Горном Алтае сопроводительные захоронения лошадей встречены только в 37% погребений (Тишкин, Дашковский, 2003). Кроме того, бронзовая гривна, покрытая золотой фольгой, на шее мужчины в кург. № 25 могильника Ханкаринский дол также подчеркивает его социальный статус (Дашковский, 2020). Примечательно, что в курганах могильника Ханкаринский дол обнаружено восемь гривен, а всего в настоящее время в курганах скифского времени известно около 60 экземпляров, в т.ч. 20 металлических (Степанова, 2001, с. 90; Кубарев, 2005). Если учесть, что в Горном Алтае раскопано более 600 погребений пазырыкского периода, то в количественном отношении погребения с находками гривен составляют меньше 10%. Металлические гривны встречаются всего примерно в 3% погребений кочевников. В то же время в погребениях могильника Ханкаринский дол доля захоронений гривен составляет около 28%, при этом гривны обнаружены в мужских и женских могилах. Не исключено, что в кургане №29 могильника Чинета-II также мог находиться такой статусный предмет, как гривна, поскольку найдены фрагменты фольги, однако из-за ограбления достоверно установить это невозможно.

В целом, можно сделать вывод, что боевые кинжалы, а не уменьшенные копии предметов помещались с умершими, которые занимали определенный социальный статус в кочевом обществе и являлись, вероятно, профессиональными воинами. Примеча-

тельно, что у кочевников была традиция снабжать боевым оружием особо отличившихся воинов (Кубарев, 1981, с. 32–33). Отметим, что наличие железного кинжала, имеющего определенные аналогии в каменной и быстрианской культурах, наряду с особенностями погребального обряда (вытянутое положение умершего и др.), может отражать процесс межкультурного взаимодействия кочевников горных, предгорных и лесостепных районов Алтая. Примечательно также, что в отличие от некрополя Ханкаринский дол на могильнике Чинета-II выяв-

лено сравнительно мало погребений, полностью совершенных по канонам пазырыкского погребального обряда (Дашковский, 2017, 2018; Дашковский, Мейкшан, 2015; Дашковский, Ожиганов, 2019; Дашковский, Шершнева, 2020; и др.). Материалы этого памятника демонстрируют синкретичные элементы погребальной обрядности разных культур скифского времени, а также проникновение инокультурных компонентов из сопредельных районов степного и лесостепного Алтая и, вероятно, Казахстана.

Список литературы

- Грач А.Д.** Древние кочевники в Центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Дашковский П.К.** О военной структуре «пазырыкского общества» // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – Кн. I. – С. 56–60.
- Дашковский П.К.** Оружие в погребальном обряде пазырыкской культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 36–41.
- Дашковский П.К.** Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул, 2016. – Вып. IX. – С. 42–66.
- Дашковский П.К.** Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – Т. II. – С. 112–116.
- Дашковский П.К.** Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. – 2018. – № 2 (15). – С. 9–23.
- Дашковский П.К.** Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибуция артефактов // АЭАЕ. – 2020. – № 1. – С. 91–100.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А.** Исследование курганов скифского времени на могильниках Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. – Вып. XX. – С. 94–100.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А.** Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних народов Евразии: коллективная монография под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 99–107.
- Дашковский П.К., Ожиганов А.Н.** Предварительные результаты исследования курганов №28 и №33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2019. – Вып. XXV. – С. 57–63.
- Дашковский П.К., Шершнева Е.А.** Результаты изучения кургана №30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. – 2020. – № 1. – С. 42–55.
- Казаков А.А., Семибратов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В.** Исследование погребального комплекса быстрианской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2016. – Вып. XXI. – С. 103–109.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунки. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – 234 с.
- Кочеев В.А.** Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 105–118.
- Кочеев В.А.** Некоторые вопросы военного дела и военного искусства древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАИЭ СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 271–276.
- Кочеев В.А.** Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 4–82.
- Кубарев В.Д.** Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29–54.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д.** Диадемы и гривны из курганов Алтая // АЭАЕ. – 2005. – № 1. – С. 55–69.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.** Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 90–109.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.** Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – 282 с.
- Литвинский Б.А.** Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
- Лихачева О.С.** Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2020. – 304 с.
- Могильников В.А.** Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / Гл. ред. Н.С. Модоров. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 3–39.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1997. – 195 с.
- Мошкова М.Г.** Памятники прохоровской культуры. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с. (САИ. – Вып. Д1-10).
- Мошкова М.Г.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 51 с.
- Сорокин С.С.** Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С. 62–91.
- Суразаков А.С.** Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. – 165 с. 49 ил.
- Суразаков А.С.** Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / Отв. ред. Ф.А. Сатлаев. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1993. – С. 25–45.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К.** Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – 430 с.
- Шульга П.И.** Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – 204 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.** Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. – 329 с.

P.K. Dashkovskiy

Altai State University (Russia)

BATTLE DAGGERS OF THE SCYTHIAN PERIOD FROM THE NORTH-WESTERN ALTAI (BASED ON THE MATERIALS OF KHANKARINSKY DOL AND CHINETA-II BURIAL GROUNDS)

The article presents the analysis of two battle daggers discovered during the excavation of the mounds of the Scythian period at the burial grounds of Khankarinsky Dol and Chineta-II in the North-Western Altai. Comparative analogies to the studied products from synchronous cultures of other regions are given. The first product from burial mound No. 25 of Khankarinsky Dol burial ground is a bimetallic dagger in a wooden scabbard of poor preservation. Its total length is 28.5 cm; the bronze handle is 11 cm. The iron part of the dagger includes a 17.5 cm long blade and a handle that is well fixed in the slot of the bronze handle. The dagger from burial mound No. 25 of

Khankarinsky Dol burial ground, including other items of the clothing complex, including elements of horse equipment, is dated to the second half of the 6th – beginning of the 5th century BC and is attributed to the early stage of the Pazyryk culture of Altai. The second copy of the iron combat dagger with a length of 30 cm was also found in a wooden scabbard of poor preservation in mound No. 29 of Chineta-II burial ground. The iron dagger from mound No. 29 of Chineta-II burial ground, taking into account the peculiarities of the funeral rite and inventory, can probably be dated no earlier than to the second half of the 4th–3rd centuries BC.

KEYWORDS: *North-Western Altai, Scythian period, Pazyryk culture, burial grounds, Chineta-II, Khankarinsky Dol, battle daggers.*

Ю.М. Свойский¹, Е.В. Романенко², А.А. Зиганшина³, А.А. Тишкин⁴

¹ Высшая школа экономики (Россия)

² Лаборатория RSSDA (Россия)

³ Государственный академический университет гуманитарных наук (Россия)

⁴ Алтайский государственный университет (Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ И ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ, ХРАНЯЩИХСЯ В МУЗЕЯХ РОССИИ

Современные цифровые технологии успешно используются в ходе археологических обследований и раскопок. Важно, чтобы они системно применялись в отечественных музеях. Особенно это касается каменных изваяний, являющихся ценными источниками для историко-археологических реконструкций. Среди них своей спецификой выделяются древние «скульптуры», получившие ассоциативное обозначение «оленные камни». Основной массив таких статуй зафиксирован на территории Монголии. Обнаружены они и в других сопредельных регионах, в т.ч. на Алтае, в Туве, Хакасии, Забайкалье, Синьцзяне, Казахстане. Часть таких изваяний оказалась в музеях России. У входа в Иркутский областной краеведческий музей стоит знаменитый Иволгинский «оленный» камень, опубликованный А.П. Окладниковым (Окладников, 1954). Представительное собрание сформировалось в г. Кызыле – для этого в Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыра определено отдельное помещение, где также установлены средневековые скульптуры и располагаются другие каменные объекты. Небольшая коллекция «оленных» камней находится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск). Отдельные экземпляры можно увидеть в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Барнаула и других городов России.

Разбросанность в расположении «оленных» камней (и других каменных изваяний) в природном ландшафте и затем в музеях создает существенную проблему для их всестороннего изучения, а опубликованная информация лишь частично отражает комплекс сведений, необходимых для современного комплексного анализа и объективных реконструкций. В целом, систему документирования таких археологических объектов необходимо совершенствовать. Выходом может стать трехмерное моделирование, результаты которого будут доступны исследователям и музейным работникам. Оно обеспечивает не только адекватное представление всего объекта вместе с изображениями, но и позволяет проводить

детальное изучение любого участка. В этом плане авторским коллективом предприняты пути создания наиболее оптимального контента, основанного на использовании археологических методов, ГИС-технологий и фотограмметрии.

Модели «оленных» камней в настоящее время формируются, как правило, двумя способами: сканирование (лазер или структурированный свет) и фотограмметрическая обработка цифровых фотоснимков высокого разрешения. По нашему опыту, лазерное сканирование и сканирование структурированным светом пока малоприспособны для выполнения задач точного документирования «оленных» камней, т.к. эти методы не позволяют ни создавать модели высокой детальности, точно воспроизводящие выбивки и гравировки, ни корректно передавать цвет документируемой поверхности. Применение их требует высоких затрат на приобретение и эксплуатацию оборудования, которое достаточно хрупкое и неудобное для использования в полевых условиях. Кроме того, сканирование структурированным светом практически невозможно при обычном для Центральной Азии ярком дневном свете. Поэтому для моделирования «оленных» камней был избран фотограмметрический способ. Работа по документированию «оленных» камней, расположенных *in situ*, была начата нами в 2016 г., а с осени 2017 г. предпринята первая работа в музеях.

В данной статье отражен опыт документирования «оленного» камня,¹ оцифрованного в галерее «Древние каменные изваяния» Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова.² Параметры стелы следующие: длина – 230 см

¹ Материалы документирования доступны на веб-странице: <http://rssda.su/projects/s-p46-001-02/> (дата обращения 26.02.2011).

² Документирование выполнили Ю.М. Свойский и А.А. Зиганшина, моделирование осуществлено Е.В. Романенко, иллюстрации подготовлены А.А. Зиганшиной. Авторы выражают благодарность директору Минусинского регионального краеведческого музея

(видимая высота), ширина (примерно посредине) – 55 см, толщина – 33 см. Поперечное сечение камня в верхней части составляет около 700–800 кв.см, а в нижней несколько превышает 1000 кв.см. Предположительно при монтаже экспозиции изваяние было заглублено в пол зала на 20% высоты. Соответственно, его вероятная полная длина может быть около 280–300 см, а вес – не менее 640 кг.³ На лицевой стороне в верхней части выбивкой изображены три косые полосы, ниже – ряд из семи фигур (олень и шесть кабанов), ограниченный рамкой и полосой пояса, за которой отражен кинжал и еще одна фигура кабана (рис. 1-1, 1-8). На левой стороне в специально ограниченной зоне демонстрируются сверху вниз: кольцевая серьга, часть ожерелья, животные, полоса пояса, лук в горите, чекан и фигура сайгака (?) (рис. 1-2, 1-3). На задней стороне хорошо виден пояс и менее отчетливо другие изображения (животные?) (рис. 1-4, 1-5). На правой стороне доминирует цепочка из семи фигур оленей, одна из которых перекрывает полосу пояса (рис. 1-6). В верхней части находится изображение кольцевой серьги, а ниже ее – наклонный ряд части ожерелья (рис. 1-7). Вся эта композиция с некоторыми дополнительными деталями заключена в оформленную рамку, очертания которой внизу не просматриваются (рис. 1-6, 1-7).

Моделирование камня (рис. 1; 2) выполнено фотограмметрическим способом на основе 1178 фотоснимков высокого разрешения.⁴ Фотосъемка выполнялась по цилиндрической схеме расположения камер параллельными вертикальными сериями с расстояния 0,7–0,9 м, верхняя часть сфотографировалась по купольной схеме расположения камер

с несколько меньшего расстояния. Участок с рунической надписью (рис. 3) был дополнительно отснят семью горизонтальными сериями фотоснимков с офсетной схемой расположения камер.⁵ Фотограмметрическая обработка данных фотосъемки выполнялась по достаточно стандартному циклу, не имевшему принципиальных отличий от методов, применявшихся нами на объектах сходного размера и сложности – надписях, петроглифах, каменных изваяниях. Этот цикл состоял из нескольких этапов, основной целью каждого из которых было достижение максимально возможной детальности моделирования с одновременным обеспечением пригодности полученной модели для выполнения практических задач.⁶ На первом этапе была сформирована исходная трехмерная полигональная модель, состоящая из 395,6 млн полигонов (детальность 14 400 полигонов на кв.см). Эта модель послужила основой для формирования рабочей модели всего камня, состоящей из 55 млн полигонов (детальность 2000 полигонов на кв.см, размер полигона 0,15 мм). Такая детальность в большинстве случаев достаточна для передачи общей формы «оленного» камня в целом и изучения хорошо сохранившихся изображений, выполненных выбивкой или глубокой резьбой. Для исследования неглубокой прорисовки, особенно поврежденной, она недостаточна. Поэтому для лицевой, задней и двух боковых поверхностей камня из исходной модели были дополнительно экспортированы частные рабочие модели, состоящие из 22–69 млн полигонов (детальность от 6800–7100 полигонов на кв.см, размер полигона 0,12 мм). Аналогичным способом была экспортирована частная рабочая модель фрагмента поверхности с рунической надписью (рис. 3), состоящая из 39,6 млн полигонов (детальность 17 200 полигонов на кв.см, размер полигона 0,06 мм).

Сформированный таким образом массив пространственных данных представляет собой достаточно точный и полный цифровой образ объекта, обеспечивающий возможность извлечения из геометрии поверхности камня информации об изображениях и надписях, недоступной при использовании традиционных методов документирования «оленных»

С.А. Борисовой и сотруднику музея В.А. Конохову, оказавшим помощь в оцифровке «оленного» камня с рунической надписью.

³ Объем доступной для документирования части камня 0,183 куб.м, при заглублении на 20% расчетный полный объем 0,229 куб.м. Плотность горной породы гранитоидного состава принята за 2800 кг/куб.м.

⁴ Фотосъемка выполнялась системной камерой Sony A7RII (ILCE-7RM2) с полнокадровой матрицей 7952×5304 (42 мегапикселя), оснащенной объективом Zeiss Sonnar T* FE 35 мм F2.8 ZA (SEL35F28Z) и кольцевым осветителем Grifon AR-400. Фотосъемка выполнялась в сыром формате камеры, с коррекцией баланса белого по калибровочной мишени. Масштабирование осуществлялось по калиброванным базисам собственной разработки, автоматически распознаваемым фотограмметрическим программным обеспечением. Точность масштабирования 0,035%, что практически соответствует погрешности до 0,8 мм для максимального размерения камня (230 см).

⁵ Подробнее о схемах расположения камер см.: Свойский и др., 2019.

⁶ Современное фотограмметрическое программное обеспечение позволяет создавать модели, состоящие из миллиардов полигонов. Однако компьютеры, имеющиеся в распоряжении абсолютного большинства исследователей, не позволяют работать с полигональными моделями, в которых число полигонов приближается к 70 млн.

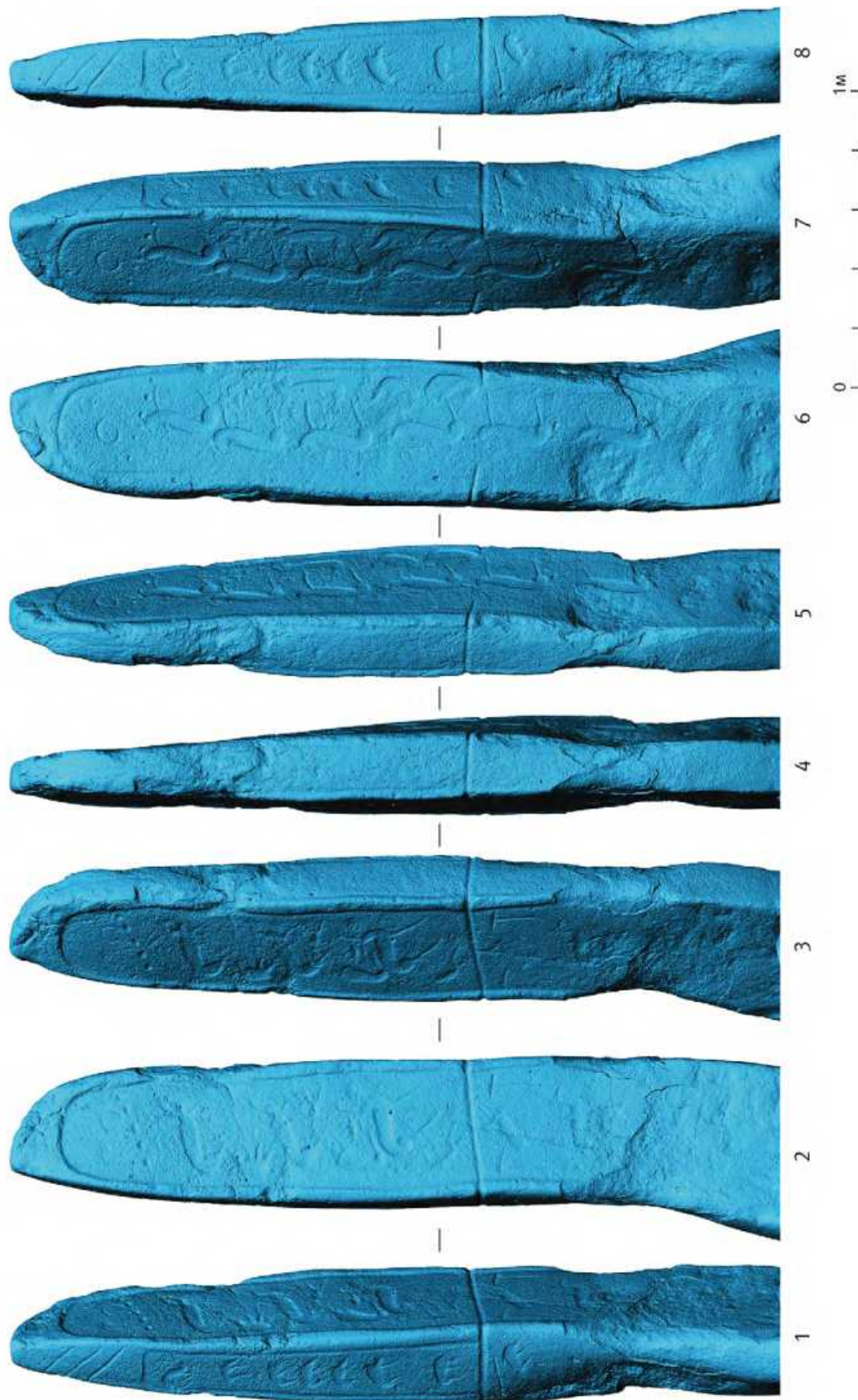

Рис. 1. «Олений» камень с рунической надписью из коллекции Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Трехмерная полигональная модель

Fig. 1. "Deer" stone with a runic inscription from the collection of N.M. Martyanov Minusinsk Museum of Local Lore. Three-dimensional polygon model

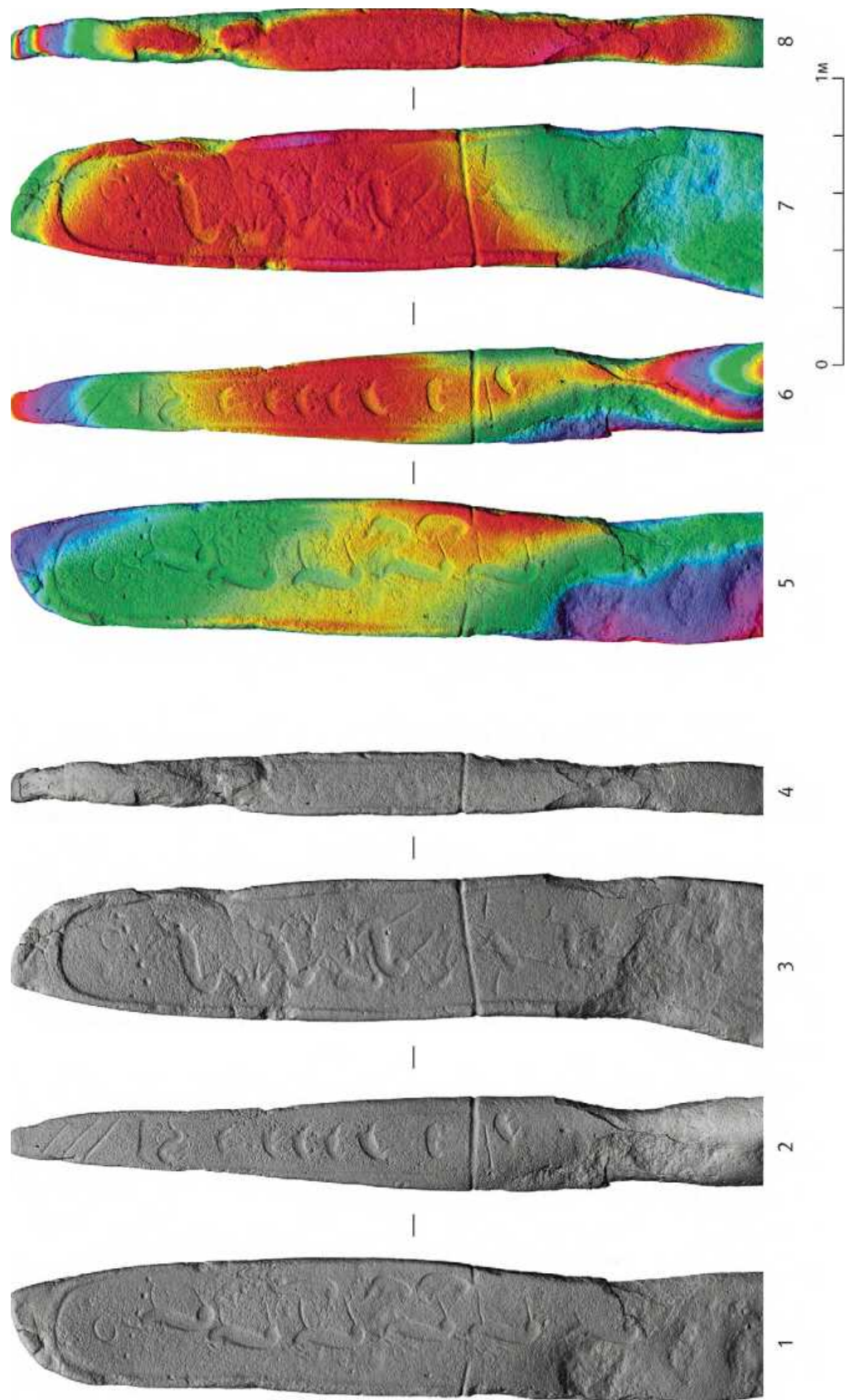

Рис. 2. Применение алгоритмов математической визуализации на примере моделей четырех сторон «олениного» камня
Fig. 2. Application of mathematical visualization algorithms based on models of the four sides of the "deer" stone

Рис. 3. Участок детализации с тюркской рунической надписью

Fig. 3. Detailed section with the Turkic runic inscription

камней. Выявление деталей формы выбивок и гравировок выполняется с широким использованием математических алгоритмов визуализации. Они применяются как непосредственно к полигональным моделям, так и построенным на их основе матричным картам высот по методике, ранее отработанной для плохо сохранившихся надписей и разрушающихся петроглифов (**рис. 2**) (Свойский и др., 2018; Авдеев, Свойский, 2019) и успешно апробированной нами на «оленных» камнях (Тишкин и др., 2020).

Моделирование крупных каменных объектов, в том числе «оленных» камней, представляется перспективным не только для решения исследовательских задач, но и для использования музеями. Создание цифровых образов способствует решению основных задач музеев – сохранение объектов культурного наследия, улучшение возможностей их исследования и просвещения посетителей. При этом цифровые образы дополняют и расширяют поле деятель-

ности реального музея. Они постепенно становятся такими же компонентами музея, как экспозиция и фонды, продолжаясь в «киберпространстве».

Трехмерная полигональная модель, в силу достаточно высокой точности, по своей сути представляет собой «страховую копию», которая может быть использована при повреждении оригинала (под воздействием обстоятельств непреодолимой силы) для его последующего восстановления. Модель позволяет снизить нагрузку на оригинальный предмет материальной культуры за счет предоставления исследователям возможности работы с цифровым образом. Особенно это важно для постепенно разрушающихся предметов, сделанных из нестойких материалов. Трехмерные полигональные модели фрагментированных экспонатов могут быть виртуально собраны в единое целое. Так, например, сборкой из 2–4 фрагментов был воссоздан облик половецких изваяний, хранящихся в коллекции

Ставропольского краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе.⁷ Аналогичным образом (по одному или нескольким фрагментам с привлечением аналогий) может быть восстановлен облик сильно поврежденных экспонатов.

Цифровой образ предмета может быть непосредственно интегрирован в музейную экспозицию – это открывает перед музеями огромные возможности. Сформированные таким образом модели, снабженные дополнительной информацией о предметах культурного наследия, становятся частью виртуальной экспозиции, что расширяет аудиторию музея. Выставка становится доступной для страны и мира,

Список литературы

- Авдеев А.Г., Свойский Ю.М.** Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках свода русских надписей (CIR) // Вопросы эпиграфики. – М.: Русский фонд содействия образованию и науки (Ун-т Дмитрия Пожарского), 2019. – Вып. 10. – С. 229–260.
- Окладников А.П.** Олений камень с реки Иволги // СА. – 1954. – Вып. XIX. – С. 207–220.
- Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Миклашевич Е.А.** Опыт создания цифровых образов эстампажей енисейских петроглифов методом трехмерного моделирования // Camera Praehistorica. – 2018. – № 1. – С. 106–116.

улучшается доступность музея для людей с ограниченными возможностями. Появляется возможность формирования тематических выставок,⁸ в которых предметы из коллекции музея группируются по разным принципам (географическому, культурному, хронологическому, типологическому или их комбинации) без физического перемещения предметов. Формируются условия для создания совместных выставок двумя и более музеями.

Представленную программу применения цифровых технологий планируется методично совершенствовать и реализовывать в более широком объеме.

Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Хлопачев Г.А., Полковникова М.Э. Трехмерное моделирование при исследовании геометрических изображений в искусстве малых форм верхнего палеолита и мезолита Восточной Европы // Camera praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 8–24. DOI: 10.31250/2658-3828-2020-2-8-24.

Тишкин А.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Идэрхангай Т.-О. Новые результаты документирования «оленных» камней у поселка Баян зурх (Монгольский Алтай) // Тр. VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре: в 3 т. – Самара: СГПУ, 2020. – Т. III. – С. 103–105.

Yu.M. Svoisky¹, E.V. Romanenko², A.A. Ziganshina³, A.A. Tishkin⁴

¹ Higher School of Economics (Russia)

² Laboratory RSSDA (Russia)

³ State Academic University for the Humanities (Russia)

⁴ Altai State University (Russia)

USE OF MODERN DIGITAL TECHNOLOGIES FOR DOCUMENTATION AND COMPREHENSIVE STUDY OF “DEER” STONES STORED IN MUSEUMS OF RUSSIA

The study of “deer” stones is still a topical scientific discipline. These archaeological and pictorial sources have a valuable information potential for historical and cultural reconstructions. However, there are a number of factors that do not allow a full and large-scale analysis of stone statues in Central Asia at the beginning of the 1st millennium BC, first of all, the availability of sites and the general low quality of their documentation. To overcome this, it is necessary to use digital and other modern tech-

nologies. The article demonstrates, using one example, the process of creating an adequate three-dimensional model using a photogrammetric method for its comprehensive study and broadcasting over the Internet. The object was the “deer” stone, which is kept in N.M. Martyanov Minusinsk Museum of Local Lore. It features, in addition to characteristic ancient images, a Turkic runic inscription. The application of the results obtained in museum activities is considered.

KEYWORDS: Central Asia, beginning of the 1st millennium BC, “deer” stones, museum activities, documentation, modern digital technologies.

⁷ Цифровой лапидарий музея, созданный в рамках проекта «Наследие степей и гор – стелы и гробницы Предкавказья от скифов до алан», доступен по ссылке: <http://3d.stavmuseum.ru/> (дата обращения: 26.02.2021).

⁸ Примеры тематических выставок, подготовленных для Института археологии РАН, доступны по ссылке: <https://www.archaeolog.ru/ru/online-museum> (дата обращения: 26.02.2021).

П.О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет (Россия)

СВИДЕТЕЛЬСТВА КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА У НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ПИНЧУГА-6)

Финал раннего железного века нижнего течения р. Ангары и прилегающих территорий является одним из плохо изученных периодов истории региона. До недавнего времени закрытые комплексы второй четверти I тыс. н.э. здесь оставались неизвестными, а представление об этом периоде основывалось на случайных находках. Соответственно в имеющихся культурно-хронологических схемах отсутствовала его развернутая характеристика. Вместе с тем это ключевое время перехода от поздней Древности к раннему Средневековью, когда отмечены существенные изменения в культуре населения Приангарья, в т.ч. связанные с технологическими новациями. Для рубежа эр решающий технологический сдвиг связан с повсеместным освоением железообработки. На территории Южной и Средней Сибири это произошло в период II в. до н.э. – I в. н.э., когда на этой территории оказались носители развитых традиций получения и обработки железа (Завьялов, Терехова, 2015, с. 224; Мандрыка, 2017). Для Нижнего Приангарья следы получения и обработки железа, которые можно надежно датировать этим временем, пока не известны. Самые ранние свидетельства знакомства ангарского населения с кузнечным делом сейчас получены на могильнике Пинчуга-6, материалы которого датируются второй четвертью I тыс. н.э. Здесь впервые для южной тайги Средней Сибири, найдены инструменты кузнеца и отходы кузнечного производства.

Могильник Пинчуга-6 расположен на правом берегу Ангары, в 180 км выше устья, напротив поселка Пинчуга. Могилы располагаются рядами вдоль песчаной гривы. Некоторые погребения нарушены «черными копателями», но большая часть объектов осталась непотревоженной. Полевыми работами АЭ СФУ на памятнике сплошным раскопом вскрыто около 700 кв.м и выявлено 16 погребений. Все захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне, при этом зафиксирована значительная вариативность в способах размещения праха и предметов сопроводительного инвентаря.

Большая часть погребений совершена в грунтовых ямах овальной или округлой формы разных размеров, кроме этого зафиксированы случаи, когда

фрагменты костей человека вместе с предметами были рассыпаны по древней поверхности. В некоторых объектах прослежено сочетание двух способов захоронения. На верхнем уровне таких комплексов рассыпаны фрагменты обожженных костей, предметы сопроводительного инвентаря, отмечаются пятна прокаленной почвы и небольшие древесные угли. Разброс предметов здесь составляет от 1 до 3 м. Под скоплениями вещей фиксируются от одной до трех грунтовых ям, в которых помещались обломки обожженных костей человека, предметы, кусочки угля и фрагменты органических материалов. Находки из верхнего и нижнего уровня таких комплексов типологически единообразны, а фрагменты некоторых изделий представлены в обоих уровнях. Погребения содержат выразительный сопроводительный инвентарь. Скопления предметов отмечены и в междоельном пространстве. Указанные наблюдения в совокупности с эоловым генезисом вмещающих отложений делает могильник Пинчуга-6 непростым объектом для исследований, требующим осторожности при интерпретации полевых материалов и учета контекста залегания находок.

Среди предметов сопроводительного инвентаря преобладают железные изделия (украшения, орудия, оружие), также многочисленны предметы из рога и кости, имеются фрагменты от пяти сосудов с тонковаликовой орнаментацией, бронзовые украшения, каменные и стеклянные бусы. В двух погребениях некрополя зафиксированы предметы кузнечного дела.

В погребении № 1 найден железный проушной молоток прямоугольной формы со следами деформации на ударных плоскостях. Орудие коррозировано, небольшое по размерам – 6,0×3,0×1,0 см. Отверстие для рукояти вытянутой формы, размерами 2,3×0,5 см. Вместе с молотком в верхнем уровне погребения отмечено пятно прокаленной почвы и уголь от плахи. Здесь же найдены железные тесло и нож, наконечники стрел из рога, бронзовая поясная обойма таштыкского облика, развал керамического сосуда, фрагменты обожженных костей человека.

В погребении № 16 зафиксирован железный лом – отходы кузнечного дела. Среди обломков узкие

пластины (38 экз.), небольшие квадратные и прямоугольные в сечении бруски (7 экз.), тонкие квадратные в сечении прутки (11 экз.) и куски металла неправильной формы (15 экз.). На всех обломках фиксируются следы рубки, деформации и проковки, присутствует окалина. Кусочки лома небольшие, они залегали рассеяно в верхнем уровне погребения, не образуя компактных скоплений. Здесь же найдена заготовка небольшого черешкового ножа с лезвийным уступом и обломок зубила. Ножу придана общая форма, но лезвие не заточено, что делает его нефункциональным. На черешке и клинке сохранились технологические следы проковки. Размеры заготовки 8,8×1,0×0,3 см. От зубила найдена часть с рабочей кромкой. Инструмент преднамеренно сломан, размеры обломка 1,5×1,8×0,5 см. Вместе с кузнечными заготовками и ломом в этом погребении найдены и другие предметы: кинжал, тесло, нож, рыболовные крючки, вырезанные из листа железа наконечники стрел, бронзовые и железные выпуклые нашивки, фрагменты двух керамических сосудов, предметы из рога.

На основании аналогий могильник датируется в пределах второй четверти I тыс. н.э. Среди инвентаря выделяются многочисленные «импортные» для Нижнего Приангарья бронзовые предметы таштыкского и позднекулайского облика (Сенотрсова, 2021). Изделия из черного металла отличаются своеобразием. Аналогии железному молотку из погребения № 1 могильника Пинчуга-6 не известны – они отсутствуют не только среди ангарских материалов, но и среди материалов памятников сопредельных территорий.

В целом, кузнечные инструменты первой половины I тыс. н.э. в Сибири практически неизвестны. В Западной Сибири самые ранние погребения, содержащие инструменты кузнецов, датируются VI–VII вв. н.э. (Водясов, 2017, с. 140), при этом проушные кузнечные молотки получают здесь широкое распространение только в начале II тыс. н.э. (Водясов, 2018, с. 117).

На территории Южной Сибири широкое освоение железа происходит еще в тесинский период, но ни для этого времени, ни для последующего таштыкского периода кузнечные инструменты не известны. Исключение составляют только комбинированные ювелирные молотки-напильники некоторых типов (Кызласов, 1985; Давыдов, 2018, с. 84), представленные случайными находками из Хакасско-Минусинской котловины. В фондах Минусинского краеведческого музея хранятся два железных проушных молотка, которые датируются второй половиной I – началом II тыс. н.э. (Давыдов, 2018,

с. 86). На исследованных в Хакасско-Минусинской котловине металлургических и кузнечных площадках начала – первой половины I тыс. н.э. специализированные инструменты из железа также не найдены (Мураками, 2015, с. 22).

Таким образом, молоток из могильника Пинчуга-6 является одним из наиболее ранних кузнечных инструментов, найденных в Средней Сибири. Его наличие свидетельствует, во-первых, о развитых навыках металлообработки у населения Нижнего Приангарья во второй четверти I тыс. н.э., во-вторых, о важной роли кузнечества в жизнеобеспечении и мировоззрении людей, захороненных на некрополе. Последний тезис подтверждают и материалы погребения № 16, где отмечено присутствие заготовок и многочисленных обломков железного лома. Это единственный (известный автору) случай в Сибири намеренного помещения с прахом умершего незаконченных предметов и отходов кузнечного дела. При этом характер лома (пластины со следами рубки, бруски, прутки) демонстрирует разные стадии обработки металла: от первичной проковки заготовок до почти готовых изделий (нож без заточки лезвия). Видимо, при проведении погребальной церемонии был важен факт наличия в погребальном инвентаре вещей, непосредственно связанных с металлообработкой. Возможно, лом выступал символической «заменой» дорогих специализированных кузнечных инструментов.

На данном этапе исследований сложно определить место погребений с предметами кузнечного дела в структуре могильника Пинчуга-6. Пока можно думать, что в комплексах с двухуровневым заполнением содержится наибольшее количество предметов сопроводительного инвентаря и только в них зафиксированы находки керамики. Выделение этой группы связано либо с особым социальным положением погребенных, либо с разными по времени захоронениями в пределах самого некрополя.

Традиция помещения в погребениях инструментов кузнечной обработки железа сохраняется в бассейне нижнего течения Ангары на протяжении всего раннего и развитого Средневековья. Среди находок известны клещи, зубила и напильники. Гораздо чаще встречены железные заготовки орудий и отходы кузнечного дела, но и они имеются на поселениях I – начала II тыс. н.э. (Сенотрсова, Мандрыка, 2016, с. 142).

Стоит подчеркнуть, что в целом находки специализированных инструментов металлообработки в погребениях на территории Сибири редки. Они отмечены в комплексах, содержащих редкие, дорогие и престижные вещи (оружие, художественные

бронзы и т.д.), подчеркивающие высокий социальный статус умерших (Водясов, 2018, с.118). При интерпретации погребений с кузнечными инструментами исследователи указывают на связь металлообработки с шаманскими культами, что находит подтверждение и в сибирской этнографии (Беликова, 2010, с. 180; Гаркуша и др., 2013, с. 228). Вместе с этим, известны находки орудий металлообработки и в комплексах с рядовым набором инвентаря.

Найденные на могильнике Пинчуга-6 инструменты и лом являются важнейшими свидетельствами наличия навыков железообработки у населения Нижнего Приангарья во второй четверти I тыс. н.э. К этому же периоду относится металлургическая площадка на стоянке Итомиура, возраст которой установлен радиоуглеродным датированием. Здесь на краю береговой террасы зафиксирован углубленный горн с камерой кубовидной формы. Вблизи него отмечены скопление горновых шлаков, кузнечная заготовка, плоский треугольный наконечник стрелы (Мандрыка, Сенотрусова, 2013). В ходе изучения могильника Пинчуга-6 было установлено, что эти объекты сближает не только датировка, но и типологически единообразные железные предметы, что позволяет рассматривать их в рамках единого культурно-хронологического комплекса.

Таким образом, у населения Нижнего Приангарья уже во второй четверти I тыс. н.э. имела достаточно развитая индустрия черного металла. Железо, вероятно, получали из местных руд, обрабатывали кузнечным способом и изготавливали орудия труда, оружие и значительную часть украшений, включая поясную garnитуру.

Вопрос времени и путей проникновения металлургии железа в южную тайгу Средней Сибири оста-

ется открытым. Как известно, этот процесс невозможен без непосредственных носителей навыков и умений по работе с металлом, которые должны «принести» свой практический опыт на новую территорию. Анализ культурно-исторической ситуации в южно-таежной зоне Средней Сибири в раннем железном веке позволил высказать П.В. Мандрыке гипотезу о проникновении в лесную зону отдельных представителей «хуннского круга», возможно тесинской и таштыкской культур. Это нашло отражение в морфологии керамики, конструкции жилищ, погребальном обряде и появлении новых типов изделий (Мандрыка, 2017, с. 45). Скорее всего, они могли принести и навыки обработки железа. В Нижнем Приангарье, богатом легкодоступными выходами железных руд, они сумели эффективно использовать имеющуюся сырьевую базу, что вызвало развитие черной металлургии у населения региона.

О значительном влиянии хуннских культур Южной Сибири на население нижнего течения Ангары говорит распространение здесь некоторых типов железных вещей. В первую очередь это ножи с кольцевидным навершием и ножи с загнутой рукоятью. Аналогичные изделия – частая находка в тесинских грунтовых погребениях, есть они и на Иволгинском комплексе в Прибайкалье. В консервативных таежных условиях ножи такой формы продолжают использоваться до развитого Средневековья включительно, являясь одними из самых ярких маркеров своеобразия материальной культуры нижнеангарского населения I – начала II тыс. н.э. (Сенотрусова, 2016). По всей видимости, в хуннское время мигранты принесли с собой навыки черной металлургии и некоторые типы железных изделий.

Список литературы

- Беликова О.Б.** Зырянский могильник конца XVI – XVII вв. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники. – Томск: Изд-во ТомГУ, 2010. – 432 с.
- Водясов Е.В.** Кузнечные инструменты эпохи раннего Средневековья Западной Сибири // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. ученого и обществ. деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. / Отв. ред.: А.С. Вдовин, Н.П. Макаров. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т., 2017. – С. 138–141.
- Водясов Е.В.** Средневековые кузнечные инструменты II тыс. н.э. в Западной Сибири // Вестник ТомГУ. – 2018. – № 435. – С. 114–120.
- Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В.** Средневековые погребальные комплексы могильника Капонир (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, № 5. – С. 221–232.
- Давыдов Р.В.** Морфолого-технологический и функциональный анализ комбинированных инструментов с территории Южной Сибири (I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Междисциплинарные исследования в археологии. – 2018. – № 2. – С. 71–93.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.** К проблеме становления железной индустрии на Среднем Енисее (технологический аспект) // КСИА. – 2015. – № 238. – С. 212–228.
- Кызласов И.Л.** Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // СА. – 1985. – № 1. – С. 107–121.
- Мандрыка П.В.** Культуры южной тайги Средней Сибири в тагаро-таштыкское время // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – Т. II. – С. 44–47.

- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О.** Производственная металлургическая площадка стоянки Итомпура в Северном Приангарье // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск, 2013. – Т. 1. – С. 214–219.
- Мураками Я.** Наша совместная деятельность в Республике Хакасия и ее значение для исследования истории производства железа на Евразийском континенте // // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Мат-лы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сентября 2015 г.) / Отв. ред.: Я. Мураками, Ю. Есин. – Абакан; Эхимэ: Ehime University Press, 2015. – С. 22–24.
- Сенотрусова П.О.** «Хуннский» компонент в культуре средневекового населения Нижнего Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / Отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2016. – Т. I. – С. 78–86.
- Сенотрусова П.О.** Культурные связи населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Красноярск, 20–21 октября 2020 г.) / Отв. ред. П.В. Мандрыка. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2021. – С. 55–59.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В.** Кузнечное дело населения Нижней Ангары в средние века (по материалам комплекса Проспихинская Шивера-IV) // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Мат-лы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сентября 2015 г.) / Отв. ред.: Я. Мураками, Ю. Есин. – Абакан; Эхимэ: Ehime University Press, 2015. – С. 137–144.

P.O. Senotrusova

Siberian Federal University (Russia)

EVIDENCE OF BLACKSMITHING AMONG THE POPULATION OF THE LOWER ANGARА REGION IN THE FINAL OF THE EARLY IRON AGE (BASED ON THE MATERIALS OF PINCHUGA-6 BURIAL GROUND)

Pinchuga-6 burial ground is the first large necropolis of the end of the Early Iron Age known in the Lower Angara Region. Here, 16 burials were examined, performed according to the rite of corpse burning on the side. Two of them contain evidence of blacksmithing. An iron hammer was found in burial No. 1. Burial No. 16 contains a fragment of a chisel and numerous blacksmith's scrap. The found tools are the most ancient tools

for working black metal on the Angara. These finds indicate the developed iron industry among the population of the Lower Angara Region in the second quarter of the 1st millennium AD. Placing tools for metalworking and blacksmith's scrap in the grave testifies to the important role of ferrous metal in the life support and worldview of the local population.

KEYWORDS: *Lower Angara Region, end of the Early Iron Age, Pinchuga-6 burial ground, local population, blacksmithing.*

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum (Russian Federation)

GREAT SALBYK BARROW – PIRAMID WITH MEGALITHS IN SIBERIA

Introduction

In different historical periods, megalithic structures were erected in many countries of the world. Until recently, archaeologists have not been considering the territories of Siberia as being an area of distribution of megalithic cultures, although the Sayan-Altai is now known an area with a variety of megalithic structures of different archaeological periods.

It is widely accepted that among settled civilizations of the past there were outstanding political figures, religious leaders, warriors, sages, craftspeople, architects and artisans who directly or indirectly influenced the course of world history. However, these figures were present in the nomadic cultures of Eurasia as well. An evidence of this is the presence of huge burial mounds of chiefs of nomadic groups, the unique layout of the settlements, ancient sanctuaries in the mountains and the valley steppes, petroglyphs and artistically designed objects.

The Great Salbyk barrow is the most famous megalithic monument in Siberia. The barrow is situated 65 km northward of the town of Abakan in Khakasia (Russia; coordinates of the site: geographical breadth (northern) – 53 53.4', longitude (east) – 90 45.1', height above sea level – 540 m). There are more than 50 big and middle-sized barrows, as well as many small ones. The archaeologist S.V. Kiselev excavated the Salbyk barrow in 1954–1956 (Киселев, 1956).

The expedition of the State Hermitage Museum investigated the Salbyk valley in 1992, 1994, 1996, 1998, 2008, 2010 and 2015 (Марсадолов, 2010). The expedition has recently drawn up a plan of the fence of stone slabs, taken samples for the tree-ring and radiocarbon analysis, conducted the astronomical and topographical analyses, and traced the connection of the barrow with the surrounding landscape.

The barrow height is more than 20 m and originally it was pyramid-shaped (**Fig. 1**). Under the mound there was a square “fence” (71×71 m) made of huge stone slabs placed vertically and horizontally and weighting several tonnes (the average size was about 5 m). Inside the fence, a square pit-grave had been dug, and there were seven human remains buried in timber on its bottom. It seems probable that the chief of an alliance of tribes and his favourites were buried in the grave. The construction of big barrows in Salbyk was probably based on the astro-

nomical knowledge of that time. The installation of the fence slabs was connected to the main positions of the Sun and the Moon rise and set on astronomically significant days.

Construction of the barrow

The process of building the great barrow in Salbyk, which was very complex due to its construction and the burial ritual, was conducted in the following way. Probably less than a year was spent on the construction of the monument. Hundreds of people took part in the building of the burial monument temple.

In the mountain valley, a point for the barrow centre was chosen very carefully. The point had to satisfy certain requirements:

- (1) It had to be on the highest place between mountains;
- (2) It had to be surrounded by mountains lower to the west and east than to the north and south;
- (3) It had to be situated according to astronomical observations.

It was mentioned that such a place had probably been found in an earlier period and kept its meaning in later epochs. Near the Great Salbyk barrow there is the Bronze Age ritual centre with stone sculptures of the Okunevo culture, and sites of the Early Tagar period.

The burial construction consisted of three parts: a corridor (dromos), an extension near the door, and a burial chamber. In the central part of the barrow, but closer to the western wall of the fence, a structure consisting of earth and logs was found. It looked like a reduced pyramid; its height was about 2 m and its upper platform was 8×8 m (**Fig. 1**). The pyramid was snow white at first sight because its slopes were covered with a thick layer of birch bark (sometimes 15 layers). In addition, the upper logs of larch were rolled up in birch bark. Thus, the wood of larch looked much like the wood of birch.

Under the pyramid there was a square pit – 5×5 m and its bottom was 1.8 m deep. Its walls were lined with vertical logs. In the bottom of the pit there was a wooden framework with 4 rows of larch logs cut like bars. The chamber was 4×4 m; its height was about 2 m. It was covered by six rows of massive logs with a thick layer of birch bark. The bottom of the framework, and the space between its walls, and the logs covering the pit's walls were full of solid red, water-resistant clay.

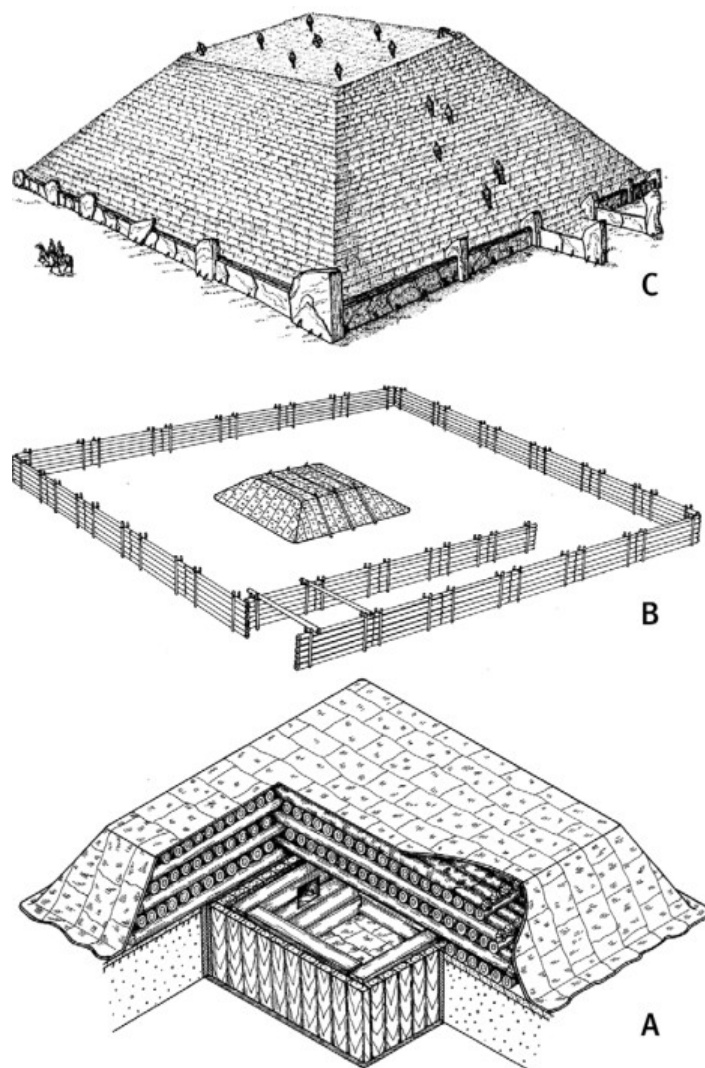

Fig. 1. Salbyk. Khakasia, 7th century BC. The process of construction of the barrow: A – the central burial chamber and a small “pyramid” of logs covered with birch bark sheets lying on top; B – temporary wooden fence and the beginning of construction of stone fences; C – process of coating of an earthen mound-pyramid in ancient times (reconstructions by L.S. Marsadolov)

Рис. 1. Салбык. Хакасия, VII в. до н.э. Процесс строительства кургана: А – центральная погребальная камера и небольшая «пирамида» из бревен, покрытых сверху листами бересты; В – временная деревянная ограда и начало строительства каменных оград; С – процесс покрытия земляного кургана-пирамиды в древние времена (реконструкции Л.С. Марсадолова)

S.V. Kiselev established that the bottom was covered with birch bark under the clay. Six layers of crossed logs formed a roof under the framework, but they could not withstand the great pressure of the earth and had fallen into the chamber.

In the chamber, the remnants of seven people – men and women – were found. An old warrior was buried in the centre; some of his bones were broken. A large clay vessel was found in fragments. Near the middle part of the western wall of the framework, on the bottom, a miniature bronze knife was also found.

The dromos began with an entrance near the middle stele of the western wall of the fence and went close to the western slope of the pyramid. There was a narrow hole into the chamber, which appeared filled with pieces

of wood. The walls of the corridor (width 2–3 m) were covered with logs, and the upper parts of these were covered with a thin ceiling made of hewn planks. Both walls and the corridor’s ceiling were decorated with a layer of birch bark.

The fence was made of massive blocks of sandstone placed in a standing position; the largest of these weighs about 30–100 tones (**Fig. 2**). The fence’s blocks were put in narrow deep trenches, their width being less than 0.6 m. The depth of the trenches varied – from 0.8 to 2 m, depending on the height of the blocks, which were placed in such way that they were on about the same level above the ground, with heights of 1.8 to 2 m. The entrance from the barrow’s eastern side was rather complex. From the two middle steles, the long slabs were

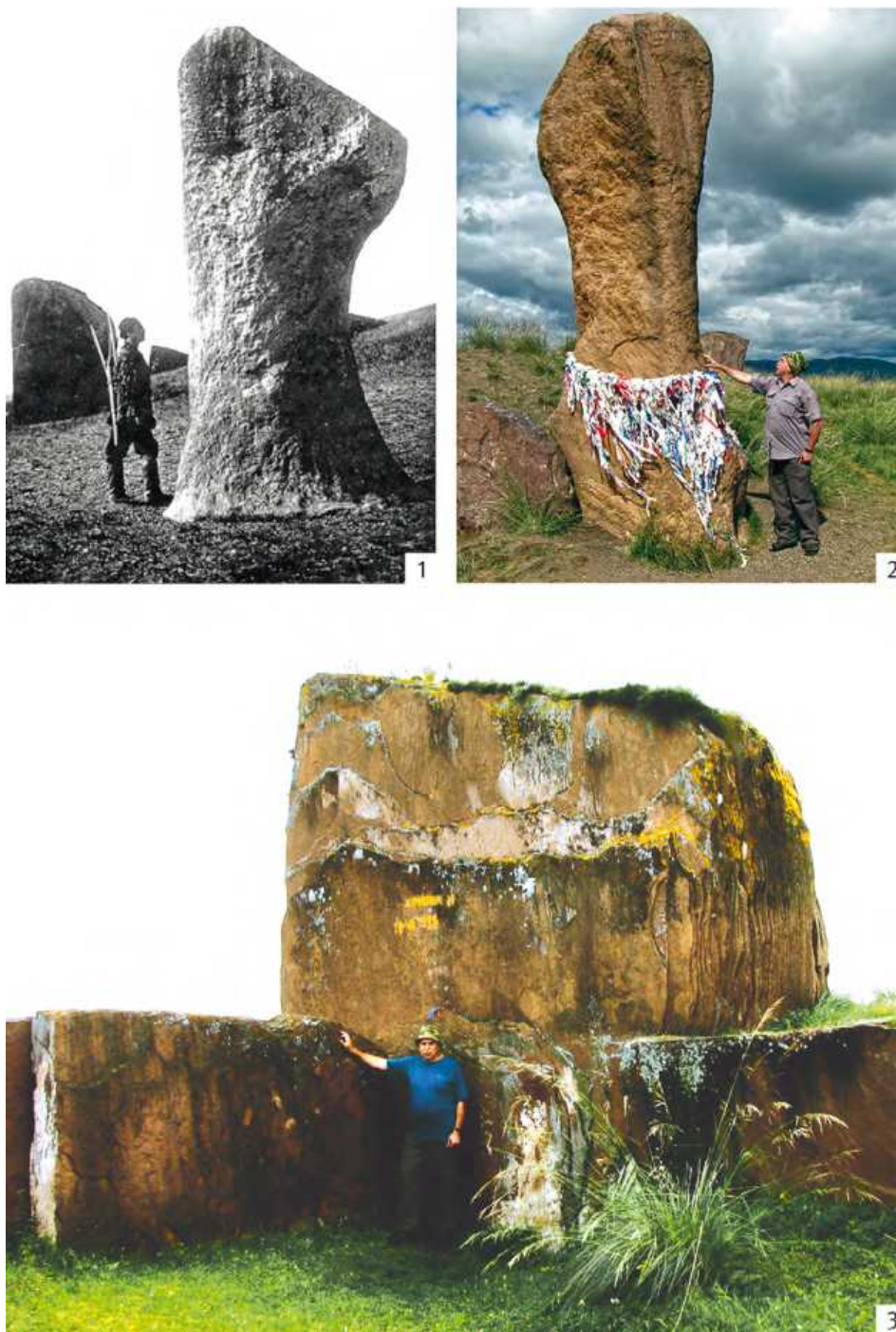

Fig. 2. Salbyk, Khakasia. Eastern “Gate” (1, 2) and Slab No 14 (3). Photos from various years: 1 – beginning of 20th century (before the excavations of the barrow); 2, 3 – July 2008 (2, 3 – photo by L.S. Marsadolov)

Рис. 2. Салбык, Хакасия. Восточные «Ворота» (1, 2) и плита № 14 (3). Фотографии разных лет: 1 – начало XX в. (до раскопок кургана); 2, 3 – июль 2008 г. (2, 3 – фото Л.С. Марсадолова)

perpendicular to the line of the wall, resting on two 5 m steles placed towards to the east. From the eastern side, “the entrance” between the steles was covered with a roof of small slabs placed very carefully, with a small deviation inside the barrow.

During the clearing of the western wall, the remnants of the destroyed burials of two people were found

in the SW and NE angles. While examining the fence, near the large angle of the south-eastern stele, a destroyed burial of a child was found. In the angle formed by a block of the southern fence and the angle of the SW stele, a burial of an adult man with tied, bent legs was discovered. These were probably sacrifices that were made in the most significant places of the barrow.

The transportation of blocks for the fence must have been very hard work. The barrow was erected in a steppe valley and the nearest deposits of Devonian sandstone are situated on the Kyzyl-Khaya mountain, 16 km south-westward from it. The remnants of ancient quarries were found there. The blocks were quarried from the rock, probably with the assistance of wooden wedges, and transported to the place of the barrow construction, perhaps on wooden rollers in winter. During the clearing of the barrow's lower part, many larch logs often charred from forest fires were discovered.

The Great Salbyk barrow, by its monumental construction, belongs to the same group as the famous Stonehenge in England; however by the volume of consumed labour, it probably significantly exceeds Stonehenge. Megalithic stone slabs at Stonehenge had a weight up to 30 tons, and the biggest plate in Salbyk is about 100 tons. In Salbyk, some of great barrows have "chains" of vertically standing slabs as well as horizontally placed "slab-altars" near the mound. Outside the barrow were found vertical stones of intermediate size, aligned to astronomically significant directions. A sculptural representation of a lying tiger was also found. The detailed study of the stone slabs of the fence revealed the significance of a colour spectrum – from light to dark tones and conversely.

Radiocarbon, tree-rings and archaeological dating

The log from the Great Salbyk barrow preserved quite well. On radiocarbon (r/c) dating of the author samples were taken not only of the last annual rings (No. 3), but also from the middle part of the log (No. 2).

For Great Salbyk barrow, two main r/c intervals fallout – 764–622 BC (calibrated calendar age). Early r/c date – second half of the 8th – first half of the 7th centuries BC one of the probable time r/c intervals considered (**Tab. 1**).

The Great Salbyk barrow and Arzhan-2 tree-rings scales coincided in a 150-year-old stretch and the synchronization showed that the Great Salbyk barrow is 35 years older than the Arzhan-2 barrow. Radiocarbon definitions of closely related areas of wood from these mounds (Le-5145 and Le-6568) are also synchronous with each other – about 2460±40 BP.

Expedition of S.V. Kiselev discovered fragments of a large earthen vessel and a small bronze knife found at the bottom of the pit in the Great Salbyk barrow (**Fig. 3-10**).

Near the middle of the southern stone wall of the fence were found the remains of a birch bark bag, in which there were bronze awls with a dedicated head, bone punctures, bronze and bone needles, which lay near the fire. A large bent bronze knife with a rounded hole

Table 1. Radiocarbon dates for the Great Salbyk barrow

No.	Lab. No (IHMC RAS)	14C date [BP]	Calibrated calendar age intervals (years BC) [cal BC]	
			1δ	2δ
1	Le-1192	2410±	754–698 532–398	764–622
2	Le-4771 (from middle part of the log)	2490±	764–752 730–710 708–618 606–528	778–478
3	Le-5145 (last year rings)	2460±	760–680 656–638 548–476 456–414	764–622

on the "trapezoidal" handle extending upward was found among the tiles of the overlay on the northern part of the eastern wall of the fence. Two bronze clips and a knife were found near the belt of the human body buried in the dromos.

Chronological "reference points" for dating and synchronization of materials of 8th–7th centuries BC can be repeatedly checked for dates by different methods for reference large barrows (**Fig. 3**):

- Arzhan-1 in Tuva – end of the 9th – first half of the 8th century BC.
- Chilikta-5 in Kazakhstan – fourth quarter of the 8th – first quarter of the 7th century BC.
- Great Salbyk barrow in Khakasia – first half of the 7th century BC.
- Arzhan-2 in Tuva – second half of the 7th century BC.

By close forms of bronze daggers, knives, bone crests, arrowheads, earthen vessels, jewelry and figurative images, taking into account the above "reference points", it is possible to schedule absolute dates for the early Tagar's monuments, which are given on Fig. 5 in their relative chronological order (s. Марсадолов, 2015, рис. 5).

Conclusions

Comprehensive date for the Great Salbyk barrow – first half of the 7th century BC (680–670 BC), does not contradict the archaeological, dendrochronological and radiocarbon analogies with many objects of Sayano-Altai and other regions of Eurasia. The Great Salbyk barrow has multiple functions – funeral, socio-political, religious, astronomical, and architectural and others. The construction of the Great Salbyk barrow in the form of a pyramid of earth with a flat top resembles a pyramid of China. For more substantiated conclusions, further detailed research is needed.

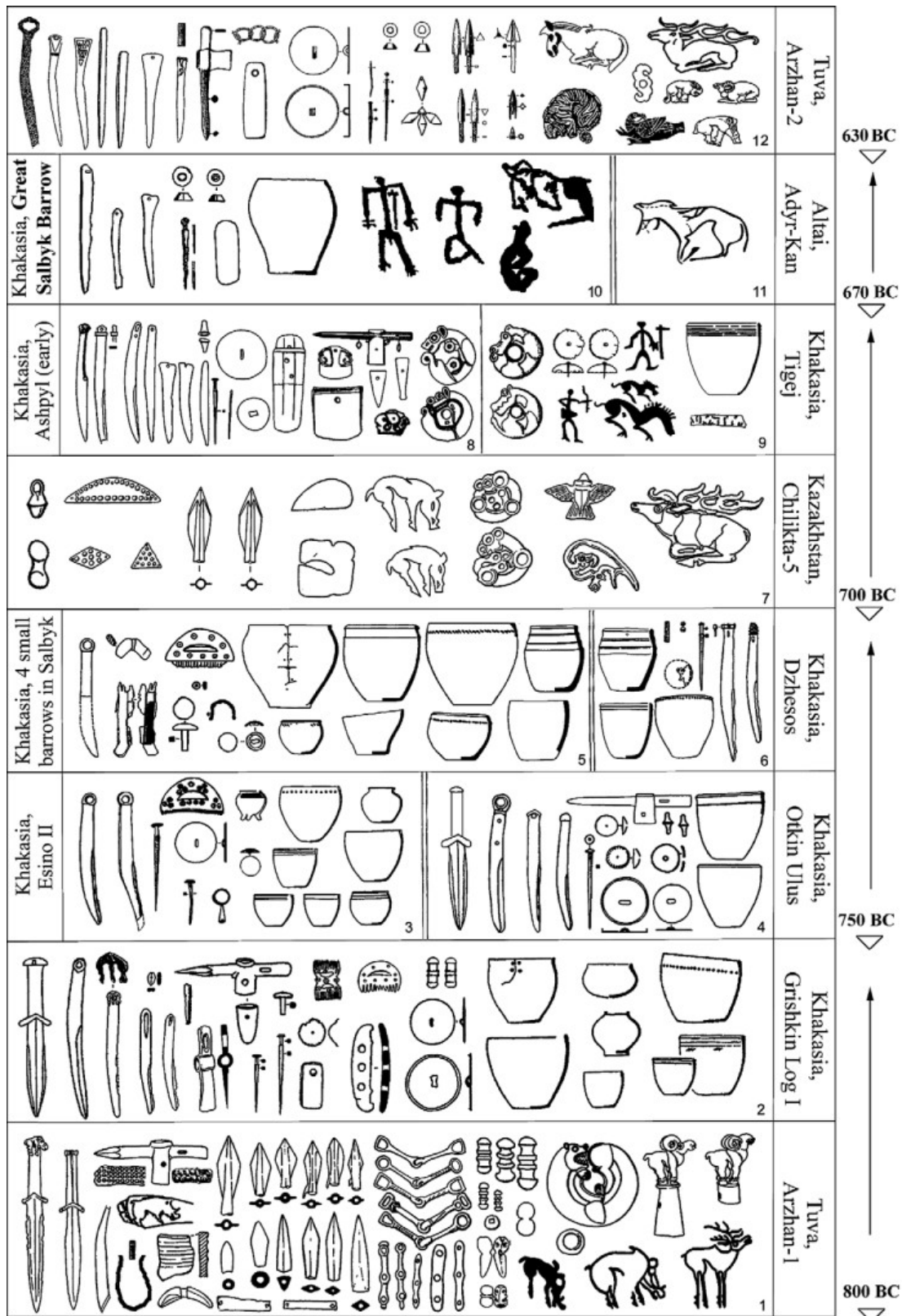

Fig. 3. Comparison of objects from archaeological monuments of 8th–7th centuries BC from different regions: Tuva (1, 12), Khakasia (2–6, 8–10), Kazakhstan (7) and Altai (11). The measures are different (according to the materials of various authors, after Марсадолов, 2015 with references)

Рис. 3. Сравнение предметов и изображений из археологических памятников VIII–VII вв. до н.э. из разных регионов: Тува (1, 12), Хакасия (2–6, 8–10), Казахстан (7) и Алтай (11). Размеры разные (по материалам разных авторов, составлено по: Марсадолов, 2015 со ссылками)

Literature

Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тез. докл. на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археол. исследований 1955 г. – М.; Л.: АН СССР, 1956. – С. 56–58.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан: Хакаское книжн. изд-во, 2010. – 53 [74] с.

Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 1 (11). – С. 9–33.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж (Россия)

БОЛЬШОЙ САЛБЫКСКИЙ КУРГАН – ПИРАМИДА С МЕГАЛИТАМИ В СИБИРИ

В статье приведены краткая характеристика и датировка Большого Салбыкского кургана, рассмотрено значение этого известного мегалитического памятника Саяно-Алтая и Сибири. Он раскопан С.В. Киселёвым в 1954–1956 гг. (Киселев, 1956). Первоначально курган, высотой более 20 м, имел форму пирамиды с плоской вершиной (**рис. 1**). Под курганом зафиксирована квадратная «ограда» (71×71 м) из огромных вертикальных и горизонтальных каменных плит (средний размер – около 5 м), весом по несколько тонн каждая (вес наибольшей плиты – около 100 тонн) (**рис. 2**). В квадратной могильной яме было захоронено семь человек – племенной вождь и сопровождающие его лица. По совокупности

данных датировка Большого Салбыкского кургана приходится на первую половину VII в. до н.э. (680–670 гг. до н.э.), что не противоречит археологическим, дендрохронологическим и радиоуглеродным данным по аналогиям со многими комплексами Саяно-Алтая и других регионов Евразии (**рис. 3**). Большой Салбыкский курган, по всей вероятности, имел несколько функций – погребальную, общественно-политическую, религиозную, астрономическую, архитектурную и др. Конструкция Большого Салбыкского кургана в виде земляной пирамиды с плоской вершиной напоминает пирамиды Китая. Для более обоснованных выводов необходимы дальнейшие детальные исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хакасия, Большой Салбыкский курган, хронология, радиоуглерод, дендрохронология, элита, мегалитическое сооружение.

На рубеже эр

Ю.Н. Есин

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ВЛАДЕЛЬЦЕ АБАКАНСКОГО ДВОРЦА

В 1940 г. на левом берегу р. Абакан обнаружено крупное городище со стенами, рвами и с развалинами необычного для этих мест глинобитного дворца с кровлей китайского типа, на круглой карнизной черепице (кит. *вадан* 瓦當) которого нанесена надпись иероглифами (Евтюхова, Левашева, 1946; Киселёв, 1949; Кызласов, 2001, 2006). Надпись содержит высокий титул «Сын Неба» 天子 и является благопожеланием: 天子千秋萬歲常樂未央 «Сыну Неба – тысячу осеней, десять тысяч лет, постоянной радости без предела».

Почти все исследователи полагали, что упомянутый на черепице Сын Неба являлся императором Китая, где использование такого титула известно с эпохи Чжоу. При этом сам дворец связывали с разными историческими фигурами и событиями: с попавшим в плен к хунну китайским полководцем Ли Лином 李陵 (Евтюхова, Левашева, 1946; Киселёв, 1949), с выданной замуж за правителя хунну китайской принцессой (Го Можо, 1946) или сохранявшей связи с императорским двором дочерью такой принцессы (Чжоу Лянькуань, 1956; Вайнштейн, Крюков, 1976), с администрацией гипотетического китайского военного поселения (Вадецкая, 1999), с ушедшим к хунну в начале Восточной Хань императором-самозванцем Лу Фаном 盧芳 (Ковалев, 2011). Однако Л.Р. Кызласов (2001, с. 108–109) привел некоторые свидетельства из исторических хроник о ранней Хань, указывающие на возможность использования титула Сын Неба правителем хунну. Он применил их для обоснования принадлежности дворца Ли Лину.

Некоторые российские и китайские исследователи рассматривают перечисленные гипотезы о хозяине Абаканского дворца, выработанные за 80 лет, как равнозначные, полагая, что более детальное изучение материалов поможет выбрать наиболее вероятную из них (Митько, Комиссаров, 2020). Однако все эти гипотезы имеют слабые места, поэтому вряд ли они исчерпывают возможные объяснения. Прежде всего, в хрониках Хань отсутствуют какие-ли-

бо подтверждения проживания всех этих лиц на севере Саяно-Алтая. Благопожелание на черепице дворца, за исключением одного случая, оказывается обращенным на лицо, не проживающее во дворце, что довольно парадоксально, а титул Сын Неба на черепице с территории Китая ни разу не встречен. Поэтому вместо определения лучшей из прежних гипотез необходим поиск новых решений. Эта цель тесно связана с изучением проблемы использования титула Сын Неба у хунну и уточнением возраста черепицы.

Титул Сын Неба у хунну

В *Хань шу* 漢書 при описании статуса правителя хунну приведена транскрипция его титула *Чэнли гуту шаньюй* 撐犁孤塗單于, для первой части которого там же имеется объяснение – Сын Неба (*Хань шу*, цзюань 94а, с. 3751). Археологическим подтверждением использования данного титула шаньюями является надпись 天子單于 ‘Сын Неба шаньюй’ на черепице центральной ставки хунну на р. Орхон (Идэрхангай и др., 2020). Вместе с тем приводимые в хрониках Хань титулы конкретных шаньюев этого наименования никогда не содержат. Очевидно, для составителей хроник прямое использование титула, аналогичного императорскому, по отношению к правителям северных кочевников было недопустимо.

В структуре полного титула правителя хунну наименование Чэнли гуту/Сын Неба принадлежит не к индивидуальному «тронному имени», а к устойчивой, «апеллятивной» части. Оно указывает на божественную природу власти шаньюя, дополнительно его возвеличивает, не исключает автономного употребления при обращении и именовании. Вместе с тем этот сакральный титул менее устойчив, чем базовый титул «шаньюй», и его употребление имеет свои временные рамки. Фрагменты писем первых шаньюев уже сохранили ряд эпитетов, которые по содержанию и позиции перед базовым титулом

связаны с сакральным статусом правителя. Однако на начальном этапе истории государства хунну соответствующая форма данной части титула шаньюев, видимо, еще не была выработана и принята. Имеющиеся косвенные сведения позволяют отсчитывать наиболее вероятное время употребления у хунну наименования Чэнли гуту/Сын Неба с начала I в. до н.э., когда в приведенном в *Хань шу* фрагменте письма к императору (89 г. до н.э.) Хулуту 狐鹿姑 шаньюй называет себя любимым сыном Неба 天之驕子 (*Хань шу*, цзюань 94а, с. 3780). Последним правителем, который мог использовать такой титул, был сохранявший независимость от Хань Чжичжи 郅支 шаньюй. При описании западной ставки Чжичжи в хрониках специально отмечены пятицветные 五采 знамена на стенах (*Хань шу*, цзюань 70, с. 3013; Материалы, 1973, с. 128). Пять цветов с эпохи Чжоу в Китае символизировали все части мира, поэтому, например, в *Ши цзи* их сочетание названо символом Сына Неба (Сыма Цянь, 2003, с. 131). Чжичжи шаньюй погиб в 36 г. до н.э.

Шаньюи, признававшие главенство императора (Хуханье 呼韓邪 шаньюй после 51 г. до н.э. и его преемники), уже не могли официально именоваться Сын Неба, поскольку это бы нарушало китайский церемониал и могло ограничить поддержку от Хань. С 31 г. до н.э. у них зафиксировано употребление иного наименования с близким смыслом – *жоти* 若鞮, западноханьское чтение которого аналогично титулу правителя малых юэчжи со значением ‘божественный’ (Pulleyblank, 1966). Позднее, по мере дальнейшего ослабления хунну, то же место в структуре полного титула у южных шаньюев заняли компоненты *ти* 鞮 (с 48 г.) и *цзю* 就 (со 128 г.).

Возраст черепицы

Стиль (почерк) написания иероглифов на черепице Абаканского дворца принадлежит к развитому *лишу* 隸書. Его классические образцы представлены на каменных стелах Восточной Хань, но распространение он получил с конца правления императора У-ди (156–87 гг. до н.э.). Поначалу сфера его употребления ограничивалась делопроизводством и перепиской, но уже в конце Западной Хань охватила и другие сферы культуры (Qiu Xigui, 2000, p. 118–130; Ван Най, 2019, с. 35–37).

Более узкую датировку абаканской надписи предлагал Чжоу Лянькуань (1956), который обратил внимание, что использование иероглифа *чан* 常 в выражении *чан лэ* 常樂 ‘постоянная радость’ (вместо более традиционного *чан лэ* 長樂 ‘долгая радость’) соответствует кампании по корректировке наименований, проведенной императором-узурпатором

Ван Маном (9–23 гг.). Однако в настоящее время уже нет оснований считать данный вариант написания свидетельством датировки именно периодом Ван Мана, т.к. использование иероглифа *чан* 常 в данном выражении известно еще с конца II в. до н.э., а на карнизной черепице зафиксировано во второй половине I в. до н.э. (Ковалев, 2011, с. 83–87).

Другим хронологическим признаком черепицы с р. Абакан является симметричное четырехчастное размещение иероглифов и порядок их чтения. По гипотезе А.А. Ковалева (2011, с. 88–90), такая композиция подражает схеме размещения иероглифов на монетах, впервые введенной в самом конце Западной Хань (с 7 г.), и которая, видимо, следует концепции *у-син* 五行 ‘пять элементов’ в китайской философской и ритуальной традиции.

Однако с этими монетами лицевую сторону черепицы с р. Абакан сближает лишь один из двух использованных на ней композиционных принципов. Этот принцип предполагает выделение центра и четырех сторон вокруг него, а также определение в качестве начала текста верхнего иероглифа. При этом той завершенной и полностью симметричной композиции, какая представлена на монетах (как и квадрата в центре), на абаканской черепице нет, поэтому идея о подражании монетам вызывает сомнения. Второй композиционный принцип этой черепицы, не получивший должного внимания: явное расположение текста тремя параллельными строками, характерными для черепицы Западной Хань (Фуцзяи Бяньчжу, 2002; Ковалев, 2011, рис. 2-7–2-9), – отличает ее от монет.

Можно предложить другое объяснение композиции на черепице Абаканского дворца. Ее нестандартное оформление следует рассматривать как результат синтеза двух разных типов композиций карнизной черепицы: 1) с тремя колонками текста, максимально насыщенного благопожеланиями; 2) с выделением центра специальным выпуклым кружком для иного способа магического упорядочивания пространства диска, обычно предполагающего обозначение четырех сторон. Совмещение этих двух принципов предопределило разделение знаков текста на четыре группы вокруг центра и изменило композиционную роль средней колонки и верхних иероглифов. Пятичастность данной композиции, видимо, имеет самостоятельную, а не опосредованную монетами связь с концепцией *у-син*. Для композиции некоторых черепичных дисков Хань она получила обоснование в исследованиях китайских ученых (Ван Пэйлян, 2004). Эта возникшая в эпоху Чжоу и популярная в эпоху Хань концепция пяти

элементов, распространявшаяся на различные явления, стороны света, цвета, нумерологию, являлась олицетворением китайских представлений о мировом порядке.

Дополнительно можно отметить, что набор из трех благожеланий на круглой черепице из Сибири, как и длинный текст из трех параллельных строк, тоже характерны для Китая в период Западной Хань. Подобный набор представлен на целой серии черепицы из столичного города Чанъань (Фуцзянь Бяньчжу, 2002, № 578–585). В период Восточной Хань на карнизной черепице возобладала крестообразная композиция, подобная помещавшейся на упомянутых монетах, и более лаконичные тексты.

Таким образом, композиция на черепице Абаканского дворца не подражает монетам, а, скорее, является воплощением переходного состояния, когда реализованная позднее на монетах и на черепице Восточной Хань визуальная схема еще окончательно не сложилась и не обрела универсальный характер. Это можно сопоставить с появлением сочетания 常樂 еще до правления Ван Мана, который просто официально закрепил замену иероглифа, внося изменение в названия столицы и императорского дворца. В целом, наиболее вероятно принадлежность черепицы Абаканского дворца к концу эпохи Западная Хань.

Ставка Чжичжи шаньюя во владении Цзянькунь

Сопоставление приведенных выше выводов о хронологии титула Сын Неба у хунну и об особенностях черепицы Абаканского дворца со сведениями китайских исторических хроник о событиях на востоке степного пояса в эпоху Хань позволяет предложить новую гипотезу о вероятном владельце дворца. Этим критериям максимально полно соответствует шаньюй хунну Чжичжи: он правил в конце Западной Хань; был знаком с китайскими традициями и культурой, использовал китайскую письменность для переписки; сохранял независимость от Хань и противостоял ей, поэтому мог использовать титул, аналогичный императорскому; еще важнее, что китайские хроники зафиксировали создание им в 40-е гг. до н.э. резиденции на северо-западе империи хунну во владении Цзянькунь 堅昆國 (транскрипция раннего фонетического варианта этнонима и политонима кыргыз (Яхонтов, 1970)), а анализ сведений о географии этого владения указывает на его локализацию в Минусинской котловине. Сама ставка использовалась Чжичжи непродолжительное время (около 42 г. до н.э. или чуть позже он покинул эту резиденцию и создал новую на юго-восточной

окраине Канцзюй), что соответствует недостроенным стенам городища на р. Абакан.

Создание этой удаленной резиденции связано с желанием Чжичжи обезопасить ее от внезапного нападения войск своего брата и соперника Хуханье, признавшего себя вассалом Хань. Для усиления своих войск Чжичжи решил покорить переставшие подчиняться хунну народы на западе и севере степной империи. Началом военной кампании стал его поход около 49 г. до н.э. на запад против Усунь, которые, однако, не подчинились и выслали войско навстречу Чжичжи (Хань шу, цзюань 94б, с. 3800):

鄧支見烏孫兵多，其使又不反，勒兵逢擊烏孫，破之。因北擊烏揭，烏揭降。發其兵西破堅昆，北降丁令，并三國。數遣兵擊烏孫，常勝之。堅昆東去單于庭七千里，南去車師五千里，鄧支留都之。

«Чжичжи, увидев большое войско Усунь 烏孫, а его посол не вернулся, двинул свое войско навстречу Усунь и разбил их. Затем на севере напал на Уцзе 烏揭, Уцзе подчинилось. Отправив войска, на западе разбил Цзянькунь 堅昆, на севере подчинил Динлин 丁令, присоединив три владения. Неоднократно посылал войска для нападения на Усунь и постоянно побеждал их. От Цзянькунь в 7000 ли на востоке расположена ставка шаньюя 單于庭, в 5000 ли к югу находится Цзюйши 車師 (иное чтение – Чэши. – Ю.Е.), Чжичжи остался там и создал столицу 都».

К середине I в. до н.э. усунь находились западнее Дуньхуана: на востоке они граничили с хунну, а на северо-западе – с землями Канцзюй, на западе – с Ферганой, на юге – с разными городами-государствами Западного края (Кюннер, 1961, с. 74; A Concise Commentary, 2014, p. 202). Поскольку усунь отправили свое войско навстречу Чжичжи, то сражение произошло не в глубине их земель, а где-то вблизи их восточной границы. Если учесть, что войско отправил малый куньми усуней Уцзюту, то события, скорее всего, происходили на юго-восточной окраине их владений, т.к. северо-западная часть земель усуней управлялась большим куньми (Кюннер, 1961, с. 73; A Concise Commentary, 2014, p. 201). Хотя Чжичжи разбил первый отряд усуней, но дальше на запад, во владения Усунь, не пошел. В тексте прямо говорится, что сразу после этого сражения Чжичжи направился на север, где покорил Уцзе. Следовательно, наиболее вероятное местонахождение последнего связано с Алтаем.

Далее Чжичжи подчинил еще два владения. Традиционно исследователи полагали, что ориентиры для каждого последующего подчиненного владения указаны относительно предыдущего, поэтому владение Цзянькунь располагали к западу от Уцзе,

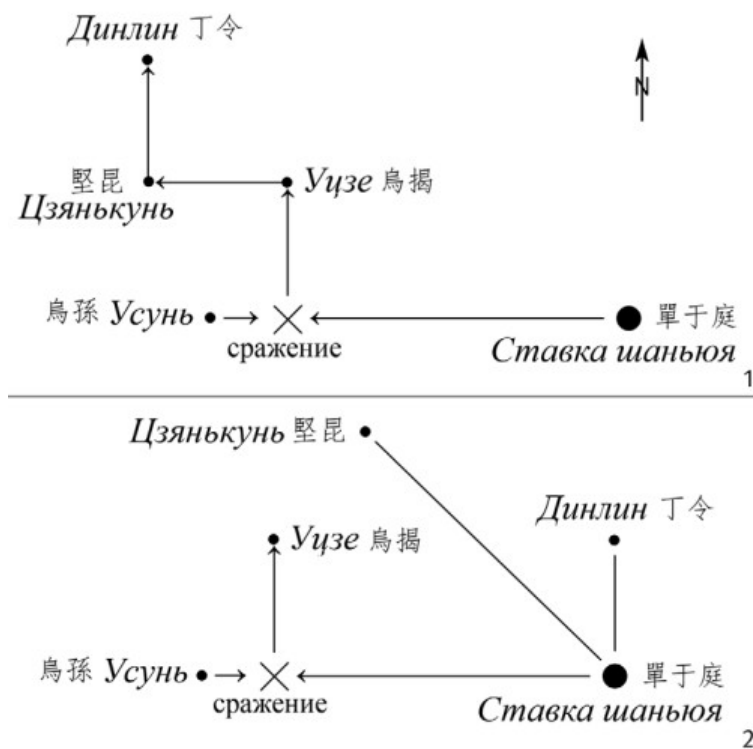

Рис. 1. Визуализация двух подходов к интерпретации сведений Хань шу (цзюань 94б) о местонахождении владений Уцзе, Цзянькунь и Динлин, подчиненных шаньюем Чжичжи: 1 – традиционный; 2 – предлагаемый автором в этой статье

Fig. 1. Visualization of two approaches to the interpretation of the *Han shu* (juan 94b) information on the location of the *Wuji*, *Jiankun* and *Dingling* domains, conquered by Zhizhi Shanyu: 1 – traditional; 2 – proposed by author in this article

а владение Динлин – к северу от Цзянькунь (рис. 1-1). В результате, в зависимости от представлений о локализации места сражения с отрядом усуней и строгости подходов исследователей, появились две основные гипотезы о локализации трех завоеванных владений: 1) Цзянькунь и Динлин находились на юго-востоке современного Казахстана или немного южнее (Грум-Гржимайло, 1926; McGovern, 1939; Бернштам, 1951; Боровкова, 2001; Худяков, 2001); 2) Цзянькунь помещалось в Западной Монголии и на Енисее (Бартольд, 1927), либо только в Западной Монголии (Киселёв, 1949; Кызласов, 1960), а динлины (или часть динлинов) оказывались к северу от Саян либо даже к северу от Минусинской котловины (Бичурин, 1950, с. 50; Maenchen-Helfen, 1939; Бернштам, 1951, карта 4; Дуань Ляньцин, 1988, карта 2). В обоих вариантах предлагаемое размещение владения Динлин плохо согласуется с другими сообщениями о Динлин в исторических хрониках эпохи Хань (Пьянков, 2002, с. 199–200), а также с приводимыми ориентирами для Цзянькунь.

Иное объяснение, которое можно предложить для этого фрагмента *Хань шу* о завоеваниях Чжичжи и более соответствующее другим сведениям, – положение владений Цзянькунь и Динлин указано не от

Уцзе, а относительно упоминаемой далее в этом же фрагменте главной ставки шаньюев хунну (рис. 1-2). В этом случае локализация страны Цзянькунь на западе от ставки шаньюя больше всего подходит для Минусинской котловины. Этому соответствуют и приведенные далее более детальные ориентиры Цзянькунь, включающие информацию о расстоянии в 5000 ли на юг до Цзюйши (Турфан). Правда, расстояние от ставки шаньюя до Цзянькунь в 7000 ли, очевидно, завышено. По мнению китайского историка Юй Тайшаня, тоже помещающего Цзянькунь в Минусинской котловине, к этому числу не следует подходить буквально – в данном случае оно просто указывает на большое расстояние (Yu Taishan, 2019). Неточность может объясняться тем, что в Хань не было ясного представления о длине этого пути в северо-западных владениях хунну, т.к. единственное китайское посольство в новую ставку Чжичжи не вернулось обратно.

Предлагаемый вариант локализации Цзянькунь и Динлин к западу и к северу от главной ставки шаньюев хорошо согласуется с расположением подчиненных Чжичжи земель восточнее сильных и враждебных усуней. Также в пользу именно такой интерпретации свидетельствуют многочисленные

упоминания динлинов в других фрагментах *Хань шу* и в *Хоу Хань шу*: они всегда локализованы в степях к северу от ставки шаньюев на Орхоне и к югу от оз. Байкал. Поскольку владения Уцзе и Цзянькунь были объединены с ними в одно государство и они должны были располагаться рядом с Динлин, гипотеза о локализации Цзянькунь западнее Саяно-Алтая отпадает (**рис. 2**). В данном контексте с владением Цзянькунь может быть соотнесено население Минусинской котловины на позднем этапе тагарской археологической культуры (вполне вероятно, что и на протяжении всей тагарской культуры). Обширное и многолюдное владение Динлин на севере Центральной и Восточной Монголии и в Забайкалье можно связать с потомками части племен, оставивших памятники культуры плиточных могил, а владение Уцзе – с территорией потомков населения чандманьской культуры Западной Монголии и соседних родственных племен.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что хозяином Абаканского дворца являлся Чжичжи шаньюй. Он единственный вероятный обладатель титула Сын Неба, о котором есть прямые сведения, что в 40-е гг. до н.э. он создал резиденцию на северо-западной окраине империи хунну в землях Цзянькунь (кыргызов). Географическая локализация Цзянькунь лучше всего соответствует Минусинской котловине – основной территории, которую государство Кыргыз занимало и в последующие века вплоть до начала XVIII в. Появление титула Сын Неба на черепице Абаканского дворца находит соответствие в вывешивании знамен Сына Неба на стенах резиденции Чжичжи в землях Канцзюй в 30-е гг. до н.э. Наряду с использованием приемов престижной дворцовой архитектуры Хань для Чжичжи это было способом продемонстрировать и символически утвердить свой высокий статус верховного правителя.

Рис. 2. Локализация Цзянькунь и ряда соседних владений, а также ставок правителей хунну в поздний период Западной Хань

Fig. 2. Localization of *Jiankun* and some neighboring domains, as well as residences of the Xiongnu rulers in the late Western Han Period

Список литературы

- Бартольд В.В.** Киргизы (Исторический очерк). – Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1927. – 57 с.
- Бернштам А.Н.** Очерк истории гуннов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. – 256 с.
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена: в 3 т. / [Ред. текста и коммент. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – 382 с.
- Боровкова Л.А.** Царства «западного края» во II–I веках до н.э.: Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу» – М.: ИВ РАН, 2001. – 355, [12] с.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 440 с. (Archaeologica Petropolitana. – Vol. VII).
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // Советская этнография. – 1976. – № 3. – С. 137–149.
- Ван Най.** История китайских иероглифов / Пер. с кит. А.А. Южаниновой. – М.: Шанс, 2019. – 191 с.
- Ван Пэйлянь.** Цинь Хань вадан ту лунь [王培良《秦汉瓦当图论》西安: 三秦出版社 2004年]. Рассуждение об изображениях на вадан Цинь и Хань. – Сиань: Сань цинь чубаньшэ, 2004. – 324 с. (на кит. яз.).
- Го Можо.** Сулянь Цзисин [郭沫若《苏联纪行》上海: 上海中外出版社 1946年]. Заметки о поездке в Советский Союз. – Шанхай: Шанхай чжунвай чубаньшэ, 1946. – 216 с. (на кит. яз.).
- Грум-Гржимайло Г.** Западная Монголия и Урянхайский край. Том второй: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – VI + 900 с.
- Дуань Ляньцин.** Динлин, гаоцзюй юй телэ [段连勤《丁零、高车与铁勒》上海: 上海人民出版社 1988年]. Динлины, гаоцзюй и телэ. – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1988. – 596 с. (на кит. яз.).
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П.** Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская А.О.) // КСИИМК. – Вып. XII. – 1946. – С. 72–84.
- Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Баянсан П.** Архангай аймгийн Өлзийт сумын нутаг дахь Харганын хөндийд орших хүннүгийн хотын тууринд явуулсан малтлага судалгаа // Монголын археологи-2020: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. – Улаанбаатар хот, 2020. – С. 24–28 (на монг. яз.).
- Киселёв С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (МИА. – № 9).
- Ковалев А.А.** Император Китая в хакасской степи // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история / Отв. ред.: С.В. Данилов, П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 77–114. (История и культура Центральной Азии).
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 197 с.
- Кызласов Л.Р.** Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Восточная литература, 2001. – 176 с.
- Кызласов Л.Р.** Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006. – 360 с.
- Кюннер Н.В.** Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 392 с.
- Материалы** по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2 / Введ., пер. и примеч. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1973. – 168 с.
- Митько О.А., Комиссаров С.А.** «Дворец Ли Лина»: реалии и гипотезы // Великий Шелковый путь: культурное наследие и развитие контактов / Под ред. С.А. Комиссарова, Ю.А. Азаренко. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2020. – С. 46–57.
- Пьянков И.В.** Проблема динлинов. Еще раз к вопросу о динлинах // Лев Николаевич Гумилёв. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Мат-лы конф. / Отв. ред. Ю.Ю. Шевченко. – Т. I. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – С. 199–202.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. – М.: Восточная литература, 2003. – 567 с.
- Фуцзян Бяньчжу.** Чжунго вадан ишу [傅嘉儀 編著《中國瓦當藝術》(全二冊)上海: 上海書店出版社 2002年]. Искусство вадан Китая: в 2 т. – Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ, 2002 (на кит. яз.).
- Хань шу** [《漢書》班固(全十二冊)北京: 中華書局 1962年]. «Книга Хань»: в 12 т. / Сост. Бань Гу. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962 (на кит. яз.).
- Худяков Ю.С.** Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 5. – С. 75–83.
- Чжоу Лянькуань.** Сули Нань Сиболлия со фасянь дэ чжунго ши гундянь ичжи [周连宽《苏联南西伯利亚所发现的中国式宫殿遗址》考古学报, 1956年, 第04期]. Остатки дворца китайского типа, обнаруженные в Советской Южной Сибири // Каогу сюэбао. – 1956. – № 4. – С. 55–66 (на кит. яз.).
- Яхонтов С.Е.** Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Советская этнография. – 1970. – № 2. – С. 110–120.
- A Concise Commentary** on the “Memoirs on the Western Regions” in the Official Histories of the Western and Eastern Han, Wei, Jin, and Southern and Northern Dynasties / Trans. by Yu Taishan, Li Qiancheng. – Beijing: Commercial Press, 2014. – 911 p.
- Maenchen-Helfen O.** The Ting-Ling // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1939. – Vol. 4, No. 1. – P. 77–86.
- McGovern W.M.** The Early Empires of Central Asia: A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History, with Special Reference to the Chinese

Sources. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1939. – 529 p.

Pulleyblank E.G. Chinese and Indo-European // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1966. – № 1/2. – P. 9–39.

Qiu Xigui. Chinese Writing. – Berkeley: Society for the Study of Early China and Institute of East Asian Studies, University of California, 2000. – 569 p.

Yu Taishan. [余太山《堅昆地望小考—兼說鄯韓即堅昆》歐亞學刊，新9輯，2019年]. On the Geographical Location of the Jiankun and the Hypothesis about Juanhan-Jiankun Identity // International Journal of Eurasian Studies. – 2019. – Vol. 9. – P. 1–5 (in Chinese).

Yu.N. Esin

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Russia)

NEW HYPOTHESIS ON THE OWNER OF THE ABAKAN PALACE

The report is devoted to the problem of identifying the owner of the palace in the Chinese style, discovered on the left bank of the Abakan River in 1940. The questions of the Xiongnu rulers' titles and the chronology of their use of nomination "the Son of Heaven" are considered, the main features of eaves-tile on the Abakan palace are analyzed. Based on a comparison of the results

of the analysis with data from Chinese written sources about people and events of the Han Era, a new hypothesis is proposed: the Abakan palace can be identified with the residence of Zhizhi, the Xiongnu ruler, which he established in the Jiankun domain, conquered by him approximately in 49 BC.

KEYWORDS: *Khakassia, Abakan palace, Xiongnu, Chinese written sources, Han Era, Jiankun domain, residence of Zhizhi.*

М.Е. Килуновская, П. Леус

Институт истории материальной культуры РАН (Россия)

БРОНЗОВЫЕ АЖУРНЫЕ ПРЯЖКИ-ПЛАСТИНЫ САЯНО-АЛТАЯ

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н.э. — I тыс. до н.э.)»

Со времени выхода в свет эталонной работы М.А. Дэвлет, посвященной бронзовым ажурным пряжкам-пластинам II в. до н.э. — I в. н.э., найденным на территории Сибири, прошло 40 лет (Дэвлет, 1980). За эти годы количество найденных пряжек этого типа значительно увеличилось, что позволяет вернуться к вопросам их происхождения, хронологии, распространения и культурной принадлежности.

Территория Саяно-Алтая попадает в сферу влияния хунну на рубеже III–II вв. до н.э., вероятно, вследствие северных походов шаньюя Маодуня, когда хунну «покорили всех северных варваров» (Таскин, 1968, с. 39). В результате этих событий в регионе появляются носители новых археологических культур, чья погребальная обрядность и вещевой комплекс находят прямые аналогии в памятниках хунну и отличаются от местных культур скифского облика.

В это время у кочевников центральноазиатских степей получают распространение большие прямоугольные поясные пряжки – ажурные или цельные литые, отличающиеся размером и формой от пряжек скифской эпохи. Их появление обычно связывают со временем расцвета государства хунну, когда эти предметы распространяются на широкой территории севера Внутренней Азии и некоторых сопредельных территориях, попадая туда непосредственно с хунну или другими племенами, входившими в их конфедерацию, а также, возможно, в качестве даров, товаров, военной добычи и пр.

Кратко рассмотрим распространение и контекст находок ажурных пряжек-пластин эпохи хунну в археологических памятниках Саяно-Алтая.

Минусинская котловина (Хакасия и прилегающие районы Красноярского края). Отсюда происходит значительное количество целых и фрагментов пряжек с различным орнаментом. Все они являются случайными находками или найдены в составе кладов (Косогольского, Июсского, Лугавского, Уйбатского и др.). Непосредственно из погребений происходят считанные единицы небольших фрагментов пряжек.

Северные предгорья Кузнецкого Алатау (часть Кемеровской обл., граничащей с северной частью

Минусинской котловины, – это единый регион, разделение которого сделано условно). Здесь найдена одна целая пряжка в насыпи тагарского кургана у с. Утинка (Бобров, 1979, с. 254). Неподалеку в кургане у с. Большой Барандат в конце XIX в. обнаружен фрагмент ажурной пряжки. Возможно, именно из этой местности происходит и несколько случайных находок целых пряжек, обозначенных как найденные в Кузнецком округе Томской губернии (см.: Дэвлет, 1980, с. 14, 21, 26).

Тува (Улут-Хемская котловина, район низовьев р. Чаа-Холь у ее впадения в Верхний Енисей (Улут-Хем)). В регионе известны: 1) случайная находка пряжки у с. Булун-Терек в 1980-е гг.; 2) целые пряжки *in situ* на поясах в женских погребениях в могильниках эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин (**рис. 1**). Могильники датируются II–I в. до н.э. Всего найдено 23 целые пряжки и несколько небольших фрагментов, но раскопки могильников еще не завершены (Килуновская, Леус, 2020).

Алтай. Прямоугольные пластины-пряжки здесь пока неизвестны, при этом в регионе археологических памятников эпохи хунну исследовано много. Возможно, отсюда могут происходить некоторые пряжки из Монголии, но их точное местонахождение не всегда можно идентифицировать.

Таким образом, на Саяно-Алтае пока выделяется два центра распространения пряжек, это Тува и Минусинская котловина. О близких или даже родственных контактах между ними свидетельствует тот факт, что чаще всего в них встречается вариант одной и той же пряжки – с изображением двух яков, при этом в Забайкалье о находках таких пряжек пока не известно.

Изначально ажурные пряжки появляются в Туве, что логично предположить как в силу географических причин (путь хунну через Западный Саян в Минусинскую котловину пролегал, вероятнее всего, через Туву), так и исходя из археологических находок – в Минусинской котловине такие пряжки, за исключением нескольких плохо проработанных литых фрагментов, практически не встречаются в погребениях. Они происходят из кладов или дав-

Рис. 1. Ажурные бронзовые пряжки из Тувы: 1 – с изображением пары стоящих друг напротив друга двугорбых верблюдов (Ала-Тей 1, могила 21); 2 – с изображением четырех извивающихся змей (Ала-Тей 1, могила 43); 3 – со сценой борьбы двух тигров и дракона (Терезин, могила 12); 4 – с геометрическим орнаментом: (Ала-Тей 1, могила 2); 5 – с изображением двух кусающихся лошадей Пржевальского (Ала-Тей 1, могила 42); 6 – с геометрическим орнаментом (Терезин, подъемный материал)

Fig. 1. Bronze openwork buckles from Tuva: 1 – with the image of a pair of two-humped camels standing opposite each other (Ala-Tey 1, grave 21); 2 – with the image of four writhing snakes (Ala-Tey 1, grave 43); 3 – with the scene of two tigers and a dragon fighting (Terezin, grave 12); 4 – with a geometric ornament (Ala-Tey 1, grave 2); 5 – with the image of two biting Przewalsky horses (Ala-Tey 1, grave 42); 6 – with a geometric ornament (Terezin, lifting material)

них случайных/грабительских находок, оказавшихся в музеях. Нельзя исключать, что большие грунтовые могильники эпохи хунну, похожие на Ала-Тей 1 в Туве (или Иволгинский и Дэрестуйский в Забайкалье), в Минусинской котловине еще не найдены либо были полностью разграблены в древности,

вскоре после ухода хунну из этого региона. С этими обстоятельствами, вероятно, связаны находки хуннских ажурных бронз в кладках: это могли быть как спрятанные запасы литейщиков, так и добыча грабителей могил.

Список литературы

Бобров В.В. Бронзовая поясная пластина из тагарского кургана // СА. – 1979. – № 1. – С. 254–256.

Дэвлет М.А. Сибирские поясные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 67 с. (САИ. – Вып. Д4-7).

Килуновская М.Е., Леус П. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 97–125.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Выпуск первый / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. – М., 1968. – 177 с.

M.E. Kilunovskaya, P. Leus

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia)

BRONZE OPENWORK BUCKLES-PLATES FROM THE SAYAN-ALTAI

In the 2nd – 1st centuries BC, the territory of the Sayan-Altai fell under the influence and partly the Xiongnu's expansion. This period is marked by the finds of unique openwork bronze belt plates. In Tuva, these buck-

les come from burials (Urbyun, Ala-Tei 1 and Terezin burial grounds), in the Minusinsk Basin, with the exception of a few fragments, – from hoards or long-time accidental/predatory finds got in museums.

KEYWORDS: *Sayan-Altai, Xiongnu, bronze openwork belt plates, Ala-Tei 1 and Terezin burial grounds.*

А.А. Тишкин¹, Н.А. Пластеева^{1, 2}, П.А. Косинцев²

¹ Алтайский государственный университет (Россия)

² Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия)

ЛОШАДИ ИЗ КУРГАНОВ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН-II (АЛТАЙ): АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

Раскопки, проведенные на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае, позволили получить существенную остеологическую коллекцию от лошадей, которые были захоронены в курганах хуннского (сюннского) времени (II в. до н.э. – I в. н.э.), что подтверждено серией радиоуглеродных дат (Тишкин, 2007, с. 264–268, 270–275).

Хорошо известный археологический комплекс **Яломан-II** находится в долине Катуня на высокой надпойменной террасе неподалеку от устья р. Большой Яломан в Онгудайском р-не Республики Алтай (Россия). В начале 2000-х гг. экспедициями Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи исследована западная группа погребальных объектов. Они оказались непо потревоженными и дали существенный объем разноплановых находок, относящихся к раннему этапу булан-кобинской археологической культуры (Тиш-

кин, Горбунов, 2003, 2005, 2006; Тишкин, 2005; Tishkin, 2011; Тишкин, Мыльников, 2016; и др.). Одной из особенностей изученных захоронений стало наличие останков лошадей, уложенных в могилу сверху погребальной камеры, сооруженной в виде каменного ящика (**рис. 1**). В таких курганах сохранность остеологического материала оказалась очень плохой. Еще одним из вариантов ритуальной практики являлось захоронение коня с кенотафом, когда каменный ящик заменяла его сильно уменьшенная копия, а погребение человека отсутствовало (**рис. 2**).

Лошади Яломана-II

Скелеты лошадей обнаружены в 14 курганах – № 43, 44, 46, 46а, 48, 51, 52, 54, 57, 59–63.

Курган № 43. Целый скелет коня располагался в северо-западной половине могильной ямы. Животное было уложено на правый бок со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на ЮВ (**рис. 1**).

Рис. 1. Яломан-II, курган № 43. Захоронение лошади

Fig. 1. Yaloman-II, mound No. 43. Horse burial

Рис. 2. Яломан-II, курган № 44. Захоронение лошади

Fig. 2. Yaloman-II, barrow № 44. Horse burial

Рядом с черепом обнаружены железные удила с псалями. В районе шеи и спины находился органический тлен темно-коричневого цвета, в котором просматривались остатки шкуры. Возможно, часть сохранившейся органики являлась остатками мягкого седла. Ниже этого скопления найдены две полоски золотой фольги. Лошадь лишь частично располагалась на каменном перекрытии ящика и занимала в могильной яме пространство, свободное от погребальной камеры. В районе живота обнаружена железная подпружная пряжка. Там же собраны остатки органического тлена зеленоватого цвета. Палеокарпологический анализ позволил выявить семена пухляка (*Leonurus sp.*) и болотницы (*Eleocharis sp.*).¹ Под шейными позвонками найдено каменное кольцо.

Курган № 44. Конь был уложен на правом боку с подогнутыми ногами почти по линии З–В и занимал большую часть могильной ямы, т.к. каменный ящик представлен имитацией, а погребение человека отсутствовало (**рис. 2**). Голова животного была завернута в сторону туловища. Рядом с черепом обнаружены кости овцы, а у тазовых костей – железные удила. В районе живота местами просматривались следы сильно истлевшей органики зеленого цвета.

Курган № 46. Лошадь располагалась, по всей видимости, на правом боку с вытянутыми ногами

и занимала часть могильной ямы между каменным ящиком и стенкой. Некоторые кости скелета, скорее всего, не сохранились. От черепа остались только зубы. В их скоплении оказались железные удила с псалями и обоймами плохой сохранности.

Курган № 46а. В заполнении могилы найден скелет лошади, уложенной на левый бок со слегка подогнутыми ногами. Между челюстями обнаружены железные удила с кольчатыми псалями и обоймами для повода плохой сохранности. В районе спины зафиксированы органические остатки, возможно от седельной подушки. Найдены бронзовые обкладки и фрагменты кожаных ремней.

Курган № 48. Кости лошади располагались в северной части могилы среди камней заполнения. Животное, по всей видимости, было положено на бок. Фрагменты двух железных псалиев оказались среди костей черепа.

Курган № 51. Сопроводительное животное находилось выше перекрытия погребальной камеры, ближе к северо-восточной стенке ямы. Лошадь была уложена на левом боку с вытянутыми ногами. При ней в районе крупа обнаружены железные удила с псалями, бронзовые распределители ремней узды, а также остатки органики (от мягкого седла?).

Курган № 52. Кости скелета лошади оказались разной степени сохранности. Череп разрушен. Туша коня лежала на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Значительная часть туловища находилась в отдельном отсеке могильной ямы, а шея и голова лежали на перекрытии каменного ящика.

¹ Определения выполнила О.М. Корона (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

У лопатки передней ноги лошади обнаружено золотое изделие («колпачок»). Два кольца, сделанные из рога, найдены в районе спины. Железные удила плохой сохранности выявлены у шейных позвонков, а не в зубах лошади. Отмечен скелет ягненка.

Курган № 54. Кости двух коней находились среди камней забутовки. Одна лошадь (верхняя или восточная) была уложена немного выше, а вторая (нижняя или западная) – ниже. Животные были размещены в пространстве, оставшемся в могиле после устройства погребальной камеры с умершим человеком. Нижнюю лошадь положили на спину, а ее голову завернули к животу. В зубах обнаружены железные удила с характерными псалями, а на ребрах – подпружная пряжка из рога. Верхняя лошадь также располагалась на спине вдоль восточной стенки, головой на ЮВ. На лобной части черепов обоих животных зафиксированы фрагменты краски.

Курган № 57. Лошадь была уложена на правом боку со слегка подогнутыми ногами в северо-западном углу могильной ямы. Скелет имел удовлетворительную сохранность. В зубах находились железные удила с остатками роговых псалий. В районе спины обнаружено компактное скопление органического тлена, который, возможно, остался от седельной подушки. Рядом с костями оказался фрагмент железного изделия (пряжка или застежка?).

Курган № 59. Лошадь, по всей видимости, в могилу была положена на левый бок, а голову завернули к спине. Железные удила с кольчатыми псалями в обломках и кольчатые распределители ремней узды находились отдельно у нижней челюсти. На верхней части черепа обнаружены бронзовая бляха и фрагмент кожаного ремешка. Под черепом фиксировался органический тлен, а рядом с ним лежали кости овцы. У восточной стенки могилы находился небольшой каменный ящик, в котором отмечены только следы органики.

Курган № 60. В северо-западной части ямы найден скелет лошади. Хорошо сохранился лишь череп. Остальные кости были плохой и очень плохой сохранности. Возможно, животное было уложено на правом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Частично сохранившиеся удила с кольчатыми псалями, железная пряжка и роговая подпружная пряжка обнаружены на ребрах. Они лежали довольно компактно, и можно предполагать концентрацию конского снаряжения (узды и седла) именно сверху туши животного. Удалось определить сезон забоя лошади – май–октябрь.²

Курган № 61. Среди камней первоначально были найдены остатки черепа лошади. Рядом с ними зафиксированы металлические украшения кожаной узды, а также фрагменты удил с роговыми псалями и части пряжки-блока. Остальные кости конского скелета плохой сохранности располагались между каменным ящиком и северо-западной стенкой могильной ямы. Судя по ним, животное было уложено на боку с подогнутыми ногами. Обнаружен фрагмент подпружной пряжки из рога.

Курган № 62. Лошадь была уложена в северо-западном углу могилы на правом боку с подогнутыми ногами. Голова была вывернута и располагалась вдоль северной стенки. Фрагменты железных удил с кольчатыми псалями и тлен от разрушившейся подпружной пряжки из рога зафиксированы на ребрах животного. Железная пряжка обнаружена в районе груди.

Курган № 63. Лошадь была уложена на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток. Ближе к восточной стенке могилы располагался небольшой каменный ящик. Череп коня сохранился плохо. Среди зубов найдены фрагменты железных удил и зафиксированы окислы от разложившихся бронзовых предметов.

Анализ

Все результаты морфометрического анализа (см. ниже) получены при реализации широко применяемых методик в ходе археозоологических исследований (Витт, 1952; Silver, 1969; Eisenmann et al., 1988; и др.).

Изучены 15 лошадей, представленных полными скелетами. В кургане № 54 оказались захоронены две особи, в остальных – по одной. Жертвенные животные, для которых удалось установить пол, оказались жеребцами (**табл. 1**).

По всем скелетам установлен индивидуальный возраст (**табл. 1**). Захороненные лошади принадлежали разным возрастным группам – от неполовозрелых до старых. В кургане № 54 найден жеребенок возрастом до 1 года. Половозрелые животные располагались в курганах № 44, 59, 60, 62 и 63. Доля неполовозрелых животных в исследованных курганах могильника Яломан-II высока и составляет 67%, что выше, чем в погребениях пазырыкской культуры (**табл. 2**). Среди лошадей, найденных в пазырыкских курганах, преобладали взрослые и старые особи.

Рост в холке и тонконогость реконструированы для половозрелых особей. Три особи из курганов № 44, 60 и 63 относятся к группе среднего роста (136–144 см), две особи из курганов № 59 и 62 – к группе ниже среднего роста (128–136 см). По признаку массивности костей четыре лошади относятся

² Заключение предоставила О.П. Бачура (Институт экологии растений и животных УрО РАН).

Таблица 1. Индивидуальный возраст и пол лошадей из курганов хуннского времени могильника Яломан-II

Номер кургана	Число особей	Пол	Возраст, лет
43	1	Жеребец	3–4
44	1	Жеребец	15–18
46	1	?	1–2
46а	1	?	1–2
48	1	Жеребец	3–4
51	1	?	2–3
52	1	?	2–3
54	2	Жеребец ?	3–4 0–1
57	1	Жеребец	3–4
59	1	Жеребец	15–18
60	1	Жеребец	12–15
61	1	?	1–2
62	1	Жеребец	12–15
63	1	Жеребец	18+

Таблица 2. Соотношение возрастных групп лошадей в курганах могильника Яломан-II и захоронениях пазырыкской культуры Алтая, %

Памятник (источник публикации)	Возраст, лет			Всего, экз.
	до 5	5–15	15+	
Яломан-II	67	13	20	15
Большой Катандинский курган (Пластеева и др., 2018)	–	31	69	13
Пазырык и Шибе (Витт, 1952)	19	81		69
Берел (Косинцев, Самашев, 2008)	8	36	56	63
Ханкаринский дол, Инской дол, Чинета-II (Пластеева и др., 2020)	17	83		35

к категории полутонконогих и лишь один жеребец из кургана № 59 – к категории средноногих.

Череп взрослых животных оказались сильно повреждены и непригодны для промеров. Абсолютные размеры костей конечностей представлены в табл. 3.

В заключение отметим, что кратко представленные материалы и сделанные определения по-

зволяют продолжить сравнительный анализ не только с пазырыкскими лошадьми, но и с другими аналогичными животными Алтая и сопредельных территорий (см.: Гребенников, 2009; Лукерина, 2018; Пластеева, Тишкин, 2018; и др.). Важным станет определение их места среди ранее изученных коней Центральной Азии хуннского (сюннского) времени.

Таблица 3. Абсолютные размеры костей конечностей лошадей из курганов хуннского времени могильника Яломан-II, мм

Признак	Пястная кость	Плюсневая кость
Длина наибольшая	5; 222,5 / 217,0–230,2 ³	4; 264,2 / 260,0–266,1
Ширина диафиза	5; 33,7 / 32,4–35,0	4; 31,7 / 30,2–33,9
Ширина верхнего конца	4; 50,2 / 48,1–51,5	4; 51,1 / 48,1–53,0
Ширина нижнего конца	4; 49,6 / 47,8–51,6	3; 48,8 / 48,0–49,5

³ N; M / Min-Max, где N – число костей, M – среднее значение признака, Min-Max – минимальное и максимальное значение признака.

Список литературы

- Витт В.О.** Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Т. XVI. – С. 163–205.
- Гребенников И.Ю.** Лошади кочевников Горного и Лесостепного Алтая (по остеологическим данным) // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – № 5. – С. 166–172.
- Косинцев П.А., Самашев З.С.** Лошади Алтая в скифо-сакское время // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 137–140.
- Лукерина Я.Е.** Лошади из памятника Степушка-2 в Горном Алтае // В.И. Соенов, Н.А. Константинов, С.В. Трифонова. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае [Электронный ресурс]. – Горно-Алтайск: БиЦ ГАГУ, 2018. – С. 150–153.
- Пластеева Н.А., Дашковский П.К., Тишкин А.А.** Морфологическая характеристика лошадей из памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 4 (32). – С. 123–130. DOI: 10.14258/tpai(2020)4(32).-09.
- Пластеева Н.А., Тишкин А.А.** Лошади из курганной группы Степушка-I // А.А. Тишкин, С.С. Матренин, А.В. Шмидт. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. – С. 358–364.
- Пластеева Н.А., Тишкин А.А., Саблин М.В.** Лошади из Большого Катандинского кургана (Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 107–109.
- Тишкин А.А.** Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 195–201.
- Тишкин А.А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – 356 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. 1. – С. 488–493.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее: Матлы регион. науч.-практ. конф. / Редкол.: А.В. Харинский и др. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 327–333.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. – 2006. – № 3. – С. 31–40.
- Тишкин А.А., Мыльников В.П.** Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – 192 с. (Археологические памятники Алтая. – Вып. 2).
- Eisenmann V., Alberdi M.T., De Giuli C., Staesche U.** Studying fossil horses. Methodology. – Leiden: E.J. Brill, 1988. – 71 p.
- Silver I.A.** The ageing of domestic animals // Science in archaeology: a survey of progress and research / Ed. D. Brothwell, E. Higgs. – London: Thames & Hudson, 1969. – P. 283–302.
- Tishkin A.A.** Characteristic burials of the Xiongnu period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. U. Brosseder, B.K. Miller. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. – P. 539–558. (Bonn Contributions to Asian Archaeology. – Vol. 5).

A.A. Tishkin¹, N.A. Plasteeva^{1, 2}, P.A. Kosintsev²

¹ *Altai State University (Russia)*

² *Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

HORSES FROM THE XIONGNU PERIOD BARROWS OF YALOMAN-II ARCHAEOLOGICAL SITE (ALTAI): ARCHAEOLOGICAL CONTEXT AND ARCHEOZOLOGICAL DETERMINATIONS

Bone remains of horses found in barrows of the Xiongnu Period in Altai have not yet become the subject of a special and consistent study. The implementation of such a program was indicated during the implementation of project No. 19-59-15001 of the Russian Foundation for Basic Research. The well-known archaeological complex Yaloman-II, where a group of burial objects with accompanying burials of horses was excavated, became the basic

site. The article provides a brief description of the recorded osteological finds and for the first time presents the archaeozoological determinations made (age, sex, height at the withers, thin-legged, etc.) on 15 skeletons of different preservation. The data obtained made it possible to proceed to a comparative analysis with the revealed indicators in horses of the previous Pazyryk culture. In addition, other similar assessments and paleogenetic studies are on the way.

KEYWORDS: *Central Altai, Yaloman-II, Xiongnu time, barrow, excavations, horse burial, archaeozoological definitions.*

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

ТРАДИЦИИ КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ В IV–VI вв.

В статье идет речь о специфике костюма северных варваров (*hufu* / 胡服), которую внесли в культуру Северного Китая правившие там потомки одной из групп сяньбийцев (*Sianbi* / 鮮卑) – **тоба** (*Tuoba* / 拓拔 / *Tabgach*), известной в хрониках с 261 г. и изначально, видимо, проживавшей на северо-западе Маньчжурии. Они создали на китайских землях **государство Северное Вэй**, иначе – Тоба Вэй (拓跋魏), существовавшее с 386 по 535 г. (и разделенное на две части – до 550 и 557 г.) со столицей вначале в Пинчэне / 平城 (совр. Датун в пров. Шаньси), а позже – на юго-западе, в старом Лояне / 洛阳市.

Примерно через год после переноса столицы, летом 495 г., император Сяовэнь (*Xiaowen* / 孝文, 471–499), желая цивилизовать свой народ и сблизить его с ханьским населением, *провел известную костюмную реформу*, официально предписав всем **тоба** моложе 30 лет носить ханьскую одежду, а также срезать мужские косы и надеть китайский головной убор, предположительно наиболее распространенный (рис. 1-1). Среди прочего, Сяовэнь насаждал при дворе такую базовую (известную со времен Инь) одежду ханьцев, как длинные китайские опоясанные халаты **shenyi** (*Shên-i* / 深衣) и вводил особые короны, свойственные именно этой династии.¹ В одежде придворной элиты **тоба** теперь, как и раньше у ханьцев, было много темного и черного (сюань / *xuanyi* / 玄衣 – темная ткань). На разнообразные реформы молодого Сяовэня в сфере китаизации **Тоба** (при восшествии на престол ему было 7 лет) повлияла, как считается, ревностная буддистка – вдовствующая императрица Фэн (442–490, бывшая регентшей с 476 г.), бывшая супруга Вэньчэна (440–465). Эти события достаточно подробно описаны в «Вэйшу» (VII.2), составленной Вэй Шоу (506–572) в 554 г., вскоре после гибели Восточной Вэй (Wei Shou, 2021).

¹ См. специфическую корону императрицы 522 г. на рельефе из пещеры Биньян в Лунмэне из коллекции Музея искусств Нельсона–Аткинса (https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Procession_of_the_Empress_as_Donor_with_Her_Court,_Chinese,_from_the_Binyang_Cave,_Longmen,_Henan_Province,_Northern_Wei_Dynasty,_about_522_-_Nelson-Atkins_Museum_of_Art_-_DSC09118.JPG) (рис. 4-1).

Однако менее чем через четыре года 31-летний император умер в ходе очередной из войн, и вряд ли его запрет национального костюма правящих **тоба** соблюдался в последующие годы столь же строго. Не приходится сомневаться и в привлекательности весьма удобного в быту для Северного Китая костюма **тоба** для ханьского населения; он был едва ли не столь же популярен, как и собственно ханьский предшествовавшего времени (ср.: Lingley, 2010). Во всяком случае, сяньбийские и смешанные элементы костюма сохранялись на севере страны еще в начале VII в., и только при династии Тан они исчезли (Write, 1979, p. 47–58). Это неудивительно: ведь в создателях Тан текла кровь сяньби... Впрочем, и при этой династии очень быстро и всерьез в моду вошел костюм разгромленного Восточного Каганата (Yatsenko, 2009).

Показательно, что важное место в изменении костюма имел *запрет ношения кос* (пряжи волос теперь надо было укладывать на китайский манер). Последние для ханьцев (вплоть до ликвидации навязанного когда-то маньчжурами ношения кос *бянь-фа* / 辮髮 китайскими мужчинами к 1912 г.), видимо, были своеобразным символом «варварства». Показательно, что позже, когда правитель Турфанского княжества, подчиненного Восточному Каганату, ханец Цзюй Боя в 612 г. решил «заняться великими переменами» и цивилизовать своих разношерстных подданных, он в первую очередь приказал мужчинам удалить тюркские косы (Яценко, 2000, с. 361–363).

В современном увлечении многих китайцев традиционным историческим костюмом своей страны (*Hanfu* / 汉服) разных эпох «стилю Вэй – Цзинь» находится достаточно широкое применение. Однако их привлекает одежда и прическа не «варваров»-**тоба**, а скорее их скрытых оппонентов – литераторов и отошедших от дел чиновников: «династия, в которой древние жили наиболее свободно и откровенно, поэтому одежду того периода можно воспринимать как стиль литераторов» (The Different..., 2020; также см.: Книга прозрений, 1997, с. 38–61).

Специальных больших публикаций по костюму народа **тоба** и Северной Вэй пока нет. Это время довольно кратко характеризуется в нескольких обобщающих трудах по истории китайского костюма

Рис. 1. Костюм с запахованием налево: 1 – воин, Музей Метрополитен; 2 – сидящая дама (по: www.pinterest.com); 3 – танцовщица (по: commons.wikimedia.org/wiki/); 4 – танцовщицы, Музей Лояна; 5 – ткань 487 г. из пещеры 215-216 в Могао

Fig. 1. Clothes with wrapping to the left: 1 – warrior, Metropolitan Museum; 2 – sitting lady (after www.pinterest.com); 3 – dancing girl (after commons.wikimedia.org/wiki/); 4 – dancing girl, Luoyang Museum; 5 – textile of 487 CE from the cave of 215-216 CE in Mogao

(например, см.: Ниа Меі, 2004). Отдельные замечания можно найти в трудах по истории и культуре данного периода (Jenner, 1981; Dien, 2007; Lewis, 2009; Liu Puning, 2020).

Источники по костюму тоба IV-VI вв. на изображениях разнородны. Активная поддержка их аристократией еще чуждого многим китайцам буддизма привела к появлению серий изображений донаторов, музыкантов и даже некоторых образов Будды и бодхисаттв в костюме тоба или с его элементами.

Из пещерных буддийских комплексов ближе всего к первоначальной столице Северной Вэй Pengcheng / 彭城 (ныне г. Датун) находится **Юньнань / Yungang / 云冈**, который создавался только при этой династии. Он включает 252 пещеры,

35 из которых более крупные (см., например: Caswell, 1988). Вторым важным комплексом – **Лунмэнь / Longmen / 龍門石窟** у нового центра страны Лояна был основан сразу после переноса столицы в 494 г. Это огромное скопление 2345 пещер, 30% которых было оформлено именно во времена Северной Вэй (см., например: McNair, 2007). Неподалеку находится весьма скромный комплекс монастыря **Гоньи / Gongyi / 鞏義**; он основан в 518 г. и включает 256 пещер в пяти главных гротах (<https://www.trip.com/travel-guide/gongyi/gongyi-grottoes-temple-80721/>). Что касается пещер **Могао / Mogao / 莫高窟** у Дуньхуана – западной границы царства, то из примерно 500 пещер, появившихся здесь с 366 г., лишь 10 относятся к Северной Вэй

и еще 10 – к ее обломку Западной Вэй (535–557) (см., например: Fan Jinshi, Shengliang Zhao, 2009). Однако среди первых есть весьма интересные для нашей темы пещеры 257, 251, а также 125-126 и 28.

Другим источником, особенно важным для изучения внешнего облика тоба, не относившихся к правящей элите, является серия погребальных фигурок, группами расставленных в богатой могиле – «**минчжи**» / **mingqi** / 冥器. Такие фигурки (еще не покрывавшиеся глазурью) были полихромными, но на поверхности красители сохраняются нечасто. Их коллекции не столь обширны, как в ранний период династии Тан, и хранятся прежде всего в китайских собраниях Музея Датуня, Музея Лояня, Музея истории пров. Шэньси, Музея наследия в Гонконге. Из зарубежных музеев их коллекции из разграбленных могил имеют такие музеи, как Метрополитен, Королевский музей Онтарио, парижский *Сегумсchi*. Единичные интересные «минчжи» Северной Вэй встречаются и в художественных музеях в Ворчестере, Сан-Диего, Принстонского университета, Института искусства Чикаго, музеях *Milwaukee* и *Nelson–Atkins* и др. Изредка важные «минчжи» этого времени мелькают в каталогах продаж *Sotheby's*, *Christie's*, *1stDins*. Конечно, особенно интересны сохранившиеся погребения Северного Китая с сериями необычных «минчжи» Северной Вэй. Это могила 1974 г. в округе Цы, могила 2 у учительского колледжа «Яньбэй» в Датуне, и, конечно, большая их серия из погребения Юань Чжао в Лояне. Интересную серию «минчжи» из одной могилы имеет в своем собрании Музей искусства Принстонского университета. Увы, многие значимые для нас «минчжи» находятся в неизвестных частных коллекциях и анонимно выложены в интернете. Специальные интернет-коллекции по фигуркам Северной Вэй в мировой Сети крайне редки (Freese, б.г.; Yatsenko, 2021)

Органических предметов костюма хорошей сохранности известно очень мало. Так, в Китайском национальном музее шелка в Ханчжоу хранится в идеальном состоянии шлемовидный головной убор тоба (инв. № 2592). Он описан ниже. Другой ценный экспонат этого музея (инв. № 2513) – это вариант «**яолань**» / **yaolan** / 腰襖 – легкой и короткой (до таза) куртки или блузки с длинными и довольно широкими рукавами, стоячим воротом, скошенной левой полрой, которая застегивалась у правого бока парой ленточек. У этого экземпляра рукава заметно расширяются к краям. Он сделан из коричневой тафты с узором из белых точек (Шелковый путь, 2007, с. 15–16). Не менее важен фрагмент многоцвет-

ной вышивки на шелковой ткани, обнаруженный в 1965 г. при расчистке входа в пещеры 125-126 в Могао. Вышивка датируется 487 г., т.е. до костюмной реформы у тоба. На ней изображены глава семьи, князь Хуан Ян с четырьмя родственницами – матерью, женой и двумя дочерьми (Sullivan, 1973, cat. 40–41). Здесь цветом переданы редкие детали: узоры мантий, женские косы и др. Единичные сохранившиеся лаковые изделия (шкатулки, ширмы) представляют парадный и в основном уже китаизированный костюм.

Рассмотрим те **элементы костюма и его манеры ношения** в Северном Вэй, которые не были известны или популярны в предшествовавший период Хань, Троецарствия и Западной Цзинь до кочевых вторжений в Северный Китай в 304–316 гг., а также не имеют отношения к хорошо известному (и во многом стандартному) костюму тогдашнего ханьского населения. Они могут считаться принадлежавшими самим сяньбийцам – тоба или адаптированными ими у соседних «варваров». В некоторых редких случаях на изображениях Будды, бодхисаттв и апсармы также видим явные элементы костюма Северной Вэй: в скульптурном и рельефном варианте в камне они важны тем, что лучше передают некоторые мелкие детали.

1. *Запахивание верхней наплечной одежды налево*. Как известно, оно было совершенно противоположно принятому у ханьцев, и это делалось последними лишь с умершими на похоронах. Запахивание на определенную сторону было важным элементом культурной идентификации. В данном случае речь идет о небольшой части не вполне китаизированных тоба. При этом в публично предъявляемых изображениях их уже нет, они остались только на некоторых погребальных фигурках «минчжи». Левый запах в этих случаях иногда имеют люди обоих полов, он отмечен для разных типов верхней одежды. Однако, в известных мне случаях, у женщин – это всегда короткая куртка с удлинющимися рукавами «яолань». Таковы танцовщицы на изображениях Музея Лояня (<https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252795/>) (**рис. 1-3**) и на образце из Wikimedia (https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Worker_Figures.jpg) (**рис. 1-4**), а также фигурка сидящей дамы из неизвестного источника (<https://www.pinterest.ru/pin/14566398765935250/>) (**рис. 1-2**). У мужчин это тоже может быть яолань: ее мы видим у чиновника из могилы Юань Чжао в Лояне или на всадни-

ках-барабанщиках в похоронной процессии из коллекции Принстонского университета.² Однако у большинства мужчин запахивание налево отмечено для неханьских по происхождению, степных форм. Это узкие кафтаны до колен или выше, с длинными и узкими рукавами и обычно – скошенным воротом. В двух комплексах у слуг при этом кафтан не опоясан и, вероятно, полы скреплялись парными завязками.³ У актера-мима (?) такой кафтан держится довольно широким поясом (<https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252575/>) (рис. 2-2). У воина-пехотинца на кафтане ворот не скошен: сильно отогнутый его край образует большой правый лацкан (см. ниже) (<https://www.pinterest.ru/pin/31511305162800478/>) (рис. 1-1).

2. Длинные кафтаны-накидки, имевшие длинные и узкие рукава, но носившиеся при этом на плечах как всадниками, так и пешими мужчинами. Подол и рукава при этом закреплялись сзади, не создавая помех.⁴ Вверху, на шее, это одеяние крепилось довольно своеобразным воротником, представлявший собой кольцевой валик (явно не меховой, а набитый чем-то вроде ваты); спереди его концы скреплялись двумя лентами узлом, как это мы видим на фигурках из могилы 1974 г. в округе Ци (https://en.wikipedia.org/wiki/Northern_

² https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Figures_from_Tomb_of_Yuan_Zhao,_Luoyang_-_2.jpg https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Figures_from_Tomb_of_Yuan_Zhao,_Luoyang_-_3.jpg (рис. 2-4, 2-5); https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/43/Tomb_figurines%2C_China%2C_Northern_Wei%2C_early_500s_AD%2C_earthenware_with_pigment_-_Princeton_University_Art_Museum_-_DSC07088.jpg.

³ Это «минжчи» из Гаочаньпо в Музее истории Шэньси (<https://www.pinterest.ru/pin/309692911847868350/>) и в могиле 2 у учительского колледжа в Датуне (http://dla.library.upenn.edu/dla/fisher/detail.html?id=FISHER_n2012080911).

⁴ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/db/Tomb_figurines%2C_China%2C_Northern_Wei%2C_early_500s_AD%2C_earthenware_with_pigment_-_Princeton_University_Art_Museum_-_DSC07091.jpg (рис. 3-2); https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/a9/Cavalryman_on_armoured_horse%2C_China%2C_Northern_Wei_dynasty%2C_c._500-534%2C_earthenware_-_Royal_Ontario_Museum_-_DSC04074.JPG (рис. 3-1); <https://www.ancient.eu/uploads/images/7494.jpg?v=1509084875>; <https://www.ancient.eu/uploads/images/7494.jpg?v=1509084875>; <https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252813/>.

[Dynasties_tombs_of_Ci_County#/media/File:Ogive_figurines_\(风帽俑\).jpg](https://www.ancient.eu/uploads/images/7494.jpg?v=1509084875)) (рис. 3-3).

3. Кроме этих, оба пола носили иного облика длинные кафтаны с узкими и длинными рукавами. Ворот немного скошен. Они имели, по древней традиции, легкий запах налево. Судя по всему, они носились до костюмной реформы Сяовэня. Мужской вариант до пят представлен в могиле у колледжа «Яньбэй» в Датуне (http://dla.library.upenn.edu/dla/fisher/detail.html?id=FISHER_n2012080911, № 4) (рис. 2-6). Кафтан красно-белый и имеет широкую полосу пришивного подола. Женский аналог длиной ниже колен представлен на вышивке 487 г. из пещеры 125-126 в Могао на женской родне князя Хуан Яна (Sullivan, 1973, cat. 40–41). Кафтан сплошь покрыт крупными узорами с мотивами западного происхождения – вьющейся виноградной лозой и вариантом «сердечек» (рис. 1-5).

4. В ряде случаев, как уже отмечалось, на одном «минжчи» воина документируется традиционная степная одежда (короткий кафтан с длинными узкими рукавами и запахом налево) с крупным правым лацканом. При этом конструкция кафтана допускала также застегивание наглухо. Последнее мы видим у всадников или слуг в традиционном кочевническом костюме.⁵ На изображении бодхисаттвы из Музея Метрополитен (<https://images.metmuseum.org/CRDImages/as/original/DP170134.jpg>) <https://images.metmuseum.org/CRDImages/as/original/DP170134.jpg>) также изображен правый лацкан, но очень узкий. При этом он представлен не на одежде кочевнического облика, а на тогдашнем ханьском яолане.

5. Женское платье с коротким шлейфом. Такие платья впервые изображены на уже упомянутой вышивке 487 г. в Могао. В обоих случаях эти платья зеленые, и на обеих этих женщинах узор кафтанов красный, а не черный. Замечу, что своеобразный шлейф в это время образовывала и задняя часть традиционного ханьского халата *shenyi* (*Shên-i* / 深衣), который, однако, был не подпоясан, а распаханут, и его край нес слуга (стенная роспись в том же Могао: <https://www.newhanfu.com/11666.html>) <https://www.newhanfu.com/11666.html>) (рис. 2-7).

6. Мужские кафтаны с серией клиновидных выступов на подоле. На одной из росписей в пещере 28 в Могао видим шествующую за монахом группу из пяти мужчин и нескольких слуг меньше-

⁵ https://www.auction.fr/_en/lot/dynastie-des-wei-du-nord-ndash-534-547-cavalier-sur-sa-monture-en-5787449. May 2014 (рис. 2-1); <https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252670/>; <https://www.newhanfu.com/11666.html> (рис. 2-7).

Рис. 2. Традиционные формы мужской одежды тоба: 1 – всадник-охотник (по: www.auction.fr/, май 2014 г.); 2 – актер, Институт искусства Чикаго; 3 – «сяньбийский головной убор», Национальный музей шелка, Ханьчжоу; 4–6 – «минчжи» из могилы 2 учительского колледжа «Яньбэй» в г. Датун; 7 – стенная роспись в Могао (по: <https://www.newhanfu.com/11666.html>)

Fig. 2. The traditional forms of Touba men's clothing: 1 – riding hunter (after www.auction.fr/, May 2014); 2 – actor, Art Institute of Chicago; 3 – "Sianbi headdress", China National Silk Museum, Hangzhou; 4–6 – "mingqi" figurines from grave 2 near the Teachers College Yangbei in Datong; 7 – wall painting in Mogao (after <https://www.newhanfu.com/11666.html>)

го пояса (https://assets.discoverlosangeles.com/sites/default/files/styles/article_section/public/media/Culture/Museums/getty-center-cave-285-wall-painting-detail.jpg). На них – небольшие головные уборы на макушке, характерные для Вэй (**рис. 1-1**). Привлекают внимание их наглухо застегнутые кафтаны до колен, со стоячим воротом и длинными узкими рукавами. Наиболее интересный элемент у них – расположенные через равные промежутки по пе-

риметру подола однотипные выступы-клинья (все-го их должно быть восемь). Позже кафтаны именно с восемью клиньями известны в разных вариантах только в оазисе Куча, но у женщин (например, см.: Яценко, 2000, табл. 62-2). У молящихся также белые штаны и обувь.

7. Изредка в качестве верхней одежды мужчины использовали рубахи до колен, с узким горизонтальным воротом и длинными узкими рукавами,

Рис. 3. Кафтаны-накидки: 1 – Королевский музей Онтарио; 2 – Музей искусства Принстонского университета; 3 – могила 1974 г. в округе Ци

Fig. 3. The caftans-cloaks: 1 – Royal Ontario Museum; 2 – Princeton University Art Museum; 3 – grave of 1974 in the Ci County

которые подпоясывались. У знатного мужчины в «сяньбийском головном уборе» (см. ниже), чья фигурка продавалась в Barakat Gallery, рубаха (как и шапка) имеют крупные узоры из красных круглых цветов. Левый рукав рубахи распущен ниже кисти, вероятно, для молитвы (<http://www.barakatgallery.com/store/Index.cfm/FuseAction/ItemDetails/UserID/HsdSG9s1faAK2BV/TopMenuID/5/requesttimeout/500/ItemID/10280.htm>). У простых акробатов из музея в Датуне рубахи однотонные, одно ярких цветов – белого и красного (<https://i.pinimg.com/originals/8f/5c/cc/8f5ccc662acbb7cbff-73037dado8227c.jpg>). Если же они носились под распашной одеждой, часто мы видим их ворот с V-образным вырезом.

8. Характерный мужской головной убор тоба, который у ханьцев получил особое название *Xianbei tao* / 鮮卑帽 – «сяньбийский головной убор». Его подлинник, как уже говорилось, хранится в Китайском национальном музее шелка в Ханчжоу (Шелковый путь, 2007, с. 15) (рис. 2-3). Верх убора имеет форму невысокой полусферы,⁶ с пришитой по нижнему краю полосой, к нему примыкает широкий и длинный назатыльник, опускавшийся на плечи и защищавший от ветра и дождя

⁶ Этот убор не стоит путать с появившимся раньше убором в форме цилиндра с плоским верхом, тоже имевшим назатыльник. Ср., например, известный рельеф из Лунмэнь с процессией вельмож (<https://ka-perseus-images.s3.amazonaws.com/9c5f483a9d266987b2840007de8bbo393bdo68ce.jpg>).

(общая его высота получается 63 см). Он шит из драгоценной ткани – пурпурного узорчатого дамаска с изображением драконов-лун и фениксов-фэнхуан, надо лбом – узор из ромбов с парными изображениями животных в них. Такие уборы на «минжчи» почти всегда представлены у всадников – воинов, охотников, музыкантов. Это неудивительно, т.к. перед нами исходно убор всадника-номада. Лишь в одном случае (в могиле Юань Чжао в Лояне) такой убор представлен у пешеходных барабанщиков на похоронах (https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Musicians_from_Tomb_of_Yuan_Zhao,_Luoyang_-_3.jpg). К собственно головным уборам мужчин тоба можно отнести и два конических: прошитый множеством вертикальных полосок (воины у колесницы из коллекции музея Принстонского университета) и, напротив, разделенный горизонтальными декоративными полосками у одного из слуг.⁷ На росписи в пещере 28 в Магао (см. ниже) первый из группы молящихся отличается тем, что у него есть **толстая и сравнительно короткая коса** (сами мужчины тоба ассоциировались у китайцев до реформы 495 г. в первую очередь с их косами).

⁷ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/43/Tomb_figurines%2C_China%2C_Northern_Wei%2C_early_500s_AD%2C_earthenware_with_pigment_-_Princeton_University_Art_Museum_-_DSC07088.jpg; <https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252580/>.

9. *Оригинальный женский головной убор* представлен у всех дам на вышивке 847 г. в Могао (рис. 1-5). Это довольно высокий черный цилиндр с закругленным верхом. Из-под него сзади выглядывает тонкая коса, слегка изогнутая вверх. У одной из танцовщиц в длинном кафтане, запахнутом налево, видим очень короткую стрижку с прямым пробором, возможно обычную для девушек (https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Worker_Figures.jpg).

10. *Характерное для мужчин разных социальных групп ношение в придачу к широким штанам, поверх них широких тканых покровов-ногавиц.* Обычно они белого цвета (несмотря на то, что должны защищать от дорожной грязи и т.п.), из-под них часто выглядывают носки сапог. Иногда схематизм исполнения мастером терракоты «превращает» их в штаны. Подчас они имеют вертикальный шов и кайму по нижнему краю, как у всадника из Музея Метрополитен (https://images.metmuseum.org/CRDImages/as/original/1976_397.JPG), а иногда и по верхнему краю, как у чиновников в каталоге Sothebys, 2019 (<https://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2019/important-chinese-art-n10113/lot.735.html>). На стоящих фигурках чиновников они завязывались под коленом красными ленточками, в том числе – в могиле Юань Чжао в Лояне.⁸ Широкие штаны выше колена выглядят вздутыми, т.к. заправлены в них.

11. *Мужская обувь* обычно представляла собой высокие сапоги черного цвета с овальным носком. Однако в пещерах Могао мы видим и белые сапоги: они есть не только у знатных охотников в пещере 257 (<https://photos.travelblog.net/69724/296147/f/2536614-mogaoku--buddha-s-caves-o.jpg>), но и у слуг знатной дамы (<https://www.newhanfu.com/11666.html>). Белые туфли изображены у мужчин в пещере 28 (рис. 2-7).

12. *Пекторали (?)*. Шейные украшения на изображениях обычно переданы довольно схематично. Вместе с тем эти золотые (?) аксессуары неоднократно представлены на территории Северной Вэй на мужских и женских персонажах. Обычно выделен лишь их специфический контур, без орнаментации (в форме полумесяца, расширяющегося

к центру, который по нижнему краю оканчивается острым выступом. Только лишь контурная передача таких изделий часто вводит в заблуждение. Детализированные изображения пекторалей представлены у нескольких бодхисаттв, апсар и прочих буддийских персонажей в Лунмэнь и Гоньи.⁹ Наиболее детализировано изображение пекторали у аспары из Гоньи, где мы видим ее декор (рис. 4-2). Может показаться, что такие пекторали пришли с буддизмом из Индии. Однако это не совсем так: уже в бронзовом веке в «варварских» культурных группах Северного и Северо-Западного Китая бытовали одни из первых в мире пекторалей сходных форм, в т.ч. – с выступом в центре по нижнему краю (Яценко, 2019, рис. 1-4).

Итак, мы попытались прояснить основные элементы костюма собственно тоба в империи Северная Вэй. Многочисленных китайских элементов, появившихся после реформы 495 г., я здесь специально не касаюсь.

Еще один важный вопрос: наличие нескольких специфических сходжений описанного костюма тоба в Северной Вэй IV–VI вв. и появившихся на исторической арене с востока (их происхождение неясно) в Тохаристане позже, в середине V в., **эфталитов** (самоназвание – *ēbodāl*, кит. *Yethailito* / 厭帶夷栗陀). Как известно, в конце V в. н.э. Северная Вэй остановила экспансию эфталитов в оазисы Синьцзяна. Костюмные соответствия обеих этносов весьма показательны: ведь они обычно не имеют аналогов где-либо еще. У обоих полов это одежда с довольно крупным правым лацканом, платья с коротким шлейфом, у женщин – похожие черные цилиндрические шапочки (Яценко, 2006, с. 252, рис. 189-29–189-33; 190-1, 190-21–190-25). С другой стороны, сложные золотые полихромные серьги дамы Хэн Фарон из ее могилы, обнаруженной в 2011 г. в Датуне, явно выглядят стилистически как посткушанские и связаны с Тохаристаном (Yagus, 2016) (рис. 4-3). В том же городе найдена эфталитская серебряная чаша с портретом правителя.

⁸ См.: <https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252709/>; <https://www.pinterest.ru/pin/310466968070252709/>; https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Northern_Wei_Pottery_Figures_with_Original_Paint.jpg.

⁹ <https://cdn.britannica.com/51/135351-004-E275AEE7.jpg>; https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/8d/Flying_Apsaras,_Longmen_cave_temples,_Loyang,_Henan_province,_China,_Northern_Wei_dynasty,_c._500_AD,_limestone_-_San_Diego_Museum_of_Art_-_DSC06518.JPG; <https://images.metmuseum.org/CRDImages/as/original/DP170134.jpg>; <https://images.metmuseum.org/CRDImages/as/original/DP170134.jpg>; https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Northern_Wei_Dynasty#/media/File:Gongyi_Grottoes_-_22.jpg (рис. 4-2).

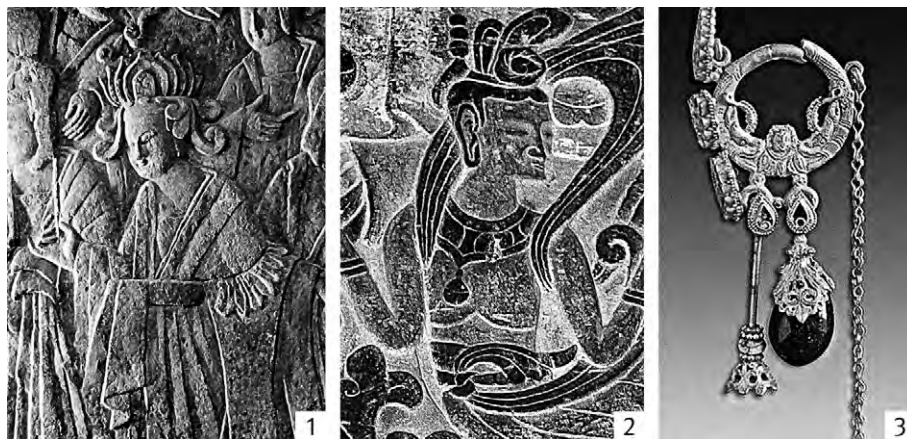

Рис. 4. Ювелирные изделия: 1 – корона императрицы 522 г., из пещеры Биньян в Лунмэне, Музей искусств Нельсона – Аткинса; 2 – грот в Гоньи, пектораль апсары; 3 – серьга Хэн Фарон из могилы 2011 г., Датун

Fig. 4. Jewelry: 1 – crown of the empress of 522 CE from Binyang Cave in Longmen, Nelsson–Atkins Museum of Arts; 2 – grotto in Gongyi, the pectoral of Apsara; 3 – earring from Hen Farong grave of 2011, Datong

Похоже, связи были двусторонними. Что касается правого лацкана, то он возник посередине между двумя территориями и в более раннее время: изо-

бражения с ним есть на терракотах II–III вв. н.э. из столицы ираноязычного Хотана – нынешнего городища Йоткан (Яценко, 2000, табл. 56–14).

Список литературы

Книга Прозрений / Сост. В.В. Малявин. – М.: Наталис, 1997. – 448 с. (Восточные арабески).

Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. Каталог выставки / Road of Silk. 5000 Years of the Art of Silk. Catalogue of the Exhibition. – СПб.: Славия, 2007. – 200 с.

Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье [Т. IV]. Архитектура. Искусство. Костюм. – М.: Восточная литература, 2000. – Гл. 3. – С. 296–384.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии. – М.: Восточная литература, 2006. – 664 с.

Яценко С.А. Пекторали иранских и иранизированных народов древности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11. – С. 33–72.

Caswell J.O. Written and Unwritten: A New History of the Buddhist Caves at Yungang. – Vancouver: Univ. of British Columbia Press, 1988. – 225 p.

Dien A.E. Six dynasties civilization. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 2007. – 622 p.

Fan Jinshi, Shengliang Zhao. The Art of Mogao Grottoes in Dunhuang: A Journey into China's Buddhist Shrine. – Paramus: Homa & Sekey Books, 2009. – 172 p.

Freese R. China: Northern Wei Culture. – <https://www.pinterest.ru/hokaheyhockey/china-northern-wei-culture/> (б.г.).

Jenner W.J.F. Memories of Loyang: Yang Hsuan-chih and the Lost Capital (493–534). – Oxford: Clarendon Press, 1981. – 310 p.

Hua Mei. Chinese Clothing (1st ed.). – Beijing: China International Press, 2004. – 152 p.

Lewis M.E. China between empires: the northern and southern dynasties. – Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 340 p.

Lingley K.A. Naturalizing the Exotic: On the Changing Meanings of Ethnic Dress in Medieval China // *Ars Orientalis*. – 2010. – Vol. 38. – P. 50–80.

Liu Puning. China's Northern Wei Dynasty, 386–535: The Struggle for Legitimacy. – New York: Routledge, 2020. – 196 p.

McNair A. Donors of Longmen: faith, politics, and patronage in medieval Chinese Buddhist sculpture. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. – 230 p.

Sullivan M. Chinese Art: Recent Discoveries. – London: Themes & Hudson, 1973. – 64 p.

The Different Between Wei Jin Style & Wei Jin Dynasty Hanfu, December 2020. – <https://www.newhanfu.com/7153.html>.

Wei Shou / 魏收. Wei Shu / 魏書, VII, 2. – <https://zh.wikisource.org/wiki/魏書/卷7下>.

Wright A.F. Sui and T'ang China, 589–906. – Part 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – 850 p.

Yarus O. Ancient Bling: Exquisite Jewelry Found in Tomb of Chinese Woman // *Live science*. – 17.08.2016. – <https://www.livescience.com/55790-ancient-bling-found-in-chinese-tomb.html>.

Yatsenko S.A. Early Turks: Male Costume in the Chinese Art, Second half of the 6th – first half of the 8th cc. (Images of "Others") // *Transoxiana*. – Agosto 2009. – No. 14. – http://www.transoxiana.org/14/yatsenko_turk_costume_chinese_art.htm.

Yatsenko S.A. Some notes on Sogdian Costume in Early Tang China // *The Silk Road*. – 2019. – Vol. 17. – P. 65–73. – <http://edspace.american.edu/silkroadjournal>.

Yatsenko Sergey, 2021. Northern Wei – Touba 386-534/557. – <https://www.pinterest.ru/sergey1305/northern-wei-touba-386-534557/>.

S.A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities (Russia)

TRADITIONS OF THE NOMADIC COSTUME IN NORTH CHINA IN THE 4th–6th CE

The specificity of costume of the originally nomadic Tuoba / 拓拔 peoples was studied. In 386–535 they created the Northern Wei Empire in North China. The elements of the Tuoba costume in the territory of this state (which was dominated by the Han population) and the consequences of the ban on the national costume in the summer 495 CE by Xiaowen emperor are considered. Despite the ban and the rapid assimilation, the influence of the Tuoba costume was still felt at the beginning of the 7th century CE. 12 probable elements of their costume are considered: (1) The way to wrap your clothes to the left; (2) Long caftans-clocks with narrow long sleeves and a collar in the form of a roller, they were worn in a cape; (3) Other types of long caftans with long, narrow sleeves

that were worn by men and women; (4) Caftans with right lapel; (5) Women's dresses with a short train; (6) Men's caftans with 8 triangular projections at the hem edge; (7) Shirts as gala clothing; (8) The main headdress of "Xianbei mao" type and conical hats; (9) Cylindrical headdress of women with a thin braid; (10) The special leggings to protect trousers and shoes; (11) Boots and shoes in black or white; (12) Pectorals in the form of an arc with a sharp protrusion on the lower edge. The reasons for the proximity of some rare costume elements in Touba and Hephthalites, which became stronger later, are also considered. Probably, the mutual influence and the traditions influence of intermediate centers (such as the oases of Khotan and Kucha) were the main factors.

KEYWORDS: *North China, 4th–6th CE, Tuoba people, nomadic costume, 12th clothing elements in Tuoba.*

B. Obrusanszky

Károli Gáspár University (Hungary)

SURVIVAL OF THE NORTHERN XIONGNU EMPIRE IN THE 1ST CENTURY CE

Contemporary historical sources and literature have analyzed the late history of the Northern Xiongnu or Huns, though the question is still controversial. While the Chinese historical sources mentioned them as a strong power during the 2nd century CE, the historical summaries and literatures state that the Northern Huns suddenly disappeared from history and no longer played any roles in the Inner Asian region. In current presentation, I examine this question and indicate the focus points of the history of Northern Huns, based on the chapters of contemporary Chinese sources.

Regarding the History of Northern Xiongnu or Huns, the most debated period is the end of the 1st century CE, when they were defeated by some foreign troops – Xianbei and foreign allied army, e.g. Han and Southern Huns, as well. Based on these defeats, it is widely acknowledged that Northern Huns were submitted to Xianbei already in 89 CE (Barfield, 1989; Crespigny, 2003, 2006; Hyun, 2016; etc.), and that they suddenly disappeared totally from the Inner Asian region by 91 CE (Barfield, 1989, p. 79–80; Hyun, 2016). Some researchers (Grousset, 1970, p. 53–54) think that the Northern Huns were submitted to Xianbei only in the middle of 2th century or around 155, when Tanshihuai occupied the territory of Huns (Ibid, p. 55). Only some sinologists, as Gardiner and Crespigny stated that ancient expansion of Xianbei was anachronistic and they did not have a chance to occupy the territory of Huns in the middle of the 2nd century (Gardiner, Crespigny, 1977). Albert E. Dien stated that Huns had been removed from the present-day Manchuria or the western part of the River Liao only from the 2nd century CE, and that they were forced to move southwest ward, and they settled down in present-day Northern China or Eastern-Mongolia (Hyun, 2016). Some theories represent various ideas related to that question, we can observe controversial though between Historians and Sinologists. In order to clarify the present topic, we investigate all accessible Chinese sources and compare them with the latest archaeological research.

The current theories of Hunnic-Xianbei relations are based on lots of assumptions. In most cases, papers indirectly refer to Chinese sources and have not studied all sources regarding the Hunnic-Xianbei relationship, although at least three books in the history of the Late Han dynasty recorded the detailed history of Huns

and Xianbei. In these chapters, I mean in the History of Late-Han Dynasty, we can find contradictory versions about the Hunnic-Xianbei relations. While the Chapter of the Southern Huns recorded that Xianbei were long-lasting vassals of the Huns, and even during the 2nd century they were dependent of them, the History of the Donghu recorded that Xianbei invaded and occupied vast territories of the Huns in the same period.

Dutchie, a Northern Wei scholar noticed one important reason why we could find different information in the chronicles: the Hou Han shu chronicle had been copied at the period of the Xianbei origin Northern-Wei dynasty. It is possible that clerks were prejudiced against their own ancestors, and some parts regarding the history of Donghu were updated based on the status quo of that time. Thus, Tanshihuai was attributed to occupy vast territory along the Yellow River bend and the Silk Road, however the Empire was able to reach such extension only by the middle of the 5th century or three centuries later. Unfortunately, we can observe hostile attitudes towards the Huns, without any thorough research been done, both Asian and European Huns were attempted to be eliminated quickly from the stage of history. However, it is not possible that a whole nation disappears completely from a particular area suddenly, almost within one year, and without any traces. Moreover, one or two defeated battles do not mean that Huns submitted to Xianbei totally or disappeared from the territory of present day Mongolia. Let alone those people, who submitted to a foreign power and managed to preserve their identity for centuries. In order to clarify historical events of the 1st–2nd centuries CE, we need to study Chinese sources, namely the history of the late Han dynasty or Hou Han shu, chapters on the Southern Huns (89), Donghu (96) and Western Region (88). There is additional information in the late ancient chronicles as Jin shu and Wei shu.

The first Chinese dynastical chronicle, Shi Ji, mentioned the reason of the hostile between Huns and Donghu (Shi Ji, 110). According to that, Maodun after having ascended the throne, started a campaign against his eastern neighbour, Donghu. Later the Hou Han shu chronicle filled out this report as the following: “At the beginning of the Han Dynasty, Maodun defeated them (Donghu), who wandered far from the Liaodong border.

Bordered by Wuhuan, but they were not neighbour on the Middle Country” (Hou Han shu, 90, 77).

While the Hunnic Empire was strong and united, the Donghu did not dare to move west and attack the borders. Due to frequent fight for throne among brothers and relatives of royal clan of the Huns the Great Empire weakened. Chinese politics took the opportunity and attacked the western area of Yellow river, having occupied the richest areas of the Silk Road and established cities and colonies there. One branch of Donghu, namely Wuhuan in the period of Emperor Zhao Di (94–74 BC) suddenly entered the heartland of present-day Mongolia and robbed tombs of Shanyus, in order to take revenge on Maodun, who attacked and submitted them. In response, Huns launched a campaign against them (Han shu, 94.b, 72.o). It was just a short interlude and there was no further attack from the east. Later on, Huns stayed and held the eastern territories until the River Liao, which was the border between Huns and Donghu. It remained untouched in Huhanye’s time as well. The Chinese Han dynasty recognised the potential of increasing power of Xianbei, but the Court was not able to take opportunity of it, because usurper Wang Mang acquired the throne of Han in 9 CE and he focused on internal affairs only. After his death at 23, an Emperor from the Han sat on the throne again, but he needed to fight with other candidates, one of them was a Hunnic origin landlord. At the same time, the Xianbei tried to conquer the western region of the Huns, I mean the western bank of River Liao, in the 21st year of Ji Yan Wu Emperor (45), they robbed the border zone and killed many people. The same year Huns entered Liaodong and took revenge. After few years, Han established diplomatic relationship with Xianbei in 49 CE, which was directed against the Huns (Hou Han shu, 90). As the Chinese chronicle summarised „it was not a peaceful period”. At the end of the 40s, Huns lost their advantage and their military power reduced, due to the renewed struggles for the throne of Shanyu. Northern and Southern Huns could not agree who had right to use the title Shanyu. They also fought against each other for the right of using markets along the Silk Road. The Southern Huns did not want northern relatives to benefit from it. It would have reduced their profit and prices of the products would decrease, because both of them supply the region with similar products (furs, livestock, crafts, etc.). Officially, Han Emperor supported Southern Huns as allied partner, but after Northern Huns had repeatedly sent envoys to Han to reconcile opening of markets along the border, Chinese were very cautious and allowed them to sell products only in few places. The court did not want to insult allied Southern Huns and officials were afraid of Hunnic civil war, which would cause instability

of the region. So, the Han court gave less gifts and rights to the Northern Huns than southern allied partner. Additionally, the Southern Huns wanted to occupy the territories of Northern Huns to unite Huns again, as Huhanye claimed in his testament (Han shu, 94).

When the Eastern or Late Han-dynasty became stronger, they declared war for reconquer the Western Regions in 72 CE. They faced a strong Northern Hunnic resistance, mainly in the northern regions near Turfan, Hami and some cities. The Chinese General Ban Chao led army and had a temporary success, and Huns retreated to the neighbouring Gobi desert. Hou Han shu writes about this: “Emperor Ming in the sixteenth year of Yongping (AD 73) Han took Yiwu (Hami) to be able to connect with Western regions. Jushi (Turfan) then depended again on the Empire, but the Huns sent soldiers to attack it and eventually renewed the alliance with the Northern Savages (Northern Huns)” (Hou Han shu, 88).

Not only Han dynasty, but Southern Huns also defeated Northern Huns, taking advantage of natural disasters of the present-day Mongolian steppe in the 80’s (Hou Han shu, 89, 48–50). Many of them fled to south and joined Huhanye’s descendants. In the second year of Zhang He (87 CE), the Xianbei attacked them, Ye Liu shanyu was killed and his body was flayed, they destroyed the central palace as well. After that they returned home. The defeat caused confusion among Northern Huns, and qiu lan, zhu bei, hudushui, altogether 58 tribes or 21 tumens or ten-thousand moved to Yunjun, Wu Yuan, Shuo Fang, and Bei di (Hou Han shu, 89, 51). Subsequent reports reveal that it was not an independent action by the Xianbei that they executed the commander of Southern shanyu who wanted to get authority over the Northern territories. The next year or in 88 CE, the situation did not improve in the north: there was famine due to the lockouts, so the migration process from north to the south increased. Southern Shanyu Zuo Hou Ti himself declared that he asked the Wuhuan and the Xianbei to attack the Huns and kill the Shanyu in order to unite again under his authority (Hou Han shu, 89). Previously Huhanye had the same thought, who wanted to reunite the Huns under the submission of the Han, but the southern Shanyu could not win over the Northern Huns, that’s why he asked for help from Han. Emperor of Han supported this idea, this way they were able to open the second frontier and raised the chance to stop and defeat the Northern Huns who still threatened the cities of the Silk Road. So, in the end of the 1st century CE, the Northern Huns faced a comprehensive attack of foreign powers and the Southern Huns as well.

Commander Dou Xian started a campaign and a coalition army departed north from Shuo Fan gin 89 CE. The Chinese part had foot soldiers of 8.000, and the

Southern Huns provided 30.000 of cavalry, Xianbei and Qiang were also involved with the cavalry. The majority of the army consisted of Southern Huns, because they were involved in defeating Northern relatives. The allied army won the battle at Qiluo Hill, but the Northern Shanyu was able to escape far away. According to the record, the leaders of 21 tumen were cut off, but the number would be too much, maybe the chronicle exaggerated it. Dou Xian climbed to Mount Yanran and clerks carved a victory inscription on the rock. Although the text of it recorded Hou Han shu, a joint Mongolian-Chinese expedition found the original text in Dundgov County and published the translation in 2017 (Jin shu, 98). After the campaign, the allied force did not stay in present-day Mongolia, Dou Xian returned home, and the next year attacked Huns in another area.

The next year or in 90 CE the campaign went on. In the middle of period of He Di Yun Yuan (89–105), the great commander Dong Xian started an attack again and he asked for help from the Shanyu of Southern Huns to devastate the Northern Thieves. Thus, the Left Luli wang Arslan led 8.000 troops, departed from fort Ji Lu Sai and they put down the packs at Zhuo ye mountain, divided the army into two parts, and the cavalry moved eastward. The allied army captured a wife of the Shanyu and his jade seal, etc. (Hou Han shu, 89, 52). The allied army won a bright victory again, but the right place of the battle is not known until now. The campaign went on because – despite of the victories – they were not able to conquer the territories of the Northern Huns. The next year a new General, Gen Kui attacked the Huns again with huge army and they defeated Huns. As Hou Han shu recorded: „The Shanyu fled, nobody knew where. His younger brother the western luli wang, Yu Zhang followed him on the throne, who set off envoys to fort of Lake Pu Lei (Barkol) to negotiate with Han delegates. Agreement was concluded, and the Shanyu was formally subjected to the Chinese court” (Hou Han shu 89, 53). The chronicle noted that the Northern Huns were poor, that’s why Shanyu did not bring any gifts, having suggested that they had suffered from war and natural disasters for years (Hou Han shu, 89, 57). The envoy of Hun took over the objects of submission: a state seal, four jade swords, and a palanquin (Hou Han shu, 89).

We can find a totally different description about the same event in the Chapter of Donghu (History of Late-Han dynasty). According to that, after General Gen Kui’s victory the Xianbei moved to the territory of the Northern Huns and settled down there. The remnants of Huns, more than 10 tumen households, called themselves Xianbei. After that, they became “stronger” (Hou Han shu 90, 78). Comparing with another story of Hou Han shu, the

Xianbei was not able to lead the army alone against Huns to occupy their territory. The story of Xianbei occupation is anachronistic, although the most scholars accepted it. There is no strong evidences of Xianbei attack and victory, the only reference does not stand against the other records of the same chronicle. The data in the history of the Southern Huns is considered to be accepted and realistic, because Donghu remained their former territory – the western bank of River Liao – in the end of 1st century CE. Even the chapter of the Donghu has some sentences which disprove the Xianbei expansion toward present day Mongolia. E.g. “In the 9th year (97), Xianbei of Liaodong, attacked Fei Ru district <...> In the 13th year (101), the Xianbei of Liaodong robbed the Western Yu Wei Ping” (Hou Han shu, 90, 78). It means that at the end of the 1st century the Xianbei people still lived in their original settlement in Liaodong which is far from present Mongolia.

The other chapters of Hou Han shu also do not support the Xianbei expansion at the end of the 1st century CE. The chapter of Western Regions does not mention that the Xianbei has taken control of the Huns in the Mongolian steppe. To summarise the events of these period, the historical sources do not confirm the theory, that Northern Huns were occupied by Xianbei in the years of 90–91 or settled down in present Mongolia. Moreover, Northern Huns having submitted to the Chinese Han, escaped from a further campaign. Later on the Han Emperor executed General Dou Xian in 92, who was in charge of the campaign against the Huns. According to many researchers, the name of the Huns can no longer be read in the Chinese sources at the end of the 1st century, which is one of their arguments for the disappearance of the Huns. Although the Hou Han shu does not mention Northern Huns, but call them as Northern thieves or Savages, that is the reason, why Northern Huns are not included in the sources afterwards. But, the Chinese chronicle mentions rulers of the Northern Huns after 91 CE, and reports on their fighting, especially in the western areas, but we can find evidence, that Northern Huns won over the Xianbei as well. The name and moreover the deeds of the Southern Huns also are in the Chinese sources. In the chapter 94 of Han shu we find the reports about how the Huns attacked their eastern neighbors. They were probably late for paying taxes (Hou Han shu, 89, 59, 61, 64). According to Hou Han shu, the Southern Huns were still the strongest power in the Inner Asian region. During the 2nd century they attacked and robbed the border of the Xianbei at Liaodong. The Hou Han shu wrote it: “In the first year of Yan Shi, southern Shanyu gathered many countries and was robbed along the Wuhuan, Xinbei border. In the autumn of the second year of Yuan Chu (115), Xianbei

from Liaodong was abducted by the Wu Lue District. Many tribes dissolved. All of them moved to the Northern Thieves." This sentence states that the Xianbei have gone to the Northern Huns, but not as conquerors, but as immigrants!

The Xianbei wanted to take revenge and between 121–131 constantly attacked the eastern border of the Southern Huns, threatening the eastern half of the Dai Province and Liaoxi region (Hou Han shu, 89). According to the contemporary report, Xianbei burned Liao Xi and kidnapped peoples. It means that they crossed the Liao River and settled on its west coast. The Huns, however, did not leave the attack without retaliation, and in 121 they attacked and robbed the Xianbei. Due to heavy losses suffered by the Southern Huns, they are forced to return to Liaodong. In the 130s, the Southern Huns and the Xianbei continued to fight with each other.

Xianbei robbed some districts near northern Liaodong country. One official of the Southern Huns, Fu Heng attacked and defeated Xianbei in 133. Many people were captured and killed. The thieves and robberies of Xianbei have been reduced after the campaign (Dutchie, 40; Hou Han shu, 90).

Meanwhile Ban Chao fought for the cities of the Silk Road. He was successful to occupy the most cities, moreover he sent envoy to far west in order to discover the foreign countries. When he retired in 102 the Han expansion stopped and no longer was able to manage further conquests there. The northern people or Huns strengthened. Due to the favorable conditions of the foreign affairs, Northern Huns escaped the double threat (Han, Southern Huns) and from the beginning of the 2nd century Southern Huns began negotiate with Northern Huns, and after a half century fights, they renewed the agreement of Huhanye in 104 (Hou Han shu, 89, 57). The areas outside of the Great Wall were inhabited by the northern steppe peoples, who threatened Han. The Hou Han shu recorded that the Northern Huns had strengthened from the 120's and attacked the cities of Tarim Basin. The Huyan tribe led these campaigns (Hou Han shu, 89).

The Northern Huns did not participate in these struggles, and they struggle for the Western cities. The Hou Han shu chronicle reported their fights in the 140s led by Huyan clan. The above mentioned sources prove that Northern Huns and the Hunnic state also did not disappear, they have only weakened in the 90s, but after a long crisis they flourished again.

The migration drawn from archaeological finds can also be traced back to Chinese sources. In fact, the Xianbei still were under the jurisdiction of the Southern Huns, as evidenced by the Chinese note that in the time of

Hen Di (146–168) the father of Tan Shi Huai of Xianbei, Tou Lu, followed the Hun arm for three years, while his wife gave birth to a son. One of the great rulers of Xianbei is considered to be Tan Shi Huai, whom the Chinese have called da ren, a great man. He often attacked the southwestern Han border. The Hans hu reported on the year of 168: „There was not a year in which border commanderies of three provinces Youzhou, Bingzhou and Liangzhou were not subjected to Xianbei raiding, plundering and massacring (the Xianbei's) number could not be overcome" (Hou Han shu, 90). The next report is: „In the autumn of the 2nd year of Yun Shun Tan Shi Huai with 3–4 thousand horses robbed Yun Zhong". The next report says that Southern Huns launched a campaign against the Xianbei in 177. Jun Lan Zhang and Zhang Ming departed from Yan Men and defeated Tan Shi Huai (Hou Han shu, 89, 64).

In addition, the rise of the Xianbei state almost collapsed after the death of Tan Shi Huai (169–181). As the Chinese chronicle reports: "In the middle of Guan He's Tan Shi Huai died. His son, Helian, was on the throne. He did not inherit his father's merits. He attacked the northern savages or Huns. Archer Lian shot Helian, who died in his injury". This sentence clearly shows that the Northern Huns did not disappear; moreover they weakened the Xianbei state by the end of the 2nd century. The Southern Huns continued to invade the Xianbei territories. Qiang qu shanyu sat the throne in the second year of Guang He Empror. In the fourth year of Ping (187) he robbed Xianbei (Hou Han shu, 89). The battle between the two peoples was not silent. In fact, they both weakened at the end of the 2nd century and could not take advantage of the failure of the Han dynasty.

Regarding the Xianbei in present Mongolia, archaeologists reveal only one tomb, which related to them. If they had conquered the territory of Northern Huns, they would have left lots of tombs or any other archaeological evidence. But there is nothing, which relates to Xianbei in Mongolia as archaeologists said: „It is also not to be excluded a growing Xianbei presence in Mongolia, although their archaeological presence, to my knowledge, has yet to be identified" (Brosseder, Miller, 2011). The great burial site of Gol Mod 2 in Arkhangai province, Mongolia also gives us evidences that Northern Huns did not disappear from the history suddenly. The large number of graves there – almost 200 – may suggest that Northern Hun leaders did not disappear in the 1st century CE, but still were mentioned in later centuries. So, we cannot find evidences to occupation of the Xianbei in today's Mongolia in the end of the 1st century. On the basis of Chinese sources and archaeological findings, we get completely different picture: although Northern Huns had a crisis for a long period

and had significant losses during the war against allied army mentioned above, they got over it and strengthened again during the first decades of 2nd century. Lacking information about them in Chinese sources does not

mean they disappeared, it indicates that Chinese had no direct contact with them. The Southern Huns fought for Xianbei during the 2nd century, and finally both nomadic power weakened by the end of 2nd century.

Literature

- Barfield Th.J.** Perilous Frontier: Nomadic Empires and China (221 BC to AD 1757). – Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1989. – 348 p.
- Brosseder U., Miller B.K.** (eds). Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. – Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. (Bonn Contributions to Asian Archaeology – Vol. 5).
- Crespigny R.De.** The Steppe is too far. The destruction of the Northern Xiongnu 89–92 AD // ANU Research Publication. – 2003. – P. 1–23.
- Crespigny R.De.** Some Notes On The Western Regions In Later Han // Journal of Asian History. – 2006. – Vol. 40, No. 1. – P. 1–30.
- Dutchies N.** Origin, traces and Imperial Authority in Early Medieval Wei Historiography of the Northern Wei dynasty. – (Manuscript).

- Gardiner K.H.J., Crespigny R.R.C.** Tan Shi Huai and the Hsien-pi tribes of the second century AD // Papers on Far-Eastern History. – 1977. – No. 15. – P. 1–44.
- Grousset R.** The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. / Trans. from the French by Naomi Walford. – New Brunswick, New Jersey, and London: Rutgers University Press, 1970. – 686 p.
- Han shu.** History of the Huns. 94 / Trans. Batjargal. Хан улсын бичиг. Хүннүгийн шастир. 94. – Улаанбаатар: Соёмбо, 2016 (in Mongolian).
- Hou Han shu.** History of the Southern Huns. 89 / Trans. Batjargal. Хожуу Хан улсын бичиг. 89. Өмнөд Хүннүгийн намтар. – Улаанбаатар: Соёмбо, 2016 (in Mongolian).
- Hyun J.K.** The Huns. – New York: Routledge, 2016. – 208 p.
- Jin shu.** 98. History of the four foreigners. Beidi Huns / Tans. Batjargal. Жин улсын бичиг. 98. Бейди Хүннүгийн намтар. – Улаанбаатар: Соёмбо, 2017 (in Mongolian).

Б. Обрусански

Университет Кароли Гаспара (Венгрия)

О СУЩЕСТВОВАНИИ ИМПЕРИИ СЕВЕРНЫХ ХУННУ В I ВЕКЕ Н.Э.

Отдельные периоды поздней истории северных хунну (проживавших на территории современных Монголии и Северного Китая) оставляют много вопросов в их изучении. Должное внимание не было уделено последствиям объединенных нападений Китая и южных хунну в конце 80-х гг. н.э. Действительно ли северные хунну внезапно исчезли в конце I в. н.э. из Внутренней Азии? Вошли ли они в состав восточной державы или империи сяньби? Противоречивые гипотезы по истории северных хунну зачастую возникают в связи с тем, что в одной из трех глав китайской хроники или Истории поздней династии Хань также зафиксированы ложные факты о хунну и сяньби. Большинство ученых полагаются

на данные, приведенные в главе об истории дунху и, соответственно, считают, что северные хунну были повержены и присоединены к империи сяньби в 80-х гг. н.э. Внезапное исчезновение северных хунну не подтверждается ни какими-либо другими записями в той же китайской хронике (История поздней династии Хань), ни археологическими данными. Мы можем полагать, что племена или союзы племен сяньби постепенно захватили территории южных хунну в III–IV вв. Что касается северных хунну, то в их силах было победить союзы племен сяньби в 110-х гг. и заставить платить налоги. Более того, северные хунну положили конец государству сяньби, застрелив Хэляня во второй половине II в. н.э.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Монголия и Северный Китай, первые века н.э., хунну, северные хунну, южные хунну, сяньби, китайские хроники.

С. Өлзийбаяр¹, Ш. Уранчимэг²

¹ ШУА-ийн Түүх, угсаатны зүйн хүрээлэн (Монгол улс)

² МУИС-ийн ШУС-ийн НУС (Монгол улс)

ӨГӨӨМӨР УУЛЫН ДУРСГАЛТ ГАЗАР

МУИС-ийн Археологийн ангийн оюутны хээрийн шинжилгээ, судалгааны анги 2006 оны зун Сэлэнгэ аймгийн Сант сумын төвөөс зүүн хойш 12 км, Орхон голын гүүрээс доош 40 км-т бүлэг булш бүхий хүннү оршуулгын газрыг илрүүлэв. Уг дурсгалт газар нь Өгөөмөр уулын зүүн хормой, Орхон голын баруун давчуу дэвцэг дээр байрлана. Энд МУИС-ийн археологийн дадлагын анги 2006 онд Ш. Уранчимэг, С. Өлзийбаяр нарын удирдлагаар 5 булш (үүнээс 1 нь Уйгурын үед холбогдоно), 2007 онд З. Батсайхан 9, 2009 онд У. Эрдэнэбатын удирдсан анги 2 булш тус тус малтан шинжилжээ (Өлзийбаяр, Уранчимэг, 2006; Эрдэнэбат, Содномжамц, 2018). 2006 онд малтсан булшнууд нь их төлөв тус оршуулгын газрын зүүн захад байрлана. Учир нь энэ хэсэг Орхон голын эргийн нуралтад өртөж сүйдсэн шинж байгаа тул авран хамгаалах үүднээс эргийн дагуух булшнуудаас эхлэн малтсан болно. Нуралтад өртсөн газруудад хийсэн зарим малтлагаас булшны зохион байгуулалт мэдэгдээгүй учир 2006 онд 7 булш малтсан мэтээр андуурагдах болсон байна (Эрдэнэбат, Содномжамц, 2018).

Дурсгалт газар нь өргөрөг чиглэлд бага зэрэг цүлхийсэн ойролцоогоор 180×130 м буюу 23400 хавтгай дөрвөлжин м талбайг эзлэн орших бөгөөд энд 112 булш байгаа нь хааш хааш 14 м урттай хавтгайд 1 булш ноогдох ажээ. Энэ нь бусад дурсгалтай харьцуулахад илүү нягтралтайг илтгэх тоон үзүүлэлт болно. Талбайн төв цэг N 49°16'58», E 105°29'18» солбицолд оршино. Дурсгалуудын далангийн дундаж голч нь 8–12 м, 12 м – с дээш голчтой 30 орчим том булш, 3–6 м голчтой жижиг булш 6 байна.

Оршуулгын газрын зүүн хойд тал нь жалгын ирмэгт тулсан, зүүн талын зарим булш Орхон голын эргийн нуралтанд захаасаа өртсөн байдалтай байна. Зүүн болон төв хэсгээр бараг бөөрөөр нь нийлүүлсэн булш давамгайлсан бол бусад захаараа харьцангуй таруу байна (дэвсгэр зураг). Хүүхдийнх байж болох хамгийн жижиг 6 булшны нэгээс бусад нь (103, 104, 105, 8, 16-р булш) оршуулгын газрын баруун жигүүрээр байрлалтай байх ажээ. Ялангуяа хойд, урд хоёр захын 16, 105-р булшны гадна зохион байгуулалт ихээхэн төслөг ба тус бүр ойролцоо хэмжээтэй 3 жижиг бөөрөнхий чулуун өрлөгтэй. Харин ор-

шуулгын төв хэсгийн жижиг булш (№ 2)-г малтан судалсан бөгөөд тэндээс илэрсэн морьт оршуулга нь Уйгурын үеийн монгол хэлт нүүдэлчдийн үлдээсэн дурсгал хэмээн бид үзсэн болно (Өлзийбаяр, 2007; 2008).

Өгөөмөрийн дурсгалт газрын захаар жижиг голчтой буюу хүүхдийн булш тавьсан бололтой байгаа нь анхаарал татаж байна. Монголд хүннүгийн бүлэг булшийг цогцоор нь малтан шинжилсэн Эгийн голын Бурхан толгойн судалгаанд хүүхдийг зориуд оршуулгын газрын захаар тавьсан тохиолдол судлаачдын бүтээлд дурдагдаагүй байна. Бурхан толгойд нийт 18 хүүхдийн булш илэрснээс дурсгалт газрын дэвсгэр зургаас үзэхэд 2 булш (16, 18а) оршуулгын газрын зүүн урд талд сондгойдуу оршихос бусад нь төв болон баруун жигүүрээр жигдхэн байрлажээ (Төрбат ба бус, 2003, т. 155, дэвсгэр зураг). Хөвсгөл аймгийн Рашаант сумын нутаг Салхитын амны хүннү бүлэг булшны судалгаанаас үзэхэд балчир насны хүүхдийн нэг булш (31-р булш) илэрсэн бөгөөд тэр нь оршуулгын газрын зүүн захад тусгаарлагдмал байдалтай байна (Өлзийбаяр ба бус, 2019, хүс. 1, зур. 1).

Өвөрбайгалын Дэрстийн оршуулгын газрын булшны бөөгнөрөл, байршлыг харгалзан 7 бүлэг болгон хуваасан бөгөөд бүлэг бүр «... төв хэсэгт их төлөв насанд хүрсэн эр хүний оршуулга байна. Түүний «дагуул» булшинд гол төлөв хүүхэд болон 20–25 нас хэтрээгүй өсвөр насны эрэгтэй, эмэгтэйчүүдийнх давамгайлах бол зарим цөөн тохиолдолд насанд хүрэгчдийн булш байна» (Миняев, 1998, с. 69). Эдгээрээс II бүлэг дурсгалын голлох булшны дараасын баруун урд этгээдэд хүүхдийн булш байрлаж байна (Миняев, 1998, с. 53). Дээрх жишээнүүдээс үзэхэд хүннү оршуулгын газар хүүхдийн булш төвлөрлийн захаар таарах магадлал өндөртэй нь харагдах учир харьцангуй цөөн чулуун дараастай, бага голчтой, оршуулгын газрын захаар байрлах байгууламжуудыг бид хүүхдийн оршуулга байх магадлалтай хэмээн үзсэнийг лавшруулах хэрэглэгдэхүүн болно.

Өгөөмөрийн оршуулгын газарт 20 булш буюу нийт булшны 17,8% нь гол төлөв далангийнхаа баруун хойно болон зүүн талдаа чулуу зориуд босгосон

хөшөөтэй байгаа нь бас нэгэн чухал онцлог болж байна. Бидний малтсан № 1-р булшинд далангийн баруун хэсэгт чулуун дараасаас дээш 30 см чулуу босгосон байна. Хөшөөтэй булшнууд нь их төлөв том голчтой, эдгээрээс баруун урд хэсэгт байрлах 108-р булш урд талдаа үүдэвч маягийн байгууламжтай ажээ. Харин баруун этгээдэд байрлах 6, 7-р булшнууд баруун талдаа тус бүр далангаас 7 м зайд тусгайлан чулуу босгон хөшөө хэлбэртэй болгожээ. Хөшөө чулуу босгох нь тус оршуулгын газрын нэгэн чухал шинж болохыг энд судалгаа хийсэн дараагийн судлаачид давтан өгүүлсэн бий. Хүннү булшны хөшөө чулуу нь монгол нутагт бүр хүрлийн дунд үеэс тархах болсон «харуул чулуу»-наас уламжлалтай гэж үзэж болох ба «Улаанзуух хэлбэрийн цогцолбор дурсгалын олон бүрдлүүд дөрвөлжин булшны соёлд уламжлагдсны нэг нь харуул чулуу» (Өлзийбаяр, Хасархүү, 2018, 196–199) юм.

Дотоод зохион байгуулалтын зарим онцлог

2006 оны зун харилцан өөр хэмжээтэй 5 булш малтсаны 4 нь хүннү булш, үүнээс хоёр нь (1, 7-р булш) харьцангуй том далантай, 3-нь (булш № 1, 4, 5) оршуулгын газрын зүүн, 1 нь (булш № 7) баруун талд оршино. Зүүн талын 3 булш нь голын эргийн нурулганд өртсөн болон аюултай байдалд байв. Тухайлбал, 4-р булшны далангийн зүүн тал нь эвдэрч доош унасан бол 5-р булш гадна талдаа ямар ч шинж тэмдэггүй учир хөрс хуулах үеэр илэрсэн юм. Энэ нь түүний дараас чулууг ховхлон авч зэргэлдээх булшинд хэрэглэсэнтэй холбоотой бололтой.

2006 онд малтсан нийт булшны нүхний дундаж гүн 348 см, дундаж өргөн 145 см, дундаж урт 293 см байна. Бидний судалгаанд хамрагдсан 4 булшны 3 нь банзан австай ба эдгээрээс булш № 7 дүнзэн хашлагатай байна. Хамгийн сонирхолтой нь 3 булш авсныхаа баруун хойд буланд буюу талийгчийн хөл талд тахилын тусгай тасалгаатай байсан юм. Бидний судалгаанд хамрагдсан 4 булш тодорхой хэмжээнд тоногдсон хэдий ч бүгд зүүн урагш дунджаар азимутын 124°-т хандуулан тавьсан нь мэдэгдэж байна (Өлзийбаяр, Уранчимэг, 2006; Өлзийбаяр, 2006).

Өгөөмөр ууланд хийгдсэн дараа дараагийн хээрийн судалгаагаар энэ дурсгалт газарт буй хүннү булшнууд зүүн зүгт чиглүүлэн тавьсан онцлогтой болох нь улам бүр тодорхой болжээ. Тухайлбал, энд нийтдээ Хүннүгийн үед холбогдох 11 булш малтаад байгаагаас 10 нь зүүн урагш азимутын 100-150°-градусын чиглэлд хандуулан тавьсан байна (Эрдэнэбат, Содномжамц, 2018). Бидний хийсэн малтлагаар

ажиглагдсан хөл талдаа тахилын тасалгаа гаргах, чулуу дэрлүүлэх зэрэг зан үйлийн онцлог шинжүүд дараагийн малтлагаар улам бүр тодорхой болжээ.

Зүүн тийш хандуулах зан үйл хүннү булшинд төдийлөн түгээмэл бус бөгөөд 2000-аад оны судалгааны төвшинд Монгол, Өвөрбайгалын нутагт малтан судалсан хүннү оршуулгын хандуулсан зүг чиг 1. Хойд ба түүний хувилбарууд (80%), 2. Зүүн ба зүүн өмнө (18%), 3. Өмнө (2%) тус тус чиглэлтэй байжээ (Төрбат, 2004, т. 61). Энэ үзүүлэлт өнөө хэр төдийлөн өөрчлөгдөөгүй юм. Ялангуяа нэг оршуулгын газар дахь булшны дийлэнх чиглэл зүүн тийш хандуулсан тохиолдол өнөөдөр хараахан бүртгэгдээгүй байна. Зүүн зүгт чиглүүлэх үзэгдэл Хүннүгийн өмнөх үеийн эртний нүүдэлчдийн Ази-Европын хээр тал нутагт үлдээсэн булшны хэрэглэгдэхүүнд түлхүү ажиглагдаж байлаа. Тухайлбал, дөрвөлжин булшны хөрсөн дээрх байгууламжийн урт талыг өргөрөг дагуу хийж, мөн хүнээ тус байгууламжаас 5–20 градусын хазайлттайгаар зүүн, зүүн өмнө зүг хандуулан тавьдаг байна. Жишээ болгон өгүүлэхэд Булган аймгийн Хутаг-Өндөр сумын нутаг Эгийн голын хөндийд малтан судалсан 22 дөрвөлжин булшны байгууламжийг болон хүнээ хандуулсан чиглэл хоорондоо багахан зөрөөтэй байна (Эрдэнэбаатар, 2002, т. 48). Дөрвөлжин булш, хиргисүүрийн түрүү үед хамаарах төлөвтэй түрүүлгээ харуулсан булшнуудад зүүн тийш хандуулсан жишээ олон бий. Өмнөговь аймгийн Гурвантэс, Ноён сумдын нутагт малтсан түрүүлэг харуулсан 13 булшны 9-ийг зүүн тийш харуулан тавьжээ (Очир, 2011–2012).

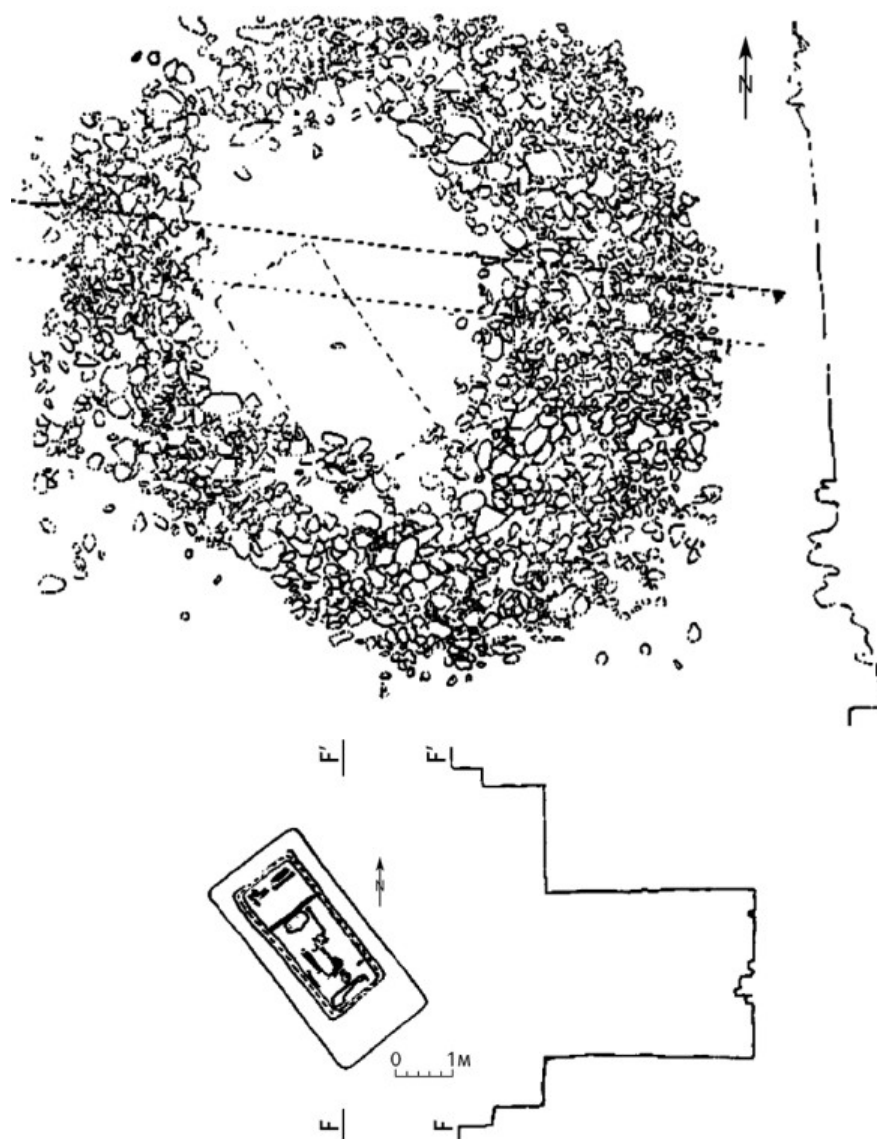
Оршуулгад хүнээ тавих чиглэлийг судлаачид тухайн цагийн хойд насны орны тухай төсөөлөлтэй холбон үздэг. Хүрэл, төмрийн түрүү эрин үед өргөн түгсэн өргөрөг чиглэлд тавих зан үйлийн агуулгыг эрдэмтэд нар шүглэгтэй холбон тайлбарлаж байна. Нас барагчаа наран ургах болон шингэх зүгт хандуулан тавих нь хойд ертөнц тухайн зүгт байдаг гэдэгт итгэдэг байсантай холбоотой. Нар мандах, шингэх зүг нь ажиглалтаар маш тодорхой боловч жилийн улирал болон газар зүйн өргөргийн байдлаас хамааран хувьсаж өөрчлөгддөг. Энэхүү өөрчлөлт нь тухайн оршуулгыг хийсэн улирлын байдлыг урьдчилан хэлэх бололцоог судлаачдад олгодог. Хүнээ зүүн тийш хандуулах энэхүү зан үйл дөрвөлжин булштангуудын соёлын үндсэн илэрхийлэгч болох ба хожуу үедээ тодорхой хэмжээнд уламжлагдсан нь Өгөөмөрийн оршуулгын газрын жишээгээр илэрч байна. Хүннү хүүхдийн оршуулгад зүүн гурван зүгт хандуулах эртний уламжлал

илүү хадгалагдсан нь «... амьдралын бүх юмыг үзэж амжилгүй нас барсан гэдгийг илэрхийлж дахин амьдрал шинээр эхэлж эргэн төрөөрэй гэсэн утгыг давхар агуулсан байж болох юм. Энэ нь хүннүүд өглөө босоод наранд мөргөл үйлддэг шүтлэгтэй байсан гэдэг сурвалжийн мэдээг давхар баталж» (Бямба-Очир, 2012) байгаа бололтой.

2006 онд малтан судалсан булшнуудаас төлөөлөн № 1-р булшны талаар товч дурдъя. Уг булш нь дурсгалт газрын зүүн хойт хэсэгт байрлах бөгөөд ойр орчмын булшнаас хэмжээгээр харьцангуй далантай. Баруун талдаа хөрснөөс дээш 30 см өндөр чулуун хөшөөтэй, далангийн зүүн этгээдийн чулуун дараас дунджаар 4,5 м өргөн, 60 см хүртэл зузаан байхад баруун хэсэгтээ 3 м өргөн дунджаар 20 см

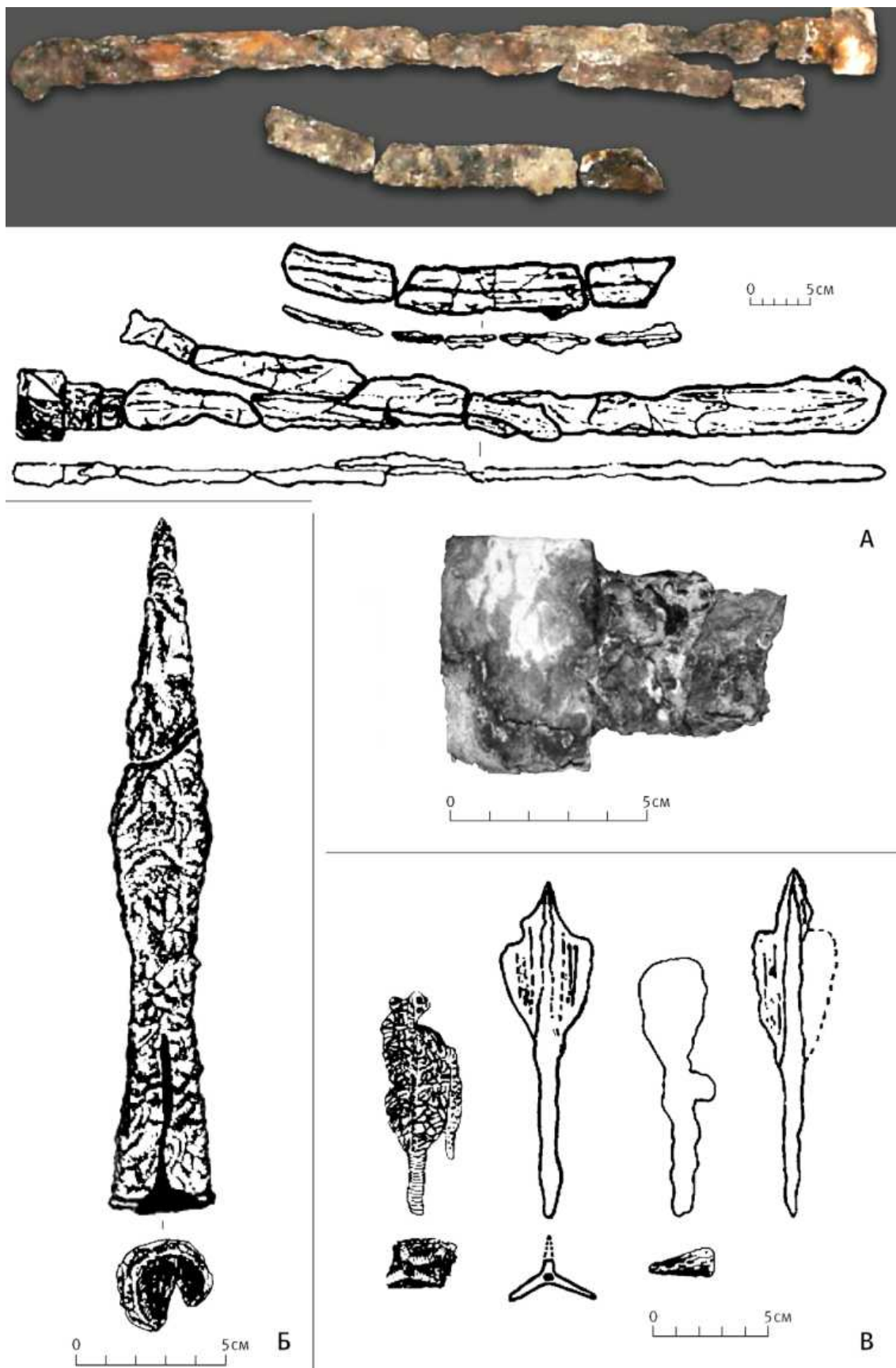
зузаан байгаа нь тонуулчид дараас чулууны ихэнх хэсгийг зүүн талд нь овоолж хаяснаас үүдсэн бололтой. 330 см гүнээс нүхний зүүн дээд булангаас төмөр жадны гилбэрийг дээш харуулан хана түшүүлэн тавьсан нь илэрч түүнээс доош нарийн модны судал 540 см гүн хүртэл үргэлжилсэн нь уг жад нь багаар бодоход 210 см модон иштэй байсан бололтой. 560 см гүн болоход оршуулга бүрэн илэрч эх хөрсөнд тулав (зур. 1–3).

Хүнээ зүүн урагш азимутын 140 -т хандуулан тэнэгэр байдалтай, 90×25 см хэмжээтэй хавтгай чулуу дэрлүүлэн тавьжээ. Зузаан банзан австай бөгөөд түүний урт 280 см, өргөн нь толгой талдаа 125 см, хөл талдаа 138 см ба авсны дотор хөл талаас 75 см зайд зузаан банз хөндлөн тавьж тусгай тасалгаа

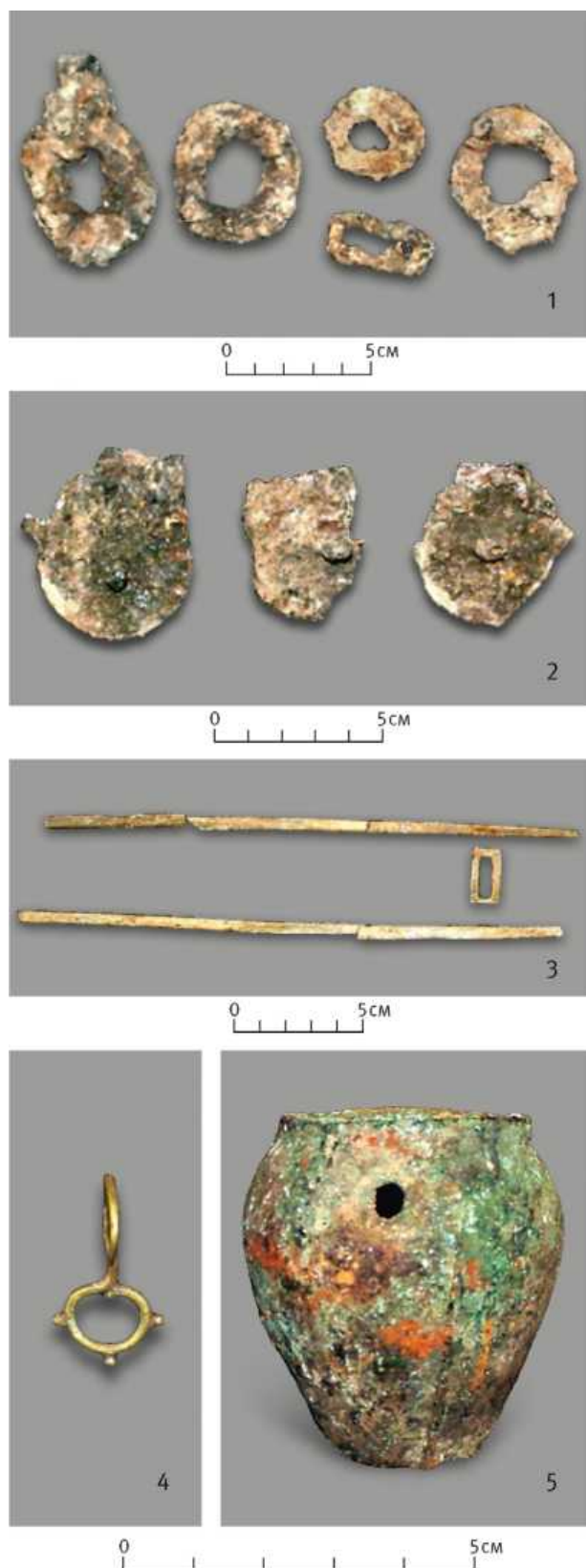

Зур. 1. Өгөөмөр № 1-р булш

Fig. 1. Ugoomor tomb No. 1

Зур. 2. № 1-р булшнаас илэрсэн төмөр эдлэл: А – төмөр илднүүд; Б – хануур жадны төмөр гилбэр; В – зэвнүүд (төмөр)
Fig. 2. Metal items found in Tomb 1: А – iron swords; Б – iron spearhead; В – fragments of iron items

Зур 3. Зарим олдворуудын гэрэл зураг: 1 – төмөр цагираг; 2 – төмөр ялтас; 3 – ясан хос савх; 4 – өрөөсөн алтан ээмэг; 5 – хүрэл бортого

Fig. 3. Photographs of some finds: 1 – iron ring; 2 – iron plate; 3 – a pair of bone sticks; 4 – one gold earring; 5 – bronze pendant

хийсэн нь ихээхэн өвөрмөц зан үйл аж. Дэр чулуунаас багавтар зөв хэлбэртэй 20×50 см хавтгай чулууг мөн хөлийн орчимд тавьжээ. Ийнхүү хөл, толгой талд нь чулуу дэрлүүлэх үзэгдэл хүннүгийн оршуулгын зан үйлд цөөн ч тохиолдож байжээ. Тухайлбал, Дуулга уулын 66-р булш (Баяр, 1976) -ны ийм үзэгдлийг тэмдэглэж болох юм. Зүүн талын хөлийн яс, баруун талын шилбэ болон баруун гарын ясыг их биеэс нь салган тасалгаа гаргасан хэсэгтээ байрлуулжээ. Их биеийн ясны зохион байгуулалт төдийлөн алдагдаагүй бөгөөд тасалгааны хөндлөн банзыг баруун дунд чөмөгний ясанд тулган хийсэн байх ажээ. Өөрөөр хэлбэл, дунд чөмөгнөөс доош шилбэний яс тэнд анхнаасаа багтах зайгүй байсан нь тусгаар тавих зорилгоор мөчийг нь зориуд тасдан авсан өвөрмөц тохиолдол болохыг харуулж байгаа нь эргэлзээгүй байна. Зориуд салган тавьсан, тонуулчид бусниулсны аль нь мэдэгдэхгүй гар хөлийн яс тусдаа болон дутуу хүннү оршуулга цөөнгүй тэмдэглэгджээ.

Харин Өгөөмөрийн энэхүү оршуулгын хүнээ тавьсан байдалтай төстэй үзэгдэл одоо хэр ажиглагдаагүй байна. Тонуулчид цээжин хэсгээр нэвтрэн орж ихээхэн бусниулсан нь дээд мөчний зарим яс үрэгдэж, хавирга болон жижиг яснууд үрэн таран болсноос харагдаж байна. Хүн судлаач Д. Түмэн уг оршуулгын эзнийг 45–50 насны эрэгтэй хүн хэмээн тодорхойлсон байна.

Оршуулганд дагалдуулсан эд өлгийн зүйл маш сонирхолтой, арвин бөгөөд зүүн гар дагуу давхарлан 2 төмөр илд тавьснаас дээд талых нь дутуу 4 хэсэг хугарч үзүүр, бариулын хэсэг нь мэдэгдэхээ больжээ. Харин доод талд байх төмөр илд мөн 4 хэсэг болон хугарсан нь ясан бариултай хэсэг, 2 хугарсан их бие, үзүүрээс бүрдэж байна. Энэ илдний 2 дахь хугархай нь түүний дээр давхарлуулан тавьсан илдний хугадастай бөөрөөрөө наалджээ. Илднээс арай зайдуу авсны ирмэг дагуулан хүрэл жижгэвтэр бортого түүний өнгө нь уусаж ногооруулсан ширний өөдөсний хамт олдлоо. Мөн энэ хэсэгт 30 см орчим урт 4 хэсэг хугарсан мөн л үзүүр, бариул хэсэг нь үл мэдэгдэх харьцангуй нимгэн төмөр илдний хугадаас гарлаа (**зур. 2-А**). Нимгэн алтаар бүрсэн төмөр амгай, оломных байж болох дугуй арал хэд хэдээр байна. Зүүн чамархай орчмоос өрөөсөн хатан сүйх хэлбэрийн алтан ээмэг, баруун дунд чөмөгний гадна талд хос ясан савх, баруун мөрний орчмоос хүн рүү нь харуулан тавьсан гурван хянгат төмөр зэв, хоорондоо барьцалдаж шавааралдсан 3 ш мөн тийм зэв хөлийн хавтгай чулууны дэргэд, чулуун дээр нь нимгэн алтан ялтсаны өөдөстэй 3 ш тодорхой хэлбэргүй болсон төмөр эдлэл тус тус тавьжээ. Мөн баруун ташаанаас үүнтэй адил алтан ялтсаар бүрсэн бололтой төмөр цагираг олджээ. Хөлийн тасалгаан

дотор хүний мөчний ясны хамт 2 янзын ваарны хагархай, улаан чий будагтай хээлсэн аяганы бяцхан өөдөс байна (**зур. 2; 3-№ 1-р** булшны олдворын зургууд). Уг оршуулгыг үйлдэхдээ талийгчийн хөлийг шилбэ хэсгээр нь салган, авс дотор хүний хөл талд зориуд гаргасан тасалгаанд байрлуулсан, хана түшүүлэн хануур жад тавьсан, 3 өөр төрлийн төмөр илд зэрэг зэр зэвсгийн маш маш баялаг чуулбартай зэрэг олон онцлог байна. Уг булшнаас зөвхөн төмөр эдлэл гэхэд нийт 5 кг илүү байсны тал хувь нь зэр зэвсэг болно.

Зүүн чамархайн орчимд хатан сүйх хэлбэрийн өрөөсөн 3 см урт алтан ээмэг тавьжээ. Алтыг нарийн цувимал утас хэлбэртэй болгоод нэг үзүүрийг чихэнд зүүх дэгээ болгож, нөгөө үзүүрийг бөмбөлөг маягтай дугуйлж, дөрвөн бөөрөнд нь тус бүр нэжгээд дусал хийж гагнаж тогтоон хатан сүйх хэлбэрийг гаргажээ (**зур. 3-4**). Ийм хийцийн алтан ээмэг одоогоор өөр хаанаас ч илрээгүй байна. Харин 2009 онд энд хийсэн малтлагын хэрэглэгдэхүүнээс үзэхэд малтлага № 2 гэж дугаарласан булшнаас сүүжин хэлбэртэй, 3 см урт, 1 см өргөн, доод унжлагын гурван талд тус бүр 0,2 см голчтой жижиг товрууг гагнаж чимэглэсэн өрөөсөн алтан ээмэг илэрсэн (Эрдэнэбат, Содномжамц, 2018, зур. 6-4) -нь бидний малтсан 1-р булшны

Ном зүй

- Баяр Д.** Дуулга уулын нэгэн булш // Археологийн судлал. – 1976. – Т. VII, Fasc. 6.
- Бямба-Очир Ц.** Хүннүгийн хүүхдийн оршуулга // Хүннүгийн эзэнт улс ба Монголын эртний түүхийн судалгаа. – Улаанбаатар, 2012. – Т. 308–317.
- Миняев С.С.** Дырестуйский могильник. – СПб.: Европейский дом, 1998. – 118 с. (Археологические памятники сунну. – Вып. 3).
- Очир Б.** Хүрлийн үеийн түрүүлгэ харуулсан булшны зан үйлийн асуудалд // Түүхийн судлал. – 2011–2012. – Т. XLI–XLII, Fasc. 2. – Т. 14–21.
- Өлзийбаяр С.** Өгөөмөр уулын оршуулгын газар // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. – Улаанбаатар, 2006. – Vol. 2, No. 2 (271). – Т. 67–74.
- Өлзийбаяр С.** Өгөөмөрийн уйгур булш // Түүхийн судлал. – 2007. – Т. XXXVIII, Fasc. 3. – Т. 26–32.
- Өлзийбаяр С.** Монгол морьт оршуулгын тухай // Чингис хаан судлал. – 2008. – ЭШБ б. 10, дэвтэр 19.
- Өлзийбаяр С., Уранчимэг Ш.** МУИС-ийн Археологи-Антроплогийн ангийн 2006 оны танилцах дадлагын ажлын тайлан // МУИС Археологи-Антроплогийн тэнхим. – Улаанбаатар, 2006.

хэрэглэгдэхүүнтэй хэлбэр, хэмжээ төдийгүй хийцийн хувьд огт ялгагдах зүйлгүй болно. Хоёр өөр булшнаас ижил хийцийн өрөөсөн ээмэг тус тус илэрсэн нь анхаарал татах ба Өгөөмөрийн оршуулгын газрыг үлдээгч бүлийн онцгойрох тэмдэг эсвэл энэ нутагт дэлгэрсэн өвөрмөц хэв маяг бололтой юм. Бидний малтсан 1-р булшинд 45–50 насны эрэгтэй хүний оршуулга байсан бол энэ булшийг эмэгтэй хүнийх гэж тодорхойлсон байна. Магадгүй уг хоёр булшны эзэд гэр бүлийн хүмүүс байсан бөгөөд хос ээмэг салган тавих зан үйл байсны гэрч болсон байж ч болох талтай билээ.

Өгөөмөр уулын хүннү оршуулгын газарт буй байгууламжийн зарим нь аль нэг талдаа хөшөө чулуутай, хүнийхээ хөл, толгойг чулуу дэрлүүлэн зүүн урд зүг чиглүүлэн тавихдаа модон авс, хашлагад хийж, хөл талд нь тахилын таславч гаргадаг өвөрмөц шинж ажиглагдаж байна. Бусад дурсгалт газраас илрээгүй хэрнээ энд хоёр булшнаас олдсон ижил хийцийн цувимал алтан ээмэг нь тухайн бүлийн (було) онцлог тэмдэг байж болох юм. 1-р булшнаас хүний хөлийг салгасан оршуулгын өвөрмөц зан үйл мэдэгдсэн ба дагалдуулсан баялаг зэр зэвсгийн чуулбар нь хүннү морьт цэргийн дүр төрхийг нэхэн сэргээхэд чухал хэрэглэгдэхүүн болно.

- Өлзийбаяр С., Хасархүү Б.** Дөрвөлжин булш ба буган хөшөөний хамаарлын зарим асуудалд // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы IX Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.) / Отв. ред.: Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2018. – Т. 1. – Т. 196–199.
- Өлзийбаяр С., Очир Б., Уртнасан Э.** Хүннүгийн түүх, соёлын судалгаа (Салхитын амны дурсгалт газар) // «Монголын археологийн шинэ судалгаа» цуврал – VI. – Улаанбаатар: Жиком пресс ХХК, 2019.
- Төрбат Ц.** Хүннүгийн жирийн иргэдийн булш. – Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2004. – 180 т.
- Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У.** Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. – Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2003. – 295 т.
- Эрдэнэбаатар Д.** Монгол нутгийн дөрвөлжин булш, хиригсүүрийн соёл. – Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2002. – 275 т.
- Эрдэнэбат У., Содномжамц Д.** Өгөөмөрийн хүннү булш // Археологийн судлал. – 2018. – Т. XXXVII, Fasc. 15.

S. Ulziibayar¹, Sh. Uranchimeg²

¹ *Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)*

² *School of Science, National University of Mongolia (Mongolia)*

THE UGOOMOR MOUNT SITE

There are special features in Xiongnu burial facilities on the Ugoomor mount to have a tombstone in a side, to bury the deceased in the wooden coffin or wooden enclosure whose head is directed to the South-East and has stone under it and also stone under her/his legs and a special room for offering near the legs. The casted same gold earrings found only in two burials in this site can be

the special feature of this bulo (bül-Mong. A form of social organization in which descent and relationship are reckoned through the female line). A leg of the deceased in the 1st tomb was cut showing the unusual funeral ritual and the accompanying rich weapons complex is an important material for restoring the image of the Xiongnu cavalryman.

KEYWORDS: *Ugoomor mount, Xiongnu rich mountain tombs, east-facing statues, gold earrings.*

Т. Идэрхангай

Улаанбаатар хотын их сургууль (Монгол улс)

ХҮННҮ ГҮРНИЙ УЛС ТӨРИЙН ТӨВ, ХАРГАНЫН ДӨРВӨЛЖИНГИЙН ХҮННҮГИЙН ХААНЫ ЗУНЫ ОРД ЛУНЧЭН БУЮУ ЛУУТ ХОТ

Төв Азийн түүхэнд хамгийн анхны нүүдэлчдийн төр улсыг өнөөгийн Монгол улсын нутаг дэвсгэр дээр бидний өвөг дээдэс хүннү нар байгуулжээ. Тэднийг МЭӨ 209 онд Төв Азийн цээжинд орших 24 ханлиг аймгийг нэгтгэн умар зүг Байгаль нуур, зүүн зүг Их хянганы нуруу, өмнө зүг Их цагаан хэрэм, баруун зүг Ил тарвагатай (Гэрэлбадрах, 2006, т. 13–20) хүртэлх бүс нутгийг бүрэн захиргаандаа оруулсан эзэнт гүрэн байгуулсныг олон улсын хэмжээнд хэдийнээ хүлээн зөвшөөрдөг бөгөөд тэдний энэ агуу түүхийг өөрсдийнх нь үлдээсэн түүхийн дурсгалууд ч батлан харуулж байна.

Хүннү гүрний үеийн археологийн дурсгалыг судлах ажил 100 гаруй жилийн тэртээгээс хийгдэж эхэлсэн бөгөөд жилээс жилд улам өргөжин тэлж, судалгаа шинжилгээний ажлууд ч улам гүнзгийрэн нарийсч түүхийн олон ээдрээтэй асуудлууд эхнээсээ шийдэгдэн бага ч болов цэгцэрч байна. Үүний нэг нь яах аргагүй Хүннү гүрний улс төрийн төвийн судалгаа болно.

Бид энэхүү илтгэлээр Хүннү гүрний улс төрийн судалгааг 10 гаруй жилийн туршид явуулсан археологийн нарийвчилсан хайгуул судалгааны үр дүнд тулгуурлан танилцуулах болно.

Судалгааны байдал

Монголчууд бид Төв Азийн анхны төр улс байгуулсан Хүннү гүрний голомтыг сахин суугаа гэж хамгийн түрүүнд хариулах бардам эрхтэй улсаа, бид. Тиймээ бид эртний дэлхий дахины түүхэнд нэр нь үлдсэн их улсын газар нутгийг өвлөн авч, буурийг манаж, намтар цадигийг нь үргэлжлүүлэн яваа яах аргагүй отгон үр хойчис нь мөн билээ. Басхүү хүннү өвөг дээдсийн, бүр тэдний элэнц дээдсийн бүтээлцсэн эрт балрын, буурал цагийн үүдэлтэй нүүдлийн соёл иргэншил хэмээх энэ агуу их аж төрөх ёсон, өвөрмөц соёл урлаг, өтгөн их ёс заншлыг нь өвлөн ирсэн, уламжлан буухиалж яваа магадгүй цорын ганц үр хойчис нь билээ, бид. Өдгөө хүннү дээдсийн үр хойчис гэсэн өчнөөн олон ард түмэн, улс үндэстэн байдаг ч эл уламжлал залгамжааг тээж яваа нь гарцаагүй ганцхан та бидэн авай (Ганбаатар, 2011, т. 63) хэмээх түүхч Я. Ганбаатар ах маань машид тодорхой өгүүлсэн байна

Бид ч энэ агуу үйл хэргийг өөрсдийн боломж бололцоондоо тулгуурлан урагш ахиулах бодолдоо хөт-

лөгдөн чамгүй хутацааг туулан, чамлахааргүй үр дүнд хүрчээ хэмээн үзэж байна. Тодруулбал, бид 2010 оны 4–5 сард Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын Соёлын төвийн эрхлэгч болон ЗДТГ-тай хамтран ажиллах тухай аман тохироонд хүрч тохиролцсон ёсоор 10 сард тус сумын нутагт археологийн нарийвчилсан хайгуул судалгааг явуулан 1820 түүх соёлын дурсгалын бүртгэл судалгааны ажлыг гүйцэтгэсэн билээ. Ийнхүү хайгуул судалгааны ажлын тайланг бичиж статистик тоо баримтыг нарийвчлан гаргахад 1820 дурсгалаас 1135 нь Хүннү гүрний үед хамаарах оршуулгын дурсгал (Идэрхангай, 2012, т. 21) байсан нь бидний анхаарлыг ихээхэн татсан юм. Учир иймд 2011 онд Хүннү судлалаар гарсан бүх ном бүтээл, эрдэм шинжилгээний тайлангуудыг шүүх ажлыг эхлүүлэв. Энэ үед хүннү булшны тоо баримтыг гаргасан судлаачдын судалгаанаас харахад 1960-аад оны үед Ц. Доржсүрэн 850 орчим (Доржсүрэн, 1961, т. 13), 1990-ээд оны үед Д. Цэвээндорж 2000 (Цэвээндорж, 2007, т. 210), 2004 онд Ц. Төрбат 4000 (Төрбат, 2004, т. 7), 2010 онд Ч. Ерөөл-Эрдэнэ, Г. Эрэгзэн нар Төв Азийн хэмжээнд Хүннү гүрний үед хамаарах 7000 булш оршуулга буйн 5000 гаруй булш нь өнөөгийн Монгол улсын нутагт байна (Ерөөл-Эрдэнэ, 2010, т. 76; Эрэгзэн, 2010, т. 90) гэсэн судалгааны өгүүлэл, ном бүтээлийг тус тус хэвлүүлсэн байлаа. Эдгээр 5000 гаруй булшнаас Хүннүгийн хаад язгууртны оршуулгын 7 газарт 1482 булштайг археологич Ч. Ерөөл-Эрдэнэ нарийвчлан судлаж гаргасан (Ерөөл-Эрдэнэ, 2010, т. 78) байв. Тиймээс Хүннүгийн язгууртны оршуулгын 7 газарт буй 1482 булшийг 5000 булшнаас хасаж тооцоход 3518 булш нь Монгол улсын нийт нутаг дэвсгэрт байгаа жирийн иргэдийн булшнууд болж таарсан билээ. Монгол нутаг дахь Хүннүгийн жирийн иргэдийн 3518 булшнаас Тамирын голын хөндий дэх 1335 булшийг хасаж тооцвол 2183 булш нь Архангай аймгийн Батцэнгэл сумаас бусад 21 аймгийн 329 суманд таарч байгаа нь маш их сонирхолтой судалгаа болов. Тамирын голын Хүннүгийн жирийн иргэдийн булш нийт булшны 34,94% -ийг эзэлж байгаа нь Тамирын голын сав газарт Хүннүгийн гүрний хүн амын нягтрал энд байсныг илтгэх бөгөөд энэ тухай өгүүллээ 2012 онд (Идэрхангай, 2012) хэвлүүлсэн билээ.

2012 оноос хойш Хүннү гүрний улс төрийн төвийн судалгааг эрчимтэй явуулах зорилго тавьж

ажиллахыг эрмэлзэж эхэлсэн. Учир нь Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын Тамирын голын сав газар үнэхээр ийм олон булштай байна уу? эсвэл энэ бүс нутагт л нарийвчилсан хайгуул судалгааг хийсний үр дүнд ийм олон булш илэрсэн үү? бусад бүс нутагт Хүннү гүрний үеийн булшнууд байна уу? байвал хэр олон тоотой байна вэ гэдэг асуудал бидний өмнө тулгарсан билээ. Мэдээж энэ асуудлыг шийдвэрлэхэд мөнгө санхүүгийн байдал маш чухал бөгөөд залуу хүнд тийм ч амар олодох, шийдэгдэх асуудал биш тул өөрийн боломж бололцоогоор энэ судалгааны ажлаа бага багаар эхлүүлсэн юм. Сумын засаг дарга Я. Батгэрэлсайхан ах 6 багийн дарга нарт үүрэг өгч, бид гурав гурваараа 2 баг болон багийн дарга нарын хувийн унаанд тэдэнтэй хамт хайгуулын ажлыг 14 хоног гүйцэтгэв. Тус сумын нутгаас илрүүлсэн түүх соёлын дурсгалуудыг газрын зургийн программд оруулж байршлыг харахад тус сумын нийт нутгийн 60 орчим хувьд хайгуул судалгааны ажил явуулсан нь тодорхой болсон билээ. Тиймээс 2013 оны намар 8 сард өөрийн хувийн зардлаар 4 шавийн хамт Батцэнгэл суманд дахин ирж Дайрбор, Хөнөг, Улаан чулуу багийн 2010 онд үлдсэн зарим бүс нутгаар хайгуул судалгааг 14 хоногийн хугацаатай явуулж 1055 түүх соёлын дурсгалыг (Идэрхангай, Бадрах, 2013) бүртгэн баримтжуулсны дотор Хүннү гүрний үеийн 55 булш бүртгэгдсэн билээ. Гэсэн хэдий ч мөн л хэсэг газар үлдсэн болно.

2014 онд Улаанбаатарын Их сургуулийн Археологийн тэнхимийн эрхлэгч профессор Д. Эрдэнэбаатар багш маань Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Нутгийн Зөвлөлийн дарга н.Батмөнхтэй Эрдэнэмандал сумын хайгуулын ажлыг явуулахаар тохирч 2014 оны 10 дугаар сарын 17-ны 5 дахь өдөр Т. Идэрхангай болон тухайн үеийн Археологийн тэнхимийн 2-р курсын 5 оюутныг унаа хөлслүүлэн Эрдэнэмандал сум руу явуулсан билээ. Энэ судалгааны ажлаар Эрдэнэмандал сумын нутгаас 2575 түүх соёлын дурсгалыг (Идэрхангай нар, 2014) бүртгэн баримтжуулсан бөгөөд Хүннү гүрний үед хамаарах 428 булшийг бүртгэсэн байв. Бид 2575 дурсгалуудыг газрын зургийн программд байрлуулж харахад нийт нутгийн 60–70 хувийг гүйцэтгэсэн байлаа.

2016, 2017 онд Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ» төслийн баг Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутагт 2014 оны хайгуулаар илрүүлсэн хүрэл зэвсгийн эрт үеийн Афанасьевийн соёлын булшны судалгааг явуулсан билээ. Бид археологийн малтлагыг даваа гарагаас бямба гараг хүртэл явуулдаг бөгөөд ням гарагт амардаг ажлын горимтой. Миний бие 7 хоногийн энэ амралтын өдрийг байнга ашиглан шавь нарын хамт 2014 онд явуулж амжаагүй хэсэг газрыг сонгон хайгуулын

ажлыг гүйцэтгэж байв. 2016 онд Алаг уул багийн нутгаас 315 түүх соёлын дурсгалын (Идэрхангай нар, 2016) бүртгэл судалгааг явуулж 108 хүннү булш бүртгэсэн бол 2017 онд Алаг уул, Тээл багийн нутагт хайгуул явуулж 944 түүх соёлын дурсгалыг (Идэрхангай нар, 2017) илрүүлэн бүртгэснээс хүннү гүрний үеийн 94 булш бүртгэсэн болно. 2014, 2016, 2017 онуудад Эрдэнэмандал сумын нутагт археологийн хайгуул судалгаа явуулж нийт 3834 түүх соёлын дурсгалыг бүртгэн баримтжуулснаас 630 хүннү булш бүртгэгдсэн ч Батцэнгэл сумын нутгаас илрэн олдсон булшны тоотой харьцуулахад тийм ч олон биш байлаа.

2017 оноос агаарын зургийн хайгуул судалгааг түлхүү хийх болсон билээ. Учир нь GOOGLE EARTH хэмээх агаарын зургийн программ байдаг бөгөөд энэхүү программаар суурин газраас том хэмжээтэй түүх соёлын дурсгалыг харах боломжтой байдаг. 2013–2014 оны үед энэхүү программын нягтшил тийм ч сайн байгаагүй бөгөөд жил ирэх тусам бага багаар сайжирч 2017 онд гэхэд Архангай аймгийн Тамирын гол, Орхон голын зарим хэсгүүд өмнөх онуудтай харьцуулахад маш сайн харагддаг болов. Учир иймд энэхүү программыг ашиглан судалгаа хийх газраа урьдчилсан байдлаар харах боломж бүрдэж Монголын археологийн судалгаанд ч тус нэмэрээ өгч байгаа билээ. Энэхүү программыг ашиглан тандалт судалгааг уйгагүй гүйцэтгэсний үр дүнд Батцэнгэл сумын үлдсэн газруудаар тандалт маягаар хайгуулын ажлыг гүйцэтгэхэд хэд хэдэн газарт Хүннүгийн оршуулгын газрууд байгаа нь мэдэгдэв. Тиймээс бид өдөр бүр ажлын зав зайгаараа GOOGLE EARTH программыг ашиглан хайгуул хийдэг болсон юм. Бид дан ганц Батцэнгэл сумын нутгаар бус Орхон голын сав, Хануй, Хүнүй голын сав газраар нэлэнхүйд нь хайгуул, тандалт судалгааг хийсний үр дүнд тус бүс нутгуудад ч маш олон газарт Хүннүгийн шинэ оршуулгын газруудыг илрүүлэн олов. Үүнээс гадна хэд хэдэн газарт эртний хотын туурь буйг ч илрүүлэн олсны нэг нь Архангай аймгийн Өлзийт сумын Харганын хөндийн Лунчэн буюу Луут хот байсан юм. Бид 2017 онд агаарын зургийн хайгуулаар Луут хот, Батцэнгэл сумын Дайрбор багийн нутаг Их булан хэмээх газар 50 булштай нэг оршуулгын газрыг илрүүлсэн бол 2019 онд Батцэнгэл сумын нутгаас 225, Өлзийт сумын нутгаас 101, Цэнхэр сумын нутгаас 179, Эрдэнэбулган сумын нутгаас 97, Эрдэнэмандал сумын нутгаас 19 булшийг тус тус нээн илрүүлсэн байна. Харин 2020 онд Батцэнгэл сумын нутгаас 295, Өлзийт сумын нутгаас 32, Хашаат сумын нутгаас 36, Цэнхэр сумын нутгаас 32, Булган аймгийн Баян-Агт сумын нутгаас 160 хүннү булшийг тус тус илрүүлэн олж газар дээр нь очиж баримтжуулсан байна.

Судалгааны ажлын хэлэлцүүлэг

Хүннү булшны тоо баримтын тухайд

2016 онд «Монголын Археологийн Өв» хэмээх 6 боть номыг ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгээс хэвлэн нийтлүүлсэн бөгөөд энэхүү 6 ботийн 3-р ботийг «Монголын эртний булш оршуулга» нэртэйгээр гаргасан ба тус ботид 2016 оны байдлаар Монгол нутгаас илрэн олдсон бүх үеийн булш оршуулгын дурсгалаар талаар товч өгүүлжээ. Энэ бүтээлийн Хүннүгийн үеийн булш оршуулгын хэсэгт Хүннүгийн язгууртны булшны тоо баримтыг 1800 орчим, жи-

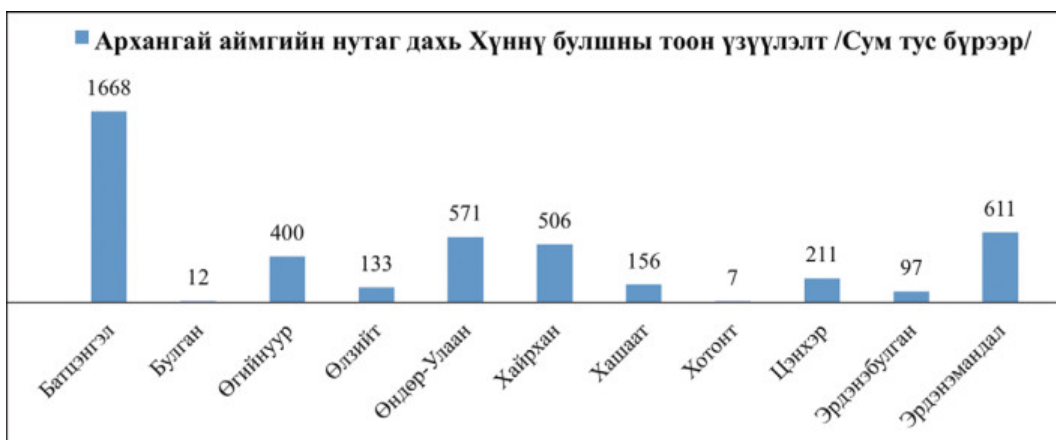
зэрэгцээгээр хослуулан гүйцэтгэсээр ирсэн бөгөөд 2018 оны байдлаар Өнөөгийн Монгол улсын нутаг дэвсгэр дээрээс Хүннү гүрний үеийн булш оршуулгын судалгааг явуулж 13305 булшны бүртгэл судалгааны ажлыг гүйцэтгээд байна. Бид булшны тоо баримтыг гаргахдаа энэ үеэр судалгаа явуулдаг байгууллагын судлаачдын хэвлэн нийтлүүлсэн эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, ном бүтээлээс шүүхийн зэрэгцээгээр өөрсдөө археологийн хайгуул судалгааны ажлуудыг зохион байгуулж ажилласан болно. Бид 2018 он хүртлэх цуглуулсан хэрэглэгдэхүүнд тулгуурлан энэхүү тоо баримтыг гаргав.

рийн иргэдийн булшны тоог 10 мянга хол (Алдармөнх нар, 2016, т. 166) давна хэмээн өгүүлсэн байдаг. Археологич Г. Эрэгзэн 2018 онд Монгол нутаг дахь Хүннү оршуулгын оршуулгын дурсгалын талаар БНАСУ-д Солонгос хэлээр нэгэн бүтээлийг хэвлүүлсэн бөгөөд уг бүтээлийн төгсгөлд Монгол нутгаас илрэн олдсон Хүннүгийн үеийн булш оршуулгын жагсаалтыг тоо баримттай хамт хүснэгтлэн гаргасан ба энэхүү жагсаалтад 10732 булшны мэдээлэл хамрагдсан байна. Дээрх хоёр тоо баримт Монгол нутаг дахь Хүннүгийн үеийн булш оршуулгын хамгийн сүүл үеийн нэгтгэн гаргасан статистик тоо баримт бөгөөд 2016 оны баримтаар 11800 гаруй булш гэж үзэж болохоор бол 2018 оны баримтаар 10732 гэсэн тоо баримт хэвлэгдсэн нь Монгол нутаг дахь Хүннүгийн үеийн булшны бүртгэл судалгаа нэг мөр шийдэгдээгүйг харуулж байна. Энэ нь бидний судалгаагаар давхар батлагддаг билээ. Бид 2010 оноос хойш Монгол нутаг дахь Хүннү булшны нэгдсэн бүртгэл судалгааг хийх, түүндээ тулгуурлан Хүннү гүрний улс төрийн төвийг тодорхойлох зорилгоор судалгааны ажлуудыг өөрсдийн судалгаа шинжилгээний

Тоон үзүүлэлтээс ажиглахад Хүннү булшны тоон үзүүлэлт жилээс жилд нэмэгдсэн тодорхой харагдаж байна. Энэ нь Монголын археологийн судалгаа сүүлийн жилүүдэд ямар эрчимтэй урагшилж буйг харуулахын зэрэгцээ Хүннү булшны судалгааны ажил өргөн бүс нутгийг хамарч буйг, Хүннүгээр судалгаа явуулдаг судлаачид олширсныг давхар илтгэнэ.

Тоон үзүүлэлтээс ажиглахад өнөөгийн Монгол улсын бүх нутаг дэвсгэр дээр хүннүчүүд аж төрж байсныг тухайн үеийн булш оршуулгын тархалт тодорхой харуулж байна. Харин булшны тоон үзүүлэлтийн хувьд харилцан адилгүй байгаа нь Хүннүгийн хүн амын тархалт ямар байсныг, тэр дундаа хүн амын төвлөрөл чухам хаана байсныг ч зааж байна. Тодруулбал, Архангай аймгийн нутагт хамгийн олон хүннү булш байгаа нь тэнд тухайн үед хамгийн олон хүннүчүүд аж төрж байжээ гэдгийн баталгаа юм. Түүний дараагаар Архангай аймгийн хил залгаа орших, Булган, Төв, Хэнтий зэрэг аймгууд орж байна. Архангай аймгийн нутагт Хүннү гүрний үед хамаарах 4372 булш оршуулгын дурсгал байгаа нь нийт Хүннү булшны 32,85% нь буюу гуравны нэг болох ажээ.

Архангай аймгийн нутаг дахь Хүннү булшны тоо баримтыг сум тус бүрээр ангилан гаргавал Батцэнгэл сум хамгийн олон 1668 булштай буюу нийт булшны 38,15% -ийг эзэлж байгаа нь өнөөгийн Батцэнгэл сумын нутагт хамгийн олон хүннүүд тухайн үед аж төрж байжээ гэдгийг харуулж байна.

Хануй голын ай савд 1182, Хүнүй голын ай савд 506 хүннү булш бүртгэгджээ. Үүнээс тоон үзүүлэлтийг хувьлан гаргавал Архангай аймгийн нийт булшны 61,39% нь Орхон, Тамирын голын ай савд, 27,03% Хануй голын савд, 11,57% нь Хүнүй голын савд тус тус тархжээ.

Архангай аймгийн нийт нутгаас илрэн олдсон хүннү булшнуудыг голын ай саваар нь ангилан авч үзвэл Орхон, Тамирын гол, Хануй гол, Хүнүй гол хэмээн булшны тархалтаар хувааж үзэх боломжтой байна. Ийнхүү голын айм саваар ангилан хуваан авч үзэхэд Орхон, Тамирын голын ай сав газарт 2684 булш,

Орхон, Тамирын голын савд Хүннү гүрний үед хамаарах 2684 булш оршуулгын дурсгалууд байгаа нь Монгол нутаг дахь нийт хүннү булшны 20,15%-ийг эзэлж байгаа нь тоон үзүүлэлтээрээ Архангай аймгийн дараа орсон Булган аймгийн нутаг дахь Хүннү булшны тооноос ч их байгаа нь энэ хоёр голын сав

газарт Хүннү гүрний улс төрийн төв, хүн амын төвлөрөл энд байсныг харуулна.

Орхон, Тамирын голын сав дахь Хүннүгийн хот суурины судалгаа

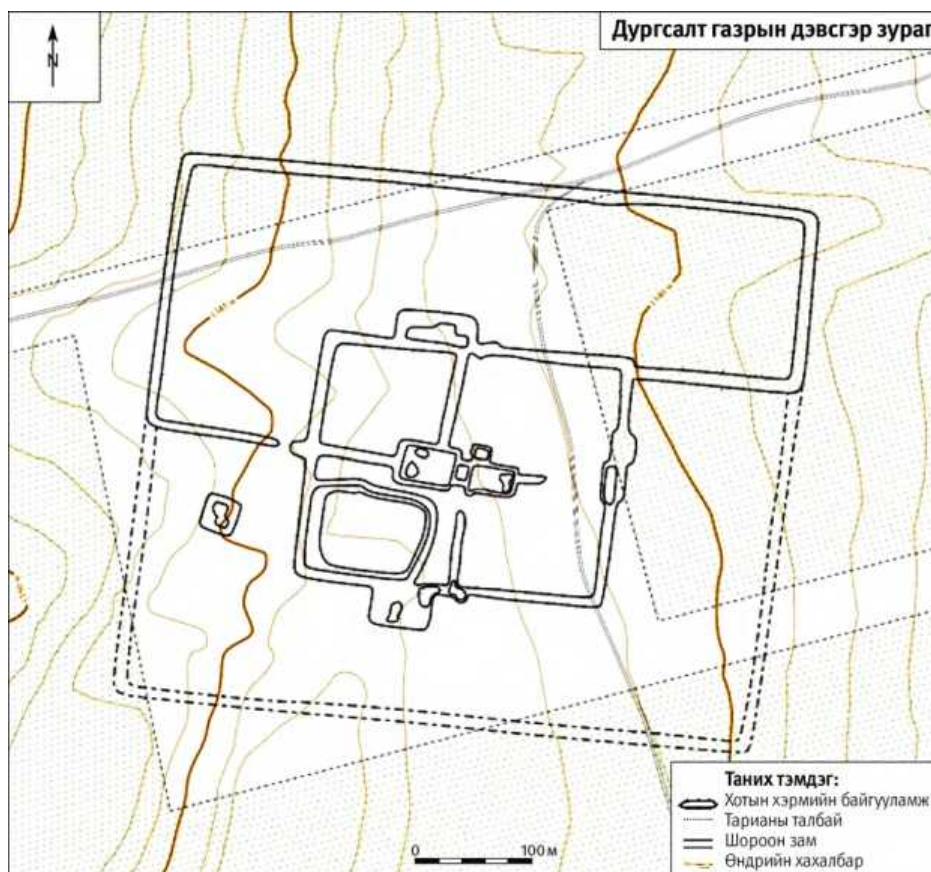
Өнөөгийн Монгол улсын нутаг дэвсгэр дээрээс Хүннү гүрний үед хамаарах хот суурины дурсгалыг түүхийн ном бүтээлд орсноор авч үзвэл 16 дурсгалт (Очир нар, 2020б, т. 16; Эрэгзэн, 2020, т. 5) газрын хот суурины тухай сүүлийн үеийн судалгаагаар иш татан бичсээр байна. Эдгээрийг голын мөрний айсаваар нь дурдвал, Хэрлэн голын ай савд 8 (Тэрэлжийн дөрвөлжин /Төв аймгийн Мөнгөнморьт/, Бүрхийн дөрвөлжин /Төв аймгийн Мөнгөнморьт/, Хүрээт дов /Улаанбаатар хотын Налайх дүүрэг/, Өндөр дов /Төв аймгийн Баяндэлгэр/, Гуа дов /Төв аймгийн Баянжаргалан/, Цэнхэрийн голын хэрэм /Төв аймгийн Жаргалтхаан/, Овоотын баруун хавцлын балгас /Хэнтий аймгийн Баян-Овоо/, Баруун дөрөөгийн суурин /Дорнод аймгийн Цагаан Овоо/, Туул голын савд 1 (Заан хошуу /Булган аймгийн Дашинчилэн/), Бороогийн голд 1 (Бороогийн суурин /Сэлэнгэ аймгийн Мандал/), Шувуутын голд 1 (Шувуутын голын хэрэм /Булган аймгийн Бүрэгхангай/), Орхон, Тамирын голын савд 2 (Хэрмэн талын гурван хэрэм /Архангай аймгийн Өгийнуур/, Дов дэрс /Булган аймгийн Сайхан/), говийн бүс нутагт 3 (Баян булгийн суурин /Өмнөговь аймгийн Номгон/, Сайрын балгас /Өмнөговь аймгийн Баян-Овоо/, Мангасын хүрээ /Өмнөговь аймгийн Ханбогд/) зэрэг болно. Дээр дурдсан Хүннүгийн үеийн хот суурины дурсгалаас Хэнтий аймгийн Баян-Овоо сумын Овоотын баруун хавцлын балгас, Хэнтий аймгийн Жаргалтхаан сумын Цэнхэрийн голын хэрэм, Өмнөговь аймгийн Ханбогд сумын Мангасын хүрээ зэрэг 3 дурсгалт газраас бусад газрын хотуудыг тодорхой хэмжээгээр малтан судалж тэдгээрийн бүтэц зохион байгуулалтын онцлогоор нь 5 ангилан авч үздэг билээ. Үүнд:

1. Язгууртны орд өргөө ба хэрэмт хотууд;
2. Тахилга ёслолын газрууд;
3. Хилийн бэхлэлт цайз;
4. Хагас нүхэн сууц бүхий суурин;
5. Үйлдвэрлэлийн газрын ул мөр (Очир нар, 2020а, т. 24) зэрэг болно.

Монгол улсын нутгаас илрэн олдсон Хүннү гүрний дээрх 16 хот суурины дурсгалтай ижил гадаад бүтэц зохион байгуулалттай дурсгалууд нэлээд байдгийг тэмдэглэх нь зүйтэй болов уу. Тодруулбал, Бид 2010, 2013 онуудад Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын нутагт археологийн нарийвчилсан хайгуул судалгааг явуулж байхад Бор Азаргын хэрэм, Халзан голын хэрэм, Зосын хэрэм хэмээх хот суурины

дурсгалууд бүртгэл судалгааны ажлын явцад таарч тайланд орсон байдаг. Мөн 2013 оны хайгуулын явцад Өгийнуур сумын Талын гурван хэрмийг ч бид үзэж тайландаа тодорхойлон бичиж тэмдэглэсэн билээ. Батцэнгэл сумын нутагт буй 3 хэрэм нь гадаад бүтэц зохион байгуулалтаараа Өгийнуур сумын Талын 3 хэрэмтэй ихэд төсөөтэй байдаг нь эдгээр дурсгалуудыг харах бүрт нэг цаг үед бүтээсэн гэмээр сэтгэгдэл төрдөг юм. Харин Талын гурван хэрмийн 2001 онд МУИС-ийн Археологи, Антропологийн тэнхимийн багш археологич З. Батсайхан оюутны дадлагаар хэд хэдэн газарт сорилын малтлагын явуулсан ч ямар нэгэн эд өлгийн зүйлийг илрүүлэн олж чадаагүй ч Тамирын улаан хошуу, Эмээл толгойн Хүннүгийн бүлэг булшны хажууханд байдаг үндэслэн Хүннү гүрний үед хамаарч магадгүй (Батсайхан, 2002, т. 35) хэмээх таамаглалыг дэвшүүлсэн билээ. Гэтэл тус дурсгалыг 2014–2018 оны хооронд Монгол-хятадын хамтарсан А. Очир, Чэн Ёнжи нарын тэргүүтэй Б. Анхбаяр, Г. Мандахбаяр, Цао Жианэн, Сүн Гүодүн, Ц. Саранбилэг, Чэн Пэнфэй, Дандар нарын судлаачид малтан судалж судалгааны ажлын үр дүнд Талын гурван хэрэм нь Хүннү гүрний үеийн дурсгал болохыг БНХАУ-ын Бээжингийн их сургуулийн лабораторид илгээсэн 14С-ийн радиокарбонь он тогтоох шинжилгээгээр НТӨ 170–НТ 10 он хэмээх он цаг гарч уг дурсгал нь Хүннү үеийн тахил, тайлгын зориулалттай (Очир нар, 2020а, т. 61) хот суурин дурсгал болох нь тогтоогдоод байна.

Архангай аймгийн Өлзийт сумын Бодонт багийн нутаг, сумын төвөөс баруун урагш 10 км, Хойд зуухын амны зүүн урд тал, Харганын хөндий хэмээх газарт Хүннү гүрний үед хамаарах эртний нэгэн хотын үлдэгдэл бий. Энэ хотыг 10 гаруй жилийн туршид Орхон, Тамир, Хануй, Хүнүй голын сав газраар хүннү булшны бүртгэл, тандалт судалгааны ажлыг явуулсаны үр дүнд 2017 онд бид агаарын зургийн хайгуулаар анх илрүүлэн олж, улмаар 2018 онд тандалт судалгаа, 2019 оны 7 сард агаарын зураглал, хэмжилт судалгааны ажлыг тус тус гүйцэтгэсэн байна (Идэрхангай, 2019). Ийнхүү тандалт болон хэмжилт судалгааны ажлыг гүйцэтгэх явцдаа олон тооны нүүр ваарны хагархай олж лабораторийн шинжилгээгээр нарийвчлан судлахад «Шаньюй» гэсэн бичигтэй нүүр ваарны хагархай 1 гарсан нь энэхүү хотын туурь Хүннүгийн хааны ордон байх магадлал өндөр болсон юм. Учир иймд дээрх судалгааг улам гүнзгийрүүлэх зорилгоор 2020 оны 4 сард дахин газар дээр нь очиж агаарын зураглал, нарийвчилсан хэмжилт, тандалт (Идэрхангай нар, 2020б) судалгааг явуулахад «Тэнгэрийн хүү Шаньюй» гэсэн бичигтэй нүүр ваарны хагархай түүвэр байдлаар 2 илэрч олдсон нь дээрх таамаглалыг улам баталгаажуулав (**зур. 1**).

Зур. 1. Архангай аймгийн Өлзийт сумын Харганын дөрвөлжингийн Хүннүгийн хааны зуны ордны ерөнхий дэвсгэр зураг

Fig. 1. Plan of the Xiongnu Chanyu's settlement named Kharganiin Durvuljin in Ulziit soum, Arkhangai aimag

Гэвч энэхүү судалгааны ажлууд тухайн дурсгалын газрын өнгөн хөрсөн дээрх олдвор хэрэглэгдэхүүнд тулгуурлагдаж байсан учир энэ судалгааг улам баталгаажуулах зорилгоор 2020 оны 07 дугаар сарын 9-ний өдрөөс 25-ны хооронд Монгол улсын БСШУ-СЯ-ны сайдын А/272 тоот тушаалаар анхны сорилын малтлага судалгааны ажлыг гүйцэтгэж 7×10 м, 2×16 м хэмжээтэй хоёр жижиг талбайгаас «**Тэнгэрийн хүү Шаньюй, Тэнгэртэй адил өнө мөнх, Мянга түм насал**» (зур. 2) гэсэн бичигтэй нүүр ваарны хагархай 190 гаруйг, дээврийн тосгуур болон нөмрөг ваар 4800 гаруйг (Идэрхангай нар, 2020а) тус тус илрүүлэн малтан судалж тус хотын үүрэг зориулалт, саравчит хашаа бүхий ордны бүтэц зохион байгуулалтыг урьдчилсан байдлаар тодруулах анхны хэрэглэгдэхүүнүүдийг хуримтлуулсан билээ.

2020 оны малтлага судалгааны дараах байдлаар тус хот нь 550×550 м хэмжээ бүхий давхар хэрэмтэй, хэрэмний төв хэсэг 250×210 м хэмжээ бүхий саравчит хашаатай, саравчит хашааны төв хэсэгт 2 том ордны суурь, мөн урд талын саравчит хашааны баруун урд хэсэгт 1 том ордны суурьтай болох нь тодорхой болсон байна. Түүнчлэн саравчит хашааны хойд, зүүн, урд болон баруун талд илэрхий мэдэгдэх хаалгатай

бөгөөд хаалга тус бүрээс төв хэсэгт орших 2 ордон руу холбосон замтай аж. Хамгийн сонирхолтой нь тус ордны баруун урд хэсэгт буюу саравчит хашааны дөрөв хуваасны нэгд хүний гараар хийсэн усан сантай байгаа нь өндөр зэрэглэлийн, тансаг, хааны ордон болохыг илэрхийлж байна. Тус хот нь хэмжээний хувьд өнөөдрийн байдлаар Монгол улсын нутгаас илэрсэн Хүннүгийн үеийн хотуудаас хамгийн том нь бөгөөд давхар хэрэмтэй гэдгээрээ анхны өвөрмөц бүтэц зохион байгуулалтай дурсгал болно.

Энэ хот нь Монголын хамгийн эртний хот учир газрын хөрсөнд ихэд дарагдан хучигдаж бараг мэдэгдэхээ больсон хэдий ч 2020 оны 07 дугаар сард хийж гүйцэтгэсэн бага хэмжээний сорилын малтлагаар «**Тэнгэрийн хүү Шаньюй, Тэнгэртэй адил өнө мөнх, Мянга түм насал**» гэсэн бичгээс бүхий барилгын дээврийн чимэглэл нүүр ваарны хагархай 190 гаруй илэрсэн нь Хүннүгийн үеийн хааны ордны чимэглэл болох нь тодорхой байна. Тиймээс бид тулгар төрийнхөө нийслэл хааны ордноо олсон гэсэн үг юм. Урьд өмнө Монгол нутгаас Хүннүгийн үеийн 16 хот суурины үлдэгдэл илрэн олдлоод зарим нэгийг нь малтан судлаад байсан хэдий ч тэдгээр хотын малтлагаас Хүннүгийн хааны ордон болохыг батал-

Зур. 2. 2020 оны малтлага суалгаагаа илрэн олдсон «Тэнгэрийн хүү шаньюй, тэнгэртэй адил өнө мөнх, мянга түм насал» гэсэн бичээс бүхий нүүр ваар

Fig. 2. Inscription on the tiles found during the excavations in 2020: "Son of Heaven Chanyu, unlimited as the sky, life is forever eternal"

гаажуулах баримт огт гарахгүй байсаар өдий хүрсэн юм. Гэтэл бидний судалсан хотын малтлагаар «**Тэнгэрийн хүү Шаньюй, Тэнгэртэй адил өнө мөнх, Мянга түм насал**» гэсэн бичигтэй чимэглэл ваарны хэсгүүд олон байгаа нь Хүннүгийнх, Хүннүгийн хааных гэдгийг тодорхой заан харуулж байна. Ийм төрлийн бичээс бүхий олдвор Монгол улсын нутгаас төдийгүй, дэлхий дахинаас өнөөдрийн байдлаар олдсон анхны тохиолдол билээ.

Өнөөдрийн байдлаар судалгааны эргэлтэд хэдийнээ орсон 16 хотоос гадна бидний малтан судалсан Өлзийт сумын Харганын хөндийн Лунчэн хот, түүнээс холгүй Тамирын голын хөндийд байрлах Бор Азаргын хэрэм, Халзан голын хэрэм, Зосын хэрэм зэрэг дурсгалууд гадаад бүтэц зохион байгуулалтаараа Талын гурван хэрэмтэй ижил байгаа нь эдгээр 3 хотыг Хүннүгийн үеийн дурсгал гэдгийг харуулж байна. Түүнчлэн эдгээр дурсгалаас гадна Өгийнуур сумын Талын балгас хэмээх Хүннүгийн үеийн хот суурины дурсгалыг түүхч Г. Гантогтох 2018 онд илрүүлэн олсон бөгөөд тухайн дурсгалын гадаад зохион байгуулалт ч дээр дурдсан хот суурины дурсгалтай ижил байгаа юм. Учир иймд Орхон, Тамирын голын сав газарт Хүннү гүрний үед хамаарах 7 дурсгалт газарт 9 хэрэмт хотын үлдэгдэл байна. Бор Азаргын хэрэм, Халзан голын хэрэм, Зосын хэрэм, Талын гурван хэрэм зэрэг дурсгалыг хамгийн анх археологич Ц. Доржсүрэн илрүүлэн олж эрдэм шин-

жилгээний эргэлтэд оруулсан. Түүний дараа эдгээр хот суурины дурсгалыг 1961 онд Х. Пэрлээ «Монгол ард түмний эрт дундад зууны хот суурины товчоон» хэмээх бүтээлдээ он цаг тодорхойгүй дурсгал хэмээн тэмдэглэсэн байдаг.

Дүгнэлт

Орхон голын хөндийг үе үеийн эртний улсуудын улс төрийн төв байсан хэмээн гадаад, дотоодын олон эрдэмтэн судлаачид өөрсдийн судалгааны бүтээлдээ иш татан өгүүлсээр ирсэн билээ. Түүнийг ч тэдгээр улсуудын үлдээсэн археологийн дурсгалууд баталдаг бөгөөд өнөөдөр тодорхой баримтаар хамгийн эртнийх нь Уйгур улсын нийслэл Хар балгас, Түрэгийн үеийн хаан Билгэ, түүний дүү Күлтегин нарт зориулан босгосон тахилын дурсгалууд, Монголын эзэнт гүрний нийслэл Хархорум хот зэргийг нэрлэдэг билээ. Гэтэл Төв Азид хамгийн анхны төр улсыг байгуулсан Хүннү гүрний улс төрийн төв энэ голын сав газарт байсныг сүүлийн 10 гаруй жилийн туршид явуулсан бидний судалгаа олон баримтаар нотлон харуулж байна. Тухайлбал, 2018 оны байдлаар Монгол улсын нутагт 13305 Хүннү гүрний үеийн булш оршуулгын дурсгалыг илрүүлэн олж бүртгэн баримтжуулсны гуравны нэг нь буюу 4372 булш нь Орхон голын сав газарт түүний цутгал Тамир, Хануй, Хүнүй голын сав газарт байгаа нь ихээхэн анхаарал татаж байсан билээ. Энэхүү судалгаа улам гүнзгийрүүлэн судлахад Хархорумын хагас өдөрчийн зайнд Тамирын гол, Тамирын гол Орхон гол руу цутгах цутгалын ойр орчим байгаа явдал нь энд хүннүчүүд төвлөрөн аж төрж байсныг, тэдний улс төрийн төв энд байсныг илтгэж байна. Үүнийг ч Орхон, Тамирын голын сав газраас илрэн олдсон 7 дурсгалт газрын 9 хот суурины дурсгал, тэр дундаа 2020 онд дэлхий дахины анхаарлыг ихэд татсан Архангай аймгийн Өлзийт сумын нутаг Харганын дөрвөлжингийн малтлага судалгаа давхар гэрчилнэ.

Харганын дөрвөлжингийн малтлагаар «Тэнгэрийн хүү шаньюй, тэнгэртэй адил өнө мөнх, мянга түм насал» гэсэн бичиг бүхий олдвор олдсон нь Монгол улсын төдийгүй дэлхий дахинаас анх удаа илэрч олдсон нь эрдэм шинжилгээний маш чухал ач холбогдолтой түүхэн баримт бөгөөд энэхүү хотод Хүннүгийн хаан шаньюй аж төрж байсныг, түүний ордон ямар тансаг байсныг, тэрхүү хааны ордон Орхон голын сав газарт байсныг давхар гэрчилж байгаа билээ.

Түүнчлэн Хүннү гүрний улс төрийн төв, хүн амын нягтрал Орхон, Тамирын голын сав газраар байсан нь тэдний үлдээсэн булш оршуулга, хот суурины дурсгалаар батлагдаж байгаа бөгөөд тэд хаад язгууртныхаа булш оршуулгыг нууцлах үүднээс Тамирын голын хойд талаар өргөрөгийн дагуу нуруулдан

орших Бөхөн шарын нуруу, Бугатын нурууны ар талын нууцлаг газарт оршуулсан бололтой. Монгол улсын хэмжээнд Хүннү гүрний үеийн хаад язгууртны 10 том оршуулгын газар байдаг бөгөөд тэдгээрийн хамгийн олон, хамгийн том булштай оршуулгын газар нь Бугатын нурууны арын хойш харсан Гол мод-2, Бөхөн шарын нурууны ар хойш харсан Гол мод-1 хэмээх газруудад бий. Эдгээр 2 оршуулгын газарт 1000 гаруй булш оршуулга байдаг бөгөөд оршуулгын газруудад явуулсан малтлага судалгаагаар Хүннү гүрний үеийн хамгийн сонгодог олдворууд энэ хоёр оршуулгын газраас илэрч олддог нь дээрх бидний дэвшүүлж буй саналыг ч батлан харуулдаг.

Мөн археологийн малтлага судалгаа явуулаад буй Тамирын Улаан Хошуу, Эмээл толгой, Солбиуул, Худгийн Толгой, Дунд Оорцог хэмээх хүннүгийн оршуулгын газруудад малтан судласан зарим булшны нүхний чиглэл, хүний тавилт, толгойгоор нь хандуулсан зүг чиг, хүний төрхтний хэв шинж, зэл чулуу, хөшөө чулуутай байгаа зэрэг зан үйлийн олон ялгаатай байдлаас харахад энэ бүс нутгийн Хүннүгийн хүн ам ихэд холилдсон, олон хөлийн газар байсныг харуулж байна. Тиймээс энэ бүс нутаг нь хүн ам олноор цугласан Хүннүгийн улс төрийн төв нутаг буюу шаньюйн нутаг байсан нь илэрхий бө-

гөөд тухайн үеийн хүмүүсийн төв рүүгээ тэмүүлэх хүчний нөлөөлөлөөр хүн ам олноор цугласан төв газар луугаа түшиглэн сууж, аж төрж байсныг тодотгон зааж байна. Учир иймд энэ бүс нутаг нь Хүннү гүрний ид мандан бадарч байсан үеийн төв нутаг байсан нь тодорхой байна. Яагаад гэвэл аливаа улс гүрэн ид цэцэглэн хөгжих үед л хүн ам хамгийн олон, мөн өөр угсааны хүмүүс холилдон аж төрөх боломжтой юм. Мөн энэ бүс нутагт малтан судласан зарим нэгэн булшны он цаг Хүннүгийн ид мандан бадарч байсан үетэй давхцаж байгаа явдал юм. Түүнчлэн энэ бүс нутгаас олон янзын зан үйлийн ялгаатай байдал болон европжуу төрхтөн бусад газрын булшнаас илүү олон олдож байгаа явдал нь 1-рт тухайн үеийн Хүннүгийн харьяанд байсан харь угсааны аймгууд Хүннүгийн улс төрийн төв шаньюйг дагаж хөлс хүчээ өргөж байсныг давхар баталж байгаад оршино.

Эцэст нь тэмдэглэхэд, Орхон голын хөндий нь Төв Азид байгуулагдсан хамгийн анхны нүүдэлчдийн эзэнт гүрний нийслэл байсан нь түүхийн олон баримтаар батлагдаж буй бөгөөд энэ цаг үеэс хойших дараачийн төр улсуудад уламжлагдан тогтсон чухал стратегийн ач холбогдолтой газар нутаг болохыг харуулж байна.

Ном зүй

- Алдармөнх П., Амартүвшин Ч., Анхбаяр Б., Батсүх Д., Баярхүү Н., Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Идэрхангай Т., Одбаатар Ц., Очир А., Төрбат Ц., Цэвээндорж Д., Энхболд С., Эрдэнэбаатар Д., Эрдэнэбат У., Эрдэнэболд Л., Эрэгзэн Г.** Монголын эртний булш оршуулга // Монголын Археологийн Өв. – Улаанбаатар, 2016. – Боть 3. – 440 т.
- Батсайхан З.** Төв Азийн нүүдэлчдийн түүхийн зарим асуудал // МУИС-ийн ЭШБ. Археологи, антропологи, угсаатан судлал. – Улаанбаатар, 2002. – № 187 (13). – Т. 31–35.
- Ганбаатар Я.** Төв Азид анхны төр улс байгуулагдсан нь. // Ancient Bronze Age and Xiongnu cultures in Mongolia. International Academic Conference, June 25, Saturday, 2011. – Korea.
- Гэрэлбадрах Ж.** Монгол нутаг дэвсгэр, хил хязгаарын түүх. – Улаанбаатар, 2006. – 132 т.
- Доржсүрэн Ц.** Умард хүннү (эртний судлалын шинжилгээ). – Улаанбаатар, 1961. – (Археологийн судлал. – Т. I, Fasc. 5).
- Ерөөл-Эрдэнэ Ч.** Хүннүгийн булшны тархацийг засаг захиргааны хуваарьтай харьцуулан нягтлах нь // Археологийн судлал. – 2010. – Т. XXXI, Fasc. 5. – Т. 71–80.
- Идэрхангай Т.** Тамирын голын хөндий Хүннүгийн улс төрийн төв нутаг болох нь // Journal of Archaeology, History and Culture (Journal of the school of Ulaanbaatar, NUM. – 2012. – Vol. 8 (7) November. – Т. 19–33.

- Идэрхангай Т.** Булган, Архангай аймгийн зарим бүс нутагт явуулсан хүннү булшны бүртгэл судалгааны ажлын тайлан (2019 оны 07 сарын 18–25) // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2019. – Т. 9–12.
- Идэрхангай Т., Бадрах Б.** Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2013 оны тайлан // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2013.
- Идэрхангай Т., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Цэнд Д., Алтансүх Б., Баянсан П., Эрдэнэпүрэв П.** Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2014 оны тайлан // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2014.
- Идэрхангай Т., Эрдэнэ Ж., Өнөрбаяр Б., Эрдэнэпүрэв П.** Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Алаг уул багийн нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2016 оны тайлан // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2016.
- Идэрхангай Т., Цэнд Д., Өнөрбаяр Б., Эрдэнэпүрэв П.** Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Алаг уул, тээл багуудын нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2017 оны тайлан // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2017.
- Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Эрдэнэпүрэв П., Баянсан П.** Архангай аймгийн Өлзийт сумын нутаг дахь Харганатын дөрвөлжингийн малтлага судалгааны ажлын 2020 оны тайлан // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2020а.

Идэрхангай Т., Цэнд Д., Амгаланбат Б. Сэлэнгэ, Булган, Архангай аймгийн зарим бүс нутагт явуулсан хүннү булшны хайгуул судалгааны ажлын тайлан (2020 оны 04 сарын 11–18) // УБИС-ийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2020б. – Т. 34–36.

Очир А., Анхбаяр Б., Мандахбаяр Г., Чэн Ёнжи, Цао Жианэн, Сүн Гүодүн, Саранбилэг Ц., Чэн Пэнфэй, Дандар. Хэрмэн талын гурван хэрмийн 2014–2018 оны малтлага судалгааны үр дүн // Нүүдэлчид ба хот суурин (Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл). – Улаанбаатар, 2020а.

Очир А., Уртнасан Э., Энхболд С., Эрдэнэболд Л., Эрэгзэн Г. Монголын хот суурин // Монголын археологийн өв цуврал зурагт цомог. – Улаанбаатар, 2020б. – Боть Х.

Төрбат Ц. Хүннүгийн жирийн иргэдийн булш. – Улаанбаатар, 2004.

Цэвээндорж Д. Хиргист хоолой, Оньтолтын хүннү булш // Монголын археологийн судалгаа (эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэл) 1983–1992. – Улаанбаатар, 2007. – Боть II.

Эрэгзэн Г. Хүннүгийн язгууртны булшны бүтэц, олдвор, он цагийн тухай // Нүүдэлчдийн өв судлал. – Улаанбаатар, 2010. – Т. X, Fasc. 7.

Эрэгзэн Г. Хэрлэн голын эрэг дагуух Хүннүгийн «хот»-уудын онцлог ба үүрэг зориулалтын тухай // Нүүдэлчид ба хот суурин (эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл). – Улаанбаатар, 2020.

T. Iderkhangai

Ulaanbaatar State University (Mongolia)

THE XIONGNU CHANYU'S SUMMER CAPITAL CITY NAMED LUUT OR LONGCHEN CITY IN KHARGANIIN DURVULJIN, THE POLITICAL CENTER OF THE XIONGNU EMPIRE

Many foreign and Mongolian scholars have cited the Orkhon River Valley as the political center of ancient nomadic nations. It is confirmed by the archaeological monuments related to those ancient empires and nations, and today the oldest are the Uighur capital Khar Balgas, the sacrificial monuments dedicated to the Turkic khan Bilge and his younger brother Kultegin, and the capital city of the Mongol Empire, Kharkhorum. However, as a result of our research over the last 10 years, as of 2018, 13305 tombs of Xiongnu Empire have been registered and documented in Mongolia, on third of which or 4372 of them are in the Orkhon, Tamir, Khanui and Khunui River Basins. This indicates that the Xiongnu population was the most concentrated in those regions and that their political center was here. It is evidenced by the excavations of the summer capital of

Xiongnu Empire in the Kharganiin Durvuljin in Ulziiit soum, Arkhangai aimag, which attracted the attention of the world in 2020, including the 9 ancient city remains of 7 archaeological sites discovered in the Orkhon and Tamir River Basins. During the excavations at the Kharganiin Durvuljin, the front decoration of the roof of the city's building bears an inscription of ancient Chinese characters 'Son of Heaven Chanyu'. It is the first case not only in Mongolia but also in the world. This is very important historical fact for science, and it testifies to the existence of the Xiongnu Chanyu in this city, how luxurious his palace was, and that the royal palace was in the Orkhon River Basin. Finally, there are many historical facts that the Orkhon and Tamir River Valleys were home to the capital of the first nomadic empire in Central Asia.

KEYWORDS: *Orkhon River Valley, Xiongnu Empire, Kharganiin Durvuljin, excavations, Xiongnu Chanyu's summer capital city named Luut or Longchen.*

Средневековье

Н.Н. Серегин¹, С.А. Васютин²

¹Алтайский государственный университет (Россия)

²Кемеровский государственный университет (Россия)

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ РАННЕТЮРКСКИХ «ПОМИНАЛЬНЫХ» КОМПЛЕКСОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А.С. ВАСЮТИНА)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»)

Снаряжение верхового коня – одна из наиболее показательных категорий инвентаря из «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрков Центральной Азии. Из-за немногочисленности находок в оградках такие предметы являются ключевым хронологическим маркером памятников данного типа. В настоящей статье охарактеризованы элементы конского снаряжения из «поминальных» объектов Центрального и Восточного Алтая, раскопанных Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции КемГУ под руководством А.С. Васютина в 1980–1984 гг. Некоторые результаты анализа материалов из комплексов Кок-Паш, Кудыргэ и Усть-Карасу авторы ввели в научный оборот (Серегин, Васютин, 2019, 2020; и др.). В настоящей работе на примере одной категории предметов продемонстрированы возможности уточнения датировки серии объектов, важных для исследования слабоизученных процессов, проходивших на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркский период.

Железные **стремена** составляют отдельную группу находок из «поминальных» объектов обозначенных комплексов. Рассматриваемая серия предметов включает одно петельчатое стремя и пять изделий с пластинчатым ушком, которые характеризуются вариативностью характеристик (**рис. 1**).

Наиболее показательными являются плоские пластинчатые стремена с Т-образной подножкой. Такие предметы обнаружены при раскопках комплексов Усть-Карасу, объект № 1 (**рис. 1-1, 1-2**) и Кок-Паш, оградка А-1 (**рис. 1-3**). Характерные для подобных изделий следы декорирования не фиксируются, что, вероятно, связано с высокой степенью коррозированнойности находок.

Происхождение плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой исследователи связывают с сяньбийскими племенами Северного Китая и относят к IV в. н.э. (Комиссаров, Худяков, 2007). Именно из этого центра происходило распространение таких предметов, ставших одной из наиболее ярких новаций в материальной культуре кочевников в середине I тыс. н.э. В результате археологических исследований, проведенных в Центральной и Северной Азии, к настоящему времени получена серия плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой, насчитывающая не менее 30 изделий (Серегин и др., 2020). Значительную часть этой коллекции составляют случайные находки и предметы из разрушенных объектов, 14 стремян зафиксированы в закрытых комплексах.

Типология ранних пластинчатых стремян до сих пор не разработана, что объясняется сравнительно небольшим количеством известных находок и различной степенью сохранности предметов. Вместе с тем даже первичный анализ материалов позволяет выделить направления эволюции изделий данного типа. Имеются основания полагать, что наиболее ранние экземпляры характеризуются невыделенной шейкой, которая у более поздних образцов появляется и затем оформляется более четко. Верхняя хронологическая граница бытования предметов определяется распространением традиции изготовления дужек пластинчатых стремян из прута округлого сечения. При этом в качестве архаичного признака отдельных подобных изделий фиксируется Т-образная подножка (Спришевский, 1951, рис. 3-2; Табалдиев, 1996, рис. 13). Относительным хронологическим признаком можно считать количество стремян

Рис. 1. Стремена из объектов комплексов Кок-Паш (1, 4–7) и Усть-Карасу (2, 3).
1–7 – железо

Fig. 1. Stirrups from objects of Kok-Pash (1, 4–7) and Ust-Karasu (2, 3) complexes.
1–7 – iron

в одном комплексе. В большинстве случаев ранние изделия являются одиночными, что, очевидно, отражает особенности их первоначального использования как приспособления для посадки на лошадь (подножка). Редкие примеры находок парных предметов демонстрируют эволюцию традиции применения стремян.

Таким образом, судя по имеющимся материалам, период распространения плоских пластинчатых стремян с Т-образной подножкой в памятниках Центральной и Северной Азии ограничивается пределами второй половины V – начала VII в. н.э. Около половины предметов данного типа обнаружены на территории Алтая, что, очевидно, связано с формированием и первоначальным распространением общности раннесредневековых тюрков (Гаврилова, 1965, с. 23, табл. XIV-7; Могильников, 1994, рис. 13-2, 13-3; 14-2; Серегин, Васютин, 2019, рис. 4; Серегин и др., 2020, рис. 7-3; и др.). К этому хронологическому периоду, с возможным ограничением верхней границы пределами VI в. н.э., по совокупности характеристик могут быть отнесены рассматриваемые находки из комплексов Кок-Паш и Усть-Карасу.

Железное стремя из оградки А-2 могильника Кок-Паш (рис. 1-4) отличается от представленных выше изделий оформлением пластины и подножки, а также тем, что изготовлено из прута округлого сечения. По совокупности ранних признаков подобных предметов (узкая прямая плоская подножка, высокая узкая «шейка» и высокая вертикальная пластина) данная находка может быть отнесена ко второй половине V – первой половине VI в. н.э. Такое же стремя обнаружено при раскопках раннетюркской оградки № 76 памятника Кара-Коба-I в Центральном Алтае (Могильников, 1994, рис. 7-1), причем в других «поминальных» объектах данного комплекса зафиксированы также плоские пластинчатые изделия с Т-образной подножкой (Там же, рис. 13-3; 14-2).

Отличительными особенностями железного пластинчатого стремени из оградки Б-2 комплекса Кок-Паш (рис. 1-5) являются округлый проем, образованный дужками подквадратного сечения, наличие нервюры у довольно широкой подножки, а также более широкая и короткая «шейка». Судя по этим признакам, данное изделие может быть рассмотрено как типологически более позднее и отнесено к VI – первой половине VII в. н.э. Наиболее близкие аналогии подобным стремянам имеются в материалах раскопок погребений комплекса Кудыргэ эпохи Первого каганата (Гаврилова, 1965, табл. XIV-12; XXII-9).

Единственное стремя с петельчатым ушком в анализируемой серии находок из «поминальных» комплексов представлено изделием из оградки А-2 памятника Усть-Карасу (рис. 1-6). К датирующим признакам предмета следует отнести прямую пло-

скую и узкую подножку, характерную для ранних изделий. Хронологическим маркером также выступает вертикально-вытянутая петля стремени. В целом, данную находку следует рассматривать как одно из наиболее ранних петельчатых стремян, обнаруженных на территории центральноазиатского региона. Датировка изделия определяется в пределах второй половины V – первой половины VI в. н.э. Предметы более позднего времени (эпохи Первого каганата) характеризуются появлением таких признаков, как выгнутая, более широкая подножка, ребро жесткости (нервюра), округлость дужек и приплюснутость ушки-петли.

Отдельное внимание следует уделить миниатюрному стремени, обнаруженному при раскопках «ритуального» кургана комплекса Кок-Паш (рис. 1-7). Данный предмет представляет собой уменьшенную копию (высота – 3 см) петельчатого стремени с плоской подножкой. Нет сомнений, что это вотивное изделие не имело какого-либо функционального назначения. Проанализируем находку в контексте синхронных материалов из комплексов центральноазиатского региона.

Вотивные стремяна представляют собой весьма редкую группу изделий. Несколько таких предметов обнаружено в погребениях таштыкской культуры (Савинов, 2005, с. 131–133; Тетерин, 2007, рис. 19-9; Азбелев, 2008, рис. 2-1). Датировка этих комплексов, принимая во внимание дискуссионность хронологии склепов Минусинской котловины, может быть определена в широких пределах V–VI вв. н.э. Кроме того, одно миниатюрное стремя происходит из тюркской оградки в урочище Мейшельк на Алтае (Савинов, 2005, рис. 2-5). По мнению Д.Г. Савинова (Савинов, 2005, с. 134), зафиксированные в ходе раскопок находки, в том числе стремя, связаны с более поздним (впускным?) погребением и относятся к концу I – началу II тыс. н.э. Другие исследователи склоняются к тому, что предметы составляют единый комплекс с оградкой и датируются «таштыкским временем» (Гаврилова, 1965, с. 34) или V–VI вв. н.э. (Кубарев, 2016, с. 454). Таким образом, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что вотивные стремяна характерны для памятников середины I тыс. н.э.¹

¹ Очевидно, что в целом феномен создания миниатюрных копий стремян в Центральной Азии имеет гораздо более широкие хронологические рамки. Сводка изделий конца раннего – развитого Средневековья приведена в статье Д.Г. Савинова (Савинов, 2005, с. 130–131). Другим примером являются вотивные стремяна, входящие в состав шаманского костюма этнографического времени, представленные в экспозиции музея Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ).

В связи с этим важно отметить, что на сегодняшний день сформирована небольшая серия вотивных изделий из тюркских оградок, раскопанных на территории Алтая (Соенов, Эбель, 1996, рис. 3; Кубарев, 2018, с. 85–86; и др.). Практически все эти комплексы относятся к начальным этапам развития материальной культуры кочевников и датируются в пределах второй половины V – первой половины VII в. н.э. Имеются также примеры из памятников на сопредельных территориях (Кубарев, 2016, с. 430–451). Показательно, что феномен создания миниатюрных копий изделий не был характерен для погребальной практики населения булан-кобинской культуры хунно-сяньбийского времени и представляет на Алтае своего рода «новацию».

Другим элементом конского снаряжения, обнаруженным при раскопках «поминальных» комплексов Центрального и Восточного Алтая, являются удила и псалии.

Железные **удила** найдены в нескольких оградках памятников Кок-Паш, Кудыргэ и Усть-Карасу. Рассматриваемые изделия двусоставные, с кольчатым окончанием звеньев и кольчатым (скованным) соединением. Своеобразной характеристикой абсолютного большинства предметов является отсутствие псалий. В целом подобные находки не могут рассматриваться как показательные для определения хронологии рассматриваемых объектов. Удила с такими характеристиками получили распространение начиная с раннего этапа культуры тюрков (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 1-1–1-3) и бытовали на протяжении второй половины I тыс. н.э. Гораздо более информативны в этом плане удила с **псалиями**, зафиксированные в трех объектах комплексов Кок-Паш (**рис. 2-1**) и Кудыргэ (**рис. 2-2–2-4**). Рассмотрим эти предметы более подробно.

Одной из редких находок являются удила с кольчатыми ложновитыми псалиями, обнаруженные под насыпью кургана № 1 могильника Кок-Паш (**рис. 2-1**). Различные аспекты изучения изделий такого типа были рассмотрены одним из авторов настоящей статьи (Серегин, 2018, с. 178–179; Серегин и др., 2019, с. 55–56). В целом, период распространения удил с кольчатыми ложновитыми псалиями определяется довольно широкими рамками IV–VII вв. н.э. Дальнейшее изучение подобных предметов позволит более подробно рассматривать датировку находок. Комплект из кургана № 1 памятника Кок-Паш с учетом всех имеющихся материалов можно отнести ко второй половине V – VI в. н.э.

Для уточнения датировки анализируемых комплексов важны железные стержневые двудырчатые псалии с характерным изгибом одного из концов,

найденные в каменном ящичке оградки XVI-Б памятника Кудыргэ (**рис. 2-2–2-4**). Подобные изделия представляют собой весьма редкий тип предметов из памятников центрально- и североазиатского региона. Близкой аналогией являются недавно опубликованные псалии, обнаруженные в Абанском р-не Красноярского края (Серегин, Филиппович, 2020, рис. 2). Подобные предметы, с некоторыми отличиями в оформлении нижней части изделия, очевидно обусловленными последующей эволюцией вещей, зафиксированы в одной из могил некрополя Кудыргэ, которая датируется второй половиной VI – первой половиной VII в. н.э. (Гаврилова, 1965, табл. X-9), а также в захоронении комплекса Кара-Тал-IV в Туве, относящемся, вероятно, ко второй половине VII в. н.э. (Трифонов, 2013, табл. XXVII-18). Близкие характеристики имеет находка из развееванного погребения Баянгол-II (Знаменский р-н Бурятии), отнесенного к VI–VII вв. н.э. (Дашибалов, 2011, с. 30, рис. 58-2). В целом, судя по имеющимся материалам, такие псалии бытовали в конце V – VII в. н.э., предшествуя более распространенным стержневым изделиям схожей формы, но со скобой (Овчинникова, 1990, рис. 42; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. IV-5; и др.).

Плохая сохранность костяных псалий, обнаруженных в комплекте с удилами в каменном ящичке оградки XX-Ж комплекса Кудыргэ (Бобров и др., 2003, рис. 54-5), не позволяет осуществить точную атрибуцию этих изделий. Судя по всему, это были стержневые двудырчатые псалии, представляющие собой наиболее архаичную для раннего Средневековья форму таких изделий. Подобные находки зафиксированы в ходе раскопок нескольких объектов начального этапа культуры тюрков, которые могут быть отнесены к концу V – VI в. н.э. (Савинов, 1982, рис. 3-2; Могильников, 1994, рис. 19, 25). Отметим, что костяные двудырчатые псалии продолжали использоваться и во второй половине VI – VII в. н.э., о чем свидетельствуют предметы из исследованных комплексов Алтая и сопредельных территорий (Киселев, 1929, табл. V-13; Гаврилова, 1965, табл. VII-1; XX-36; Худяков, 1999, рис. 2-2; Трифонов, 2013, табл. XVI-10, XVI-11). В памятниках катандинского этапа культуры раннесредневековых тюрков подобные изделия уже не встречаются; их сменяют костяные псалии с железными скобами (Гаврилова, 1965, рис. 8-10; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 9-7; и др.).

К элементам конского снаряжения, найденным в «поминальных» комплексах, очевидно, относится большая часть **железных пряжек**. Архаичным для раннего Средневековья обликом отличаются два изделия, обнаруженные в «ритуальном» кургане № 1 могильника Кок-Паш (Бобров и др., 2003, рис. 53-16,

Рис. 2. Элементы конского снаряжения из комплексов Кок-Паш (1, 5) и Кудыргэ (2–4).

1–4 – железо; 5 – бронза

Fig. 2. Items of horse equipment from Kok-Pash (1, 5) and Kudyrgé complexes (2–4).

1–4 – iron; 5 – bronze

53–18). Пряжки имеют длинный прямоугольный подвижный щиток, выделенный от рамки и крепящийся к ремню с помощью шпеньков. Язычок размещен на основании подовальной рамки и крепится к ней с помощью петли. Подобные находки фиксируются в памятниках центральноазиатского региона начиная с хуннуского времени. На Алтае пряжки такого типа получили наибольшее распространение в II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 45–46). В комплексах раннесредневековых тюрков они встречаются в гораздо меньшем количестве (Мамадаков, Горбунов, 1997, рис.

VIII-5; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 2-4) и чаще всего характеризуются более коротким щитком. Остальные железные пряжки относятся к типу бесщитковых, с подвижным язычком, закрепленным на основании округлой или подпрямоугольной рамки. Такие предметы имели более широкий период бытования – с последней четверти I тыс. до н.э. и вплоть до этнографической современности (Матренин, 2017, с. 42). В археологических комплексах тюрков подобные изделия фиксируются уже с ранних этапов развития культуры (Тишкин, Серегин, 2011, рис. 3-6–3-

12), присутствуя в предметном комплексе номадов на протяжении последующих столетий I тыс. н.э. (Овчинникова, 1990, с. 120–121, рис. 49–1–49–13).

Единичными элементами украшения конского снаряжения, выявленными при раскопках оградки В-4 комплекса Кок-Паш, являются изготовленные из бронзы трехлепестковая **уздечная бляха-нашивка** с отверстием в центре (рис. 2-5) и **обоймы**. Похожая по форме бляха, но со шпеньковым креплением, имеется в материалах одного из погребений могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XX-14). Из «поминальной» оградки этого же памятника происходят бронзовые обоймы (Илюшин, 2000, рис. V-7).

Охарактеризованные предметы конского снаряжения являются достаточно надежным хронологи-

ческим маркером «ранней» группы тюркских археологических комплексов. На основе представленных материалов, а также принимая во внимание выявленные конструкции и обнаруженные предметы, оградки и «ритуальные» курганы памятников Кок-Паш, Кудыргэ и Усть-Карасу датируются в пределах второй половины V – VI в. н.э. Вероятно, обозначенная верхняя граница для большинства раскопанных объектов может быть ограничена серединой VI в. н.э. Вместе с тем окончательные выводы делать преждевременно, учитывая ограниченный объем имеющихся материалов по ранней истории тюрков, а также полное отсутствие опыта радиоуглеродного датирования рассматриваемых «поминальных» комплексов.

Список литературы

- Азбелев П.П.** Стремена и склепы таштыкской культуры // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А.В. Виноградов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 56–68.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 223 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 112 с., 16 л.
- Дашибалов Б.Б.** Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2011. – 172 с.
- Илюшин А.М.** Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Ред.: В.И. Молодин, Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 157–169.
- Киселев С.В.** Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске. – 1929. – Т. IV. – Вып. 2. – С. 1–162.
- Комиссаров С.А., Худяков Ю.С.** Еще раз о происхождении стремян: сяньбийский фактор // История и культура улуса Джучи / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: ФЭН, 2007. – С. 246–266.
- Кубарев Г.В.** Мир в миниатюре: традиция помещения votивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтай в кругу евразийских древностей: [коллективная монография] / Отв. ред.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 429–479.
- Кубарев Г.В.** Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // АЭАЕ. – 2018. – № 2. – С. 79–89.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.** Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаборатории

археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 115–129.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. – 137 с.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.А. Суразаков. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 94–116.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 221 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред.: А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.

Савинов Д.Г. Миниатюрные стремена в культурной традиции Южной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – С. 129–135.

Серегин Н.Н. Удила и псалли из погребальных комплексов раннесредневековых тюрков Монголии // Изв. АлтГУ. Серия: Исторические науки и археология. – 2018. – № 2 (100). – С. 174–181.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. – 2019. – № 2 (28). – С. 32–46.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 1. – С. 123–143.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2019. – № 4. – С. 50–67.

- Серегин Н.Н., Филиппович Ю.А.** Новая находка раннего пластинчатого стремена // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. – Вып. XXVI. – С. 149–155.
- Серегин Н.Н., Фокин С.М., Ключников Т.А.** Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 1 (48). – С. 34–42.
- Соенов В.И., Эбель А.В.** Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 115–118.
- Спришевский В.И.** Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улутбека // Тр. Музея истории народов Узбекистана. – 1951. – Вып. 1. – С. 33–42.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Тетерин Ю.В.** Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс-I на севере Хакаско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края / Науч. ред.: С.П. Нестеров. – Новосибирск: Хакаского гос. ун-та; НГУ, 2007. – С. 62–88.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н.** Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2011. – Вып. 6. – С. 14–32.
- Трифонов Ю.И.** Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве / Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) / Ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 13–114.
- Худяков Ю.С.** Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 21–26.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – Т. IV. – С. 369–373.

N.N. Seregin¹, S.A. Vasyutin²

¹*Altai State University (Russia)*

²*Kemerovo State University (Russia)*

ITEMS OF HORSE EQUIPMENT FROM THE EARLY TURKIC “MEMORIAL” COMPLEXES OF THE CENTRAL AND EASTERN ALTAI (BASED ON THE MATERIALS OF A.S. VASYUTIN’S EXCAVATIONS)

The article presents the characteristics of horse equipment from the early Turkic «memorial» objects of the Central and Eastern Altai, excavated by the Altai detachment of the South Siberian expedition of the Kemerovo State University under the leadership of A.S. Vasyutin in 1980–1984. The analysis of materials from the sites of Kok-Pash, Kudyge and Ust-Karasu has been carried out. It has been established that on the basis of the results of studying the elements of the am-

muniton of the riding horse, as well as taking into account other data, the enclosures and “ritual” mounds of the indicated complexes are dated within the second half of the 5th–6th centuries AD. At the same time, the final conclusions in this regard are still premature, given the rather limited amount of available materials on the early history of the Turks, as well as the complete lack of experience in the radiocarbon analysis of the considered complexes.

KEYWORDS: *Altai, early Turkic period, «memorial» complex, enclosure, horse equipment, chronology.*

Р.В. Давыдов

Новосибирский государственный университет (Россия)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЧЕКАННОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ТОРЕВТИКИ МАЛЫХ ФОРМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ)

Исследование проведено за счет гранта РФФИ проект № 20-18-00111

Одной из наиболее распространенных категорий погребального инвентаря енисейских кыргызов являются предметы торевтики малых форм. В кыргызских материалах середины – конца I тыс. н.э. широко представлены бронзовые элементы поясной и сбруйной фурнитуры различных типов: бляхи, накладки, распределители ремней, ременные наконечники и т.д. Как отмечено рядом исследователей, при изготовлении данной категории инвентаря применялись литые и чеканка (Король, 2008, с. 98). На рубеже тысячелетий происходит достаточно резкий переход от бронзы, как основного материала для создания указанных предметов, к железу. Смена сырья не могла не сказаться на технологии производства – основным способом изготовления предметов торевтики малых форм стала горячая и холодная ковка, в качестве техник орнаментации применялись резьба и инкрустация фона серебряной фольгой (Кызласов, Король, 1990; Худяков, 2015, с. 56–66). Однако, наряду с технологической схемой производства посредствомковки, сохранилась и схема формообразования с использованием чеканов и матриц. При этом в процессе становления технологии данная схема претерпела ряд изменений.

Цель данной работы – реконструкция технологии изготовления железных предметов торевтики малых форм енисейских кыргызов с использованием чеканов и матриц. В качестве источников использованы материалы могильников Эйдиктыр-кыр, Шигрей (долина р. Ус) и Большой Телек (долина р. Телек), расположенных на юге Красноярского края. Также изучены случайные находки с территории Минусинской котловины. Всего рассмотрено порядка 300 предметов, из которых выявлено 32 чеканных изделия: 28 блях различной формы и четыре ременных наконечника.

Наибольшее количество блях – 19 экз. – выявлено в кург. 1 могильника Шигрей, представляющего собой коллективное погребение по обряду кремации на стороне. Под курганной насыпью, сложенной из крупных камней и плит, практически на уровне древней дневной поверхности, были зафиксированы кальцинированные кости, железные предметы то-

ревтики, стремена, удила, наконечники стрел, фрагмент роговой свистунки, немногочисленные фрагменты керамики без орнамента (Давыдов, 2019, с. 71). По морфологическим признакам исследуемые бляхи можно разделить на трехрогие (11 экз., с серебряной инкрустацией), двурогие (3 экз., с геометрическим узором без инкрустации), круглые (3 экз., с инкрустацией) и волнистые (1 экз., без орнамента).

В материалах кург. 43 могильника Эйдиктыр-кыр (одиночное погребение по обряду кремации на стороне с небольшим количеством предметов торевтики) выявлено четыре цельных ременных наконечника, орнаментированных растительным орнаментом без инкрустации (Митько, 2016, с. 33).

Изделия с могильника Большой Телек включают пять двурогих блях, орнаментированных геометрическим узором без инкрустации. Они обнаружены в крупном коллективном погребении вместе с большим количеством кальцинированных костей, предметов торевтики, бытовых изделий и вооружения (Митько, 2018, с. 21).

Среди случайных находок с территории Минусинской котловины обнаружены три трехрогие бляхи с инкрустацией фона и одна волнистая бляха без орнамента.

В ходе реконструкции технологических схем изготовления предметов использовались сравнительно-морфологический (для сопоставления параметров изделий и их элементов) и экспериментально-трасологический анализы. Серия экспериментов проведена на материально-технической базе лаборатории Палеотехнологий Научно-образовательного центра «Новая археология» Гуманитарного института НГУ. Она включала: получение следов конкретных операций (ковка, рубка, абразивная обработка, чеканка, пробитие отверстий, опиловка), реконструкцию последовательностей операций (насечка и имитация инкрустации, рубка и абразивная обработка), воспроизведение технологических схем. Всего получено 116 эталонов. Для них в качестве основного материала использовалась низкоуглеродистая сталь ГОСТ СТ-3 (С<0,2%) в виде листа толщиной 1,5 мм. Данный металл наиболее близок

по физическим характеристикам к древним материалам. Согласно исследованиям Н.М. Зинякова, средневековые элементы поясного набора и конского снаряжения изготавливались из мягкого железа или низкоуглеродистой стали (металлического лома) без специальной термической обработки (Зиняков, 1988, с. 195–197).

В результате установлено, что рассматриваемые предметы изготовлены по двум технологическим схемам, которые различаются по способу формирования заготовки (**рис. 1; 2**).

Схема 1 – «басма». По данной технологической схеме изготовлены цельные ременные наконечники из кург. 43 могильника Эйдиктыр-кыр. В ней можно выделить три этапа (**рис. 3**).

Этап А. Создание заготовки.

В качестве исходного материала использовался металлический лист толщиной 0,7–1,0 мм. Изготовление объемной заготовки производилось при помощи толстой ковальной металлической болванки в форме внутренней стороны будущего изделия. Лист помещался на наковальню, затем на него накладывалась болванка. Крупным молотком по болванке наносилось несколько ударов, вследствие чего она отпечатывалась на листе, обозначая место будущей заготовки.

Затем по полученному контуру, с учетом размеров стенок, вырубалась заготовка. Следы рубки не сохранились, однако, судя по экспериментам, лист железа толщиной более 0,7 мм разрезать достаточно затруднительно, в связи с чем использование ножниц по металлу маловероятно. Не исключена альтернативная последовательность, при которой сначала вырезалась заготовка, а затем на ней отпечатывалась болванка. Последнее действие необходимо для фиксации заготовки при следующей операции.

Вырезанная заготовка накладывалась сверху на закрепленную (в тисках или специальном вырезе в деревянном основании) болванку и удерживалась клещами. При этом ранее отпечатанный контур служил для фиксации листа в одном положении. Выступающие части будущих стенок загибались ковкой при помощи молотка.

«Басма» – техника выдавливания рельефа в листовом металле на литых металлических или деревянных матрицах. При этом давление на металл производится вручную. В классическом виде используют выпуклую матрицу, в результате чего образуется рельефное изображение (Минасян, 2014, с. 226). В данном случае техника достаточно своеобразна, потому название схемы взято в кавычки, однако этот термин наиболее точно характеризует способ формообразования. От чеканки рассматриваемую технологию отличает отсутствие рельефного пуансона.

Об использовании данной техники свидетельствуют следы от краев болванки, которые сохранились на внутренней стороне отдельных предметов и совпадают с полученными в ходе экспериментов (**рис. 1-Б, 10**). Кроме того, в процессе загибания стенок они приобретают характерную волнистую деформацию, которая зафиксирована как на предметах из кург. 43 могильника Эйдиктыр-кыр, так и на эталонах (**рис. 1-Б, 2, 4–9**). Показательна также внутренняя сторона кончиков со складками (**рис. 1-Б, 1, 3**).

Дополнительным свидетельством выступают размеры изделий. Разница длины и ширины внутренней стороны ременных наконечников составляет 7,4 и 5,1% (от размеров наибольшего). В то же время эти параметры с учетом стенок различаются на 19,6 и 13,1%. Данный факт обусловлен тем, что предметы изготовлены на одной болванке, однако стенки загнуты под наклоном и неодинаково.

Этап Б. Доработка заготовки.

В заготовке округлым пробойником с внутренней стороны, на что указывают вогнутые края, пробивались отверстия для клепок, имеющие с лицевой стороны выступы металла по краям. Затем кромки и лицевая сторона изделия подвергались абразивной обработке, в результате чего следы рубки и выступы металла по краям отверстий ликвидировались.

Этап В. Нанесение орнамента.

По стенкам изделий, в заданных на стадии формообразования углублениях у кончика, пропиливались два симметричных зубчика (по одному с каждой стороны). Их угол, согласно экспериментам, указывает на то, что использовался прямоугольный в сечении напильник со слабо изношенными гранями.

На лицевую сторону изделий нанесен рельефный растительный орнамент в виде побегов. Глубокие канавки по сторонам, волнистый край и углубления посередине выступающих линий показывают, что он выполнен при помощи резцов. Аналогичные следы получены в ходе экспериментов (**рис. 1-Б, 11–20**).

По краю предметов проходит окаймляющий композиции рельефный бортик. Он также создан с применением резца, свидетельством чего являются волнистый край и глубокая канавка с одной стороны.

После завершения изготовления предмета он прикреплялся к ремню посредством клепки с подложкой. Последняя вырубалась или вырезалась из листа толщиной 0,5–0,7 мм, затем ее края обрабатывались абразивом. Судя по углублению металла по краям, отверстия для клепок пробивались с наружной стороны.

Клепки, толщиной 2,0–2,5 мм, имели подквадратное сечение. Они нарублены из толстой проволоки, затем один их край раскован. Вероятно, ремень

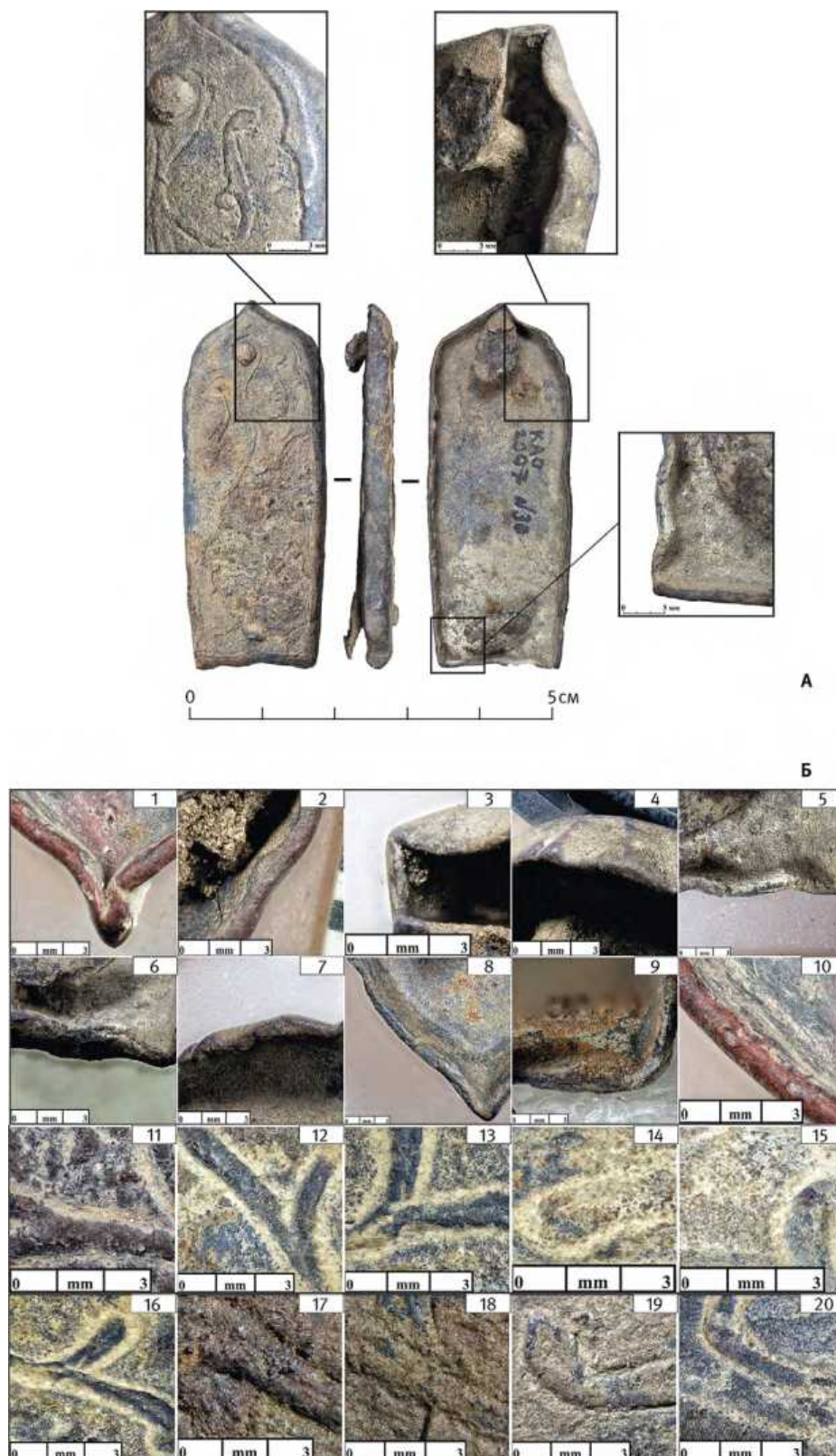

Рис. 1. Изделие, созданное по технологической схеме 1 – «басма»: А – общий вид типичного предмета с указанием технологических следов; Б – примеры следов, выявленных на изделиях (1, 3 – смятые кончики; 2, 4–9 – неровности стенок; 10 – следы болванки; 11–20 – резной орнамент)

Fig. 1. Product, made according to technological scheme 1 – «basma»: А – general view of a typical product with indication of technological traces; Б – examples of traces found on surface of products (1, 3 – crumpled ends; 2, 4–9 – wall imperfections; 10 – traces of a fuller; 11–20 – carving ornament)

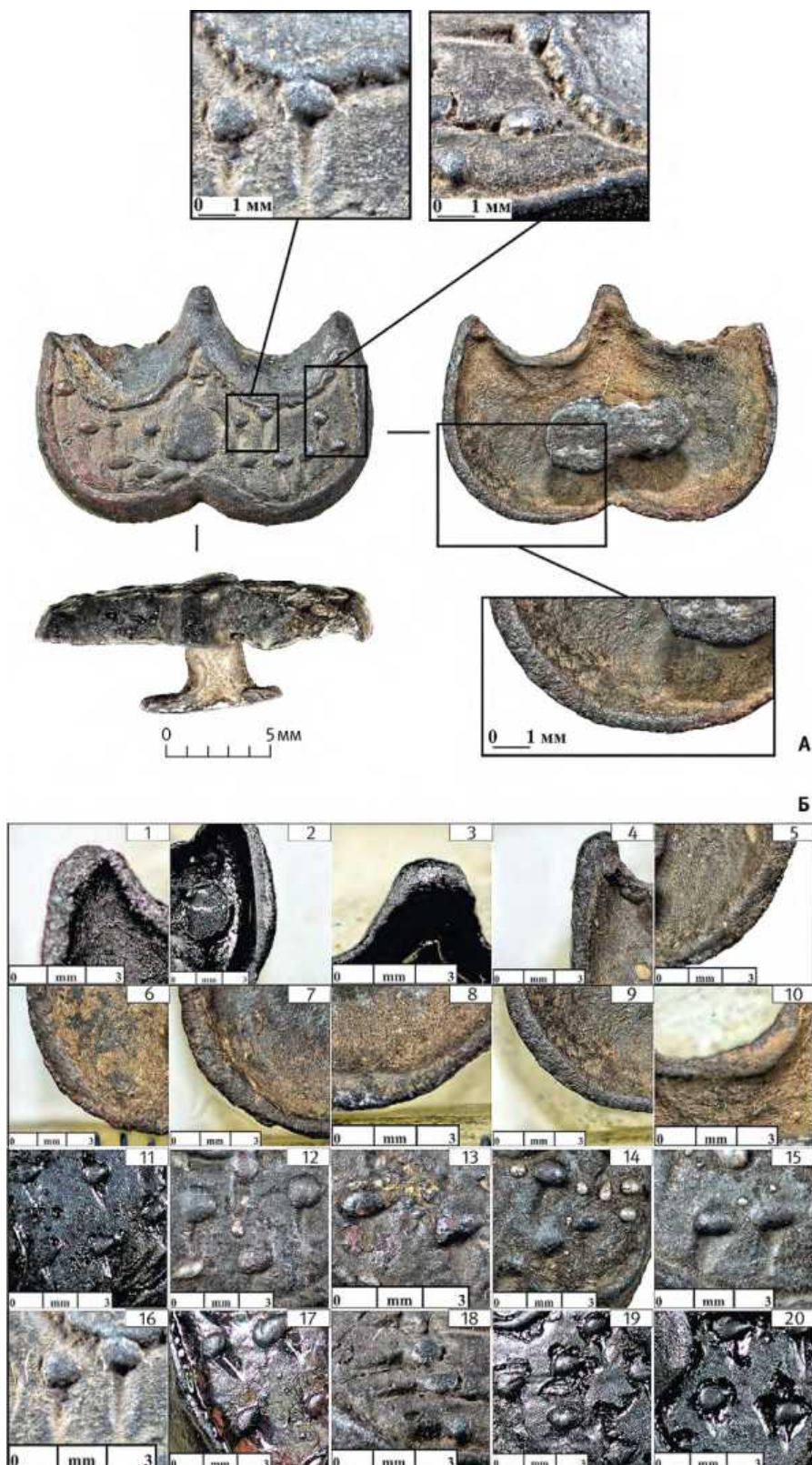

Рис. 2. Изделие, созданное по технологической схеме 2 – двусторонняя чеканка: А – общий вид типичного предмета с указанием технологических следов; Б – примеры следов, выявленных на изделиях (1–10 – неровности стенок; 11–20 – техническая насечка для фиксации серебра)

Fig. 2. Product, made according to technological scheme 2 – bilateral stamping: А – general view of a typical product with indication of technological traces; Б – examples of traces found on surface of products (1–10 – wall imperfections; 11–20 – technical notches for fixation of silver)

помещался между подложкой и изделием, затем части соединялись нагретыми (для подгона отверстий в коже) клепками, которые плющились с наружной стороны. Некоторые из них изогнулись в процессе.

По технологической схеме 2 (двусторонняя чеканка) изготовлены все рассматриваемые бляхи (28 экз.). В ней выделяется четыре этапа (рис. 3).

Этап А. Создание заготовки.

В качестве исходного материала использовался металлический лист толщиной 0,4–0,8 мм. Вероятнее всего, он формировался ковкой, однако свидетельств об этом не сохранилось.

Лист укладывался на вогнутую матрицу, сверху на него помещался выпуклый пуансон. Сильными ударами молотка или кувалды по пуансону создавалась заготовка. Данную операцию можно назвать двусторонней чеканкой. Классическая чеканка – ручной способ получения рельефных изображений на листовом металле, который осуществляется с помощью молоточков, чеканов или пуансонов с выпуклой рабочей поверхностью особой формы (Минасян, 2014, с. 314, ил. 134).

Двусторонняя чеканка – редкая техника. В отличие от штамповки, возникшей только в Новое и Новейшее время, при ее использовании приспособления (пуансон и матрица) не совмещены друг с другом (Бреполь, 1982, с. 221; Минасян, 2014, с. 316–317). Процесс двусторонней чеканки, названный штамповкой, описан как один из способов изготовления предметов из раннесредневекового Кузубаевского клада (Среднее Прикамье) – тонкая пластина накладывалась на матрицу, сверху помещался пуансон, легкими многократными ударами молотка с плоским бойком по пуансону формировалось изделие. Приспособления одного комплекта описаны как формовочные штампы (Останина и др., 2011, с. 70).

Учитывая резкий угол стенок и выпуклость (до 4,5 мм) заготовок, чеканка производилась по горячему металлу.

Об использовании данной техники свидетельствуют плавные изменения толщины стенок предметов, которые не могут быть достигнуты при изготовлении листа. Они возникли вследствие различного зазора между пуансоном и матрицей (рис. 2-Б, 1–10). С отклонением инструментов при чеканке также связана различная толщина стенок изделий, в которой наблюдается закономерность – две соседние стенки толще противоположных, и толщины противопоставленных стенок, как правило, обратно пропорциональны. Разница толщины (вплоть до 0,5 мм) обусловлена степенью отклонения. В отдельных случаях, когда инструмент располагался ровно, различий практически нет.

Другим маркером использования чеканки выступает плавный наклон стенок круглых блях, как с внутренней, так и с внешней стороны. Кроме того, на внутренней стороне всех изделий фиксируется плавный переход от бортиков к плоскости внутренней поверхности, на которой отсутствуют следы ковки или какие-либо неровности (рис. 2-А).

Характерным показателем является разница размеров предметов. По длине и ширине она составляет до 14% (от размеров наибольшего) у 11 трехрогих и до 13,5% у четырех двурогих блях из могильника Шигрей. В то же время разброс по толщине – до 38% у трехрогих и до 24% у двурогих. У предметов из могильника Большой Телек разброс рассматриваемых показателей составляет 17,6, 15,4 и 38% соответственно. Данный факт связан с тем, что толщина изделий зависит от глубины чеканки, обусловленной температурой нагрева металла и силой удара, которые даже при работе одного мастера могут существенно различаться. Одновременно длина и ширина задаются только степенью отклонения инструмента при ударах в пределах разницы матрицы и пуансона.

Этап Б. Доработка заготовки.

Объемная часть вырубалась зубилом или вырезалась ножницами. Следов от этой операции не сохранилось, однако эксперименты с ножницами по металлу показали, что они могли применяться для резки железного листа толщиной 0,5 мм. Данный инструмент не зафиксирован в археологическом материале, потому его использование остается гипотетическим.

Затем следовало пробитие отверстий для клепок округлым пробойником. Вогнутые края свидетельствуют о том, что удары наносились с внутренней стороны изделий, из-за чего на лицевой части вокруг выхода инструмента оставались выступы металла. Предметы имели по одной клепке.

Завершала данный этап абразивная обработка лицевой поверхности и кромок блях, в результате чего выступы металла от пробития отверстий и следы резки или рубки полностью ликвидировались.

Этап В. Нанесение орнамента.

На предметы наносились декоративные элементы. На двурогих бляхах орнамент имел вид симметричных линий. Линии выполнены небольшими ювелирными зубильцами, на что указывают достаточно большая (до 0,7 мм) ширина борозд и разделенное плавное окончание. Выступы металла по краям в большинстве случаев отсутствуют. Лицевая часть предметов окаймлена рельефным бортиком, выполненным резцом или мелким зубильцем, на что указывает глубокая канавка у основания и отсутствие волнистого края.

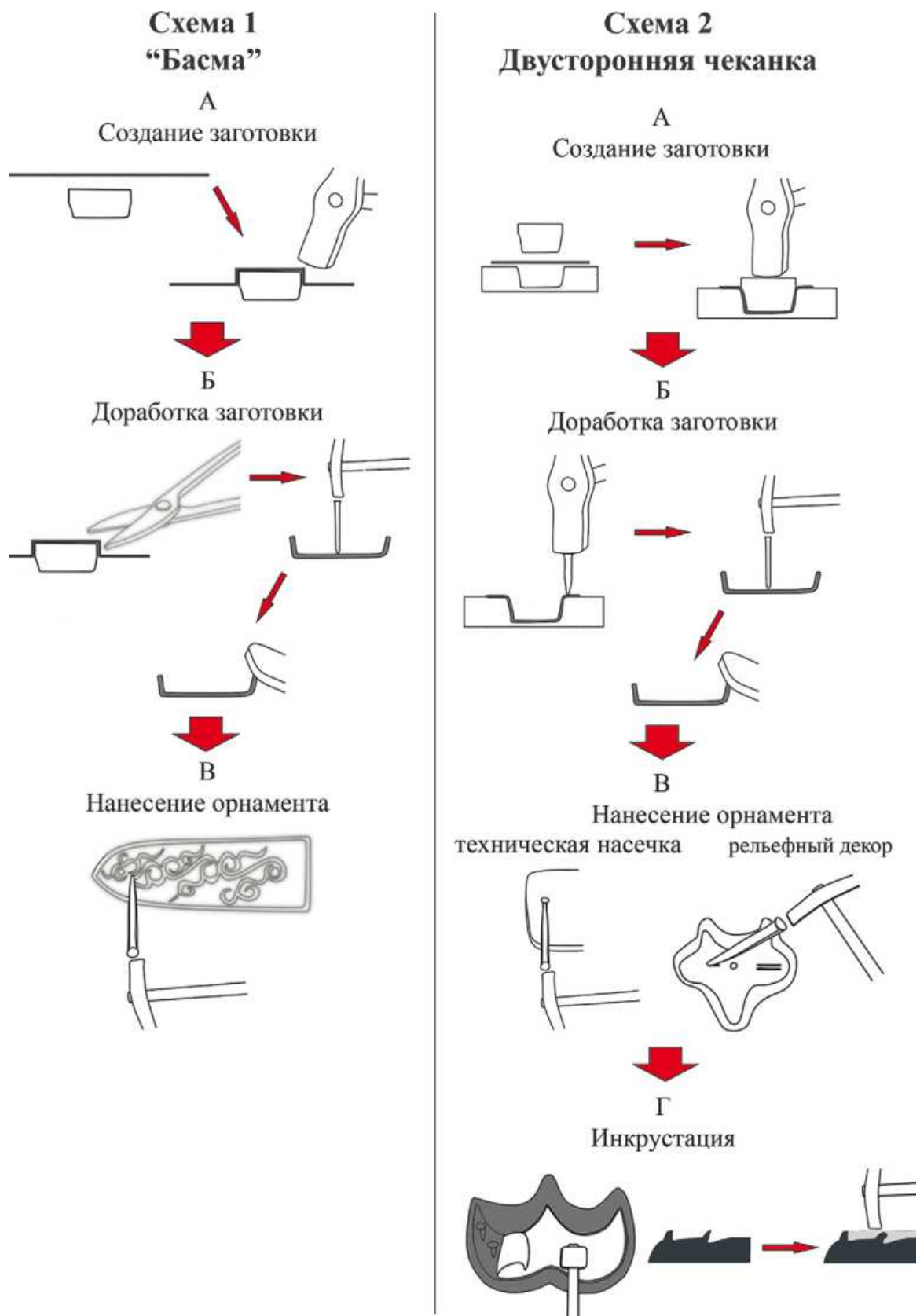

Рис. 3. Технологические схемы изготовления исследуемых предметов

Fig. 3. Technological schemes of manufacturing of the studied objects

На трехрогих и круглых бляхах также зафиксирован резной бортик с глубокой канавкой у основания и характерным волнистым краем, указывающим на применение резцов. Кроме того, на лицевой стороне отдельных трехрогих и круглых блях обнаружены рельефные декоративные элементы в виде листов. Они выполнены резцами, о чем свидетельствуют глубокие канавки с двух сторон по бокам, волнистые края, углубления в середине выпуклых линий. Судя по глубине канавок, декор выполнялся по нагретому металлу.

Трехрогие и круглые бляхи дополнительно снабжены технической насечкой в виде заусенец, покрывающей все свободное поле, окаймленное бортиком. Она всегда сопровождала инкрустацию и служила для сцепки серебра с поверхностью. Заусенцы выполнены в одном направлении (вверх) с небольшими отклонениями. Сравнение с экспериментальными эталонами показало, что техническая насечка создана треугольными или полукруглыми резцами по горячему металлу (рис. 2-Б, 11–20).

Этап Г. Инкрустация.

Инкрустация – техника украшения художественных вещей различными материалами, вставленными в поверхность украшаемого предмета (Минасян, 2014, с. 247). Трехрогие и круглые бляхи были инкрустированы тонким серебряным листом, на что указывают капли серебра на них в сочетании с присутствием окаймляющего бортика и технической насечки.

Как выглядел лист и как он изготовлялся, не известно из-за расплавления металла. Его толщина должна была быть достаточной для сцепки с заусенцами, но не превышать высоту бортика, окаймляющего зону инкрустации. Выступы металла в результате технической насечки могут достигать 0,3 мм, высота бортика – 0,2–0,4 мм, т.е. можно предположить, что серебряный лист имел толщину от 0,2 до 0,4 мм. Он мог быть получен посредствомковки с отжигом металла (Минасян, 2014, с. 256; Давыдов, Половников, 2018, с. 33).

Лист помещался на предмет, на нем располагалась мягкая подстилка (тонкий слой войлока или кожи для предотвращения повреждения от бойка молотка). Небольшим молоточком легкими ударами серебро вбивалось в область, ограниченную бортиком. В процессе выступы металла на заусенцах сплющивались, фиксируя лист. Затем излишки металла обрезались, учитывая толщину листа, данная операция могла быть выполнена ножом. В результате рельефные узоры и бортик становились видимыми.

Предмет прикреплялся к ремню посредствомклепки. Заклепки имели толщину 3,0–3,5 мм. Они нарубались из толстой проволоки, затем один их

конец сплющивался. Исходя из размеров расплющенной части (до 0,7 мм длиной), эта операция производилась с нагретыми заклепками. Затем клепки (их могли нагревать для подгона отверстий в коже) продевались через ремень с внутренней стороны изделий и расковывались снаружи. Некоторые из них слегка изогнулись при расплющивании.

Рассмотренные технологические схемы существенно различаются по трудозатратам. Согласно экспериментам, время изготовления одного предмета по технике «басма» составляет порядка двух часов. В то же время двусторонняя чеканка с минимумом орнамента подразумевает сравнительно быстрое производство серий одинаковых изделий. Также для осуществления первой схемы требуется достаточно простое приспособление – ковкая болванка. Для двустороннего варианта чеканки необходимо создание стыкующихся рельефных пуансонов и матриц.

Стоит отметить, что в условиях ручного ремесленного производства использование специальных приспособлений не уменьшает различий предметов одной серии. Дисперсия длины и ширины изделий одной серии колеблется от 13 до 20% (от наибольшего). При этом различие кованных по шаблону изделий составляет 4,5–6,0% (экспериментальные образцы) или 6–7% (археологические материалы). Усадка размеров литейных форм составляет 12–20% (Бородовский, Ларичев, 2013, с. 41), т.е. техники чеканки и «басмы» применялись не для унификации размеров.

Показателем контекста находок – изделия, выполненные по схеме 2, обнаружены в погребениях с предметами тореvтики, демонстрирующими высокий уровень развития технологии создания железных элементов поясной и сбруйной фурнитуры (изделия качественные по исполнению, техники унифицированы и оптимизированы для быстрого производства). При этом материалы из могильника Эйдиктыр-кыр включают бронзовые украшения пояса и сбруи, одиночные железные предметы, в том числе низкого качества, с ошибками. Ремешки наконечники из кург. 43 могильника Эйдиктыр-кыр по форме и стилю орнамента имитируют бронзовые объемные изделия с растительным узором.

Можно сделать вывод, что изделия, выполненные в технике «басма», отражают один из ранних этапов становления традиции изготовления железной тореvтики малых форм. Это небольшая серия предметов, выполненных по трудозатратной технологической схеме. Они имитируют бронзовые изделия и иллюстрируют процесс поиска древними мастерами оптимального способа обработки железа с сохранением эстетики предметов из цветных металлов. Данная технологическая схема ввиду больших трудозатрат использовалась мало.

Вторая схема – двусторонняя чеканка – возникла в условиях развитой технологической традиции и получила достаточно широкое распространение, о чем свидетельствуют находки по крайней мере семи вариантов формы изделий. Ее использование было обусловлено необходимостью быстро создавать серии одинаковых предметов, что указывает на достаточно большие масштабы производства. Техника имела свои ограничения, связанные с небольшим размером изделий (поэтому среди материалов погребений енисейских кыргызов двусторонней чеканкой выполнены только бляхи) и необходимо-

стью изготавливать объемные матрицы и пуансоны. Из-за этого доля чеканных предметов в общей массе железной тореvтики малых форм достаточно невелика – 28 из более чем 300 рассмотренных изделий.

Таким образом, в результате исследования выявлено две техники изготовления железных предметов тореvтики малых форм енисейских кыргызов. Они возникли в разные этапы развития технологической традиции и отражают динамику изменений, произошедших в кузнечно-ювелирном ремесле в начале II тыс. н.э.

Список литературы

- Бородовский А.П., Ларичев В.Е.** Июсский клад (каталог коллекции). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 120 с.
- Бреполь Э.** Теория и практика ювелирного дела / Пер. с нем. В.П. Кузнецова. – 4-е изд. – Л.: Машиностроение, 1982. – 384 с.
- Давыдов Р.В.** Технология изготовления железных поясных накладок из средневекового могильника Шигрей // Археология: Мат-лы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. – С. 71–72.
- Давыдов Р.В., Половников И.С.** Серебряные серьги из могильника Дялян (Горный Алтай): технологический и сравнительно-морфологический анализ // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26). – С. 24–41.
- Зиняков Н.М.** История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1988. – 276 с.
- Король Г.Г.** Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с. (Труды САИПИ. – Вып. V).
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г.** Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
- Минасян Р.С.** Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. – 472 с.
- Митько О.А.** Отчет об археологических раскопках на курганном могильнике Эдиктыр-кыр в Ермаковском районе Красноярского края в 2012 году (по открытому листу №701 от 17 июня 2012 г.): в 2 т. // Архив Лаборатории гуманитарных исследований НГУ. – Новосибирск, 2016. – Т. 1. – 270 с.
- Митько О.А.** Отчет о поиске археологических памятников на территории Идринского района Красноярского края в 2017 году (по открытому листу № 1242 от 21 июля 2017 г.) // Архив Лаборатории гуманитарных исследований НГУ. – Новосибирск, 2018. – 144 с.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б.** Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. – Ижевск: Удмуртия, 2011. – 218 с.
- Худяков Ю.С.** Искусство древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. – 98 с.

R.V. Davydov

Novosibirsk State University (Russia)

PRODUCTION TECHNOLOGY OF MINTED IRON TOREUTICS OF SMALL FORMS (BASED ON THE MATERIALS OF FUNERARY SITES OF THE YENISEI KYRGYZ)

The author of the article examines the iron ornaments of the belt and harness that were found in the burial grounds of the Yenisei Kyrgyz (10th–13th AD). He studies the technology of manufacturing of products made with using of dies and matrix. In total 32 items were found. After a series of experiments, two technological schemes were reconstructed: «basma» and bilateral stamping (**Fig. 1–3**). They illustrate the evolution of the

technological tradition of making of iron toreutics. The first scheme arose as an attempt to imitate bronze products, it was labour-intensive and used only for making objects. The second scheme was designed for quick making of identical plaques in conditions of the developed production. Both schemes were complementary in the dominance of wrought things.

KEYWORDS: *Yenisei Kyrgyz, iron ornaments of the belt and harness, technology of manufacturing, «basma», bilateral stamping.*

С.Г. Скобелев¹, А.В. Выборнов²

¹Новосибирский государственный университет (Россия)

²Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ II тыс. н.э. НА ГОРЕ УНЮК

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № АААА-А17-117040510259-9

Короткий горный хребет («гора» в устоявшемся обозначении) Унюк расположен между южным берегом приустьевой части Сыдинского залива и Красноярским водохранилищем. Административно гора находится в Краснотуранском р-не Красноярского края, в 7,5 км к СЗ от пос. Краснотуранск. В настоящей работе обобщены сведения о средневековых объектах, которые находятся на южной возвышенности хребта (абсолютные высоты до 378 м), имеющей отвесные скальные края от ЮВ до ЮЗ и плавное понижение от запада до востока.

В окрестностях горы Унюк известны разновременные археологические объекты. Неолитическое поселение Унюк проявилось в обнажении культурного слоя в результате размыва берега водохранилища у северного подножия горы, вблизи от устья Сыды. Оно открыто в 1967 г. Копенским отрядом Красноярской экспедиции под руководством Л.П. Зяблина и было исследовано им в 1968–1969 гг. Культурный слой зафиксирован на протяжении 400 м. Среди находок встречены разнообразные каменные (кремь, нефрит) орудия – вкладышевые пластины, ножи, тесла, скребки, молотки, наконечники копий и стрел (Зяблин, 1973). Материалы поселения Унюк и расположенных недалеко поселений и погребений у дер. Байкаловой дали основания для выделения унюкской неолитической культуры (Кызласов Л., 1986, с. 69). Здесь же Э.Б. Вадецкой описывается таштыкское поселение Унюк, к которому, видимо, относятся изделия из металла и костей (Вадецкая, 1986). На уплощенном участке понижения хребта, севернее позднесредневековых защитных сооружений, располагаются курганы тагарской культуры, археологическое изучение которых нам неизвестно. На южной части хребта Унюк присутствуют материалы современной духовной культуры – памятный крест в честь воинов колчаковской армии и деревянные изваяния славянского неоязычества.

Средневековые памятники горы Унюк разделяются на курганы и фортификационные сооружения, описание которых и отдельные аспекты изучения археологическими экспедициями НГУ и ИАЭТ СО РАН были опубликованы.

Курганный могильник, описанный разведкой 2013 г., представлен двумя группами сооружений, расположенными на высокой седловине и южном гребне горы. На наиболее высокой седловине горы выделяется наибольшая по площади кладка кургана 1 и практически незаметные на современной дневной поверхности курганы 2 и 5. Курган 3 находится в 200 м юго-восточнее этих курганов на уплощенном гребне у южного крутого склона горы. Конец гребня – это узкая полоса между двумя линиями коренного выхода. Южная и северо-западная полы кургана касаются этих гребней. К востоку от кургана 3 у рва и вала крепости расположен курган 4. Курганы сооружены в виде пологих округлых кольцевых выкладок, сложенных из мелких и средних по размеру обломков плит девонского песчаника. Поверхность курганов интенсивно задернована. Две кладки нарушены, однако также в значительной степени задернованы, что может говорить о древности данного воздействия.

В ходе археологических раскопок 2014–2015 гг. изучены курганы 1, 5 и 3. Кроме того, были обнаружены артефакты вне кладок курганов на современной дневной поверхности: фрагменты железных пряжек, накладок на ремни, ножа, а также гвоздики, заклепки и другие мелкие предметы или их части. Датировки этих находок приходятся на широкие пределы XIII–XVI вв. (Скобелев, Кузницын, 2011; Скобелев и др., 2014, 2015; Выборнов и др., 2015; Скобелев, Рюмшин, 2015).

Хронология курганов устанавливается на основании анализа погребального инвентаря и данных радиоуглеродной датировки.

Курган 1, расположенный в седловине на вершине, выделяется самыми большими размерами – изначально каменное сооружение имело диаметр около 8–9 м и высоту около 0,4 м. В кургане обнаружено погребение по обряду трупосожжения, среди костей найдено несколько угольков. В кургане 5 зафиксировано безынвентарное трупоположение молодой девушки. При первичном анализе погребального инвентаря и планиграфии курганы 1 и 5 были определены как синхронные, также были выделены два возможных хронологических периода этих погребений.

Более ранний, XII–XIII вв., определен на основании находки палаша; более поздний, XIV–XVI вв., определялся серией бронзовых накладок с рядом жемчужин по краю. Учитывая общий состав находок и топографию могильника, была выбрана позднейшая широкая датировка курганов 1 и 5 позднемонгольским временем – XIV–XVII вв. Чуть более ранним временем, XIII в., был датирован курган 3, содержащий погребение по обряду трупосожжения. Среди находок – составная обойма (ножен палаша?); фрагмент небольшого узколезвийного ножа с выделенным упором рукояти; небольшой черешковый наконечник стрелы с сечением пера в виде вытянутого ромба и упором; фрагменты ременных накладок с ромбовидными насечками и т.д.; кости животных.

В 2020–2021 гг. были проведены эксперименты по радиоуглеродному анализу органических материалов из курганов (AMS-даты, полученные в ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ», г. Новосибирск). В кургане 1 был датирован уголь, найденный в скоплении кальцинированных костей; в кургане 3 – зуб животного; в кургане 5 – зуб человека. Кроме того, в кургане 3 для датировки выбрана кальцинированная кость, из которой не было получено достаточно коллагена, и ее датировка была проведена по осадку от гидролиза и частицам гумуса в порах косточки (этот путь датировки трупосожженных требует отдельного обсуждения). Калибровка проводилась с помощью программы OxCal, по шкале IntCal 20. Полученные результаты заметно скорректировали абсолютную и относительную хронологию могильника (табл. 1).

Судя по опыту датирования ускорительной масс-спектрометрией материалов II тыс. н.э. результаты радиоуглеродной датировки заслуживают доверия (Энговатова и др., 2020). При этом мы учитываем возможность того, что дата по углю может не отражать реальную дату погребения, например, для трупосожжения на стороне могла быть использована древесина намного более старая, чем свежесрубленная. С учетом полученных результатов радиоуглеродного анализа представляется следующая хронология средневекового могильника на горе Унюк.

Первым на седловине горы был сооружен курган 1 (рис. 1) с остатками трупосожжения на стороне. Большая часть находок имеют достаточно широкую датировку и могут относиться к предмонгольскому-позднемонгольскому времени (рис. 2-1–2-5). Бронзовые накладки, которые ранее были отнесены к позднему Средневековью, не имеют признаков, нехарактерных для начала II тыс. н.э. Форма и декор палаша, скорее, связаны с XII в. Таким образом, наиболее вероятно, что курган 1 возведен енисейскими кыргызами в XI–XII в. По-видимому, к тому же времени относится курган 2, расположенный вплотную к кургану 1 и имеющий сравнимые с ним форму и мощность каменной кладки.

Следующим был возведен курган 3, относящийся к енисейским кыргызам монгольского времени XIII–XIV вв. (рис. 2-6–2-12). Создатели кургана явно выделили его из группы курганов 1 и 2, соорудив его на гребне южнее седловины, в которой уже находились курганы. С одной стороны, его не стали сооружать на вершине непосредственно над более

Таблица 1. Результаты радиоуглеродной датировки материалов раскопок курганного могильника Унюк (AMS-даты, ЦКП «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ-ННЦ»)

Table 1. Results of radiocarbon dating of the materials of the Unyuk burial mound excavations (AMS Golden Valley)

Шифр образца	Тип образца	Дата и место взятия образца	Радиоуглеродный возраст	Калиброванный возраст, годы н.э. (вероятность, %)
GV 02881	Зуб человека	07.2014, Красноярский край, Краснотуранский район, курганный могильник Унюк, курган 5, трупоположение, зуб человека	265±49	1482–1684 (76,8) 1735–1804 (16,3) 1929 (2,4)
GV 02882	Зуб животного	07.2015, Красноярский край, Краснотуранский район, курганный могильник Унюк, курган 3, фрагмент зуба животного	719±55	1216–1328 (74,2) 1346–1395 (21,2)
GV 02884	Уголь	07.2014, Красноярский край, Краснотуранский район, курганный могильник Унюк, курган 1, уголь	1095±54	773–790 (2,9) 821–1035 (92,6)

Рис. 1. Курганный могильник Уньюк. Раскоп кургана 1 в седловине на южной окраине горы. Вид с юга

Fig. 1. Unyuk burial mound. Excavation of barrow 1 in the saddle on the southern edge of the mountain. View from the South

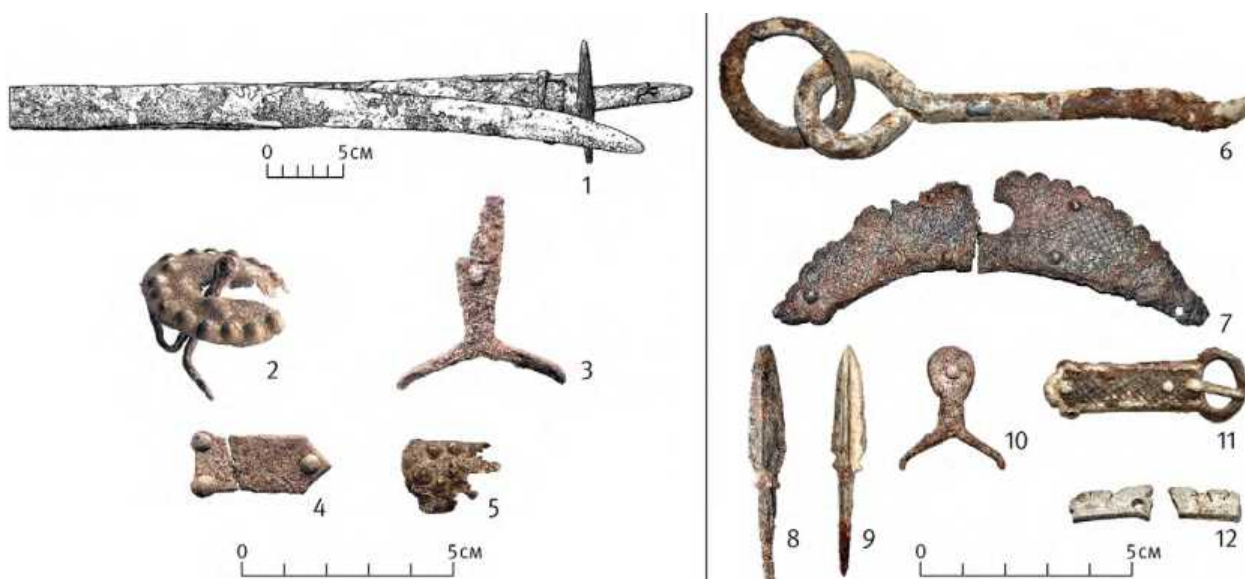

Рис. 2. Курганный могильник Уньюк. Находки из курганов 1 (1–5) и 3 (6–12).

1, 3, 4, 6–11 – железо; 2 – железо, бронза; 5 – бронза; 12 – кость

Fig. 2. Unyuk burial mound. Finds from barrows 1 (1–5) and 3 (6–12)

1, 3, 4, 6–11 – iron; 2 – iron, bronze; 5 – bronze; 12 – bone

ранними курганами; с другой – не перенесли курган на другую часть горы, сохранив визуальную взаимосвязь.

Курган 5 относится к наиболее позднему времени и, скорее всего, связан с историей монгольской междоусобицы XVII в. Обряд погребения позволяет считать захороненную девушку представительницей некыргызской общности кыштымов. Полагаем, что датировка XVII в. в большей мере соответствует

известным реалиям этнокультурной обстановки позднего Средневековья – уменьшением численности енисейских кыргызов и исключением горы Уньюк и окрестностей из состава занятой ими ранее территории. Выбор позднейшей части диапазона радиоуглеродной датировки косвенно подтверждается наличием еще одного погребального сооружения – кургана 4, воздвигнутого у юго-восточного края каменной стены «внутреннего вала» (**рис. 3**),

Рис. 3. Курганный могильник Унюк. Курган 4 у края каменной стены «внутреннего вала». Вид с северо-запада
Fig. 3. Unyuk burial mound. Barrow 4 at the edge of the stone wall of the “inner rampart”. View from the North-West

по-видимому, после сооружения и использования этих фортификационных объектов в 1652 г. В пользу позднейшей датировки кургана 4 свидетельствует его внешний вид – своими южной и восточной полками он вписан в стену и вал. Полагаем, если бы курган находился здесь до начала создания стены и вала, то его выкладка была бы разобрана.

Согласно сведениям письменных источников, к середине XVII в. относятся наиболее крупные сооружения на горе Унюк – остатки укреплений периода монгольской междоусобицы, известные по учетной документации как «Краснотуранск. Крепостное сооружение Унюк». Данные о «каменном городке ниже Сыды-реки», были изложены в отписке 1652 г. красноярского воеводы М.Ф. Скрябина, описывавшего осаду в нем северомонгольским Алтын-ханом войска своего племянника Мерген-тайши (Русско-монгольские..., 1974, № 129, с. 380–381). Об укреплениях на горе Унюк сообщал Г.Ф. Миллер в 1735 г.: на скале «Унпјук-камень – на восточной стороне Енисея, немного ниже устья реки Сиды <...>, замечены остатки бывшего города» (Сибирь..., 1996, с. 57–58). В 1739 г. он сам побывал в этом месте и дал описание памятника: «Древнее укрепление <...> состоит из двойных рвов и валов. <...> Внутренний вал высотой в половину человеческого роста, внешний ниже. Рвы находятся рядом с валами, с их внешней, или материковой, стороны, а земля из них набросана на валы. Кроме того, на горе имеется обширная прекрасная степь, поэтому представляется вероятным, что создатели этого укрепления во время войны укрывались здесь со своим скотом» (Там же, с. 164–165). О наличии на горе Унюк крупного сооружения с двумя линиями каменно-земляных стен-валов писали и современные исследователи (Готлиб, Подольский, 2008, с. 37).

В целом, остатки фортификации – это два объекта: крупная по размерам основная крепость (максимальная протяженность между крайними точками ее двора составляет 1 550 м) и относительно небольшой по размерам (около 600 м по диагонали) осадный лагерь Алтын-хана, построенный к ССВ от нее. Основная крепость состоит из трех элементов. Первый – подпрямоугольная цитадель из рвов и валов на северо-западном краю горы, со стороны устья р. Сыда. Второй элемент – «внутренний вал» – оборонительная линия из каменных стен, рва, земляного вала, естественного оврага, прикрывающая цитадель с северного и восточного направлений. Третий элемент – «внешний вал» – оборонительная линия из плохо сохранившихся рва и вала, идущая практически по прямой по линии СЗ–ЮВ и расположенная на расстоянии около 600 и 75 м от «внутреннего вала». Второй объект (четвертый фортификационный элемент) – осадный лагерь Алтын-хана, представленный единой системой рвов и валов с использованием естественного оврага. На современной дневной поверхности обозначенные сооружения, сохранившиеся после постоянной запашки, выглядят примерно одинаково – оплывшие и задернованные. Визуальное обследование в ходе полевых работ фортификационных объектов показало, что это весьма мощные сооружения, требовавшие больших затрат на их создание. Соответственно, строились они явно для оборонительных целей долговременного характера (не обязательно людьми Мерген-тайши или кыргызами) и вполне могли использоваться по такому назначению и кыргызами.

Таким образом, полевыми работами на горе Унюк были описаны и частично изучены различные археологические объекты, отражающие процессы и события XI–XVII вв., происходившие на Среднем Енисее.

К сожалению, прямой связи укреплений и погребальных объектов не прослеживается. Широкий хронологический диапазон погребальных сооружений и противоречия датировки на основе типологии предметов и радиоуглеродного анализа отражают сложности периодизации археологических материалов

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Выборнов А.В., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Новые материалы из раскопок позднесредневекового могильника на горе Унюк (правый берег Енисея) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2015. – Т. 21. – С. 206–209.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб.: Элексис принт, 2008. – 222 с.

Зяблин Л.П. Неолитическое поселение Унюк на верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири: Сб. ст., посвящ. памяти В.Н. Чернецова / Отв. ред. А.П. Смирнов. – М.: Наука, 1973. – С. 65–73.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. (САИ. – Вып. Ез 18).

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 294 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. док. / Сост.: М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; под ред. И.Я. Златкиной, Н.В. Устюгова. – М.: Наука, 1974. – 469 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. (История Сибири. Первоисточники. – Вып. 6).

позднего Средневековья Минусинской котловины (Кызласов И., 1983, с. 64–70). Примечательно присутствие в топографически едином средневековом могильнике погребений представителей различных хронологических и этнокультурных групп – енисейских кыргызов и подчиненного им населения.

Скобелев С.Г., Кузницын С.А. «Каменный городок» Мерген-тайши на Енисее (предварительная публикация) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 255–263.

Скобелев С.Г., Рюмшин М.А. Осадный лагерь Алтын-хана 1652 года на горе Унюк (правый берег Енисея) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 5: Археология и этнография. – С. 61–70.

Скобелев С.Г., Худяков Ю.С., Выборнов А.В. Средневековый могильник Унюк (по материалам исследований 2013–2014 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2014. – Т. 20. – С. 270–272.

Скобелев С.Г., Выборнов А.В., Рюмшин М.А. «Внешний вал» крепости на горе Унюк на Енисее // *Universum Humanitarium*. – 2015. – № 1. – С. 70–77.

Энговатова А.В., Зайцева Г.И., Черкинский А.В. Датировка разгрома Ярославля по данным радиоуглеродного датирования // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой / Под ред.: Н.Д. Буровой, А.А. Выборнова, М.А. Кульковой. – СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ/Порто-принт, 2020. – С. 114–118.

S.G. Skobelev¹, A.V. Vybornov²

¹ *Novosibirsk State University (Russia)*,

² *Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE 2ND MILLENNIUM AD ON THE UNYUK MOUNTAIN

Archaeological sites of the Middle Ages were investigated on the Unyuk Mountain on the right bank of the Yenisei River in the Khakass-Minusinsk Depression. On the basis of typological analysis and AMS-dating of archaeological materials, correlation with the data of written sources, the chronology of objects was determined. The burial sites are represented by 5 barrows

under circular stonework containing the remains of cremation and inhumation burials. The barrows are dated back to the 11th–12th, 13th, 17th centuries AD. By the middle of the 17th century are the remains of fortifications associated with the internecine struggle in the house of the North Mongolian Altyn-Khans.

KEYWORDS: *Khakass-Minusinsk Depression, Unyuk Mountain, 2nd millennium AD, barrows, artefacts, typological analysis, AMS-dating.*

С.Г. Бочаров

Севастопольский государственный университет (Россия)

КИТАЙСКАЯ КЕРАМИКА XIV В. В МАТЕРИАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ВТОРОЙ СТОЛИЦЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00240 «Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея»)

В настоящей работе рассматривается роль и место городов Золотой Орды XIV в. в трансконтинентальной торговле между Китаем и странами Средиземноморья, ярким примером которой является керамический комплекс Царевского городища – одного из крупнейших городов Золотой Орды. Среди массового археологического материала, составляющего основу наполнения культурных слоев золотоордынских поселений, выделена керамика китайского производства, найденная при археологических исследованиях этого крупного города XIV в.

Опорным пунктом для отбора китайской керамики в контексте всего комплекса массовых находок золотоордынского города не случайно выбрано Царевское городище (**рис. 1**). Г.А. Фёдоров-Давыдов атрибутирует городище как вторую позднюю столицу Золотой Орды – город Новый Сарай (Сарай ал-Джедид) (Федоров-Давыдов, 1994, с. 20–24). Царевское городище расположено в Волгоградской обл.,

на территории Ленинского р-на, восточнее с. Царев, на левом берегу притока Волги – р. Ахтуба (**рис. 2**). Городище занимает участок размерами 2,3×5,0 км (Глухов, 2014, с. 104), его площадь 1150 га, – это не только один из крупнейших городских центров Золотой Орды, но и один из самых больших памятников археологии в Восточной Европе.

Фрагменты китайской керамики, рассматриваемые в этой статье, хранятся в Археологическом музее Казанского федерального университета и добыты в ходе исследований на раскопе под условным названием «три усадьбы» (**рис. 3**), которые были выполнены Поволжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова. Поволжская археологическая экспедиция проводила широкомасштабные полевые исследования на Царевском городище с 1959 по 1972 г., а также в 1973 г. (Гусева, 1975, с. 75; Дворниченко и др., 2002, с. 72; Глухов, 2015, с. 33–34). Отдельный отряд Казанского университе-

Рис. 1. Местонахождение Царевского городища

Fig. 1. Location of Tsarev medieval city

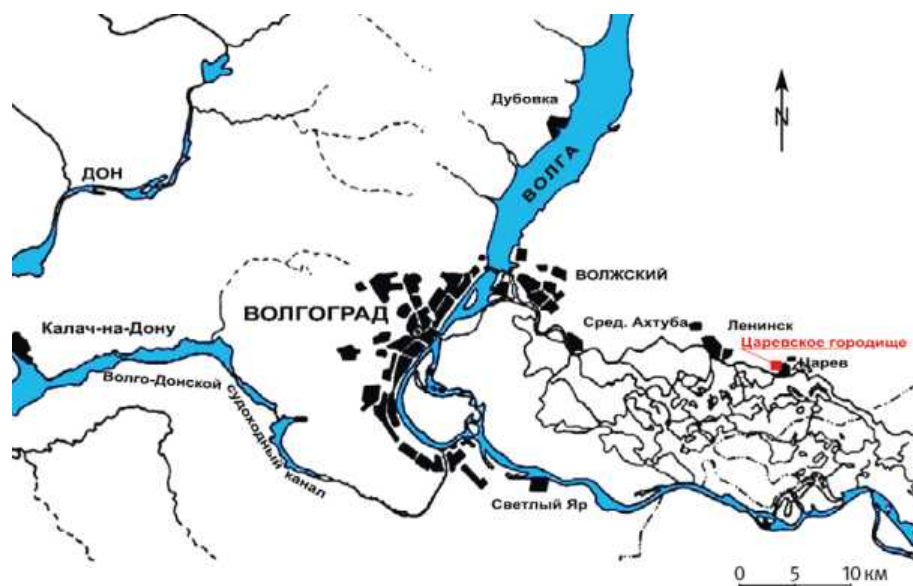

Рис. 2. Ситуационный план расположения Царевского городища (по: Блохин, Яворская, 2006)

Fig. 2. General location plan of Tsarev medieval city (after Блохин, Яворская, 2006)

та под руководством И.С. Вайнера в составе экспедиции вел полевые работы на восточном пригороде Царевского городища в продолжении шести полевых сезонов с 1963 по 1968 г. В общей сложности были заложены шесть раскопов: П – 1963, П – 1964, П – 1965, П – 1966; П – 1967, П – 1968 (Федоров-Давыдов и др., 1974). Сводный раскоп исследований в течение шести лет получил наименование «три усадьбы» (рис. 3) (Федоров-Давыдов и др., 1970). Общая площадь городской территории восточного пригорода Царевского городища, изученного сводным раскопом «три усадьбы», составила около 3000 кв.м (Федоров-Давыдов и др. 1974, с. 89, 113). В Археологический музей Казанского федерального университета поступили на хранение материалы, полученные при изучении именно раскопа «три усадьбы», которые были проведены отрядом Казанского университета. Культурные напластования, зафиксированные в раскопе, датированы периодом с 1340 по 1395 г. (Федоров-Давыдов и др. 1974, с. 113).

Отдельные группы керамических материалов из коллекции раскопа «три усадьбы» уже опубликованы. Это было сделано для поливных красноглиняных и штампованных сосудов местного производства (на раскопе были зафиксированы две печи по обжигу керамики и большое количество бракованных изделий) (Федоров-Давыдов и др., 1974; Булатов, 1976; Валиулина, Бочаров, 2020), а также для двух групп красноглиняной керамики с бирюзовой глазурью (Бочаров, 2020).

Изучение китайской керамики XIV в., обнаруженной на территории Восточной Европы, прово-

дится в рамках работ НИЛ «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях» СевГУ. Лаборатория была создана в структуре научно-образовательных подразделений СевГУ в начале 2021 г., ее главная цель – развитие археологического направления с применением полного спектра современных цифровых технологий в гуманитарной составляющей деятельности университета.

В целом исследования в рамках реализации всех научных тем лаборатории проводятся по методической схеме, состоящей из четырех взаимосвязанных базовых уровней. Кратко их рассмотрим применительно к материалам настоящей статьи. В предложенной методической схеме градация материальных источников осуществляется по принципу от общего к частному. Первый уровень – изучение исторической географии Золотой Орды с подробным картографированием различных памятников археологии, оставленных этим государством. Второй уровень в работе с материальными источниками – историко-топографический – включает в себя реконструкцию исторической топографии Царевского городища. Третий уровень, учитываемый в методической схеме, – исследование отдельных планиграфических, стратиграфических, архитектурных объектов и их составных частей раскопа «три усадьбы». Четвертый уровень – фиксация и систематизация каждой из полученных в ходе работ индивидуальных и массовых археологических находок (Бочаров, 2021а, с. 16).

Изучение керамики, в т.ч. глазурованной, составляет значительный объем четвертого уровня изуче-

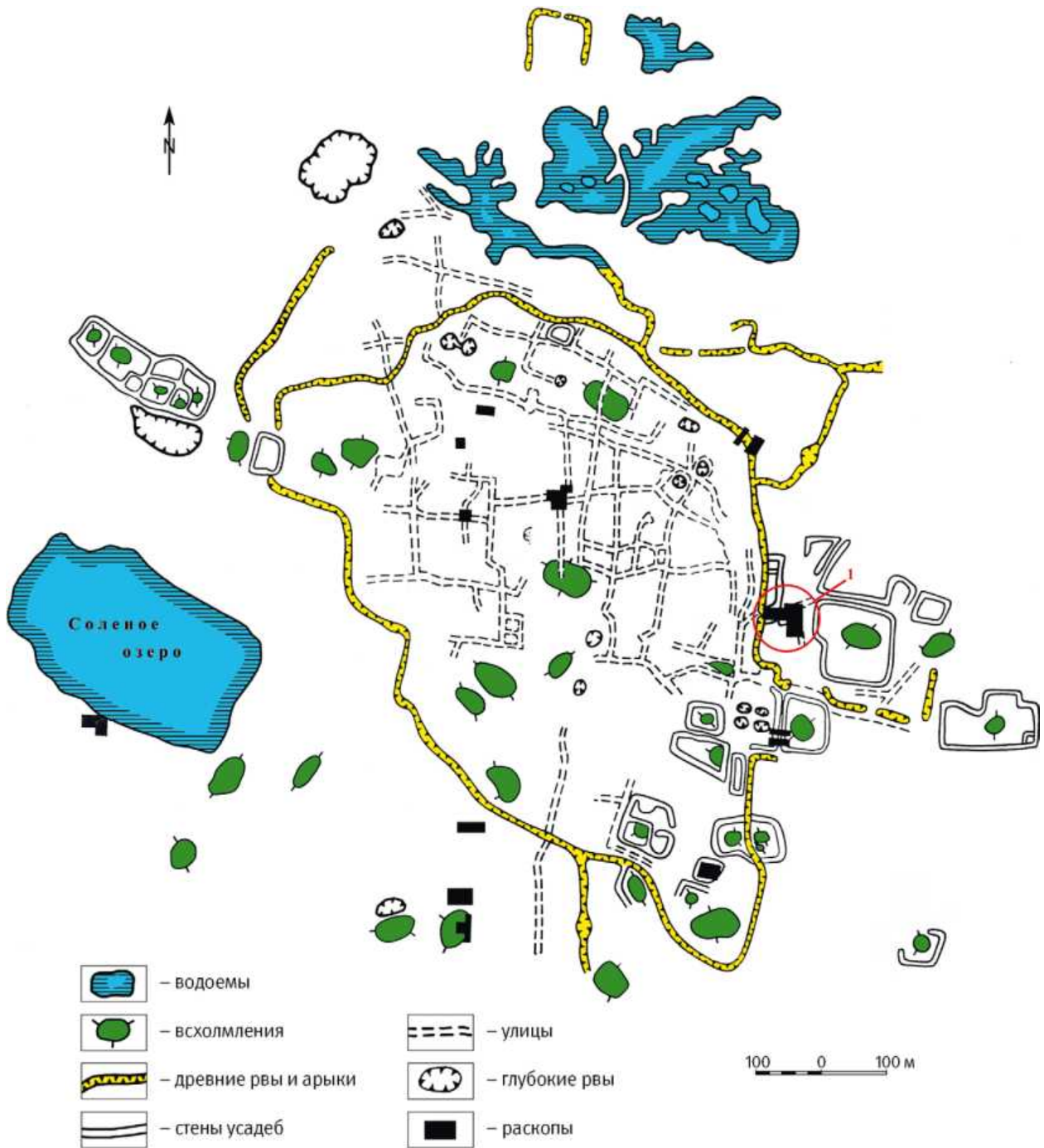

Рис. 3. Восточная часть Царевского городища с указанием раскопа «три усадьбы» (по: Федоров-Давыдов и др., 1974)

Fig. 3. The eastern part of Tsarev medieval city with the location of excavation site “Three Estates” (after Федоров-Давыдов и др., 1974)

ния археологических источников. Среди всего объема керамических материалов сводного раскопа «три усадьбы» на Царевском городище были выделены фрагменты двух групп керамики китайского производства. Это группа цычжоу и группа фарфоровых сосудов – селадонов.

В керамическом комплексе раскопа зафиксированы три фрагмента сосудов цычжоу (Бочаров,

2021б), из них – два мелких фрагмента стенок (размерами 1,0×2,0 см при толщине 0,4 см). Обе поверхности одного фрагмента покрыты прозрачной глазурью по белому ангобу. Второй фрагмент по внешней поверхности расписан коричневой краской под прозрачной глазурью, его внутренняя поверхность покрыта черно-коричневой глазурью. Третий фрагмент (размерами 3,0×5,0 см при толщине стенки 1,0 см) –

венчик с петельчатой ручкой от тарного сосуда, возможно винной вазы. Прозрачная глазурь нанесена по обеим поверхностям по белому ангобу, край венчика украшен полосой коричневой глазури. Свое название такая керамика получила от мастерских, находившихся в провинции Хэбэй на северо-востоке Китая (Волков, 2016, с. 207).

Вторая группа китайской керамики, представленная в комплексе находок раскопа «три усадьбы»

Царевского городища, – фарфоровые сосуды с глазурью зеленого цвета (рис. 4). Общее собирательное название такой керамики – селадон (celadon wares), в Китае – цин цы «зеленый фарфор», в англоязычных публикациях – «зеленые изделия» (green glazed wares) (Гельман, 2019, с. 34). Выпускалась такая керамика в XIV в. несколькими производственными центрами Северного и Южного Китая, Кореи (Там же, с. 39, 42, 44).

Рис. 4. Фрагменты фарфоровых сосудов китайского производства из исследований Поволжской археологической экспедиции на раскопе «три усадьбы» Царевского городища

Fig. 4. Fragments of Chinese-made porcelain vessels (celadon wares) from research of the Volga Region Archaeological Expedition at excavation site "Three Estates" of Tsarev medieval city

Из культурных напластований раскопа «три усадьбы» происходит 21 фрагмент фарфоровых сосудов. Пятнадцать фрагментов покрыты глазурью зеленого цвета (рис. 4-3, 4-6), глазурь четырех изделий белая (рис. 4-4, 4-5). Кроющая глазурь двух сосудов светло-голубая (рис. 4-1, 4-2). Двадцать находок – фрагменты венчиков (рис. 4-1, 4-3, 4-6) и стенок (рис. 4-4, 4-5) различных по форме чаш. Имеется один фрагмент от сосуда закрытой формы (кувшин или ваза?), глазурь на нем нанесена только по внешней поверхности (рис. 4-2).

Находки китайской керамики фиксируются и в других городских центрах золотоордынского государства, и культурные напластования Царевского городища не являются здесь исключением. Фрагменты сосудов цычжоу и селадонов представлены в слоях Болгара (Волоков и др., 2020, с. 28–30), Укека (Кубанкин, Масловский, 2013, с. 131), Селитренного городища (Зеленеев, Пигарев, 2021, с. 13), Маджара (Волков, 2016, с. 207–214; Бочаров, Ситдигов, 2016, с. 193), Азака (Масловский, 2006, с. 432–435).

В заключение отметим, что массовый археологический материал можно использовать для определения роли городов Золотой Орды на путях трансконтинентальной торговли между Китаем и странами Средиземноморья. Судя по наличию китай-

ской керамики в культурных слоях XIV в. одного из крупнейших городов Золотой Орды – Царевского городища, торговые связи, осуществляемые по Великому Шелковому пути, имели значительный объем. В пользу их интенсивности свидетельствуют не только данные письменных источников о редких и дорогих товарах, как специи, шелк или драгоценные камни (Еманов, 1995, с. 75, 85, 87), но и наличие такой ординарной категории находок, как бытовая керамика. Китайская керамика в общем комплексе массовых находок Царевского городища, как и других золотоордынских городов, представлена значительным количеством. Следовательно, хрупкие сосуды перевозились регулярно и на значительные расстояния. Они не являлись чем-то особенным для рядовых жителей и использовались достаточно широко в их обычных бытовых нуждах. В целом, и на основе анализа массового керамического материала можно сделать вывод, что жители города Золотой Орды играли не только роль важных посреднических центров на Великом Шелковом пути и участвовали в обеспечении товарного потока из Китая в страны Средиземноморья, но и сами были активными потребителями продукции китайского происхождения, активно используя ее в повседневной жизни.

Список литературы

- Бочаров С.Г.** Красноглиняная керамика с бирюзовой глазурью из археологических исследований Царевского городища // Поволжская археология. – 2020. – № 2 (32). – С. 32–39. doi.org/10.24852/ра2020.2.32.32.37.
- Бочаров С.Г.** Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII–XV веках в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // Сб. мат-лов V Междунар. науч. конф. «Потемкинские чтения» (24–26 марта 2021 года, г. Севастополь) / Под ред.: Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева и др. – Севастополь: Изд-во СевГУ, 2021а. – С. 16–17.
- Бочаров С.Г.** Археологические свидетельства торговых связей Дальнего Востока и Восточной Европы в XIV в. (на примере одной группы керамики) // Потемкинские чтения. – Севастополь: Изд-во СевГУ, 2021б. – С. 14–15.
- Бочаров С.Г., Ситдигов А.Г.** Керамический комплекс города Маджар, по материалам исследований 2015 г. // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Мат-лы V Междунар. Нижневолжской археол. конф., 15–18 ноября 2016 года / Отв. ред. П.М. Кольцов. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2016. – С. 192–197.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.** Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья: учеб. пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 225, [44] с.
- Булатов М.Н.** Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1976. – С. 73–107.
- Валиулина С.И., Бочаров С.Г.** Химико-технологическая характеристика глазурованной посуды гончарной мастерской Царевского городища // Геоархеология и археологическая минералогия-2020. – Челябинск: Изд-во ЮУрГПУ, 2020. – С. 130–135.
- Волков И.В.** Керамика Золотоордынского города Маджар // Археология Евразийских степей. – Казань, 2016. – Вып. 23. – С. 139–222.
- Волков И.В., Губайдуллин А.М., Лопан О.В.** Редкие китайские керамические импорты из Болгара // Великий Болгар – цивилизация на Волге. – Ульяновск: Арт-бюро, 2020. – С. 25–47.
- Гельман Е.И.** Очерки истории селадонов // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань; Кишинев: Изд-во Stratum plus, 2019. – Т. 2. – С. 33–52.
- Глухов А.А.** Историческая топография Царевского городища // Поволжская археология. – 2014. – № 2 (8). – С. 92–111.
- Глухов А.А.** Царевское городище: история изучения: историческая топография, хронология. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2015. – 101 с.
- Гусева Т.В.** История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. Серия 8: История. – 1975. – № 6. – С. 73–88.

- Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленев Ю.А.** Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Отв. ред.: В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленев. – М.: ГИМ, 2002. – С. 71–79. (Тр. ГИМ. – Вып. 135).
- Еманов А.Г.** Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. – Тюмень: Рутра, 1995. – 225 с.
- Зеленев Ю.А., Пигарев Е.М.** Селитренное городище: археологические исследования на бугре Больничном в 2014–2016 гг. – Йошкар-Ола.: Изд-во МарГУ, 2021. – 156 с.
- Кубанкин Д.А., Масловский А.Н.** Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. – 2013. – № 4 (6). – С. 130–154.
- Масловский А.Н.** Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Азов, 2006. – Вып. 21. – С. 308–473.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 232 с.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.** Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) // Поволжье в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов. – М.: Наука, 1970. – С. 68–171.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.** Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царёвского городища) // Города Поволжья в средние века / Отв. ред.: А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1974. – С. 89–125.

S.G. Bocharov

Sevastopol State University (Russia)

CHINESE CERAMICS OF THE 14TH CENTURY IN THE MATERIAL COMPLEX OF THE GOLDEN HORDE'S SECOND CAPITAL (TSAREV MEDIEVAL CITY)

The article examines the role and place of the cities of the Golden Horde state in the transcontinental trade between China and the Mediterranean countries on the example of archaeological finds in the cultural strata of Tsarev medieval city. Tsarev medieval city is located in the Volgograd Region (Russian Federation) and is often identified with the second capital of the Golden Horde, the city of Novyi Sarai. In the cultural strata of the 14th century of excavation site “Three Estates” of Tsarev medieval city, three fragments of Chinese Ci-Zhou ceramics and twenty-one fragments of porcelain celadon

vessels are presented. The presence of Chinese ceramics in the household complex of objects of one of the largest cities of the Golden Horde illustrates the activity of trade relations carried out along the Great Silk Road. The presence of such an ordinary and fragile category of finds as household ceramics, which was transported over such a considerable distance and represented quite widely in the general complex of mass finds in Tsarev medieval city, as well as in other Golden Horde cities, provides evidence of their intensity.

KEYWORDS: *Chinese ceramics, Chinese porcelain vessels (celadon wares), Chinese Ci-Zhou ceramics, Great Silk Road, Golden Horde, Tsarev medieval city, archaeology.*

М.Г. Сулейменов, А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачёва (Россия)

ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Длинноклинковое вооружение занимает особое место в ближнем наступательном оружии для рукопашного боя. В эпоху Средневековья у населения Центральной Азии оно представлено мечами, палашами и саблями, имеющими свои специфические черты. Меч сохраняет в своей конструкции прямизну, двулезвийность клинка и прямую рукоять; палаш имеет прямую конструкцию, однолезвийную рабочую часть и прямую рукоять; сабля имеет изогнутость однолезвийной рабочей части и изогнутую рукоять в сторону лезвия (Худяков, 1979, с. 184–185; 1980, с. 39; Худяков, Плотников, 1995, с. 94–95; и др.). Археологические исследования средневековых погребальных памятников на территории Кузнецкой котловины позволили выявить разнообразные воинские захоронения, где в качестве сопроводительного инвентаря имеются палаши и сабли, некоторые из них нами были изучены (Илюшин, 2014а; Сулейменов, Илюшин, 2020). Однако значительная коллекция находок средневекового длинноклинкового оружия из Кузнецкой котловины не была исследована. Цель настоящей работы – обобщить и систематизировать путем первичной классификации и типологии информацию о находках средневековых палашей и сабель в Кузнецкой котловине, провести их типолого-хронологический анализ и выявить аналогии на сопредельных территориях Центральной Азии и степных просторах Евразии.

В научный оборот была введена информация о находках восьми палашей и 28 сабель из 23 погребальных памятников (Сапогово, Калтышино-1, Бирюля, Саратовка, Шабаново-3, Ишаново, Солнечная-1, Мусохраново-1, Усть-Канда-1, Бормотово-3, Шанда, Шабаново-9, Мусохраново-3, Усть-Канда-1, Беково, Сапогово-2, Октябрьский, Шанда, Конево, Торопово-1, Озерки-5, Шестаки-1, Солнечный-1). Они были датированы разными хронологическими интервалами – от середины VIII по XIV в. Для систематизации этого массива находок необходимо провести классификацию и выявить типологию изделий. Для классификации отобраны или хорошо сохранившиеся экземпляры, или те, для которых имеется реконструкция, позволяющая восстановить их конструктивные особенности. В основу классификации палашей и сабель положена методика,

предложенная и апробированная Ю.С. Худяковым на материалах Южной Сибири и Центральной Азии (Худяков, 1980, 1986, 1991, 1997; и др.), а также привлечены другие исследования коллег, изучающих средневековое оружие.

Палаши и сабли Кузнецкой котловины

Все известное клинковое оружие Кузнецкой котловины отнесено к двум видам: палаши и сабли. Внутри видов по сечению клинка рабочей части выделены две группы, которые делятся на типы по наличию и форме перекрестия.¹

Палаши по сечению клинка рабочей части относятся к двум группам (1-я и 2-я), а по наличию или отсутствию перекрестия – к пяти типам (типы 1–5).

Группа 1. Палаши с однолезвийным клинком и заостренным с одной стороны окончанием. Представлена 2 типами.

Тип 1. С ладьевидным перекрестием. Насчитывает два экземпляра – из кург. № 19 могильника Сапогово (вторая половина VIII – первая половина IX в.), длина клинков составляет 78 и 80 см (**рис. 1-1, 1-2**) (Илюшин и др., 1992, с. 22, рис. 46-3, 46-4). Этот тип палашей известен: в кимакских памятниках конца I тыс. н.э. на Алтае, в Приобье и Восточном Казахстане; в IX–X вв. у кыргызов на территории Минусинской котловины и Тувы; в материалах XIII–XIV вв. басандайской культуры Томского Приобья (Плетнева, 1997, с. 111, рис. 161-1; Худяков, 1980, табл. IV-6; VI-3, VI-4; Худяков, Плотников, 1995, рис. 1-3; 2-2; и др.).

Тип 2. С брусковидным перекрестием. Насчитывает один экземпляр – из кург. № 1 на могильнике Калтышино I (XIII–XIV вв.), длина клинка составляет 75,5 см (**рис. 1-3**) (Савинов, 1997, рис. 6-12; Илюшин, 2016г). Этот тип палаша известен в огузских и кимакских древностях Алтая и Восточного Казахстана (Могильников, 2002, рис. 215-36; Худяков, 1986, с. 192, рис. 85-4; Худяков, Плотников, 1995, рис. 2-4, 2-5).

¹ В статье принята сплошная нумерация палашей и сабель на рисунках 1 и 2, соответственно на рисунке 2 изображенные предметы начинаются с номера 19.

Группа 2. Палаши с однолезвийным клинком и обоюдоострым окончанием. Представлена 3 типами.

Тип 1. Без перекрестия. Насчитывает один экземпляр – из кург. № 14 могильника Сапогово (вторая половина VIII – первая половина IX в.), длина клинка составляет 74 см (**рис. 1-4**) (Илюшин и др., 1992, с. 22, рис. 37-1).

Тип 2. С ладьевидным перекрестьем. Насчитывает три экземпляра. Первый палаш найден в кург. № 1 могильника Бирюля (XI–XII вв.), длина клинка составляет 78 см (**рис. 1-5**) (Борисов и др., 2020, рис. 5-50). Второй – в кург. № 46 (XI–XII вв.) могильника Саратовка (**рис. 1-6**) (Илюшин, 1999а, рис. 60-1–60-4). Третий – в кург. № 2 могильника Шабаново-3 (XI–XII вв.), длина клинка составляет 78,4 см (**рис. 1-7**) (Илюшин, 1998, рис. 8-1). Аналогичные палаши известны в курганах кыргызской культуры IX–X вв. и в могилах XIII–XIV вв. на территории Минусинской котловины, а также в могилах кипчаков XI–XII вв. в Новосибирском Приобье (Адамов, 2000, с. 43, рис. 34-13; Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 39; Худяков, 1980, с. 36, табл. V-2; 1997, с. 16, рис. 6-7).

Тип 3. С узким крестообразным перекрестием. Насчитывает один экземпляр. Найден в кург. № 4 могильника Шабаново-3 (XI–XII вв.), длина клинка составляет 42,4 см (**рис. 1-8**) (Илюшин, 1998, рис. 14-1).

При классификации средневековых **сабель** по материалам Восточной Европы принято выделять отделы по кривизне клинка. Однако до сих пор отсутствует единый критерий по величине изгиба, определяющий отдел, поэтому, согласно последнему обобщающему исследованию (Евглевский, Потемкина, 2000), все рассматриваемые в настоящей работе сабли из Кузнецкой котловины можно отнести к одному отделу – слабоизогнутые (кривизна клинка составляет от 0,1 до 1,9 см).

По сечению клинка известные сабли относятся к двум группам (1-я и 2-я), а по наличию или отсутствию перекрестия – к 11 типам (типы 1–11).

Группа 1. Трехгранная с изогнутым однолезвийным клинком и заостренным с одной стороны окончанием. Представлена четырьмя типами. В эту группу включены находки, которые полностью соответствуют критериям, а также те экземпляры, для которых не удалось установить их двустороннюю заостренность окончания клинка по разным причинам: плохая сохранность, обломанное окончание, отсутствие описаний.

Тип 1. Без перекрестия. Насчитывает один экземпляр – из могильника Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.),

длина клинка составляет около 82 см (**рис. 2-33**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 2-7). Сабли этого типа встречаются в монгольское время на Горном Алтае и в курганах кипчаков XII – первой половины XIII в. на Южном Урале (Горбунов, 2006, рис. 59-7; 62; Иванов, Кригер, 1988, рис. 16-9).

Тип 2. С брусковидным перекрестием в разном исполнении. Насчитывает три экземпляра. Первый экземпляр сабли найден в кург. № 10 могильника Ишаново (первая четверть XIII в.), длина клинка составляет 59 см (**рис. 1-9**) (Илюшин, 2014б, рис. 82-1). Второй – в кург. № 2 курганной группы Шестаки-1 (конец XII – XIII в.), длина клинка составляет 77 см (**рис. 2-32**) (Кузнецов, 2004, рис. 10-1; Илюшин, 2016в, с. 20). Третий – в кург. № 1 курганной группы Солнечный-1 (XII–XIII вв.), длина клинка составляет 62,3 см (**рис. 2-36**) (Илюшин, 2016а, рис. 2-1–2-4). Этот тип сабель известен у кимаков в IX–X вв. и на Алтае – в VIII–XI вв. (Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61-5; 62; Могильников, 2002, рис. 217-20; Худяков, Плотников, 1995, с. 96, рис. 4).

Тип 3. С крестообразным перекрестием. Насчитывает один экземпляр. Найден в кург. № 12 курганного могильника Торопово-1 (XIII–XIV вв.), длина клинка составляет 66,5 см (**рис. 2-35**) (Илюшин, 1999б, рис. 53-4). Аналогии есть в кыргызских захоронениях Центральной Тувы, датируемых концом X – началом XI в., а также в кыргызских материалах Минусинской котловины IX–XII вв. и в алтайских материалах IX–XII вв. (Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61-6; 62; Грач и др., 1998, табл. XI; Худяков, 1980, табл. 3; 2003, рис. 1-2).

Тип 4. С прямым перекрестьем и ромбическим расширением посередине. Насчитывает два экземпляра. Первый экземпляр сабли найден в кург. № 1 могильника Озерки-5 (конец XII – XIII в.), длина клинка составляет 77 см (**рис. 2-31**) (Васютин и др., 2012, рис. 56-1; Илюшин, 2016д, с. 15). Второй – в могильнике Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.), длина клинка составляет около 71,6 см (**рис. 2-34**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 2-6). Этот тип перекрестья сабель зафиксирован: в Новосибирском Приобье в материалах басандайской культуры середины XI – начала XIII в.; в материалах чулымского варианта кыргызской культуры XI–XIII вв.; в пещерных захоронениях Минусинской котловины начала XI в. (Беликова, 1996, с. 75, рис. 35-1; Кызласов, 1986, с. 101, рис. 2; Савинов и др., 2008, рис. 23-5). Этот же тип перекрестия был наиболее распространенным среди материалов памятников степи и лесостепи Восточной Европы в XI–XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 69, 94, рис. 13).

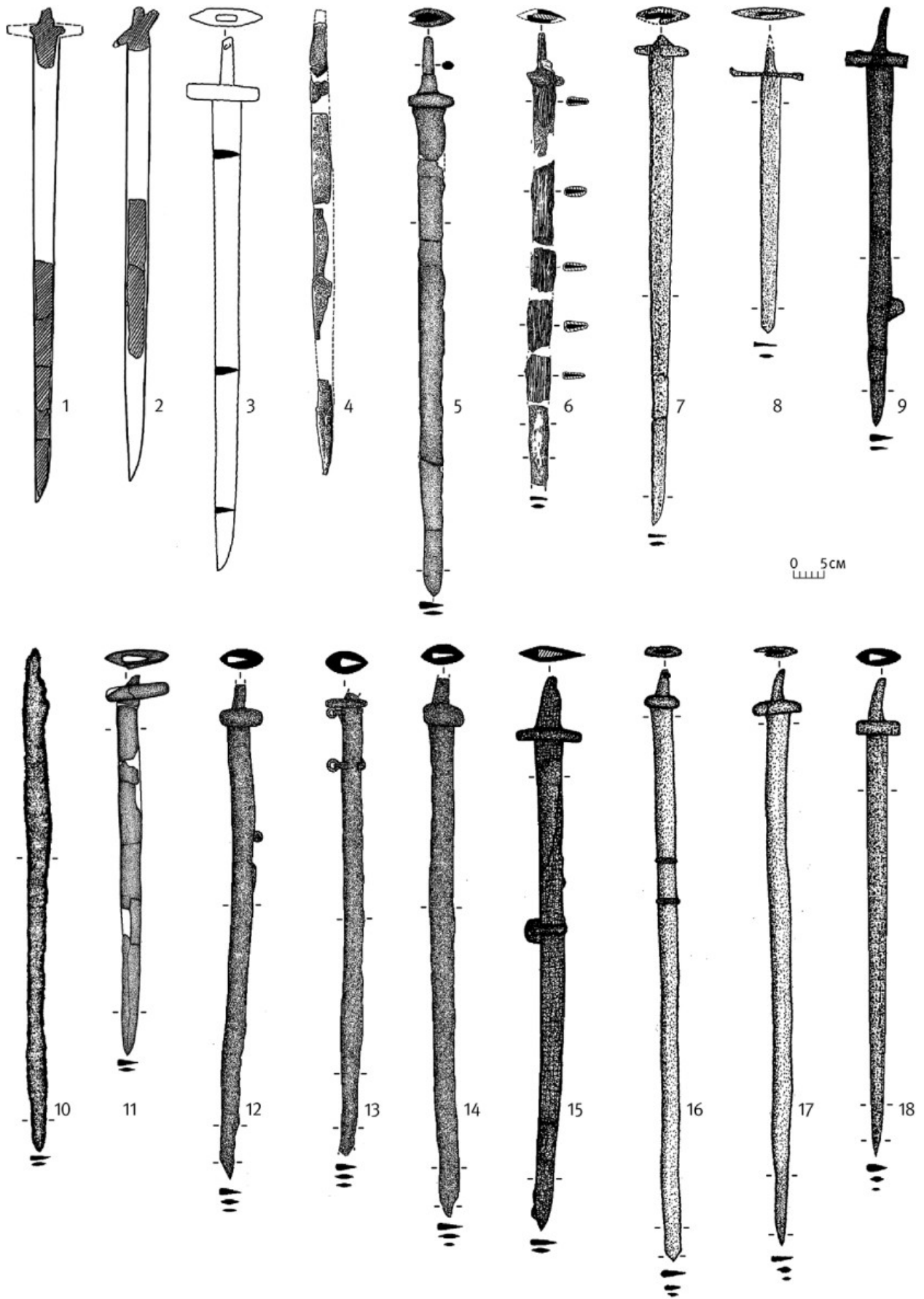

Рис. 1. Находки средневековых палашей (1–8) и сабель (9–18) из Кузнецкой котловины: 1, 2, 4 – Сапогово; 3 – Калтышино-1; 5 – Бирюля; 6 – Саратовка; 7, 8 – Шабаново-3; 9 – Ишаново; 10, 18 – Солнечная-1; 11 – Мусохраново-1; 12–14 – Усть-Канда-1; 15 – Бормотово-3; 16, 17 – Шанда (ссылки на источники – см. текст)

Fig. 1. Finds of medieval swords (1–8) and sabers (9–18) from the Kuznetsk Basin: 1, 2, 4 – Sapogovo; 3 – Kaltyshino-1; 5 – Biryulya; 6 – Saratov; 7, 8 – Shabanovo-3; 9 – Ishanovo; 10, 18 – Solnechnaya-1; 11 – Musokhranovo-1; 12–14 – Ust-Kanda-1; 15 – Bormotovo-3; 16, 17 – Shanda (source references are given in the text)

Группа 2. Трехгранные с изогнутым однолезвийным клинком и обоюдоострым окончанием. Представлена семью типами.

Тип 1. Без перекрестия. Насчитывает один экземпляр, найденный в кург. № 1 курганной группы Солнечный-1 (XII–XIII вв.), длина клинка составляет 68 см (**рис. 1-10**) (Сулейменов, 2008, рис. 1-17). Сабли этого типа встречаются у кимаков в IX–X вв., у кыргызов в IX–XII вв. и в алтайских материалах X–XIV вв. (Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 29-4, 29-5; Горбунов, 2006, с. 70, рис. 61-3; 62; Худяков, 1980, табл. 1; 3; 1997, с. 131, рис. 82; Худяков, Плотников, 1995, рис. 3-9; 4).

Тип 2. С брусковидным перекрестием в разном исполнении. Насчитывает 11 экземпляров. Первый экземпляр найден в кург. № 6 курганной группы Мусохраново-1 (вторая половина XII – XIII в.), длина клинка составляет 57,5 см (**рис. 1-11**) (Илюшин, 2012б, рис. 1; Сулейменов, Илюшин, 2019, рис. 5-11). Второй, третий и четвертый экземпляры обнаружены в могильнике Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.), длина клинков составляет 76,2, 72 и 80,2 см (**рис. 1-12–1-14**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, с. 191–194, рис. 1-2, 1-3, 1-5). Пятый – в одиночном кургане Бормотово-3 (рубеж XII–XIII вв.), длина клинка составляет 76,5 см (**рис. 1-15**) (Сулейменов, Илюшин, 2018, с. 76–77, рис. 1-1). Шестой и седьмой – в кург. № 9 и кург. № 12 могильника Шанда (XI–XII вв.), длина клинков составляет 78 и 81,6 см (**рис. 1-16, 1-17**) (Илюшин, 1993, с. 11, 13–14, 24, 39, рис. 29-2, 29-3). Восьмой экземпляр найден в кург. № 3 курганной группы Солнечный-1 (XII–XIII вв.), длина клинка составляет 70,3 см (**рис. 1-18**) (Илюшин, 2016б, рис. 4-2). Девятый – в одиночного кургане Шабаново-9 (начало II тыс. н.э.), длина клинка составляет 48,4 см (**рис. 2-19**) (Илюшин, 2010, рис. 3-4). Десятый и одиннадцатый – в кург. № 3 могильника Мусохраново-3 (вторая половина XII – XIII в.), длина клинков составляет 57,6 и 65,6 см (**рис. 2-20, 2-21**) (Илюшин, Сулейменов, 1998, рис. 13-1; 15-1). Этот тип сабель известен у кимаков Восточного Казахстана в IX–X вв. в кыргызских памятниках XI–XII вв. Минусинской котловины и на Алтае в VIII–XI вв. (Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 34-1; 36; Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61-5; 62; Худяков, Плотников, 1995, с. 96, рис. 4).

Тип 3. С ладьевидным перекрестием. Насчитывает три экземпляра. Первый обнаружен в могильнике Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.), длина клинка составляет 73 см (**рис. 2-22**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 1-1). Второй – в кург. № 4 могильника Беково (XI–XII вв.), длина клинка составляет 100 см (**рис. 2-23**) (Илюшин, 1993, рис. 47-1). Третий – в кургане-кладбище Сапогово-2 (XI–XII вв.), длина клинка составляет 66,7 см (**рис. 2-24**) (Илюшин, 1997, рис. 29-9; Илюшин, Сулейменов, 1994). Сабли этого типа известны у кимаков Восточного Казахстана в IX–X вв., кыргызов Приенисейского края в XI–XIV вв., в материалах XIII–XIV вв. басандайской культуры Томского Приобья, а также у других групп населения Южной Сибири и Центральной Азии в XI–XIV вв. (Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 19; 36; Плетнева, 1996, с. 82, 111, рис. 123-3; Скобелев, Рюмшин, 2010, с. 152; Худяков, 1997, с. 131, рис. 82; 2003, рис. 32; Худяков, Плотников, 1995, рис. 3-7; 4; и др.).

Тип 4. С крестообразным перекрестием. Насчитывает два экземпляра. Первый найден в могильнике Октябрьский (XI–XII вв.), длина клинка составляет 60,1 см (**рис. 2-25**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 2-9). Второй – в кург. № 9 могильника Шанда (XI–XII вв.), длина клинка составляет 74 см (**рис. 2-26**) (Илюшин, 1993, рис. 29-1). Аналогичные сабли известны в кыргызских материалах IX–X вв. (Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 29-2; 31).

Тип 5. С изогнутым перекрестием, окончаниями вниз. Насчитывает два экземпляра. Один происходит из могильника Усть-Канда-1 (XI–XIII вв.), длина клинка составляет 73,2 см (**рис. 2-27**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 1-4). Второй – из кург. № 1 курганной группы Конево (рубеж XII–XIII вв.), длина клинка составляет 56,8 см (**рис. 2-28**) (Илюшин, Сулейменов, 2007, рис. 1-23; 2013; Илюшин, 2012а, рис. 9-36). Сабли этого типа известны в кыргызских и алтайских материалах IX–XII вв. (Горбунов, 2006, с. 71, рис. 61-6; 62; Худяков, 1980, табл. 3).

Тип 6. С изогнутым перекрестием окончаниями вверх. Насчитывает 1 экземпляр из могильника Октябрьский (XI–XII вв.), длина клинка 70,5 см (**рис. 2-29**) (Сулейменов, Илюшин, 2020, рис. 2-8).

Тип 7. С прямым перекрестием и окончаниями в виде шариков. Насчитывает один экземпляр,

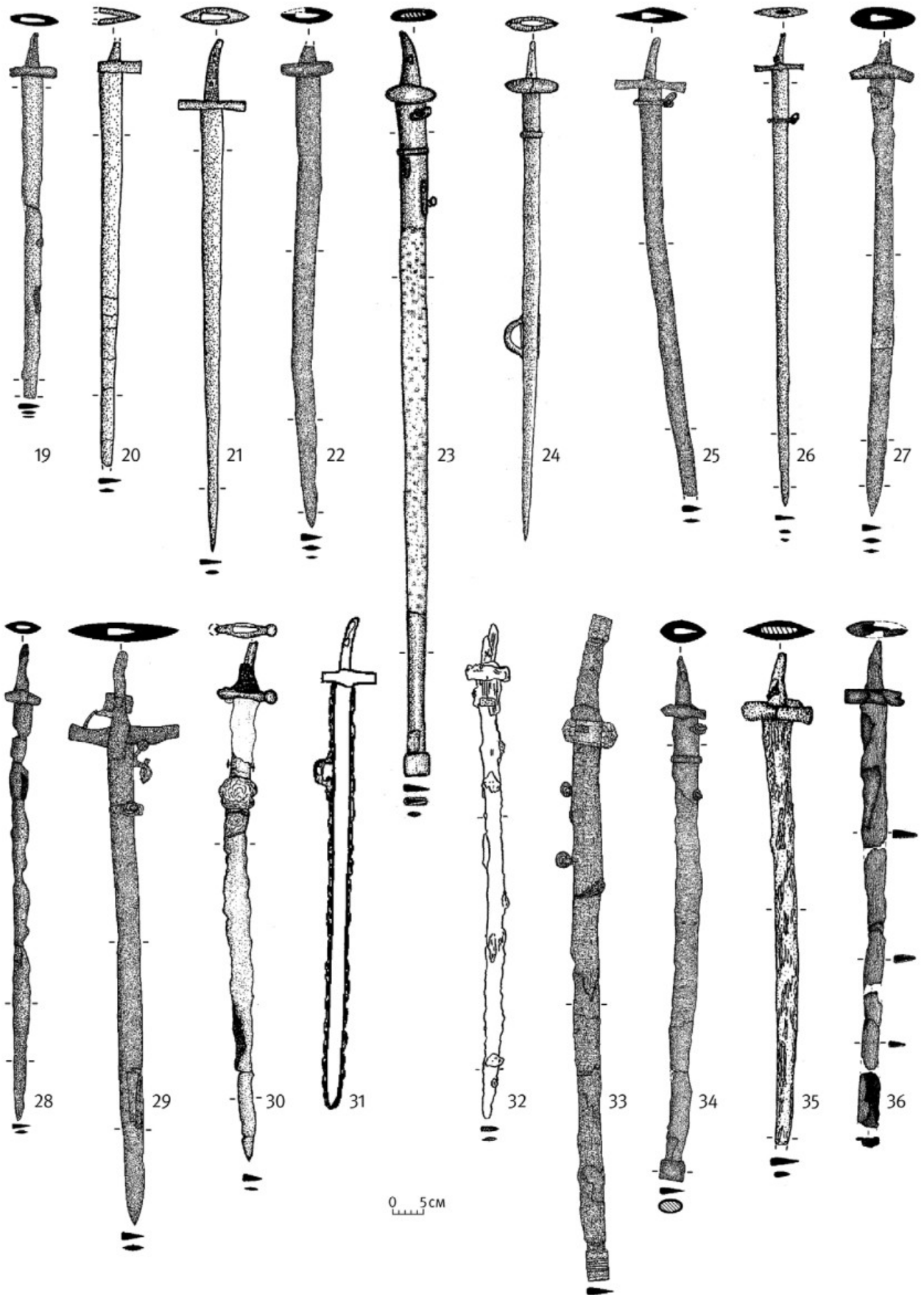

Рис. 2. Находки средневековых сабель (19–36) из Кузнецкой котловины: 19 – Шабаново-9; 20, 21 – Мусохраново-3; 22, 27, 33, 34 – Усть-Канда-1; 23 – Беково; 24 – Сапогово-2; 25, 29 – Октябрьский; 26 – Шанда; 28 – Конево; 30, 35 – Торопово-1; 31 – Озерки-5; 32 – Шестаки-1; 36 – Солнечный-1 (ссылки на источники – см. текст)

Fig. 2. Finds of medieval sabers (19–36) from the Kuznetsk Basin: 19 – Shabanovo-9; 20, 21 – Musokhranovo-3; 22, 27, 33, 34 – Ust-Kanda-1; 23 – Bekovo; 24 – Sapogovo-2; 25, 29 – Oktyabrsky; 26 – Shanda; 28 – Konevo; 30, 35 – Toropovo-1; 31 – Ozerki-5; 32 – Shestaki-1; 36 – Solnechny-1 [source references are given in the text]

найденный в кург. № 3 могильника Торопово-1 (XIII–XIV вв.) (рис. 2-30), длина клинка составляет 71,2 см (Илюшин, 1999, рис. 13-1). Близкая аналогия имеется в памятнике кыргызской культуры Центральной Тувы конца X – начала XI в. (могильник Эйлиг-Хем III), которая интерпретируется как предмет среднеазиатского импорта (Грач и др., 1998, с. 25, табл. X-1; Худяков, 1980, с. 42; Бутанаев, Худяков, 2000, рис. 23-1; 29-3). В IX–XI вв. аналогичные перекрестия сабель были распространены от Северного Поволжья и Предкавказья до Венгрии (Кирпичников, 1966, с. 66, рис. 13).

Типолого-хронологический анализ длинноклинкового оружия

Датировка погребальных памятников и комплексов, где обнаружены исследуемые предметы, позволяет провести типолого-хронологический анализ конкретных типов средневекового длинноклинкового оружия населения Кузнецкой котловины, определить их принадлежность к археолого-этнографическому комплексу и археологической культуре, а также выявить динамику этого оружия в регионе. В раннем Средневековье (вторая половина VIII – первая половина IX в.) население Кузнецкой котловины в качестве длинноклинкового оружия использовало исключительно палаши без перекрестий с односторонним и двусторонним острием окончания клинка – тип 1 первой и второй группы. В развитом Средневековье фиксируется большее разнообразие типов. В XI в. на территории Кузнецкой котловины фиксируется появление двух типов (типы 2 и 3) палашей 2-й группы и семи типов сабель 1-й (типы 1 и 4) и 2-й (типы 2–6) группы. В XII в. бытовали два типа (типы 2 и 3) палашей 2-й группы и девять типов сабель 1-й (типы 1, 2 и 4) и 2-й (типы 1–6) группы. В XIII в. у населения были в обращении один тип (тип 2) палашей 1-й группы и девять типов сабель 1-й (типы 1–4) и 2-й (типы 1–3, 5, 7) группы. В XIV в. типологическое разнообразие сокращается до одного типа (тип 2) палашей 1-й группы и двух типов сабель 1-й (тип 3) и 2-й (тип 7) группы.

Палаши 1-й группы использовались в разные временные интервалы. Первый тип использовался во второй половине VIII – первой половине IX в., второй тип – в XIII–XIV вв. Три типа палашей 2-й

группы тоже датируются разными временными интервалами. Тип 1 использовался во второй половине VIII – первой половине IX в., а типы 2 и 3 – в XI–XII вв.

Все четыре типа средневековых палашей в Кузнецкой котловине найдены в воинских могилах, которые относятся к археолого-этнографическому комплексу погребенных по обряду кремации на стороне саратовской культуры (Илюшин, 2005, с. 81–96, 110–120).

Сабли 1-й группы были в употреблении с XI по XIV вв. Типы 1, 2 и 4 этих сабель использовались в XI–XIII, XII–XIII и XI–XIII вв. населением археолого-этнографического комплекса погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня шандинской археологической культуры (Там же, с. 97–105, 120–126). Тип 3 сабель бытовал в XIII–XIV вв. у носителей археолого-этнографического комплекса погребенных по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня шандинской культуры (Там же, с. 105–107, 120–126).

Сабли 2-й группы использовались в XI–XIV вв. Тип 1 бытовал в XII–XIII вв. у смешанного археолого-этнографического комплекса погребенных по обряду кремации на стороне со шкурой лошади шандинской культуры (Там же, с. 120–126). Тип 2 сабель был в употреблении с XI по XIII в. одновременно в археолого-этнографическом комплексе погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и археолого-этнографическом комплексе погребенных по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня шандинской культуры (Там же, с. 97–107, 120–126). Типы 3 и 4 сабель бытовали в XI–XIII вв. одновременно в археолого-этнографическом комплексе погребенных по обряду кремации на стороне саратовской культуры (Там же, с. 81–96, 110–120) и археолого-этнографического комплекса погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня шандинской культуры (Там же, с. 97–105, 120–126). Типы 5 и 7 сабель бытовали в XI–XIII и XIII–XIV вв. у носителей археолого-этнографического комплекса погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня шандинской культуры (Там же). Тип 6 сабель был в употреблении у населения археолого-

этнографического комплекса погребенных по обряду кремации на стороне саратовской культуры в XI–XII вв. (Там же, с. 81–96, 110–120).

Результаты

Таким образом, наибольшее количество выделенных типов (8) сабель (1-я группа, типы 1–4 и 2-я группа, типы 1, 2, 5, 7) принадлежат шандинской культуре, включающей в себя два археолого-этнографических комплекса погребенных по обряду ингумации и погребенных по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня. Саратовской культуре, включающей в себя археолого-этнографический комплекс погребенных по обряду кремации на стороне, принадлежит один тип сабель (2-я группа, тип 6). Носители обеих археологических культур совместно использовали два типа сабель (2-я группа, типы 3 и 4). Это свидетельствует о том, что для коренного средневекового

населения Кузнецкой котловины – носителей саратовской культуры – традиционно было использование палашей в раннем и развитом Средневековье. Традиция использования сабель появилась у них в начале развитого Средневековья и, вероятно, была принесена в регион мигрантами – носителями шандинской культуры, у которых сабли представлены большим типологическим разнообразием. Начиная с этого периода и на протяжении развитого Средневековья в истории наступательного оружия ближнего боя на территории Кузнецкой котловины сабли доминировали над палашами. Приведенные аналогии с сопредельных и удаленных территорий Центральной Азии и степной Евразии косвенно подтверждают датировку выделенных типов палашей и сабель и указывают на специфический характер развития длинноклинкового оружия у различных групп средневекового населения Кузнецкой котловины.

Список литературы

- Адамов А.А.** Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. – 256 с.
- Беликова О.Б.** Среднее Причюлымье в X–XIII вв. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1996. – 272 с.
- Борисов В.А., Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Новые материалы погребений средневековой элиты в Урском археологическом микрорайоне // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2020. – № 1 (29). – С. 7–22.
- Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.** История енисейских кыргызов. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2000. – 272 с.
- Васютин А.С., Васютин С.А., Онищенко С.С.** Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII – первой половине XI вв. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). – Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.
- Горбунов В.В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. – 232 с.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.** Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М.: Фундаментал-Пресс, 1998. – 84 с.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М.** Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху Средневековья / Глав. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Донецкий нац. ун-т, 2000. – Т. 1. – С. 117–178. (труды по археологии).
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 96 с.
- Илюшин А.М.** Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 116 с.
- населения Кузнецкой котловины – носителей саратовской культуры – традиционно было использование палашей в раннем и развитом Средневековье. Традиция использования сабель появилась у них в начале развитого Средневековья и, вероятно, была принесена в регион мигрантами – носителями шандинской культуры, у которых сабли представлены большим типологическим разнообразием. Начиная с этого периода и на протяжении развитого Средневековья в истории наступательного оружия ближнего боя на территории Кузнецкой котловины сабли доминировали над палашами. Приведенные аналогии с сопредельных и удаленных территорий Центральной Азии и степной Евразии косвенно подтверждают датировку выделенных типов палашей и сабель и указывают на специфический характер развития длинноклинкового оружия у различных групп средневекового населения Кузнецкой котловины.
- Илюшин А.М.** Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. – Кемерово, Кузбассвузиздат, 1997. – 119 с.
- Илюшин А.М.** Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 54–78.
- Илюшин А.М.** Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999а. – 160 с.
- Илюшин А.М.** Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999б. – 208 с.
- Илюшин А.М.** Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.
- Илюшин А.М.** К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 1. – С. 97–106.
- Илюшин А.М.** Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012а. – 188 с.
- Илюшин А.М.** Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения), Омск, 15–16 ноября 2016 г. / Отв. ред. И.В. Толпеко. – Омск: Амфора, 2012б. – С. 93–100.
- Илюшин А.М.** Курганы кыштымов в долине Ура. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014а. – 216 с.
- Илюшин А.М.** Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Древности Сибири и Центральной Азии: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею

- В.И. Соенова. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2014б. – № 7 (19). – С. 245–251.
- Илюшин А.М.** Материалы раскопок могилы знатного воина в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Уч. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2016а. – Вып. 3. – С. 19–29.
- Илюшин А.М.** Материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» // Уч. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2016б. – Вып. 4. – С. 31–45.
- Илюшин А.М.** Курганная группа Шестаки-1 (типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: Сб. мат-лов III Междунар. науч.-практ. конф. (10–11 августа 2016 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016в. – Т. II. – С. 18–20.
- Илюшин А.М.** Курганная группа Калтышино-1 (классификация артефактов и типолого-хронологический анализ материалов) // Научно-технический прогресс: актуальные и перспективные направления будущего: сб. мат-лов IV Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2016 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016г. – Т. II. – С. 12–15.
- Илюшин А.М.** Курганная группа Озерки-5 (классификация и типолого-хронологический анализ материалов) // Интеграция современных научных исследований в развитие общества: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 декабря 2016 года). – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016д. – Т. I. – С. 13–15.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Комплекс вооружения предмонгольского времени из кургана-кладбища Сапогово-2 // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 91–96.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. – Кемерово; Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 79–106.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Комплекс вооружения кочевников развитого средневековья на курганной группе Конево // Вестник КузГТУ. – 2007. – № 4. – С. 79–83.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г.** Комплекс вооружения кочевников Восточного Дашт-и-Кипчак (по материалам раскопок курганной группы Конево) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество / Отв. ред.: Ш.К. Ахметова, З.Е. Кабульдинов, И.В. Толпеко, Н.А. Томилов. – Астана; Омск, 2013. – С. 137–155.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 126 с.
- Кирпичников А.Н.** Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во Наука, 1966. – 143 с. (САИ. – Вып. Е1–36).
- Кузнецов Н.А.** Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2004. – Вып. 6. – С. 41–68.
- Кызласов И.Л.** Новый вид погребальных памятников Южной Сибири // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 100–129.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТомГУ, 1997. – 350 с.
- Савинов Д.Г.** Могильник Калтышино-1 (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв. ред. В.В. Бобров. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77–99.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г.** Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.
- Скобелев С.Г., Рюмшин М.А.** Новые материалы по длинноклинковому оружию енисейских кыргызов в развитом и позднем средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 7. – С. 144–154.
- Сулейменов М.Г.** Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 93–96.
- Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.** Комплекс вооружения из Боромотово-3 // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история), 2017 год. Вып. 13: Мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. 24–27 апр. 2018 г. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 75–79.
- Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.** Раскопки близ села Мусохраново // Уч. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2019. – Вып. 9. – С. 53–65.
- Сулейменов М.Г., Илюшин А.М.** Коллекция сабель из фондов Гурьевского краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2020. – Вып. XXVI. – С. 169–175.
- Худяков Ю.С.** Основные понятия оружиеведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. А.П. Погожева. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 184–193.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 226 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 160 с.

Худяков Ю.С. Сабля Багыра. Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. – СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Филоматис, 2003. – 192 с.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А. Рубяще-колющее оружие кимаков // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – С. 92–107.

M.G. Suleymenov, A.M. Ilyushin

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Russia)

LONGLINE WEAPONS FROM MEDIEVAL BURIALS OF THE KUZNETSK BASIN

The article explores a collection of finds of medieval swords and sabers from the Kuznetsk Basin located on the northern periphery of the Sayan–Altai. Thirty-eight copies of the studied weapons are presented in the figures. These finds are described and typologically classified. There are two groups of swords, in which there are 5 types and 2 groups of sabers, which have 11 types (**Fig. 1; 2**). For the identified types of weapons, analogies are searched in the neighboring territories of Central Asia and in the materials of nomads of the steppe and forest-steppe expanses of Eurasia. The period of existence of each isolated type of weapons among various ethnic groups of the medieval population of the Kuznetsk Basin in the interval from the second half of the 8th to

the 14th centuries is being investigated. It is concluded that the sword of different types were used by the indigenous medieval population of the Kuznetsk Basin carriers of the Saratov archaeological culture. They had sabers at the beginning of the developed Middle Ages. The alien population of the carriers of the Shandin archaeological culture of the developed Middle Ages used sabers of various types. In the 11th–14th centuries in the history of offensive weapons of close combat on the territory of the Kuznetsk Basin, sabers dominated swords. The typological diversity of the studied collection reflects the specific nature of the development of longline weapons among various groups of the medieval population of the Kuznetsk Basin.

KEYWORDS: *Kuznetsk Depression, developed Middle Ages, swords, sabers, classification, typology, development of longline weapons.*

А.М. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
(Россия)

ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТУВИНЦЕВ

Введение

Изучение различных аспектов социальной истории кочевников Центральной Азии традиционно привлекает внимание исследователей. Центральной фигурой в кочевых обществах Древности и Средневековья был мужчина-воин, что подкреплено сведениями многочисленных письменных, археологических, этнографических и других источников.

В настоящее время опубликовано большое количество специальных работ, посвященных различным аспектам социально-политической жизни древних тюрков. По мнению В.В. Тишина, «...первые попытки осмысления социальной организации» древних тюрков начаты еще в конце XIX – начале XX в. такими учеными, как В.В. Радлов, Н.М. Ядринцев, Н.А. Аристов, В.В. Бартольд, К.А. Иностранцев, Г.Е. Грумм-Гржимайло и др. (Тишин, 2015, с. 13). Дальнейшее изучение социальной истории древних тюрков было продолжено советскими учеными: С.П. Толстовым, Н.Н. Козьминым, А.Н. Бернштамом, Л.П. Потаповым, С.А. Амбразоном, Л.Н. Гумилевым, Ю.А. Зуевым, С.И. Вайнштейном, С.Г. Кляшторным, А.Д. Грачом и др. В.В. Тишин отмечает, что в советское время произошло «...расширение источниковой базы за счет привлечения результатов археологических раскопок в Южной Сибири и введения в научный оборот новых памятников древнетюркской рунической письменности» (Там же, с. 17).

Среди идей советских ученых «...наиболее антропологической по своему характеру была концепция "мужа-воина" С.Г. Кляшторного, представленная в ряде публикаций 1982–1986 гг.» (Васютин, 2019, с. 74). В ее основу положена трактовка понятия тюркских надписей «эр» – «муж-воин». Согласно мнению С.Г. Кляшторного, это символизировало героическое начало в кочевом мире: героика войны, слава, удача. С.А. Васютин заключил, что «...идеи С.Г. Кляшторного стали отправной точкой исследований в историко-антропологическом духе многих российских кочевниковедов» (Там же).

Среди исследований тувинских ученых по этой проблематике упоминания заслуживают работы Ю.Л. Аранчына, М.Х. Маннай-оола, И.У. Самбу, В.К. Даржа и др. Так, в своей монографии М.Х. Ман-

най-оол обосновал, что исконное этническое ядро тувинцев составили тюркоязычные племена, жившие в Туве и проникавшие на ее территорию со II в. до н.э. по XII в. н.э. (Маннай-оол, 2004). Еще одним подтверждением большого влияния культуры древних тюрков на формирование духовной культуры тувинцев является героический эпос, который, по мнению Л.В. Гребнева, сформировался еще в VII–IX вв. (Гребнев, 1960). В тувинском героическом эпосе отразились черты материальной и духовной культуры древних тюрков.

В современном тувинском обществе роль мужчины меняется. Этому способствовали исторические, социально-экономические изменения и трансформация традиционного образа жизни. Известно, что в кочевом обществе мужчина являлся центральным звеном, ведь именно от него зависело благополучие и безопасность не только семьи, но и рода, племени. По традиционным представлениям, в основном отраженным в героических сказаниях и фольклоре, тувинский мужчина прежде всего ассоциировался с воином, который отстаивает справедливость и оберегает родную землю, защищает свою семью, род и племя от всевозможных бед, вражеских нашествий.

Наречение юноши «мужским» именем

В древнетюркских орхоно-енисейских рунических памятниках часто встречается выражение «эр адым» – «мое мужское имя». Например, на памятниках Кожээлиг-Хову и Уюк написано: «Мое имя младенца – Шубуш Ынал, мое геройское имя – Ку-мул-Оге», «...Мое мужское геройское имя – Яш Ак Баш» (Малов, 1952, с. 81). По мнению С.Г. Кляшторного, получение «мужского имени» связано с обрядом инициации, которое давалось юноше после совершения юношей охотничьего или воинского подвига: «...не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных, – после первых же охотничьих успехов испытуемого» (Кляшторный, 2003, с. 473). В большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина отмечается, что он получил «геройское» имя в 10 лет: «По смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-Тегин остался семи лет (от роду); в десять лет для (т.е. на радость) ее величества

моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-Тегин (стал зваться мужем, т.е. богатырем)» (Малов, 1952, с. 34). Наречение юноши мужским именем записано и в «Книге гаданий» («Ырк битиг»). Там описана битва, где юноша, совершив воинский подвиг, становится мужем-воином «эр»: «Сын героя-воина пошел в поход. На поле битвы Эркиг сделал его своим посланцем. И говорят: когда он возвращается домой, то сам он приходит знаменитым и радостным со славою (мужа-воина), достигшего зрелости» (Кляшторный, 2003, с. 352).

Имянаречение является важным этапом взросления героя и в тувинском героическом сказании. Обычно, если повествуется о детстве героя, то, как правило, подчеркиваются сила, ловкость, смелость и выносливость юного богатыря, проявляющиеся в охоте на хищных зверей, в поимке коня и т.д. Подробная характеристика герою дается лишь после рассказа о приобретении им богатырского коня, воинского снаряжения и наречении именем. Например, «...конь твой будет Арзылан-Каскыл, который пережил трех хозяев и за жизнь которого износились три колчана, <...> он такой быстрый, что имеющие шерсть и копыта, по земле не смогут его обскатать, имеющие перья и крылья, над землей не смогут его обскатать... Сам ты – отважный, непобедимый ни в стрельбе из лука, ни в борьбе с прославленными богатырями, ни в споре с красноречивыми, ни в улаживающем слух пении. <...> Твое имя: Грозный Кара-Когель, имеющий коня Арзылан-Каскыла» (Гребнев, 1960, с. 43).

В традиционных представлениях тувинцев мужчина должен был поддерживать и беречь свое «мужское имя» и честь: «*Эр адым өлүрүнүң орнунга, эр болдум өлзүмдө дээрэ*» – «Вместо смерти моего мужского имени, лучше я сам умру». Настоящий мужчина «*ёзулуг эр*» должен был стать «совершенным мужчиной» – «*эрниң эреси*», т.е. мудрым, мужественным, храбрым, проявляющим в нужный момент силу воли, воинскую доблесть, непримиримость к врагу, глубоко почитающим заветы дружбы, обладающим чувством собственного достоинства.

Образ идеального мужчины, мужа-воина – «эр», вероятно, сложился еще в древнетюркское время. Большое количество древнетюркских, древнеуйгурских и древнекыргызских эпитафий на территории Тувы является свидетельством не просто высокой грамотности предков тувинцев, но и наличия «мужского духа» – «*эр кижинин хей-аьды, сүлдези*». Они показывают, что среди населения было много воинов высокого воинского звания. Разнообразие географических условий Тувы: горы, тайга, степь, тундра, полупустыня – способствовало формированию

универсальных воинов. По мнению ученых, каменные изваяния являются изображениями знатных тюрков и их военачальников, а поставленные ряды необработанные камни – балбалы обозначают убитых во время сражений врагов. Что касается воинской доблести тюрков, то в китайских летописях отмечается, что тюркские мужчины «...стыдятся умереть от болезни, считают самой почетной смертью гибель на поле боя» (Максуди, 2002, с. 156).

Таким образом, наречение «мужским» или «геройским» именем юноши являлось важным этапом в его становлении как полноценного члена воинской общины «эров» (Кляшторный, 2003, с. 473).

Муж-воин и его конь

Образ древнетюркского мужчины неразрывно связан с конем. Одним из важных факторов появления кочевой цивилизации в Центральной Азии стала domestикация лошади. Именно благодаря лошади кочевники смогли завоевать огромные территории. Это послужило формированию культа коня у кочевых народов.

Как отмечено выше, в героическом эпосе тувинцев «мужское» имя юноше давалось только после того, когда он становился хозяином коня. Так, в сказании «Танаа-Херел» мальчику было дано имя Танаа-Херел, имеющий коня Даш-Хүрен. «В эпосе конь, наряду с главным героем, является действующим параллельно с ним персонажем, о чем свидетельствуют названия некоторых из них, например "Богатырь Тевене-Моге и конь его Демир-Шилги", "Боралдай, имеющий коня Бора-Шокар" и т.д.» (Донгак, 2015, с. 66). Таким образом, с самого начала становления героя конь являлся его главным помощником, соратником и верным спутником.

О важности коня у кочевников свидетельствуют и материалы Большой надписи памятника Кюль-Тегину, где в описываемых сражениях указывали масть и кличку его коней. Например, «...сев верхом на своего белого коня Алп-Шалчы», «...сев на белого коня Азмана», «...сев на белого коня Огсиза» (Малов, 1951, с. 42). Кроме того, указывалась принадлежность лошади к какому-либо племени. Так, после победы над племенем Байырку у Кюль-Тегина при следующем сражении был «...белый жеребец из Байырку» (Там же). Это является подтверждением того, что при завоевательных походах одним из важных трофеев были табуны лошадей противников.

Конь использовался и в погребальных обрядах древних тюрков, например, большое количество погребенных вместе с воином коней в скифский период «...является показателем социального престижа покойного» (Элита в истории..., 2015, с. 61). Как отмечал С.И. Вайнштейн, «...ранние кочевники считали,

что в загробном мире человек не может обойтись без лошади. О том, какое значение придавалось лошади древними тюрками, свидетельствует, в частности, и то, что за кражу спутанной лошади преступник подвергался смертной казни» (Вайнштейн, 1972, с. 27).

Тувинскому мужчине всегда было свойственно доброе и заботливое отношение к коню. Такое отношение к лошади было характерно не только для тувинцев, но и других тюрко-монгольских кочевых народов Центральной Азии, т.к. считалось, что лошадь была священным животным небесного происхождения. В тувинском эпосе герой не только советовался с конем в трудных ситуациях, конь не-

редко спасал своего хозяина и даже оказывался умнее его. Например, «...в сказании "Алдай-Буучу"» говорится об одном из героев, что он растерялся, попав в трудное положение, «загрустил в безвыходной тоске. Тогда конь его сказал: "Мужчина ты храбрый, но ум у тебя никудышный"» (Там же, с. 139). О добром отношении к коню свидетельствует и тот факт, что «...нельзя было бить лошадь по голове, это считалось равносильным битью головы своего отца» (Донгак, 2015, с. 67).

Таким образом, можно сделать вывод, что образ мужчины в древнетюркских памятниках и традиционной тувинской культуре практически идентичен.

Список литературы

- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 314 с.
- Васютин С.А.** Антропологический поворот в отечественном кочевниковедении (памяти С.Г. Кляшторного) // Тюрко-монгольский мир: история и культура: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. С.Г. Кляшторного / Отв. ред. и сост. Т.Д. Скрынникова. – М.: Наука, Восточная литература, 2019. – С. 74–81.
- Гребнев Л.В.** Тувинский героический эпос: (Опыт ист.-этногр. анализа). – М.: Восточная литература, 1960. – 147 с.
- Донгак С.Ч.** О некоторых аспектах культа коня у тувинцев // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Мат-лы XII Междунар. науч. конф., г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. – Ховд; Томск: Изд. дом ТомГУ, 2015. – Т. II: Гуманитарные и социальные науки. – С. 66–68.

- Кляшторный С.Г.** История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Изд-во филол. фак-та СПбГУ, 2003. – 559 с. (Азиатика).
- Максуди Садри (Арсал).** Тюркская история и право / Пер. с турец. Р. Мухамметдинова. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
- Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Маннай-оол М.Х.** Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. – Новосибирск: Наука, 2004. – 164 с.
- Тишин В.В.** Историография социальной истории тюркского Каганата VI–VIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. – М., 2015. – 28 с.
- Элита** в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / Отв. ред. П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – 330 с.

A.M. Mongush

Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research (Russia)

THE IMAGE OF A MAN IN ANCIENT TURKIC MONUMENTS AND THE TUVANS' TRADITIONAL CULTURE

The study of various aspects of the social history of the nomads of Central Asia traditionally attracts the attention of researchers. The central figure in the nomadic societies of antiquity and the Middle Ages was the male warrior. This statement is supported by information from numerous written, archaeological, ethnographic and other sources. In the modern Tuvan society, the role of men is changing. This was facilitated by historical, socio-economic changes and the transformation of the traditional way of life. It is known that in the nomadic soci-

ety a man was the central link, because the well-being and safety of not only a family, but also of a clan, and a tribe depended on him. According to the traditional ideas, mainly reflected in heroic legends and folklore, a Tuvan man, first of all, was associated with a warrior who defended justice and protected his native land, protected his family, clan and tribe from all sorts of troubles, enemy invasions. The article analyzes the image of a man, a warrior husband – “er” in ancient Turkic monuments, in comparison with the traditional Tuvan ideas about a man.

KEYWORDS: *ancient Turks, Orkhon-Yenisei writing, stone sculptures, traditional Tuvan society, Tuvans, warrior husband, “er”.*

М.К. Хабдулина

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Казахстан)

САКРАЛЬНЫЙ КОД ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ГОРОДИЩА БОЗОК (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

Исследование выполнено по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан: АР08857699 «Симбиоз кочевой и оседлой культуры казахов как цивилизационный код степи»

Бозок известен в археологической литературе Казахстана как «средневековое городище Бозок». Отнесение его к категории городища связано с валами и рвами, хорошо видимыми на современной дневной поверхности. По мере исследования этого памятника появилось понимание того, что комплекс руинированных объектов, расположенных на четко ограниченной природными рубежами территории, правильнее называть «Бозокский археологический микрорайон», т.к. он состоит из одновременных и функционально различных объектов. Постепенно стало складываться мнение и о сакральной составляющей этого большого комплекса, существовавшего более восьми столетий – в (VII)/VIII–XV вв. (Хабдулина, 2010).

Бозок находится в левой пойменной долине р. Ишим, на юго-западной окраине столицы Казахстана – г. Нур-Султан. Руины строений тянутся полосой вдоль восточного берега пойменного оз. Бузукты и со всех сторон окружены труднопроходимыми болотными массивами. Общая площадь ограничивается поверхностью останца. Длина озера составляет 1 км, ширина береговой поверхности – 300–400 м (рис. 1).

Раскопки памятника проведены в 1999–2015 гг. Всего вскрыто более 8000 кв.м. Исследованы оборонительные укрепления, полностью исследована территория северного «квартала» (VII–IX вв.), раскопаны жилища X–XIII вв., открыты мавзолеи из жженого и сырцового кирпича (XIV в.), раскопано 72 погребения XIV–XV вв., проведено комплексное изучение ирригационной планировки. Все эти разновременные и разнофункциональные объекты расположены на территории в 40 га. Датировка структурных компонентов археологического памятника основана на относительной стратиграфии, радиоуглеродной дате гуминовых кислот погребенной почвы, взятой под валом в нескольких местах, костных остатков, угля со дна жилищ, датировке предметов конской узды, обнаруженной в жертвенном захоронении лошади у входа в восточный «квартал» (Хабдулина, Орлова, 2010). На памятнике зафиксирован

тонкий культурный слой, находки происходят только из трех жилищ и погребений XIV в. Поверхность останца распахивалась в 70-е гг. XX в., и верхние 0,15–0,20 м смещены, что затрудняет детали реконструкций. Только тщательная методика исследования и фиксации позволяет делать заключения о хронологии и культурном определении найденных объектов и находок.

Факторы выбора места в раннем Средневековье

Выбор места для расположения памятника сделан в древнетюркскую эпоху – в (VII)/VIII–IX вв. На возвышенной точке берега были построены три квадратные площадки, планиграфически расположенные в виде трехлепестковой розетки. Общая площадь составляет 12 636 кв.м. Каждая площадка была автономно обведена внутренним рвом и внешним валом-стеной (рис. 2). Внутренние размеры площадок примерно одинаковы и составляют 35×35 м. Восточный и южный «кварталы» (наше условное название) имеют по два входа с севера и юга. Наибольший северный «квартал» имеет один вход с юга, который до раскопок фиксировался как перемычка во рву шириной 2,3 м. Конструкция входа детально не выяснена, т.к. территория между тремя кварталами была достроена в XIV в. пахсой и на ее поверхности появились мавзолеи и сырцовые погребальные оградки. За годы исследования Бозока полностью раскопана внутренняя площадка северного «квартала», сделаны сплошные продольные и поперечные разрезы оборонительных укреплений, исследована конструкция входа в «квартал». Сплошная стратиграфическая траншея шириной 3 м прошла от северного «квартала» через площадку восточного. Отдельно заложен раскоп на северном входе восточного «квартала», где обнаружено жертвенное захоронение лошади (см. ниже).

Бозок изначально был построен как культовый центр, святилище. Своим положением в верховье р. Ишим он маркирует трассу продвижения тюркоязычных этносов из Центральной Азии на запад

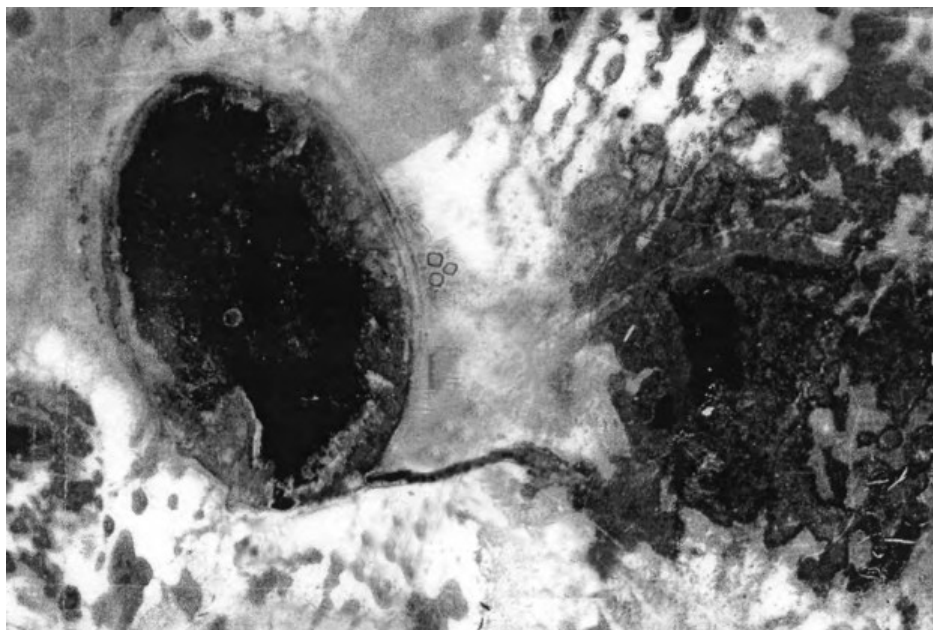

Рис. 1. Городище Бозок. Аэрофотоснимок. 1974 г.

Fig. 1. Settlement Bozok. Aerial photograph. 1974

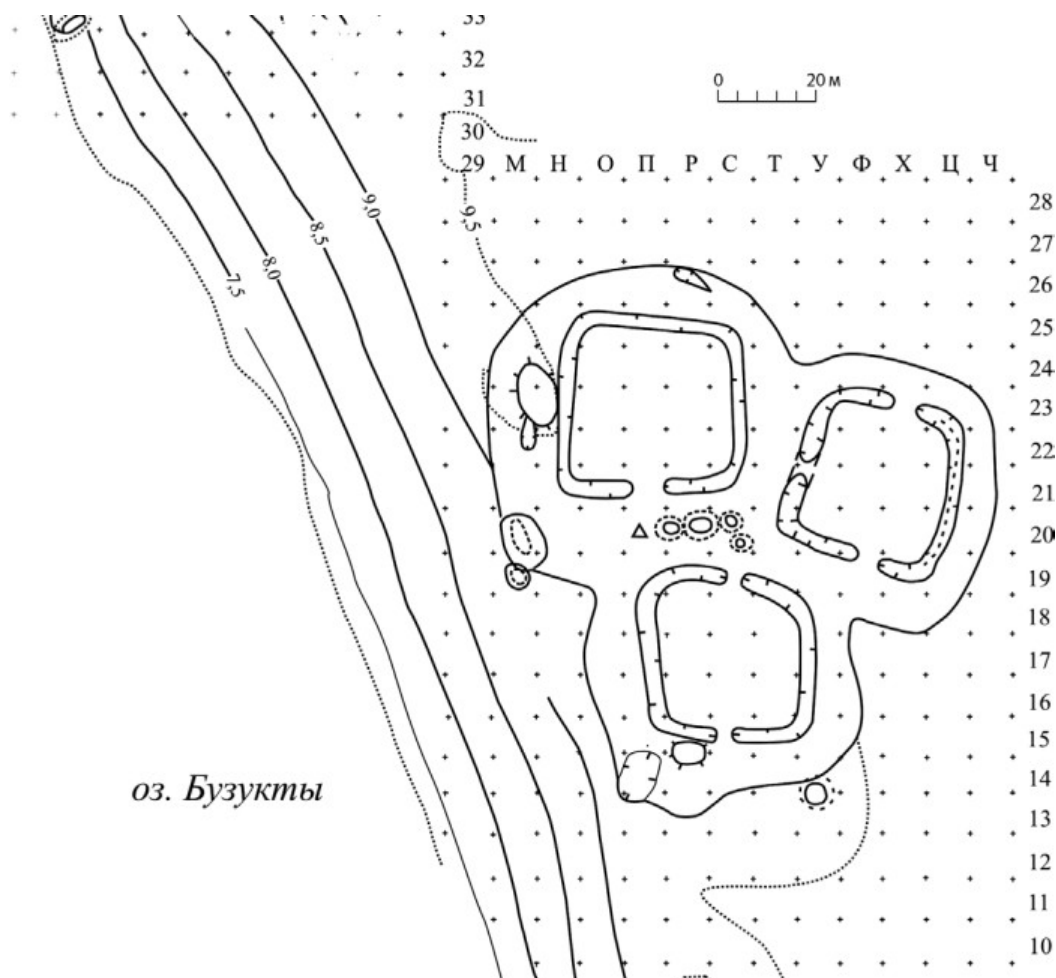

Рис. 2. Городище Бозок. Топоплан раннесредневековых сооружений

Fig. 2. Settlement Bozok. Topographical plan of early medieval structures

(Тлеугабулов, 2020, с. 20–22). Продвижение было многоэтапным и шло по хорошо известным миграционным путям. Во все времена активной трассой миграционного пути после пересечения р. Иртыш было широтное русло р. Ишим. Именно здесь, в верховьях Ишима, в месте традиционного пересечения широтных и меридиональных караванных и миграционных путей, в точке наибольшего сближения двух рек Центрального Казахстана – Ишима и Нуры был построен ордакент (город), совмещавший в своей структуре функции сезонной ставки и культового центра.

Древние тюркоязычные племена, осваивая территорию казахских степей, принесли свои традиции. Как известно по письменным источникам и археологическим данным, для степных империй было характерно сезонное перемещение кочевой ставки правителя. Кочевой образ жизни гуннов, тюрков, монголов привел к географическому размежеванию летних и зимних ставок, откуда осуществлялась власть хана, шаньюя. В степных империях существовали различные типы городов: столичные, церемониальные, храмовые, города-хранилища государственных богатств. Обязательным было строительство особых церемониальных центров для отправления традиционных обрядов и ритуалов (Кызласов Л., 2006, с. 145; Данилов и др., 2016, с. 89–90; Харинский, 2017, с. 146).

Существование у гуннов, тюрков, киданей специально отведенных мест для жертвоприношений и обрядов зафиксировано письменными источниками. У гуннов Центральной Азии одна из столиц – г. Лунчэн – являлся не только императорской ставкой, но и храмовым, религиозным центром, где проходили ежегодные сборы для совершения обрядов и жертвоприношений (Кызласов Л., 2006, с. 145). Город Дайлин исполнял экономическую функцию, известен город Чжаосиньчэн, который являлся государственным хранилищем (Кызласов Л., 1998, с. 50). У киданей возле пяти столиц существовали особые места – храмы для поклонения Небу, Земле и Великому предку (Крадин, Ивлиев, 2014, с. 66).

К категории такого ордакента и церемониального центра относится Бозок. О его функциональном назначении известный казахстанский археолог К.А. Акишев писал, что Бозок в средние века – это «город типа ордакент – сезонная административная резиденция правителя, возникшая на священном месте. Это был не только крупный политический, ремесленный и торговый, но также и культовый центр Приишимья» (Акишев, 2008а, с. 23–24).

Бозок не предполагал массового и длительного пребывания. Функции культового центра в его

структуре выполнял северный квартал. Он выделялся более крупными размерами оборонительных укреплений, имел всего один вход с южной стороны. Два других квартала: южный и восточный, вероятно, были пространством для размещения кочующего за правителем административного двора.

Как древнетюркское святилище Бозок полностью соответствует всем критериям этого понятия, выделенного по материалам славянских и буддийских памятников (Тимошук, 1990, с. 55; Забияко, 2012, с. 136). Первый признак – обособленность от мирского, профанного окружения. Бозок «запрятан» среди болот левой пойменной долины р. Ишим, территория его окружена системой природных и искусственных ограждений. Искусственные ограждения – крепостные стены и глубокие (до 3 м) рвы, окружающие каждую площадку городища Бозок (Тлеугабулов, 2020). Второй признак – особая аура окружающего ландшафта, оказывающая энергетическое воздействие на эмоциональное состояние человека, пронизывая его ощущением уединения, оторванности от суеты, единения с высшими силами, восприятия сакральной информации (Харькова, 2014, с. 178). В создании такого настроения важная роль принадлежит оз. Бузукты, на восточном берегу которого и построен Бозок.

Именно озеро привлекает внимание как яркий природный объект. Акватория его имеет яйцевидную форму с четким контуром берегов, что удивительно ввиду отсутствия в рельефе коренной террасы (рис. 1). Озеро пресноводное, питается родниками, даже сейчас оно не усыхает в жаркие сезоны. Еще один фактор привлекательности озера – это место гнездования экзотических птиц. В летнее время здесь выводят птенцов белые и черные лебеди, журавли, встречаются пеликаны, цапли, бесчисленное количество уток. Звуки птичьих голосов под бездонной синевой неба вызывают сильные эмоциональные реакции, пробуждают воображение, стимулируют интеллектуальную деятельность. Немаловажный момент – вода и яйцевидный абрис – главные компоненты космологических мифов о сотворении мира. Такое место в традиционном мироощущении, вне сомнения, наделялось высшей сакральной субстанцией, требующей его сохранения и целостности.

Расположение святилища на берегу озера – это выбор наиболее сакральной точки пространства. Так в одной географической точке уникально соединились природные знаки, символы идеальной модели (образа) мира. Бозок оказался материализованным в пространстве мифом о сотворении мира. В архаическом мировоззрении эта ситуация

могла соотноситься с актом сакрализации пространства для проведения ритуальных действий по предотвращению хаоса, укреплению космического и земного порядка. Согласно традиционному мышлению, действенным может быть ритуал, происходящий в самом центре сакрального пространства. Именно здесь наблюдается мощнейший коммуникативный комплекс общения с Небом, успешным становится преодоление ситуации неопределенности, напряженности, тревоги, страха (Байбурин, 1991, с. 39).

Археологические следы регулярных ритуальных действий

О длительности ритуальных практик на городище Бозок свидетельствуют конструкции северного «квартала», стратиграфия рва и вала, отражающие картину неоднократного обновления вала-стены, расчистки заполнения рва в течение нескольких столетий. При этом первоначальный и последующие разрезы рва не совпадают. В один из периодов расчистки рва у северного входа в восточный «квартал» на глубине 1,8 м была сделана строительная жертва – захоронение лошади. На черепе лошади лежали две пары железных удил и роговой двухдырчатый псалий (рис. 3), комплект узды датируется VIII–IX вв. (Хабдулина, Орлова, 2010, с. 161–163).

Северный «квартал» (63×63 м), территория которого являлась культовой площадкой, был окружен внутренним рвом (шириной 4,5 м и глубиной 2,8 м) и внешним валом (ширина основания – 7–8 м,

ширина по верху – 4 м). Вал в поперечном сечении имеет трапециевидную форму; внешние склоны укреплены сырцовыми кирпичами (Хабдулина, 2011, с. 162). От входа в глубь «квартала» вела стена, обозначенная четырьмя мощными столбами, вкопанными на глубину 0,5 м. В центре «квартала» стояло юртообразное жилище (с диаметром основания 7 м), возведенное из сырцового кирпича (Хабдулина, Тлеугабулов, 2019, с. 589–590). С восточной стороны фиксировался вход в жилище. В 2 м от входа в «юрту» был вкопан деревянный столб (изваяние, менгир?), который неоднократно ремонтировался. В центре «юрты» на глубине 0,7 м обнаружено ритуальное захоронение человека, уложенного скорченно на левом боку, без ступней и с отрубленными кистями рук. Доступ к «юрте» прегражден двумя рядами деревянного частокола. Возможно, для прохода к «юрте» была оставлена какая-нибудь «калитка» (рис. 4). Таким образом, комплекс признаков характеризуют закрытость и малодоступность внутренней части северного «квартала».

На территории северного «квартала» Бозока зафиксированы археологические следы всех конструкций, которые отмечены исследователями для языческих славянских святилищ, древнетюркских *куруков*, городищ-святилищ Центральной Азии: 1) огороженность сакральной площадки рвом и валом, закрывающим возможность внешнего обзора; 2) центральное сооружение (юрта, храм, контин); 3) жертвоприношение; 4) деревянный столб (извая-

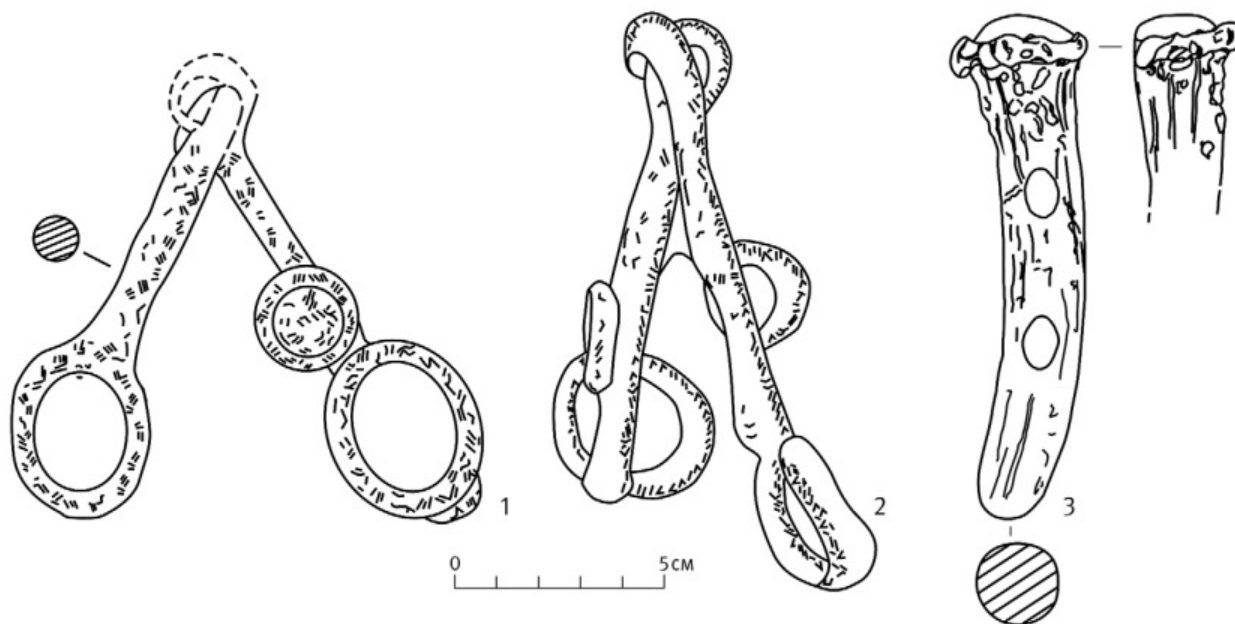

Рис. 3. Городище Бозок. Предметы конской узды: 1, 2 – железные удила; 3 – роговой псалий

Fig. 3. Settlement Bozok. Items of horse bridle: 1, 2 – iron bit; 3 – horn psalium

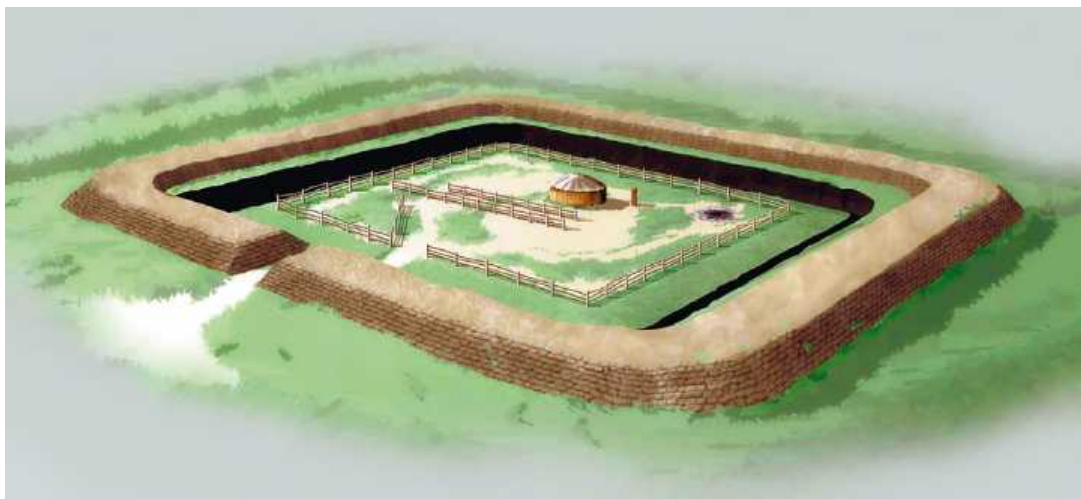

Рис. 4. Городище Бозок. Архитектурный облик древнетюркского святилища. Реконструкция М.К. Хабдулиной. Рисунок В.С. Меденко

Fig. 4. Settlement Bozok. The architectural appearance of the ancient Turkic sanctuary. Reconstruction by M.K. Khabdulina. Drawing by V.S. Medenko

ние, идол); 5) костер; 6) сложная зигзагообразная система прохода к «юрте».

Стратиграфия оборонительных сооружений свидетельствует, что культовый центр Бозок периодически оставлялся, затем использование его возобновлялось. Еще одна интересная деталь находит аналогии в средневековых сакральных объектах Евразии. Это организация дополнительных мест для участников ритуальных церемоний, которым мог быть запрещен доступ на территорию северного «квартала». На заключительной фазе использования бозокского культового центра (IX в.) уже затекшие грунтом рвы на глубине 1 м выстланы горизонтально уложенными сырцовыми кирпичами. Это была своего рода «пешеходная тропа» внутри рва вокруг внутреннего пространства северного «квартала». Скорее всего, это были дополнительные места для размещения людей во время проведения обрядовых действий. Об аналогичных примерах пишут исследователи центральноазиатских средневековых городищ-святилищ. На байкальских мысовых городищах VI–IX вв. за пределами вала и рва открыты горизонтальные площадки, расположенные ярусами по склону мыса. На этих горизонтальных площадках обнаружены следы кострищ, пережженные кости животных, фрагменты сосудов. По мнению исследователей, это специально отведенные места для членов общины, не имевших доступа на центральную, огороженную часть святилища (Харинский, 2017, с. 144).

Мы предполагаем, что северный «квартал» городища Бозок воспринимался как храмовая площадка, вокруг которой в затекшем грунтом рву, специально выстланном кирпичами, размещались при-

бывшие для проведения обрядов. Аналогичный сценарий предполагается и для архитектурного пространства болгарского святилища Тигашевского городища X–XII вв. в Прикамье. Внутреннее пространство Тигашевского святилища было обнесено концентрическими рядами деревянных ограждений (Руденко, 2004, с. 61–62). По мнению его исследователя А.П. Смирнова, это был крупный племенной культовый центр: «Двойное, а может быть, и тройное деление святилища позволяет думать, что центр его, святая святых, мог быть доступен только жрецам. Народ, вероятно, располагался в пространстве между оградами и на свободной площади вокруг первой ограды» (Смирнов, 1961, с. 141). Такие же детали характерны для славянских городищ VIII–IX вв. (Русанова, 1997, с. 48).

Сведения письменных источников о существовании у кочевников церемониальных центров общесоударственного значения в настоящее время получают подтверждение по результатам археологических исследований средневековых городов Центральной Азии (Данилов и др., 2016; Харинский, 2017, с. 143, 146; Кызласов И., 2019, с. 243–245). На западном фланге степной Евразии к кругу этих памятников относятся славянские городища-святилища и памятники вознесенко-перещепинского типа (Русанова, 2002, с. 6–9; Амброз, 1981, с. 14; Плетнева, 2003, с. 39; Хрисимов, 2009, с. 37–38).

Статус памятника и этимология названия

Таким образом, Бозок – свидетельство существования церемониальных городов у древних тюркоязычных племен и яркий объект сакрального ланд-

шафта верховьев Ишима. Еще один аспект сакральности этой территории связан с названием озера, зафиксированного в искаженном виде на картах Целиноградского района (1963 г. – оз. Бузукты) и в названии урочища Бузук на картах начала XX в. Этот топоним тысячелетней давности насыщен знаковой символикой.

Название озера имеет глубокую семантику. Расшифровка его возможна с привлечением эпических, историко-топонимических и археологических источников. Следуя художественному содержанию эпоса «Огуз наме», мы вправе слово *бузук* обозначить как «небесные стрелы», стрелы, посланные с востока (Акишев, 2008б, с. 16–17). Разворачивая эту логику, можно утверждать, что это слово закрепилось на века в названии маленького затерянного озера в долине Верхнего Ишима, потому что было принесено элитой древних тюрков, осваивавших р. Ишим как транспортную магистраль на пути их движения с востока на запад.

Гидроним, сохранившийся в названии оз. Бузукты, позволяет определить историческую эпоху появления и использования слова *бузук* и его последующую славную историю. Этот термин принадлежал эпохе Тюркских каганатов (VI–IX вв.). Исторически он обозначает восточную часть территориально-административного деления тюркоязычных государств

(Там же, с. 15). Термин имеет героическую историю. Бузук – это название правящей династии Османов XI–XII вв. Привлекая топонимику, мы можем проследить продвижение тюркоязычных племен на рубеже I–II тыс. н.э. из глубин казахских степей на Ближний Восток, в Малую Азию. По пути следования остались города с этим названием – на Сырдарье есть Бузук-кала. В настоящее время термин, зафиксированный как гидроним в названии оз. Бузукты, известен в современной Турции как название университета «Бозок» в г. Йозгат (Yozgat). Во всем этом проявляется яркая сакральная сущность древнетюркского слова *бузук* / *бозок*.

В древнетюркских эпохах и текстах термин *бузук* используется в нескольких значениях: правое крыло войска и высокая статусность воинской и родовой знати в системе титулатуры огузского каганата. Удивительно многовековое сохранение термина *бузук*, в т.ч. давнее название небольшому озеру. Вероятно, не случайным оказалось расположение археологического объекта на центральной оси городского пространства новой столицы Казахстана – г. Нур-Султан: Бозок – Акорда – Студенческий городок, которое дизайнеры назвали «ось тысячелетий» (прошлое – настоящее – будущее). Все это семиотические знаки сакральности данного ландшафта, идущие из глубины веков.

Список литературы

- Акишев К.А.** Предварительные итоги раскопок средневекового городища Бозок (1999–2001 гг.) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы междунар. полевого семинара [29–30 июля 2004 г.] / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. – Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2008а. – С. 20–24.
- Акишев К.А.** Городище Бозок: семантика планиграфии и функции // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы междунар. полевого семинара [29–30 июля 2004 г.] / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. – Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2008б. – С. 13–19.
- Амброз А.А.** Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23. (Археология СССР).
- Байбурин А.К.** Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1991. – С. 23–42.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л.** Города эпохи хунну на востоке Монголии // Известия ИРГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 17. – С. 74–93.
- Забяко А.П.** Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. – М., 2012. – № 1. – С. 123–136.

- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.** История киданьской империи Ляо (907–1125). – М.: Наука, Восточная литература, 2014. – 350 с.
- Кызласов И.Л.** Возникновение и формирование Уйбатского города (Хакасия). Градообразующая роль храмов середины VIII – начала XIII в. // КСИА. – 2019. – Вып. 256. – С. 242–249.
- Кызласов Л.Р.** Города гуннов // Татарская археология. – Казань, 1998. – № 2 (3). – С. 47–64.
- Кызласов Л.Р.** Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Восточная литература, 2006. – 358 с.
- Плетнева С.А.** Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII вв. Учеб. пособие. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 246 с.
- Руденко К.А.** Булгарские святыни XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования / Отв. ред. и состав. Н.И. Шутова. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и лит., 2004. – С. 36–77.
- Русанова И.П.** Культурные сооружения и жертвоприношения славян-язычников // Истоки русской культуры (археология и лингвистика) / Отв. ред. А.П. Чернецов. – М.: Русский мир, 1997. – С. 47–62. (Материалы по археологии России. – Вып. 3).

- Русанова И.П.** Истоки славянского язычества. Культурные сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Черновцы: Прут, 2002. – 172 с.
- Смирнов А.П.** Железный век чувашского Поволжья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 171 с. (МИА. – № 95).
- Тимощук Б.А.** Восточнославянская община VI–X вв. н.э. – М.: Наука, 1990. – 184 с.
- Тлеугабулов Д.Т.** Городище Бозок в системе средневековых культовых объектов степной Евразии // Мәдени мұра. – 2020. – № 1. – С. 16–22.
- Хабдулина М.К.** Бозок – как древнетюркский культовый центр на реке Ишим // Казахстан и Евразия сквозь века: история, археология, культурное наследие: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. акад. К.М. Байпакова. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. – С. 177–189.
- Хабдулина М.К.** Оборонное зодчество древних тюрков степной Сарыарки // Этническая история и культура тюркских народов Евразии / Глав. ред. Н.А. Томилов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 161–166.
- Хабдулина М.К., Орлова Л.А.** Некоторые результаты исследования городища Бозок // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2009 жылғы. Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2010. – С. 161–163.
- Хабдулина М.К., Тлеугабулов Д.Т.** К древнетюркской жилой архитектуре // Маргулановские чтения – 2019: Мат-лы междунар. археол. научно-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. казахстанского археолога К.А. Акишева. – Нур-Султан, 2019. – С. 584–591.
- Харинский А.В.** Городища-святилища в структуре сакральных представлений народов Северо-Восточной Азии // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: в 3 т. / Отв. ред.: А.П. Дервянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – Т. II. – С. 142–147.
- Харькова Е.Ю.** Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-состав. Т.В. Ермакова. – СПб.: Изд-во А. Голода, 2014. – С. 174–181.
- Хрисимов Н.** Вознесенский комплекс: Проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7: Хазарское время / Отв. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Донецкий ГУ, 2009. – С. 9–42.

M.K. Khabdulina

L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan)

THE SACRED CODE OF THE ANCIENT TURKIC SETTLEMENT OF BOZOK (CENTRAL KAZAKHSTAN)

The archaeological site “medieval settlement Bozok” was classified as a “fortified settlement” because of the defensive fortifications, clearly visible on the modern surface. In the process of large-scale research (1999–2015), structures of different times for funeral, memorial, residential and industrial purposes were discovered at the site. This complex multicomponent structure is characterized by overlapping, absorption of separate cultural and chronological layers. Bozok is located in the upper reaches of the Ishim River, on the southwestern outskirts of Nur-Sultan city. The total area of the site is 40 hectares. The date is 7th/8th–15th centuries. The main

purpose of Bozok began to manifest itself as it was studied, which arose in the early Middle Ages as a sanctuary, a cult center. The article presents the factors of choosing this place for an ancient Turkic cult center in the 7th–8th centuries, its long-term use in the 8th–9th centuries. The author gives a brief description of the architecture, structures, planning of the earliest buildings, which determined the sacred nature of the “settlement-sanctuary”. The researcher describes archaeological facts confirming the regularity of the ritual ceremonies held here. The place of Bozok is shown among the cult-ceremonial sites of medieval Eurasia.

Keywords: Central Kazakhstan, early Middle Ages, Bozok, large-scale archaeological investigations, multicomponent structure, “settlement-sanctuary”.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет (Россия)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЛТАЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»)

Монгольское время – кульминационный период в развитии обществ кочевников Центральной Азии. Объединения кочевников сыграли огромную роль в этнокультурных и социально-экономических процессах, происходивших тогда на обширных пространствах Евразии. К настоящему времени накоплен значительный объем сведений, демонстрирующих перипетии истории кочевников в XII–XIV вв. н.э. Важно, что в последние десятилетия значительно увеличился фонд археологических материалов монгольского времени, полученных в ходе исследований в различных частях центральноазиатского региона (см.: Табалдиев, 1996, с. 99–140; Тишкин и др., 2002; Николаев, 2004; Лхагвасурен, 2007; Монголын эртний булш оршуулга, 2016, т. 240–261; и др.). Вместе с тем остается открытым целый ряд вопросов, решение которых связано с проведением целенаправленных полевых исследований, а также комплексным изучением и интерпретацией имеющихся данных.

Одним из перспективных регионов является Алтай, который в развитом Средневековье являлся северной окраиной Монгольской империи. На сегодняшний день в результате полевых исследований археологов из различных научных центров выявлена и изучена небольшая серия памятников XII–XIV вв. н.э., главным образом захоронений. Сформирован определенный опыт интерпретации этих материалов, в основном связанный с анализом различных категорий предметного комплекса кочевников Алтая, выделением этапов культуры, характеристикой погребального обряда кочевников (см.: Ефремов, 2002; Тишкин, 2009; Серегин и др., 2018; и мн. др.). Существенным пробелом остается отсутствие опыта системного изучения социальной истории населения этого региона. Хотя это связано с ограниченным количеством раскопанных захоронений XII–XIV вв. н.э., тем не менее имеющиеся материалы позволяют сделать ряд частных наблюдений, а также представить заключения общего характера.

К настоящему времени на территории Алтая раскопаны 26 объектов, в материалах которых отражены разные стороны обрядовой практики кочевников в XII–XIV вв. н.э. (рис. 1). Картография памятников показывает, что некрополи кочевников монгольского времени исследованы в нескольких районах; они не концентрируются в одной области. Обращает на себя внимание полное отсутствие раскопанных захоронений в юго-западной части Алтая и «пустые» территории в центре. При этом очевидно, что такая локализация погребальных комплексов лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. Нет сомнений, что в ходе дальнейших полевых исследований, особенно при условии реализации целенаправленных работ, включающих поиск, фиксацию и раскопки объектов монгольского времени, количество погребений существенным образом увеличится, а имеющаяся картина локализации памятников будет скорректирована.

Проведенный анализ погребального обряда населения Алтая монгольского времени, результаты которого кратко представлены в отдельной статье (Серегин и др., 2018, с. 113–119), позволяет обозначить некоторые возможности социальной интерпретации отдельных характеристик локализации комплексов и их планиграфии, а также специфики выявленных сооружений и ритуала.

Погребения монгольского времени на территории Алтая в абсолютном большинстве случаев сооружены на площади уже существовавших погребально-поминальных комплексов. К этой группе объектов относятся впускные захоронения, совершенные в насыпях более раннего времени, а также погребения под курганной насыпью. Подобная ситуация зафиксирована на памятниках Ак-Алаха-I, Верх-Еланда-I, Кудыргэ, Межелик, Пазырык, Талдуаир-I, Усть-Бийке-III, Яконур. Отметим, что традиция сооружения захоронений на месте древних некрополей или в непосредственной близости от них в целом характерна

Рис. 1. Карта-схема распространения памятников монгольского времени на территории Алтая: 1 – Ак-Алаха-I; 2 – Бертек-20; 3 – Бий-Сёёги; 4 – Бичикту-Бом; 5 – Верх-Еланда-I; 6 – Кудыргэ; 7 – Кызыл-Болчок; 8 – Межелик; 9 – Пазырык; 10 – Талдуair-I; 11 – Тожон; 12 – Усть-Бийке-III; 13 – Элекмонар-II; 14 – Яконур

Fig. 1. Map-scheme of the distribution of the Mongolian Period sites in the territory of Altai: 1 – Ak-Alakha-I; 2 – Bertek-20; 3 – Bii-Syoyogi; 4 – Bichiktu-Bom; 5 – Verkh-Elanda-I; 6 – Kudyrgе; 7 – Kyzyl-Bolchok; 8 – Mezhelik; 9 – Pazyryk; 10 – Talduair-I; 11 – Tozhon; 12 – Ust-Biike-III; 13 – Elekmonar-II; 14 – Yakonu

для обрядовой практики населения развитого Средневековья и зафиксирована в ходе раскопок на обширных территориях центральноазиатского региона (Эрдэнэбат, 1998; Харинский, 2001, с. 76–78; Амартувшин и др., 2015, т. 278–311; и др.).

Возможности анализа планиграфии комплексов Алтая XII–XIV вв. н.э. ограничены отсутствием крупных некрополей данного периода. Вместе с тем по материалам одного из памятников выявлены некоторые закономерности социального характера. Так, захоронения монгольского времени, раскопанные на известном могильнике Кудыргэ, локализуются в пределах двух групп, расположенных на северном (мог. 14, 17) и южном (объекты 19–21) холмах урочища (Гаврилова, 1965, с. 44, табл. II). При этом «северные» погребения отличаются довольно представительным инвентарем (предметы вооружения, импортные изделия, украшения и др.), а «южные» включают ограниченный набор вещей. Вероятно, в данном случае планиграфия могил отражает существование двух родовых групп с различным статусом в социуме кочевников Алтая, представители которых хоронили умерших в максимально удаленных друг от друга частях некрополя.

Учитывая неоднократно отмеченные в литературе «требования», предъявляемые кочевниками монгольского времени к месту погребения (Николаев, 2004, с. 104–107; Тишкин, 2005, с. 318–319), можно предположить, что если захоронение совершено на месте уже существовавшего некрополя, то могильники более раннего времени соответствовали этим условиям. В противном случае кочевники сооружали одиночные объекты, расположенные в отдалении от других памятников. Примерами таких комплексов являются женское захоронение Бертек-20, скальное погребение Тожон, а также грунтовая могила Кызыл-Болчок (Кочев, 1983, с. 153; Молодин, Соловьев, 1994, с. 152–155; Серегин и др., 2018, с. 105–108). К этой группе следует также отнести одиночный курган Бий-Сёёги, однако с существенной поправкой на то, что в данном случае объект сооружен не в каком-либо укромном и малоприметном месте, а на вершине небольшой возвышенности, на открытой местности (Серегин и др., 2018, с. 109–111). Важно отметить, что практически все обозначенные объекты выделяются на общем фоне анализируемых памятников по ряду признаков, которые будут рассмотрены далее. Не исключено, что сооружение

погребений в особых местах, в отдалении от других некрополей было связано со стремлением средневекового населения продемонстрировать определенный статус умершего человека.

Наземные конструкции, возводимые кочевниками Алтая монгольского времени над погребениями, чаще всего представляли собой небольшие каменные насыпи, которые в большинстве случаев имели овальную форму. Такие сооружения малозаметны, что, вероятно, является одной из причин небольшого количества раскопанных объектов этого периода. С другой стороны, небольшие овальные конструкции можно считать характерным маркером погребений монгольского времени на обширных пространствах центральноазиатского региона. Подобные наземные сооружения зафиксированы при изучении некрополей XII–XIV вв., раскопанных на сопредельных территориях (Табалдиев, 1996, с. 100–101; Николаев, 2004, с. 107; Лхагвасурен, 2012, с. 394; и др.). На фоне таких небольших и, в целом, стандартизированных насыпей сильно выделяется отмеченный ранее одиночный курган Бий-Сёёги, имеющий 33,6 м в диаметре; также весьма глубокой (более 3 м) оказалась могильная яма (Серегин и др., 2018, с. 109).

Наряду с наиболее распространенными курганными объектами, на Алтае обнаружены грунтовые захоронения. К настоящему времени известны всего два таких комплекса монгольского времени, изученные на памятниках Бичикту-Бом и Кызыл-Болчок (Берс, Худяков, 1994, с. 64; Серегин и др., 2018, с. 105–108). В обоих случаях какие-либо наземные конструкции над захоронением отсутствовали. Вполне вероятно, незначительное количество грунтовых захоронений объясняется сложностью обнаружения таких объектов, не фиксируемых на поверхности, а сама традиция получила гораздо большее распространение в XII–XIV вв. н.э. Также нельзя исключать, что подобные комплексы являются подтверждением известных сведений письменных источников о «тайных» погребениях монголов, не предполагавших сооружения наземных конструкций (Карпини 1957, с. 32–33). Учитывая представительный инвентарь, зафиксированный в ходе раскопок комплексов Бичикту-Бом и Кызыл-Болчок, не исключено, что распространение подобных комплексов на Алтае также могло быть связано с традициями обрядовой практики определенной группы населения, имевшей высокий статус в обществе кочевников региона.

Отдельную группу объектов развитого Средневековья на Алтае составляют впускные захоронения. Погребения XII–XIV вв. н.э., совершенные в курганных насыпях более раннего времени, зафиксированы на памятниках Ак-Алаха-I, Верх-Еланда-I, Пазырык,

Талдуаир-I, Яконур. Чаще всего захоронения «впущены» в комплексы скифского периода, в одном случае использовано сооружение раннего Средневековья. Следует отметить, что данная традиция в целом характерна для памятников Центральной Азии XII–XIV вв. н.э. и зафиксирована на различных территориях (Могильников, 1981, с. 194). Судя по имеющимся материалам, подобные объекты сооружались населением Алтая и в более позднее время.

Как показал общий анализ впускных погребений, относящихся к различным периодам в истории Алтая, появление таких комплексов может объясняться рядом обстоятельств – нестабильность политической ситуации, низкий статус умершего, условия его смерти и др. В большинстве случаев впускные захоронения монгольского времени включали крайне ограниченный набор предметов, что косвенно указывает на социальный фактор наличия таких объектов.

Традиции обрядовой практики населения Алтая монгольского времени предполагали различные варианты оформления погребальной камеры. В большинстве случаев какие-либо сооружения отсутствовали или не выявлены в связи с их плохой сохранностью. При этом при раскопках серии могил выявлены колоды, которые в отдельных случаях сопровождалась дополнительными конструкциями. Примерами таких комбинаций являются помещение колоды в подбой (Берс, Худяков, 1994, с. 64), а также возведение вокруг нее пятиугольного сруба (Серегин и др., 2018, рис. 5-1). Кроме того, в некоторых захоронениях XII–XIV вв. н.э. зафиксировано наличие перекрытия, обкладки могилы, а также использование бересты (Гаврилова, 1965, с. 45; Тишкин, 2009, с. 178–179). Следует отметить, что различные деревянные конструкции характерны для погребальной практики населения центральноазиатского региона монгольского времени (Табалдиев, 1996, с. 103–104; Николаев, 2004, с. 116–120; Лхагвасурен, 2012, с. 394; Харинский и др., 2012, с. 472; и др.). В целом, подобные сооружения не являются показательными в изучении социальной истории кочевников.

Несмотря на то, что погребение в подбое обнаружено в единственном случае при раскопках памятников развитого Средневековья на Алтае, оно заслуживает специального рассмотрения. Известны сведения письменных источников о том, что в середине XIII в. н.э. для захоронения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу (Карпини, 1957, с. 32–33). На основании этих материалов некоторые исследователи относили погребения в подбое, раскопанные на различных территориях, к отличительным признакам обрядности монголов (Федоров-Давыдов, 1966,

с. 160; Именхоев, Коновалов, 1985, с. 83–84). В центральноазиатском регионе подобные объекты получили наибольшее распространение в XII–XIV вв. н.э. на территории Тянь-Шаня (Табалдиев, 1996, с. 104–105), а также известны в Западном Забайкалье (Именхоев, Коновалов, 1985, с. 83–84) и Монголии (Лхагвасурен, 2012, т. 394). Для кочевников Алтая данная традиция не характерна, хотя фиксируется начиная с раннего железного века. К примеру, в ходе раскопок некрополей тюрок раннего Средневековья в данном регионе выявлен всего один случай захоронения в подбое. Возвращаясь к рассмотрению объектов монгольского времени, отметим, что комплекс Бичикту-Бом, на котором исследована могила с боковой нишей, выделяется и рядом других признаков, а именно: отсутствием курганной насыпи и наличием в захоронении костей лошади (Берс, Худяков, 1994, с. 64). Учитывая представительный инвентарь, включавший многочисленные украшения и предметы импорта, погребенная женщина, очевидно, имела высокий статус в обществе номадов Алтая монгольского времени, что может являться основным объяснением специфики реализованного обряда. Данный факт косвенно подтверждается наблюдением Х. Лхагвасурена (2012, т. 394) о том, что все могилы с подбоем, исследованные в Монголии, заметно отличались «богатством» сопроводительного инвентаря.

По сравнению с достаточно высокой степенью вариативности наземных и внутримогильных конструкций, погребальный ритуал населения Алтая монгольского времени представляется весьма унифицированным. Наибольшей степенью «стандартизации» характеризуется такой признак, как способ захоронения. Все погребения, материалы раскопок которых позволили зафиксировать изначальную ситуацию, совершены по обряду ингумации, а умершие уложены на спине, в вытянутом положении.

Несколько большее разнообразие зафиксировано при изучении традиций ориентировки погребенных по сторонам света. В большинстве могил умершие были направлены головой на север. При этом в ряде захоронений отмечена западная ориентировка, а также «промежуточное» северо-западное направление, очевидно связанное с сезонными отклонениями в положении солнца. Таким образом, материалы раскопок погребений кочевников Алтая монгольского времени достаточно ясно позволяют зафиксировать существование двух традиций в реализации рассматриваемого показателя обрядовой практики. Похожая ситуация отмечена и на сопредельных территориях. Практически во всех частях центральноазиатского региона в захоронениях ко-

чевников XII–XIV вв. н.э. северная ориентировка умерших являлась преобладающей (Табалдиев, 1996, с. 106; Николаев, 2004, с. 121; Лхагвасурен, 2012, с. 394; Амартувшин и др., 2015, т. 278–311; и др.). При этом на отдельных некрополях выделяется направление погребенных головой на запад (Табалдиев, 1996, с. 106; Николаев, 2004, с. 121). На соседней территории лесостепного Алтая западная ориентировка является наиболее распространенной (Тишкин и др., 2002, с. 135–136). Эти факты позволяют рассматривать вопрос о неоднородности населения обширного региона в монгольское время и возможном взаимном влиянии конкретных групп номадов.

Общей характеристикой погребальной практики населения Алтая монгольского времени является отсутствие рядом с умершим сопроводительного захоронения лошади. По этому признаку традиции кочевников XII–XIV вв. н.э. существенно отличаются от обрядности номадов этого региона более ранних периодов. Единственным исключением среди объектов монгольского времени является комплекс Бичикту-Бом, в котором зафиксированы кости коня, что, по мнению Ю.С. Худякова, могло являться свидетельством наличия в могиле шкуры животного (Берс, Худяков, 1994, с. 65). Не исключено, что данный элемент обряда демонстрирует контакты населения горной части Алтая с более северными территориями, где в синхронных комплексах зафиксированы случаи реализации подобной традиции (Тишкин и др., 2002, с. 136; Зинченко, 2013). Вместе с тем этнокультурная интерпретация средневековых захоронений со шкурой коня, раскопанных в различных частях Северной и Центральной Азии, остается дискуссионной – такие комплексы рассматриваются как тюркские, уйгурские, кыпчакские, огузские, кимакские и др.

Нет сомнений в том, что наиболее значимым показателем погребального обряда, позволяющим рассматривать различные аспекты социальной интерпретации материалов раскопок комплексов Алтая монгольского времени, является состав сопроводительного инвентаря. Анализ выявленных наборов вещей, а также корреляция полученных данных с немногочисленными антропологическими определениями позволяют выделить изделия, демонстрирующие гендерную дифференциацию населения региона, а также находившихся в могилах лиц обоих полов.

Несмотря на отсутствие останков коней в погребениях, очевидно, что лошадь имела большое значение в обрядовой практике населения Алтая монгольского времени. Об этом свидетельствует не только существование традиции создания отдельных

захоронений животных (Нестеров, Милотин, 1995, с. 163–164, рис. 8; 9; Серегин и др., 2018), но также стабильное присутствие предметов конского снаряжения в захоронениях XII–XIV вв. н.э. Удила и пса-лии, стремена, части седла, пряжки, а также другие изделия, связанные с амуницией верхового коня, зафиксированы как в мужских, так и в женских погребениях. К другим предметам, не имевшим гендерной нагрузки, относятся некоторые орудия труда, элементы одежды, серьги и др.

Основным показателем мужских погребений населения Алтая монгольского времени выступали предметы вооружения. Наиболее частыми находками является оружие дистанционного боя – лук и стрелы. В нескольких могилах сохранились элементы колчана. Довольно редко встречены боевые ножи, очевидно выступавшие показателем высокого положения умершего в воинской иерархии.

Судя по имеющимся материалам, атрибутом женских могил XII–XIV вв. н.э. являлись главным образом различные украшения. Наиболее показательные находки данной категории обнаружены в комплексах Кудыргэ, Яконур и Бичикту-Бом. Кроме того, маркером женских погребений выступали металлические зеркала. Обозначенные находки представляли собой предметы импорта на Алтай и, очевидно, являлись важным показателем прижизненного статуса умерших женщин.

Несмотря на немногочисленность раскопанных объектов, материалы погребений свидетельствуют о довольно высоком уровне социальной дифференциации населения Алтая монгольского времени. Выделяются и погребения местной элиты, в целом демонстрирующие периферийный характер обще-

ства данного региона: с известной долей условности к ним могут быть отнесены ограбленное захоронение Бий-Сёёги, а также комплекс Бичикту-Бом (Берс, Худяков, 1994; Серегин и др., 2018, с. 109–111). Очевидно, высокое положение в социуме занимали профессиональные воины, командовавшие подразделениями различного уровня, и члены их семей (Гаврилова, 1965, с. 44–45; Кочеев, 1983; Молодин, Соловьев, 1994; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 49–53; Серегин и др., 2018, с. 105–108). Основу общества составляли рядовые кочевники, среди которых также наблюдаются различия (Грязнов, 1940; Гаврилова, 1965, с. 45; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 70–73; и др.). Имеющиеся материалы раскопок археологических комплексов позволяют выделить небольшую серию комплексов, предположительно связанных с группой обедневших скотоводов. Отличительной особенностью этих объектов является весьма ограниченный состав сопроводительного инвентаря, не включавшего «престижных» изделий, а часть таких захоронений были впускными.

Общественное устройство номадов Алтая монгольского времени, безусловно, было гораздо более сложным по сравнению с представленной схематичной картиной. Здесь следует также учитывать этнокультурную неоднородность населения региона в XII–XIV вв. н.э., лишь отчасти получившую отражение в материалах раскопок погребальных комплексов. Появление новых материалов, а также сопоставление результатов археологических исследований со сведениями письменных источников позволяют вернуться к анализу социальной истории кочевников на окраине Монгольской империи на новом уровне.

Список литературы

- Амартувшин Ч., Батболд Н., Эрэгзэг Г., Батдалай Б.** Чандмань Хар уулын археологийн дурсгал. – Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Туух, 2015. – 347 т. (на монг. яз.).
- Берс Е.М., Худяков Ю.С.** Погребение у с. Бичикту-Бом // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. – С. 63–71.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
- Грязнов М.П.** Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: Изд-во ГЭ, 1940. – Вып. I. – С. 17–21.
- Ефремов С.А.** Погребальных обряд алтайских племен в XI–XIV вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5. – С. 99–109.
- Зинченко А.С.** Обряд погребения «шкуры лошади» по материалам кургана 1 (XIII–XIV века) Басандайского

могильника (Томское Приобье) // АЭАЕ. – 2013. – № 4. – С. 134–145.

- Именхоев Н.В., Коновалов П.Б.** К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи / Отв. ред. П.Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 69–86.
- Карпини Джиованни дель Плано.** История монгалов / Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Ред., вступ. ст. и примеч. Н.П. Шатиной. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с.
- Кочеев В.А.** Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / Отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 153–162.
- Лхагвасурен Х.** Монголын археологи (Чингэс хааны үе). – Улаанбаатар: Чингэс хаан дээд сургуулийн, 2007. – 681 т. (на монг. яз.).
- Лхагвасурен Х.** История изучения средневековых (XII–XIV вв.) погребальных комплексов в Монголии //

- Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 392–395.
- Могильников В.А.** Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII – XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1981. – С. 194–200. (Археология СССР).
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Позднее средневековье // Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 152–156.
- Монголын** эртний булш оршуулга. – Улаанбаатар: Монголу улсын шинжлэх ухааны академи, 2016. – 287 т. (на монг. яз.)
- Нестеров С.П., Милютин К.И.** Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А.М. Илюшин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 156–177.
- Николаев В.С.** Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. – Владивосток; Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.
- Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Марсадолов Л.С.** Впускное захоронение монгольского времени из комплекса Пазырык (по материалам раскопок С.С. Сорокина в 1967 г.) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2018. – № 3. – С. 96–107.
- Серегин Н.Н., Константинов Н.А., Эбель А.В.** Погребальный обряд населения Алтая в монгольское время: новые материалы, итоги и перспективы исследований // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 4. – С. 102–129.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Тишкин А.А.** Материалы к изучению социогенеза населения Горного Алтая монгольского времени // Социогенез в Северной Азии: Мат-лы Всерос. научн. конф. с междунар. участием (Иркутск, 21–25 мая 2005 г.) / Отв. ред. А.В. Харинский. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С. 317–322.
- Тишкин А.А.** Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. – 200 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 276 с.
- Харинский А.В.** Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 238 с.
- Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н., Номоконов А.А., Литвинцев А.Ю.** Могильник Окошки в Юго-Восточном Забайкалье: структурные особенности // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монгольского гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 392–395.
- Эрдэнэбат У.** Эгийн голын савд малтсан монгол булшны тухайд // Археологийн суудлал. – 1998. – Т. XVIII. – Т. 135–152. (на монг. яз.)

N.N. Seregin

Altai State University (Russia)

THE MAIN ASPECTS OF THE SOCIAL INTERPRETATION OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF ALTAI DATED BY THE MONGOLIAN PERIOD

The article presents the results of the social interpretation of materials of burial sites in Altai dated by the Mongolian period. The analysis of information about 26 objects demonstrated different aspects of the ritual practice of nomads of the region in the 12th–14th centuries AD. It is concluded that the known burials demonstrate a rather high level of social differentiation of the Altai population during the Mongolian period. The burials of the local elite, which generally demonstrate the peripheral

nature of the society in this region, are highlighted. A high position in the society was held by professional warriors who commanded units of various levels, and members of their families. The basis of the society was made up of ordinary nomads, and within this stratum, differentiation is also observed. The available materials of archaeological complexes make it possible to single out a small series of complexes, presumably associated with a group of impoverished pastoralists.

KEYWORDS: *Altai, Mongolian period, burials, ritual practice, social interpretation.*

А.У. Урбушев^{1, 2}, Н.А. Константинов¹

¹ Горно-Алтайский государственный университет (Россия)

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия)

ИЗОБРАЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЖИЛИЩ НА ПАМЯТНИКЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ДЯЛБАК (ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

Работа подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФ № 20-78-00035

Памятники наскального искусства – один из важных источников для реконструкции мировоззренческой и бытовой сторон жизнедеятельности населения тюркского времени Алтая. По сравнению с находками предметов торевтики, гравировками на костяных изделиях и другими материалами этого периода, на которых запечатлены различные художественные образы, петроглифы имеют количественное преимущество, а также значительное разнообразие изображительных форм, сцен и сюжетов. В них нашли отражение сюжеты эпитафийной лирики и эпические произведения раннесредневековых торков.

Одним из привлекательных памятников для изучения наскального искусства раннего Средневековья являются петроглифы Дялбака, которые располагаются на плоскостях южного склона одноименной горы на северной окраине с. Балыктуоль Улаганского р-на Республики Алтай (рис. 1–3). Петроглифы Дялбака впервые обнаружены в 1979 г. членом Курайской геологической партии В. Бутвиловским. В 1981 г. местонахождение исследовалось археологом А.С. Васютиным (Васютин, 1983; Кубарев В., Маточкин, 1992, с. 58). С 2017 г. памятник изучается авторами, результаты введены в научный оборот (Константинов и др., 2020). В настоящей работе мы рассмотрим редкие изображения жилищ, зафиксированные на памятнике.

Описание

Наскальные плоскости памятника Дялбак находятся практически на одном уровне с поверхностью склона горы. Поверхности с изображениями покрыты множеством трещин отрыва и скола, небольшими кавернами и повреждениями, появившимся в результате механического воздействия на эти плоскости. Наблюдаются также крупные колонии накипной лишенофлоры, а из трещин произрастают другие литофиты.

На памятнике зафиксировано множество сцен и отдельных фигур, типичных для раннесредневековой тюркской изобразительной традиции. Особый интерес представляют гравированные изображения двух сооружений – юрт. Нет сомнений в определении

Рис. 1. Местонахождение петроглифов Дялбака, Алтай

Fig. 1. Location of Dyalbak petroglyphs, Altai

нанесенных на скалы конструкций как юрт, несмотря на то что они гравированы в немного схематичной манере, что также присуще тюркскому стилю (Кубарев, 2011, с. 54). Общие формы фигур, обозначенный пол и округлый выступ в верхней части, изображающий дымоходное отверстие, ясно указывают, что это именно юрта. В изобразительном искусстве раннего Средневековья жилища встречаются относительно редко, а предметом отдельного рассмотрения выступали единично (Деревянко и др., 2008, с. 21, рис. 5, табл. 61; Кубарев Г., 2003; Мухарева, Советова, 2012, с. 73–74; Хороших, 1951, рис. 8-5; Худяков и др., 1997, рис. 2-2; Sher et al., 1994, fig. 121.1) (рис. 4).

Первое изображение юрты находится на горизонтальной плоскости 1 камня 1 в западной части памятника (рис. 2). В верхней части плоскости выгравирована сцена охоты, в которой лучник с натянутой тетивой готовится поразить горного козла. Над левой

Рис. 2. Дялбак. Петроглифы с изображением жилища на камне 1, плоскости 1

Fig. 2. Dyalbak. Petroglyphs with the image of a dwelling on a stone 1, plane 1

рукой охотника изображена подпятиугольная юрта, стены и крыша которой показаны двойной линией, а низ – одной. В верхней части, судя по всему, имеется дымоходное отверстие в виде округлого выступа.

Второе изображение юрты нанесено на горизонтальную плоскость 2 того же скального выхода (**рис. 3**). Чуть выше лучника выгравировано изображение юрты, имеющей треугольную форму. Фигура заполнена наклонными линиями, большая часть которых проходит вдоль длинных сторон сооружения и сходится вверху. Заполнение юрты на наскальных плоскостях наклонными линиями встречается на памятнике Яаншан в Северном Китае (Деревянко и др., 2008, табл. 61) (**рис. 4-6**). Дымоходное отверстие юрты представлено таким же образом, как и на предыдущем изображении, – в виде округлого выступа. Обращает внимание среди этой композиции незавершенное изображение крупной фигуры лошади, которая выгравирована прямо поверх всех вышеописанных фигур.

Семантика

Помимо описанных жилищ и фигур рядом с ними на плоскости имеется множество других изображений, располагающихся близко друг к другу и образующих несколько батальных и охотничьих сцен (**рис. 3**). Вероятно, все представленные сцены

на одной плоскости являются некой иллюстрацией одного сюжета раннесредневекового героического эпоса про отдельную личность или группу лиц.

В эпитафийной лирике тюрков раннего Средневековья наряду с перечислениями боевых заслуг героя часто выражается сожаление о том, что при жизни этот герой не успел «удовлетвориться», «насладиться» жизнью со своими детьми, любимой женой и приятелями и умер («отделился») на чужбине. Нередко при выражении таких сожалений упоминается о нахождении «супруг», «принцесс» и «сыновей» в «теремах», где они остались (Малов, 1952, с. 17, 22, 23, 26, 39, 41, 42, 57, 64, 93). Очевидно, под «теремами» имеются в виду традиционные жилища тюрков – юрты. Их символическое значение помимо буквального обозначения жилища может означать еще и дом, семейную идиллию и обычную счастливую жизнь человека, чего служивый воин был лишен. К примеру, в одной из эпитафий герой горюет из-за расставания со своими тремя сыновьями и желает им мужаться (Там же, с. 31), вероятно приняв тот факт, что не увидит их взросления.

Сцены на плоскости 2 камня 1 можно рассматривать как последовательно сменяющиеся сцены одного сюжета, в котором воин участвовал в различных битвах, поразил своей метко выпущенной стрелой горных козлов и одолел могучих волков, но всегда

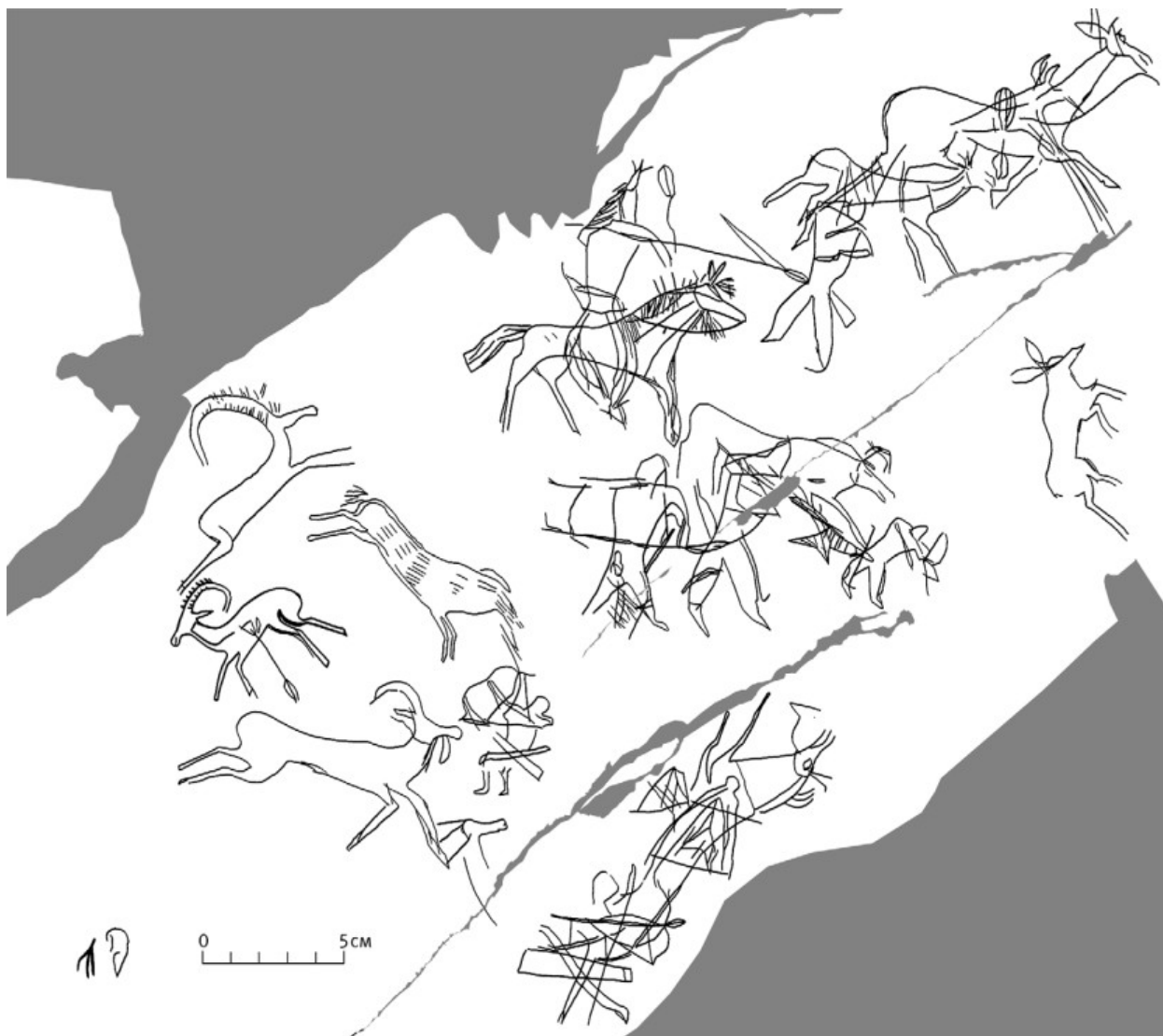

Рис. 3. Дялбак. Петроглифы с изображением жилища на камне 1, плоскости 2

Fig. 3. Dyalbak. Petroglyphs with the image of a dwelling on a stone 1, plane 2

думает вернуться домой, выпустив на волю верного боевого коня и сложив лук и стрелы. Неслучайно также изображение колчана и налучья рядом с фигурой человека, который стоит у юрты. Этот символический образ сложенной амуниции дальнего боя может свидетельствовать о миролюбивых намерениях, обыденной обстановке вокруг (Кубарев, 2003, с. 244) или о желании мирной и спокойной жизни. Обретение лошадьё вольности может демонстрировать ее изображение с изящно вытянутыми вперед передними ногами, показывающее ее скачущей в галопе со свободным чумбуром, который обозначен ломаной линией, тянущейся из-под морды.

Подобные сцены антитезности и противопоставления батальной сцены с мирной обстановкой в юрте выгравированы на костяных пластинах из погребения кург. 54 могильника Сутуу-Булак I, датированного

VII–VIII вв. н.э. На одной из пластин изображено противостояние двух групп воинов, на другой – «семейная идиллия», в которой мужчина и женщина располагаются в некоем пространстве, по внешним конструктивным особенностям схожем с юртой (Худяков и др., 1997, рис. 2) (рис. 4-5). Возможно, художественный замысел рисунков состоял в иллюстрации эпитафии, в котором говорится о подвигах, свершенных павшим воином-героем, и о его сожалениях, что не успел «насладиться» жизнью с любимой супругой в юрте, которая символизировала дом – но дом не как жилище, а как место спокойной и размеренной жизни (Там же, с. 146).

При отдельном рассмотрении жилища на плоскости 2 как источника для реконструкции конструктивных особенностей юрт тюркской эпохи обращает на себя внимание наличие наклонных линий, кото-

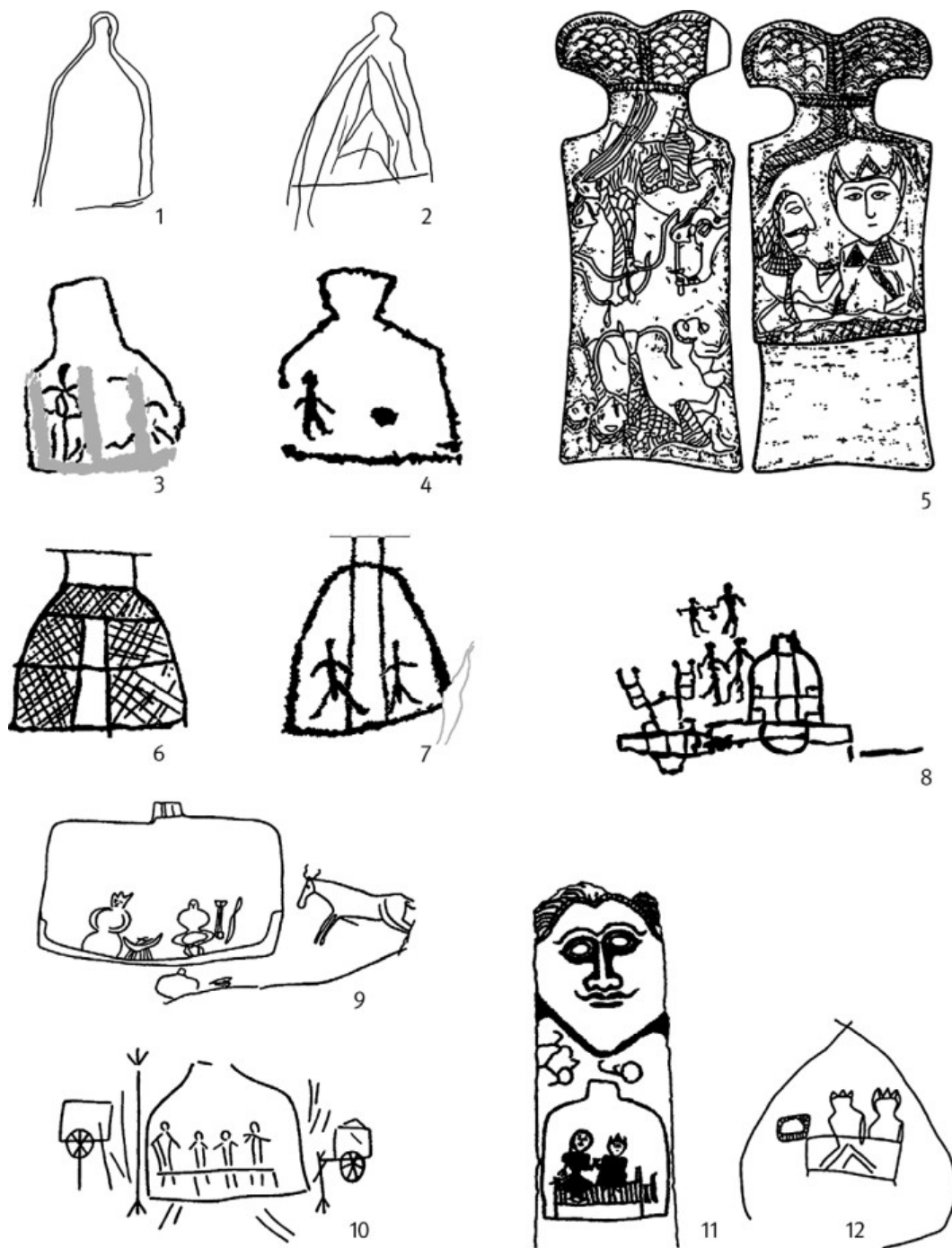

Рис. 4. Изображения жилищ: 1, 2 – Дялбак, Алтай; 3 – Большой Улаз, Красноярский край (по: Мухарева, Советова, 2012, рис. 7); 4 – Оглахты-1, Хакасия (по: Sher et al., 1994, fig. 121.1); 5 – Сутуу-Булак, Кыргызстан (по: Худяков и др., 1997, рис. 2); 6 – Яаншан, Китай (по: Деревянко и др., 2008, табл. 61); 7 – Сауыскандык, Казахстан (по: Самашев, 2006, с. 126; Мухарева, Советова, 2012, рис. 8-3); 8 – Баянлиг Хад, Монголия (по: Деревянко и др., 2008, рис. 5); 9 – Бичикту-Бом, Алтай (по: Кубарев Г., 2003, рис. 1-1); 10 – Манхай, Забайкалье (по: Хороших, 1951, рис. 8-5); 11 – Когалы, Казахстан (по: Рогожинский, 2010, рис. 8-1); 12 – Сулекская писаница, Хакасия (по: Кызласов, 1998, рис. 5)

Fig. 4. Images of dwellings: 1, 2 – Dyalbak, Altai; 3 – Bolshoi Ulaz, the Krasnoyarsk Region (after Мухарева, Советова, 2012, рис. 7); 4 – Oglakhty-1, Khakassia (after Sher et al., 1994, fig. 121.1); 5 – Sutu-Bulak, Kyrgyzstan (after Худяков и др., 1997, рис. 2); 6 – Yaanshan, China (after Деревянко и др., 2008, табл. 61); 7 – Sauyskandyk, Kazakhstan (after Самашев, 2006, с. 126; Мухарева, Советова, 2012, рис. 8-3); 8 – Bayanlig Khad, Mongolia (after Деревянко и др., 2008, рис. 5); 9 – Bichiktu-Bom, Altai (after Кубарев Г., 2003, рис. 1-1); 10 – Mankhai, Transbaikalia (after Хороших, 1951, рис. 8-5); 11 – Kogaly, Kazakhstan (after Рогожинский, 2010, рис. 8-1); 12 – Sulek petroglyph site, Khakassia (after Кызласов, 1998, рис. 5)

рыми заполнено изображение. Вполне вероятно, что эти линии могут являться жердями или досками, использовавшимися для придавливания покрытия остова жилища. Такие особенности в конструкциях имеются на некоторых изображениях юрт на памятнике Большая Боярская писаница в бассейне Среднего Енисея. Датируются изображения приблизительно II в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. Юрты с подобной конструкцией использовались хакасами вплоть до современности (Дэвлет, 1976, с. 9–10, табл. 6; 7). Единственное отличие конструкций для придавливания покрытия на гравировках жилищ Дялбака от Боярских в том, что на последних жерди зачастую показывались с «циркульными развилками» на крыше. Отсутствие «развилки» на фигуре юрты Дялбака можно объяснить нахождением крупного дымоходного отверстия в этом месте, что мешало гравированию этих «развилочек».

В сцене на плоскости 1 камня 1 помимо фигур лучника и жилища имеются фигуры двух зверей (кабан и олень), которые изображены чуть ниже человека и немного больших размеров, чем это обычно представляется при сравнении, например, с первым козлом, который по габаритам схож с кабаном. Следует отметить, что изображение юрты имеет непропорционально меньшие размеры по отношению к другим фигурам сцены. С большой долей вероятности такие соотношения фигур и предметов показывают, что у художника было представление о перспективе. То есть на переднем плане перед нами предстают фигуры кабана и оленя, на среднем – сцена охоты, а задний план занимает юрта, возможно обозначающая жилище охотника или являющаяся неким ориентиром происходящего на плоскости действия.

Содержание данной сцены можно рассматривать как пример того, какой жизнью хотел бы жить воин вне боевого поприща: охотиться, добывать пищу для дома, который как раз находится вдали. Вероятно, изображение юрты в сцене символизирует «дом», обыденную жизнь героев эпиграфической лирики или эпических произведений раннесредневекового тюркского мира. Нахождение подобных фигур в од-

ной композиции могло вызывать определенные образы из упомянутых произведений или фольклора в целом, т.к. у каждого народа существует «культурный код», понятный представителям определенной историко-культурной общности.

Заключение

Таким образом, образ жилища – юрты – мог служить неким символическим знаком в изобразительном искусстве тюрков раннего Средневековья. Это мог быть символ «дома», в котором осталась семья воина, когда он несет службу, участвуя в боевых действиях на чужбине среди «чужого народа» (Малов, 1952, с. 42). Он также мог служить символом «жизни», которой воин хотел насладиться, вместо того чтобы быть «отделенным» от нее, – неслучайно рядом с изображениями юрт или в них часто показаны снятые колчан и налучье вместе со стрелковым поясом, символизирующие обыденность (Кубарев, 2003, рис. 1), пары и группы человеческих фигур, скорее всего обозначающие супругов и семью (Деревянко и др., 2008, рис. 5; Кубарев, 2003, рис. 1; Худяков и др., 1997, рис. 2; Мухарева, Советова, 2012, рис. 7; Самашев, 2006, с. 126; Хороших, 1951, рис. 8-5; Рогожинский, 2010, рис. 8-1; Кызласов, 1998, рис. 5) (рис. 4-3, 4-5, 4-7–4-12).

Анализ изображений раннесредневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак подтверждает ряд сделанных ранее исследователями выводов, а также позволяет по-новому взглянуть на эти образы в изобразительном искусстве данного периода в целом. Помимо предположений о символическом содержании гравировок юрт, памятник Дялбак является источником сведений о жилищах, которые использовались в тюркское время. Ведь до наших дней не сохранились остатки подобных конструкций того периода вследствие недолговечности органических материалов, использовавшихся при их строительстве. Дальнейшее изучение жилищных конструкций вместе другими сценами на той же плоскости Дялбака расширит наши представления о повседневной жизни и мировоззрении раннесредневекового населения Восточного Алтая.

Список литературы

- Васютин А.С.** Исследования древнетюркских оградок в горном Алтае // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 192.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П.** Святилище с наскальными рисунками Баянлиг Хад в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 224 с.
- Дэвлет М.А.** Большая Боярская писаница. – М.: Наука, 1976. – 36 с.

Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У.

Гравировки на склоне горы Дялбак в Восточном Алтае // АЭАЕ. – 2020. – Т. 48, № 3. – С. 59–69. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.3.059-069.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 124 с.

Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в древности и в Средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня

- рожд. М.П. Грязнова / Отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. – Кн. II. – С. 242–246.
- Кубарев Г.В.** Гравировки на плитах из раннетюркских оградок в урочище Ак-Кообы на Алтае // Наскальное искусство в современном обществе (К 290-летию научного открытия Томской писаницы): Мат-лы Междунар. науч. конф. 22–26 августа 2011 г., Кемерово / Сост.: Е.Н. Ермоленко и др. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 54–59. (Труды САИПИ. – Вып. VIII, т. 2).
- Кызласов И.Л.** Изображение Тенгри и Умай на Сулесской писанице // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 39–53.
- Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Мухарева А. Н., Советова О. С.** О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред.: О.С. Советова, Г.Г. Король. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 67–75. (Труды САИПИ. – Вып. IX).
- Рогожинский А.Е.** Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: Сб. материалов Междунар. науч. конф.; Науч. чтения памяти Н.Э. Масанова / Ред.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 329–344.
- Самашев З.** Петроглифы Казахстана. – Алматы: Онер, 2006. – 200 с.
- Хороших П.П.** Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 191–195.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С.** Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142–148.
- Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D.** Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. No. 1: Sibirie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. – 156 p.

A.U. Urbushev^{1,2}, N.A. Konstantinov¹

¹*Gorno-Altai State University (Russia)*

²*Kazan Federal University (Russia)*

IMAGES OF MEDIEVAL DWELLINGS ON DYALBAK ROCK ART SITE (EASTERN ALTAI)

Dyalbak rock art site contains rare engraved images of dwellings – yurts. The engravings date back to the Turkic period of the Early Middle Ages. The analysis of these dwellings in complex with other images, scenes on the one rock plates shows new Turkic ideological aspect which illustrates some epitaph and epic works. Mention-

ing about dwellings is found in many parts in that works. Besides that, engraved images of yurts are an informative source for the reconstruction of Turkic dwellings as no one real dwelling has been preserved to the present day because of fragility of organic materials which were used at construction.

KEYWORDS: *Eastern Altai, Early Middle Ages, Dyalbak rock art site, engraved images, dwelling (yurt).*

Э.Р. Усманова¹, М.Б. Кожа², К. Ускенбай³, Г.А. Ахатов⁴, Д.А. Джумабеков¹

¹ Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан)

² Международный Казахско-Турецкий университет им. Ходжа Ахмеда Ясави (Казахстан)

³ Институт гуманитарных исследований АБДИ (Казахстан)

⁴ Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (Казахстан)

К ВОПРОСУ О ТАЙНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ В УЛЫТАУ

Культура похорон в империи Чингисхана

В погребальном обряде Монгольской империи существовал феномен тайных погребений, описанный в письменных источниках XIII–XIV вв. европейского, китайского, арабского и персидского происхождения. В них сообщается о погребениях монгольского нобилитета и заповедных родовых территориях, на которых хоронились чингизиды и каганы (*курук* – тюркское обозначение, *хориг* – монгольское) (Бартольд, 1966, с. 383–384; Дробышев, 2005, с. 121). Захоронения простых кочевников оставались почти вне интересов современников монгольских завоеваний. Главным образом обращалось внимание на похороны лидеров монголосферы. Тайнство погребения было призвано препятствовать намеренному проникновению, способствовать сохранению магической силы и сакральной энергии умершего правителя, аристократа, военного лидера (Дробышев, 2005, с. 120–121).

Обязательным правилом было соблюдение социальной иерархии, обусловленной общественной значимостью чингизидов, каганов, военных лидеров, наделенных политической и сакральной властью по воле Вечного Неба (Там же, с. 119). В письменных сообщениях миссионеров-францисканцев (1245–1247 гг.) есть описание погребений «менее важных лиц», «более важных лиц» и говорится о двух некрополях на территории Монголии, где хоронили членов императорской семьи и ханов. Определяются три группы статусных погребений: захоронения «младших офицеров», захоронения «старших офицеров» и ханские захоронения (Юрченко, 2007, с. 162–169).

На основе анализа другого корпуса нарратива была предложена четырехчленная градация погребальных обрядов средневековых монголов «сообразно их сану»: погребение; погребения представителей знати из рода Чингисхана; погребения представителей знати не из рода Чингисхана; погребения рядовых кочевников (Рыкин, 2010, с. 263–264).

Основные элементы имперского погребального обряда распределены по следующим позициям ритуала:

- отсутствие насыпных курганов;
- во избежание осквернения могилы, которое лишает потомков силы предков, для секретности место захоронения вытаптывалось лошадьми;
- создание ложной могилы для отвода врагов и злых духов;
- захоронение знатных умерших на местах их рождения, на охраняемой родовой территории, рядом с горой;
- к концу XIII в. появляются курганные захоронения на занятой территории, которая монголами стала считаться своей, а значит, охраняемой;
- погребение в грунтовой яме, в гробу, в колоде, использование войлока;
- наличие погребального инвентаря в зависимости от статуса умершего: оружие, изделия из золота и серебра, роскошные одежды, необходимые вещи;
- захоронение боевого коня с седлом;
- поедание мяса жертвенного коня, выставление его чучела отдельно от захоронения;
- захоронение рабов, слуг и особ женского пола (невольницы/жены/девушки)

(Рыкин, 2010, с. 272–275; Дробышев, 2005).

Обрядовый паттерн мог дополняться в зависимости от ситуации проведения ритуала согласно элементам погребального кода: «...погребения разных категорий умерших различались главным образом богатством погребального инвентаря, наличием/отсутствием сопогребений жен, наложниц и рабов, разным количеством чучел лошадей на могиле и некоторыми другими признаками» (Рыкин, 2010, с. 264). Особым статусом при погребении пользовались представители «золотого рода» борджигинов, к которому относился Чингисхан и его потомки (Султанов 2001, с. 24, 66).

Культура захоронения в Монгольской империи и в ее наследнице Золотой Орде представляется более вариативной по археологическим источникам, чем по письменным. Археологические данные существенно

корректируют письменные описания погребальных обрядовых установок по отношению к умершему, расширяя круг знаний об имперской концепции смерти, бытовавшей в Золотой Орде (Мыськов, 2015).

Небольшое отступление относительно этнической и социально-политической принадлежности «граждан и жителей» Монгольской империи. В задачу настоящей статьи не входит анализ понятия монгол как политонима и этнонима. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых групп. «Монголами» становились все, кто обрел свое место в новой иерархии власти. Это явление было описано Рашид ад-дином: «В настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, керейтам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище, – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» (цит. по: Рыкин, 2002, с. 69).

При этом обозначение *mongyol* употребляется в китайской документации XII в. по поддержанию отношений с монголами при помощи двух управлений (северо-восточное и юго-западное), «...значит, объектами реальной внешнеполитической практики были две Монголии» (Скрынникова, 2013, с. 115).

Следует учитывать синкретический характер погребального обряда, который мог сочетать в себе черты этнического и политического самосознания разнородного человеческого конгломерата монголосферы в поведенческом стереотипе ритуалов. Следует добавить и отражение религиозной характеристики умершего в обрядовой форме. Археологически по внешним признакам не всегда можно разделить погребальный обряд на монгольский или тюркский этнический вариант и обозначить религиозную принадлежность умершего без наличия предметов культового содержания.

Иными словами, предметный ряд погребального обряда лишь относительно позволяет установить тождество умершего «гражданина» Монгольской империи с его этническим и религиозным прижизненным состоянием. Основопологающим является главный показатель погребального обряда ввиду его базового значения в концепции смерти монгольского менталитета – социальное положение, созданное под властью Вечного Неба.

После распада Монгольской империи на отдельные улусы знаковые обрядовые и культовые скрепы сохранились в погребальной культуре наследной Золотой Орды. Паттерн погребального обряда, сое-

динив в себе тюркскую культуру погребения и монгольскую, приобрел ряд новых элементов, свойственных ритуалам поликонфессионального мультикультурного государственного образования Улуса Джучи.

Историческая территория Улытау

Улытау (Карагандинская и Костанайская области Республики Казахстан) – это невысокие горы, географический центр Казахстана и один из пунктов евразийского степного коридора. Почитание гор у казахов, тувинцев, турков, хакасов проявляется в сохранившихся названиях казахского Улытау (1133 м), тувинского Улугдаг, турецкого Улудаг (2543 м), хакаского Улутаг (895 м). В Хакасии зафиксировано 17 одноименных гор с названием «Улутаг». Древнетюркское слово «улуг» имеет значение «"большой, старший, великий, сильный, громкий, высокий" <...>; производное от него – "улугла" означает "почитать", "возвеличивать"...». Улытау можно перевести как «почитаемые горы». В современном казахском языке улы означает «великий», «старший» (по: Семби, 2014, с. 428–429).

Знаковый смысл топонима Улытау встречается в русских летописях при описании походов хана Золотой Орды Токтамышша. В них упоминается восточная граница его владений – Оуруктагъ. По всей видимости, это искаженное имя Уруктаг. «Первое слово в этом названии – "урук" – у монголов и тюрков означало "поколение, родня, род, племя" <...> Второе слово "таг" – гора. <...> Один из вариантов русского перевода географического названия Уруктаг ~ Уруктаг – "Родовая гора"» (Григорьев и др., 2004, с. 8–11).

Итак, смысловое значение топонима Улытау – это «почитаемая, великая родовая гора».

В Улытау насчитывается десятки средневековых памятников, среди которых мавзолеи, некрополи, городища времени Золотой Орды (XIII–XV вв.). Самый известный из них – мавзолей Джучи-хан (по-казахски Жошы-хан), который народная традиция связывает с именем старшего сына Чингисхана (Хорош, 2009). Мавзолей и исследованное рядом с ним поселение типа ставки-орды вместе отождествляются с городом Орда-Базар, ставкой Бату-хана, позже – ставкой Орда-Еджена и его потомков, в XV в. – ставкой основателя государства кочевых узбеков хана Абулхайра (Смаилов, 1997, с. 16–21, 40).

Монгольская элита во время военной экспансии в Центральную Азию ввела в обрядовую жизнь местных племен один из главных элементов своей ритуальной жизни культ «родовой горы», который имел отношение к архетипу Мировая гора, известного в традиции разных народов, в т.ч. и тюрков (Абаева,

1992). Нахождение в одном месте золотоордынских мавзолеев и городищ, символика топонима Улытау явились основанием для появления гипотезы о местонахождении одного из куруков – родовой территории джучидов в Улытау (Смаилов и др., 1998, с. 34).

В конце XIII – начале XIV в. Джучи-хан и джучидские кланы владели Дешт-и-Кыпчаком от Эмбы до Иртыша и от Южной Сибири до низовий Сыр-Дарьи. О местных потомках Джучи ордучидах известно мало. Орду имел полевую ставку на Иртыше и в Дешт-и-Кыпчаке, как и его отец Джучи. Территория Сарыарки и Улытау входили во владения ордучидов, где они, по описаниям Рашид ад-Дина и Анонима Искандера, при внешней демонстрации вассалитета по отношению к ханам Сарая, проводили вполне самостоятельную и независимую политику (Тизенгаузен, 1941, с. 41–42, 130).

Погребения воинов-джучидов

Археологические раскопки в Улытау позволили выявить другую, отличную от мавзолеев, категорию захоронений Улуса Джучи: могильники Карасуыр (UTM 42N 304281 5246352) и Сарыадыр (UTM 42N 326138 5457960) (рис. 1–6).

Могильник Карасуыр. На его площади выявлено около 20 каменных выкладок с невысокими обелисками из черного кварцита. Погребальные сооружения располагались по южным склонам сопки Карасуыр, находясь в глубоких ложбинах (рис. 1; 2). Четыре раскопанных погребения могильника Карасуыр были изучены на междисциплинарном уровне (Усманова и др., 2018).

Погребения ориентированы в северном направлении. Инвентарь: наконечники стрел, фрагменты

ламеллярного доспеха, колчаны, кресала, ножи, накладки на лук и другая воинская атрибутика. Имеются артефакты ритуального характера: гадальные кости (лопатка и астрагалы овцы); колокольчик (предварительная атрибуция); плита с изображением буддистского бурхана (?); жертвенные приношения животных (вертикально вкопанная кость ноги; тазовая часть овцы).

Датировка погребений установлена радиоуглеродным анализом: календарный возраст погребения № 1 между 1260–1300 гг. н.э. или 1220–1320 гг. н.э. (Там же, с. 111).

По краниологическим данным, скелеты принадлежали мужчинам: один в возрасте 25–30 лет; трое в возрасте 40–55 лет. Трое захороненных относятся к центральноазиатской монголоидной расе, представителями которой являются монголы, калмыки, буряты (рис. 5). Один погребенный является европеоидом (рис. 6).

Погребения могильника Карасуыр обладают признаками монгольского погребального обряда: вертикально вкопанная кость ноги барана и кости мелкого рогатого скота при отсутствии костей лошади. Ритуал установки ноги овцы доминирует в обрядах монгольских племен с XI в. и является культурноопределяющим признаком времени Золотой Орды (XIII–XIV вв.) как новая форма обряда, привнесенная монгольской традицией в Дешт-и-Кыпчак (Акишев и др., 2008, с. 53). Другим важным показателем для монгольских захоронений является ориентировка в северном направлении, в отличие от тюркских – в западном и восточном направлениях (Мыськов, 2015, с. 272).

Погребения в южных ложбинах сопки не выделяются по внешним признакам и ориентированы

Рис. 1. Могильник Карасуыр. Погребения в ложбине сопки. Фото Э.Р. Усмановой

Fig. 1. Burial site Karasuyr. Burials in the hollow of the hill. Photo by E.R. Usmanova

Рис. 2. Могильник Карасуыр. Погребения в ложбине сопки. Фото Э.Р. Усмановой

Fig. 2. Burial site Karasuyr. Burials in the hollow of the hill. Photo by E.R. Usmanova

на вершину, на которой расположен курган-обо. Такое размещение, свойственное для монгольского и буддистского погребального обряда, связано с представлениями о Мировой горе и расположением ворот храмов с южной стороны (Содномпилова, 2005, с. 239–240).

Вместе эти признаки указывают на монгольскую традицию погребального обряда могильника Карасуыр. Наверное, это тот редкий случай, когда мы можем указать не только имперскую монгольскую принадлежность (в широком смысле этого слова), но и этническую, благодаря краниологической характеристике. Погребения с маркерами буддизма (плита с изображением бурхана и колокольчик) в комбинации с традиционными элементами шаманизма (гадальные кости) демонстрируют этническое и религиозное разнообразие населения Улуса Джучи.

Судя по количеству сооружений в могильнике, можно предположить, что здесь захоронен небольшой отряд. Основу монгольского войска составляли первичные подразделения – десятки, во главе которых стояли десятники, как правило, выходцы из кочевых родов, не вошедших в состав степной аристократии (Владимирцев, 2002, с. 414). По всей видимости, воинские погребения могильника Карасуыр относятся к представителям основы монгольского воинства. Отсутствие повреждений от боевых ран на костях захороненных предполагают причину смерти, не связанную с участием в битве. Генетические исследования палео-ДНК позволили выделить вирус гепатита Б из образца кости одного погребенного (Mühlemann et al., 2018). Не исключено, что

заболевание гепатитом и явилось причиной смерти некоторых воинов из этого отряда. Здесь уместно также указать, что ДНК Y-хромосомы погребенного монгола относится к гаплогруппе C-Y4580 или C-F9700 – это один из субкладов, который называют Starcluster или гаплотип Чингисхана (Баимбетов, Баймуханов, 2018).

Датировка погребального комплекса концом XIII – началом XIV в. указывает на то, что некрополь был оставлен потомками монголов-завоевателей Чингисхана. Среди солдат был один европеоид, близкий к кавказскому антропологическому типу, который мог быть аланом или черкесом по происхождению (**рис. 6**). Рашид ад-дин, перечисляя покоренные Чингисханом и его потомками государства, указывает государства асов и черкесов (Бубенок, 2004, с. 54, 58). Укрытые в ложбинах сопки Карасуыр тайные погребения принадлежали монгольским воинам первичного подразделения джучидского войска (младшие офицеры?).

Могильник Сарьядър 1. Две каменные выкладки находятся в глубокой ложбине и ориентированы на вершину сопки, где расположен насыпной курган (раскопки одного из авторов статьи – Э.Р. Усмановой, 2020 г.). Здесь отмечается подобная ситуация размещения погребальных сооружений, что и на могильнике Карасуыр. Выкладки оформлены вертикально поставленными стелами (**рис. 3; 4**). Одна исследованная конструкция содержала ненарушенное погребение с северной ориентировкой: на дне – композиция из уложенных длинных костей ног скелета человека, два железных черешковых наконечника стрелы.

Рис. 3. Могильник Сарыадыр. Погребения в ложбине сопки. Фото Э.Р. Усмановой

Fig. 3. Burial site Saryadyr. Burials in the hollow of the hill. Photo by E.R. Usmanova

Рис. 4. Могильник Сарыадыр. Погребения в ложбине сопки. Фото Э.Р. Усмановой

Fig. 4. Burial site Saryadyr. Burials in the hollow of the hill. Photo by E.R. Usmanova

Вероятно, погребение принадлежит поздней кыпчакской погребальной традиции XIII – первой половины XIV в., которая оформилась после прихода в степь монгольских племен (Иванов, Кригер, 1988, с. 31). При этом отсутствуют определяющие элементы монгольских погребальных ритуалов: вертикально вкопанная кость ноги овцы, кости животных, культовые предметы. Из монгольского обрядового паттерна – меридиональная ориентировка, скрытое нахождение у горы.

Погребение носило потаенный характер кенотафа – тип погребения, который оформлялся в случае отсутствия костей погребенного или наличия отдельных частей скелета. Возможно, воин погиб на чуж-

бине и в родное кочевье для похорон были доставлены лишь какие-то части тела.

Итак, исследованные ложбинные погребения могильников Карасуыр и Сарыадыр принадлежат воинам. В погребениях отсутствуют вещи из драгоценных материалов, одежда, захоронения коней, человеческие жертвы. Возможно, такой ритуал определялся статусом погребенных рядовых солдат и сложением нового тюрко-монгольского обрядового паттерна. Из главных элементов монгольского имперского погребального кода сохранены элементы, связанные с секретностью захоронения у горы (сопка), меридиональная ориентировка, вертикально установленная кость ноги овцы и гадальные предметы.

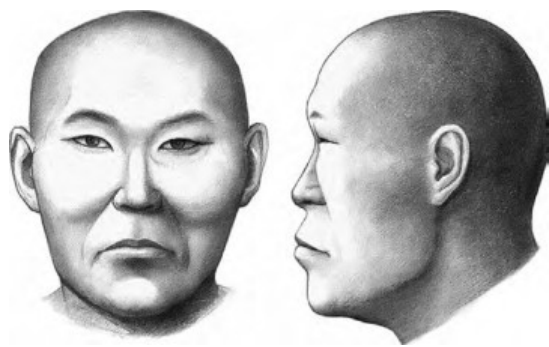

Рис. 5. Могильник Карасуыр. Монголоид. Графическая реконструкция лица по черепу. Выполнена Е.А. Алексеевой (Институт проблем освоения Севера СО РАН)

Fig. 5. Burial site Karasuyr. Mongoloid. Facial reconstruction made by E.A. Alekseeva (Institute of Northern Development of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

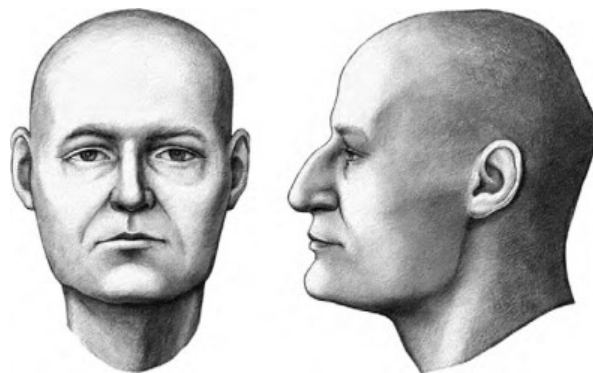

Рис. 6. Могильник Карасуыр. Европеоид. Графическая реконструкция лица по черепу. Выполнена Е.А. Алексеевой (Институт проблем освоения Севера СО РАН)

Fig. 6. Burial site Karasuyr. Caucasian. Facial reconstruction made by E.A. Alekseeva (Institute of Northern Development of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Мавзолей Джучи-хан

Он находится в 45 км от г. Жезказгана, на левом берегу р. Каракенгир (48°09' 20.08536» N; 67°49' 02.10342» E). Это однокамерный портално-купольный мавзолей с двойным куполом сфероконической формы (рис. 7).

Археологическое обследование. Первые археологические исследования были проведены в 1946 г. (Маргулан, 1948, с. 129). В одном из погребений обнаружены остатки деревянного гроба и скелет человека без костей одной руки, кости животных, череп

верблюда, фрагменты кожи, ткани и знамени. В другом – кости женского скелета. Захоронения оказались поврежденными грабительскими вскрытиями. Было высказано предположение, что в мавзолее, построенном спустя год после его смерти в 1228 г., похоронен Джучи-хан (Марғұлан, 1974, 481 б.). Однако данная датировка строительства мавзолея вызывает сомнение. Сооружения исламской мемориально-культовой архитектуры над захоронениями ханов и знати появляются после принятия ислама как официальной религии в Золотой Орде в начале

Рис. 7. Мавзолей Джучи-хан в Улытау. Фото Е.Х. Хорош

Fig. 7. The mausoleum of Jochi Khan in Ulytau. Photo by E.Kh. Khorosh

XIV в. (Зиливинская, 2016, с. 46). Впоследствии на основании письменных источников год смерти Джучи-хана был уточнен – 1225 г. (Ускенбай, 2003, с. 14).

Нарративы. О смерти Джучи-хана на охоте в горах Улытау, упавшего с коня и свернувшего себе шею, сообщается в рукописи XVI в. «Чингиз-наме» (Утемиш-хаджи, 1992, с. 90). Аналогичная причина смерти Джучи, но без указания местности, названа в сочинении «Улус-и арба'-йи Чингизи», 1425 г. (Улуғбек, 1994, с. 219–221). Первое письменное свидетельство о мавзолее Джучи имеется у Хафиза Таныша (Тыныша) бен Мир Мухаммад ал-Бухари, который сопровождал бухарского хана Абдаллах-хана II в походе 1582 г. в Улытау (Материалы по истории..., 1969, с. 276–277). В российских нарративах местность Улытау и мавзолей Джучи упоминаются со второй четверти XIX в. (Казахско-русские отношения..., 1964, с. 265).

Легенды. Казахские легенды о Джучи сообщают о его смерти в ходе охоты на куланов (Затаевич, 1925, с. 358). Каждая легенда, зафиксированная в разные годы, описывает детали смерти Джучи по-своему: на месте гибели обнаружен один мизинец (1897 г.); тело хана исчезло (1910 г.); после гибели сохранилось только ханское вооружение (1922 г.) (Дала уалаятынын, 1990, 400 б.; Халиди, 2019, 193 б.; Мельков, 1922, с. 170).

Согласно нарративам и легендам выявлены два обстоятельства: 1) мавзолеем под именем Джучи-хан известен с XVI в.; 2) исчезновение тела после гибели Джучи-хана на охоте.

Обратим внимание на кажущееся противоречие между документальными свидетельствами и народными сказаниями. Существует мавзолей с захоронениями, но, согласно легендам, тело отсутствует. Однако это противоречие можно снять, если обратиться к постулатам монгольской концепции смерти.

Обряд захоронения. Для представителей «золотого рода» борджигитов, к которому относился старший сын Чингисхана – Джучи, существовали обязательные обрядовые правила: тайное захоронение на запретной территории родового курука вблизи родовой горы; изменение имени захороненного кагана; наличие рядом ставки, которую бы возглавляла одна из жен кагана, назначенная хранительницей сакрального места. Захоронение правящей монгольской элиты проходило в атмосфере строгой секретности, место погребения тщательно скрывалось. Тайные погребения монгольской знати – это имперский феномен культуры империи Чингисхана, связанный с культом великих предков (Рыкин, 2010). Секретность исполнения погребения гарантировало сохранение сакральной харизмы умерше-

го лидера, необходимой для благоприятного существования рода.

Существует некая мифологическая связь между действительным историческим событием и легендой. «Уже давно замечено, что сказка имеет какую-то связь с областью культов, с религией» (Пропш, 1986, с. 22). В легендах о смерти Джучи-хана – смерть на охоте, гибель от жожака куланов, наказание домбры как информатора о смерти – присутствует элемент сказочного фольклора в сочетании с повествованием о героике прошлого. Вероятно, поэтому степные легенды, сохраняя таинство смерти Джучи, повествуют об исчезновении его тела после смерти, отражая реальные стереотипы ритуалов кочевников Золотой Орды.

В случае смерти Джучи-хана в Улытау можно предложить несколько вариантов версии о появлении и строительстве именного мавзолея:

1. Джучи-хан по вероисповеданию относился к тенгрианству. Мог ли он быть похоронен в исламском мавзолее? Только в том случае, если спустя некоторое время над его погребением или рядом с ним был выстроен мавзолей как знак почитания великого предка. Подобная практика – строительство мавзолея над языческой могилой предка – была распространена во времена Золотой Орды (Бартольд, 1966, с. 395).

2. По прошествии времени костные останки Джучи были перенесены с первоначального тайного места погребения и перезахоронены в мавзолее. При этом было снято табу – запрет на использование прямого имени чингизида. Мавзолей получает имя легендарного предка. Возможно, такой ритуал был исполнен в знак распространения ислама в Улусе Джучи. Мавзолей дважды перестраивался – редкий случай для культовой архитектуры Золотой Орды, что указывает на ценность его пространства (Хорош, 2009).

3. В мавзолее могли быть похоронены потомки Джучи-хана, практиковавшие ислам с элементами язычества. Имя Джучи, данное мавзолее, играло роль сакральной мемории, магического оберега духа местности, имевшего отношение к почитанию родовой горы. Мавзолей – это мемориальный культовый комплекс, значение которого связано с понятием Улытау как «почитаемая, великая родовая гора». Возможно, тайное погребение Джучи сохранилось на запретной, заповедной территории и до сих пор остается неизвестным.

Дальнейшие исследования на междисциплинарном уровне памятника-усыпальницы позволят определить дату его сооружения и ответить на главный вопрос: кто похоронен под его бирюзовым куполом.

Заключение

Погребальная обрядность Золотой Орды в Улытау XIII–XIV вв. представляет один из главных элементов имперского кода: тайность ритуала, смысл которого заключается в сохранении са-

кравной силы умершего предка. В культуре Улытау Джучи система коллективных представлений и обрядов приобретает черты синкретизма, сочетая монгольский и тюркский стереотипы погребального ритуала.

Список литературы и источников

- Абаева Л.Л.** Культ гор и буддизм в Бурятии (эволюция верований и культов селенгинских бурят). – М.: Наука, 1992. – 144 с.
- Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А.** К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: Мат-лы междунар. полевого семинара [29–30 июля 2004 г.] / Гл. ред. С.А. Абдыманалов. – Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 56–65.
- Баимбетов Г., Баймуханов Н.** Изменение генофонда у населения Казахстана и смежных регионов, в частности роста монголоидных генетических компонентов, на фоне исторических миграционных процессов от железного века до современных казахов // Al-Farabi Kazakh National University. Вестник. Серия историческая. – 2018 – № 2 (89). – С. 220–237.
- Бартольд В.В.** К вопросу о погребальных обрядах турков и монгол // В.В. Бартольд. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. – М.: Наука, 1966. – С. 377–396.
- Владимирцов Б.Я.** Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2002. – 557 с.
- Григорьев А.П., Телицын Н.Н., Фролова О.Б.** Надпись Тимура 1391 г. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки / Под ред. Н.Н. Дьякова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – Вып. XXI. – С. 3–24.
- Дала** уалаяттың газеті: әдеби нұсқалар 1895–1898. – Алматы: Ғылым, 1990. – 584 б.
- Дробышев Ю.И.** Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 1. – С. 119–140.
- Иванов В.И., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – М.: Наука, 1988. – 89 с.
- Затаевич А.** 1000 песен киргизского народа: (Напевы и мелодии). – Оренбург: Киргизское гос. изд., 1925. – LVIII, 403 с.
- Казахско-русские** отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867 гг.): Сборник документов и материалов / Сост.: Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев и др. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 575 с.
- Маргулан А.Х.** Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.) // Известия АН КазССР. № 49. Серия историческая. – 1948. – Вып. 4. – С. 142–143.
- Марғұлан Ә. Х.** Жошы хан күмбесі // Қазақ совет энциклопедиясы. 4 т. – Алматы, 1974. – 481–482 б. (на казах. яз.)
- Материалы** по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских источников) / Состав.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 651 с.
- Мельков Л.** Материалы по киргизской этнографии // Тр. общества изучения Киргизского края. – Оренбург: Тип. М.Н. Махова, 1922. – Вып. III. – С. 169–170.
- Мыськов Е.П.** Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. – Волгоград: Волгоградский фил. РАНХиГС, 2015. – 484 с.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 365 с.
- Рыкин П.О.** Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // Вестник Евразии. Acta Eurasica. – М., 2002. – № 16. – С. 48–60.
- Рыкин П.О.** Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монгол (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки / Отв. ред.: Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 239–301.
- Семби М.** Улытау // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И.В. Ерофеева. – Алматы: Казахский науч.-исслед. ин-т культуры, 2014. – С. 427–431.
- Скрынникова Т.Д.** Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – СПб.: Евразия, 2013. – 384 с.
- Смаилов Ж.Е.** Памятники археологии Западной Сары-Арки (Средневековые городища и поселения). – Балхаш: Жезказганский ун-т им. О.А. Байконурова, 1997. – 63 с.
- Смаилов Ж., Сембин М., Ошанов О., Аршакбеков Т.** Археологическое исследование некрополей Алаша-хана и Жошы-хана для последующей реставрации и музеефикации МН-АНРК // Отчет. Институт археологии им. А. Маргулана. – Алматы; Караганда, 1998. – 60 с.
- Содномпилова М.М.** Системы ориентации кочевников Центральной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. – Иркутск, 2005. – С. 237–243.
- Султанов Т.И.** Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с. (Казахстанские востоковедные исследования).
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем

и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. П.П. Иванов. – Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.

Улуғбек Мирзо. Тўрт улус тарихи. – Тошкент: Чўлпан нашриёти, 1994. – 352 с. (на узбек. яз.)

Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и-Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII – первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2003. – 32 с.

Усманова Э.Р., Дремов И.И., Паниюшкина И.П., Колбина А.В. Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр (Улытау, Центральный Казахстан) // АЭАЕ. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 106–113.

Халиди Құрбанғали. «Тауарих-и хамса-и шарқи». Шығыстың бес елінің тарихы. Астана, 2019 (на казах. яз.)

Хорош Е.Х. К вопросу о строительной истории мавзолея Жоши-хана // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. мат.-лов науч.-практ. конф. Алматы, 25–26

апреля 2008 г. / Под ред. Б.Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – С. 101–109.

Юрченко А.Г. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 6: Золотоордынское время / Отв. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Донецкий ГУ, 2008. – С. 287–304.

Mühlemann B., Jones T.C., Barros Damgaard P. de, Allentoft M.E., Shevnina I., Logvin A., Usmanova E., Panyushkina I.P., Boldgiv B., Bazartseren T., Tashbaeva K., Merz V., Lau N., Smrčka V., Voyakin D., Kitov E., Epimakhov A., Pokutta D., Vize M., Price T.D., Moiseyev V., Hansen A.J., Orlando L., Rasmussen S., Sikora M., Vinner L., Osterhaus A.D.M.E., Smith D.J., Glebe D., Fouchier R.A.M., Drosten C., Sjogren K.G., Kristiansen K., Willerslev E. Ancient hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval period // *Nature*. – 2018. – Vol. 557 (7705). – P. 418–423. Doi: 10.1038/s41586-018-0097-z. Epub 2018 May 9.

E.R. Usmanova¹, M.B. Kozha², K. Uskenbai³, G.A. Akhatov⁴, D.A. Dzhumabekov¹

¹ *Academician E.A. Buketov Karaganda State University (Kazakhstan)*

² *Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University (Kazakhstan)*

³ *Institute of Humanitarian Research of ABDI (Kazakhstan)*

⁴ *Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (Kazakhstan)*

TO THE QUESTION OF SECRET BURIALS OF THE GOLDEN HORDE PERIOD IN ULYTAU

The article is devoted to study of the burial rite of the nomadic Golden Horde in the 13th – 14th centuries based on archaeological, written records regarding sites Karasu, Saryadyr, the mausoleum of Jochi Khan (the Karaganda Region, Kazakhstan). The sites are located in the historical territory of Ulytau, which may have been the ancestral territory (kuruk) of Genghis Khan's descendants. The phenomenon of secret burials was present according to the Mongolian concept of death. They were performed to preserve the sacred charisma of the deceased ancestors. On the basis of archaeological data, the elements of secret burials were identified. The main characteristics

of Jochi Khan mausoleum are considered in the context of the imperial ritual code. According to the folk tradition, the mausoleum is associated with the name of Genghis Khan's eldest son Jochi died in 1225. The Islamic style mausoleum dated the 14th century. A preliminary conclusion about the secret burial of Jochi Khan is based on the analysis of written sources and legends. The mausoleum can be considered as a memorial place of worship to the spirits of great ancestors. The system of collective representations and rites, combining Mongolian and Turkic stereotypes of the funeral ritual was demonstrated by the Ulus Jochi culture.

KEYWORDS: *Kazakhstan, Golden Horde period, Ulus Jochi, secret burials, funeral ritual, Mongolian and Turkic stereotypes, Jochi Khan mausoleum.*

З.Ч. Ухинов, И.В. Уланов

Иркутский государственный университет (Россия)

ВНУТРИМОГИЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ИЗ ДОСОК: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ XI–XIV вв. ПООНОНЯ

Исследование выполнено в рамках гранта Правительства РФ (проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров»)

Введение

Поононье – бассейн р. Онон (Юго-Восточное Забайкалье) в нижнем и среднем течении на территории России – считается одним из центров формирования древнемонгольской культурно-политической общности. Захоронения XI–XIV вв. из Поононья демонстрируют разнообразие форм погребального обряда, которые не зафиксированы ни в одном письменном источнике данной эпохи. Поэтому каждый погребальный комплекс является ценным источником информации по истории древнемонгольских родоплеменных групп, их материальной и духовной культуре. Актуальными задачами в изучении захоронений являются систематизация и интерпретация найденных материалов, для решения которых первоначально необходимо провести классификацию внутримогильных сооружений. По данной теме была опубликована статья А. А. Номоконова, который основное внимание уделил типологии деревянных колод и конструкций из бересты (Номоконов, 2017). Выделенная им категория «гробы и гробовища», в список которых входили и дощатые сооружения с Поононья, представлена не полностью, также не учтена форма поперечного сечения и различия деталей в элементах конструкции. В настоящей работе авторы предлагают развернутую классификацию дощатых внутримогильных конструкций из захоронений XI–XIV вв. Поононья.

Анализ и систематизация дощатых конструкций

Источниковую базу исследования составляют 43 рамы из доступных на данный момент публикаций и научных отчетов, обнаруженные в могильниках Чиндан I (Асеев и др., 1984), Уламы (Ступников, 1966), Улан-Хада III (Ковычев, 1980), Ясногорск IV (Ковычев, 1979), Улугуй (Ковычев, Беломестнов, 1988), Ранет I (Ухинов, 2014), Малая Кулинда (Ступников, 1968; Ковычев, 1980, 2004), а также в одиночном погребении у с. Кулинда (Ступников, 1968) (табл. 1).

В публикациях, посвященных погребальным комплексам XI–XIV вв. Восточного Забайкалья, применительно к внутримогильным конструкциям

из досок используются разные термины: «домовина», «гробовище», «гроб», «ящик», «рама» (Асеев и др., 1984; Ковычев, Беломестнов, 1989; Ковычев, 2003; Харинский и др., 2016; Номоконов, 2017). Наиболее точно отражающим морфологию данных внутримогильных сооружений является термин «рама» – с перекрытием и без дна.

Рама, как правило, состоит из стенок (в виде двух длинных продольных досок и двух коротких поперечных) и перекрытия. Средние размеры рам – 175×47 см. Самая маленькая рама имеет размеры 125×40/28 см,¹ самая крупная рама – 212×70/55 см, при этом длина увеличена за счет «выступов-ручек» на продольных досках. Метрические характеристики изученных рам представлены в **табл. 1**.

Во всех случаях могильная яма и рама длинными сторонами вытянуты по оси север–юг. Умершие были уложены головой на север, ногами на юг, с незначительными отклонениями (чаще в сторону востока, реже – запада). Доски рамы для удобства обозначены по сторонам света и являются четырьмя стенками: 1) поперечная северная доска (верхняя стенка, относительно погребенного); 2) поперечная южная доска (нижняя стенка); 3) продольная западная доска (правая стенка); 4) продольная восточная доска (левая стенка) (**рис. 1-А**).

По форме (в ортографической проекции – вид сверху) дощатые рамы делятся на два основных типа: трапециевидные (тип I) и прямоугольные (тип II) (**рис. 1-А, 1-Б**).

Тип I. Рама по форме представляет собой равнобокую трапецию. Северная поперечная доска длиннее южной в среднем на 5–10 см.

Тип II. Рама по форме представляет собой прямоугольник, противоположные доски (стенки) идентичны по длине. Такая форма присутствует только в трех рамах (**рис. 1-вид 10, 1-вид 11; табл. 1-№ 40–1-№ 42**) и является скорее исключением для территории Поононья.

¹ Поскольку большинство конструкций имеют трапециевидную форму, в значении ширины указывается размер широкой части, а после знака «/» – узкой части.

По форме поперечного сечения в каждом типе выделяются два подтипа (подтип А и подтип Б).

Подтип А. Рама в поперечном разрезе представляет собой прямоугольник. Продольные доски состыкованы с перекрытием под прямым углом.

Подтип В. Рама в поперечном разрезе представляет собой равнобокую трапецию. Продольные доски состыкованы с перекрытием под углом.

В типах и подтипах выделены виды и подвиды, которые отражают различия в элементах конструкции рам.

Тип I, подтип А, вид 1. Форма трапециевидная, профиль прямоугольный. Поперечные доски состыкованы внутри продольных, присутствует перекрытие из досок.

Тип I, подтип А, вид 1а. Отличается от вида 1 отсутствием перекрытия.

Тип I, подтип А, вид 2. Продольные доски выходят за пределы северной поперечной в среднем на 3–5 см.

Тип I, подтип А, вид 2а. Отличается от вида 2 отсутствием перекрытия.

Тип I, подтип А, вид 3. Продольные доски выходят за пределы северной и южной поперечных досок в среднем на 3–5 см.

Тип I, подтип А, вид 3а. Продольные доски аналогичны виду 3, но они наполовину подрезаны снизу на уровне поперечных, образуя «выступы-ручки» длиной 14–15 см.

Тип I, подтип А, вид 3б. Продольные доски аналогично виду 3а имели «выступы-ручки». В нижней части длинных стенок имеются по семь прямоугольных отверстий, в которые вставлены семь поперечных реек, образуя подобие дна. В данном погребении рама находилась внутри цисты – из каменных плит состояли боковые стенки и перекрытие.

Тип I, подтип А, вид 4. Дно, аналогично виду 3б, обозначено семью поперечными рейками, вставленными в отверстия в нижней части продольных стенок, с той лишь разницей, что поверх реек перпендикулярно им выложены струганные прутья ивы. В данной раме перекрытие изготовлено из одной широкой доски.

Тип I, подтип А, вид 5. В отличие от остальных видов в данном случае продольные доски находятся внутри поперечных.

Тип I, подтип В, вид 6. Поперечное сечение имеет форму равнобокой трапеции. Поперечные доски состыкованы внутри продольных.

Тип I, подтип В, вид 7. Продольные доски выходят за пределы северной и южной поперечных досок в среднем на 5–7 см.

Тип I, подтип В, вид 8. Форма поперечных досок – трапециевидная (в ортографической проекции – вид сбоку). Дно состоит из семи реек, расположенных между продольными досками. Поверх реек перпендикулярно им, аналогично виду 4, расположены струганные прутья ивы.

Тип I, подтип В, вид 9. Продольные доски, аналогично виду 5, находятся внутри поперечных. В данных рамах отсутствуют перекрытия.

Тип II, подтип А, вид 10. Форма рамы и поперечное сечение – прямоугольные. В данном случае перекрытие выполнено из трех полос бересты, сшитых между собой.

Тип II, подтип В, вид 11. Форма рамы прямоугольная, поперечное сечение трапециевидное. В данной раме перекрытие отсутствует.

Из-за состояния источников 16 рам определены только по основным типам (15 рам – тип I; одна рама – тип II), без дополнительных подтипов, т. к. форма их поперечного сечения и другие элементы не известны (**табл. 1**).

Обсуждение

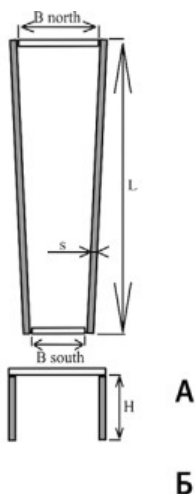
Первые внутримогильные конструкции из досок в погребениях Восточного Забайкалья фиксируются в хунно-сянбийское время – могильники Зоргол 1, Кия 13 (Ковычев, Яремчук, 2000; Ковычев, Ковычев, 1996). В захоронениях раннего Средневековья (бурхотуйская и дарасунская культуры) дощатые рамы не известны. Они вновь появляются в погребальном обряде в период становления монгольской культурно-политической общности. Интересным представляется факт сходства между древнемонгольскими рамами и более ранними – хунно-сянбийского времени. Как ранние, так и более поздние рамы имеют трапециевидную форму и прямоугольное поперечное сечение, у них отсутствует дно, вместо которого имеются рейки. При этом хронологический разрыв между носителями этих разных культурных общностей составляет около 1000 лет, во время которого рамы в погребальной практике населения Восточного Забайкалья не использовались. Данный факт требует дополнительного изучения и сравнения с материалами из других регионов.

Малая Кулинда – самый крупный могильник древнемонгольского времени в Поононье. Большая часть изученных рам происходит из этого памятника (28 рам из 43). К типу I относится 27 рам, и только одна – к типу II. Большинство выделенных видов и подвидов рам основано на описании конструкций данного могильника. К сожалению, нет подробной информации об исследованных захоронениях в 1996 г. Известно, что «было вскрыто 9 по-

Таблица 1. Юго-Восточное Забайкалье, бассейн р. Онон. Параметры внутримогильных конструкций XI-XIV вв.

Table 1. Southeastern Transbaikalia, basin of the Onona River. Parameters of coffin structures of the 11th-14th centuries

№	Могильник, № погребения	Продоль- ные доски, длина (см); L – на рис. 1-А	Поперечные доски		Высота досок (см); Н – на рис. 1-А	Тол- щина досок (см); s – на рис. 1-А	Креп- ление	Пере- крытие	Вид	Тип
			Северная (см); North, В – на рис. 1-А	Южная (см); South, В – на рис. 1-А						
1	Малая Кулинда (1968), № 1	135	~47	~30	25	?	?	?	–	
2	Малая Кулинда (1968), № 11	~170	~45	~35	?	?	?	?	–	
3	Уламы, № 1	~170	~45	~35	?	?	?	Доски	–	
4	Уламы, № 2	~180	~50	~40	?	?	Пазы	Доски	–	
5	Уламы, № 3	~175	~45	~40	?	?	?	Доски	–	
6	Уламы, № 5	~175	~50	~40	?	?	?	Доски	–	
7	Кулинда, № 1	~160	~40	~34	?	?	?	?	–	
8	Чиндан I, № 7	190	45	42	?	?	–	Доски	–	I
9	Чиндан I, № 8	?	?	?	?	?	–	Доски	–	
10	Чиндан I, № 11	?	?	?	?	?	Шипы	Камни	–	
11	Чиндан I, № 14	?	?	?	?	?	–	Доски	–	
12	Малая Кулинда (2003), № 1	185	55	45	20	3	Гвозди	3 доски	–	
13	Малая Кулинда (2003), № 3	~180	~60	~55	35–40	?	?	?	–	
14	Малая Кулинда (2003), № 5	175	50	30	30–32	?	?	2 доски	–	
15	Малая Кулинда (2003), № 7	155	50	40	25	2	?	2 доски	–	
16	Малая Кулинда (1980), № 6	187	58	45	25	3	Пазы	–	1а	
17	Малая Кулинда (1980), № 8	185	52	43	32	3	Гвозди	2 доски	1	
18	Малая Кулинда (1980), № 10	170	53	35	27	5–6	Гвозди	3 доски	1	
19	Малая Кулинда (1980), № 11	182	57	45	32	3	Гвозди	2 доски	5	
20	Малая Кулинда (1980), № 12	188/181	37	33	27	5	?	2 доски	2	
21	Малая Кулинда (1980), № 13	160	40	35	27	4–5	Гвозди	2 доски	5	
22	Малая Кулинда (1980), № 14	147	38	30	30	2–3	?	2 доски	1	
23	Малая Кулинда (1980), № 15	212/182	70	55	30	4–5	Гвозди	2 доски	3а	
24	Малая Кулинда (1980), № 18	155	37	25	25	3–4	Гвозди	2 доски	3	
25	Малая Кулинда (1980), № 19	200	55	35	25	4–5	Гвозди	2 доски	3	
26	Малая Кулинда (1980), № 20	170/160	38	30	25	3	?	2 доски	3	IA
27	Малая Кулинда (1980), № 22	170	50	35	25	3	?	–	1а	
28	Малая Кулинда (1980), № 23	165	35	30	30	2,5	?	–	1а	
29	Малая Кулинда (1980), № 24	175/170	43	35	25	2,5	?	2 доски	2	
30	Малая Кулинда (1980), № 25	166/160	35	33	28	2	?	–	2а	
31	Малая Кулинда (1980), № 26	188	38	33	27	3	?	–	1а	
32	Малая Кулинда (1980), № 27	167	38	30	28	2	?	2 доски	1	
33	Малая Кулинда (2003), № 6	190/180	55	40	28–30	3,5	Гвозди	Доски	36	
34	Улан-Хада III, № 15	170	60	40	25–30	2	?	2 доски	1	
35	Улугуй, № 2	207	45	40	30	4	Пазы	1 доска	4	
36	Малая Кулинда (1980), № 2	210	45	35	38	4–5	Пазы	3 доски	7	
37	Малая Кулинда (1980), № 3	125	40/33	28/20	20	2,5	Пазы	2 доски	6	
38	Малая Кулинда (1980), № 5	~170	56/52	48/44	30	3	?	–	9	
39	Ясногорск IV, № 1	165	40	30	30	?	?	–	9	IB
40	Улугуй, № 1	Верх – 185 / низ – 175	Верх – 55 / низ – 45	Верх – 40 / низ – 30	32	4	Пазы и гвозди	2 доски	8	
41	Ранет I, № 1	~190	~60		?	3	?	Береста	10	IIA
42	Малая Кулинда (1980), № 1	~166	~36	~35	32	4	Гвозди	–	11	IIB
43	Уламы, № 4	~175	~45		?	?	?	Доски	–	II

Форма	Тип I (трапециевидная)									Тип II (прямоугольная)
Сечение	1	1a	2	3	3a	3б	4	5	10	
Подтип А (прямоугольное)										
Погребения	Улан-Хада III № 15; Малая Кулинда (1980) № 8, 10, 14, 27	Малая Кулинда (1980) № 22, 23, 26, 6	Малая Кулинда (1980) № 12, 24, 25, (2a)	Малая Кулинда (1980) № 18, 19, 20	Малая Кулинда (1980) № 15	Малая Кулинда (2003) № 6	Улугуй № 2	Малая Кулинда (1980) № 11, 13	Ранет I № 1	
Подтип В (трапециевидное)										
Погребения	Малая Кулинда (1980) № 3			Малая Кулинда (1980) № 2		Улугуй № 1	Малая Кулинда (1980) № 5 Ясногорск-IV № 1	Малая Кулинда (1980) № 1		

Рис. 1. Юго-Восточное Забайкалье, бассейн р. Онон. Классификация внутримогильных конструкций XI–XIV вв.: А – схема промеров; Б – материалы из погребений

Fig. 1. Southeastern Transbaikalia, basin of the Onona River. Classification of coffin structures of the 11th–14th centuries: А – measurement scheme; Б – materials from the burials

гребений. <...> В некоторых погребениях встречены деревянные гробовища типа рам, скрепленные при помощи пазов или гвоздей. Сверху они перекрыты досками, дно устилалось берестой или поперечными плашками» (Литвинцев, Нестеренко, 1997, с. 84). Количество дощатых рам с Малой Кулинды могло быть гораздо больше. Погребения, исследованные в 1980 г. (основная группа погребений), датированы автором раскопок в пределах XII–XIV вв. (Ковычев, 1980), а отдельная группа из шести погребений с цистами, раскопанные в 2003 г., датирована концом XI – началом XII в. (Ковычев, 2004, с. 196). По количеству и уникальности погребальных комплексов в Юго-Восточном Забайкалье с Малой Кулиндой может сравниться только могильник Окошки I имперского периода (XIII–XIV вв.).

В список для сравнения мы также включили две рамы из погребений тюркских воинов с конями могильника Улугуй, датированные XI–XII вв. (Ковычев, Беломестнов, 1988, с. 154). Погребальный обряд в Улугуе не типичен для древнемонгольских захоронений Поононья, при этом комплекс сопроводительных предметов, напротив, показывает близкие аналогии.

В типологической схеме мы постарались охватить основные формы и отличающиеся друг от друга элементы в строении рам (**рис. 1**). Интересно отметить редкие элементы конструкции, присутствующие в ряде захоронений. В погребениях № 6, 15, 27 могильника Малая Кулинда (1980) под рамы положены по два полена от одной расколотовой чурки: одно располагалось в центральной части (под поясной частью покойного), второе – возле южной поперечной доски (под ногами). Стоит отметить, что два поперечных полена в ряд под берцовыми костями фиксировались в одиночном погребении на р. Турга (6460,5 км) (правый приток р. Онон), где скелет располагался не в раме, а в сшитом берестяном коробе без дна (Ковычев, 1979). Возможно, поленья применяли для переноски и укладки в яму тела покойного и/или рамы.

Интересно наличие на рамах подвидов 3а и 3б «выступов-ручек» на продольных досках, возможно для удержания или транспортирования конструкции (Малая Кулинда, погр. № 15 (1980 г.) и погр. № 6 (2003)). Аналоги таким ручкам на рамах в Восточном Забайкалье не выявлены. В рамах видов 2, 3, 3а, 3б, 7 продольные доски продолжают, выходя за поперечные, что может объясняться подгонкой последних под длину тела покойного.

В нескольких конструкциях зафиксированы элементы из бересты: подстилка под погребенного (одиночное погр. возле с. Кулинда; погр. № 12 Малая

Кулинда (1980)) и перекрытие рамы из трех кусков, сшитых между собой (погр. № 1 Ранет I). Подобные элементы присутствуют в другом виде внутримогильных сооружений – в конструкциях из бересты (Номоконов, 2017).

В погр. № 12 Малой Кулинды (1980) рама с внешних сторон (перекрытие и стенки) обшита шелковой тканью, изнутри стенки окрашены красной краской, возможно киноварью. Эти элементы можно отнести к декору внутримогильной конструкции. Это может говорить о высоком социальном и материальном статусе погребенного человека. Другой интересный элемент – тонкая глиняная обмазка с обеих сторон досок рамы погр. № 7 Малой Кулинды (2003), а в погр. № 1 Улугуй щели между досками обмазаны глиной, а сами доски выкрашены в красный цвет. Возможно, в данном случае обмазка глиной использовалась для «герметизации» полости рамы.

В трех случаях рама размещалась внутри каменного ящика (циста), в среднем размерами 2,0×0,6 м (погр. № 1, 3 и 6 Малая Кулинда (2003)). Подобная комбинированная конструкция (более крупного размера 2,9×2,0 м) зафиксирована в кург. № 2 Окошки I в Приаргунье (Харинский и др., 2016, с. 67). Стоит отметить, что для некоторых захоронений характерно положение умершего только в каменные сооружения – погр. № 2 Малая Кулинда (2003). Еще одно такое захоронение раскопано на этом могильнике Р.Н. Ступниковым в 1968 г. (Ковычев, 2004, с. 185).

В большинстве случаев зафиксировано дощатое перекрытие, поэтому его отсутствие у восьми рам (виды 1а, 2а, 9 и 11) может объясняться плохой сохранностью (погр. № 5, 6, 22 Малая Кулинда (1980); погр. № 1 Ясногорск IV) или целенаправленным разрушением. Так, часть рам с отсутствующим перекрытием располагалась в ограбленных погр. № 1, 23, 25 и 26 Малой Кулинды (1980).

Согласно авторам раскопок, рамы изготавливались из березы, сосны и лиственницы. Из березы изготовлены поленья, которые в ряде случаев укладывали под раму. В погребениях № 10, 18 (1980 г.) Малой Кулинды на досках рам зафиксированы остатки бересты, а на досках рам из Чиндант I – остатки лиственничной коры.

Самым распространенным способом крепления досок между собой в рамах является применение железных кованых Г-образных гвоздей. В погр. № 1 могильника Улугуй вместо гвоздей использовали деревянные шпонки. Известные описания способов крепления при помощи пазов и шипов, вырезанных в досках, в целом не развернуты и требуют уточнений. В ряде случаев (погр. № 7, 8 и 14 Чиндант I)

доски рамы вообще не скреплялись, а были прислонены к стенкам могильных ям и перекрыты горбылем (Асеев и др., 1984, с. 54). Можно заключить, что применялось много способов крепления досок, иногда крепление и вовсе отсутствовало.

Особенностью рам видов 3б, 4 и 8 является наличие своеобразного дна из поперечных реек (погр. № 6 Малая Кулинда (2003)) и вдоль уложенных ивовых прутьев (погр. № 1 и 2 Улугуй). Подобные поперечные рейки зафиксированы в погр. № 55 «сяньбийского» могильника Зоргол 1 (Ковычев, Яремчук, 2000, с. 65). Во всяком случае, конструкции, которые в полном смысле можно было бы назвать гробами (с дощатой крышкой и дном) в Поононье отсутствуют. Исключением, возможно, является единственное погр. № 11 (наличие дна и каменного перекрытия) на могильнике Чинданти I (Асеев и др., 1984). Однако «домовина» авторами раскопок описана кратко, что не позволяет с уверенностью отнести ее к категории гробов. Тем не менее такой вид конструкции редко, но встречается в захоронениях Юго-Восточного Забайкалья, в частности отмечен в двух захоронениях могильника Окошки I – в кург. № 1 (1959 г.) (Киселев, 1965) и в погр. № 17 (2013 г.) (Харинский и др., 2016).

Заключение

В погребениях XI–XIV вв. Поононья зафиксировано несколько видов внутримогильных конструкций: деревянная колода, берестяной короб (вариации с подстилкой и покрывалом), каменный ящик – циста. Однако самым распространенным и разно-

образным видом является рама из досок с перекрытием. При изготовлении большинству рам придавали форму трапеции с широкой частью в изголовье и узкой – в ногах, что демонстрирует некую антропоморфность. В поперечном сечении преобладала прямоугольная форма. Стенки рамы состояли из одной широкой доски, перекрытие – чаще из двух досок, которые между собой не скреплялись. Стенки чаще всего скрепляли железными Г-образными гвоздями.

Большая вариабельность рам связана с тем, что, несмотря на единое представление о форме и конструкции рамы (отсутствие дна, трапециевидная форма, количество досок), отсутствовал жесткий канон в изготовлении погребальной дощатой конструкции. Разнообразие рам характерно даже внутри одного могильника, например среди основной группы погребений некрополя Малая Кулинда. Особенности конструкции могли зависеть от физических параметров и социального статуса покойного, а также материальных возможностей родственников умершего.

Представленная классификация, сделанная на основе формы рамы и поперечного сечения, а также отдельных элементов конструкций, достаточно универсальна. По видам и подтипам эта классификация может быть расширена по мере накопления данных о погребальных комплексах XI–XIV вв. Юго-Восточного Забайкалья

Благодарности. Авторы исследования выражают благодарность Ковычеву Евгению Викторовичу (г. Чита) за предоставленные данные и материалы по погребальным комплексам Поононья.

Список литературы

- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.** Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Киселев С.В.** Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города / Авт. кол.: С.В. Киселев и др. – М.: Наука, 1965. – С. 3–58.
- Ковычев Е.В.** Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1979 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Ф-1. Р-1. – 7823. – 112 л.
- Ковычев Е.В.** Научный отчет о полевых исследованиях в зоне строительства и затопления Харанорской ГРЭС в 1980 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Ф-1. Р-1. – 8018. – 173 л.
- Ковычев Е.В.** Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2004. – Вып. 2. – С. 181–196.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И.** Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлеж-

ность // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье / Отв. ред. П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Бурятский фил. СО РАН, 1988. – С. 142–155.

Ковычев Е.В., Ковычев Е.Е. Могильник хуннского времени Кия-13 // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXXVI Регион. археолог. конф. студентов / Редкол.: Н.Е. Бердникова и др. – Иркутск: ИрГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 100–103.

Ковычев Е.В., Яремчук О.А. Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Мат-лы регион. археолог.-этнограф. студенч. конф. – Новосибирск: НГУ, 2000. – Том III. – С. 60–69.

Литвинцев А.Ю., Нестеренко В.В. Новые исследования монгольских погребений в пади Малая Кулинда // 275 лет сибирской археологии: Мат-лы XXXVII Регион. археол.-этнограф. студенч. конф. вузов Сибири и Дальнего Востока / Редкол.: Н.И. Дроздов и др. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 1997. – С. 84–85.

- Номоконов А.А.** Внутримогильные конструкции погребений монгольского времени из лесостепной полосы Восточного Забайкалья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова (г. Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.) / Отв. ред.: Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Бурятский науч. центр СО РАН, 2017. – С. 185–190.
- Ступников Р.Н.** Научный отчет об археологических изысканиях в бассейне р. Онон в 1966 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. – 3257. – 38 л.
- Ступников Р.Н.** Отчет об археологических разведках по р. Онон Читинской области в 1968 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН. – Ф-1. Р-1. – 3724. – 36 л.
- Ухинов З.Ч.** Погребальные комплексы монголов первой половины II тыс. в Поононье // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – № 7 (19). – С. 216–223.
- Харинский А.В., Ковычев Е.В., Крадин Н.Н.** Могильник Окошки I в юго-восточном Забайкалье и некоторые аспекты идентичности монголов в XIII–XIV вв. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: Мат-лы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова / Отв. ред.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. – Казань: Stratum plus, 2016. – С. 65–68.

Z.Ch. Ukhinov, I.V. Ulanov

Irkutsk State University (Russia)

COFFIN STRUCTURES MADE OF PLANKS: BASED ON THE MATERIALS FROM BURIALS OF THE 11TH–14TH CENTURIES IN POONONYE

The article provides an analysis and typology of coffins (frames) from burials of the first half of the 2nd millennium in Poononye. Poononye is a basin of the Onona River (Southeastern Transbaikalia) in the lower and middle reaches of Russia. The Mongol Empire of Genghis Khan was formed in this territory. The medieval Mongols often buried their tribesmen in wooden coffins. They are made of wooden boards, made of different types of trees – birch, larch, pine. The coffins are made of two long longitudinal planks and two short transverse planks. Above there is a cover of two boards, without bottom. The boards were fastened together with iron nails or wooden spikes. There are two main types: trapezoidal

and rectangular (the shape of the coffins in orthographic projection, top view). Two additional subtypes: trapezoidal and rectangular (coffin shape in cross section). Isolated species, which reflect differences in the elements of design (11 species). Most coffins are trapezoidal and rectangular in cross section. The shape of the coffin in the form of a trapezoid repeats the figure of a person – wide at the shoulders and narrow at the legs. Here, certain anthropomorphism can be traced in the form. The coffins were made based on the physical parameters of the deceased, his social status, and the financial capabilities of his relatives.

KEYWORDS: *Southeastern Transbaikalia, Lower and Middle Onona River, 11th–14th centuries, burials, wooden coffin, classification.*

А.В. Харинский^{1, 2}, М.А. Портнягин¹

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия)

² Иркутский государственный университет (Россия)

К ВОПРОСУ О РАСПОЛОЖЕНИИ ТУНКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА, ИССЛЕДОВАННОГО Б.Э. ПЕТРИ В 1920-е гг.

Тункинская долина, являющаяся частью Байкальской рифовой зоны, располагается между оз. Байкал на северо-востоке и оз. Хубсугул на юго-западе. Протяженность долины около 200 км. С севера долина ограничена Тункинскими гольцами, с юга – горами Хамар-Дабана и отрогами Хангарульского хребта. Вдоль долины протекает р. Иркут – левый приток Ангары. Долина включает шесть отдельных впадин, разделенных сужениями ложа Иркуты и расположенных с запада на восток в следующем порядке: Мондинская, Хойтогорльская, Туранская, Тункинская, Торская и Быстринская. В западной части Тункинской долины находится пос. Монды с населением около 1000 человек, являющийся центром одного из муниципальных образований Тункинского р-на Республики Бурятия.

Одно из первых упоминаний о раскопках в Тункинской долине средневековых захоронений имеется в работе А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.)», опубликованной в 1937 г. А.П. Окладников пишет: «Комплекс богатых погребений, раскопанных Б.Э. Петри в Тунке, содержал погребения в колодах с костями барана при покойниках. В могилах, сверху обозначенных площадками из булыжника, выложенного в виде правильного круга, найдены китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, стремяна и удила, остатки сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т.д., шелковые ткани и серебряная чаша на высокой ножке» (Окладников, 2013, с. 258–259).

В книге А.П. Окладникова приведено несколько фотографий, сделанных Б.Э. Петри во время раскопок могильника XII–XIV вв. в Тунке: на рис. 14 и 15 изображена надмогильная кладка из валунов; на рис. 16 – погребение воина-кочевника с колчаном, стремянами и седлом; на рис. 17 – погребение в колоде, с серебряной чашей у ног умершего; на рис. 18 – ритуальное захоронение барана (Там же, с. 260–264). Судя по фотографиям, в Тункинской долине Б.Э. Петри раскопал как минимум два человеческих захоронения, в которых умершие располагались в коло-

де вытянуто на спине. Над могильной ямой сооружалась круглая надмогильная кладка из валунов. Кроме этого, здесь же было раскопано ритуальное захоронение барана.

Материалы могильника остались неопубликованными. В последующие годы для его характеристики исследователям приходилось пользоваться лишь краткой информацией, представленной в работе А.П. Окладникова. Не сохранилось сведений о том, где находился могильник, сколько и каких захоронений было вскрыто, в каком году проводились раскопки. Можно предположить, что раскопки были предприняты Б.Э. Петри попутно с выполнением других задач, которые им были реализованы в 1920-е гг. В августе 1923 г. и в 1924 г. Б.Э. Петри и Г.Ф. Дебеч совершили первую зарубежную советскую экспедицию в Монголию на оз. Хубсугул (Косогул) (Петри, 1926). В 1925 г. ученый планировал продолжить работы в Монголии, но его планам не суждено было сбыться. В 1925 г. Б.Э. Петри стал председателем Комитета содействия северным окраинам при Иркутском губисполкоме. Он занялся вопросами социалистического переустройства народов Сибири. Тогда же Б.Э. Петри предпринял экспедицию к тофоларам. В 1926 г. он работал у окинских сойот – фактически это была первая этнографическая экспедиция, снаряженная специально для исследования этих горнотаежных охотников-оленоводов (Сирина, 2002).

Маршрут на Хубсугул и к окинским сойотам проходил из Иркутска через с. Култук по Тункинской долине вдоль р. Иркут. Путешественники добирались до с. Монды, а дальше поднимались к перевалу Мунгийн-Дабан, до границы с Монголией, или следовали дальше, к верховьям Иркуты, чтобы попасть к окинским сойотам. По этому маршруту Б.Э. Петри проходил в 1923, 1924 и 1926 гг. Следовательно, в один из этих годов и могли производиться раскопки Тункинского могильника. Могильник, скорее всего, располагался недалеко от дороги, проходившей по Тункинской долине. Одним из таких мест могли быть окрестности с. Монды, где экспедиция Б.Э. Петри наверняка делала остановку, для того чтобы продолжить исследования, или в Монголии,

или среди окинских сойотов. В отличие от других котловин Тункинской долины, Мондинская более засушливая, здесь представлены различные ассоциации степных растений, живописно сочетаются долина Иркуты и окружающие ее горы. Местный ландшафт напоминает пейзажи соседних степных районов северного побережья оз. Хубсугул и более южных районов Монголии. Здесь достаточно выходов камня, который использовался для сооружения надмогильных конструкций, а наличие самих каменных кладок значительно облегчает поиск могильников.

В 1926 г. факультет общественных наук Иркутского государственного университета, на котором работал Б.Э. Петри, был закрыт. Ученый не получил Открытый лист на раскопки 1927 г. Он делает попытку получить разрешение на раскопки летом 1928 г. Заявка на Открытый лист оформляется им от имени МАЭ. Предложенная Б.Э. Петри смета составляла 825 рублей. Она в т.ч. включала и раскопки могильника железной культуры в Тунке (Бурятская республика). Смета на его исследование составляла 150 рублей (Соболева, 2017). Продолжить работы в Тункинской долине Б.Э. Петри не удалось. В 1937 г. он был арестован и вскоре расстрелян по обвинению в участии в немецко-японской, фашистской, панмонгольской диверсионно-разведывательной и правотроцкистской организации (Сирина, 2002).

К началу 1940-х гг. Г.П. Сосновский, обобщив данные по захоронениям кочевников с территории Бурятии, раскопанные Б.Э. Петри тункинские могилы вместе с могилами у дер. Саянтуй, в Ильмовой пади, в местности между Сахюртэ и Алтачем, Сухой ключ, в местности Улентуй, у дер. Зарубино, у дер. Ньюкан, на сопке Тапхар, около с. Сотниково, в местности Енискей, в окрестностях Селендума и у горы Кумын определил как монгольские. Выделенную группу монгольских захоронений он назвал саянтуйской и датировал XIII–XIV вв. Работки Г.П. Сосновского так и не были опубликованы, сохранившись лишь среди архивных материалов (Сосновский, 1938) (см.: Хамзина, 1970, с. 10–12). Ученый скончался в 1941 г. во время блокады Ленинграда.

Анализируя материалы раскопанного Б.Э. Петри Тункинского могильника, Е.А. Хамзина указывает, что по времени образования он ближе Сэгэнутскому могильнику (Окладников, 1968), хотя и отличается от последнего наличием погребений жертвенного барана. По особенностям погребального обряда вместе с могильниками I, IV и VI с сопки Тапхар, Телятниковским могильником и могилами из местности Дюрбен Е.А. Хамзина отнесла его к тапхарско-

му этапу и датировала X–XII вв. (Хамзина, 1970, с. 103–104, 121–122).

А.П. Окладников не упоминает точное местоположение могильника, раскопанного Б.Э. Петри. Впервые указание на место, где проводил раскопки Б.Э. Петри, было сделано Е.А. Хамзиной. По ее мнению, открытый Б.Э. Петри в 1925 г. могильник, на котором он раскопал три захоронения, находился на левом берегу р. Иркут, у подножия небольшой возвышенности, в 18 км от с. Монды (Хамзина, 1982, с. 94).

В работе Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников» в окрестностях с. Монды упоминаются шесть археологических объектов (Лбова, Хамзина, 1999, с. 167–168). Первый из них – палеолитическая стоянка Монды, в сообщении о ней дается ссылка на работу Г.П. Сосновского (Сосновский, 1940). По его сведениям, в окрестностях села, на перевале, севернее оз. Косогол, а также на песках по берегам р. Оки был собран подъемный материал палеолитического облика. Более точной привязки этого археологического объекта и сведений о нем нет.

Вторым объектом в работе Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной значится Монды I – могильник (Средневековье), находящийся в 18 км от села по тракту Култук – Монды, у подножия небольшой возвышенности. На поверхности могилы выражены плоской каменной кладкой круглой формы, сложенной из валунов. Первые сведения о памятнике принадлежат Б.Э. Петри и относятся к 1920-м гг. Им было раскопано две могилы. В 1975 г. могильник был осмотрен А.В. Тиваненко. Судя по всему, этот памятник и есть могильник у с. Монды, который упоминается в работе Е.А. Хамзиной 1982 г., но вместо трех раскопанных захоронений, указанных в работе 1999 г., речь идет о двух могилах, исследованных на нем Б.Э. Петри.

Третьим археологическим объектом, известным в окрестностях села, является могильник Монды II (позднее Средневековье). Он находится на северной окраине села и представлен четырьмя надмогильными кладками. Памятник включает одно сооружение курганного типа диаметром 15 м, очевидно подвергнувшееся раскопкам. К СВ от него зафиксированы еще три овальные плоские задернованные кладки, длинной осью ориентированные на восток. Памятник открыт в 1991 г. археологическим отрядом Бурятского института общественных наук СО АН СССР (руководитель Л.В. Лбова).

По сведениям Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной, еще один средневековый могильник Монды III находится в 0,5 км от западной окраины села, на восточном

предгорном шлейфе Мондинской горы, на высоте около 100 м. На нем зафиксированы восемь надмогильных кладок, диаметром 3,0–3,5 м, сложенных из крупных камней. Шесть погребений были раскопаны Б.Э. Петри.

Представляя сведения о могильниках Монды I и Монды III, Л.В. Лбова и Е.А. Хамзина ссылаются на работу Б.Э. Петри 1927 г. «Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах». В этой статье дается описание двух экспедиций под руководством Б.Э. Петри, одна из которых занималась изучением карагасов в 1925 г., а вторая – сойотов в 1926 г. Никаких упоминаний о раскопках захоронений в Тункинской долине в этой работе нет (см.: Петри, 1927).

Еще один объект, упомянутый Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной в окрестностях с. Монды, могильник Монды IV (Средневековье). Он находится на южной окраине села, на правом берегу р. Иркут, в 200 м от моста, слева от дороги на государственную границу. Могильник состоит из трех кладок диаметром 1,5–2,0 м, сложенных мелкими камнями, двух плоских сильно задернованных кладок и двух небольших курганчиков, представляющих собой земляные насыпи, обложенные валунами. Памятник открыт в 1991 г. Л.В. Лбовой и Э.Р. Гречищевым.

Последний из объектов, описанный вышеупомянутыми авторами в районе Монд, – Пещера-стоянка (Средневековье). Она находится в 7 км ниже села, на левом берегу р. Иркут, близ моста, на утесе. Среди обнаруженных находок – плоские железные наконечники стрел, костяные шилья, расщепленные трубчатые кости марала и косули. Пещера зафиксирована в 1928 г. П.П. Хороших и упоминается в его книге 1958 г. (Хороших, 1958).

Опубликованные в работе Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников» материалы лишь осложнили идентификацию могильника, раскопанного Б.Э. Петри. Исходя из приведенных в работе данных, в районе Монд Б.Э. Петри проводил исследования на двух могильниках. Один из них Монды I находится в 18 км от села по тракту Култук – Монды, у подножия небольшой возвышенности. На нем, по сведениям авторов, исследователь раскопал две могилы. Другой могильник Монды III расположен в 0,5 км от западной окраины села, на восточном предгорном шлейфе Мондинской горы. Б.Э. Петри, как полагают авторы, были раскопаны шесть захоронений могильника.

Пытаясь разобраться в местоположении могильника Монды I, обратимся к топографической карте (рис. 1). Автодорога Монды – Култук, следуя на восток, вначале проходит вдоль левого берега Иркут

та, а в 13 км от поселка пересекает по мосту Иркут и далее тянется по его правому берегу. В 18 км от Монд с левой стороны от трассы никаких возвышенностей не наблюдается. С этой стороны от нее протекает река. С правой стороны от трассы также отсутствуют небольшие возвышенности. Пространство вдоль дороги поросло достаточно густым лесом. Подобные участки местности, как правило, не использовались в древности для организации могильников. На левом берегу Иркуты в 18 км к востоку от Монд к реке вплотную подходят южные отроги Тункинских гольцов, сюда не ведут какие-либо тропы. Наличие здесь могильника маловероятно. Судя по геоморфологической ситуации местности, в 18 км к востоку от Монд вряд ли мог находиться могильник, который раскапывал Б.Э. Петри.

В 2002 г. Л.В. Лбовой, Б.А. Базаровым, В.П. Коневым и Е.Д. Жамбалтаровой проводились работы по мониторингу археологических памятников Тункинского р-на Республики Бурятия (Лбова и др., 2002). В ходе работ ими были осмотрены и археологические объекты, расположенные в окрестностях с. Монды. Нумерация памятников, которая приводится в отчете, отличается от их нумерации, которая присутствовала в работе Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников».

Фигурирующий в отчете могильник Монды I в работе 1999 г. (Лбова, Хамзина, 1999) представлен как Монды III. По сведениям авторов, могильник находится на юго-восточном и восточном склонах Мондинской горы, в 0,5 км на запад от окраины поселка, на высоте 50–100 м по шлейфу восточной экспозиции от уровня р. Иркут. Памятник открыт и частично исследован в 1920-х гг. Б.Э. Петри. В 1991 г. могильник осматривался представителями отряда Бурятского института общественных наук СО АН СССР (руководитель Л.В. Лбова).

В 2002 г. на памятнике обнаружено 16 надмогильных кладок, из них шесть раскопаны Б.Э. Петри. Из нераскопанных конструкций на могильнике выделено два типа кладок:

1) плоские, овально вытянутые, ориентированы по линии запад–восток, выложены из крупных и мелких валунов, средние размеры кладок 1,2–1,5×0,6–0,8 м;

2) округлые с западиной в центре, глубина которой составляет в центре 0,3–0,5 м. Диаметр кладок подобного типа – 3,0–3,5 м.

Кладки не образуют скопления и разбросаны на площади 0,48 кв.км. На могильнике проведена тахеометрическая съемка, сделан топографический план.

Упомянутый в отчете могильник Монды II в работе «Древности Бурятии...» (Лбова, Хамзина,

Рис. 1. Карта археологических объектов, расположенных в районе пос. Монды

Fig. 1. Map of archaeological sites located in the area of Mondy village

1999) позиционируется как Монды IV. Могильник расположен на южной окраине поселка, на правом берегу р. Иркут, в 200 м вверх по течению от моста через р. Иркут, к югу от дороги Култук – Монды (отметка 207/10 км), на высоте 40–45 м над уровнем реки. Памятник открыт в 1991 г. Л.В. Лбовой и Э.Р. Гречищевым.

На могильнике выделены четыре искусственные конструкции из камня. Кладка № 1 диаметром 0,7 м и высотой 0,3 м находилась прямо напротив отметки 207/10 км. Кладка № 2, курган с размерами 3×2 м, сложена из крупных валунов, от кладки № 1 находится в 80 м на запад. Кладка № 3 расположена в 25–30 м от кладки № 2. Она овальной формы, вытянута по оси запад–восток, ее размеры – 2×1 м. Кладка задернована, сложена из средних и крупных валунов. К востоку от кладки, за ее пределами установлен крупный вертикальный валун высотой 0,8 м. Кладка № 4 расположена в 35–40 м от кладки № 1, вытянута по оси запад–восток; имеет размеры 4,0×1,7 м и высоту 0,6 м. На могильнике проведена тахеометрическая съемка, сделан топографический план.

Во время работ 2002 г. археологами из Улан-Удэ не был обнаружен археологический объект, фигурирующий в работе «Древности Бурятии...» как Монды II, а в отчете – как Монды III. Авторы отчета считают, что он был разрушен в результате хозяйственной деятельности. Во время осмотра Мондинской пещеры выяснилось, что часть ее уничтожена строительными работами.

На территории с. Монды участниками археологической экспедиции 2002 г. выявлена стоянка Мон-

ды (Булухта). Она находится на западной окраине села, на левом приустьевом мысу ручья Булухта, в 0,1 км на север от устья, на высоте 2,5–3,0 м от уровня ручья. Памятник открыт в 1997 г. Л.В. Лбовой. Культурный слой зафиксирован на глубине 0,5–0,6 м от современной поверхности земли на площади 0,03 кв.м. Подъемный материал представлен нуклеидными обломками, фрагментами керамики и отщепами.

У отметки 189/30 км трассы Култук – Монды Л.В. Лбовой и ее коллегами осмотрен средневековый могильник, получивший название Могойты I. Исследователи считают, что этот археологический объект описан у Б.Э. Петри как расположенный в 18 км от с. Монды. В работе «Древности Бурятии...» он определен как Монды I. Памятник находится на правом берегу Иркута, справа от дороги в с. Кырен, в 1 км от моста через р. Иркут. На нем отмечено четыре кладки, из которых одна раскопана. Целые кладки диаметром 0,7 м сложены из мелких и крупных камней (Лбова и др., 2002, л. 14).

В 2011 г. был опубликован Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия (том 2), который включал памятники археологии. В этой работе, невзирая на коррективы, которые были сделаны в отношении археологических объектов, расположенных в окрестностях пос. Монды в 2002 г., никаких изменений внесено не было. В нем представлены те же объекты, что и в работе Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной 1999 г., с тем же описанием и нумерацией. При этом были допущены еще и дополнительные неточности. Фотография, которая относится к могильнику Монды IV, помещена в раздел Монды I – могильник

(Средневековье), а фотография, относящаяся к могильнику Монды III, находится в разделе Монды II (Памятники археологии, 2011, с. 357–358).

В общей сложности к 2020 г. в окрестностях с. Монды было известно три археологических объекта: стоянка Монды (Булхуга) и средневековые могильники Монды 1 (в «Древностях Бурятии...» – Монды III) и Монды 2 (в «Древностях Бурятии...» – Монды IV). Чтобы избежать путаницы, в дальнейшем будем использовать для них эти же названия (рис. 1).

В списках археологических объектов Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГиП Республики Бурятия могильник Монды 1 известен как «Средневековый могильник (XII–XIV вв. н.э.)», п. Монды, в 0,5 км от западной окраины села, на юго-восточном и восточном предгорном шлейфе Мондинской горы, на высоте около 100 м. Могильник Монды 2 фигурирует под названием «Монды. Могильник», в 200 м западнее 207 км автодороги Култук – Монды – госграница. Оба объекта занесены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия.

Отсутствие достаточно четких представлений о том, где же находился могильник, исследованный Б.Э. Петри в 1920-х гг. в Тункинской долине, требовало проведения дополнительных археологических работ, которые могли прояснить эту ситуацию. Возможность предпринять подобные исследования возникла в 2020 г. Для раскопок были выбраны два могильника, расположенные в окрестностях Монды – Монды 1 и Монды 2. При этом еще при ознакомлении с этими археологическими объектами стало понятно, что на роль могильника, раскапываемого Б.Э. Петри, мог претендовать только первый из них. Он располагался на пологом склоне горы, в соответствии с геоморфологической ситуацией, характерной для могильников первой половины II тыс. н.э. Байкальского региона. На его территории фиксировались ямы, заполненные камнями, походившие на старые раскопы, а также задернованные и покрытые лишайником искусственные конструкции округлой формы, напоминавшие надмогильные кладки. При ознакомлении с могильниками Монды 2 и Могойтуй 1 стало ясно, что их каменные конструкции, воспринимавшиеся первооткрывателями как надмогильные, сооружены не так давно – они не успели покрыться дерном и зарости лишайником. Их расположение возле дороги, на пониженных участках местности наводило на мысль, что они могли возникнуть благодаря работе бульдозеров во время строительства дороги Култук – Монды.

Результаты раскопок на могильнике Монды 2 подтвердили его поздний возраст. На месте комплек-

сов № 2 и 2а в 2020 г. был разбит раскоп размерами 10,5×5 м, ориентированный длинными сторонами по линии север–юг. Под камнями кладки комплекса № 2 и на территории раскопа найдены пластиковые коробки, стекла, ведро, фанера. Это свидетельствовало о том, что кладка комплекса № 2, как и остальные каменные конструкции Монды 2, была сооружена не ранее 1980-х гг., вероятно во время строительства или реконструкции дороги.

Интересные результаты получены при исследовании могильника Монды 1, находящегося на юго-восточном склоне Мондинской горы. С восточной и южной сторон Мондинская гора оканчивается крутыми склонами, спускающимися к пос. Монды и берегу Иркутка. Северный склон горы зарос смешанным лесом, а южный – покрыт степной растительностью. На вершине горы установлены антенны связи, к которым по восточному склону поднимается проселочная дорога. Параллельно дороге к вершине горы следует ЛЭП. На восточном пологом склоне горы находится участок распаханной земли, по периметру которого установлена деревянная изгородь, разрушенная на некоторых участках.

Искусственные каменные кладки Монды 1 располагались тремя группами. Первая из них находилась в северо-восточной части памятника, между двумя огородами и краем крутого склона горы, спускающегося к усадьбам пос. Монды. В эту группу входили комплексы № 1–3, раскопанные в 2020 г. Вторая группа локализовалась в западной части памятника и включала комплексы № 4–8, из которых не был раскопан только комплекс № 8, сооруженный, судя по степени задернованности каменной кладки, в XX в. Комплексы № 4–7 были вскрыты до 2020 г. Третья группа комплексов с искусственными каменными кладками располагалась в юго-западной части памятника, у края крутого склона, спускающегося к Иркуту. Она включала комплексы № 9–19, из которых только комплексы № 18 и 19 остались нераскопанными, т.к. сооружены не ранее XX в.

В ходе археологических работ 2020 г. могильник Монды 1 был полностью исследован. На его территории остались лишь три нераскопанных искусственных сооружения, которые были возведены не ранее XX в. и не имеют отношения к могильнику первой половины II тыс. Общая вскрытая на памятнике площадь составила 248 кв.м. Остатками захоронений XIII–XIV вв., разграбленными в древности, оказались два из раскопанных комплексов, № 1 и 2. По своим конструктивным особенностям они близки к погребениям, которые исследовал Б.Э. Петри. Эти аналогии подтверждают предположение о том, что именно на могильнике Монды 1 проводились полевые исследования в 1920-х гг.

Список литературы и источников

- Лбова Л.В., Хамзина Е.А.** Древности Бурятии. Карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 1999. – 241 с.
- Лбова Л.В., Базаров Б.А., Конев В.П., Жамбалгарова Е.Д.** Отчет о мониторинге археологических памятников Тункинском районе Республики Бурятия // Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия АГИП Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2002.
- Окладников А.П.** Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова / Отв. ред. Г.Д. Санжеев. – М.: Восточная литература, 1958. – С. 200–213.
- Окладников А.П.** Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Изд. 2. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013. – 390 с.
- Памятники археологии / Редкол.: Т.Г. Цыбиков и др.;** науч. ред. П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2011. – 392 с. (Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. – Т. 2).
- Петри Б.Э.** Древности озера Косогола (Монголия) // Бюллетень Всесоюз. науч. ассоц. востоковедения, Иркут. фил. – 1926. – № 1. – С. 92–100.
- Петри Б.Э.** Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах (Предварительные данные) // Сб. трудов проф. и пр. Иркутского ун-та. – Иркутск, 1927. – Вып. 12. – С. 217–235.
- Сирина А.А.** Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 57–80.
- Соболева Е.С.** Монгольский этап экспедиций Бернгарда Эдуардовича Петри // Рериховское наследие. XVI Междунар. науч.-практ. конф., 90-летие северного маршрута Центральноазиатской экспедиции Н.К. Рериха (7–9 октября 2016 г., г. Санкт-Петербург / Гл. ред. А.А. Бондаренко, отв. ред. В.Л. Мельников. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. – С. 92–117.
- Сосновский Г.П.** Поздние кочевники Забайкалья. Материалы // Научный архив ИИМК РАН. – Ф. 42, оп. 1. – Д. 237.
- Сосновский Г.П.** Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. – 1940. – Вып. VII. – С. 86–89.
- Хамзина Е.А.** Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970. – 141 с.
- Хамзина Е.А.** Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982. – 153 с.
- Хороших П.П.** По пещерам Прибайкалья (Экскурсии в пещеры Прибайкалья). – Иркутск: Иркутское кн. изд-во, 1958. – 72 с.

A.V. Kharinsky^{1,2}, M.A. Portnyagin¹

¹ Irkutsk National Research Technical University (Russia)

² Irkutsk State University (Russia)

TO THE QUESTION OF THE LOCATION OF TUNKA BURIAL GROUND, EXPLORED BY B.E. PETRI IN THE 1920s

In the mid-20s of the 20th century, B.E. Petri excavated several burial sites of the 12th–14th centuries in the Tunka Valley (the Baikal Region). Information about them has not been published. A small report about B.E. Petri's excavations, along with photographs, appeared only in the book of A.P. Okladnikov "Essays from the history of the western Buryats-Mongols (17th–18th centuries)", published in 1937. According to the photos, B.E. Petri excavated at least two human graves in the Tunka Valley, in which the dead were located in a deck stretched out on their backs. Above the grave pit, round gravestone masonry of boulders was constructed. In addition, he opened the ritual burial of a ram. Tunka graves excavated by B.E. Petri, together with a number of graves from the territory of southern Buryatia, were identified by G.P. Sosnovsky as Mongolian graves by the beginning

of the 1940s, summarizing the data on the graves of nomads. For the first time, a specific indication of the place where B.E. Petri conducted excavations was made by E.A. Khamzina in 1982. In her opinion, the burial ground was located on the left bank of the Irkut River, at the foot of a small hill, 18 km from the village of Mondy. The work carried out in 2020 in the vicinity of Mondy village by the archaeological team of Irkutsk Technical University made it possible to clarify the location of the burial ground where B. E. Petri conducted excavations. It does not correspond to the description given by E.A. Khamzina. The burial ground, where the burials of the 12th–14th centuries were found – Mondy 1, located 0.5 km from the western edge of Mondy village, not 18 km away, on the eastern slope of the Mondy Mountain. In 2020, two destroyed graves of the 13th–14th centuries were opened on it.

KEYWORDS: Baikal Region, Tunka Valley, B.E. Petri's excavations, historiography, burial ground of Mondy 1, Mongolian graves.

任冠，魏坚

中国人民大学历史学院（中国）

唐朝墩古城浴场遗址与丝绸之路东西交流

唐朝墩古城遗址，位于新疆维吾尔自治区昌吉回族自治州奇台县县城东北部的水磨河西岸台地之上，西距北庭故城遗址约30千米，南距天山东段博格达山约40千米，北距古尔班通古特沙漠约20千米，东距巴里坤湖约260千米，地处丝绸之路新北道之上。

2018~2019年，中国人民大学与新疆文物考古研究所合作，连续2年对唐朝墩古城遗址进行了考古调查、勘探和发掘，基本确认唐朝墩古城遗址为唐代庭州蒲类县县城，始建于唐贞观十四年（640年）前后，沿用于高昌回鹘时期，至14世纪蒙元时期逐渐废弃。

唐朝墩古城遗址一个重要的考古发现，就是清理出了1处面积约400平方米的建筑基址，根据地层关系和遗存情况，判断为一处较为完整的高昌回鹘时期的浴场遗址。该遗址的整体结构和建筑布局，特别是由砖砌支撑柱构成的下层供热系统，体现了浓郁的罗马建筑风格。

一、浴场遗址概况

浴场遗址位于唐朝墩古城的东北部，整体结构由中心部位的砖砌主体建筑（编号F5）、东侧相接的土坯建筑（编号F4）和北侧中心的灶址（编号Z6）及左右两端的水井（编号J3、J5）等相关遗迹构成（图1）。出土的遗物有相关器物与建筑构件等。

1、基本形制

浴场遗址为半地穴式结构，由上下两层建筑空间构成：下层基础部分位于原地表之下，为烟道和供热的基础建筑空间，东侧多有破坏，西侧保存状况较好；上层建筑基本位于原地表之上，为浴场使用的活动空间，大部已坍塌无存，仅西南角保存有高约0.4米的墙体和黑灰色建筑材料抹出的覆盖层。

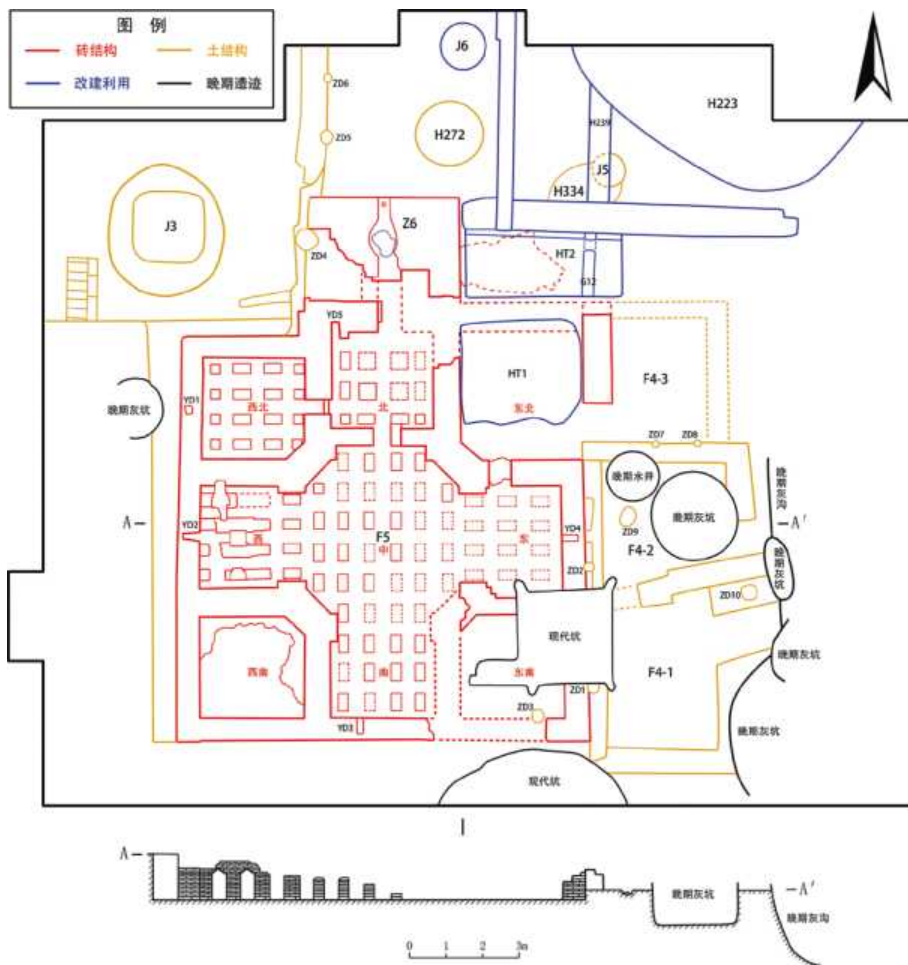

图 1 唐朝墩古城浴场遗址平、剖面图

Fig. 1. Plane and section view of the Tang Dynasty Dun Ancient Bathing Site

砖砌主体建筑（F5）位于浴场中心，平面近方形，南北长约12米、东西宽11.5米、现存高度0.5~1.1米，整体面积约138平方米。F5外围以砖块逐层平砌墙体，内部以砖墙分隔，按方位可划分为9个区域：中心区域为八边形，其余8个区域两两对称，平面均近方形。除东北、东南、西南3个区域外，其余6个区域的下层基础部分均建有砖砌支撑柱。支撑柱多呈长方形，以1方砖和1长条砖错缝平砌。支撑柱间距约0.4~0.5米。西侧区域内支撑柱的顶部结构尚有保留：东西两支撑柱的顶部各以1块方砖斜向砌“人”字形结构相抵，两侧错缝平砌，并逐层向南北加宽，至顶层将方砖平架于南北两支撑柱

之间，形成顶部封闭平面，由此架构起浴场上层空间的地面（图2）。F5外围墙体四壁向上共开5个出烟口（YD1~YD5），其中西壁中部和北侧各1个，其余3壁各1个。

这种下层以砖砌支撑柱为支架，将建筑分为上下两个封闭空间的建筑方式，在古罗马时期的《建筑十书》中称之为“挑空式地板”（[古罗马]维特鲁威著；[美]I. D. 罗兰译；[美]T. N. 豪评注/插图；陈平译：《建筑十书》，北京大学出版社，2017年，第139页），即利用支撑柱构建浴场的地下供热系统，在使用时炉灶燃烧的烟火可以通过支撑柱之间的烟道在浴场下层流动，形成“地热”，用以维持浴场上层洗浴空间的温度（图3~4）。

图 2 唐朝墩古城浴场遗址下层西侧支撑柱结构

Fig. 2. The structure of the support column on the west side of the lower layer of the Tang Dynasty Dun Ancient City Bathing Site

图 3 瑞士阿旺什罗马浴场复原后的支撑柱结构

Fig. 3. The restored support column structure of the Roman Baths of Aventicum in Avenches, Switzerland

图 4 唐朝墩古城浴场遗址航拍图(东南—西北)

Fig. 4. Aerial view of the Tang Dynasty Dun Ancient Bathing Site (Southeast-Northwest)

砖砌主体建筑(F5)的西南、东南、东北3个区域的下层基础部分未发现支撑柱结构。西南角保存状况较好,下层底部使用夯土垫平,中部以上铺多层碎砖,表面以碎砖和黄土填实铺平后,在地面覆盖一层黑灰色硬面。东北区域存在东向门道,与东侧土坯建筑相通。东南区域已被现代坑严重破坏,根据浴场的对称布局推测,可能也存在与东侧土坯建筑相连的东向门道。

东侧土坯建筑(F4)位于浴场砖砌主体建筑(F5)东侧,墙体为土坯垒砌,南北并列3间,整体南北长约

13.5米、东西宽约5.3米。F4破坏较为严重,根据残留遗迹判断,3间房址门道均为东向,南、北2间建筑的西墙有出入浴场主体建筑的通道。

北侧灶址(Z6)位于浴场主体建筑正北,平面近椭圆形,南北长约2.3米、东西宽约2米。北壁较平整,底部以红砖错缝顺砌,至顶部起拱券,残高约0.76米。灶膛南侧与浴场砖砌主体有火道相连,北侧留有残损后的拱形灶门(图5)。灶址北侧留有较大空间,清理出大量灰烬堆积,推测应为浴场炉灶的工作间。

图 5 唐朝墩古城浴场遗址北侧灶址结构(北—南)

Fig. 5. The structure of the stove site on the north side of the Tang Dynasty Dun Ancient City Bathing Site (North-South)

在浴场主体建筑的西北和东北部分别发现2口水井(J3、J5)。J3较大,井口略近椭圆形,南北长约3.5米、东西短径约3.2米,井壁向下渐收呈圆角方形,深约10米,底部周壁有方形木框,框内铺填碎石子用以过滤井水。J5较小,井口近圆形,直径约0.86米,深约7.1米。

此外,在浴场遗址的东北部,清理出夯土台、土坯墙和排水管道等多个与浴场炉灶及水井有关的遗迹单位,据地层关系和出土物判断,年代应为蒙元时期,可见浴场在该时期仍旧进行过改建利用。

2、出土遗物

浴场遗址内出土遗物种类丰富,包括陶器、瓷器、铁器、铜器、骨器、石器、玻璃器和建筑构件等。

陶器以水井(J5)出土的器物组合最典型,主要为陶盆、陶壶、陶罐等,其中陶壶多单把带流,此类器皿可能为洗浴时使用的盛水器具(图6)。

出土的建筑材料主要有白灰墙面和砖。发现的白灰墙面多有6~8层贴合在一起,每层厚约0.3~0.5厘米,部分残块在多个层面上均带有黑色或红色的彩绘,可辨识花瓣等纹样(图7)。

浴场建筑用砖多为红色,少量黄褐色,有的砖表面颜色斑驳。主要有边长分别为42、35和28厘米的3种方砖和边长28×14厘米的长条砖,厚度均约5厘米。其中边长28厘米的方砖和28×14厘米的长条砖主要用于砌筑浴场墙体和支撑柱;边长42厘米的方砖数量较少,主要用于铺架在支撑柱之间,砌筑浴场上层地面;边长35厘米的方砖多用于砌筑浴场墙体。砖以素面为主,表面多留有烟熏痕迹,部分砖面上留有动物爪印或斜向凹槽(图8)。

图 6 唐朝墩古城浴场遗址水井(J5)出土陶器

Fig. 6. Pottery excavated from the well (J5) of the Tang Dynasty Dun Ancient Bathing Site

图 7 唐朝墩古城浴场遗址出土彩绘墙面残块

Fig. 7. Painted wall fragments unearthed at the Tang Dynasty Dun Ancient Bathing Site

图 8 唐朝墩古城浴场遗址出土建筑用砖

Fig. 8. Building bricks unearthed from the Tang Dynasty Dun Ancient Bathing Site

二、国内外浴场的考古发现

浴场建筑遗址在欧洲和西亚、中亚多有发现，在国内发现则相对较少。试举例分析如下。

1、国外浴场的考古发现

西方的浴场建筑最早出现在古希腊，至公元前1世纪的罗马共和时期，已在地中海沿岸地区普遍分布。罗马浴场最显著的特点即“挑空式的地热系统”（hypocaust），该结构能够有效的保障浴场内的温度。

庞贝古城中的斯塔比亚浴场（Stabian baths）是现存最早的罗马公共浴场之一。该浴场位于庞贝古城南部，建成于公元前2世纪中叶。浴场平面近梯形，洗浴区位于东侧，其中南部为男子浴室，北部为女子浴室；洗浴区中部为锅炉房（Fur），两侧男女浴室布局基本对称，依次为热水室（C）、温水室（T）、更衣室和门厅（A），南部男子浴场内还设置有冷水室（L）。浴场西侧有配套的游泳池和角力学校（运动场）等场所（图9）。

罗马帝国时期是罗马浴场建筑发展的顶峰，随着罗马帝国的强盛与扩张，浴场作为最重要的公共建筑之

一，无论是数量、规模，还是分布范围都有了明显的提升。据统计，至5世纪初仅罗马城中就有867座公共浴场（邢义田：《古代罗马的公共浴场》，《西洋史集刊》第8期，国立成功大学历史学系，1998年，第73页），此外还有未统计在内的大量私人浴场，洗浴成为罗马城中一项重要的社会活动。浴场的单体规模日益增大，整体多采用轴线对称的布局方式，以彰显浴场的宏伟和华丽。在空间分布上，罗马浴场也从地中海沿岸向四周扩散，西至西班牙、东至两河流域、北至英国，南至北非均发现有罗马浴场的分布。

建于公元3世纪初的卡拉卡拉浴场（Baths of Caracalla）是现存最完整的罗马帝国时期公共浴场之一。该浴场位于罗马城南部，呈东北—西南向，东西宽约412米，南北长约393米，最多可同时容纳近2000人。该浴场采用中轴线对称的布局方式，轴线上自北向南依次为冷水、温水和热水室，更衣室和门厅分列两侧，在延续罗马浴场基本构成要素的基础上，增加了包间浴室、讲堂和图书馆等结构（图10）。

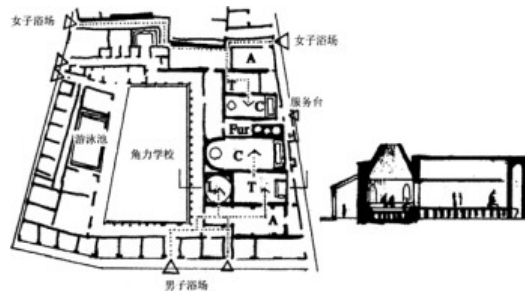

图 9 庞贝古城斯塔比亚浴场 (Stabian baths) 平、剖面图
（[古罗马]维特鲁威著；[美]I.D.罗兰译；[美]T.N.豪评注/插图；陈平译：《建筑十书》，北京大学出版社，2017年，第369页）

Fig. 9. Plan and section view of Stabian baths in Pompeii（[古罗马]维特鲁威著；[美]I.D.罗兰译；[美]T.N.豪评注/插图；陈平译：《建筑十书》，北京大学出版社，2017年，第369页）

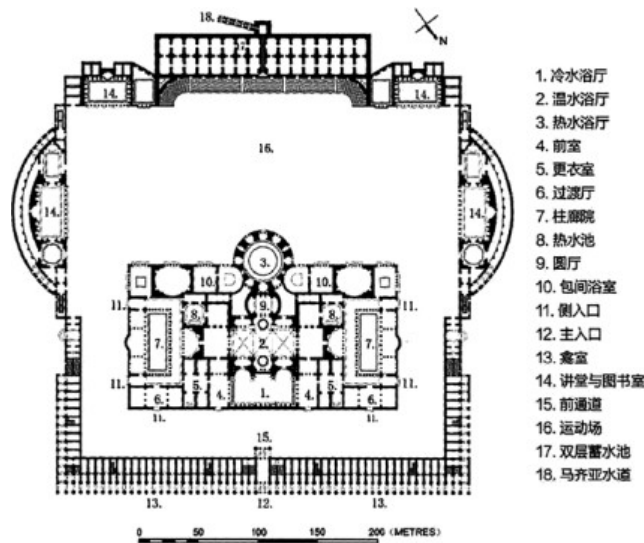

图 10 罗马城卡拉卡拉浴场 (Baths of Caracalla) 平面图
（刘临安：《古罗马浴场的兴衰历史、建筑形制与保护方式》，《建筑师》2015年第3期，第74页）

Fig. 10. The floor plan of the Baths of Caracalla in Rome（刘临安：《古罗马浴场的兴衰历史、建筑形制与保护方式》，《建筑师》2015年第3期，第74页）

罗马浴场向东传播到小亚细亚和两河流域后，与当地波斯建筑风格和传统融合，在布局结构和内部装饰等方面出现了演变。首先，浴场结构趋于简化，取消了游泳池、运动场、图书馆等罗马浴场常见设施，以浴室和更衣休息室两部分为主，整体面积有所减小；其次，建有地热系统的浴室空间缩小，与之相对，更衣休息室等不具备地热系统的空间增大，二者多采用平行排列的布局方式，讲究空间上的对称；再次，随着技术的提升，除罗马式地热系统外，蒸汽加热的方式更为普遍，与此同时，大型的洗浴水池减少，取而代之的是小型的水池或盥洗盆，洗浴活动的私密性有所提高；最后，室内建筑多采用波斯式的圆形穹顶、砖券拱门、拱形廊道等结构，装饰也具有显著的波斯艺术风格。

上述浴场形制的演变在叙利亚、约旦、黎巴嫩等西亚地区发现的大量公元3~8世纪的浴场遗址上表现的最为突出(图11)。随着阿拉伯帝国的兴起，这种更为经济实用、平民化的浴场广为盛行。据记载，至公元10世纪的穆格台迪尔时代，仅巴格达就有约27000座浴室(林梅村：《波斯文明的洗礼——2012伊朗考察记之四》，《紫禁城》2012年第9期，第17页)。以该区域作为节点，浴场的建筑形式沿丝绸之路继续向东传播至中亚乃至我国新疆地区。因此，其平面布局的基本形态对唐朝墩古城浴场遗址的布局结构的影响是显而易见的。

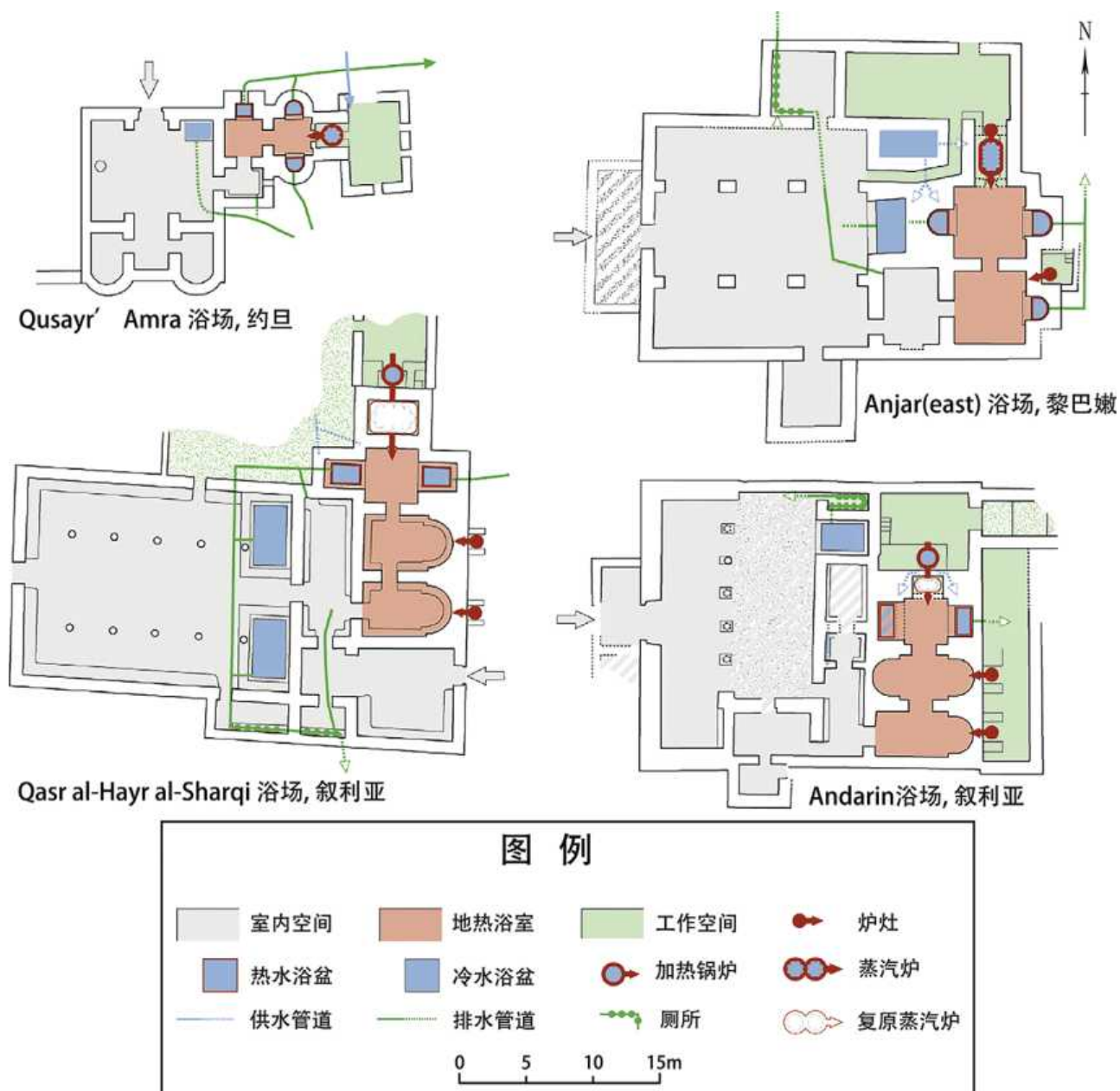

图 11 西亚地区倭马亚王朝时期浴场平面图 (Fournet, 2012)

Fig. 11. The floor plan of the Umayyad baths in West Asia (after Fournet, 2012)

乌兹别克斯坦布哈拉发现有近20处公共浴场, 其中建于公元16世纪的坎加克浴场 (Kunjak Baths), 虽然年代晚于唐朝墩古城浴场遗址, 但在整体布局和形制结构方面与唐朝墩古城浴场遗址存在着极大的相似度。坎加克浴场位于布哈拉中心偏西, 南北长约30米, 东西宽约19米, 北侧为更衣室, 入口朝东; 南侧浴室基本对称, 中心为八边形大厅, 向外延伸出多个独立的浴室; 炉灶位于浴场西侧, 地面建筑采用拱门和圆形券顶结构 (图12)。

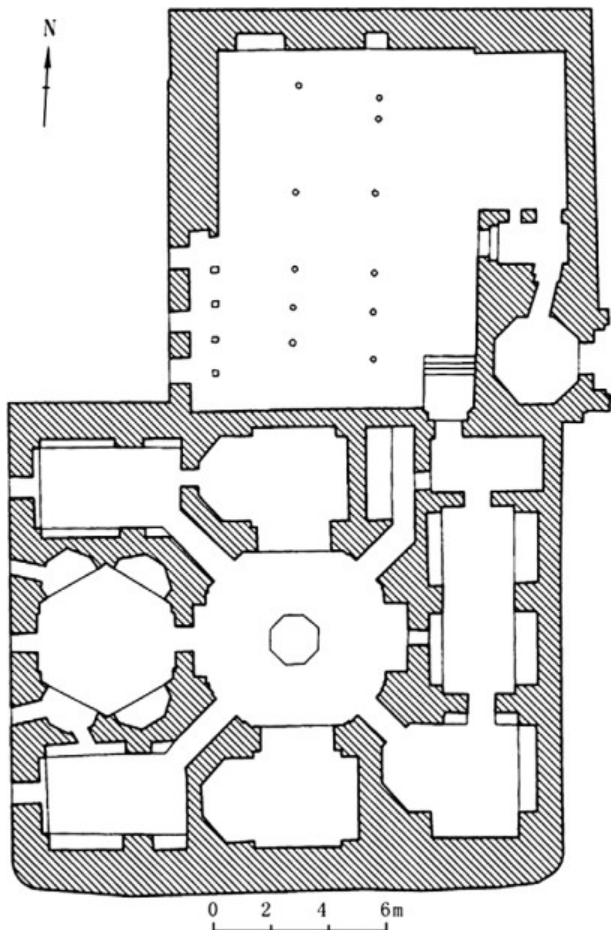

图 12 乌兹别克斯坦坎加克浴场 (Kunjak Baths) 平面图 (Asanova, Dow, 2001, p. 192)

Fig. 12. Plan of Kunjak Baths in Uzbekistan [after Asanova, Dow, 2001, p. 192]

总体而言, 不同地区不同时期浴场的布局结构和装饰风格存在着差异, 但仍可以归纳出以下几点共同的特征: 首先, 浴场由不同功能的浴室构成, 多采用对称布局, 热水室、温水室、冷水室、更衣室和门厅是罗马浴场的基本构成要素, 部分浴场的温水室旁还会建造桑拿或蒸汽浴室, 称之为斯巴达式浴室, 而地中海以东的浴场多以蒸汽浴为主, 在主厅周边同样建有不同功能的小厅。其次, 浴场使用挑空式地板的地热系统, 利用炉灶燃烧的烟火为浴场加热, 各浴室也根据与炉灶距离的远近区分为不同的温度。再次, 浴场顶部多采用拱券结构, 以保证热气的流通与循环。

2、国内发现的浴场

我国历史文献中有大量关于洗浴活动的记载, 但发现的浴场遗址数量较少, 其中如秦汉骊山汤遗址、唐华清宫汤池遗址等均为借助天然温泉修筑的浴场。近年来在新疆达勒特古城遗址考古发掘中, 发现有炉灶与浴池配套的洗浴建筑遗址, 但资料尚未公布。目前仅故宫武英殿浴德堂资料较丰富, 可与唐朝墩古城浴场遗址进行比较。

浴德堂位于故宫武英殿西北, 据考始建于元代 (单士元:《故宫武英殿浴德堂考》,《故宫博物院院刊》1985年第3期,第48页), 整体坐北朝南, 南北长约36米, 东西宽约24米, 由正殿、浴室、烧水灶间、地暖烧火间和水井等构成。其中浴室建筑呈方形, 边长约4米, 圆形穹顶, 正中开有天窗, 地面东北角有地漏, 与东侧排水沟相连。浴室南侧为正殿, 北侧为烧水间和地暖间, 地暖间烟道与浴室下方地热系统相连。水井位于浴室西北侧, 建于高台之上, 井口铺有石槽与烧水间相连 (图13)。

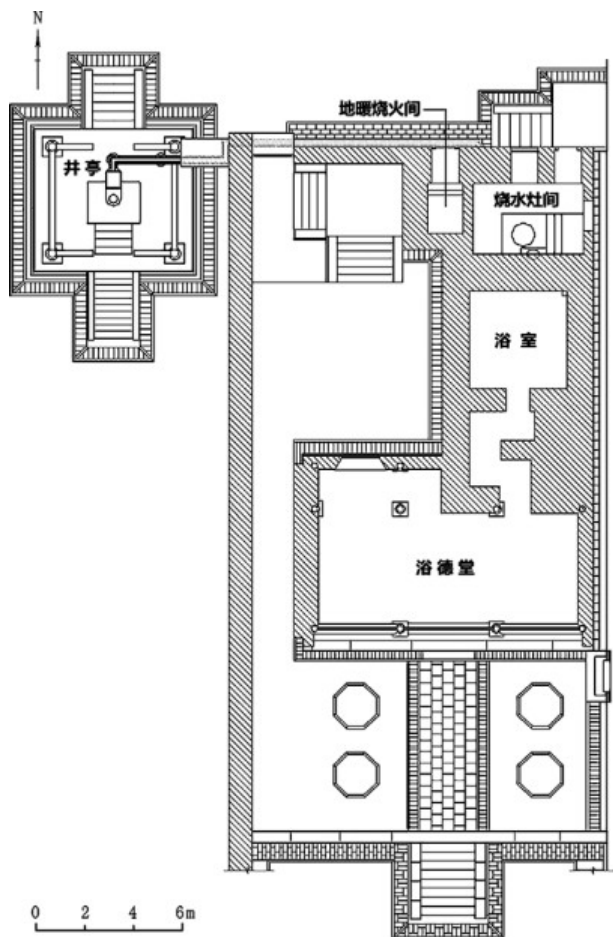

图 13 故宫浴德堂平面图

(王文涛:《浴德堂建筑研究补论》,《故宫博物院院刊》2019年第7期,第92页)

Fig. 13. Floor plan of Yude Hall of the Forbidden City

(王文涛:《浴德堂建筑研究补论》,《故宫博物院院刊》2019年第7期,第92页)

虽然浴德堂仅有1间浴室，但整体保存较完整，西侧水井修于高台之上，便于洗浴用水的引流，排水设置于浴室东北，与供水分离，均与唐朝墩古城浴场布局一致。浴室的地暖系统、拱券通道和圆形穹顶结构也袭承了罗马浴场的传统。可见罗马浴场的建筑技术和风格并没有止于天山，而是随着东西文化交流的加深，沿丝绸之路一直向东传播。

三、初步研究

据考古发掘，唐朝墩古城遗址始建于公元7世纪上半叶的唐代早期，至14世纪逐渐废弃，主要历经了唐、高昌回鹘和蒙元等3个时期。

1、浴场年代

根据层位关系和出土遗物，可确定浴场遗址最初营建于高昌回鹘时期，至蒙元时期曾被改建沿用。浴场内出土的器物也与唐朝墩古城遗址其它发掘区出土的高昌回鹘至蒙元时期遗物一致，印证了浴场的始建、沿用和废弃年代。

除地层关系和出土遗物外，我们在浴场烟道、灶址、墙体、地表、水井等位置均采集了碳十四测年样本，校正后的碳十四测年结果最早为公元890~982年（±20），最晚为公元1247~1287年（±20）。因此可初步确定，唐朝墩浴场遗址的始建年代约在公元10世纪前后，主要使用于高昌回鹘时期，期间历经多次修缮，至蒙元时期在浴场基础上又进行改建利用，约13世纪末废弃。

2、选址与布局

唐朝墩古城遗址位于水磨河西侧的黄土台地之上，浴场选址于城内东北部，邻近水磨河河道，与河床高差约10米，有利于浴场废水的排放。奇台县境为温带大陆性气候，夏季盛行南风，秋冬季节多西北大风。浴场整体坐西朝东，背风向阳，布局规整对称，十分有利于内部的防风保温。

参考国内外相关浴场的布局和功能，唐朝墩古城浴场遗址按功能也可分为门厅区、工作区和洗浴区等3个区域。

东侧土坯建筑为浴场的门厅区。南北2间房址可能均存在出入浴场的通道，中间的房址未与浴场主体相通，可能为入口的工作间。

北侧水井、灶址所在的区域为浴场的工作区。灶址提供沐浴所需的热水，燃烧产生的烟火通过地热系统维系浴场上层空间的温度。位于西北部的水井建于高台之上，可以居高引流为浴场提供水源；位于东北部的水井开口位置较低，判断应为浴场的排渗水井。

砖砌主体建筑为浴场的洗浴区。按空间方位来看，东北、东南2个空间连通门厅，可能为浴场的更衣室；北部空间距灶址最近，应为浴场的热水室；西南空间底部采用夯土结构，未砌筑支撑柱，推测该区域可能为冷水室；中部空间规模最大，同时可以连通东、西、南、北等4个空间，可能为最主要的温水室，将温水室置于热水室和冷水室之间的浴场中心，也是罗马浴场常见的布局方式；与中心相连的东部、西部和南部空间可能为温水室的延伸；西北独立空间烟熏痕迹最为显著，可能为浴场的热水室或桑拿、蒸汽室也未可知，其东侧烟道有被碎砖封堵的现象，可见该空间在使用过程中后来也可能改为了冷水室（图14）。

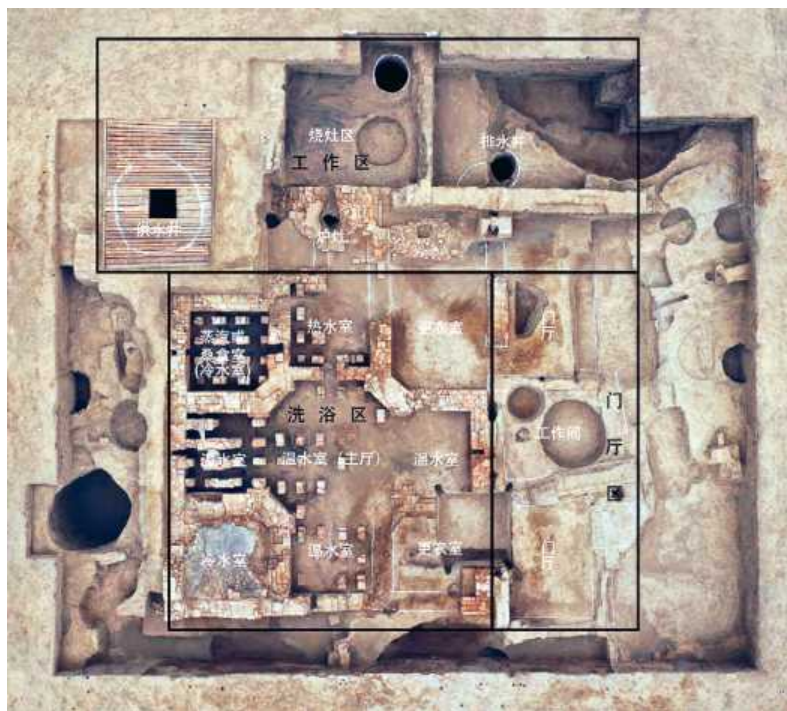

图 14 唐朝墩古城浴场遗址功能分区示意图

Fig. 14. Schematic diagram of functional zoning of the Tang Dynasty Dun ancient city bathing site

四、结语

唐朝墩古城遗址始建为庭州所辖蒲类县县城, 由于缺少文献记载, 高昌回鹘时期的历史沿革难以考证, 但可以确认的是, 城址西距高昌回鹘夏都北庭故城仅30千米, 又地处丝绸之路新北道之上, 应是当时天山北麓的重要城市之一。

唐朝墩古城浴场规模较大, 建筑规格较高, 沿用时间较长, 期间又历经多次修缮, 因此, 其作为城市公共浴场的可能性较大。由于唐朝墩古城地处欧亚草原内陆地区, 夏季炎热, 多大风天气, 冬季寒冷, 无霜期较短, 在这种气候条件下, 建设公共浴场就显得合乎情理: 一方面可满足城市居民日常清洁的需要, 另一方面也可供往来旅人沐浴休憩。

北宋王延德出使高昌途中记载: “次历拽利王子族, 有合罗川, 唐回鹘公主所居之地, 城基尚在, 有汤泉池。”〔北宋〕王延德:《西州使程记》, 杨建新等编著:《古西域行记十一种》, 新疆美术摄影出版社, 2016年, 第224页)可见回鹘人有营建浴场, 进行沐浴清洁的习俗和传统。

参考文献

- [古罗马]维特鲁威著; [美]I. D. 罗兰译; [美]T. N. 豪评注/插图; 陈平译:《建筑十书》, 北京大学出版社, 2017年。
〔北宋〕王延德:《西州使程记》, 杨建新等编著:《古西域行记十一种》, 新疆美术摄影出版社, 2016年。
邢义田:《古代罗马的公共浴场》, 《西洋史集刊》第8期, 国立成功大学历史学系, 1998年。
刘临安:《古罗马浴场的兴衰历史、建筑形制与保护方式》, 《建筑师》2015年第3期。
林梅村:《波斯文明的洗礼——2012伊朗考察记之四》, 《紫禁城》2012年第9期。
王文涛:《浴德堂建筑研究补论》, 《故宫博物院院刊》2019年第7期。

Ren Guan, Wei Jian

Renmin University of China (China)

THE BATH REMAIN IN THE TANGCHAODUN CITY SITE AND THE CULTURAL INTERACTION BETWEEN EAST AND WEST ALONG THE SILK ROAD

During the excavation of the Tangchaodun city from 2018 to 2019, a bath remain from the 10th to 13th century has been discovered. The bath remains consisted of main brick buildings, adobe buildings, and other supporting facilities such as stove and wells. This type of baths first appeared in the ancient Greece on the Mediterranean coast, which was gradually matured and spread to the surrounding areas in the Roman Empire. In Western Asia, the baths have undergone a structural evolution due to the influence of the Persian architectural styles,

高昌回鹘时期, 摩尼教和佛教盛行, 而洗浴往往与宗教活动息息相关。中原地区佛寺中也常建有浴室并面向民众开放。因此, 唐朝墩古城浴场遗址也可能与宗教活动存在一定的关联, 但目前尚未在浴场遗址及周边发现与宗教相关的遗迹或遗物, 故本浴场是否与宗教活动相关, 还有待今后开展更多的考古工作验证。

从地中海沿岸到天山北麓, 罗马浴场的传播与扩散是东西文化交流的直接映射。唐朝墩古城浴场遗址在形制布局、建筑技艺等方面具有浓郁的罗马风格, 而浴场出土的各类遗物、墙面的装饰彩绘等又明显具有中原和本地特征, 反映了东西方建筑传统和技术在丝绸之路上的交融与创新。

洗浴是人类社会活动中重要的一环, 作为国内少见的浴场遗址, 此次发现为我们探讨公元10~13世纪天山北麓的城市生活景象提供了资料与依据, 也为我们透物见人, 从社会史的角度研究丝绸之路上的东西文化交流, 考察当地多民族大一统格局的形成提供了重要线索。

单士元:《故宫武英殿浴德堂考》, 《故宫博物院院刊》1985年第3期。

Asanova G., Dow M. The Šarrāfān Baths in Bukhara // Iran. – 2001. – Vol. 39. – P. 187–205.

Fournet T. The ancient Baths of Southern Syria in the Near Eastern Context. Introduction to the Balnéorient project // SPA. SANITAS PER AQUAM: Proceedings of the International Frontinus-Symposium on the Technical and Cultural History of Ancient Baths (Aachen, March 18–22, 2009) / Eds R. Kreiner, W. Letzner. – Leuven; Paris; Walpole, MA: Peeters, 2012. – P. 327–336.

and finally spread to Central Asia and Xinjiang. The bath remain can be divided into three areas according to the different functions, including a hall area, a bathing area and a work area. The structure of the bath remain was obviously influenced by the Roman style, while the relics and inner decoration have significant central plains and local characteristics, reflecting the cultural communication and integration between East and West along the Silk Road.

KEYWORDS: Tangchaodun city site, bath remains, Gaochang Uighur.

Л. Эрдэнэболд¹, Б. Анхбаяр², Ц. Одбаатар³, А. Очир⁴

¹ Шинжлэх ухаан технологийн их сургууль (Монгол улс)

² Өвөрмонголын улсын их сургууль (Монгол улс)

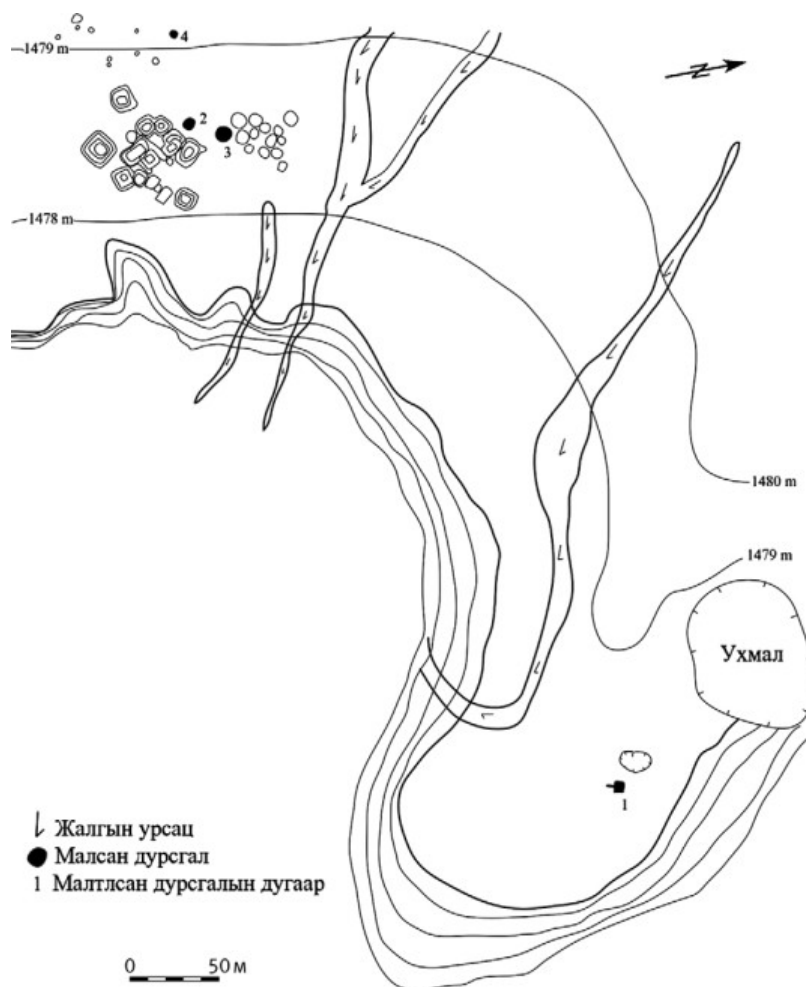
³ Үндэсний музей (Монгол улс)

⁴ Нүүдлийн соёл иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэн (Монгол улс)

ХУНДЫН ХООЛОЙН МОНГОЛ БУЛШ

Монгол-Хятадын хамтарсан археологийн малтлага судалгааны анги Архангай аймгийн Хотонт сумын нутаг Хундын хоолойд буй Дөрвөлжингүүдэд малтлага хийж, ойр орчимд нь нарийвчилсан хайгуул хийсэн. Хундын хоолой нь Орхон голын урсгалын зүүн гар талд, Хангай нурууны Майхан уулсын салбар, баруун хойноос зүүн урагш сунаж тогтсон 3,5 км урт, 0,5 км өргөн, энгэр ээвэр ам юм. Хундын хоолойн дунд биед Уйгурын үеийн Дөрвөлжингүүд хэмээх бунхант оршуулга, тахилгын байгууламж бүхий цогцолбор дурсгал 7 бий (Очир нар, 2005). 2007 оны зун Хундын хоолойн 3-р Дөрвөлжинд мал-

тлага хийх явцад амны адагт буй тэгш дэвсгэр дээр 30 орчим шороон дарааст булш байгааг илрүүлсэн (зур. 1; 2). Тэдний зарим нь Дөрвөлжингүүдтэй төстэй зохион байгуулалттай боловч хэмжээний хувьд жижиг байв. Шороон дарааст булшнууд баруунаас зүүн тийш сунасан байрлалтай 100×50 м газрын эзэлж байна. Тэдгээр жижиг хэмжээтэй дөрвөлжингүүдийн орчинд хожим нэмж байгуулсан оршуулгын газар гэж таамаглаад 4 булшийг сонгон малтсан (Очир нар, 2007). Оршуулгын газар буй шороон байгууламж, шороон овгорын орчимд шавар савны хагархай олдож байв.

Зур. 1. Хундын хоолойд, Оршуулгын газрын тойм дэвсгэр зураг

Fig. 1. Khundyn khoooloi (Khund Valley). Plan of the cemetery

Зур. 2. Хундын хоолойд. Дурсгалт газрын агаарын зураг

Fig. 2. Khundyn khooloi (Khund Valley). Site aerial map

Булш 1 (M1) (зур. 3–5)

Уг булш нь Хархорин – Цэцэрлэг чиглэлийн хатуу хучилттай авто замаас холгүй, Хундын хоолойн аманд шороо авсан карьерийн дэргэд багахан товцог дээр бий. Замын ухмалаас 10 орчим метр зайтай тул булш эвдэрч сүйдэх аюул тун ойрхон байв. Байршил нь умард өргөрөгийн $47^{\circ}18'4.40''$, дорнод уртрагийн $102^{\circ}41'5.55''$ солбицолд, далайн түвшнээс дээш 1479 метрийн өндөрт оршино. Булшны гадаад байдал нь дунд зэргийн хэмжээтэй, хар хүрэн өнгөтэй галт уулын хүрмэн чулууг ашиглан дөрвөлжин хэлбэртэй дараас үйлдсэн байх ба уг дараасын төвд цөөвтөр чулуутай нь тоногдож сүйдсэн мэт харагдана. Дараасын хойд талаар 50 см орчим зайд баруунаас зүүн тийш чиглүүлсэн 10 чулууг зэрэгцүүлэн тавьжээ. Дараасын өмнө талаас залгуулан 4 м урт, хоёр эгнээ чулуу шигтгэн үйлдсэн зам, үүд мэт зохион байгуулалт мэдэгдэж байв. Малтлагыг дараас чулууны тарсан хүрээний гадуур 7×10 метр хэмжээтэй тэг татан цэвэрлэгээг хийв. Өнгөн хөрсийг 10 см орчим гүн хуулахад булшны дараас болон өмнө зүгт хандуулсан үүдэвч мэт чулуу бүрэн ил гарав.

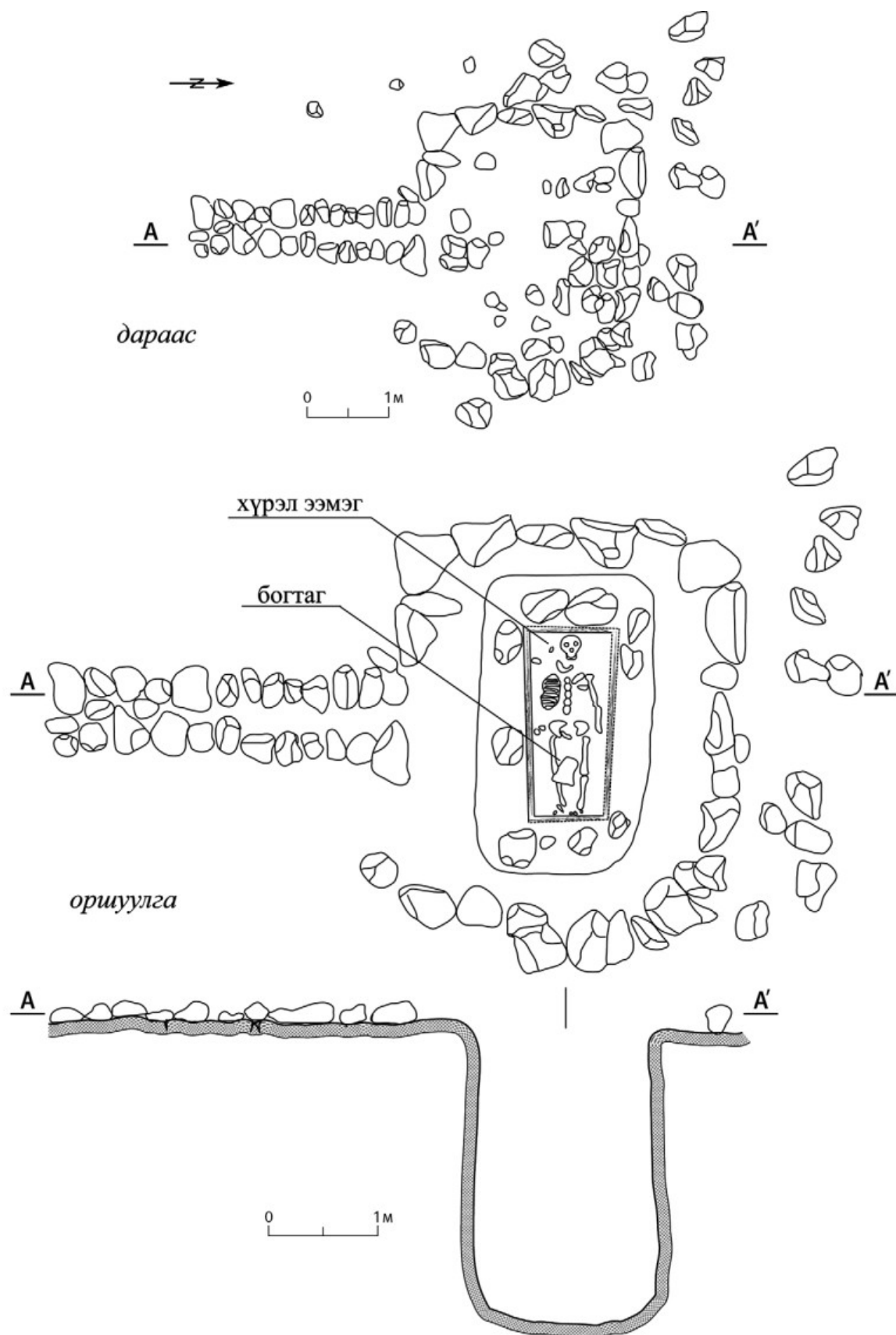
Булшны хашлага чулуу нь хойд болон баруун талаар анхны байдлаараа бол өмнө, зүүн талаар бага зэрэг хөдөлжээ. Дараасны голч 370 см. Үүдэвч мэт байгууламжид дунд зэргийн хэмжээтэй чулууг хоёр эгнээ цувуулан өрсөн бол хоёр захаар нь 20 см өргөн улаан шаргал шавар мэдэгдэж байна. Үүд хэсгийн дараас чулуу 310 см урт, 80–90 см өргөн юм. Булшны дараасны хойд талд 10 ш хүрмэн чулууг 15–18 см зайд, нэг эгнээнд цувуулан тавьсан нь 5 м урт байв. Бид булшны дараасыг цэвэрлээд, хөндлөн огтлолын

зураг үйлдэж, хүрээний чулууг үлдээн төвд нь 270×145 см хэмжээтэй булшны нүхний толбо мэдэгдэхэд, дагуулан малтав (зур. 3; 4).

Булшны нүхний урт 280 см, өргөн 125 см байна. Малтлагын гүн 170 см хүрэхэд булшны нүхний дээд хэсэгт 4–5 ш хашлага чулуу илрэв. Мөн булшны нүхний баруун, зүүн захаар авсны хажуугийн банзны муудсан хэсгүүд илэрлээ. Булшны нүхний дээд хэсэгт буй чулуун дээрээс авсны модон тагны 2 хэсэг мэдэгдсэн бөгөөд үргэлжлүүлэн цэвэрлэхэд эхнийх нь 114 см урт, хоёр дахь нь 90 см урт байна. Малтлагын гүн 190 см болоход оршуулгын модон авсыг тойруулан дунд зэргийн хэмжээтэй 10 ш чулуугаар хашжээ.

Нас барагчийн толгойг баруун зүг хандуулан, гэдрэг харуулж, хөлийг нь тэнийлгэн, гарыг нь их биеийг дагуулан тавьсан байна. Малтлагын явцад оршуулгын толгой хэсгээр 230 см, хөл хэсгээр нь 240 см гүнд банзан авсны таг болон ёроол илэрсэн бөгөөд хөрсний чийгэнд идэгдэж мууджээ. Авсны хэмжээ 180 см урт, толгойн хэсгээр 65 см, хөлний хэсгээр 45 см өргөн, харин авсны шал 180 см урт, цээжин хэсгээр 45 см, хөл хэсгээр 35 см өргөн байлаа.

Хүний яс нь хөдлөөгүй, анатомын байрлалаар байх ба 160 см урт аж. Оршуулгыг цэвэрлэх явцад хүний баруун өвдөгний орчимд, үйсэн богтаг малгайн үлдэгдэл илрэв. Ужирч муудсан ногоон даавууны тамтархай өвдөгнөөс дээш ясанд наалдсанаас харахад нас барагчийг дээл хувцастай нь оршуулсан бололтой. Гавлын яс орчимд цэвэрлэх явцад баруун шанааны дэргэдээс хүрэл ээмэг илрэв. Өөр дагалдуулсан болон тахилгын эд зүйлс илэрсэнгүй. Малтлагын төгсгөлд бид үүдэвчний чулуун дараасыг малтав. Өнгөн хөрсийг нь цэвэрлэж, гар зургийг нь үйлдэн, тоон дараалалд оруулаад чулуун дараасыг

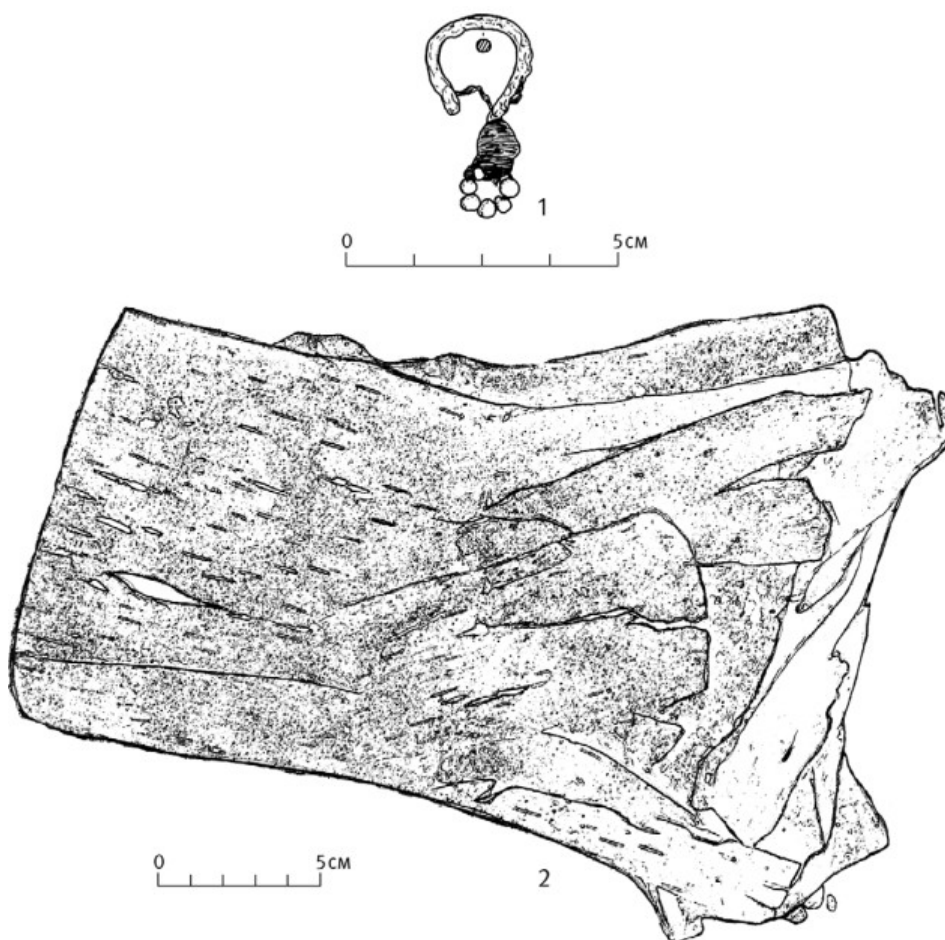
Зур. 3. Хундын хоолойд, 1-р булшны зураглал (M1)

Fig. 3. Khundyn khooldi. Plan of the tomb 1 (M1)

Зур. 4. Хундын хоолойд, 1-р булшны (M1) оршуулга

Fig. 4. Khundyn khooloi. Tomb 1 (M1)

Зур. 5. Хундын хоолойд, 1-р булшны олдвор: 1 – унжлагатай хүрэл ээмэг; 2 – богтаг малгайн үйсэн бортог

Fig. 5. Khundyn khooloi. Finds from Tomb 1: 1 – bronze earrings; 2 – rests of Bogtag hat

авч үзэхэд тухайн үеийн хөрсөнд зориуд гүехэн ухаж суулгасан байлаа.

Олдворын тодорхойлолт (зур. 5):

Хүрэл ээмэг. Асуултын тэмдэг мэт хэлбэртэй, жижиг сувс бүхий цагирган унжлагатай хүрэл ээмэг. Хэмжээ нь 2,4 см урт, 1,2 см өргөн, 0,1 см голчтой. Унжлага нь цагаан өнгөтэй, дундаа нүхтэй 8 ш сувсыг дугуйлан хэлхээд голд нь малын нарийн үсээр ороон бэхэлжээ. Унжлаганы голч 0,7 см, сувсны голч 0,2 см (зур. 5-1).

Богтаг малгайн үлдэгдэл. Урт нь 25 см, дээд буюу өргөн хэсэгтээ 13 см, малгайд хадагдах хэсгээр 10 см өргөн үйсэн бортого. Хадгалалт муу (зур. 5-2).

Ногоон даавууны үлдэгдэл. Нас барагчийн дээл хувцасны үлдэгдэл бололтой. Хадгалалт муу тул өнгөнөөс бусдыг тодорхойлох боломжгүй.

Булш 2 (M2) (зур 6–9)

Оршуулгын газрын голд байрлах бусдаас жижиг боловч төвдөө товгор, гадагш жигд тарсан дугуйвтар шороон дарааст байгууламжийг сонгон малтав (зур. 6). Дурсгалын байршил умард өргөрөгийн $47^{\circ}17'03.77''$, дорнод уртрагийн $102^{\circ}41'04.35''$ солбицолд, далайн түвшнээс дээш 1478 метр өндөрт бий. Шороон дараас баруунаас зүүн тийш сунасан зууван хэлбэртэй. Хэмжээ нь 8×9 м. Төвдөө 50 см өндөр.

Шороон булшны талбайг хамруулан 8×10 м хэмжээтэй тиг татаж, булшны дараас болон нүхэнд зориулж, умар зүг чиглүүлэн 20 см өргөн хөндлөн огтлолын далан үлдээв.

Өнгөн хөрсийг авч цэвэрлэх явцад 1 ш төмөр зэв илэрсэн бөгөөд булшны төвд зориуд хатууруулсан шаргал өнгөтэй шаварлаг хөрстэй байлаа.

Дараагийн үеийг цэвэрлэж 15 см гүн болоход, булшны төвд баруун хойноос зүүн урд зүгт чигтэй, тэгш өнцөгт гонзгой дөрвөлжин хэлбэртэй шавартай хөрс илрэв. Түүний хэмжээ нь хойд талаар 275 см, өмнөд талаар 270 см, баруун талаар 420 см, зүүн талаар 430 см ур юм. Зүүн талд нь дунд үүд мэт жижиг дугуй бий. Түүний хэмжээ нь 40×50 см. Шаврын төвд 65–75 см өргөн, хүрэн хөрс ялгарав. Энэ хөрсийг 10 см гүн цэвэрлэхэд 3 ш жижиг чулуу, 1 ш хар ногоон паалантай савны ёроолын хагархай олдсон. Дахин 10 см гүн цэвэрлэж малтлагын гүн 30 см хүрэхэд булшны нүхний толбо мэдэгдэв (зур. 7; 8).

Булшны нүх 90–110 см өргөн, 220 см урт. Малтлагын явцад 45 см гүнээс 2 ширхэг төмөр хадаас олдсоноор доошлох тусам нүхний тал бүрээс харилцан адилгүй хэмжээтэй төмөр хадаас илэрсэн. Харин нүхний зүүн урд 50 см гүнээс хүний хөлийн хурууны үений яс 1 ш, баруун хойд талаас сумны зэв 1 ш олдлоо. Үүний дараа малтлагын гүн 110 см болоход модон авсны таг мэдэгдэв. Таган дээрээс олон хугарч эвдэрсэн үйлийн төмөр хайч, түүний баруун талд 20 см зайд нүхний хананы дэргэдээс 1 ш хүрэл толь олдсон.

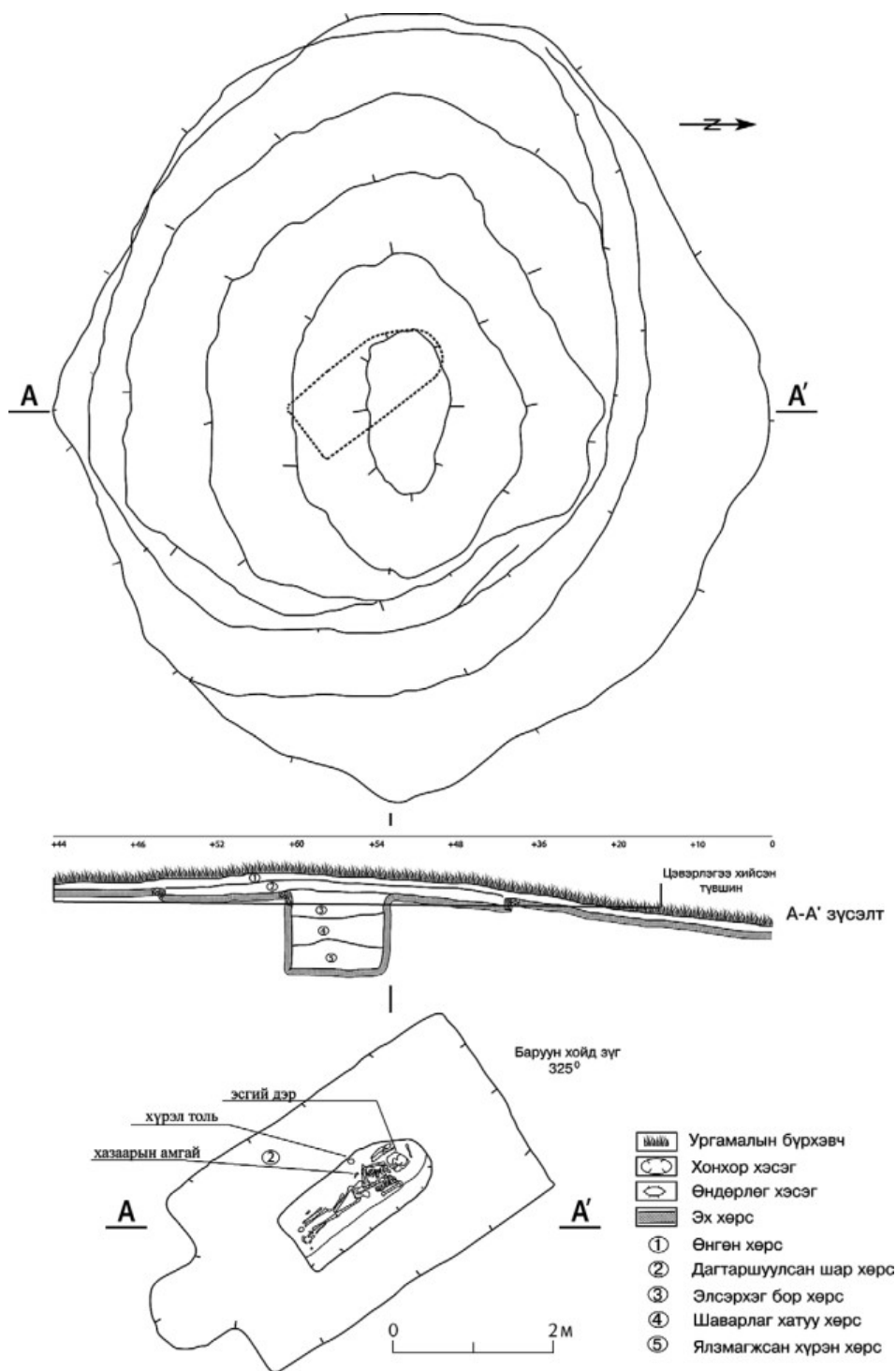
Авсны дээд, доод хэсгээс бүслүүр төмрийн тасархай 2 ш илрэв. Авсны таг цөмөрч, муудсан, шал нь бараг бүтэн хадгалалт дунд зэрэг байна.

Хүний толгойг баруун хойд зүг хандуулан (323°) тэнэгэр байдлаар дээш харуулан тавьж, хоёр гарыг хүйсний орчимд авчран баруун гар дээр зүүн гарын сарвуут хөмөрч тавьсан байх ба зүүн гарын шууны ясыг мэрэгчид зөөж гавлын ясны орчимд аваачсан байв. Хүний яс бүтэн, анхны байрлалаа алдаагүй, сайн хадгалагджээ. Ясыг цэвэрлэх явцад гавлын ясны доор эсгий мэт зүйлээр дэр хийсэн нь мэдэгдэв.

Зур. 6. Хундын хоолойд. Шороон дарааст булшны гадаад байдал (булш 2: M2)

Fig. 6. Khundyn khoooloi. Exterior of the burial mound (Tomb 2: M2)

Зур. 7. Хундын хоолойд, 2-р булшны зураглал [M2]

Fig. 7. Khundyn khooloi. Plan of the Tomb 2 [M2]

Авс язарч муудсан боловч гадуур нь гурван эгнээ төмөр бүслүүрийн тасархайнууд анхны байрлалаараа үлджээ. Түүнийг хүний толгой талаас нь эхлэн дугарласан.

Нэгдүгээр (дээд) бүслүүрээс хоёрдугаар бүслүүр (дунд) хүртэл 40 см, хоёрдугаар бүслүүрээс гуравду-

гаар бүслүүр (доод) хүртэл 100 см тус тус зайтай байв. Булшны нүхний ёроол өнгөн хөрснөөс доош 110–125 см гүнд, 220 см урт, 70–100 см өргөн хэмжээтэй. Булшны нүхний амны зүүн талыг 25 см өргөн догол гарган 60 см гүн шатлан ужжээ. Модон авсны урт 180 см, 70–50 см өргөн байсан байна.

Зур. 8. Хундын хоолойд, 2-р булшны (M2) оршуулга

Fig. 8. Khundyn khooloi. Tomb 2 (M2)

Олдворын тодорхойлолт (зур. 9):

Хүрэл толь. Иш нь хугарч үрэгдсэн, өвөрмөц дүрслэлтэй эх толь (хуулбар биш). Голч 10,6 см, хүрээ нь товгор 0,5 см өргөн, хүрээний дотуур тойруулсан 0,6 см өргөн хээтэй. Хээний дотор саглагар навчтай том бодь модны доор нэгэн арш яльгүй бөхийн сууж байгаагаар дүрсэлжээ. Аршийн толгойн ард гэрлэн бүрхэвч (аура) болон уул, үүл дүрсэлсэн байна (**зур. 9-б**).

Дэр. Эсгийг хэд хэд нугалсан нь ихэд муудсан. Ойролцоогоор 25×20×4 см хэмжээтэй.

1-р төмөр зэв. Хос жигүүрт сурвалжтай төмөр зэв. 9 см урт, 3,2 см өргөн, 0,6 зузаан, сурвалж нь 1,7 см урт. Хадгалалт дунд зэрэг.

2-р төмөр зэв. Хавтгай, дугуй хэлбэртэй 0,4 см зузаан, 8,7 см урт, 3,8 см өргөн. Сурвалж нь 4,5 см урт, 0,8 см голчтой.

Авсны бүслүүр төмөр. Төмөр бэлдцийг хавтгайлан давтаж хийсэн. Харилцан адилгүй (нийт 25 хэсэг хугарсан) хэмжээтэй. Дунджаар 2 см өргөн, 0,6 см зузаан (**зур. 9-а**).

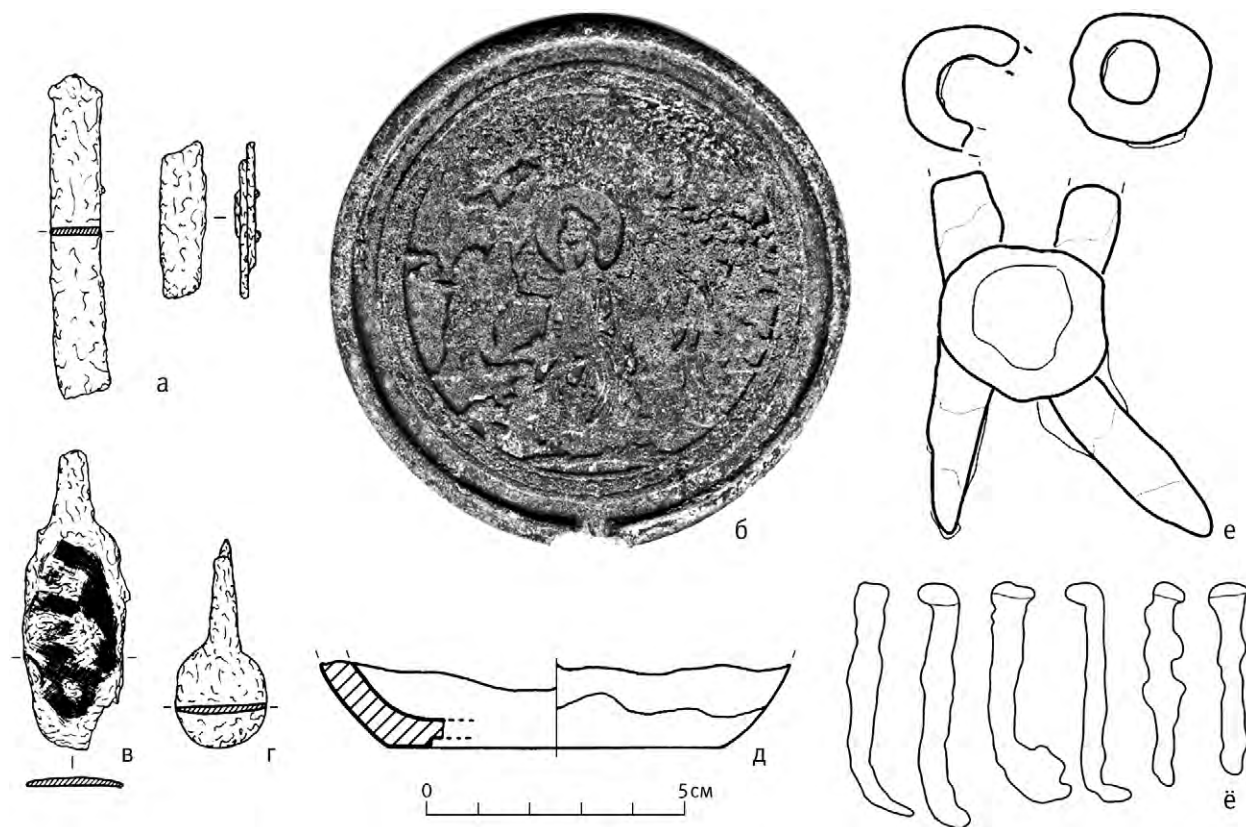
Төмөр хадаас 5 ш. Төмрийг хавтгайлан давтаж хийсэн байх ба 5–7 см урт, 1,7 см орчим өргөн, 0,7 см зузаан ажээ (**зур. 9-ё**).

Төмөр хайч. Нийт 13 хэсэг болж хугарсан байна. Хайчны хоёр гуя 9,11 см урт, 2,1–2,3 см өргөн, 0,4 см орчим зузаан. Хайчны гуя нийлэх хэсэгт том дугуй хадаастай байсан нь зэвэрч зузаараад 3 см орчим голчтой болжээ. Мөн 4 см голчтой хоёр бариулын хэсэг бий (хадгалалт муу) (**зур. 9-е**).

Булш 3 (M3) (зур. 10–12)

Булш 3 – оос хойд зүгт 13 м зайд буй шороон дарааст булшийг сонгон малтав. Оршуулгын газар буй шороон дарааст булшнаас гадаад хэмжээний хувьд томд орно. Дараасны голч нь 13 м, өндөр нь төвдөө 60 см. Дараасыг бүрэн хамруулж 14×11 м хэмжээтэй тиг татаад, 20 см хөндлөн огтлолын далан үлдээгээд өнгөн хөрсийг хуулав. Дараагийн үед шороон овоолгын төвд 9×6 м хэмжээтэй тиг татаж 15 см гүн малтав (**зур. 10; 11**).

Малтлагын төвд 40 см гүн болоход дөрвөлжин хэлбэртэй, 4×3,5 м хэмжээтэй, 10 см зузаан цайвар шаргал дагтаршуулсан шавар илэрсэн. Тэр дэлдсэн шаврын баруун захад 1,5×0,8 м хэмжээтэй тонуулын мөр үлджээ. Тонуулын нүхний орчим өнгөн хөрснөөс 30 см гүнд заазуур мэт хэлбэртэй төмөр багаж, хээтэй шавар савны хагархай олдсон. Булшны нүх шороон дараасны төвд өнгөн хөрснөөс 55 см гүнд, 320 хэмд чиглэсэн 250×100 см хэмжээтэй мэдэгдэв. Толбыг хөөн малтах явцад хүний толгойн ясны хэдэн хэлтэрхий, 2 ш төмөр хадаас олдсон. Оршуулгын нүхны амнаас доош 25 см гүнд нүхний баруун зүүн талаас дотогш нэг үе (15 см орчим) шатлан тэгш дөрвөлжин хэлбэртэй болж, доош шатлан үргэлжлэв. Энэ шаталсан хэсэгт баруун талдаа 5 ш, зүүн талдаа 4 ширхэг, өмнө талд нь буюу хөл хэсэгт нь 3 ш мод илэрсэн юм. Эдгээр модыг хоорондоо 10–15 см зайтай, 4×11 см хэмжээтэй тэгш өнцөгт болгон засжээ. Малтлагын гүн өнгөн хөрснөөс 120 см хүрэхэд авсны модон тагны үлдэгдэл илэрлээ. Хэмжээ нь 90×30 см. Малтлагын гүн 140 см болоход

Зур. 9. Хундын хоолойд. 2-р булшны олдвор: а – авсны төмөр бүслүүр; б – хүрэл толь; в, г – төмөр зэвүүд; д – шавар савны хагархай; е – төмөр хайч; ё – төмөр хадааснууд

Fig. 9. Khundyn khooloi. Finds from Tomb 2: а – coffin iron belt; б – bronze mirror; в, г – metal repellents; д – pottery fragments; е – metal scissors; ё – iron nails

авсны модон шалны зарим хэсэг мэдэгдэв. Хэмжээ нь $60 \times 15 \times 4$ см. Мөн авсны шалан дээрээс хар өнгийн бөсний үлдэгдэл болон хүний хавирга 2 ш, төмөр хадаас 7 ш олдлоо.

Олдворын тодорхойлолт (зур. 12):

Төмөр багаж. Орчин цагийн заазуур мэт хэлбэртэй, зэвэнд идэгдсэн ч хадгалалт сайн. Нийт урт нь 25 см, 4–5 см өргөн, мөр нь 0,6 см зузаан, ир хэсгээр 0,2 см зузаан байна. Модон ишинд суулгадаг тал руу нарийн шовх үзүүртэй. Ишний урт 5 см, $1 \times 0,5$ см зузаан ажээ (зур. 12-а).

Төмөр хадаас. Нийт 9 ширхэг төмөр хадаас илэрсэн. Зэвэрсэн, хадгалалт дунд зэрэг. Бүгд дугуй тавтай, 3–5 см урт, нарийн үзүүртэй. Хадааснуудын хэмжээ харьцангуй том байх нь авсны мод зузаан байсныг харуулна (зур. 12-б).

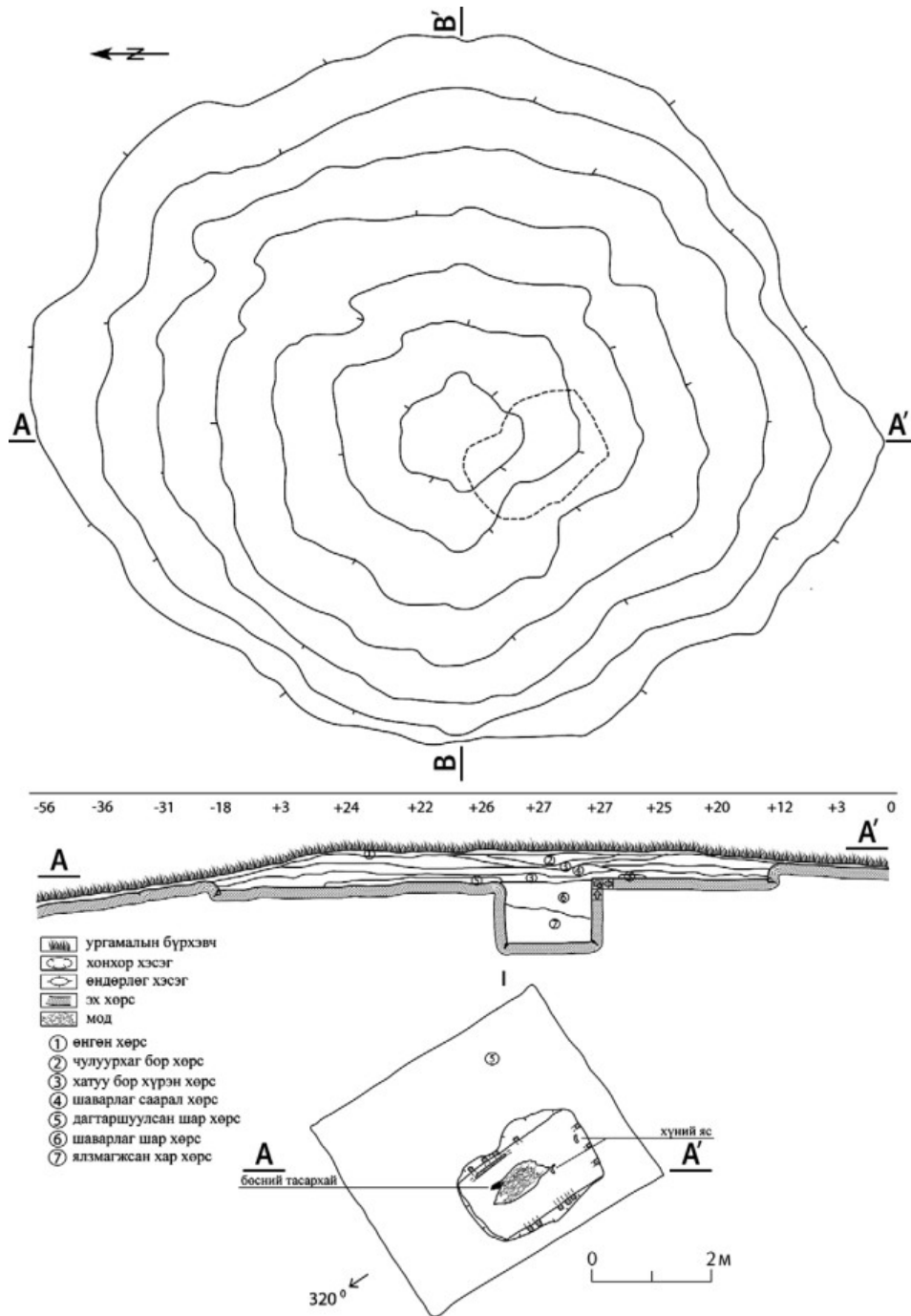
Шавар савны хагархай. Бор шаргал өнгөтэй, вааран савны мөр хүзүү хэсгийн хагархай. Хэмжээ нь $2,5 \times 2,7 \times 0,6$ см. Гадна талдаа 0,6 см хэмжээтэй, товгор хэсэг дээр дарсан налуу босоо жигд хээтэй, эргэдэг бул ашиглаж хийсэн нь мэдэгдэнэ (зур. 12-в).

Бөс. Авсны модон шалнаас сэмэрсэн хар өнгийн торго (бөс?)-ны өөдөс олдсон. Сэмэрч муудсан тул тодорхойлох боломжгүй. Нас барагчийн хувцасны үлдэгдэл бололтой.

Булш 4 (M4) (зур. 13; 14)

Оршуулгын газрын баруун захад газрын хөрсөн дээр цөөвтөр хавтай чулуун дараастай булшийг малтав. Уг булшны дараас зүүн өмнөөс баруун хойш чиглэсэн 3×2 м хэмжээтэй. Чулуун дараасны гадуур $2,5 \times 3,5$ м хэмжээтэй тиг татаж, хойд зүгийг баримтлан 20 см өргөн хөндлөн огтлолын далан үлдээж малтлав. Өнгөн хөрсийг цэвэрлэн чулууг авч баримтжуулаад 2, 3-р үеийн цэвэрлэгээний дараа 40 см болоход баруун хойш чигтэй чулуун чигжээс илэрсэн. Тэр нь 180 см урт, 60 см өргөн, 30 см өндөр байв. Баримтжуулсны дараа чулууг авахад, булшны толбо илэрсэн. Толбоны хэмжээ $160 \times 40 - 80$ см. Малтлагыг толборуу үргэлжлэн цэвэрлэснээр өнгөн хөрснөөс 85 см гүнд оршуулга илэрлээ.

Модон авсны таг нас барагчийн цээж орчим цөмөрсөн байв. Нас барагчийн толгойг баруун хойд

Зур. 10. Хундын хоолойд. 3-р булшны зураглал (M3)

Fig. 10. Khundyn khooloi. Plan of the Tomb 3 (M3)

зүг чиглүүлэн, гарыг их биеийн дагуу тавьж, хөлийг жийлгэн тэнэгэр байдлаар тавьжээ (хүний ясны хадгалалт сайн). Дагалдуулсан эд өлгийн зүйл илрээгүй. Булшны нүхийг үйлдэхдээ, хүний толгой болон ташаа орчимд хоёр тийш нь сэтлэн ухаж, хусны мөчирөөр хөндлөвч тавиад дээр нь чулуугаар даржээ. Энэ нь авсны дээрээс чулуу нурж цөмлөхөөс сэргийсэн бололтой. Тэдгээр нүхэнд хусны мөчрийг шууд

цавчин хийсэн нь илэрхий мэдэгдэнэ. Модон хөндлөвч хооронд 65 см, голч нь дунджаар 11 см, урт нь дунджаар 22 см, гүн нь 15 см юм.

Бүтэц, зохион байгуулалтын онцлог

Юуны урьд малтан судалсан булшнууд зохион байгуулалтын хувьд өөр хоорондоо адилгүй юм. Бидний ажигласнаар, гадаад зохион байгуулалтын хувьд

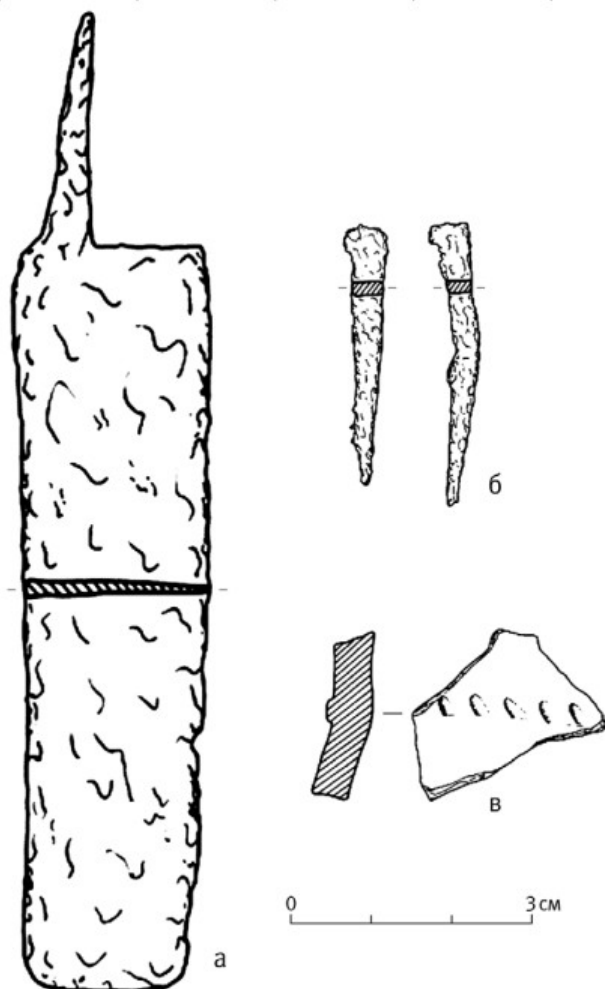

Зур. 11. Хундын хоолойд. 3-р булшны (МЗ) оршуулга
Fig. 11. Khundyn khooloi. Tomb 3 (M3)

3 ангилж болмоор санагдана. Үүнд: 1. Үүдэвчтэй чулуун дарааст; 2. Давхар чулуун дарааст (давхар чигжээст); 3. Шороон дарааст.

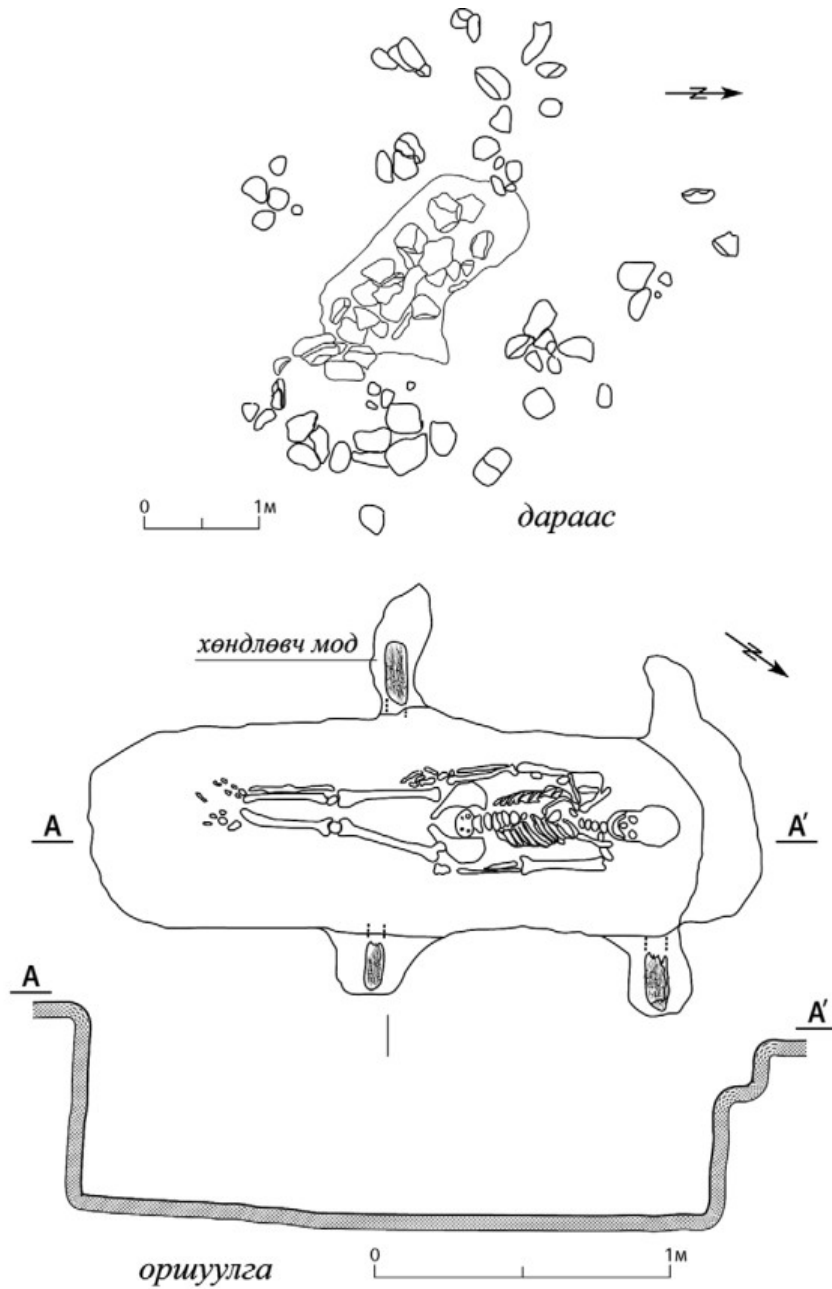
Хэдийгээр адилгүй зүйл цөөнгүй байгаа авч нийтлэг зүйл ч ажиглагдана. Тухайлбал, нас барагчийг баруун болон баруун хойд зүгт чиглүүлэн тавьсан, дагалдуулан тавьсан эд өлгийн зүйл бага, бүгд модон австай байв.

Үүдэвчтэй чулуун дарааст монгол булшнуудад чулуу өрсөн үүдэвчтэй, чулуун дараасны хойно 10 ш чулууг эгнүүлэн тавьсан зэрэг зан үйлийн өвөрмөц байдал ажиглагдах боловч эртний хүннүгийн язгууртны булшны зарим зан үйлтэй төстэй байв. (Уг булшны товч мэдээллийг өмнө нийтэлжээ – Очир, 2011, 254–257). Уг оршуулгад дагалдуулсан богтаг малгайн үйсэн бортого, унжлагатай хүрэл ээмэг нь монголын үеийн эмэгтэй хүний оршуулгаас илэрдэг уламжлалт эдлэл юм. Хүний толгойг чиглүүлсэн байрлал нь хэдийгээр монгол булшинд нийтлэг бус ч газрын байршил нөлөөлсөн байж болзошгүй. Мөн оршуулгын нүхний гүн монгол булшны дундажаас үлэмжхэн гүн байгаа зэрэг өвөрмөц шинж ажиглагдана. Өмнө нь Эгийн голын сав Мухдагийн аманд үүдэвчтэй монгол булшийг судалсан байна. Уг булшны үүдэвч хүннүгийн язгууртны булш адил илэрхий

Зур. 12. Хундын хоолойд. 3-р булшны олдвор: а – заазуур мэт багаж; б – төмөр хадаас; в – хээтэй шавар савны хагархай

Fig. 12. Khundyn khooloi. Finds from Tomb 3: а – a tool like a pointer; б – metal nails; в – pottery fragments with ornament

Зур. 13. Хундын хоолойд. 4-р булшны зураглал (M4)

Fig. 13. Khundyn khooloi. Plan of the Tomb 4 (M4)

мэдэгдэхээс гадна оршуулгын газраас тусдаа уулын энгэрт оршиж байсан (Төрбат нар, 2003, т. 123) зэрэг зарим шинж, зохион байгуулалт төстэй байна.

Манай оронд монголын үеийн булшны судалгаа хийгдсэн байдлаас харахад оршуулгын дээр зөвхөн шороог овоолон дагтаршуулж үйлдсэн булш харахан мэдэгдээгүй. Харин ОХУ-ын Алтайн хязгаарт малтсан шороон дарааст булшнуудыг монголын үед холбогдуулсан байдаг (Тишкин и др., 2002, с. 102). Тиймээс тухайн үед шороон овоолгыг үйлдэх тусгай арга хэдийн бий болсон мэт санагдана. Тухайлбал, Хундын хоолойн шороон дарааст булшийг үйлдэх-

дээ, нас барагчийг оршуулах газраа сонгож аваад хүний биеийн хэмжээнээс харьцангуй том, тэгш дөрвөлжин хэлбэртэй, 10–15 см гүн ухаад, түүний төвд модон авс багтахаар нүх үргэлжлүүлэн ухдаг байжээ. Харин нүхний урт хоёр талд буюу зүүн баруун гар талд нэг үе шатлан, цааш үргэлжлүүлдэг байжээ. Дараа нь модон авсыг нүхэнд оруулж байрлуулаад, нүхний эхний үе хүртэл шороогоор чигжиж дүүргээд, хөндлөн болон урт талаар нь бэлтгэж зассан мод, мөчир тавиад, дараагийн үе хүртэл мөн шороогоор дүүргэж нүхний аманд хүрмэгц өмнө том талбайгаар ухсан нүхэнд бэлдсэн шавар шороог

Зур. 14. Хундын хоолойд, 3-р булшны (M3) оршуулга

Fig. 14. Khundyn khooloi. Tomb 4 (M4)

хольж овоолон дэлдэж хатууруулдаг байсан байна. Чингэж мод, шавар хольж том талбайгаар нь овоолж дарснаар хөрс суухаас сэргийлэх, улмаар олон жил өнгөрсөн ч төөрч будлихгүй олох зэрэг давуу талтайн дээр нас барагчийн овог аймгийн үхэгсдээ оршуулах зан үйлтэй холбоотой байж болох юм. Түүнчлэн Гол мод 1 болон Байгал нуурын савд малтсан Хүннүгийн язгууртны булшны дагуул дунд шороон дарааст булш мэдэгдэж байжээ. Хүннүгийн булшны энэ мэт зарим зохион байгуулалт нь Хундын хоолойн шороон дарааст булшны зохион байгуулалттай холбож үзэх нэгэн сэжим гэж үзэж байна. Зарим судлаачид Монгол булшны ангилалд «Шороон булш» хэмээн тэмдэглэсэн явдал бий. Чингэхдээ оршуулгын нүхэнд модон авсгүй булш буюу өөрөөр хэлбэл дотоод зохион байгуулалтыг нь үндэслэн нэрийдсэн бололтой (Амартүвшин нар, 2015, т. 267).

Монголын үеийн энгийн иргэдийн булшинд цөөнгүй ажиглагддаг зүйл бол хөрсөн дээр цөөн чулуугаар дараас буюу чигжиж, оршуулгын нүхний дээр давхар чулуун дараас үйлддэг байна. Харин Хундын хоолойд давхар чулуун овоолгын доор үзүүрийг нь ухааж суулгасан модон хөндлөвчийг ашигласан байв. Хэдийгээр гадаад зохион байгуулалт өөр боловч авсны дээр хөндлөвч мод ашигласан явдал нь шороон дарааст болон чулуун дарааст булшны эздийн холбоог харуулах баримт болно.

Олдвор, эд өлгийн зүйлс

Хундын хоолойн амны оршуулгын газарт малтсан дөрвөн булшны гурваас эд өлгийн зүйл илэрсэн. Харин огт тоногдож сүйдээгүй 4-р булшнаас дагалдуулсан эд өлөг гарсангүй. Тэдгээр эд зүйлийг өмнө судалгаанд хамрагдсан дурсгалын материал-

тай харьцуулж үзэхэд Монголын үеийн оршуулгын дурсгалд дагалдуулдаг хойлгын зүйлстэй үндсэндээ адил юм.

Эсгий дэр. Хундын хоолойн 2-р булшинд нас барагчийн толгой доор эсгий дэрний үлдэгдэл илэрсэн. Дундад зууны монголчуудын оршуулгад торгомсог эд болон чулуугаар дэр хийж оршуулах зан үйл байжээ. Тухайлбал, Увс аймгийн Зүүн говь сумын нутаг Саран толгойн булшнаас торгомсог эдээр хийсэн дэр (Наваан, 2018а, т. 108), Туул голын савд Зүүн Богинын булш (Наваан, 2018а, т. 109) Ховд аймгийн нутагт Хойд Цэнхэрийн Монгол булш (Наваан, 2018г, т. 87), Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын нутаг Арцатын амны 1-р булш (Цэвээндорж, 2003, т. 74) зэрэг дурсгалаас торгомсог эдээр хийсэн дэр олдож байжээ. Тэрчлэн нас барагчийн толгой дор чулуугаар дэр хийх явдал олонтаа тохиолддог. Харин Хундын хоолойн булшинд эсгийгээр дэр хийсэн нь анхны тохиолдол болж байна. Нас барсан хүнд дэр тавих ёс бол дундад эртний монголчуудын оршуулгын зан үйлийн өвөрмөц шинжийн нэг юм. (Эрдэнэбат, 2010, т. 323).

Хүрэл ээмэг. Ихэвчлэн эмэгтэй хүний оршуулгад, толгойн орчим ганц нэгээр болон 2-3 ширхэг ээмэг дагалдуулан тавих зан үйл монголын үед түгээмэл дэлгэрчээ. Судлаачид монгол булшнаас илэрсэн ээмгийг нийт 5 хэлбэрт хуваасан байдаг (Лхагвасүрэн, 2007, т. 229). Малтлагаас илэрсэн дээрх унжлагатай «асуултын тэмдэг» мэт хэлбэртэй хүрэл ээмэг Монголчуудын дунд моод болж байсан бөгөөд XI–XVII зууны монголчуудын биеийн зүүсгэл ба толгойн заслын онцлог болдог ажээ. (Эрдэнэбат, 2010, т. 330).

Богтаг малгайн үлдэгдэл. Богтаг малгай илэрсэн оршуулгыг судлаачид Монголын үед хамаатуулан

үздэг бөгөөд зөвхөн Монгол улсын нутаг дэвсгэрээс 50 орчим богтаг илэрсэн (Эрдэнэбат, 2010, т. 323) байх ба бусад угсаатныхаас өвөрмөц ялгаатай монгол овогтны нөхөрт гарсан эхнэр хүний өмсөж эдэлдэг эртний уламжлалт малгай юм (Эрдэнэбат, 2006, т. 100). Малтлагаас илэрсэн богтаг нь нас барагчийн хөлний өвдөг дээр уруу нь харуулан тавьсан нь сонирхолтой зан үйл ажиглагдав. Богтагийг дагалдуулан тавих байршлийн хувьд оршуулгын зан үйлийн өвөрмөц баримт болохыг судалчид тэмдэглэжээ (Эрдэнэбат, 2006, т. 111). Нас барагчийн хөл орчимд богтаг дагалдуулан тавьсан монгол булш Хэнтий аймгийн Мөрөн сумын Чандаган талын 2-р булш, Дэлгэрхаан сумын Ханангийн 4-р булш (Наваан, 1997), Сэлэнгэ аймгийн Хонгор сумын Буурал уулын 3-р булш (Лхагвасүрэн, 1989, т. 140), Дундговь аймгийн Сайхан овоо сумын Сайхан Овооны 1-р булш (Эрдэнэбат, 2006, т. 115), Сүхбаатар аймгийн Түвшинширээ сумын Их Оорцогын 1-р булшнаас (Очир, Эрдэнэболд, 2007) олджээ. Богтаг малгайг дагалдуулан тавих нь зан үйлийн онцлог болж тухайн үеийн монголчуудын сүсэг бишрэл, сүнс гарах болон хойд насны тухай ойлголт төсөөлөлтэй холбоотой (Эрдэнэбат, 2010, т. 323).

Ногоон даавуу болон бусад бөсний тамтархай. 1-р булшинд үлэмжхэн хэмжээний хүний ясанд наалдсан нь дээл хувцасны үлдэгдэл, Мөн 3-р булшны авсны шалнаас сэмэрсэн хар өнгийн бөсний өөдөс олдсон. Нас барагчийн дээл хувцсанд ногоон өнгийн дээлийг эрхэмлэн өмсүүлж оршуулах ёсон XII–XIII зууны Монголчуудын дунд түгээмэл байсан ба Хүннү нарт ч ийм уламжлал байсан аж (Наваан, 2018в, т. 184).

Хүрэл толь. Хундын хоолойн 2-р булшнаас илэрсэн толь бол тухайн үеийн монголчуудын хойлгын чухал эд зүйл болно. Хойлгын эд зүйлийн дотор толь нь эмэгтэй хүнд дагалдуудан тавьдаг уламжлалт эд зүйл юм. Эртний нүүдэлчдийн оршуулгын зан үйлд нас барагчийг дагалдуулан толийг хагалж эмтлэн хийдэг байсан нь Хундын хоолойгоос илрүүлсэн уг толинд ч мэдэгдэнэ. Дугариг хэсэгт залгах бариулыг зориуд хугалан авч үлдээгээд дүрслэл бүхий гол хэсгийг хойлогт зориулан хийжээ. Толины төвд саглагар навчтай том бодь модны доор нэгэн арш яльгүй бөхийн суужээ. Аршийн толгойн ард гэрлэн бүрхэвч (аура) болон уул, үүл дүрсэлсэн. Ийм дүрслэлт толиудыг Сүн улсын үед (960–1127) холбогдуулдаг боловч Хятан улсын (907–1125) үеийн зарим толиудтай адилсаж байна. Сүн улсын үеийн толийг 11 бүлэгт хуваадаг (管维良, 2006, 265) ба малтлагаас илэрсэн уг толь 7-р бүлэгт буюу байгаль, домгийн дүрслэлд хамаарна.

Төмөр зэв. Малтлагаас хос жигүүрт сурвалжтай төмөр зэв, хавтгай, дугуй хэлбэртэй мөтгө бүхий урт

сурвалжтай хоёр зэв олджээ. Төмөр цутгаж хийсэн уг зэвүүдийн эхнийх нь Монголын үеийн хамгийн түгээмэл хэлбэрийн зэвийн нэг болно. Харин хавтгай дугуй мөтгөтэй зэв нь үйлдвэрлэлийн явцад гээгдсэн юм уу санамсаргүй тохиолдлоор орсон байж болох юм.

Авсны бүслүүр төмөр. Гурван эгнээ хөндлөн болон нэг тууш бүслүүр буюу даруулгатай модон авс Монголын үеийн булшны хэрэглэгдхүүнээс цөөн боловч илэрч байжээ. Тухайлбал, Чандмань хар уулын 3,176-р булш (Амартүвшин нар, 2015, т. 199, 248) Таван толгойн 5-р булш (Наваан, 2018б, т. 79), ОХУ-ын Чита муж Окошки уулын булш (Баяр, 2000, т. 8). Авсны гадуурх бүс төмрийн талаар тодорхой судалгаа одоогоор алга байна. Харин нас, хүйс, овог аймгийн ялгаанаас илүү чинээлэг буюу язгууртны булшны авсанд илүүхэн ажиглагдаж байгааг тэмдэглэх нь зүйтэй.

Төмөр хадаас. 2,3-р булш буюу шороон дарааст дурсгалаас нийт 14 ширхэг төмөр хадаас илэрсэн. Авсны модонд хадаж үзүүрийг нь нугалсан тав бүхүй хадаасууд монголын үеийн оршуулгын дурсгалын судалгаанд түгээмэл байдаг аж. Голчлон авсны модыг засаж янзлаад хадаж тогтоох зориулалттай бөгөөд ийм авснаас гадна өөр хооронд углуулгандан хадаас оруулахгүй чадмаг үйлдсэн авс олон илэрчээ. Мөн бүдүүн гуалин модыг урт талаар нь тайрч, ухаж ховдлон талийгаачийг оруулж, гадуур нь сур дээсээр боож баглан хадаас оролцуулдаггүй авс ч байжээ. Дугуй болон дөрвөлжин тавтай хадааснуудын хэмжээ том тул авсны мод зузаан байсныг харуулдаг. Ихэнх хадаасын үзүүрийг тахир байгаа нь авсны модонд нэвт хадаж эргүүлснийг харж болно. Төмөр хадаасыг ийнхүү түгээмэл хэрэглэх нь тухайн үед төмөрлөг боловсруулалт өндөр хөгжиж, хэрэглээний чухал зүйл болсныг харуулна.

Төмөр хайч. Оршуулгын дурсгалаас төмөр хайч олддог явдал Монголын үеийн эмэгтэй хүний булшинд түгээмэл тааралддаг зан үйлийн хэрэглэгдэхүүн болно. Өөрөөр хэлбэл хайч дагуулсан байдлаас тухайн хүний хүйсийг шууд тодорхойлдог болохыг судлаачдын бүтээлд олон дурдагджээ. 2-р булшнаас илэрсэн уг хайчны хоёр гуяны төвд хадаастай байгаа нь өвөрмөц хийц болохын сацуу олон хугарсан нь зориуд эвдэж хийдэг зан үйлтэй холбоотой юм.

Төмөр заазуур мэт багаж. Уг эдлэл 2-р булшны төвд тонуулын нүхээс илэрсэн учир тэдний үлдээсэн багаж гэж таамаглаад байв. Гэтэл үүнтэй машинд төстэй хийц бүхий багажийг ОХУ-ын Алс Дорнодын нутагт Алтан улсын сүүл үе, Монголын үед хоблогдох хотын малтлагаас олдсон (Болдин, Дьякова, 2017, с. 113) тул оршуулгад дагуулсан эдлэлийн нэг байж болохоор юм. Суурин иргэдийн дунд

эртнээс түгээмэл хэрэглэгдэж тэдний ахуйн хэрэглээний чухал багаж болтлоо хөгжихдөө хэлбэр хийцийн хувьд өдгөө бараг өөрчлөгдөөгүйг харж болно. Харин тал нутагт олдож байгаа нь солилцоо арилжааны хэлбэрээр нэвтэрснийг харуулах сонирхолтой баримт болов уу.

Ваар савны хагархай. Шатаалт сайтай, хээ бүхий шавар савны хагархайг 3-р булшнаас илрүүлжээ. Нас барагчийн дэргэд нэг болон хэд хэдэн шавар сав тавьж түүндээ хойлгын эд зүйлийг хийж орших нь нүүдэлчдийн оршуулгын зан үйлд түгээмэл тохиолддог. Хойд насны ойлголттой холбоотой тавьсан уг шавар сав тонуулын явцад хагарч сүйджээ.

Төгсгөл

Хундын хоолой болон түүний аманд буй тэгш дэвсэг бол нүүдэлчдийн эртнээс уламжлан баримтлаж ирсэн нас барагсадыг нутаглуулан оршоох газарзүйн нэн тохиромжтой байршил юм. Тиймээс Орхоны хөндийн хойд биед, баруунаас зүүн зүгт харсан, наран ээвэр уг энгэрт эртнээс хэдэн үеийн оршуулгын газар байсан нь зүйн хэрэг бизээ. Оршуулгын газарт буй шороон дарааст болон чулуун дарааст булшууд манай орны нутгаас өмнө илрүүлсэн ижил цаг үеийн дурсгалаас зарим талаар өвөрмөц аж.

Судалгаанд хамрагдсан эдгээр булш монголын үед холбогдох энгийн иргэдийн оршуулга байв. Хүний шүдний яс, авсны модонд хийсэн нас тогтоох лабораторийн шинжилгээ болон дагалдуулсан эд өлгийн зүйлс, булшны зохион байгуулалт, оршуулгын зарим зан үйл нь Монголын үеийн дурсгал болох нь илэрхий аж.

Малтлага судалгаанд хамрагдсан 4 булшны бүтэц, зохион байгуулалт, зан үйлийн өвөрмөц байдал нь монголчууд тэдний эртний өвөг хүннү нартай

шууд холбоотойг зааж буй шинэ баримт бөгөөд цаашид нарийвчлан судлах шаардлагатай байна. Хундын хоолойн том дөрвөлжингүүдээс холгүй орших уг оршуулгын газрын баруун захад дөрвөлжингүүдтэй хэлбэрийн хувьд төстэй байгууламжууд байгаа нь эрхгүй анхаарал татдаг. Тиймээс уг оршуулгын газарт дахин судалгаа явуулах шаардлага зүй ёсоор тавигдаж байна. Чингэж гэмээнэ дээрх дөрвөлжин зохиомж бүхий хэрэмт овоолгууд дөрвөлжингүүдийн хувилбар уу эсвэл шороон дарааст булшны төрөл үү гэдгийг нягтлах боломж бүрдэнэ.

Хундын хоолойн оршуулгын газар бол Их Монгол улсын нийслэл Хархорумаас баруун хойш 20 км хүрэхгүй зайд оршдог тул уг хотын оршин суугчдын үлдээсэн дурсгал байж болох талтай. Хундын хоолойн баруун өмнө хаяа нийлэх Хулхийн амны I Дөрвөлжинг малтах үеэр хожим дээр нь байгуулсан чулуун дараастай Монголын үеийн булшуудыг судалсан байдлаас (Очир, Одбаатар, 2008) харахад дунд зэргийн хэмжээтэй цагирган хэлбэртэй боловч олдвор хэрэглэгдхүүн хийгээд хүн төрхийн хувьд сонирхолтой үр дүн гарсан юм. Мөн дурсгалт газраас холгүй орших Бага Арцатын аманд 1986 онд малтсан нэгэн булшны хэрэглэгдхүүнийг бусад дурсгалтай харьцуулан XI–XIV зууны монгол булш хэмээн үзжээ (Цэвээндорж, 2003, т. 73–74). Хархорум хотын суугчид олон хэл үндэсний олон хүн сууж асныг сурвалжид нэгэнт тэмдэглэж үлдээсэн тул түүний орчин тойронд буй оршуулгын газрууд зохион байгуулалтын хувьд өөр хоорондоо адилгүй байх нь аргагүй билээ. Эцэст нь Хундын хоолойн оршуулгын газар нь дундад эртний монголчуудын соёл, оршуулгын зан үйлийн сонирхолтой мэдээлэл агуулсан төдийгүй эртний Хархорум хот түүний орчны суурин амьдрал, зан заншил, хүн ам зүйн бүтцийг тодруулж болох онцгой ач холбогдолтой дурсгал хэмээн үзэж байна.

Товч мэдээлэл

Ä/ä	Булшны дугаар	Дараас	Тоногдсон эсэх	Нас барагчийн толгойг хандуулсан чиглэл	Олдвор	Авс
1	Булш 1 (M1)	Чулуун дараас, үүдэвчтэй	Тоногдоогүй	Баруун	Малгайн үйсэн бортого 1ш, Унжлагатай хүрэл ээмэг 1ш	Модон авс, чулуун хашлагатай
2	Булш 2 (M2)	Шороог овоолон дэлдэж даггаршуулсан	Тоногдоогүй	Баруун хойш 325 хэмд	Хүрэл толь 1 ш, төмөр зэв 2 ш, төмөр бүслүүр 10 ш, шавар савны хагархай 1 ш, төмөр хайч 1 ш, төмөр хадаас 2 ш, эсгий дэр	Модон австай
3	Булш 3 (M3)	Шороог овоолон дэлдэж даггаршуулсан	Тоногдсон	Баруун хойш 325 хэмд	Бөсний хэсэг, төмөр хадаас 9 ш, шавар савны хагархай 1 ш, төмөр багаж 1 ш	Модон австай, авсны дээр хөндлөвчтэй
4	Булш 4 (M4)	Давхар чулуун дараастай	Тоногдоогүй	Баруун хойш 310 хэмд		

Лабораторийн нас тогтоох шинжилгээний дүн (БНХАУ, Бээжингийн их сургууль C-14, ДНА)

北京大学加速器质谱 (AMS) 碳-14 测试报告

送样单位 内蒙古文物考古研究所

送样人 宋国栋

测量日期 08-11

Lab 编号	样品	样品原编号	碳十四年代 (BP)	树轮校正后年代 (BC)	
				1 σ (68.2%)	2 σ (95.4%)
BA08222	棺板	M2	665 ± 30	1280AD (35.5%) 1310AD 1360AD (32.7%) 1390AD	1270AD (49.9%) 1320AD 1340AD (45.5%) 1400AD
BA08223	桦木皮	M4	840 ± 35	1160AD (67.4%) 1225AD 1230AD (0.8%) 1240AD	1050AD (1.8%) 1080AD 1150AD (90.6%) 1270AD
BA08224	人骨	M4	870 ± 35	1050AD (10.0%) 1080AD 1150AD (58.2%) 1220AD	1040AD (95.1%) 1260AD
BA08226	人骨	M1	840 ± 35	1160AD (67.4%) 1225AD 1230AD (0.8%) 1240AD	1050AD (4.8%) 1080AD 1150AD (90.6%) 1270AD
BA08227	棺木	M1	850 ± 35	1155AD (68.2%) 1225AD	1040AD (8.8%) 1090AD 1120AD (2.6%) 1140AD 1150AD (84.0%) 1270AD
BA08228	棺木	M3	910 ± 35	1040AD (68.2%) 1170AD	1030AD (95.4%) 1210AD

注: 所用碳十四半衰期为 5568 年, BP 为距 1950 年的年代。

树轮校正所用曲线为 IntCal04 (1), 所用程序为 OxCal v3.10 (2)。

1. Reimer PJ, MGL Baillie, E Bard, A Bayliss, JW Beck, C Bertrand, PG Blackwell, CE Buck, G Burr, KB Cutler, PE Damon, RL Edwards, RG Fairbanks, M Friedrich, TP Guilderson, KA Hughen, B Kromer, FG McCormac, S Manning, C Bronk Ramsey, RW Reimer, S Remmele, JR Southon, M Stuiver, S Talamo, FW Taylor, J van der Plicht, and CE Weyhenmeyer. 2004 *Radiocarbon* 46:1029-1058.
2. Christopher Bronk Ramsey 2005. www.rlaha.ox.ac.uk/orau/oxcal.html

北京大学 加速器质谱实验室

第四纪年代测定实验室

2008 年 11 月 5 日

M1 - Булшны дугаар
人骨 - Хүний яс
棺木 - Авсны мод
桦木皮 - Хус модны мөчир

Ном зүй

Амаргүвшин Ч., Батболд Н., Эрэгзэн Г., Батдалай Б.

Чандмань хар уулын археологийн дурсгалууд I. – Улаанбаатар, 2015.

Баяр Д. Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. – Улаанбаатар, 2000. – 33 т.

Болдин Б.И., Дьякова О.В. Осинское поселение: стратиграфия и культурная идентификация // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Мат-лы II междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ,

4–6 декабря 2017 г.), посвящ. 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова / Отв. ред.: Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2017. – С. 113–119.

Лхагвасүрэн Х. Буурал уулын Монгол булшууд // Түүхийн судлал. – 1989. – Т. 23, Fasc. 15. – Т. 137–145.

Лхагвасүрэн Х. Монголын археологи: Чингэс хааны үе. – Улаанбаатар: Sorkhon ᠰᠢᠭᠠᠭᠠᠨ, 2007.

Наваан Д. Монгол булшийг олсон нь. – Хөдөлмөр сонин, Улаанбаатар, 1997. – Т. 101.

- Наваан Д.** Дундад зууны үеийн Монголчуудын оршуулах зан үйлийг судлах асуудалд // Д. Наваан. Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, нийтлэл, дурсамж – Бүтээл туурвилын эмхэтгэл 2. – 2018а.
- Наваан Д.** Сүхбаатар аймгийн Онгон сумын Таван толгойн тавдугаар булш ба Монголын язгууртны булш судлах асуудалд // Д. Наваан. Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, нийтлэл, дурсамж. – Бүтээл туурвилын эмхэтгэл 2. – 2018б.
- Наваан Д.** 1987 оны Ховдын экспедицийн тайлан // Д. Наваан. Ховд аймагт явуулсан археологийн судалгаа. – Бүтээл туурвилын эмхэтгэл 3. – 2018в.
- Наваан Д.** 1988 онд явуулсан Ховдын экспедицийн тайлан // Д. Наваан. Ховд аймагт явуулсан археологийн судалгаа. – Бүтээл туурвилын эмхэтгэл 3. – 2018г.
- Очир А.** Монголын түүхийн судалгаа // А. Очир. Бүтээлийн эмхэтгэл. – Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг, 2011. – Боть 1.
- Очир А., Эрдэнэболд Л.** Сүхбаатар аймгийн Түвшинширээ суманд явуулсан хээрийн шинжилгээний ангийн тайлан // МҮМ-ийн сан хөмрөгт. – Улаанбаатар, 2007.
- Очир А., Одбаатар Ц.** Хулхийн амны монгол булш // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. – 2008. – Vol. 4, No. 1 (312). – Т. 88–108.
- Очир А., Энхтөр А., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б.** Монгол, БНХАУ-ын хамтарсан археологийн судалгааны 2005 оны монголын талын ажлын тайлан // НСИСУХ-ийн гар бичмэлийн сан хөмрөг. – 2005.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б.** Монгол, БНХАУ-ын хамтарсан археологийн судалгааны 2007 оны монголын талын ажлын тайлан // НСИСУХ-ийн гар бичмэлийн сан хөмрөг. – Улаанбаатар, 2007.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганний могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 272 с.
- Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У.** Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд. – Улаанбаатар, 2003.
- Цэвээндорж Д.** Эртний оршуулга // Д. Цэвээндорж. Монголын археологийн судалгаа: Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл эмхэтгэл 1983–1992. – Улаанбаатар, 2003. – Боть II.
- Эрдэнэбат У.** Монгол эхнэрийн богтаг малгай. – Улаанбаатар, 2006.
- Эрдэнэбат У.** Монгол булшны судалгаа // Ч. Амартүвшин, Ц. Баттулга, Ж. Врайт, Г. Галдан, Ж. Гэрэлбадрах, Л. Дэлгэрмаа, Б. Жаргалан, Г. Лхүндэв, М.Л. Махичек, Ш. Макаревич, Р. Нельсон, Жан-Сик Пак, Э. Хайт, П. Хатанбаатар, Б. Цогтбаатар, У. Эрдэнэбат. Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу. – Улаанбаатар, 2010.
- 管维良《中国铜镜史》重庆出版社2006年

L. Erdenebold¹, B. Ankhbayar², Ts. Odbaatar³, A. Ochir⁴

¹ *University of Science and Technology (Mongolia)*

² *State University of Inner Mongolia (Mongolia)*

³ *National Museum (Mongolia)*

⁴ *International Institute for the Study of Nomadic Civilizations (Mongolia)*

MONGOLIAN GRAVES DISCOVERED AT KHUNDYN KHOOLOI SITE

In 2007, the joint Mongolian-Chinese archaeological expedition discovered a small-size cemetery and excavated 4 graves in the place named Khundyn Khooloi (the Khund Valley) in the territory of Khotont Soum, the Arkhangai Province. The most of graves were covered with earth and only a few of them were covered with

stones. The structure of those graves is quite peculiar and unusual that we have not seen before in the territory of our country. But the study of the site organization, archaeological find comparisons, and age-determining laboratory analysis clearly show that these graves belong to the Great Mongolian Empire Period.

KEYWORDS: *Khundiin khooloi ((the Khund Valley), earthen tomb, stone tomb with entrance, Mongolian period.*

Т. Идэрхангай, Д. Цэнд

Улаанбаатар хотын их сургууль (Монгол улс)

ХАВЦГАЙТЫН ХАДНЫ ЗУРАГ ДАХЬ МОНГОЛЫН ЭЗЭНТ ГҮРНИЙ ҮЕИЙН ӨВӨРМӨЦ ДҮРСЛЭЛҮҮД

Удиртгал

Хадны зураг бол эртний хүмүүсийн аж ахуй, соёл, зан үйл, шүтлэг бишрэл, эдийн болон оюуны цар хүрээг илэрхийлдэг бичгийн сурвалжтай дүйцэхүйц баялаг мэдээлэл агуулдаг өвөрмөц дурсгал юм. Өнөөгийн судалгааны явцад Монгол улсын нутгаас илэрч олоод буй нийт хадны сийлмэл зургийг түүхэн он цагийн үечлэлээр нь ангилан үзэхэд дийлэнх нь хүрэл болон төмрийн түрүү үед холбогдог. Харин эртний төрт улсуудын үеийн түүхийг харуулсан хадны зургууд төдийлөн элбэг бус билээ. Өнөөгийн судалгааны бүтээлүүдээс харахад Хүннү, Нирун, Түрэг болон Монголын үед хамаарах хадны зургууд зарим аймгийн нутгаас цөөн тоотой илэрч олоод байна. Үүний учир нь хүн төрөлхтний түүхэнд бичиг үсэг үүсэхээс өмнө хад чулуун дээр өөрсдийн оюун санаа, үзэл бодлоо сийлэн үлдээж байсан бол бичиг үсэгтэй болохын цагт хад чулуун дээр элдэв зүйлс сийлэх бус бичиг үсгээр тэмдэглэн үлдээх болсонтой холбоотой юм.

Монголын говийн бүс нутагт үе үеийн олон овог аймгууд аж төрж байсныг гэрчлэх археологийн дурсгалууд маш олон бөгөөд тэдгээрийн дотроос хад чулуун дээр сийлж үлдээсэн хадны зураг онцгой байр суурь эзэлнэ. Тэр дундаа Өмнөговь аймгийн нутаг нь хадны зургийн дурсгалаар арвин баялаг нутгуудын нэг билээ. Улаанбаатарын Их Сургуулийн Түүх, Археологийн тэнхим нь Өмнөговь аймгийн аялал жуулчлалын салбарыг хөгжүүлэх зорилгоор «Гайхамшигт Говь» аялал жуулчлалын холбоотой 2016 оноос хойш хамтран ажилласаар ирсэн ба энэхүү ажлын хүрээнд Өмнөговь аймгийн хэд хэдэн сумдын нутагт хадны зургийн нарийвчилсан судалгааг явуулсан юм. Үүний үр дүнд тус аймгийн Булган сумын нутагт орших Хавцгайт хэмээх газрын хаднаа сийлсэн Монголын эзэнт гүрний үед хамаарах өвөрмөц дүрслэлүүдийг илрүүлэн эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулсан болно. Тиймээс бид Хавцгайтын хадны зураг дахь зарим дүрслэлүүдийг археологийн олдвор, хүн чулуун хөшөө, эртний уран зураг болон түүхэн сурвалжийн мэдээтэй харьцуулан судалж, тэдгээр дүрслэлийн он цагийн хамаарал, учир холбогдлын асуудлыг энэхүү илтгэлээр өгүүлэх болно.

Хавцгайтын хадны зургийн дурсгалт газар

Энэхүү дурсгалт газар нь Өмнөговь аймгийн төв Даланзадгад хотоос баруун хойд зүгт 81 км зайд, Булган сумаас ялимгүй баруун урд зүгт 22 км орчим зайд, Монгол Алтайн нурууны үргэлжлэл Гурван сайханы нурууны салбар уулсын нэг Баруун сайхан уулын хойд биед орших Хавцгайт хэмээх нарийн горхи бүхий амны зүүн талд байрлана. Хавцгайтын амны ойр орчмоор хүрлийн үеийн төрөл бүрийн булш оршуулга, хадны зураг гэх мэт эртний хүмүүсийн үлдээсэн археологийн дурсгалууд маш олон бий.

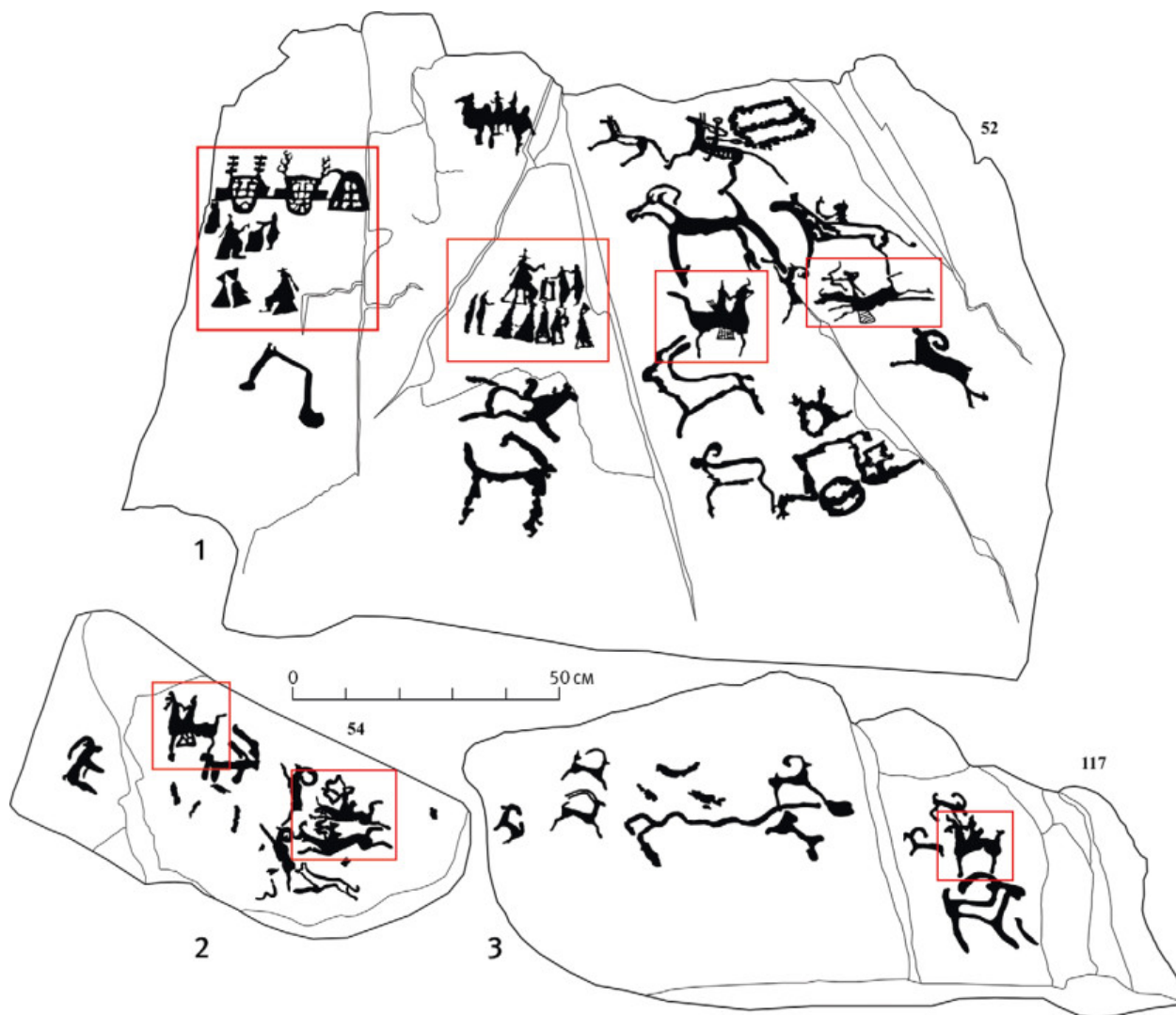
Хавцгайтын хадны зургийг 1960-аад оны дунд үед Оросын нэрт археологич А.П. Окладников анх илрүүлэн судалж, 200 гаруй хадны зургийг баримтжуулан эрдэм шинжилгээний эргэлтэд оруулснаар уг дурсгалт газрын хадны зургийн судалгаа эхэлсэн байдаг. А.П. Окладников тэдгээр хадны зургийг 1981 онд «Петроглифы Монголии» хэмээх нэгэн сэдэвт бүтээлдээ гар зургийн хамт нийтэлсэн билээ (Окладников, 1981).

Харин Хавцгайт дахь А.П. Окладниковын судалсан газрын зүүн талд зэргэлдээ орших өөр нэгэн уулын хадан дээр сийлсэн зургуудыг 2002 онд Өмнөговь аймгийн «Гайхамшигт говь» аялал жуулчлалын холбооны тэргүүн Х. Түмэндэлгэр нутгийн иргэдийн мэдээллийн дагуу илрүүлж аялалын тусгай маршрутад оруулан гадаад, дотоодын жуулчдад үзүүлэх болжээ (Түмэндэлгэр, 2013, т. 193–195). Гэвч тухайн дурсгалт газарт археологийн мэргэжлийн судалгаа хийгдээгүй байсан тул Х. Түмэндэлгэрийн хүсэлтээр 2016, 2017 онуудад Улаанбаатарын Их Сургуулийн Түүх, Археологийн тэнхимийн багш, археологич Т. Идэрхангайгаар удирдуулсан Д. Цэнд, Б. Амгаланбат, Э. Даваахүү нарын бүрэлдэхүүнтэй судалгааны баг хадны зургийн нарийвчилсан хайгуул судалгааг явуулсан юм (Идэрхангай нар, 2017а). Уг судалгааны үр дүнд Хавцгайтын хадан дээр Монголын эзэнт гүрний үед хамаарах өвөрмөц дүрслэлүүд байгааг тогтоосон байна (Идэрхангай нар, 2017б).

Хавцгайтад явуулсан энэхүү хадны зургийн судалгааны явцад бид тус газраас нийт 241 хадны зургийг шинээр илрүүлж, бүртгэн баримтжуулснаас гадна дурсгалт газрын ойр орчимд хийсэн хүрээлэн буй орчны судалгаагаар хүрлийн үеийн хиргисүүр,

дөрвөлжин булш, шоргоолжин булш, дугуй дараастай булш зэрэг 28 дурсгалыг илрүүлсэн билээ. Хавцгайтын хадны зурагт хүн, морьтой хүн, тэмээтэй хүн, тэрэг, адуу, тэмээ, бута, согоо, янгир, аргаль, зээр, ирвэс, чоно, нохой, шувуу, тамга тэмдэг гэх мэт ан амьтан, аж байдал, мал аж ахуй, ан агнуур, нөхөн

сийлсэн Монголын үеийн язгууртан ноёд, хатан, тэдний хувцас, эдлэл хэрэглэл болон тэднийг тойрон хүрээлсэн хүмүүс, зэр зэвсэг агссан морьтон дайчид, чингэлэг тэрэг зэрэг сонирхолтой дүр дүрслэлүүдийг харьцуулсан судалгааны аргаар он цагийг тогтоож, дүн шинжилгээ хийсэн болно (зур. 1; 1.1-1.5).

Зур. 1. Хавцгайтын хадны зургууд: 1 – хадны зураг 52; 2 – хадны зураг 54; 3 – хадны зураг 117

Fig. 1. Khavtsgait petroglyphs: 1 – rock painting 52; 2 – rock painting 54; 3 – rock painting 117

үржихүйн сэдэв бүхий 720 гаруй дүрслэлийг сийлсэн байв. Нийт дүрслэлийн арга барил, хэв маяг, тэдгээрийн цохилтын талбайн өнгөний ялгарал болон хүрээлэн буй орчны судалгааны явцад илэрсэн хүрлийн үеийн булш оршуулгын дурсгалууд зэрэгт тулгуурлан харахад Хавцгайтын хаднаа сийлсэн дийлэнх дүрслэл нь хүрэл болон төмрийн түрүү үед хамаарахын зэрэгцээ мөн Монголын эзэнт гүрний үед холбогдох хэд хэдэн өвөрмөц дүрслэлүүд бий. Тиймээс бид тус дурсгалт газрын 52, 54, 117 дугаартай хадны зургуудад

Монгол язгууртнуудын дүрслэл

Хавцгайтын 52-р дугаартай хадны баруун болон төв хэсэгт ялимгүй тусдаа гурван хэсэг болгон зохиомжилсон байдалтай нийт 15 хүнийг суугаа ба босоо байдлаар дүрсэлсэн нь тун сонирхолтой юм. Тиймээс энэ гурван хэсэг өгүүлэмж дүрслэлийг тус бүрээр нь дэлгэрэнгүй өгүүлье.

Нэгдүгээр өгүүлэмж (зур. 1.1). Хадны баруун дээд буланд сийлсэн хоорондоо холбогдсон чингэлэг тэрэгний доор дөрвөлжин хэлбэртэй сандал дээр

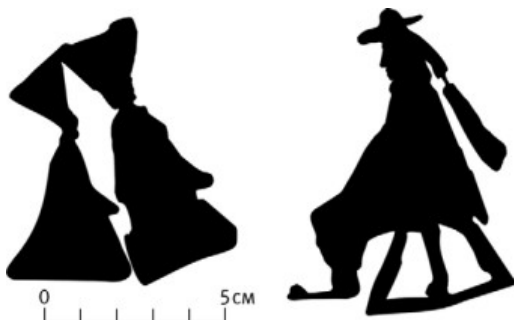

Зур. 1.1. Хавцгайтын 52-р дугаартай хадны, дэлгэрэнгү

Fig. 1.1. Khavtsgait rock number 52, details

зүүн тийш харж суусан богтаг малгай бүхий язгууртан эмэгтэй хүнийг дүрсэлжээ. Богтаг малгайн хэлбэрийг маш тодорхой гаргахдаа шилэвчийг арагш унжсан байдлаар заагласан бөгөөд тарган биетэй, гартаа жижиг хундага гэмээр зүйл барьж, урдаа байгаа дөрвөлжин ширээний эсрэг талд өөдөөс нь харан зогсож буй богтаг малгайтай зарц гэмээр хүнд өгч байгаагаар дүрсэлсэн байна. Уг дүрслэлийн зохиомжоос харахад язгууртан эмэгтэй болон түүнд үйлчилж буй зарц эмэгтэйг харуулахыг оролджээ.

Хоёрдугаар өгүүлэмж (зур. 1.2). Нэгдүгээр өгүүлэмжийн доод талд баруун тийш харан исэр сандал дээр суусан язгууртан ноён хүний урд сөхөрч суусан гэмээр хоёр хүнийг тус тус дүрсэлжээ. Язгууртан ноёныг бөмбөгөр орой, нимгэн хүрээ, урт залаа бүхий малгайтай, халхгар дээлтэй, исэр сандал дээр суулган дүрсэлсэн нь нэлээд эрх мэдэлтэй хүн болохыг илэрхийлсэн бололтой. Мөн түүний өөдөөс нь харан сууж буй хоёр хүнийг халхгардуу хувцастай дүрсэлсэн бөгөөд малгайг нь гурвалжиндуу хэлбэртэй гаргасан нь харь гаралтай хүмүүс байж магадгүй юм Уг өгүүлэмжийн утга агуулгыг харахад тухайн ноёнд бараалхаж буй элч төлөөлөгчид гэмээр санагдана.

Зур. 1.2. Хавцгайтын 52-р дугаартай хадны, дэлгэрэнгү

Fig. 1.2. Khavtsgait rock number 52, details

Гуравдугаар өгүүлэмж (зур. 1.3). Хоёрдугаар өгүүлэмжийн зүүн талд буюу хадны төв хэсэгт уг өгүүлэмж зургийг сийлжээ. Энд зүүн тийш харан исэр сандал дээр суусан, бөмбөгөр орой, нимгэн хүрээ, ардаа урт залаа бүхий малгайтай, нэлээд том гэдэстэй, гартаа хундага гэмээр зүйл барьсан өндөр хэргэм зэрэгтэй язгууртан ноён хүнийг дүрсэлсэн бөгөөд ноёны өмнө дөрвөлжин ширээний эсрэг талд түүнд үйлчилж буй хоёр хүн, тэдгээрийн доод талаар суугаа болон зогсож буй байдалтай долоон хүнийг тус тус сийлсэн нь түүнийг дагалдан яваа бараа бологсад бололтой. Энэхүү өгүүлэмж нь өмнөх хоёр өгүүлэмжээс илүү олон хүнийг нэг доор дүрсэлснээрээ онцлог юм. Ноёны доор сийлсэн хүмүүсийг янз бүрийн малгай, хувцастайгаар дор бүрнээ өөр өөр хөдөлгөөн хийж буй байдалтай дүрсэлснээс гадна зүүн гар талаасаа зургаа дахь хүнийг гартаа ваар сав гэмээр том зүйл барьсан байдалтай дүрсэлсэн нь сонирхолтой байна. Зургийн зохиомжоос харахад ноёноо тойрон сууж буй бараа бологсад, тэдэнд үйлчилж буй зарц нар аян замын үед түр буудаллан цайлж буй үйл явдлыг илэрхийлсэн бололтой.

Эдгээр өгүүлэмжийн дүрслэлийн онцлогоос ажиглахад өгүүлэмж тус бүрийн гол эзэд болох язгууртан ноёд, хатны дүрслэлүүдэд буй малгай, исэр сандал гэх мэт тодорхой гаргасан хэрэглэгдэхүүнийг Монголын эзэнт гүрний үеийн түүхэнд хамаарах бусад эх сурвалжид хэрхэн тусгасныг доор харьцуулан сийрүүлээ.

Зур. 1.3. Хавцгайтын 52-р дугаартай хадны, дэлгэрэнгү

Fig. 1.3. Khavtsgait rock number 52, details

Малгайн дүрслэл. Хавцгайтын 52-р хадны зурагт буй хүмүүсийн дүрслэл дотор нэгдүгээр өгүүлэмж дээрх сандал дээр суусан язгууртан эмэгтэй, хоёр

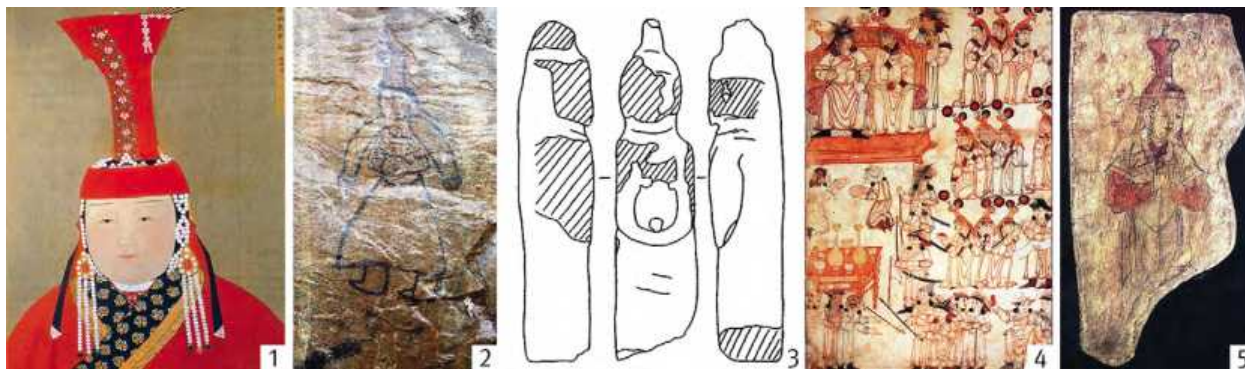
болон гуравдугаар өгүүлэмж дэх исэр сандал дээр суусан язгууртан ноёдын толгойд дүрсэлсэн малгайн дүрслэлүүдийг харьцуулан судлах бүрэн боломжтой юм. Мөн тэдний зарц, бараа бологсдын толгойд малгайг мэдэгдэх төдий тоймлон дүрсэлсэн боловч тэдгээрийн хэлбэрийг язгууртнуудынх шигээ тодорхой гаргаагүй ажээ. Харин язгууртан ноёд, хатдын дүрслэлд хоёр төрлийн малгайг маш тодорхой дүрсэлсэн нь илэрхий мэдэгдэж байлаа. Үүнд: 1. Богтаг хэлбэрийн малгай, 2. Бөмбөгөр орой, нимгэн саравч, урт шилэвч бүхий малгай зэрэг болно.

Эхний хэлбэрийн малгайг өндөр оройтой, араараа шилэвч унжуулсан байдалтай дүрсэлсэн нь эртний монгол хатдын өмсөж зүүдэг богтаг малгайтай ихэд төстэй тул бид энэ малгайг богтаг малгай хэмээн үзэж байна. Богтаг малгайн дүрслэл Их тэнгэрийн амны хадны зурагт (Цэвээндорж нар, 2002, т. 96–97), Өвөрхангай аймгийн Хархорин сумын Хөшөөн дэнж хэмээх газраас олдсон Монголын үеийн хүн чулуун хөшөө (Баяр, 2002, т. 98), Юань гүрний хатдын хөрөг, Перс номын чимэглэл зэрэгт дүрслэгдсэнээс гадна Монголын үеийн булш (Эрдэнэбат, 2006, т. 30), хадны оршуулгаас (Хүрэлсүх, 2012, т. 116–117) цөөнгүй илэрсэн байдаг (зур. 2).

Хоёр дахь хэлбэрийн малгайг бөмбөгөр орой, нимгэн хүрээтэй, араар нь урт шилэвч унжуулан дүрсэлсэн нь мөн адил эртний монгол хаад, ноёдын өмсдөг малгайтай ижил төстэй харагдана. Ийм төрлийн малгай нь Өмнөговь аймгийн Ноён сумын Ца-

сэлсэн хоёр төрлийн малгайтай хэлбэрийн хувьд яг таарч байна. Түүнчлэн 1246 онд Монголд ирж байсан Плато Карпини аян замын тэмдэглэлдээ «... Тэд толгой дээрээ дугуй богтаг хэмээх нэгэн зүйл малгай тавина. <...> Эхнэрүүд ийм богтаггүйгээр хүний өмнө гарна гэж байхгүй бөгөөд түүгээр нь ч бусад бүсгүйчүүдээс ялгаж таних ажгуу ...» (Жиованни дель Плато Карпини, 1988, т. 14) хэмээн өгүүлсэн бол мөн Францын элч Гильом де Рубрук аян замын тэмдэглэлдээ «...Эмэгтэйчүүд нь ихэвчлэн цүзгэр тарган, хамар жижигхэн байх тусам хөөрхөн гэж үздэг» (Гильом де Рубрук, 1988, т. 107) хэмээн тэмдэглэжээ. Тэгвэл Юань улсын сударт «... Монголчуудын малгай урьд саравч гэж байхгүй байв. Хаан бээр нум сум харваж намнахад нүд нь гялбах учир түүнийгээ хатанд хэлсэнд хатан тэр даруй малгайд нь саравч тааруулан оёж өгчээ. Үүнд хаан ихэд баясаж даруй малгайгаа өмсөх болов...» (Идэр, 2016) хэмээн өгүүлжээ. Дээрх түүхэн сурвалжийн мэдээ баримтуудаас харахад 52-р хадны зураг дахь язгууртан хүмүүсийн дүрслэлийг Монголын эзэнт гүрний үе тэр дундаа Хубилай хаанаас хойших үед сийлж үлдээсэн болохыг нотолж байна.

Исэр сандлын дүрслэл. Эдгээр гурван өгүүлэмж зураг дахь дараагийн өөр нэгэн чухал зүйл нь сандлын дүрслэл юм. Хоёрдугаар өгүүлэмж болон гуравдугаар өгүүлэмж дээрх хоёр язгууртны суусан сандал нь дүрслэлийн хувьд исэр сандалтай төстэй харагдана. Исэр сандал нь XIII–XIV зууны үеийн хүн

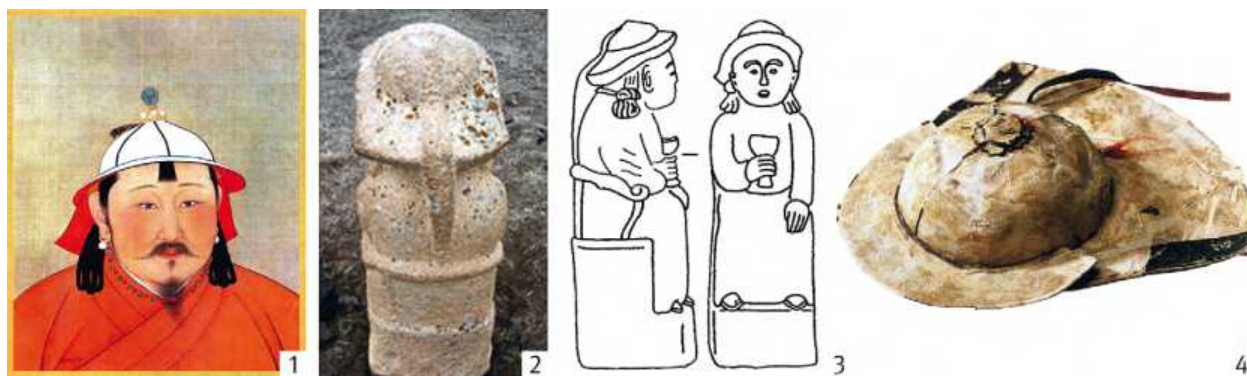
Зур. 2. 1 – Чаби хатны хөрөг; 2 – Их тенгерагийн хадны сүг зураг; 3 – Өвөрхангай аймгийн Хархорни сум, Хөшүүн дэнжийн чулуун хөшөө; 4 – Персийн номын чимэглэл; 5 – Турфаны агуй

Fig. 2. 1 – portrait of Queen Chabi; 2 – petroglyphs of Ikh tengera; 3 – stone statue of Khushuun denzha, Kharkhorni summ, Uvurkhangai aimak; 4 – Persian book ornament; 5 – Turfan cave

гаан Ханангийн агуйн хадны оршуулгаас илэрсэн (Хүрэлсүх, 2012, т. 16, 111) бөгөөд XIII–XIV зууны үеийн хүн чулууд (Баяр, 2002), Юань гүрний хаадын хөрөг болон Перс номын чимэглэл зэрэгт тодорхой дүрслэгдсэн билээ (зур. 3).

Эдгээр биет олдворууд болон уран зургууд дээрх малгайнууд нь бидний судлан буй хадны зурагт дүр-

чулуун хөшөөд, БНХАУ-ын нутагт орших Монгол язгууртны бунхны ханын зурагт (Баяр, 2002, т. 128–133), Перс номын чимэглэл зэрэгт дүрслэгдсэн ба Сүхбаатар аймгийн Онгон сумын Таван толгойн Баруун Овоотын 57-р булшнаас бүтгээрээ олдсон (Төрбат нар, 2011, 50–52) тул бид Хавцгайтын 52-р хадны зураг дахь язгууртнуудын суусан сандлын дүрслэлийг

Зур. 3. 1 – Өлзийтөмөр хааны хөрөг зураг; 2, 3 – Ламта, Дарьганга сумм, Сүхэ-Батор аймгийн чулуун хөшөө; 4 – Цагаан Ханан агуйгаас олдсон малгай

Fig. 3. 1 - portrait of Ulziittumur Khan; 2, 3 – stone sculpture of Lamta, Dariganga summ, Sukhe-Bator aimak; 4 – a hat found in Tsagaan Hanan cave

исэр сандал хэмээн үзэж байна. Исэр сандал нь түшлэгтэй болон түшлэггүй хэмээх хоёр төрөл байдаг ба бидний судлан буй хадны зурагт түшлэггүй исэр сандал дүрсэлсэн нь зэрэг зиндааг илтгэхээс гадна томоохон язгууртнууд холын аян замд явахад зайлшгүй авч явдаг овор хэмжээ бага аяны зориулалттай исэр сандал болохыг давхар гэрчилнэ (**зур. 4**).

нь магадгүй аяны жижиг гэр байж болох юм. Учир нь уг зүйлийн хэмжээ харьцаа нь чингэлэг тэрэгнээс ялимгүй том байгаа нь ачаа хөсөг гэхээс илүүтэй амарч хоноглох жижиг гэр болохыг харуулсан бололтой байна. Уг чингэлэг тэргийг түүний эргэн тойронд буй хүмүүсийн дүрслэлд үндэслэн Монголын эзэнт гүрний үед хамааруулан үзэж болохоор байна.

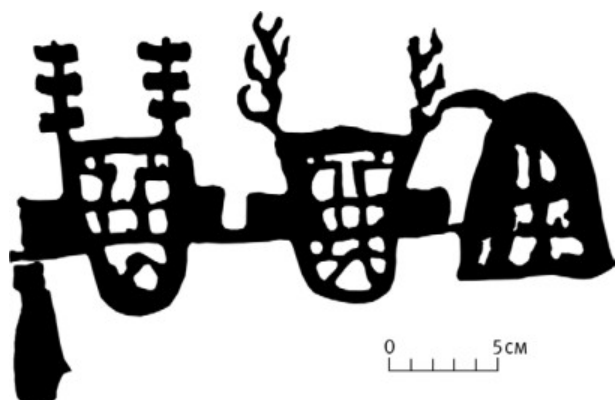

Зур. 4. 1 – «Исар» сандал; 2 – Шонха Таван толгойн чулуун хөшөө, сумх Халхгол, Дорнодын аймаг; 3 – перс номын чимэглэл; 4 – Таван толгойн Баруун овоот, 57-р булшнаас олдсон сандал

Fig. 4. 1 – chair “Isar”; 2 – stone statue of Shonkha Tavan Tolgoi, summ Khalkhgol, aimak Dornod; 3 – Persian book ornament; 4 – a chair found in grave 57, Baruun Ovoot, Tavan Tolgoi

Чингэлэг тэрэгний дүрслэл (зур. 1.4). Энэ дүрслэлийг хадны баруун дээд хэсэгт сийлсэн ба тэвш бүхий дөрвөлжин бүхээгтэй, дөрвөн буландаа тут дарцаг хийссэн хоёр тэргийг хооронд нь холбон хажуугаас харсан байдлаар зуржээ. Уг зургийн баруун талын тэрэгний дээд талын хоёр буланд гурван давхар туг дүрсэлсэн бол зүүн талын тэрэгний хоёр буланд бугын эвэр мэт зүйл гаргасан нь салхинд намирч буй олон цацаг бололтой. Тэрэгний дугуйг тал тойргоор дүрсэлжээ. Мөн зүүн талын тэрэгний хажууд бөмбөгөр орой бүхий овоохой маягийн зүйл дүрсэлж тэрэгтэй нарийн уяа мэт зүйлээр холбосон

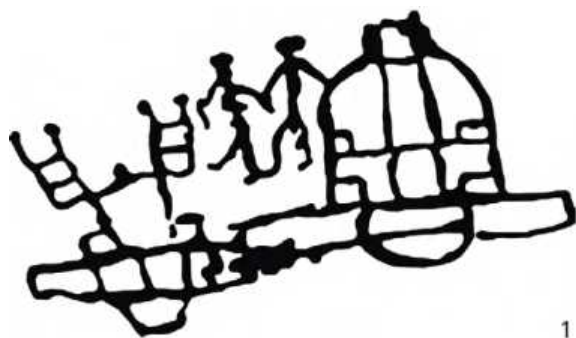
Ийм төрлийн чингэлэг тэрэг нь археологийн малтлага судалгаагаар илэрч олдоогүй ч 1253 онд Монголд ирж байсан Францын элч Гильом де Рубрук аян замын тэмдэглэлдээ монголчуудын тэрэгний талаар дурдсан нь бий. Тэрээр <... Түүнээс гадна тэд бас цуулсан бургас модоор том авдрын дайтай дөрвөн тал чингэлэг хийж, түүнийхээ нэг захаас нөгөө зах хүртэл модон саравч хийж бяцхан орох хаалга гаргана. <...> Тийм хайрцгандаа бүхий л эд агуурс, үнэт зүйлсээ хадгалах ба гол мөрөн гатлахад ч хялбар байхын тулд уг чингэлэгээ тэмээнд хөллөсөн өндөр тэргэн дээр хөдөлгөөнгүй баглана.

Зур. 1.4. Хавцгайтын 52-р дугаартай хадны, дэлгэрэнгү

Fig. 1.4. Khavtsgait rock number 52, details

Тийм хайрцгийг тэрэгнээс хэзээ ч үл буулгана» (Гильом де Рубрук, 1988, т. 107) хэмээн тэмдэглэсэн байдаг ба уг сурвалжийн мэдээнд дурдсан чингэлэг тэрэг нь бидний өгүүлэн буй чингэлэг тэрэгний дүрслэлтэй таарч байна. Мөн Хавцгайтын хадны зургийн чингэлэг тэрэгтэй төстэй тэргийг Баянхонгор аймгийн Баянлиг сумын Бичигтийн амны хадны зурагт гэр тэрэгтэй угсруулан залгаж дүрсэлсэн нь тун сонирхолтой юм (Цэвээндорж, 2009, т. 123). Мөн нүүдэлчдийн тэргийг хооронд нь холбож аж ахуйдаа ашигладаг хэрэглээ Монголын зүүн аймгуудын нутагт өнөөг хүртэл байсаар байгаа билээ (зур. 5).

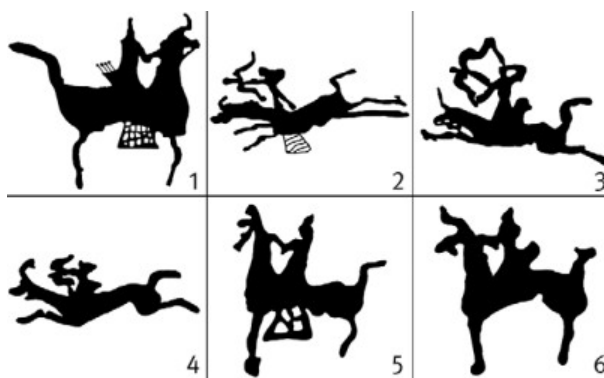

Зур. 5. 1 – Баянхонгор аймгийн Баянлиг сум, Бичигт Ама-гийн хадны сүг зураг бүхий контейнер тэргэнцэр; 2 – чингэлэг тэрэг, Сэргэлэн сум, Дорнод аймаг

Fig. 5. 1 – container cart in petroglyphs Bichigt Ama, Bayanlyg soum, Bayankhongor aimag; 2 – container cart, Sergelen sum, Dornod aimag

Морьтон баатруудын дүрслэл

Хавцгайтын 52, 54, 117 дугаартай хаднуудад өвөрмөц дүрслэл бүхий зэр зэвсэг агссан морьтон баатруудыг буулгажээ (зур. 1.5). Морьтонгуудыг дүрслэхдээ тэдний унаж буй морины эрүүн доор унжуулсан молцог маягийн зүйл, морины гэдэснээс доош унжуулсан эмээлийн гөлөм, морины гөхөл, сүүлийг ороож боосон маягтай дүрсэлсэн байдал зэрэг нь бидний сонирхлыг ихээр татаж байна. Учир нь дээрх шинж

Зур. 1.5. Хавцгайтын 52 (1, 2), 54 (3–5), 117 (6) дугаартай хадны, дэлгэрэнгү

Fig. 1.5. Khavtsgait rock numbers 52 (1, 2), 54 (3–5), 117 (6), details

тэмдэг нь хадны зурагт тэр бүр элбэг тохиолдоод байдаггүй ба тун ховор дүрслэгдсэн байдаг билээ. Тиймээс уг морьтон дайчдын дүрслэл нь хүрэл, төмрийн түрүү үеийн хадны зургуудын арга барилас өөр байгаа нь нэлээн хожуу үед холбогдож болзошгүй хэв шинжүүд агуулсан тул тэдгээрийг хэрхэн бусад эх хэрэглэгдэхүүнтэй харьцуулан судалсныг дараах байдлаар тус бүрт нь өгүүлье.

Морины эрүүн доорх молцгийн дүрслэл (зур. 6–8). Энэхүү дүрслэл нь Хавцгайтын 54-р хадны зургийн 3 морьтны унаж буй морьдын эрүүн доор, мөн

117-р хадны зураг дээрх морьтон баатрын морины эрүүн доор тус тус дүрсэлжээ. Ийм төрлийн эрүүн доороо молцогтой морьтон баатруудын дүрслэл нь манай орны Баян-Өлгий аймгийн Цэнгэл сумын нутагт орших Шивээт хайрхан (Цэвээндорж нар, 2010, т. 161–168, 312, 372), Өмнөговь аймгийн Ноён сумын Дунд хоргын шар давааны хадны зургуудад (Эрдэнэцогт нар, 2015) цөөнгүй тохиолддог билээ. Хадны зургаас гадна бунхант булшнаас илэрсэн

молцог чимэглэл бүхий морины дүрслэл манай орны нутгаас илэрсэн ганц тохиолдол нь Булган аймгийн Баяннуур сумын нутаг дахь Улаан хэрмийн Түрэгийн үеийн язгууртны бунхант булшны үүдний хэсгийн ханын зураг юм (зур. 8). Энд эрүүн доороо молцог

хэлбэрийн цацаг чимэглэлтэй морь хөтөлсөн хүнийг маш тодорхой зурсан байдаг (Монголын эртний булш оршуулга, 2016, т. 198–211). Үүнээс гадна ийм төрлийн молцгийг Тайвань улсын Үндэсний музейд хадгалагдаж байгаа Хятан гүрний үеийн «Морьтон

Зур. 6. Эртний киданы зураг: 1 – «Морьтон сумм талбиж буй зураг»; 2 – «Шонхор шувуугаар ав хийж буй зураг»

Fig. 6. Ancient Khitan painting: 1 – “Horse arrow painting”; 2 – “Picture of a falcon”

Зур. 7. Монголын эзэнт гүрний үеийн зургууд: 1 – «Их хаан Хубилайн агнуур»; 2 – персийн номын чимэглэл

Fig. 7. Pictures from the time of the Mongol Empire: 1 – “Hunting of the Great Khan Kublai”; 2 – Persian book ornament

Зур. 8. Монголын эзэнт гүрний үеийн зураглал: 1 – Улаан-Хэрэмийн бунхны уран зураг; 2 – Аргал Хорго дахь морьтой хүмүүсийн дүрслэл

Fig. 8. Paintings from the time of the Mongol Empire: 1 – fresco of the Ulan-Kherem mausoleum; 2 – picture of people on horseback in Agral Khorgo

сум талбиж буй зураг» (**зур. 6**), Юань гүрний үеийн «Хубилай хаан авд мордсон нь» (**зур. 7**) зэрэг манай улсын эртний түүхэнд холбогдох уран зургуудад дүрсэлсэн байна. Дээрх бунхны ханын зураг болон уран зургуудаас харахад Хавцгайтын 54, 117-р хадны зураг дээрх баатруудын морины эрүүн доор молцог хэлбэрийн цацаг чимэглэл дүрсэлсэн болох нь тодорхой байна. Археологич Г. Батболд «Нүүдэлчдийн нохой» хэмээх нэгэн сэдэвт бүтээлдээ үе үеийн эртний нүүдэлчид анч нохой, шувуу болон хүлэг морийг цоллодог байсныг олон талын судалгаагаар баталсан юм. Тэдгээр амьтдад өгдөг цолыг өрвөлөг хэмээн нэрлэх бөгөөд дайн тулаан, ан авын үед онцгой гавьяа байгуулсан амьтдыг шагнадаг байжээ. Ийнхүү шагнагдаа ангийн олзны хуйх, арьс, өднөөс авч анч нохойн хүзүүвчинд, авын шувуун малгай, сарвуунд уях буюу зүүж, дарсан дайсныхаа тоногийг мориндоо молцог болгон зүүж өгдөг байсныг хожим улаан өнгийн өрвөлөг, улаан молцог чимгээр төлөөлүүлсэн хэмээн үзсэн байна. Ийм цолтой морийг хүн бүр хэрэглэхгүй, зөвхөн хаад ихэс унаж байсан нь «Хубилай хаан авд мордсон нь» зураг дээрх Хубилай хаан, Чаби хатан нарын унаж буй моринд зүүсэн улаан молцог нь үүнийг нотолно (Батболд, 2020, т. 145–164). Эндээс харахад Хавцгайтын хадны зурагт молцог чимэглэл бүхий онцгой гавьяа байгуулсан хүлэг морьдыг унаж буй язгууртнуудыг дүрсэлсэн бололтой.

Морьтон баатруудын дүрслэл дэх эмээлийн гөлөм. Хавцгайтын 52, 54-р хадан дээр сийлсэн гурван морьтонд трапец хэлбэрийн эмээлийн гөлөм дүрслэгджээ. Гөлөм нь дөрөөнөөс морины биеийг хамгаалах, олом жирмийг халхлах зориулалттай эмээлийн нэгэн эд анги билээ. Нүүдэлчдийн түүхэнд хамаарах эртний уран зургуудад эмээлийн гөлмийг маш тодорхой дүрсэлсэн байдаг. Тухайлбал; Хятаны үеийн «Морьтон сум талбиж буй зураг», «Шонхор шувуугаар ав хийж буй зураг» (**зур. 6**), Юань гүрний үеийн «Хубилай хаан авд мордсон нь», Ил хаант улсын түүхийг харуулсан «Перс номын чимэглэл» (**зур. 7**) зураг зэрэгт тус тус дүрслэгджээ. Тэдгээр зургаас харахад эмээлийн гөлмийг ихэвчлэн хээ чимэглэл бүхий том, жижиг янз бүрийн хэмжээтэйгээр зурсан нь 52, 54-р хадны зураг дахь морьтонгуудын гөлөмтэй хэлбэрийн хувьд таарч байна. Бодит байдал дээр эмээлийн гөлөм нь морины гэдсийг дөрөөнд холгохоос сэргийлэх чухал үүрэгтэй буюу морины хэвлийгээс доош хэт их унждаггүй билээ. Гэвч хадны зурагт морьтон баатруудын эмээлийн гөлмийг дүрслэхдээ ихэвчлэн морины хэвлийгээс доош хэтэрхий унжуулдаг нь тухайн морьдыг эмээлийн гөлөмтэй гэдгийг тодотгож буйн илрэл бөгөөд тухайн үеийн технологиор хад чулуун дээр элдэв дүрс сийлэхэд бүх зүйлийг нарийн харуулах боломжгүй тул зарим зүйлсийг ингэж тодотгосон бололтой.

Морины гөхөл болон сүүл. Морьтон баатруудын дүрслэлд морины гөхөл үс болон сүүлийг сураар ороож боосон гэмээр шинж ажиглагдаж байна. Эдгээр морьтон баатрын унаж буй морины гөхөл үсийг дүрслэхдээ дээш цомцойсон байдлаар сийлжээ. Ингэхдээ зогсож буй морины гөхөл үс урагшаа бага зэрэг унжсан бол давхиж буй морьдын хойш хийсэж буй байдалтай харагдах нь морьдын магнай дахь үсийг сураар ороож цомцойлгосон болохыг илтгэсэн бололтой. Харин морьдын сүүлний угаас дээш тал хэсэг нь эгц босоо байдалтай бол үзүүрийн хэсэг нь арагш унжсан нь тухайн морьдын сүүлийг мөн адил сураар ороосон гэмээр харагдуулахыг оролдсон байж болзошгүй юм. Учир нь Улаан хэрмийн бунхант булшны ханын зураг дахь морины сүүлийг ороож боосон (**зур. 8**) бол мөн Хятаны үеийн «Морьтон сум талбиж буй зураг» (**зур. 6**) дээрх морины гөхөл үсийг цомцойлгон боосноос гадна сүүлийг бас сураар боосон бөгөөд энэ зан үйлийг Хавцгайтын хадны зурагт тодорхой харуулсан нь сонирхолтой юм. Энэ нь нүүдэлчдийн морины соёлд эртнээс уламжлагдсан зан үйл бөгөөд өнөө үед ч Монголчууд хурдан морины гөхөл үс, сүүл зэргийг сураар ороож боодог ба уг зан үйлийг цомцог, согсоо гэх мэтээр уяачид нэрлэдэг билээ. Түүнчлэн Шивээт хайрханы хаднаа сийлсэн морьтонгуудын дүрслэлд тэдгээрийн унаж буй морины дэлийг ихэвчлэн хоёроос гурван босоо сойлготой дүрсэлснийг академич Д. Цэвээндорж нарын судлаачид Түрэгийн үед хамааруулсан бөгөөд морины дэл болон гөхлийг боож засдаг энэхүү уламжлалыг Төв Азиас гаралтай хэмээн үзсэн нь (Цэвээндорж нар, 2010, т. 161–164) уг зан үйл бүр эрт хүрлийн үеэс эхлэн хувьсан өөрчлөгдсөөр одоог хүртэл бидэнд уламжлагдан иржээ.

Дүгнэлт

Энэхүү харьцуулсан судалгааны үр дүнд Хавцгайтын 52-р хадан дээрх гурван өгүүлэмж зураг дахь язгууртнуудын дүрслэлд буй онцлог шинжүүдэд үндэслэн дээр дурдсан дүрслэлүүдийн он цагийг Монголын эзэнт гүрний үед шууд хамааруулах бүрэн боломжтой юм. Харин морьтон баатруудын дүрслэлд буй гоёл чимэглэл, эдлэл хэрэглэл нь Түрэг, Хятан, Монгол гэх мэт түүхэн олон үед давхцаж байгаа нь тухайн морьтонгуудыг дээрх аль ч үед хамруулж болох ч бид дүр дүрслэлийн хэв маяг болоод 52-р хадны язгууртнуудын дүрслэлийн хажууд болон түүний зэргэлдээх хаднуудад дүрслэгдсэн зэрэгт тулгуурлаж морьтон баатруудын дүрслэлийг Монголын үед хамааруулан үзэж байна. Хавцгайтын хадны зурагт сийлсэн язгууртнууд болон морьтон баатруудын дүрслэлийг ерөнхийд нь авч үзвэл монголчуудын аж байдлыг илтгэхээс гадна Монгол язгууртан ноёд,

хатдыг тус тусад нь зохиомжлон дүрсэлснээрээ онцлог юм. Түүнчлэн уг дүрслэлүүд нь цохилтын талбайн өнгөр гялтагийн хувьд ижил өнгөтэй байгаа нь нэг цаг үед дүрсэлсэн болохыг илтгэж байна. Харин дүрслэлийн арга барилын хувьд мөн адил хоорондоо ижил төстэй хэв маягийг агуулж байгаа тул эдгээр нь тухайн үед нэг хүний гараар бүтсэн дүрслэл болохыг илтгэнэ. Тухайн хадны зураг урлаач нь язгууртан ноёд хатдыг дүрслэхдээ бөмбөгөр оройтой нимгэн саравч бүхий малгай, богтаг малгай, исэр сандал зэрэг тэр үеийн язгууртнуудын илэрхийлэл болсон гол хэрэгслүүдийг тодорхой гаргаж, бусад хүмүүсээс ялгаж өгсөн нь тэдгээрийг Монголын үеийн өндөр эрх мэдэл бүхий язгууртан хүмүүс гэдгийг харуулахыг зорьсон бололтой. Тэгвэл ан ав хийж буй морьтон дайчдыг дүрслэхдээ зэр зэвсэг, эмээлийн гөлөм, цулбуур, гөхөл, сүүлийг боож засах гэх мэт элдэв хэрэгсэл, гоёл чимэглэлтэй дүрслэснээс гадна морьдыг молцог бүхий цол тэмдэгтэй дүрсэлсэн нь бидний сонирхлыг ихээр татаж байлаа. Энэ нь эртний нүүдэлчдийг мориноос салшгүй холбоотой байсныг илэрхийлэх гол баримт болохын зэрэгцээ морины хүчээр бүхнийг даван туулдаг тэр ч бүү хэл дэлхийн түүхэнд байгаагүй байлдан дагууллыг хийж байсан нүүдэлчдийн хувьд морио хүндэтгэн дээдэлж буйн нэгэн илрэл болно.

Ном зүй

- Батболд Г.** Нүүдэлчдийн нохой. II дэвтэр, (Чингис хаан ба түүнийг залгамжлагчдын үе). – Улаанбаатар, 2020.
- Баяр Д.** Монголчуудын чулуун хөрөг (XIII–XIV зуун) нэмж засварласан гурав дахь хэвлэл. – Улаанбаатар, 2002.
- Жиованни дель Пано Карпини.** Монголчуудын түүх. **Гильом де Рубрук.** Дорно этгээдэд зорчсон минь. – Улаанбаатар, 1988.
- Идэр Д.** Их Юань улсын хатад. – Улаанбаатар, 2016.
- Идэрхангай Т., Цэнд Д., Амгаланбат Б., Даваахүү Э.** Өмнөговь аймгийн Булган сумын Хавцгайт багийн нутагт орших Хавцгайтын аманд явуулсан хадны зургийн хайгуул судалгааны ажлын тайлан // УБИС-ийн Түүх, Археологийн тэнхмийн ГБСХ. – Улаанбаатар, 2017а.
- Идэрхангай Т., Цэнд Д., Амгаланбат Б., Даваахүү Э.** Хавцгайтын амны хадны зураг дахь Монгол гүрний үеийн өвөрмөц дүрслэлийн тухайд // Археологийн судлал. – 2017б. – Т. XXXVI, Fasc. 23. – Т. 309–320.
- Монголын эртний булш оршуулга** // Монголын археологийн өв. – Улаанбаатар, 2016. – Боть 3.

Харин эдгээр язгууртан хүмүүс, морьтон баатруудыг говийн бүс нутгийн хадан дээр дүрсэлсэн нь ихэд сонирхолтой байна. Бид үүнийг язгууртан хүмүүсийн өгүүлэмж бүхий зургуудын дэргэд сийлсэн чингэлэг тэрэг болон аяны жижиг гэр маягийн зүйлд тулгуурлан дараах байдлаар тайлбарлаж байна. Тодруулбал, Монголын эзэнт гүрний үеийн томоохон эрх бүхий язгууртнууд өөрийн захиргааны орон нутгаар явж буй, эсвэл говийг гаталж өөр улс руу явж буй, эс бөгөөс холын аян дайнаас ирж, буцахдаа тухайн газарт буудаллаж, ан ав хийх үед нь хамт явсан хүн, энэ байдлыг харсан орон нутгийн хүмүүс ийнхүү хаднаа буулгасан байж болох талтай. Ямартай ч энэхүү дүрслэлүүд нь XIII–XIV зууны үеийн аж байдал, үйл явдлыг тодорхой утга санаагаар илэрхийлж тухайн үеийн язгууртан ноёд хатдыг хамтад нь хадан дээр буулган сийлснээрээ онцлог төдийгүй манай улсын түүхэнд хамаарах Перс номын чимэглэл, Хубилай хаан авд мордсон нь гэх мэт эртний уран зурагт өгүүлсэн зохиомжуудыг Хавцгайтын хаднаа буулгасан нь тэдгээр түүхэн уран зургуудыг дэргэдээс нь харж буй мэт сэтгэгдэл төрүүлнэ. Тиймээс Хавцгайтын хадны зураг дахь Монголын эзэнт гүрний үед хамаарах эдгээр дүрслэлүүд нь дараа дараагийн энэ үеийн судалгаанд бодит түүхэн эх сурвалж болох нэн чухал ач холбогдолтой билээ.

- Окладников А.П.** Петроглифы Монголий. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.
- Төрбат Ц., Батсүх Д., Баярхүү Н.** Исэр сандал // Онгон нутгийн өв соёл. – Улаанбаатар, 2011.
- Түмэндэлгэр Х.** Өмнөговь хөтөч ном. – Улаанбаатар, 2013.
- Хүрэлсүх С.** Хадны оршуулгын судалгааны зарим асуудал. – Улаанбаатар, 2012.
- Цэвээндорж Д.** Баянлигийн хадны зарим зургууд // Цэвээндорж Д. Монголын археологийн судалгаа (Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл, илтгэл) 2003–2007. – Улаанбаатар, 2009. – Боть. VI.
- Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц.** Монголын археологи. – Улаанбаатар, 2002.
- Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э.** Шивээт хайрханы хадны зураг. Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хурээлэнгийн хэвлэл, 2010. – 442 т.
- Эрдэнэбат У.** Монгол эхнэрийн богтаг малгай. – Улаанбаатар, 2006.
- Эрдэнэцогт Т., Далантай С.** Дунд хоргын шар давааны хадны зургийн тухайд // Археологийн судлал. – 2015. – Т. XXXV, Fasc. 16. – Т. 241–248.

T. Iderkhangai, D. Tsend

Ulaanbaatar State University (Mongolia)

MONGOLIAN EMPIRE PERIOD SPECIFIC DESCRIPTION IN THE PETROGLYPHS OF KHAVTSGAIT

There are many archaeological sites in the Gobi region of Mongolia, among which petroglyphs have a special place. The territory of Umnugovi aimag is one of the areas rich in petroglyphs. The Department of History and Archaeology of the Ulaanbaatar State University has been cooperating with “Wonderful Gobi” Tourism Association since 2016 to develop the tourism industry in Umnugovi aimag. Within the framework of cooperating work, a detailed study of petroglyphs conducted in several soums of Umnugovi aimag. As a result, unique petroglyphs from

the Khavtsgait area in Bulgan soum of Umnugovi aimag were discovered. Therefore, we made compared study, chronological relevance and signification of the interesting images of Mongolian nobles, queens, their hats, clothes, accessories and people around them, armed cavalymen, and container carts engraved in the rock paintings 52, 54, and 117 of the Khavtsgait with the burial artifacts, 13th–14th century man stones, portraits of Yuan dynasty kings, Persian book ornaments, and other ancient paintings, and historical sources.

KEYWORDS: *Gobi region of Mongolia, Khavtsgait, petroglyphs, compared study, images of Mongolian nobles.*

王洁

内蒙古师范大学历史文化学院 内蒙古 呼和浩特

考古发现所见黠戛斯社会文化

[摘要]唐代黠戛斯传世文献史料比较零散匮乏,但与其考古发现的实物史料结合,尚可窥其社会文化一斑。反映在衣食住行与丧葬习俗等多个层面,也为揭示其社会面貌提供了佐证。

[关键词] 黠戛斯 考古 社会文化

唐代黠戛斯地处叶尼塞河上游,与中原王朝的往来始于唐太宗时期,因此,汉文文献所见的相关史料,以旧、新两《唐书》尤其是《新唐书》的记载为主,由于地处遥远,中原史官所本的资料有限,因此,社会文化方面的记载较为薄弱。赖考古资料,尚可略知其一斑。

一 衣食住行

汉文古籍记载,黠戛斯“衣服同于突厥”,但因贫富不同而存在很大的差别¹。富者“服饰以貂豹”,^[1](卷200《结骨国》, P5492)在黠戛斯人的意识中“服贵貂、豹”,^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6147)即穿戴貂皮衣服是富贵的体现。唐贞观十七年(643),黠戛斯遣使贡貂裘及貂皮。^[3](卷199《北狄·黠戛斯传》, P3820)这些珍贵的皮毛,毛色美观,质感柔软温暖,主要用于缝制冬季的外套大衣与帽子。黠戛斯阿热可汗及其贵族等冬夏都着帽,但“贱者衣皮不帽”。阿热可汗“冬则以貂鼠为帽”,“夏则以金装帽”,其帽子的材质冬夏有别。其他贵族“则以白毡为帽,余制略同”。帽子的款式是“锐顶而卷其末”,这种帽子至今仍被其后裔男性所传承²。

男士的服饰除了帽子之外,还“喜佩刀砺”,尤其是勇士几乎人人都“腰佩刀砺”。^[3](卷199《北狄·黠戛斯传》, P3822)黠戛斯科彼内遗址出土了一块青铜浮雕饰牌,上雕一位6-8世纪衣冠整齐、武器齐全、身下坐骑鞍鞴具备的骑士。骑士无冠带,长发飘动,发上束带,在后脑打结。中长外衣上束一腰带,脚穿无后跟软靴,右侧挂一只上窄下宽的箭箛,佩M形的复合弓。^[4](下册, P145)此外,黠戛斯男性还有“以环贯耳”“勇黥其手”等习俗,男子带耳环、勇士喜欢在手上纹上标志^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6147)。

至于普通民众的服饰,则非常简单,史载“贱者衣皮而露首”³。牧养的牲畜皮、狩猎中取之于自然的动

物皮,略经加工成衣,即可遮体御寒。黠戛斯人大部分以游牧、狩猎为业,故贫者以畜皮、兽皮为衣以遮羞御寒。适宜畜牧、狩猎的经济生活,反映在日常生活中就是衣皮食肉,体现了物尽其用的朴素自然观。

另外,由于畜牧业发达,普通牧人用剪下的兽毛编织成毛织品,作为服饰之用。史载“女衣毳毼、锦、罽、绫,盖安西、北庭、大食所贸易也。”^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6147)“衣有锦罽杂色”“女衣毛褐,而富者亦衣绫锦。”^[3](卷199《北狄·黠戛斯传》, P3822)衣服的质地不同,也会体现其相应的社会地位。普通女性的衣服,由罽、毳毼等毛织物或褐(一种粗布)等制成。只有富人才有条件穿绫锦等高档的丝织品,而这些高档衣料是由商人贩自中原内地、安西、北庭及大食等地。女性有佩带金质耳环、手镯的喜好,此由科彼内墓葬6号冢出土的残金耳环、手镯等遗物可与之相佐。^[4](下册, P129)

《新唐书·黠戛斯传》载,黠戛斯“稼有禾、粟、大小麦、青稞,步磴以为麩糜。稼以三月种,九月获,以饭,以酿酒,而无果蔬。”^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6148)因为土质、气候等原因,黠戛斯“宜粟麦稷豆之属”等耐寒作物,相反,不耐寒的水果、蔬菜等不宜栽培,因此史称“无果菜”。^[1](卷200《结骨国》, P5493)宋人乐史《太平寰宇记》亦载:“五谷唯出大小麦、青稞、麻米。糜以为饭,麦以步磴以为麩。阿热食兼饼饵,其部下则惟食肉及马酪而已。”^[3](卷199《北狄·黠戛斯传》, P3822)叶尼塞地区虽然少有适于种植的谷物,即便如此,还能使用石磨将粟麦等粮食作物去壳或研磨成粉加工食用。在南西伯利亚科彼内遗址,出土了用以加工粮食的直径大约50-70厘米的石磨,^[4](下册, P122)与汉文文献的记载相佐。至于会用谷物酿酒的说法,也有出土遗物为证。但从其粮食产量考量的话,当也不会大量地酿酒。由于气候原因,并没有适宜种植的瓜果蔬菜,也少有收获的谷物。因此,只有可汗等上层贵族可食用面饼等谷物食品,而普通牧民则以吃羊肉、饮乳酪等当地主产的食物为主。

黠戛斯人四季肉食的补充,除了食用饲养的家畜还有狩猎所获的野生动物。在黠戛斯地域内“其兽有野马、骨咄、黄羊、羴羴、鹿、黑尾,黑尾者似麀,尾大而黑。”^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6148)丰富的野生动物资源,使捕猎易有所获,也丰富了食物的来源。此外,因为叶尼塞河流域水系颇多,鱼类资源较为丰富,盛产大鱼甚至是奇特的鱼,如“有蔑者长七八尺,莫痕者无骨,口出颐下。”^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6148)滨河而居的人们以捕鱼为业,以鱼类作为食材。由于森林资源较为丰富,林木中栖息着各种鸟类与猛禽,如“鸟,鴈、鹭、乌鹊、鹰、隼”等,有些鸟类也被捕获并充作食用。^[2](卷217下《黠戛斯传》, P6148)黠戛斯人训练猎鹰助其俘获猎物的习俗,在其后裔之中至今尚存。

¹ 散见于《太平寰宇记》卷199《北狄·黠戛斯》,《新唐书》卷217下《黠戛斯传》。《通典》卷193《坚昆》,第5268页。《通典》卷200《结骨国》等史籍中,但多有重复,故不一一注释。

² 关于帽子的几条史料记载,出自《新唐书》卷217下《黠戛斯传》,第6147页。这种款式的男士帽子,至今犹存。据柯尔克孜族朋友介绍,今新疆柯尔克孜自治州的柯尔克孜族以及中亚吉尔吉斯族,男士们仍然戴着这种传统的毡帽,名曰喀勒帕克(Qalpaq)。

³ 《太平寰宇记》卷199《北狄·黠戛斯传》,第3822页。《新唐书》卷217下《黠戛斯传》亦有载,第6147页。

黠戛斯人日常生活的饮食器具，考古发现了酒杯形陶器、木碟、木勺等遗物。说明丰富的森林资源促进了手工制作的发展，可手制各类木质的日用器物。^[4]（下册，P121）

黠戛斯农牧渔猎多种经济共存，因此，其衣食住行都与其经济方式以及自然环境相适应。居住方式当也不例外，森林资源得天独厚，靠近林区就搭建木屋，草原牧区则住毡帐。因黠戛斯人“事狩猎，杀野牲”，决定了居住形式应适于流动，因而“他们住帐篷与毡房”。^[5]（第14章《关于黠戛斯国》，P66）南西伯利亚科彼内遗址的考古发掘，证实了黠戛斯人住所的特点之一，即“具有非常强烈的游牧特征”“住所的地表留有許多圆形和椭圆形坑穴”，数量多达50多个。穴坑的直径达12-15米，却没有发现支撑的木柱与树桩等任何遗迹，故此判定这些住所是帐篷。帐篷拆装便利，非常适应游牧狩猎的生产和生活方式。在疑似帐篷遗址的大坑穴之间，还散布着许多直径1-2米的小坑，内见牛、羊、马等动物的碎骨，黠戛斯陶瓶的碎片，无疑是专门用于堆积炊事残余等垃圾的地方。^[4]（下册，P121）

黠戛斯人的住所形式，无论是毡帐还是木屋，会因社会地位高低、季节变化而有差别。《太平寰宇记》载：“阿热衙立木为棚，坐大毡帐，号为‘密的支’，其首领以降，皆有小毡帐，兼以木皮为屋。”⁴《新唐书》载其“冬处室，木皮为覆”，邻部也都以“桦皮覆室”⁵。黠戛斯阿热可汗居住在名曰“密的支”的大毡帐中，周围用立木围起。其他首领的居所都是小毡帐，或者是桦树皮覆顶的木屋。普通人夏天住帐篷，寒冷的冬天才住进木屋。当地森林资源较为丰富，史载“松高者仰射不能及颠，而桦尤多。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6147）桦树提供了具有良好韧性的桦树皮，是覆盖屋顶的首选材料。建造房屋时，要先用原木搭出屋架，再上覆桦树皮挡雨遮风。黠戛斯东方的木马突厥三都播、弥列、哥饿支等邻部，居住习俗大都基本相近。

黠戛斯人出行的交通工具，主要借助畜力。尤其是陆路交通，当以马、骆驼等为主。从叶尼塞上游阿热可汗的牙帐，到鄂尔浑河上游的回鹘可汗牙帐，“囊它四十日行”。^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）因为骆驼能负重，有耐力，是主要的陆上交通工具。在不止一处的黠戛斯的岩画上刻画着骆驼的形象，尤其是黑伊尤斯河沿岸皮萨纳亚山的骆驼岩画，画中的骆驼套在带蓬的车子上。^[4]（下册，P123）表明他们驯养了牛、羊、马、骆驼等家畜，食用之外还可以用于役使。

由于所处的叶尼塞河流域水系相连，许多冶炼遗址也都临水而建，便于运输，就是利用了水上交通工具。

《新唐书》载沿河地区，夏日可“偶艇以度（渡）”。来往可乘木筏、皮舟等之类的水上交通工具。冬日“俗乘木马驰冰上，以板藉足，屈木支腋，蹴辄百步，势迅激。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）借助号称“木马”的滑行器具，可在雪地上疾步行走如飞。至大蒙古国时期，乞儿吉思地区冬季依然使用这种类似滑雪板的交通工具捕猎、运输。^[6]（第1卷，第1分册，P202.203.）

二 婚嫁与丧葬习俗

文献与考古发现，黠戛斯的婚嫁与丧葬习俗具有明显的等级差别。唐人杜佑撰《通典·结骨国》载，早期黠戛斯人的婚嫁习俗，是“婚姻无财聘”。^[1]（卷200《结骨国》，P5492）《新唐书·黠戛斯传》则曰：“昏嫁纳羊马以聘，富者或百千计。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）汉文史籍出现了截然相反的表述。考古发现的《苏吉碑》（《黠戛斯之子碑》）第7行称“我把我的女儿不要聘礼地嫁了出去”⁶，与《通典》关于黠戛斯“婚姻无财聘”的说法相佐。但文献的不同记载，或许也不能排除婚姻习俗中，以羊马作为聘礼的现象，毕竟“富者或百千计”多羊马，作为聘礼也在情理之中。

黠戛斯女性的纹身习俗，是黠戛斯人特有的婚俗，“妇人嫁讫，自耳以下至项亦黥之”^[3]（卷199《北狄·黠戛斯传》，P3823）“女已嫁黥项”。^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6147）黠戛斯的女子以“黥项”纹身，区别其已婚或未婚。古代北方的匈奴、乌桓、突厥、回鹘等族，都存在收继婚现象。收继婚即父死，儿子可以娶后母；兄死，弟可娶其嫂为妻。在汉文文献中，并不见黠戛斯有收继婚习俗的明确记载，《新唐书》称“其俗大率与突厥同”，或许黠戛斯也存在收继婚的习俗。^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）

7-8世纪，黠戛斯葬俗接近于塔施提克文化的特征。最基本的民族学标志是火葬，以举行焚烧死者的仪式，来纯净、整洁死者的灵魂。唐人杜佑的《通典·结骨国》载，黠戛斯葬俗为“火葬，收其骨，踰年而为坟墓。”⁷宋人也载其葬俗为“乃火之，收其骨，岁而乃墓，然后哭泣有节。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）黠戛斯人死后是焚尸收骨，一年后再入葬。与此相佐，叶尼塞河沿岸发掘的黠戛斯恰阿塔斯冢墓群，都有火葬习俗的遗存。但同时考古发现还显示，火葬仅仅是黠戛斯自由民的葬俗，为主人殉葬的仆人或奴隶，不能拥有火葬仪式。火葬习俗，首先在墓穴周围挖出用于火葬的火塘，举行火葬仪式，完毕则收骨掩埋与墓穴中。同时放入墓穴的还有以绵羊胴为主的祭肉、陶器和用具等。9-10世纪，黠戛斯的埋葬礼俗又发生了变化，火葬的习俗几近消失，而流行以马随葬。但殷富的贵族仍存在火葬的习俗。^[4]（下册，P136、137、138）

⁴ 《太平寰宇记》卷199《北狄·黠戛斯》，第3822页。《新唐书》卷217下《黠戛斯传》同载，“阿热驻牙青山，周栅代垣，联毡为帐，号‘密的支’，它首领居小帐。”第6148页。关于“密的支”具体所指，巴托尔德曾认为是《世界境域志》所载的“-K.M.JIATH镇”，第86页。

⁵ 《新唐书》卷217下《黠戛斯传》同载，第6148页。夏天抑或有如今鄂伦春等民族早期类似的“撮罗子”式的住处，但具体形制尚未见于文献记载。《通典》《唐会要》亦载其“以木为室，覆以木皮”。

⁶ 《古代突厥文碑铭研究》，《苏吉碑》（《黠戛斯之子碑》），第226页。发现于今蒙古国北部苏吉大坂附近因名《苏吉碑》。碑文共计11行，相关研究者认为立于840年黠戛斯进入蒙古高原之际。

⁷ 《通典》卷200《结骨国》，第5493页。《太平寰宇记》也沿袭了《通典》的记载。第3823页。

随葬品与埋葬习俗，反映了黠戛斯社会结构的复杂。考古发现，黠戛斯墓葬的陪葬品，与其经济生活息息相关。科彼内墓葬2号冢、6号冢的出土器物，极见其陪葬物的奢华。不仅陪葬有大量的牛羊骨架，还有铜、骨片、桦树皮、皮革、毛毡等不同材质、不同工艺制作的马镫、马具饰物、腰带等随葬品。^[4]（下册，P128）

黠戛斯人的陪葬物多以马具为主，如6号冢发现了两个密室，所藏都是马具。^[4]（下册，P129）出土器物的浮雕，多以野兽纹为特色。陪葬物中还有不同材质、工艺的动物形偶，如恰阿塔斯基出土木刻的包金、包银的绵羊饰，是6至8世纪非常流行的陪葬饰物。^[4]（下册，P143）7-8世纪的黠戛斯墓葬，还出土了马头形状的一对铜片。^[4]（下册，P121）

髡面是突厥人的古老习俗。生者在葬礼上哀悼死者时，用刀划面部，血泪俱下，用自残来表示哀痛和悲伤。在送别、诉冤、明志、请愿等场合，也用髡面来表达强烈的情感。汉文文献所见，黠戛斯人既有“丧不髡面”又有“髡面”的记载。不髡面的记载，《通典》载：“若死，唯哭三声，不髡面。”⁸《新唐书》载：“丧不髡面，三环尸哭。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）髡面的记载，如《唐会要》记：“死丧刀髡其面。”⁹《册府元龟》记载与《唐会要》相同。由于缺乏佐证资料，对此姑且存疑。

三 宗教信仰与历法

黠戛斯人早期的宗教信仰，是崇拜自然的萨满教。黠戛斯人“祀神惟主水草，祭无时，呼巫为甘。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6148）原始萨满教源于人们对赖以生存的周边环境的敬畏，所以，黠戛斯人相信水草也有灵性，因此不定时地祭祀。主持祭祀的人被黠戛斯人称为“甘(kam)”。《突厥语大词典》将kam，释为Saman(萨满)，即萨满巫师。^[7]（第3卷，P215）至今叶尼塞河沿岸和阿尔泰地区的居民，还用甘(kam)来称呼萨满巫师。^[4]（下册，P142）

9世纪时，黠戛斯人的宗教信仰发生了变化，叶尼塞碑铭文献所见，除了萨满教、摩尼教，黠戛斯人还信仰过祆教、景教及伊斯兰教等宗教。摩尼教(Manichaeism)是3世纪在巴比伦兴起的世界性宗教。9世纪初，摩尼教寺院已普遍存在于天山以南的高昌、龟兹、焉耆、乌什、阿克苏和天山以北的北庭。来往于此的信奉摩尼教的粟特商人去黠戛斯经商，很可能将此教也传入黠戛斯。如胡振华撰写的《柯尔克孜语言文化研究》中，就有两通碑铭提到了黠戛斯的摩尼教信仰。其中，《黠戛斯之子碑》载：“Oğl(i)n(i)m(e)rde m(a)r(i)m(i)nča bol q(a)nqa t(a)p q(a)t(i)ğl(a)n. /我的儿子们要像我的经师一样英勇，对汗效忠尽力”。表达了碑

主人对儿子们的希望。《乌尤克·阿尔汗碑》也有：“Eš(i)m [m](a)r(i)m(i)z. /我的伴侣，我们的经师。”^[8]（P225）两碑文中出现的“marīma”一词，系由mar-+im-+a构成。词干mar-源于叙利亚词，是“师傅、教师、摩尼师”之意，可见黠戛斯人对摩尼教的信仰。

除了碑铭的记载，黠戛斯人对摩尼教的信仰，还反映在米努辛斯克古代岩画上，其中多处岩刻画面都发现了摩尼师的形象。^[9]汉文文献仅见黠戛斯崇信萨满教的记载，并未提及黠戛斯人对摩尼教的信仰，或许与唐武宗朝禁断此教有关。

汉文文献所见，黠戛斯“谓岁首为茂师哀，以三哀为一时，以十二物纪年，如岁在寅则曰虎年。”^[2]（卷217下《黠戛斯传》，P6147）这与突厥的历法是一致的，黠戛斯人使用古突厥文字，也使用突厥历法，并向唐朝请求颁发中原的历法。

黠戛斯人称“岁首”为“茂师哀”，用古突厥文可转写为baš āy，意即开头的月，如中原人的“正月”。此说法也专指黠戛斯人的阳历新年(yāš)，^[10]（P153）因为这是他们参照了草木返青的现象而认定的结果，并非是对月相观察的结果，因此，与天文现象无关。^[10]（P102）黠戛斯人称“月亮”为“哀”，指代突厥的“阴历月”，“哀”即突厥语(āy)的对音。但突厥语(āy)不仅表示“月亮”，月亮同样也表示月份，即月亮-月份。由此表明，突厥人已经发现了月份的循环与月相变化周期之间的对应关系，将历法月称为“阴历月”。^[10]（P55）黠戛斯碑铭对月份的记载，就有“ōn āy ilātdi ögüm. /她怀我十个阴历月，我的母亲。”这里所指的月(āy)，学者考证就是突厥语的“阴历月”。^[10]（P149）此外，突厥历法以古代突厥语单词kūn，表示日和太阳，以“太阳”来称呼“日(日子)”，即太阳-日。^[10]（P50）“三哀为一时”是指古代突厥语的四季之分，突厥人依据自然界植物的枯荣变化，也将季节分为春(yāz)、夏(yāy)、秋(küz)、冬(kiš)四种，其中，春夏两季为美好季节。^[10]（P62）黠戛斯人将每个季节又分为三个阴历月，如此一年也分为四个季节。

黠戛斯人以十二种动物纪年，这也是北方民族的传统纪年方法。突厥语民族的十二种动物基本是：鼠、牛、虎、兔、鳄鱼、蛇、马、羊、猴、鸡、狗、猪。除了回鹘使用“鱼”而不是鳄鱼，所采用的动物与中原的十二生肖基本相同。突厥汗国的碑铭，使用十二种动物名称纪年，说明这种纪年方法在突厥汗国非常流行。此间同样使用突厥语的黠戛斯人，想必也采用干支配合十二种动物名称的纪年法。^[7]（第1卷，P365）据研究，“十二种动物，对于中原汉族主要是标志个人生年的属相生肖，用于命相占验之类神秘习俗活动，纪年则自有干支、年号，而突厥并没有个人的属相生肖，只是借用其名来专门纪年而已，二者毕竟有所不同。”^[11]（P53）但迄今为止，并没有出现以十二生肖纪年的黠戛斯墓志铭，虽然黠戛斯也普遍使用突厥历法。^[10]（P165）但中原的历法或十二生肖纪年法，或许都没有被黠戛斯人广泛地使用。

汉文文献载，突厥人不知年历，唯以“草青为记”，实则源于对突厥历法缺乏了解。叶尼塞的突厥文碑铭中，早期黠戛斯人传统历法对“年”的表示方法，以某

⁸ 《通典》卷200《结骨国》，第5493页。《太平寰宇记》沿用了《通典》“不髡面”的记载。

⁹ 《唐会要》卷100《结骨国》，第1784页。黠戛斯人“不髡面”和“髡面”，研究者也持法不一。刘美崧：《两唐书回纥传·回鹘传疏证》，中央民族出版社，1989年。注释3，第165页。

人的“第几岁(yāš)”来表示,具体所指的是某人的“年龄之年”也就是“自然年”,而不是具有社会性质的“历法年或民用年(yil)”。^{[10] (P111)}这种习惯在“8-10世纪时,几乎是完整地继续存在于叶尼塞河流域的墓碑中。”^{[10] (P155)}因此,所有已发现的叶尼塞铭文,完全不见明确的表示“年”的词汇,而是碑文主人亡于“第几岁”。至晚在6世纪末,突厥汗国使用了中原的历法。840年以后,黠戛斯人也多次遣使唐朝,索求中原历法和汉儒经典。唐咸通四年(863),黠戛斯曾派遣使者合伊难支,向唐朝请求“经籍”。同时还要求“每年遣使走马请历”。^{[12] (卷250唐咸通七年(866), P8107)}虽然黠戛斯人求过唐朝的历法,却不见其使用的痕迹。

[参考文献]

- [1] 杜佑. 通典[M]. 北京: 中华书局, 1988.
 [2] 欧阳修, 等. 新唐书[M]. 北京: 中华书局, 1975.
 [3] 乐史. 太平寰宇记[M]. 北京: 中华书局, 2007.
 [4] C. B. 吉谢列夫. 西伯利亚古代史[M]. 乌鲁木齐: 新疆社会科学院民族研究所, 1985.
 [5] 胡杜德·阿勒·阿拉姆. 《世界领域志》, 王治来 周锡娟译. 乌鲁木齐: 新疆社会科学院中亚研究所, 1983.
 [6] 拉施特. 史集[M]. 余大均等译. 北京: 商务印书馆, 1983.
 [7] 穆赫默德·喀什噶里. 突厥语大词典[M]. 校仲彝等译. 北京: 民族出版社, 2001.

此外,黠戛斯人有音乐、杂技等娱乐活动习俗。史载:“乐有笛、鼓、笙、鬻篥、盘铃。戏有弄驼、师子、马伎、绳伎。”^{[2] (卷217下《黠戛斯传》, P6148)}汉文文献所列古代黠戛斯的乐器,基本都是中国、中亚古代的乐器,真实性待考。动物表演弄驼、师(狮)子,杂技的马伎、绳伎等,囿于史料记载不详,具体也不得而知。

黠戛斯文化习俗极具多元特色,既有草原游牧民族的传统因素,又吸收了中原唐朝的汉文化,这种现象在所有北方民族中也普遍存在。

- [8] 胡振华. 柯尔克孜语言文化研究[M]. 北京: 中央民族大学出版社, 2006.
 [9] 赫尔芬. 西伯利亚岩刻所见黠戛斯摩尼教[J]. 杨富学译, 甘肃民族研究. 1998, (3).
 [10] 路易·巴赞. 突厥历法研究[M]. 北京: 耿昇译, 中华书局, 1998.
 [11] 饶尚宽. 漫话突厥纪年[J]. 文史知识. 2006, (8).
 [12] 司马光. 资治通鉴[M]. 北京: 中华书局, 1956.

Wang Jie

Institute of History and Culture of Inner Mongolia Normal University (China)

SOCIAL CULTURE OF KIRGHIZIA BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Materials on the history of Kirghizia dating back to the Tang Dynasty are relatively scattered and few, but their combination with archaeological finds can still give an idea of the social culture of the ancient population

of Kirghizia. Their culture is reflected in many aspects, such as clothing, food, housing, transportation, and funeral customs. All of them are evidences that reveal the social culture of Kirghizia.

KEYWORDS: *Kirghizia, history, archaeological research, materials, ancient population, social culture.*

Археология сквозь века и эпохи

Ю.М. Свойский^{1, 3}, Е.С. Леванова², Е.В. Романенко¹, Д. Уранчимэг⁴

¹Лаборатория RSSDA (Россия)

²Высшая школа экономики (Россия)

³Институт археологии РАН (Россия)

⁴Академия художеств (Дурслэх урлагийн академи) (Монголия)

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАТИРОВКЕ ПЕТРОГЛИФОВ РАШААН-ХАД (МОНГОЛИЯ)

Петроглифы Рашаан-Хад («Рашаан хадны зураг») находятся в Батширээт сомоне Хэнтий аймака Монголии, на левом борту долины р. Хурхын-Гол, в 34 км юго-западнее сомонного центра Биндэр и в 0,6 км севернее восточной оконечности оз. Биндэр-Нур. Рашаан-хад представляет собой невысокий останцовый скальный массив восточной оконечности отрога горы Дулын-Годзгор (отм. 1339 м), перекрытого четвертичными отложениями. Скалы Рашаан-Хада сложены осадочными отложениями – гравелитами и песчаниками с прослоями гравелитов.¹

Петроглифы Рашаан-Хада были открыты монгольским археологом Х. Перлээ в 1942 г., который их изучал начиная с 1960 г. В 1973 г. Х. Перлээ предпринял раскопки у «камня со знаками» и вскрыл культурный слой развитого неолита, перекрывающий нижнюю часть этого камня. Это позволило ему обосновать раннеолитический возраст знаков и привлекло к памятнику интерес других исследователей. В 1974 г. исследования Рашаан-Хада были предприняты отрядом советско-монгольской историко-культурной экспедиции (В.В. Волков, Э.А. Новгородова, В.И. Свинин). Результаты работ этой экспедиции публиковались Э.А. Новгородовой (Новгородова, 1980, 1983, 1984, 1989). В 1977 и 1980 гг. памятник посещал палеолитический отряд этой экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Им был составлен схематический план памятника и опубликован ряд фотографий и прорисовок (Окладников, 1981, 1982, 1983).

¹ Описание Э.А. Новгородовой горных пород, слагающих скалы Рашаан-Хад, как «песчанико-графитовых конгломератов» (Новгородова, 1989) геологически некорректно.

Несмотря на то, что исследование петроглифов Рашаан-Хада началось во второй четверти XX в., до настоящего времени памятник остается полноценно не документированным. Единственный опубликованный план памятника (Окладников, 1983) мало соотносится с местностью и не позволяет найти поверхности с петроглифами. На плане указаны нумерованные римскими цифрами «пункты», однако для прорисовок соответствие этим «пунктам» не указано, поэтому петроглифы никак не привязаны к местности и таким образом оторваны от ландшафтного контекста. Общее число поверхностей с петроглифами на памятнике остается неизвестным. Прорисовки наскальных изображений неточны, неполны, фрагментарны. Изучение публикаций Э.А. Новгородовой и А.П. Окладникова показывает, что наскальные изображения Рашаан-Хада фиксировались и исследовались весьма поверхностно. При сопоставлении опубликованных изображений (Окладников, 1983, с. 30; Новгородова, 1989, с. 52; Цэвээндорж, 2012, с. 356) легко заметить, что они существенно отличаются как друг от друга, так и от выбивок, непосредственно наблюдаемых на камне. Сплошное документирование петроглифов Рашаан-Хада никогда не выполнялось, копии снимались лишь с наиболее ярких изображений, а прорисовки выполнялись схематически. По крайней мере, в ряде случаев они представляют собой не контактные копии, а полевые зарисовки и прорисовки по фотографиям. Таким образом, приходится констатировать, что по результатам предшествующих работ петроглифы Рашаан-Хада, в сущности, остались опубликованными частично и с большими лакунами.

Еще одну попытку выборочного документирования предприняла российско-монгольская научная

искусствоведческая экспедиция Алтайского государственного технического университета и Института искусств и дизайна Улан-Баторского университета культуры. Цели документирования и картирования памятника исследователями не ставились, однако в ходе копирования петроглифов ими были обнаружены новые изображения: «бык-бизон» – на камне с архаичными изображениями животных и антропоморфные фигуры – на камне со знаками (Шишин, 2015, с. 17, 19).

Раскопки, предпринятые на памятнике на рубеже XX–XXI вв. монгольскими, японскими и корейскими археологами, показали наличие несомненно палеолитических слоев с каменными орудиями и костными останками лошади и быка, для которых были получены радиоуглеродные определения возраста в диапазоне 39–41 тыс. л.н. (Гунчинсүрэн, 2013). Это позволяет отнести появление человека у скал Рашаан-Хада к эпохе верхнего палеолита, хотя типологический анализ каменной индустрии показывает соответствие лишь поздней его фазе (Рыбин и др., 2016, с. 12). В материалах раскопок советско-монгольской историко-культурной экспедиции отмечены также неолитические находки, в т.ч. тонкостенная керамика развитого неолита и многочисленные каменные орудия, выполненные в технике леваллуа (Окладников, 1981). На памятнике известны археологические находки и более позднего времени, вплоть до киданьского Средневековья. В ближайших окрестностях наблюдаются плиточные могилы и захоронения других типов (Окладников, 1983), а также «оленные» камни. В пределах памятника наблюдается несколько десятков «обо», как древних, так и современных. Наиболее современный пласт петроглифов также связан с буддизмом, при этом рисунки сопровождаются надписями тибетским письмом. Помимо тибетских, на памятнике известны также арабские, китайские, старомонгольские надписи и тюркское руническое письмо.

Таким образом, скалы Рашаан-Хада и периодически действующий источник в течение тысячелетий привлекали внимание человека и являлись объектом почитания и местом жертвоприношений. Это святилище функционировало с каменного века по настоящее время. Рашаан-Хад – не рядовое местонахождение петроглифов, особенно с учетом его расположения за пределами основных ареалов распространения петроглифов в Монголии.

В 2016 г. были предприняты работы по общему картированию памятника и подготовке топографической основы для дальнейших исследований коллективом под руководством Ю.М. Своейского

и Д. Уранчимэг.² Эта задача была решена плано-перспективной аэрофотосъемкой с БПЛА. Материалы аэрофотосъемки были обработаны фотограмметрическим способом с формированием ортофотоплана с разрешением 2 см, цифровой модели рельефа с разрешением 10 см, облака точек и трехмерных полигональных моделей с разрешением (максимальным размером единичного полигона) 5 см (для всей площади съемки) и 4 см (для центральной части площади).³ Для совместной удаленной работы исследователей были дополнительно сформированы веб-версии облака точек и модели пониженной детальности (10 млн точек и 10 млн полигонов соответственно).⁴

Помимо картирования на памятнике Рашаан-Хад было выполнено документирование пяти поверхностей с петроглифами разного времени. Задача сплошного документирования при этом не ставилась. Поверхности документировались фотограмметрическим способом с последующим формированием трехмерных полигональных моделей поверхностей с петроглифами и отдельных, наиболее важных фрагментов (участки детализации). Трехмерные полигональные поверхности с петроглифами моделировались с детальностью (размер единичного полигона модели) 0,15–0,5 мм в зависимости от размера поверхности. На участках детализации модель формировалась с детальностью 0,05–0,15 мм. В дальнейшем к этим моделям был применен ряд математических преобразований, улучшивших читаемость изображений и послуживших основой для геометрически корректных прорисовок.

К наиболее древнему пласту наскальных изображений Рашаан-Хада относятся, по-видимому, две поверхности с петроглифами. Первая находится на обращенном к ЮЮВ склоне небольшого изолированного скального выхода, расположенного в 50 м к СВ от «камня со знаками»,⁵ и состоит из трех контурных изображений животных, выполненных в несомненно

² В документировании памятника участвовали Ю.М. Своейский и А.С. Пешков, обработка данных выполнена Е.В. Романенко и А.А. Зиганшиной, иллюстрации подготовлены А.А. Зиганшиной.

³ Исходная модель имеет разрешение 1398 полигонов на кв.м, для практических целей разрешение уменьшалось до 372 (вся площадь съемки) и 643 (центральная часть) полигонов на кв.м соответственно.

⁴ Веб-версии пространственных данных и иллюстрации к настоящей статье доступны по ссылке <https://rssda.su/PN-M49-001/>.

⁵ А.Э. Новгородова указывает расстояние 20 м, А.П. Окладников – 25 м. Здесь и далее все расстояния указываются по непосредственным измерениям.

архаичном стиле. При первой публикации этих изображений в 1975 г. «палеонтологи высказали разные мнения: одни предположили, что это носороги, другие решили, что кабаны, большинство же склонилось к мнению, что выбиты дикие бодающиеся быки» (Новгородова, 1984, с. 35). Э.А. Новгородова пришла к заключению, что на камне изображены быки, и датировала изображения мезолитом (Новгородова, 1984, 1989). По мнению А.П. Окладникова, животные могут быть быками, носорогами, кабанами, но более вероятно – носорогами и датируются предположительно доголоценовым временем (Окладников, 1981, с. 78). В последней публикации А.П. Окладникова, вышедшей посмертно, упоминалось наличие у животных бивней и делалось осторожное предположение, что они могут оказаться слонами (Окладников, 1983, с. 30). При этом Э.А. Новгородова спорила с А.П. Окладниковым в своих публикациях и приписывала ему «вывод, что изображения быков⁶ в Аршан-хаде следует датировать эпохой палеолита» (Новгородова, 1984, с. 35–36), хотя Окладников был более чем осторожен в интерпретации и тем более в датировке. В монографии 1981 г. он писал следующее: «архаический облик загадочных зверей Аршан-Хада настолько выразителен и они настолько выделяются на фоне всех остальных известных нам наскальных рисунков Монголии, что их следует выделить особо в наиболее раннюю здесь группу независимо от их отношения к подъемному материалу каменных изделий» (Окладников, 1981, с. 79). Позднее на камне было обнаружено четвертое зооморфное изображение, интерпретированное М.Ю. Шишиным как «бык-бизон» и стилистически несколько отличающееся от трех верхних фигур (Шишин, 2015, с. 17).

Вторая поверхность находится «на отвесных плоскостях скалы за отвалившимся громадным блоком. В этом месте в скале имеется глубокая трещина. По обе стороны от нее на высоте примерно 3,5 м размещаются выбитые изображения» (Окладников, 1983, с. 31). Согласно описанию А.П. Окладникова, здесь им было обнаружено три изображения животных, выполненные в той же архаичной манере, что описанные выше изображения на изолированном скальном выходе. Э.А. Новгородовой эти рисунки обнаружены не были и не прорисовывались. В ходе экспедиции 2016 г. они также не изучались.

⁶ Не совсем ясно, почему Э.А. Новгородова упоминает быков во множественном числе: у А.П. Окладникова в публикации 1983 г., на которую она ссылается, он – один.

Все попытки датировать древнейший пласт петроглифов Рашаан-Хада были связаны со стилистической хронологией (основанной на недостаточно детальных прорисовках) и попытками связать петроглифы с культурным слоем памятника.

Петроглифы на «камне со знаками» (PN-M49-001-01, далее 01) Э.А. Новгородовой были отнесены к мезолиту на основании перекрытия нижней части камня рыхлыми отложениями с орудиями и тонкостенной керамикой развитого неолита (Новгородова, 1989, с. 30–31). Утверждение Э.А. Новгородовой о полном отсутствии на камне изображений зверей и людей ошибочно – такие изображения на камне имеются и не могут быть интерпретированы иначе (опубликованы М.Ю. Шишиным – см.: Шишин, 2015). При этом гравированные изображения (в т.ч. вполне фигуративные), выполненные относительно тонкими линиями, отмечаются на поверхности (до раскопок Х. Перлээ), перекрытой культурным слоем. А.П. Окладников, осматривавший шурфы Х. Перлээ, указал на принципиальную возможность попадания неолитических изделий в перекрывающий нижнюю часть камня суглинок в результате естественных процессов (Окладников, 1981, с. 77). Это утверждение вполне согласуется с характером наблюдаемых на местонахождении отложений делювиального шлейфа, сформированных плоскостным смывом. В дальнейшем исследователи, закладывавшие раскопы в пределах памятника, отмечали, что «жизнедеятельность грызунов в местах раскопок привела к тому, что слои и расположенные в них артефакты существенно перемешались и отнесение найденных артефактов к определенному культурному слою осложнилось» (Гунчинсүрэн, 2013). Нельзя не отметить, что «камень со знаками» в момент создания петроглифов, несомненно, был приведен в положение, близкое к вертикальному. На это указывают рисунки на его обратной стороне, в т.ч. и фигуративные. При этом форма камня – относительно небольшая толщина в 0,90 м при длине 6,04 м и видимой ширине в 2,52 м – требует (при предполагаемой массе не менее чем в 16 тонн) некоторого заглубления в грунт. Для стабильного состояния камень должен быть погружен не менее чем на 20% объема.⁷ Такое искусственное заглубление не могло не нарушить культурный слой с неолитическими (и палеолитическими) артефактами.

⁷ Для расчета массы, при предполагаемом погружении в грунт на 20% объема, плотность горной породы условно принята за 2500 кг/куб.м (при граничных значениях плотности песчаников в 2250–2670 кг/куб.м). Объем определен по трехмерной модели.

Камень с изображениями животных (PN-M49-001-03, далее 03 – **рис. 1-7**) также был отнесен А.Э. Новгородовой к мезолиту (Новгородова, 1984, 1989). А.П. Окладников первоначально определял возраст этих петроглифов как мезолитический и указывал на их сходство с ранними наскальными рисунками Сикачи-Аяна (Окладников, 1981). Однако в дальнейшем он сопоставил их с рисунками из пещеры Хойт-Цэнгер-Агуй (Западная Монголия) и отнес к «древнейшим памятникам каменного века Монголии» (Окладников, 1983, с. 33). Э.А. Новгородова полагала, что камень с изображениями животных связан с тамгообразными знаками этого же памятника, аналогии которым она видела в мезолитических памятниках и, неожиданно, в палеолитических росписях пещеры Хойт-Цэнгер-Агуй. Не последнюю роль в этом сопоставлении, видимо, играло то, что автор считала неоспоримой датировку «камня со знаками» неолитом или мезолитом по материалам раскопок Х. Пэрлээ. Однако знаки, широко представленные на памятнике Рашаан-Хад (копыта, круги, кресты, следы и пр.), вряд ли относятся к периоду ранее конца эпохи бронзы и раннего железного века и представляют собой как тамгообразные знаки, так и тюркские тамги, которые морфологически не связаны с архаическими зооморфными изображениями.

Таким образом, вопрос о возрасте наиболее древнего пласта петроглифов Рашаан-Хада остается к настоящему времени нерешенным. Новейшие исследования, несмотря на продолжительность и высокий градус дискуссии о палеолитическом возрасте петроглифов Горного Алтая и Монгольского Алтая, основываются в основном на аналогиях и субъективных оценках, зачастую сделанных по фотографиям и прорисовкам, которые не всегда имеют достаточное качество. Уровень аргументации практически не изменился со времен А.П. Окладникова и Э.А. Новгородовой.⁸

На наш взгляд, для петроглифов Рашаан-Хада наиболее надежным способом датировки является определение видового состава изображенных на камнях животных. Если можно уверенно опознать характерных представителей позднеплейстоценовой териофауны – носороговых (шерстистого носорога и сибирского эласмотерия) и хоботных (шерстистого

мамонта), в таком случае и верхнепалеолитический возраст рисунков становится несомненным. Изображения вымерших копытных (быков, лошадей, антилоп) в этом отношении менее надежны, т.к. редко выполнены столь искусно, чтобы было возможно надежно установить видовую принадлежность животного – в то время как хобот мамонта и рог носорога, как правило, идентифицируются однозначно.

Датировка вымирания мамонтовой териофауны Монголии, в частности шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius*) и шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*), изучена недостаточно. Тем не менее накопленные данные позволяют утверждать, что мамонт исчез в Китае приблизительно 23–20 тыс. л.н., а в Южной Сибири около 11 тыс. л.н. (Stuart, Lister, 2012). Таким образом, современные данные не противоречат предположению С.М. Цейтлина о вымирании мамонта в Монголии около 15 тыс. л.н. (Цейтлин, 1972, с. 121). Ситуация с шерстистым носорогом представляется несколько более сложной. Если изменение ареала мамонта в Евразии можно рассматривать как постепенное смещение южной границы ареала к северу, то ареал носорога постепенно сжимался к Центральной Азии. Так, наиболее поздние даты (12–15 тыс. л.н.) отмечены на Алтае и в Приангарье (Гарутт, Боесков, 2005), для востока Китая известны датировки в 20 тыс. л.н. (Буровский, 2010). По мнению Н.В. Гарутт, «...постепенно сужая ареал своего распространения на рубеже позднего плейстоцена и голоцена, шерстистый носорог вернулся на исходную свою прародину и обитал на территории Монголии и Северного Китая до полного вымирания» (Гарутт, Боесков, 2005, с. 166). Если это предположение верно, можно допустить, что носороги сохранялись в Монголии по крайней мере до конца плейстоцена. Следует еще раз подчеркнуть, что все опубликованные карты датированных находок мамонта и носорога демонстрируют отсутствие таких находок непосредственно на территории Монголии (за исключением приграничного аймака Сэлэнгэ), «байкальский» и «верхнеамурский» кластеры находок обрываются непосредственно на современной политической границе. Это следует объяснять скорее слабой изученностью территории и отсутствием подтвержденных датировок, чем действительным отсутствием останков плейстоценовой териофауны, т.к. находки костей шерстистого носорога известны в аймаках Архангай, Булган, Хубсугул, Тув и Хэнтий (Цэвээндорж, 2012, с. 120), непосредственно прилегающих к «байкальскому» кластеру.

Вполне очевидно, что выявление петроглифов с изображениями мамонта и/или носорога для

⁸ Наиболее полно суть дискуссии описана на страницах коллективной монографии «Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай)», где рассматриваются спорные вопросы датировки петроглифов Монголии эпохой верхнего палеолита (Кубарев и др., 2005, с. 44–48).

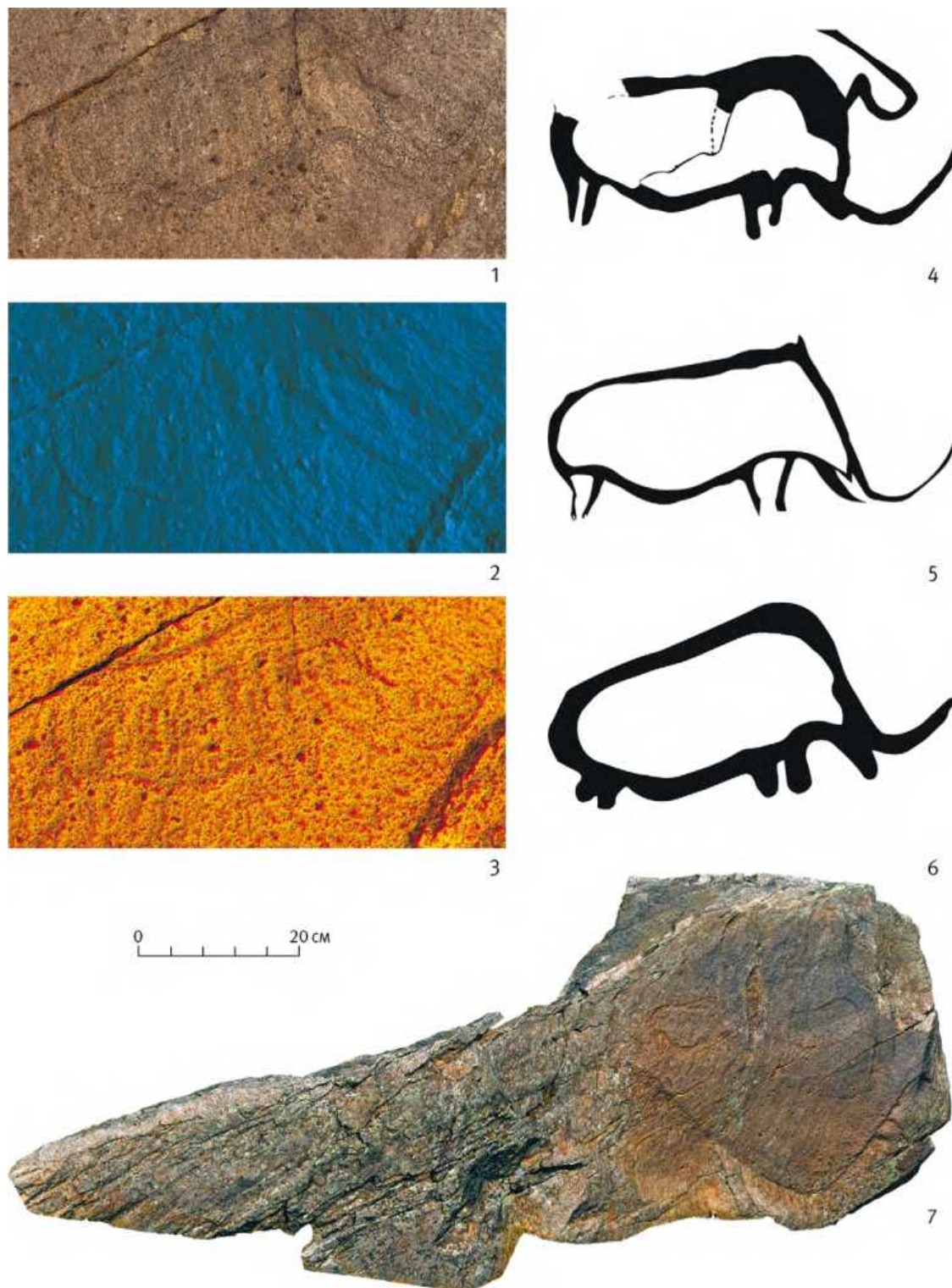

Рис. 1. Изображение животного на камне 03 Рашаан-Хада, Монголия. 1–3 – трехмерная полигональная модель (1 – с фотографической текстурой, 2 – без текстуры, 3 – обработанная алгоритмом интегральной инвариантной фильтрации); 4–6 – прорисовки изображения животного, опубликованные (4 – А.П. Окладниковым (по: Окладников, 1981), 5 – Э.А. Новгородовой (по: Новгородова, 1989), 6 – Д. Цэвээндорж (по: Цэвээндорж, 2012)); 7 – общий вид камня с петроглифами

Fig. 1. Image of an animal on stone 03 of Rashaan-Khad, Mongolia. 1–3 – three-dimensional polygonal model (3 – with a photographic texture, 2 – without a texture, 3 – processed by an integral invariant filtering algorithm); 4–6 – drawings of an animal image published (4 – by А.П. Okladnikov (after Okladnikov, 1981), 5 – by Е.А. Novgorodova (after Новгородова, 1989), 6 – by D. Tseveendorzh (after Цэвээндорж, 2012)); 7 – general view of the stone with petroglyphs

Северной Монголии может считаться подтверждением верхнепалеолитического возраста изображений – вне зависимости от того, произошло ли вымирание 10, 15 или 20 тыс. л.н. Ключевым фактором надежного выявления таких изображений является высокое качество документирования петроглифов, причем наиболее перспективным представляется дальнейшее исследование камня ОЗ и дальнейшее выявление наиболее древних петроглифов Рашаан-Хада с применением современных технологий, позволяющих выявить детали плохо сохранившихся выбивок на камне.

Первый опыт документирования изображений камня ОЗ можно считать частично успешным (рис. 1-1–1-3). Первичная трехмерная полигональная модель этого камня позволяет создать частные модели с разрешением до 18 тыс. полигонов на кв.см и карты высот фрагментов с рисунками и применить к ним различные математические алгоритмы визуализации,⁹ тем самым достаточно надежно восстановить геометрию петроглифов. В качестве примера рассмотрим наиболее плохо сохранившееся изображение камня ОЗ, ранее опубликованное как А.П. Окладниковым, так и Э.А. Новгородовой (рис. 1-4, 1-5). Петроглифы на этом камне выполнены желобчатым контуром, шириной 15–18 мм и глубиной 2–10 мм, при этом внутренние края контура сглажены и, вероятно, пришлифованы после выбивки. Конечности животного, а также элементы, которые можно интерпретировать как рог, хобот и бивни, выполнены сплошной желобчатой выбивкой. На теле животного прослеживаются вертикальные полосы, аналоги которым наблюдаются на изображениях носорогов из пещеры Шове и Шулган-Таш (Каповая). По мнению Б.Ю. Кассала, это объясняется анатомией и поведением носорогов, в т.ч. и современных: «При плохой упитанности носорогов ребра рельефно проступали через кожу.

Список литературы

- Авдеев А.Г., Свойский Ю.М.** Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках свода русских надписей (СР) // Вопросы эпиграфики. – М., 2019. – Вып. 10. – С. 229–260.
- Буровский А. М.** Первая антропогенная перестройка биосферы // Биосфера. – 2010. – № 1. – С. 29–45.
- Гарутт Н.В.** Шерстистый носорог (морфология, систематика, геологическое значение): Автореф. дис. ... канд. г.-м. наук. – СПб., 1998. – 22 с.

На них хорошо держалась грязь после грязевых ванн, зрительно формируя своеобразную "манжетку" на боках в каудальной части грудной стенки» (Кассал, 2016, с. 29). Профиль животного также соответствует скорее носорогу, чем мамонту. Дополнительным аргументом в пользу носорога является и находка зуба носорога непосредственно на памятнике в ходе раскопок СММКЭ (Цэвээндорж, 2012, с. 119–120). Тем не менее, вследствие плохой сохранности изображения, нельзя исключить, что древний скульптор изображал мамонта – элементы в передней части животного могут быть интерпретированы и как передняя часть морды с рогом, и как хобот с бивнями. Однако иные варианты: «дикий бодающийся бык» и кабан – можно полностью исключить.

В случае, если высказанные нами предположения верны, Рашаан-Хад представляет собой уникальное святилище, почитаемое на протяжении более чем 12 тысяч лет – от эпохи верхнего палеолита до настоящего времени – и по-прежнему сохраняющее свое значение для местного населения, несмотря на многократную смену этносов, языков, верований и культур. Наблюдаемые здесь петроглифы, вероятно, древнейшие, известные на территории Монголии и одни из древнейших в Центральной Азии. До настоящего времени петроглифы Рашаан-Хада остаются плохо документированными и опубликованными лишь частично. Наскальные изображения выбиты на осадочных породах не слишком высокой стойкости (песчаники и гравелиты) и постепенно разрушаются, в т.ч. при периодическом удалении лишайников посещающими памятник исследователями и туристами. Изложенное выше подчеркивает необходимость полноценного документирования петроглифов Рашаан-Хада и их ландшафтного контекста современными техническими средствами и методами, а также возобновления полноценных исследований этого уникального памятника.

- Гарутт Н.В., Боескоров Г.Г.** Шерстистые носороги: к истории рода // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения: юбил. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Ю. Розанов. – М.: ГЕОС, 2001. – С. 157–167.
- Гунчинсүрэн Б.** Поселения Рашаан Хад и Тулбурийн Гол в Монголии // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. – 2013. – № 3 (35). – С. 18–19.
- Кассал Б.Ю.** Двурогие носороги – арт-объекты реальных плейстоцена // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. – 2016. – № 1. – С. 26–37.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

⁹ Подробнее о применении алгоритмов визуализации см.: Свойский и др., 2018; Авдеев, Свойский 2019; Тишкин и др., 2020.

- Новгородова Э.А.** Аршан-Хад – древнейший памятник изобразительного искусства восточной Монголии // История и культура Центральной Азии / Редкол.: Г.М. Бонгард-Левин и др. – М.: Наука, 1983. – С. 306–310.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 384 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.
- Окладников А.П.** Древнейшие петроглифы Аршан-хада (Монголия, Хэнтэй) // Пластика и рисунки древних культур / Отв. ред. Р.С. Василевский. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 27–33. (Первобытное искусство).
- Рыбин Е. П., Хаценович А. М., Кандыба А. В.** Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Известия АлтГУ. – 2016. – № 2 (90). – С. 245–254.
- Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Миклашевич Е.А.** Опыт создания цифровых образов эстампажей енисейских петроглифов методом трехмерного моделирования // Camera Praehistorica. – 2018. – № 1. – С. 106–116.
- Тишкин А.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Идэрхангай Т.-О.** Новые результаты документирования «оленных» камней у поселка Баян зурх (Монгольский Алтай) // Тр. VI (XXII) Всерос. археологического съезда в Самаре: в 3 т. – Самара: СГПУ, 2020. – Т. III. – С. 103–105.
- Цейтлин С.М.** Некоторые вопросы геологии и геологическая периодизация памятников палеолита Сибири // Бюллетень Комис. по изуч. четвертич. периода. – 1972. – № 38. – С. 116–125.
- Цэвээндорж Д.** История древнего искусства Монголии. – Улаанбаатар: АН Монголии, ИА, 2012. – 385 с.
- Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К.** Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 57–77.
- Шишин М.Ю.** Новые петроглифы в комплексе Рашан-хад в Монголии // Искусство Евразии. – 2015. – № 1 (1). – С. 10–24.
- Nowgorodowa E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: E.A. Seemann Verlag, 1980. – 281 с.
- Stuart A. J., Lister A. M.** Extinction chronology of the woolly rhinoceros *Coelodonta antiquitatis* in the context of late Quaternary megafaunal extinctions in northern Eurasia // Quaternary Science Reviews. – 2012. – No. 51. – P. 1–17.

Yu.M. Svoisky^{1,3}, E.S. Levanova², E.V. Romanenko¹, D. Uranchimeg⁴

¹ *Laboratory RSSDA (Russia)*

² *Higher School of Economics (Russia)*

³ *The Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

⁴ *Academy of Arts (Mongolia)*

ON THE QUESTION OF ATTRIBUTION AND RELATIVE DATING OF RASHAAN-KHAD PETROGLYPHS (MONGOLIA)

The article gives a brief outline of the discovery and study of the rock art site Rashaan-Khad (Arshan-Khad, Rashan-Khad) during the 20th and beginning of the 21st centuries. Rashaan-Khad is a unique sanctuary revered for more than 12 thousand years – from the Upper Paleolithic Period to the present, and still retains its importance for the local population. Until now, petroglyphs of Rashaan-Khad remain poorly documented and only

partially published. The paper describes the studies of the Russian-Mongolian research group that conducted test surveys and work on mapping and three-dimensional modeling of surfaces with petroglyphs in 2016. Based on the results of the survey, the question of returning to the discussion of the species belonging of zoomorphic images and probably the late Pleistocene Age of the oldest images is raised.

KEYWORDS: *Mongolia, rock art site, Rashaan-Khad, petroglyphs, Upper Paleolithic Period, New and Modern Period, test surveys, 3D-modeling of surfaces.*

А.Л. Заика¹, С. Бо²

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Россия)

² Центр исследований национальностей университета национальностей Гуанси (Китай)

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ СЕВЕРНОГО КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕТРОГЛИФОВ ХЭЛАНЬШАНЬ)

Введение

Петроглифы Северного Китая отличаются высокой концентрацией разного вида личин. Они зафиксированы в северной излучине р. Хуанхэ (провинции Нинся и Внутренняя Монголия), в южных отрогах Монгольского Алтая (провинция Синьцзян), на северо-востоке Китая (провинции Внутренняя Монголия и Хэйлудзьян). К настоящему времени зафиксированы сотни изображений. Интерес представляют антропоморфные образы в горах Хэланьшань на границе провинций Нинся и Внутренняя Монголия. В 2015 г. авторами были обследованы петроглифы «Санкэсон» («три сосны»), расположенные в 11 км от входа в Гудеуго («долина гидов») в окрестностях г. Шидзуйшань Нинся-Хуэйского автономного округа Китая. Петроглифы находятся на 30-метровом утесе на южной стороне долины и представлены большей частью изображениями личин, реже – копытных животных.

Задачей данной статьи является освещение результатов полевых исследований петроглифов в 2015 г., стилистический анализ рисунков, рассмотрение вопросов их датировки, их корреляция с образительными традициями наскального творчества региона и сопредельных территорий Китая, Сибири и Дальнего Востока, определение их семантики.

Характеристика петроглифов

Местонахождение представляет собой левобережные наклонные выходы сланца, торцы которых обращены вверх, под положительными углами они обращены на ЮЗ (аз. 145–160°). На высоте 2–5 м от подножия, которое представляет собой конус выноса скальных осыпей на делювиальные отложения у кромки пересыхающего ручья – притока р. Хуанхэ, расположены наскальные рисунки, выполненные в технике выбивки. В 2015 г. выявлено шесть плоскостей. Были проведены работы по фотофиксации и выборочной копировке изображений. Основным комплекс изображений представлен антропоморфными личинами. Самая нижняя плоскость несет на себе линейные и контурные фигуры животных.

На самой верхней плоскости (плоскость 1) находится изображение личины с овальным контуром,

обрамленным полуовалами и подтреугольными контурами (**рис. 1-1**). В нижней части личины добавлен дополнительный контур. Выше центрального образа находится еще одна личина с полукруглым абрисом. В 0,5 м ниже на плоскости 2 нанесена другая личина с аналогичным контуром, внешним обрамлением и оформлением нижнего сегмента ротовой части (**рис. 1-2**). Ниже, на смежной плоскости 3 выявлены еще семь личин. Они находятся на двух участках, разделенных вертикальной трещиной. Левый участок, имеющий зеркальную поверхность, покрыт изображениями пяти личин (**рис. 1-3**). Три из них имеют полукруглый контур, две – овальный. За границей трещины, правее и выше, в противоположную сторону сориентирована полукруглая личина, у которой верхний срез контура декорирован внутри рядом обращенных вершинами вниз треугольников (**рис. 1-3**). Находится она на выщербленной эрозийными процессами поверхности камня. Выше грубой хаотичной выбивкой намечен полукруглый контур другой, более простой личины с горизонтальной чертой «татуировки».

Ниже, на смежной плоскости 4 нанесены еще 10 личин. Они также находятся на двух участках, разделенных вертикальным широким участком вылома скальных пород. Левый участок, имеющий зеркальную поверхность, покрыт изображениями шести личин с полукруглыми контурами (**рис. 1-4**). Расположены они двумя вертикальными рядами. Левый ряд представлен четырьмя личинами. У верхней личины «татуировка» имеет вид креста, опирающегося на горизонтальную линию ротовой части с вертикальными линиями «бороды». Глаза показаны в виде полукруглых контуров, «зрачки» – в виде горизонтальных линий. Правее личины более поздней выбивкой нанесена горизонтальная черта, над которой нанесен минимизированный полукруг «глаза» (личина?).

Ниже полноценного образа помещены две простые личины, у которых обозначены глаза, нос, рот и, возможно, горизонтальная линия с полосками «бороды». Справа от них, на границе вертикальной полосы отслоения скальных пород выполнена более насыщенная декоративными деталями внутри

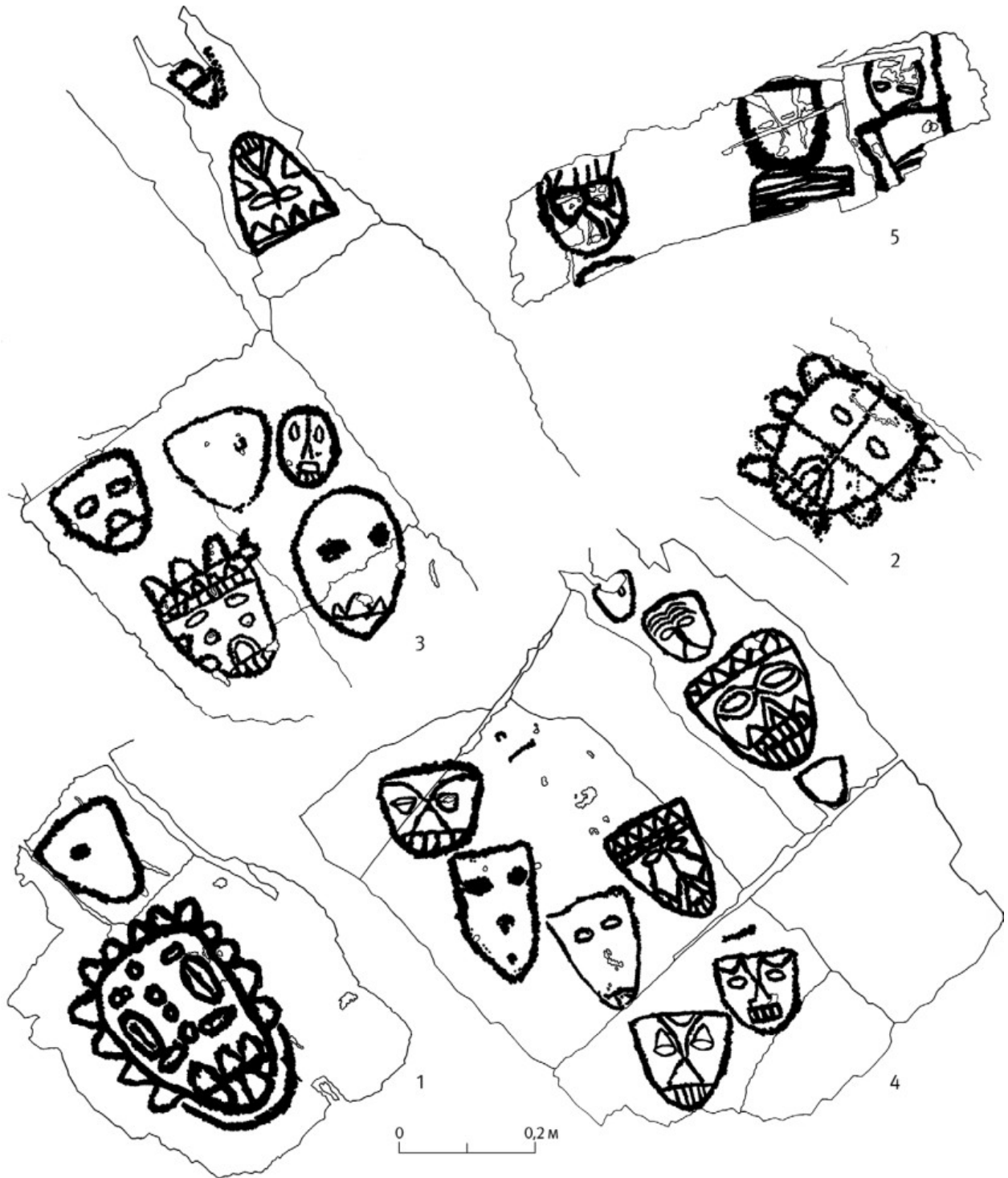

Рис. 1. Петроглифы Санкэсон (Северный Китай): 1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 3; 4 – плоскость 4; 5 – плоскость 5

Fig. 1. Sankesong petroglyphs (North China): 1 – plane 1; 2 – plane 2; 3 – plane 3; 4 – plane 4; 5 – plane 5

контура полукруглая личина. Верх у нее имеет двойной опоясок, декорированный треугольниками и вертикальными полосками. Глаза показаны горизонтальными приотстрёнными овалами, от которых к внешнему контуру личины симметрично опущены диагональные линии. Между глазами нанесена вер-

тикальная линия с двойной развилкой на конце. От развилки отходят вверх две косые линии к месту контакта верхних диагоналей с контуром личины. «Развилка»/«двойной треугольник» опирается концами на горизонтальную линию ротовой части с вертикальными полосками «бороды».

В нижней части плоскости за границей горизонтальной трещины находятся соразмерные и во многом схожие личины. У них центральную часть занимает косой крест «татуировки», опирающийся в одном случае на горизонтальную линию ротовой части с полосками «бороды», в другом – на прямоугольный контур рта с поперечными линиями «зубов». Глаза показаны горизонтальными приостренными овалами, у левой личины они имеют сверху вертикальные треугольные выступы. Верхняя часть личин декорирована центральной (левый образ) и двумя боковыми (правый образ) дугами.

В левой части плоскости зафиксирован вертикальный ряд из четырех личин. Верхняя и нижняя личины представлены в виде практически пустых контуров. Крупных размеров центральная личина имеет сверху опоясок с треугольным орнаментом. Глаза показаны горизонтальными приостренными овалами, дублированными дополнительными контурами, от которых к верхней горизонтальной линии прямоугольного рта опущены вертикальные дуги. Ротовая полость заполнена вертикальными полосками «зубов». Над ней по центру помещен двойной треугольный выступ, фланкированный треугольными контурами. «Подбородок» декорирован вертикальными линиями «бороды». Над центральной личиной помещен меньший по размерам образ. Центр его декорирован короткой широкой линией с развилкой на конце. Вертикальную линию фланкируют глаза в виде горизонтальных приостренных овалов. Лобная часть личины занята тремя надбровными дугами. Рот не обозначен.

Плоскость 5 узкая, длинная, горизонтальная, находится в подножии плоскости 4. Поверхность ее сильно повреждена трещинами и отколами скальной породы, среди которых угадываются контуры полукруглых масок-личин у трех антропоморфных фигур с верхними контурами туловищ (рис. 1-5).

Вопросы датировки и интерпретации образов

Большинство личин расположены на отполированных природой плоскостях и в той или иной мере покрыты скальным загаром, слабо контрастирующим с общей патиной скалы. Общая иконография образов, несмотря на разнообразие внутреннего оформления личин, отличается сходными чертами. У большинства личин полукруглый контур, глаза в виде горизонтальных овалов, ротовая часть обозначена горизонтальной чертой с вертикальными линиями на «подбородке», иногда она сверху дополнена дугами или треугольниками. «Татуировка» у них

представлена вертикальной линией с развилкой на конце или косым крестом. Ряд личин имеют в верхней части опоясок, декорированный треугольниками, который в двух случаях продублирован «лентой» с поперечными полосками. У трех личин показан прямоугольный контур рта, в двух случаях – с вертикальными линиями зубов. В общем плане, несмотря на присутствие пустых контуров, многие из них обильно декорированы геометрическими фигурами, орнаментом.

Судя по планиграфии образов, сравнительно ранние личины выполнены на верхних плоскостях 1 и 2. Они отличаются сравнительно крупными размерами, своеобразной манерой внешнего и внутреннего оформления, принципиально сориентированы по направлению скальных пластов фриза. Личина на плоскости 1 расположена вдоль них, на плоскости 2 – перпендикулярно им. У обеих личин округлые внешние очертания, обрамленные полукруглыми, но оригинальная «татуировка». У верхней личины – вертикальный и горизонтальные ряды окружностей и эллипсов, у второй – прямой крест. Оформление нижней части личин во многом находит аналогии с декором ротовой части более поздних образов на нижних плоскостях, что предполагает сходство изобразительных традиций и сравнительно небольшой хронологический разрыв между временем нанесения изображений.

На плоскостях 3 и 4 рисунки были нанесены сравнительно в одно время, многие из них показаны в одном ракурсе. От личин на верхних плоскостях их отличают более геометризованные контуры и внутреннее наполнение. Причем надо полагать, что на отполированных поверхностях изображения появились несколько раньше, чем на плоскостях, пострадавших от эрозии. Об этом свидетельствует и противоположная ориентация одной из личин. В целом, личины выполнены в одной изобразительной традиции с небольшими вариациями авторов рисунков. Изображения на горизонтальной плоскости 5, по всей видимости, выполнены позже других. Они нанесены на не совсем удобную поверхность камня, сильно пострадавшую от эрозийных процессов. Личины не отличаются богатством внешнего и внутреннего оформления, выполнены менее тщательно, и в отличие от других являются масками антропоморфных фигур.

В большей степени, учитывая декоративность наполнения и геометричность внешних форм, личины Санкэсона находят стилистические соответствия и иконографические аналогии с антропоморфными образами петроглифов Янхуа в горах Хэланьшань. У них также присутствуют линии «бороды»

в нижней части личин, «татуировка» в виде дуг, однако наряду с округлыми контурами для них характерен прямоугольный внешний абрис и развешенные головные уборы/«косы» (Хэ Цзидэ, 2012, рис. 57). Полукруглые личины редко встречаются в петроглифах Северного Китая (Gai Shanlin, 1986, рис. 601; 713; 971; 1440; 1442; Хэ Цзидэ, 2012, рис. 71; 82; 142), также не распространено у них декоративное оформление верхней части «опоясками» (Gai Shanlin, 1986, рис. 960; 1024; 1259); редко имеется и внешнее обрамление в виде полукружий (Хэ Цзидэ, 2012, рис. 206; 445).

Для определения времени создания образов необходимо обратить внимание на устойчивую деталь в их иконографии – оформление нижней части личин, которая показана в виде горизонтальной черты, реже – горизонтального прямоугольника рта с вертикальными полосками «бороды». Подобная манера оформления нижнего сегмента лицевой части образов широко распространена в петроглифах северной излучины р. Хуанхэ. Вертикальные полосы зафиксированы как на «подбородке», так и ниже его контура у оконтуренных и у личин без внешнего контура (Gai Shanlin, 1986, рис. 328; 398; 401; 601; 659; 666; 826; 860–865; 912; 922; 1047; 1466; 1470; Хэ Цзидэ, 2012, рис. 19; 30; 76; 78; 86; 562; 563). Причем у «двойных» личин иногда не ясно: являются ли линиями «бороды» верхней личины или лучами наголовья нижнего образа (Gai Shanlin, 1986, рис. 1464, Сунь Сяо-юн, 2015, рис. 5).

У китайских исследователей пока отсутствуют выводы о датировке петроглифов Санкэсона, но, поднимая вопрос о возрасте антропоморфных личин в горах Иньшань во Внутренней Монголии, Гай Шанлинь придерживался следующего мнения: «Лики людей и животных являются основными темами этого периода (т.е. около 6000–4000 лет назад)... Согласно тому факту, что большое количество изображений антропоморфных личин появилось в эпоху неолита Китая, кажется, что эпоха наскальных изображений человеческих (животных) ликов в горах Иньшань в основном должна принадлежать произведениям этого периода, а нижняя граница возраста не позднее эпохи бронзы, и в основном это должны быть произведения эпохи неолита» (Gai Shanlin, 1986, р. 343–344). Привлекая более широкий круг источников, Чэнь Чжаофу также относит большинство наскальных изображений личин к неолиту: «В эпоху неолита в Китае изображения человеческих ликов появлялись на керамике, костях и резных фигурках из нефрита... И рисунки антропоморфных личин были также найдены среди памятников каменного века

в Шаньси, Шаньдуне, Хэнань, Ганьсу, Цинхай, Чжэцзян и др. Поэтому кажется разумным предположить, что большинство петроглифов с изображениями личин в нашей стране относятся к эпохе неолита» (Chen Zhaofu, 1991, р. 238–239).

Зафиксированы антропоморфные личины и на северо-востоке Китая. В бассейне Западной Ляохэ в настоящее время выявлено 75 местонахождений, 109 плоскостей и 376 личин, которые составляют примерно 60% от общего числа рисунков (Сунь Сяо-юн, 2015, с. 77). Среди них также зафиксированы антропоморфные лики с линиями «бороды» (Там же, рис. 1–5). Высокая их концентрация наблюдается на валуне местонахождения Бай Инь Чан Хань (Там же, рис. 10). У ряда личин полосы «бороды» продублированы лучистым наголовьем. Расположение таким образом лучей напоминает написание иероглифа 皇 (huáng), который переводится как «царский», «высочайший», «светлый», «ослепительный» во времена бронзового века. Таким образом, китайские ученые заключают, что уже во времена до династии Инь существовал культ солнечного божества у древнего населения Китая (Там же, с. 79–81). Вместе с тем китайские исследователи отмечают своеобразие данных образов и видят истоки данной изобразительной традиции в мелкой пластике неолита на территории региона, которая получила дальнейшее развитие в эпоху бронзы (стиль таотие). Используя метод сравнительного анализа изображений, был определен примерный возраст наскальных изображений в долине Западной Ляохэ – 7000–4000 л.н. (Sun, 2015, р. 20).

Резюмируя различные точки зрения китайских ученых, Сун Яолян приходит к следующему выводу: «Появление, развитие и окончание петроглифов в виде антропоморфных личин примерно схожи с созданием и популярным процессом распространения артефактов с изображениями человеческих ликов... Это началось в период раннего и среднего неолита и закончилось в бронзовом веке в период между 7000 и 3000 лет назад» (Song Yaoliang, 1992, р. 207). Гун Тяньфу и Чжан Яша также считают, что «более правдоподобно то, что традиция петроглифов в виде человеческих ликов возникла около 4000–6000 лет назад, а закончилась около 2000 лет назад» (Gong Tianfu, Zhang Yasha, 2006).

Расширяя круг аналогий, необходимо отметить, что представительный комплекс личин «каменного» типа выявлен на Нижней Ангаре. Для них характерны большие округлые глаза, рот с зубами и своеобразная «борода». Внешний абрис личин, как правило, отсутствует или имеет сердцевидный облик. Охватывают они широкий временной интервал от

позднего неолита до раннего железного века (Зайка, 2012), но находят аналогии в большей степени с антропоморфными образами в петроглифах Инь Шань (Зайка, 2013) и восточной части Внутренней Монголии (окрестности г. Чифэна) (Зайка, Коношонкин, 2016). Полосатое оформление нижней части личин встречается также в петроглифах Амура и Уссури (Окладников, 1971, табл. 2; 26; 114-8; 126; 137), большинство которых датируются неолитом. В отличие от ангарских образов личины российского Дальнего Востока в целом отличаются более богатым внутренним и внешним оформлением. У них часто прослеживается «татуировка» в виде дуг и треугольников (Там же, табл. 34; 52; 62; 82; 98; 107; 116; 132; 171 и др.), надбровные дуги (Там же, табл. 37; 61; 117-8; 125; 135 и др.), встречается деление контура горизонтальной чертой и вертикальной линией с развилкой (Там же, табл. 79-3, 79-21), зафиксировано внешнее обрамление в виде полукружий (Там же, табл. 56; 128).

Однако в большей степени по многим вышеприведенным параметрам личины Санкэсона соответствуют антропоморфным образам в петроглифах Калиновки. На камне три личины изображены среди лодок (Там же, табл. 137). Две личины имеют овальный контур, одна – трапециевидный. Рот у них прямоугольный, в одном случае – с линиями «бороды». У овальных личин между ртом и носом нанесена горизонтальная черта, глаза показаны в виде приостренных овалов, их контур внутри декорирован треугольниками. У трапециевидной личины глаза показаны вертикально в виде треугольников, лобная часть ограничена поперечной линией (широкий «опоясок?»), между глазами нанесена вертикальная линия с двойным разветвлением. Таким образом, у дальневосточных образов присутствует практически весь набор признаков, встречающихся у личин Санкэсона. Кардинальное отличие: отсутствие полукруглых контуров, «татуировки» в виде креста и внешнего обрамления, но такие раз-

личия вполне объяснимы, учитывая единичность калиновских образов.

А.П. Окладников датировал личины Калиновки железным веком (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.); по его мнению, более ранние две нижние личины, а верхняя личина с угловатым контуром – более поздняя (Окладников, 1971, с. 64–65, 89). Исследователь отмечал семантическую связь личин и лодок (Там же, с. 81) как отражение путешествия душ в потусторонний мир, где личинам отводилась роль «духов-водителей» мертвых (Там же, с. 100).

Контурные личин Санкэсона выполнены, судя по неровным краям выбивки, каменным инструментом, но узкие ровные линии, которыми были оформлены их глаза и некоторые детали внутреннего декора, нанесены были металлическим инструментом. Соответственно, учитывая данные наблюдения, стилистическую геометризированность традиционных образов, вышеприведенные изобразительные аналогии, личины Санкэсона следует соотносить с периодом бронзового века. Не противоречит данному предположению и планиграфическое (самое нижнее) положение плоскости б, где выполнены гораздо более свежей выбивкой линейные фигуры животных, показанных в позе внезапной остановки, что характерно для скифо-сибирского искусства.

Высокая концентрация на локальном участке береговых обнажений скалы однотипных изображений (личины) позволяет полагать, что они маркируют один из ключевых пунктов древних коммуникаций. Посещение его предполагало совершение ряда обрядовых действий, которые сопровождалось нанесением на камень антропоморфных образов. Авторство рисунков индивидуальное, и оно не предполагало детализации образов, достаточно было их наметить (присутствие пустых контуров). Ритуалы, по всей видимости, были посвящены духам местности и были направлены на благополучный исход путешествия/похода, удачное преодоление горных или водных преград.

Список литературы

- Зайка А.Л.** Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Сост. и отв. ред.: Д.Г. Савинов, М.Л. Подольский. – СПб.: Эликсис Принт, 2006. – С. 330–342.
- Зайка А.Л.** Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // АЭАЕ. – 2012. – № 1 (49). – С. 62–75.
- Зайка А.Л.** Антропоморфные личины в наскальном искусстве Нижней Ангары и Внутренней Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита, 13–19

сент. 2013 г. / Отв. ред.: А.В. Константинов, М.В. Константинов. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Ч. II. – С. 186–193.

- Зайка А.Л., Коношонкин Д.А.** Антропоморфные личины в древнем искусстве Нижней Ангары и Северного Китая // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VII Междунар. науч. конф. (3–7 октября 2016 года) / Отв. ред. А.Л. Зайка. – Красноярск: Сибирский федерал. ун-т, 2016. – Т. I. – С. 201–206.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 273 с.

Сунь Сяо-юн. Смысл и место наскальных изображений личин в бассейне реки Западная Ляохэ // Нацио-

нальные искусства. – 2015. – № 2. – С. 77–83. (на кит. яз.)

Хэ Цзидэ. Изучение петроглифов в горах Хэланьшань. – Иньчуань: Народное издательство Нинся, 2012. – 502 с. (на кит. яз.)

Chen Zhaofu. History of Chinese Rock Art Discoveries in China. – Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 1991. – 483 p. (in Chin.)

Gai Shanlin. Petroglyphs in the Yinshan mountains. – Beijing: Wenwu, 1986. – 441 p. (in Chin.)

Gong Tianfu, Zhang Yasha. A brief introduction to human face picture on the rock // Journal of the Central Univer-

sity for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2006. – Is. 3. – P. 67–74.

Song Yaoliang. Chinese prehistoric Godhead human face rock Arts. – Shanghai: Shanghai Sanlian Bookstore, 1992. – 207 p.

Sun Xiao-yong. Exploration on Archaeological Dates of the Human – face Rock Paintings in West Niute Banner of Chifeng City in Inner Mongolia // Journal of Northwest University (Philosophy and Social Science Edition), May 2015. – Vol. 45, No. 3. – P. 14–22.

A.L. Zaika¹, X. Bo²

¹ *Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Russia)*

² *Research Center for Nationalities of Guangxi University for Nationalities (China)*

ANTHROPOMORPHIC IMAGES OF NORTH CHINA (BASED ON HELANSHAN PETROGLYPHS)

Hundreds of anthropomorphic images have been found in the petroglyphs of North China. In 2015, the authors examined Sankesong petroglyphs in the Helanshan Mountains. On 5 stones there are drawings of 18 masks with an oval and semicircular outline. They find analogies in the petroglyphs of Siberia and the Far East. The drawings were apparently made in the Bronze Age.

They mark one of the key points of ancient communications. Ceremonies, dedicated to the spirits of the area, were performed here. Their images were made on stone. Drawings in style and iconography of images are similar to each other, but their authorship is individual. The purpose of rock art: a successful outcome of a trip/hike, successful overcoming of mountain or water obstacles.

KEYWORDS: *North China, Helanshan Mountains, Sankesong petroglyphs, anthropomorphic images, chronology.*

М.А. Куслий^{1,2}, А.А. Тишкин², Н.В. Воробьева¹, В.П. Семибратов², К.Ю. Кирюшин², А.А. Ковалев³, Д. Эрдэнэбаатар⁴, А.С. Графодатский¹

¹ *Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН (Россия)*

² *Алтайский государственный университет (Россия)*

³ *Институт археологии РАН (Россия)*

⁴ *Улаанбаатарский государственный университет (Монголия)*

ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАСТЕЙ И ПОЛА У ЛОШАДЕЙ ИЗ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-59-15001 «Лошади и их значение в жизни древнего населения Алтая и сопредельных территорий: междисциплинарные исследования и реконструкции»)

Еще в древности люди разводили коней тех мастей, которые им нравились по какой-то причине. Так происходила селекция на закрепление конкретного окраса в популяциях лошадей. Многообразие мастей является существенным признаком одомашненных животных, поскольку в дикой природе необходимая цветовая гамма была обусловлена прежде всего маскировкой (Ludwig et al., 2009). В естественных условиях окрас кожного и волосяного покрова отражал способность лошадей адаптироваться в конкретной среде обитания. Стоит также отметить, что многие выведенные масти ассоциированы с наследственными заболеваниями (Pielberg et al., 2008).

Как было выяснено на основе анализа мутаций в генах окраски, дикие кони принадлежали гнедой и саврасой мастям, которые являлись оптимальными для проживания в степях Евразии. В IV тыс. до н.э. на территории Европы появились дикие лошади вороной масти, что связывается с увеличением площади лесов. В период доместикации (III тыс. до н.э.) в Восточной Европе и Сибири получили распространение такие окраски, как рыжая и пятнистая сабино. С I тыс. до н.э. в Евразии известны осветленные масти (изабелловая и серебристая), а также пятнистая тобиано (Ibid). К настоящему времени опубликованы результаты небольшого числа исследований, посвященных определению окраса древних лошадей Алтая и сопредельных территорий (Librado et al., 2017; Ludwig et al., 2009), хотя такая информация позволяет более полно охарактеризовать популяции копытных животных, остатки которых обнаружены в памятниках разных археологических культур.

Основные масти лошадей (вороная, гнедая, рыжая) контролируются генами MC1R (melanocortin-1 receptor) и ASIP (agouti signaling protein) (Marklund et al., 1996). Характерные мутации в генах-модификаторах (TBX3, KIT, MITF, PAX3, TRPM1, SLC45A2,

SLC36A1, PMEL-17, STX17) ассоциированы с разными формами пятнистости и осветления цвета кожи и волосяного покрова (Imstrand et al., 2016; Pielberg et al., 2008). Определение полов и их соотношение у лошадей из археологических памятников может свидетельствовать об особенностях погребального ритуала, а также характеризовать генетическую структуру популяций древних животных. Пол лошадей можно узнать по соотношению прочтений, картированных на референсные последовательности генов половых хромосом: AMELX, AMELY и SRY (Hasegawa et al., 2000). Нами были выбраны ДНК-маркеры мастей и половых хромосом лошадей и подобраны к ним праймеры (табл. 1).

Основной целью исследования являлось определение разнообразия мастей и половой принадлежности древних лошадей, остатки которых обнаружены в некоторых археологических памятниках кочевников Алтая (Яломан-II, Бике-III и Бике-IV). Кроме этого, на основе результатов анализа характерных мутаций в последовательностях перечисленных генов окраски и половых хромосом проводилось сравнение с аналогичными данными, полученными при изучении образцов от лошадей из энеолитического поселения Кулунды Новоильинка-III и мемориального комплекса Монголии аржано-майэмирского времени Ушкийн-Увэр.

Все эксперименты выполнялись согласно критериям аутентичности (Gilbert et al., 2005). Выделение древней ДНК из костного порошка осуществлялось в рамках принятого протокола (Yang et al., 1998) и с учетом одной его модификации (Sanderson et al., 1995). С выделенной ДНК проводились два раунда мультиплексной ПЦР. Первый реализовывался с 0.039 единиц активности Phusion High-Fidelity ДНК-полимеразы, 1x Phusion High-Fidelity буфером, 1 mM MgCl₂, 0.2 mM dNTP's, 400 нг/мкл BSA, 6 мкл древней ДНК в объеме 30 мкл при следующих

условиях: 98°C – 2.5 мин (98°C – 10 сек, 60°C – 30 сек, 72°C – 25 сек) – в течение 35 циклов, 72°C – 7 мин. Второй раунд ПЦР выполнялся с такими же концентрациями реагентов и при тех же условиях, что и первый. При этом добавлялось 2.5 мкл продуктов первого раунда ПЦР. Библиотеки фрагментов древней ДНК формировались с использованием TruSeq® Nano DNA Sample Preparation Kit (Illumina) по протоколу производителя High Sample Protocol с одним изменением: первая очистка образцов проводилась с помощью MinElute PCR Purification Kit

(QIAGEN). Квантификация полученных библиотек осуществлялась при помощи ПЦР в реальном времени. Парноконцевое секвенирование объединенной 10 нМ библиотеки выполнялось на платформе MiSeq (Illumina) с использованием набора MiSeq v2 Reagent Kit (300 циклов, 2x150 п.н.). Выравнивание прочтений на референсные последовательности исследуемых ДНК-маркеров делалось в программной платформе Geneious Prime v2020.2.4 (<https://www.geneious.com>). У всех образцов на каждый ДНК-маркер картировалось в среднем по 100 прочтений.

Таблица 1. Характеристика выбранных ДНК-маркеров и подобранных праймеров

Table 1. Characteristics of the selected DNA markers and selected primers

Название гена и номер хромосомы	Ассоциированный фенотип	Ссылка на публикацию	Тип наследования	Краткое описание мутации (описание положения мутации относительно ПЦР-продукта)	Последовательность праймеров
MC1R (хромосома 3)	Доминантный аллель дикого типа: гнедая масть, рецессивный мутантный аллель: рыжая масть	Marklund et al., 1996	Аутосомно-рецессивный	Транзиция цитозина на тимин в позиции 46 н. от начала ПЦР-продукта	5'-ACCTGCACTCACCCATGTACT-3'; 5'-AAGATTGCCATCTCCAGCAC-3'
ASIP (хромосома 22)	Рецессивный мутантный аллель: вороная масть	Rieder et al., 2001	Аутосомно-рецессивный	Делеция 11 н. в позициях 32-42 н. от начала ПЦР-продукта	5'-AGCATTGAACAAGAAATCCAAA-3'; 5'-TCCCACCCTACAATGAGAA-3'
TBX3 (хромосома 8)	Доминантный аллель дикого типа: саврасая масть, рецессивные мутантные аллели: несаврасая масть	Imsland et al., 2016	Аутосомно-доминантный	Аллель Dup дикого типа	5'-GGGGTTTAGTGAGAGGATATTGG-3'; 5'-GATCCTTGGACTGGGGTTG-3'
				Аллель non-dun1 с трансверсией гуанина на тимин в позиции 42 н. от начала ПЦР-продукта	5'-ACACTCATTATTACCCCTGTGA-3'; 5'-TCCTTTTATTACCTGCCAGAGC-3'
				Аллель non-dun2 с делециями (позиции делеции 8 н.: 36-43 н. от начала ПЦР-продукта, позиция начала делеции 1609 н.: 55 н. от начала ПЦР-продукта)	5'-GGGGTTTAGTGAGAGGATATTGG-3'; 5'-TGTTGATGTGTTGGCCTGA-3'
STX17 (хромосома 25)	Доминантный мутантный аллель (G): серая масть	Pielberg et al., 2008	Аутосомно-доминантный	Аллель с дупликацией (позиция начала дупликации 4.6 кбаз: 29 н. от начала ПЦР-продукта)	5'-ACCACCTGGGAACCTATTAGAA-3'; 5'-AGAAGTTGGGCAAGAGCAGA-3'
AMEL Y (хромосома Y)	Жеребец	Hasegawa et al., 2000	Наследование, сцепленное с полом	Уникальная последовательность Y-хромосомы	5'-CCATTGCTATGCCCGTAAGT-3'; 5'-ACCCCAAAATTTACCAACAATG-3'
SRY (хромосома Y)	Жеребец			Уникальная последовательность Y-хромосомы	5'-TCGGAGTGAAACAAGAGGAAA-3'; 5'-ATCACGAGACCACACCATGA-3'
AMEL X (хромосома X)	Кобыла			Уникальная последовательность X-хромосомы	5'-GGAAGAAATCTAAAGGATCAAGCA-3'; 5'-AAAAAGGATACACATACCTTTGAAT-3'

По результатам молекулярно-генетического анализа были определены масти и пол всех лошадей, остатки которых обнаружены при раскопках указанных комплексов (табл. 2). Конь из кург. № 2 археологического памятника Бике-IV (Кирюшин и др., 2007; Тишкин и др., 2018), который датируется аржано-майэмирским временем и относится к бийкенской культуре, принадлежал гнедой или вороной масти дикого типа и являлся жеребцом. Масть лошади из кург. № 14 археологического памятника Бике-III (Кирюшин и др., 2007) была вороной, а пол – мужским. Данный объект является характерным захоронением пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Курган № 1 археологического памятника Бике-IV относится к тюркской культуре периода раннего Средневековья (Семибратов, Матренин, 2008). Обнаруженные там останки животного принадлежали жеребцу гнедой масти дикого типа. Основываясь на полученных данных, можно сделать вывод о том, какие масти, помимо основных (гнедая и вороная), были распространены в популяциях лошадей из вышеперечисленных археологических памятников, оставленных кочевниками Алтая бийкенской, пазырыкской и тюркской культур. Для дальнейшей работы в указанном направлении необходим анализ репрезентативного числа образцов от коней разных хронологических периодов.

Исходя из полученных результатов анализа последовательностей генов окраски, было определено, что три лошади из кург. № 46, 52 и 57 археологического памятника Яломан-II, датируемых хуннским временем и относящихся к булан-кобинской культуре Алтая (Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, Мыльников, 2016), имели гнедую и мышастую (вороная+саврасая) масти, а также красно-серый (гнедая+серая) окрас, отличный от дикого типа. Из этого заключения можно сделать предварительный вывод о том, что в древней популяции лошадей, попавших в курганы хуннского времени памятника Яломан-II, разводили серых коней, а также животных мастей дикого типа (гнедой и вороной). Все эти жертвенные лошади оказались жеребцами. Данный факт подтверждает ранее сделанное наблюдение о том, что люди на раннем этапе булан-кобинской культуры чаще всего хоронили с жеребцами или меринами (Лукерина, 2010).

Для проведения сравнительного анализа были рассмотрены последовательности генов окраски лошадей, кости которых обнаружены на поселении периода энеолита Новоильинка-III. Памятник находится на территории Кулунды в Алтайском крае, он сопоставим с комплексами ботайского круга (Кирюшин, Ситников, 2013; Кирюшин и др., 2013; Куслий

и др., 2019). У трех исследованных лошадей, соответственно, выявлены саврасая или мышастая (вороная+саврасая), серо-саврасая, гнедая или вороная масти. Анализ ДНК-маркеров пола определил этих животных жеребцами. Из полученных данных можно сделать заключение, что в энеолитической популяции лошадей поселения Новоильинка-III встречались гнедая, вороная и саврасая масти дикого типа, а также серая. Получается, что серый окрас уже был распространен в начальный период одомашнивания лошадей. Также проводилось сравнение представленных данных с результатами анализа мутаций в генах окраски коней из жертвенников № 8, 9, 14 и 17 археологического памятника Ушкийн-Увэр (Kovalev et al., 2016). Этот мемориальный комплекс датируется аржано-майэмирским временем и относится к культуре херексуров и «оленных» камней в период существования самой архаичной кочевой империи на территории Монголии (Тишкин, 2017). Три коня, остатки которых обнаружены при раскопках указанных объектов, были отнесены к вороной масти дикого типа, а одна лошадь имела серо-саврасую (гнедая+саврасая+серая) или серо-мышастую (вороная+саврасая+серая) масть. Все эти животные являлись жеребцами. Полученные данные свидетельствуют о том, что в популяции лошадей, остатки которых попали в жертвенники комплекса Ушкийн-Увэр, была распространена вороная масть. При этом понятно, что разводились лошади саврасой и серой мастей. Можно предположить, что для ритуальной практики чаще забивали жеребцов, а не кобыл. Это соотносится с результатами недавнего исследования (Fages et al., 2019). Однако для полной картины необходимо провести изучение всех имеющихся образцов от лошадей из памятника Ушкийн-Увэр, где раскопано более 100 жертвенников с костными остатками от конских скелетов.

Из полученных данных можно заключить, что аллель серой масти уже встречался в энеолитических популяциях лошадей Кулундинской степи (остеологические материалы поселения Новоильинка-III, Алтайский край, Россия). Такой же окрас зафиксирован у коней, которых разводили кочевники Монголии аржано-майэмирского времени (находки на мемориальном комплексе Ушкийн-Увэр, Хубсугульский аймак Монголии), а также у лошади хуннского периода из памятника Яломан-II (Республика Алтай, Россия). Гнедая и вороная масти дикого типа были распространены на Алтае в популяциях лошадей I тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют костные остатки коней из памятников бийкенской (Бике-IV, кург. № 2) и пазырыкской культуры (Бике-III, кург. № 14). Лошади аналогичного окраса жили в тюркское время (Бике-IV, кург. № 1). Саврасая

Таблица 2. Генотипы исследованных лошадей

Table 2. Genotypes of the studied horses

Название образца	Название гена и генотип (сочетание аллелей гена) лошади							Фенотип
	MC1R	ASIP	STX17	TBX3	AMEL X	AMEL Y	SRY	
Yal2-21	E*e	A*a	GG, Gg*	non-dun1 non-dun2	X	Y	Y	Красно-серый жеребец
Yal2-28	E*e	aa	g*g*	Dn*Dn*	X	Y	Y	Мышастый жеребец
Yal2-31	E*e	A*a	g*g*	non-dun1 non-dun1	X	Y	Y	Гнедой жеребец
Bi3-1-Bi3-2 (одна лошадь)	E*e	aa	g*g*	-	X	-	Y	Вороной жеребец
Bi4-1-Bi4-2 (одна лошадь)	E*e	A*a	g*g*	-	X	-	Y	Гнедой жеребец
Bi4-3	E*e	A*A*, A*a, aa	g*g*	-	X	-	Y	Гнедой или вороной жеребец
Nov3-1	E*e	A*A*, A*a, aa	g*g*	Dn*non-dun2	X	Y	Y	Саврасый или мышастый жеребец
Nov3-2	E*e	A*a	GG, Gg*	Dn*Dn*	X	-	Y	Серо-саврасый жеребец
Nov3-3	E*e	A*A*, A*a, aa	g*g*	non-dun2 non-dun2	X	Y	Y	Гнедой или вороной жеребец
Ush-6	E*e	aa	g*g*	non-dun2 non-dun2	X	-	Y	Вороной жеребец
Ush-7	E*e	aa	g*g*	non-dun2 non-dun2	X	Y	Y	Вороной жеребец
Ush-8-Ush-9 (одна лошадь)	E*e	aa	g*g*	non-dun1 non-dun2	X	Y	Y	Вороной жеребец
Ush-10	E*e	A*A*, A*a, aa	GG, Gg*	Dn*non-dun2	X	Y	Y	Серо-саврасый либо серо-мышастый жеребец

масть дикого типа (мышастая на основе вороной и саврасая на основе гнедой) встречалась в популяциях лошадей разных древних периодов. Такой окрас зафиксирован по образцам из памятников Новоильинка-III, Ушкийн-Увэр и Яломан-II.

Исходя из представленных результатов, становится необходимым дальнейший анализ последовательностей генов окраски древних лошадей, остатки которых обнаружены при раскопках указанных и других археологических памятников Алтая. Имеющая выборка недостаточна и может рассматривать-

ся как реализованный опыт для следующих исследований. Среди полученных результатов можно отметить зафиксированные факты появления и распространения мастей, отличных от дикого типа (в нашем случае серый окрас). Важно также достоверно определить пол животных, что часто затруднительно сделать при археозоологических определениях разрозненных костей. Совокупность всех данных позволит проводить комплексные реконструкции разных сфер системы жизнеобеспечения у древних кочевников Алтая и сопредельных территорий.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2007. – Т. XIII. – С. 273–277.

Кирюшин Ю.Ф., Силантьева М.М., Ситников С.М., Семибратов В.П., Соломонова М.Ю., Сперанская Н.Ю. Археоботанические и фитолитные исследования на поселении Новоильинка-III (Северная Кулунда) // Вестник ТомГУ. История. – 2013. – № 4 (24). – С. 10–14.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Исследование поселения Новоильинка-III в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири

- и сопредельных территорий. – 2013. – Т. XIX. – С. 207–211.
- Куслий М.А., Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Орландо Л.** Молекулярно-генетический анализ костных образцов древних лошадей из памятника ботайского круга Новоильинка-III (Кулундинская степь) // Матлы Междунар. науч.-практ. конф. «Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии». Алматы, Казахстан, 4–6 апреля 2019 года / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. – Алматы: Қазақ университеті, 2019. – С. 64–65.
- Лукерина Я.Е.** Предварительные результаты сравнительного анализа черепов лошадей пазырыкской и булан-кобинской культур // Труды молодых ученых АлтГУ. – 2010. – № 7. – С. 40–42.
- Семибратов В.П., Матренин С.С.** Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства алтайской ГЭС в 2007 г // Теория и практика археологических исследований. – 2008. – № 4. – С. 54–66.
- Тишкин А.А.** «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда в Барнауле – Белокурихе / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. – С. 1026.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2003. – Т. IX. – Ч. 1. – С. 488–494.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П.** Предметный комплекс аржано-майэмирского времени из памятника Бике-IV на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. – Вып. 2. – С. 211–216.
- Тишкин А.А., Мыльников В.П.** Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – 192 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. – Вып. 2).
- Fages A., Hanghøj K., Khan N., Gaunitz C., Seguin-Orlando A., Leonardi M., McCrory Constantz C., Gamba C., Al-Rasheid K.A.S., Albizuri S., Alfarhan A.H., Allentoft M., Alquraishi S., Anthony D., Baimukhanov N., Barrett J.H., Bayarsaikhan J., Benecke N., Bernáldez-Sánchez E., ... Orlando L.** Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series // *Cell*. – 2019. – Vol. 177, no. 6. – P. 1419–1435.e31. DOI: 10.1016/j.cell.2019.03.049.
- Gilbert M.T.P., Bandelt H.-J., Hofreiter M., Barnes I.** Assessing ancient DNA studies // *Trends in Ecology & Evolution*. – 2005. – Vol. 20, no. 10. – P. 541–544. DOI: 10.1016/j.tree.2005.07.005.
- Hasegawa T., Sato F., Ishida N., Fukushima Y., Mukoyama H.** Sex Determination by Simultaneous Amplification of Equine SRY and Amelogenin Genes // *Journal of Veterinary Medical Science*. – 2000. – Vol. 62, no. 10. – P. 1109–1110. DOI: 10.1292/jvms.62.1109.
- Imsland F., McGowan K., Rubin C.-J., Henegar C., Sundström E., Berglund J., Schwochow D., Gustafson U., Imsland P., Lindblad-Toh K., Lindgren G., Mikko S., Millon L., Wade C., Schubert M., Orlando L., Penedo M.C.T., Barsh G.S., Andersson L.** Regulatory mutations in TBX3 disrupt asymmetric hair pigmentation that underlies Dun camouflage color in horses // *Nature Genetics*. – 2016. – Vol. 48, no. 2. – P. 152–158. DOI: 10.1038/ng.3475.
- Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Rukavishnikova I.V.** A ritual complex with deer stones at Uushigiin Uvur/Ulaan Uushig, Mongolia: composition and construction stages (based on the 2013 excavations) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. – 2016. – Vol. 44, no. 1. – P. 82–92. DOI: 10.17746/1563-0110.2016.44.1.082-092.
- Librado P., Gamba C., Gaunitz C., Der Sarkissian C., Pruvost M., Albrechtsen A., Fages A., Khan N., Schubert M., Jagannathan V., Serres-Armero A., Kuderna L.F.K., Povolotskaya I.S., Seguin-Orlando A., Lepetz S., Neuditschko M., Thèves C., Alquraishi S., Alfarhan A.H., ... Orlando L.** Ancient genomic changes associated with domestication of the horse // *Science*. – 2017. – Vol. 356, no. 6336. – P. 442–445. DOI: 10.1126/science.aam5298.
- Ludwig A., Pruvost M., Reissmann M., Benecke N., Brockmann G.A., Castanos P., Cieslak M., Lippold S., Llorente L., Malaspinas A.-S., Slatkin M., Hofreiter M.** Coat Color Variation at the Beginning of Horse Domestication // *Science*. – 2009. – Vol. 324, no. 5926. – P. 485–485. DOI: 10.1126/science.1172750.
- Marklund L., Moller M.J., Sandberg K., Andersson L.** A missense mutation in the gene for melanocyte-stimulating hormone receptor (MC1R) is associated with the chestnut coat color in horses // *Mammalian Genome*. – 1996. – Vol. 7, no. 12. – P. 895–899. DOI: 10.1007/s003359900264.
- Pielberg G.R., Golovko A., Sundström E., Curik I., Lennartsson J., Seltenhammer M.H., Druml T., Binns M., Fitzsimmons C., Lindgren G., Sandberg K., Baumung R., Vetterlein M., Strömberg S., Grabherr M., Wade C., Lindblad-Toh K., Pontén F., Heldin C.-H., ... Andersson L.** A cis-acting regulatory mutation causes premature hair graying and susceptibility to melanoma in the horse // *Nature Genetics*. – 2008. – Vol. 40, no. 8. – P. 1004–1009. DOI: 10.1038/ng.185.
- Rieder S., Taourit S., Mariat D., Langlois B., Guérin G.** Mutations in the agouti (ASIP), the extension (MC1R), and the brown (TYRP1) loci and their association to coat color phenotypes in horses (*Equus caballus*) // *Mammalian Genome*. – 2001. – Vol. 12, no. 6. – P. 450–455. DOI: 10.1007/s003350020017.

Sanderson C., Radley K., Mayton L. Ethylenediamine-tetraacetic Acid in Ammonium Hydroxide for Reducing Decalcification Time // *Biotechnic & Histochemistry*. – 1995. – Vol. 70, no. 1. – P. 12–18. DOI: 10.3109/10520299509108310.

Yang D.Y., Eng B., Waye J.S., Dudar J.C., Saunders S.R. Improved DNA extraction from ancient bones using sil-

ica-based spin columns // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1998. – Vol. 105, no. 4. – P. 539–543. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199804)105:4<539::AID-AJPA10>3.0.CO;2-1.

M.A. Kuslii^{1,2}, A.A. Tishkin², N.V. Vorobyova¹, V.P. Semibratov², K.Yu. Kiryushin², A.A. Kovalev³, D. Erdenebaatar⁴, A.S. Grafodatsky¹

¹*Institute of Molecular and Cell Biology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

²*Altai State University (Russia)*

³*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

⁴*Ulaanbaatar State University (Mongolia)*

PALEOGENETIC DEFINITIONS OF HORSE COLORS AND SEXES FROM ANCIENT SITES OF ALTAI

To date, the time of occurrence and the distribution of different coat colors between the populations of ancient domesticated horses of Altai and adjacent territories have not been fully characterized. In this article, we present the results of sequence analysis of coat color and sex chromosome genes of ancient horses from archaeological sites of the Early Iron Age and Middle Ages cultures of the Altai and their comparison with similarly obtained results on horses of the Eneolithic settlement of Kulunda and the nomadic culture of Mongolia of the Late Bronze – Early Iron Age. Experimental pro-

cedures included ancient DNA extraction, multiplex PCR, preparation of libraries for high-throughput sequencing. We identified the presence of wild-type gray and dun coat color alleles in the horse populations of Novoilinka III settlement (Kulunda, Botai circle site), Ushkijn-Uver site (Mongolia, Khereksur and Deer Stone culture) and Yaloman-II site (Altai, Bulan-Koba culture). Bay and black wild-type coat colors were widespread in the horse populations of different nomadic cultures of the Altai Mountains. Almost all horses studied were stallions.

KEYWORDS: *Altai, archaeological sites, Early Iron Age, Middle Ages, ancient horses, paleogenetic definitions, coat color, sex chromosome genes.*

K. Matsumoto¹, A. Tsend², I. Lochin²

¹ Graduate School of Humanities, Kyushu University (Japan)

² Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

A SURVEY OF BRONZE AND EARLY IRON AGE TOOLS AND WEAPONS FROM NORTHERN MONGOLIA

This work was supported by KAKENHI (Grant Number 19H05593.17K13564.17H01646) and The Takanashi Foundation for Historical Science

Research has shown that the eastern part of the Eurasian steppe played an extremely important role in the formation of early nomadic cultures (Scytho-Siberian cultures). A number of excavations have been conducted in the Mongolian steppes in recent years, including joint international projects on Bronze Age and Early Iron Age sites dating from the 2nd to 1st millenniums BC, which are therefore related to early nomadic cultures and their origins. This has resulted in a diversity of findings, especially in regard to Kereksury and slab-stone graves, while migration patterns have been investigated based on analyses of excavated human remains. It has also been possible to conduct carbon-¹⁴ dating on excavated organic materials, thereby helping to establish a chronology for grave sites of the period (Miyamoto, 2018). On the other hand, the wide distribution of bronze artifacts found in Mongolia is also evident in other regions of the eastern steppes, including the Great Wall and Minusinsk basins. While analyses of bronze artifacts have substantially added to discussions on the origins and backgrounds of early nomadic cultures, such artifacts are rarely found in graves and tombs of the same period, with most research involving materials collected from unknown sources. In this context, there is a growing need to link the broad cultural dynamics of the Eurasian steppes as a whole based on continued investigations into these bronze artifacts. Archaeological research must

also target detailed cultural dynamics associated with various regions of Mongolia. To address these gaps in the literature, large quantities of bronze artifacts must therefore be recovered through scientific excavations at variety of sites. However, we believe the first step is to investigate known bronze artifacts from museums throughout Mongolia, thus clarifying the dynamics of bronze culture on a more detailed level.

In this study, we conducted surveys of two bronze artifact collections from November 13th–15th 2017, including those owned by the Burgan Provincial Museum and the Khovsgol (Murun) Provincial Museum, both of which are located in Mongolia (**Fig. 1**). While we were able to examine and document bronzes dated from the second half of the 2nd millennium BC to the modern period, this paper focuses on weapons and tools dating from the second half of the 2nd millennium BC to the mid-1st millennium BC (see **Tab. 1**). Before reporting on these bronzes, the next section briefly discusses the dynamics of bronzes from the eastern Eurasian Steppe during the period lasting from the 2nd millennium BC to early 1st millennium BC. For additional details on these issues, please refer to Matsumoto (2018, 2020).

Bronze cultures of the eastern steppe region during the 2nd and 1st millenniums BC

The emergence of a distinctive bronze assemblage common to the whole of Mongolia (Mongolian Plateau)

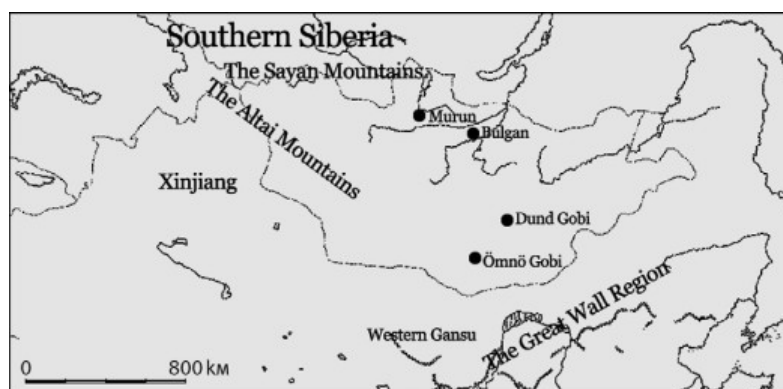

Fig. 1. Points of our survey around Mongolia (7–12 – by authors)

Рис. 1. Местонахождения нашего исследования по Монголии (7–12 – по: авторы)

Table 1. List of bronze tools and weapons from collections at the Burgan and Khovsgol Provincial Museum
Таблица 1. Список бронзовых орудий и оружия из собраний Провинциальных музеев Бургана и Хубсугула

No.	Kind of tools and weapons	Collection	Collection no.	Length (cm)	Width (not include blade) (cm)	Thickness (upper) (cm)	Thickness (lower) (cm)	Weight (g)	Mold joint marks	Type	Form of pommel
1	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-65-15	12	1.4	0.5	0.4	33.7	Unclear	Bb	Ring
2	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-64-20	15.6	1.5	0.4	0.1	32.1	Unclear	D3	Triangular hole
3	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-51-02	20.5	1.5	0.4	0.4	69.2	Unclear	Bc	Ring
4	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-64-19	8.3	1.8	0.5	0.4	19.2	Unclear	Bc	Ring
5	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-63-34	10.9	1.5	0.6	0.3	34.5	The single molding'	A	-
6	Knife	Khovsgol Provincial Museum	2014.3.1	14.5	1.8	0.4	0.3	29.5	Clear	A	Ring
7	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-65-14	18.4	1.2	0.4	0.4	60.4	Unclear	Bc	-
8	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-65-16	4.9	1.3	0.4	-	12.3	The single molding'	A	Ting
9	Knife	Khovsgol Provincial Museum	Y-61-17	-	-	-	-	13.5	Unclear	-	Ring
10	Battle-axe	Khovsgol Provincial Museum	Y-64-32	12.6	5.5	2.0	-	-	Clear	IIIB	-
11	Spear-head	Burgan Provincial Museum	8383	18.4	4.8	-	-	249.6	Unclear	M	-
12	Dagger	Burgan Provincial Museum	4450 (84.86)	27.2	5.6	-	-	284.7	Unclear	-	Two bird's heads
13	Knife	Burgan Provincial Museum	016a (62.05.1)	17.5	1.6	0.4	0.2	42.4	Unclear	D3	Hole
14	Knife	Burgan Provincial Museum	016v (62.05.3)	16.1	2	0.5	0.3	44.6	The single molding'	A	Ring
15	Knife	Burgan Provincial Museum	016 (62.05.5)	15.6	1.8	0.7	0.5	93.9	Unclear	Bb	Ring
16	Knife	Burgan Provincial Museum	016 (62.05.4)	13.5	2.8	0.7	0.6	50.3	Unclear	A	Ring
17	Knife	Burgan Provincial Museum	4286 (83.56)	14.1	1.7	0.6	0.3	41.9	The single molding'	A	Hole
18	Knife	Burgan Provincial Museum	016b (62.05.2)	17.3	1.4	0.4	0.4	56.2	Unclear	Bc	Hole

occurred during the 2nd millennium BC. Its transformation and development from the end of the 2nd millennium BC onward was spurred by relationships with South Siberia (**Fig. 1**), which lies to the north of Mongolia across the Sayan mountains.

Bronzes were already present in Mongolia before the first half of the 2nd millennium BC, including those of the Chemurchek culture in the northwest and Great Wall region. Among them were a certain number of simple tools and ornaments with strong connections to both the Afanashevo and Andronovo cultures and Seima-Turbino type bronzes.

A large number of unique Mongolian bronzes appeared during the mid-2nd millennium BC (the Mongolian

Bronze Complex). The most conspicuous items among these were simple knives (type A: **Fig. 2-1**), which were cast in one or two-piece stone molds without the use of models (directly carving stone). This complex also includes refined knives (type C: **Fig. 2-9**), daggers (type A), spearheads (type M), and battleaxes (types I, II, and IIIA). Refined knives and daggers, which often feature animal-shaped or rattling pommels, seem to have been cast in clay or metal molds using wax or fat-like models. On the other hand, a group of bronzes (the Early Karasuk Bronze Complex) with a different tradition from the Mongolian Bronze Complex were present in the Minusinsk Basin of South Siberia during the same period. Here, simple knives (type Ba) of a local tradition (possi-

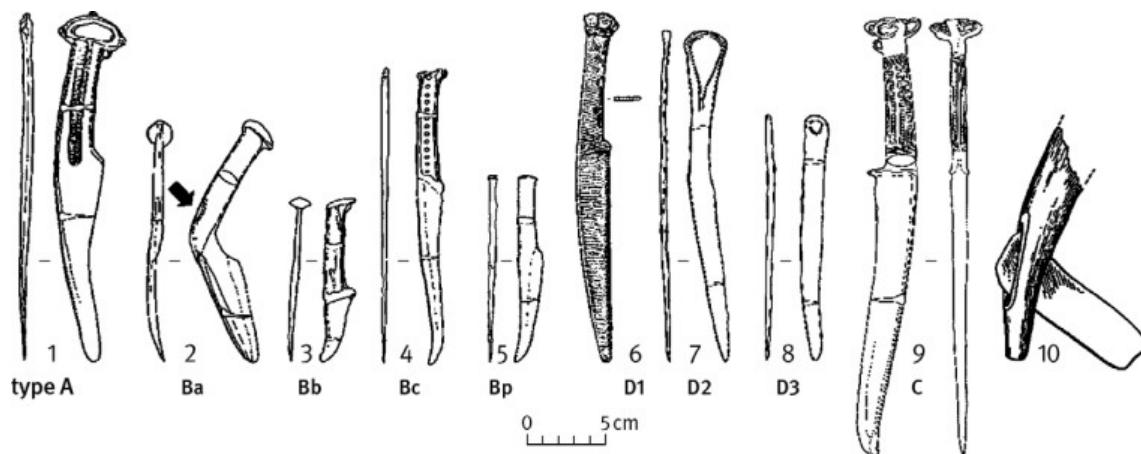

Fig. 2. Types of knives from the Bronze Age and Early Iron Age found in the Eastern Eurasian Steppe: 1, 4 – Tokyo University; 2 – Abakan Museum; 3, 7 – Minusinsk Museum; 5 – collection of Buzan Kimura; 8 – Khovsgol Provincial Museum; 9 – Dund Gobi Provincial Museum (1–4, 9 – after Mastumoto, 2018, fig. 4-24; 5 – after Matsumoto et al., 2021, fig. 4-24; 6 – after Дэвлет, 1975, рис. 4-2; 7 – after Matsumoto, 2020, fig. 10-3; 8 – by authors; 10 – after Членова, 1972, табл. 8-21)

Рис. 2. Типы ножей эпохи бронзы и раннего железного века, найденные в восточной части евразийской степи: 1, 4 – Токийский университет; 2 – Абаканский музей; 3, 7 – Минусинский музей; 5 – коллекция Бузана Кимуры; 8 – Провинциальный музей Хубсугул; 9 – Провинциальный музей Дунд Гоби (1–4, 9 – по: Mastumoto, 2018, fig. 4-24; 5 – по: Matsumoto et al., 2021, fig. 4-24; 6 – по: Дэвлет, 1975, рис. 4-2; 7 – по: Matsumoto, 2020, fig. 10-3; 8 – по: авторы; 10 – по: Членова, 1972, табл. 8-21)

bly originating from the Okunevo culture (**Fig. 2-10**) were cast using a model, thus leaving a rudimentary organ (**Fig. 2-2**→).

At the end of the 2nd millennium BC, the Early Karasuk Bronze Complex in South Siberia maintained its own cast techniques, and adopted forms such as daggers and knives from the Mongolian Bronze Complex. This catalyzed the emergence of a new group of bronze types: knife types Bb (**Fig. 2-3**) and Bc (**Fig. 2-4**) and dagger type B of the Late Karasuk Bronze Complex. The Late Karasuk Bronze Complex then spread from Southern Siberia throughout Mongolia, thus displacing the Mongolian Bronze Complex by the end of the 2nd millennium BC. The diffusion of this bronze complex reached the western part of the Eurasian Steppe, and was confirmed based on remains attributed to Cimmerians in the Pontic steppe.

This situation of uniformity resulting from the Late Karasuk Bronze Complex continued until the early 1st millennium BC, when regional differences gradually emerged. The influence of the Central Plains became evident from the 8th to 6th centuries BC (knife type Bp) (**Fig. 2-5**) in the Great Wall region, which is located between Mongolia and the Central Plains of China. In Mongolia, the distribution of this type was less pronounced, with the Bc type persisting into this stage. In Southern Siberia, another type of knives appeared (D1) (**Fig. 2-6**). Although this time corresponds to the beginning of the early nomadic cultures (Scytho-Siberian cultures), it was associated with stronger regional diversity in bronze culture when compared to the preceding period.

The special technique of carving with a “mysterious pattern” (Грач, 1980) became popular in the southeastern Urals and Southern Siberia during the 7th century BC. A new group of bronzes using this technique appeared in these regions before spreading to Mongolia around the late 6th to early 5th centuries BC. This is represented by knife type D3 (**Fig. 2-8**; Matsumoto, 2020) and akinakes daggers or swords, such as No. 12. Many iron tools and weapons emerged in the eastern steppes from the 4th to 3rd centuries BC, at which time the daily use of bronze tools gradually began to disappear.

Bronze tools and weapons found in Northern Mongolia

Daggers

No. 12 (numbers are reflected in **Tab. 1** and **Fig. 7-12**; **9-12**). This artifact is owned by the Burgan Provincial Museum (no. 4450, 84.86; length of 27.2 cm, width of 5.6 cm, and weight of 284.7 g). It is of the so-called akinakes type, which features butterfly-shaped guards. The hilt contains two grooves on the front and back, while the pommel of the hilt features the heads of two facing birds. The body of the sword contains a single narrow spine. The metal color is white-gold, it is partially covered with black rust, but there is no green patina. In Mongolia, similar daggers are known from Chandmani (**Fig. 3-1, 3-2**), while a knife with a similar pommel (two griffin heads with ears) is known from the Hobud province (Erdenechuluun, Erdenebaatar, 2011, no. 293).

At first glance, the present dagger is similar to those found in the Tagar culture of the Minusinsk Basin

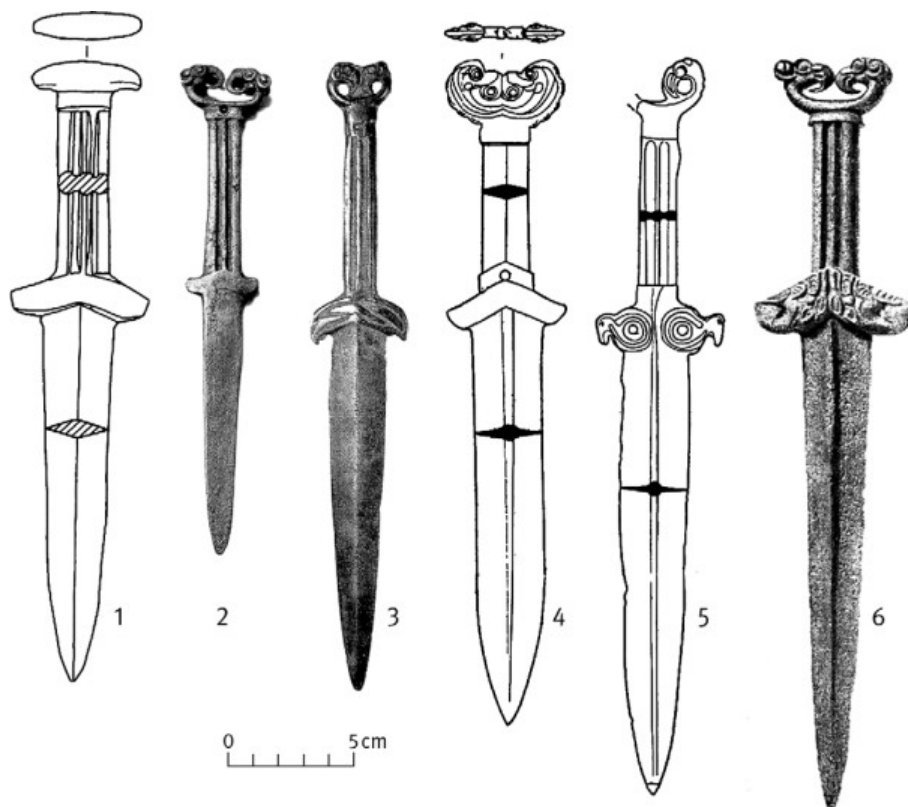

Fig. 3. Examples of daggers from (1, 2) Chandomani site, (3) Tenri University Sankōkan Museum, (4) Maoqinggou M59, (5) Maoqinggou M58, and (6) Krasnoyarsk region (1 – after Miyamoto, 2008, fig. 3-9; 2 – after Busan museum et al., 2009, No. 92; 3 – after Tokyo National Museum, 1997, No. 102; 4 – after Neimenggu wen wu gongzuo-dui, 1986, fig. 30-1; 5 – after Neimenggu wen wu gongzuo-dui, 1986, fig. 30-4; 6 – after Завитухина, 1983, № 202)

Рис. 3. Примеры кинжалов из (1, 2) стоянки Чандомани, (3) музея Санкокан Университета Тэнри, (4) Маоцингоу М59, (5) Маоцингоу М58 и (6) Красноярского края (1 – по: Miyamoto, 2008, fig. 3-9; 2 – по: Busan museum et al., 2009, No. 92; 3 – по: Tokyo National Museum, 1997, No. 102; 4 – по: Neimenggu wen wu gongzuo-dui, 1986, fig. 30-1; 5 – по: Neimenggu wen wu gongzuo-dui, 1986, fig. 30-4; 6 – по: Завитухина 1983, № 202)

(Southern Siberia). According to N.L. Chlenova, this type of sword did not exist at the beginning of the Tagar culture, but appeared during the 6th to 5th centuries BC due to the influences of Altai and East Kazakhstan (Членова, 1967). **Fig. 3-6** shows a similarly formed iron sword from the Krasnoyarsk region (Завитухина, 1983). Looking for similar objects in the Great Wall Region, the most similar is a sword from the Tenri University Sankōkan Museum (**Fig. 3-3**), which is nevertheless thinner and features a guard shaped more like a semi-circle. The sword from the Tomb 59, Maoqinggou, Inner Mongolia (**Fig. 3-4**) is also similar in regard to the shape of the hilt, guard, and narrow spine, although there is no groove in the hilt. Another similar sword was found in the Tomb 58 at the same site (**Fig. 3-5**). These have been dated to the late spring and autumn period to the early Warring States period (5th to 4th centuries BC) (Neimenggu wen wu gongzuo-dui, 1986). In terms of overall form, quantity and rusting, the Burgan material is closer to daggers from the Minusinsk Basin (the Tagar culture) than to those from the Great Wall region. This may be related to the slight or the location of Bulgan County in Mongolia.

Spearheads

No. 11 (Fig. 9-11). This artifact is owned by the Burgan Provincial Museum (no. 83.83; length of 18.4 cm, width of 4.8 cm, and weight of 249.6 g). The spine tapers toward the tip. There is a hole on one side of the hilt and another irregularly shaped hole at the middle of the spine on the opposite side. The latter was probably caused by a casting defect. The wings show pronounced grinding marks and feature rounded tips. Although there are few examples of this type of spear in the Great Wall Region, notable examples include bronze spearheads from the Gaohong Tomb in Shanxi Province (**Fig. 4-2**) and the Houbanjiu site in Naimanqi, Inner Mongolia (**Fig. 4-1**). These have thick spines at the base which then taper to the tip, as seen with the Burgan Provincial Museum example. The bronze weapons and tools from the Gaohong Tomb feature characteristics seen in the Mongolian Bronze Complex (15th to 11th centuries BC); indeed, such a spearhead may be related to this complex. It is not clear when the tip was sharpened to a rounded shape, but this may have occurred immediately after casting. There are many

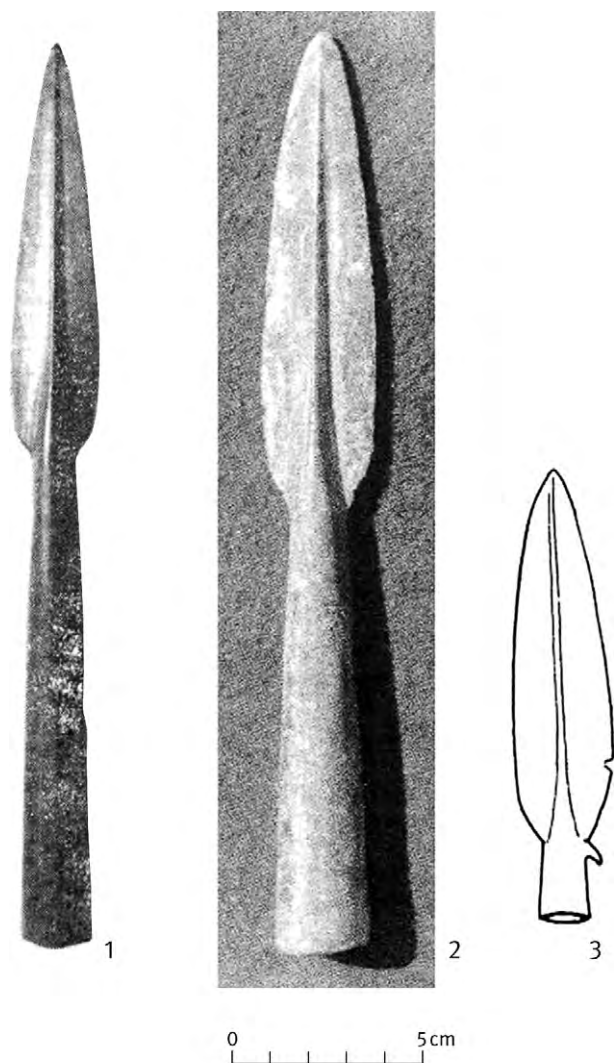

Fig. 4. Examples of spearheads from (1) Houbanjiu, (2) Gaohong, and (3) Khovsgol Provincial Museum (1 – after Li, 1983, fig. 7-5; 2 – after Yang, 1981, fig. 4-3; 3 – after Волков, 1967, рис. 18-4)

Рис. 4. Примеры наконечников копий из (1) Хубанджиу, (2) Гаохуна и (3) Провинциального музея Хубсугул (1 – по: Ли, 1983, fig. 7-5; 2 – по: Yang, 1981, fig. 4-3; 3 – по: Волков, 1967, рис. 18-4)

daggers with rounded tips in this complex, which is interesting considering the “weapon” functions generally found in the Mongolian Bronze Complex.

A smaller piece with a similar shape to this spearhead was located in the exhibition room of the Khuvsgul Provincial Museum. V.V. Volkov previously reported on this (Волков, 1967; **Fig. 4-3**).

Battleaxe

No. 10 (Fig. 7-10; 9-10). This artifact is from the Khovsgol Provincial Museum collection (Y-64-32; length of 12.6 cm, width of 5.5 cm). The hilt is almost completely missing and the blade is noticeably worn away. It ap-

pears that a socketed hilt originally protruded from the body of the axe. The cross-section of the damaged part was polished. Three spines run parallel to the blade. A similar example can be seen by referring to Karlgren (1945) (**Fig. 5-1**).

There are many examples of battleaxes with multiple pines and flat blades, such as those shown in **Fig. 5-2** and some axes found when excavating burials at the Yinxiu site of the Shang dynasty (Zhu Fenghan, 2013, Fig. 8-1, 8-2), which may also be of this type. Regarding the Khovsgol example, the details of the handle are not known, but all battleaxes from Mongolia and the Great Wall Region from the second half of the 2nd millennium BC feature protrusions on the upper portions of the hilts, similar to the “nei” on the Chinese “Ge” dagger axe from the Central Plain. The present example probably featured such a projection, which are also found in Andronovo culture battleaxes; it is likely that the projections and spines seen in this example originated in the Andronovo culture, which then further developed in the context of the Mongolia Bronze Complex (Matsumoto, 2017). With its triangle-shaped blade tip, the Khovsgol example is thought to be a product of the Late Karasuk Bronze Age (11th–9th centuries BC), which followed the Mongolian Bronze Complex (Ibid). It is overall black-green in color and partly covered with lime coating. V.V. Volkov previously reported on this item (Волков, 1967). The drawing in **Fig. 5-3** is considered a relevant example.

Knives

A total of 15 knives were examined from the two museums in Khovsgol and Bulgan provinces. The following descriptions are based on classifications previously listed by one of this study’s authors (see Matsumoto, 2018, 2020). Please refer to **Tab. 1** for information on sizes and weights.

Type A (Fig. 2-1) is a product of the Mongolian Bronze Complex (15th to 11th centuries BC). The entire handle is deeply grooved, while the outline shows curvature when the back is viewed from above (the middle part of each figure or picture). Most knives of this type are characterized by prominent mold-joint marks and ornamental patterns protruding from the surfaces. These features suggest that they were cast by combining either two carved stone molds or one flat stone mold and one carved stone mold, the latter arrangement being referred to as “the single molding” in the following examples.

No. 6 (Fig. 8-6; 10-6) (Khovsgol Provincial Museum) features a nun ornamented handle with a ring pommel. A hole on the inner side of the pommel partially extends in to the handle. The molding line is distinct, but the curved out line on the back is not very sharp. The body is generally thin and of blackish-gold color without green patina.

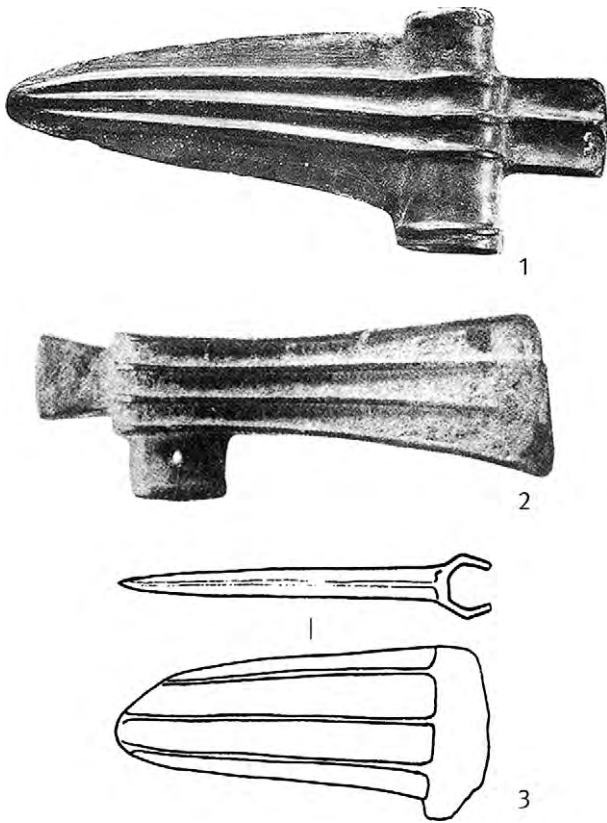

Fig. 5. Examples of battle axes from (1) article by Karlgren, (2) Museum of Far Eastern Antiquities, and (3) Khovsgol Provincial Museum (1 – after Karlgren, 1945, pl. 35-205; 2 – after Andersson, 1932, pl. X-63; 3 – after Волков, 1967, рис. 18-2)

Рис. 5. Примеры боевых топоров из (1) статьи Карлгрена, (2) Музея дальневосточных древностей и (3) Провинциального музея Хубсугул (1 – по: Карлгрена, 1945, pl. 35-205; 2 – по: Andersson, 1932, pl. X-63; 3 – Волков, 1967, рис. 18-2)

No. 16 (Fig. 10-16) (Burgan Provincial Museum) is similar to No. 6. The blade is warped toward the tip, which has a wide cutting edge, possibly the result of sharpening of the broken part. The body is blackened with reddish rust on one side.

No. 14 (Fig. 10-14) (Burgan Provincial Museum) was cast via the single molding, with many holes and chips resulting from the casting process. There are also large mold joint marks. Despite such casting defects, the blade has been sharpened well, but does show some nicks indicating that it was used for practical purposes. The chipped area of the pommel shows noticeable wear. The edge of the groove on one side of the handle is relatively thick, and extends to the middle of the blade. The overall surface was darkened. There is a well-preserved golden metal and no greenish patina.

No. 8 (Fig. 10-8) (Khovsgol Provincial Museum) may be an ornament (e.g., pendant) or fragment of the head of a knife handle. It is flattened on one side, sug-

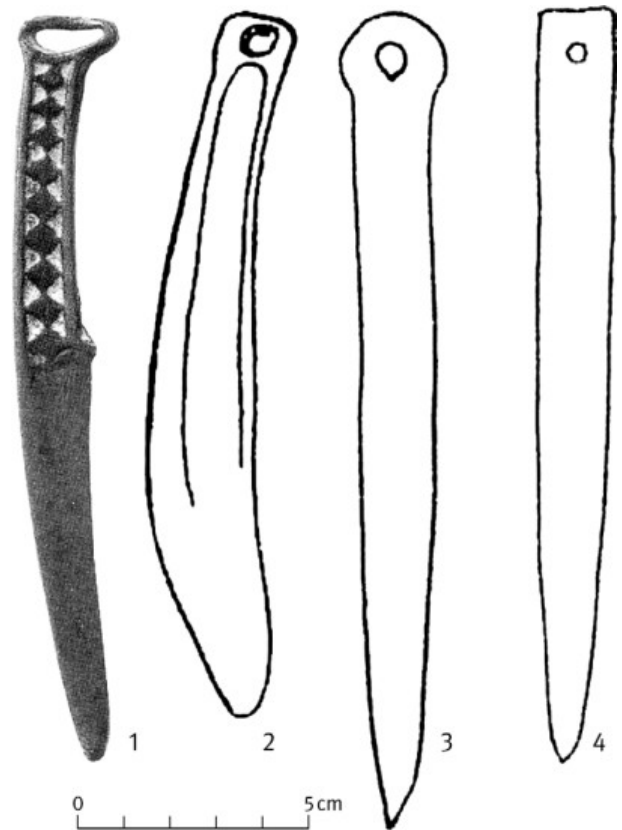

Fig. 6. Examples of knives from (1) Tokyo National Museum and (2-4) article by Volkov (1 – after Tokyo National Museum, 1997, no. 50; 2 – after Волков, 1967, рис. 3-26; 3 – after Волков, 1967, рис. 13-14; 4 – after Волков, 1967, рис. 14-25)

Рис. 6. Примеры ножей из (1) Токийского национального музея и (2-4) работы Волкова (1 – по: Tokyo National Museum, 1997, no. 50; 2 – по: Волков, 1967, рис. 3-26; 3 – по: Волков, 1967, рис. 13-14; 4 – по: Волков, 1967, рис. 14-25)

gesting that it was cast via the single molding. The mold joint marks were markedly worn. If it is a fragment of a knife, then it can be classified as type A based on the grooved handle. The body is darkened without any patina.

No. 17 (Fig. 10-17) (Burgan Provincial Museum) was cast via the single molding. It features a circular hole under the top of the hilt without a pommel. The body is markedly worn through, retaining much of its golden metallic quality.

No. 5 (Fig. 10-5) (Khovsgol Provincial Museum) is similar to No. 17, but the hilt is very short. It may have originally been a knife without a handle, unlike other examples. In this case, it would have been inserted into a handle made of wood or bone. The groove on the base indicates it should be classified as type A. Some parts of the body are blackened, while other parts are slightly yellowish-gold without any patina.

Type B originates from the Minusinsk Basin of Southern Siberia. The earliest subtype of type B (Ba)

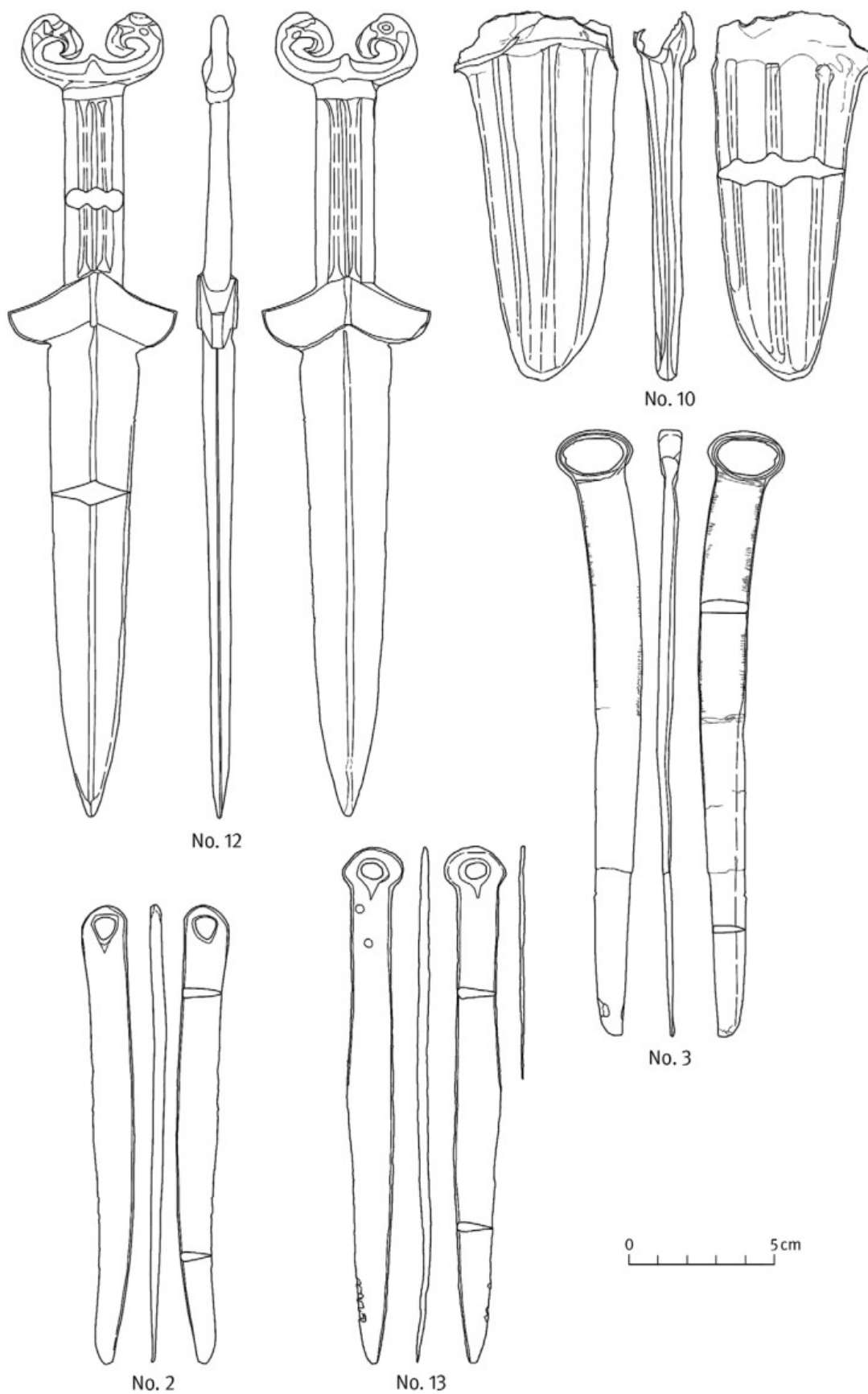

Fig. 7. Bronzes from the Burgan and Khovsgol Provincial Museum (1)

Рис. 7. Бронзовые изделия из Провинциальных музеев Бурган и Хубсугул (1)

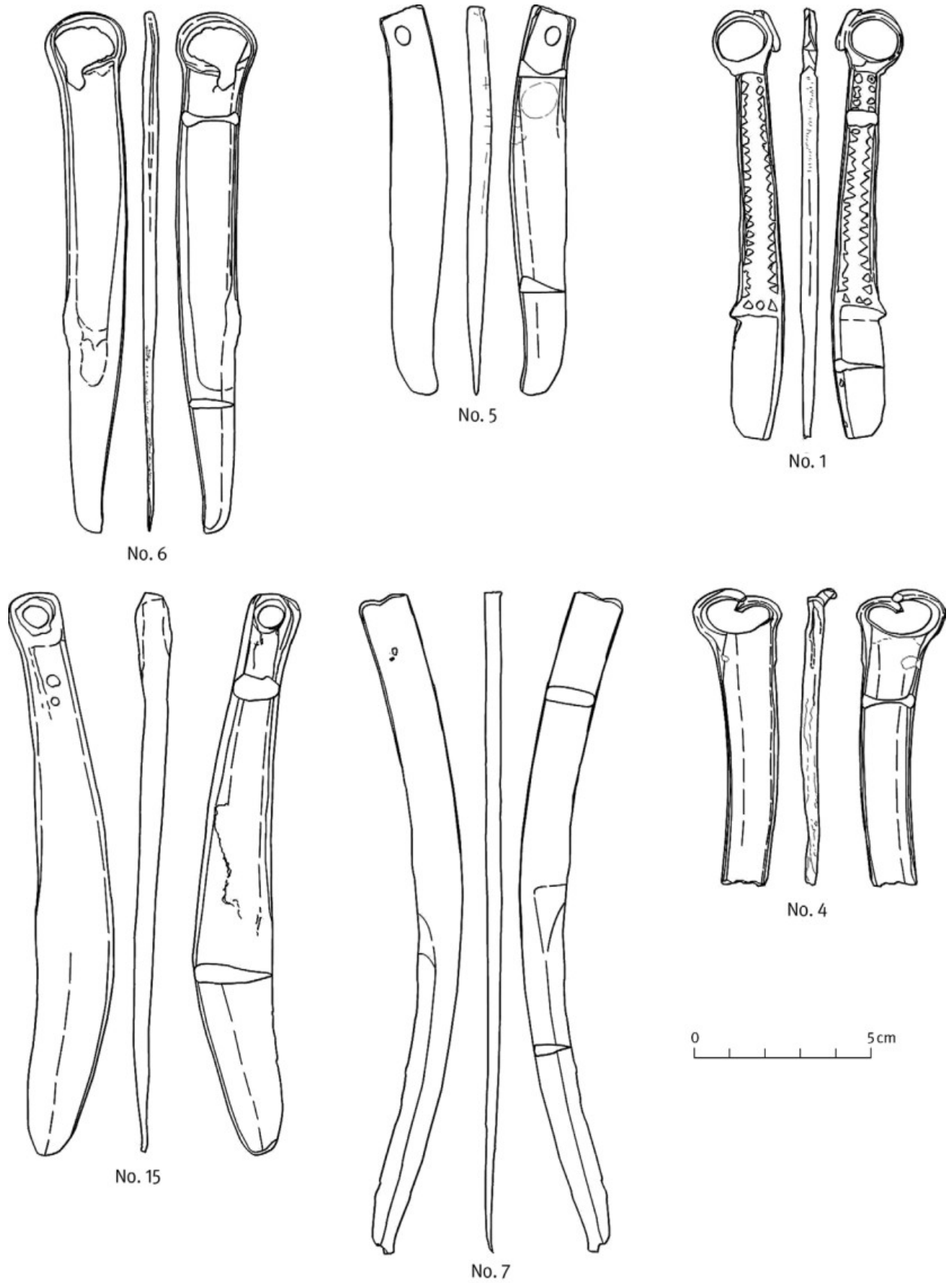

Fig. 8. Bronzes from the Burgan and Khovsgol Provincial Museum [2]

Рис. 8. Бронзовые изделия из Провинциальных музеев Бурган и Хубсугул [2]

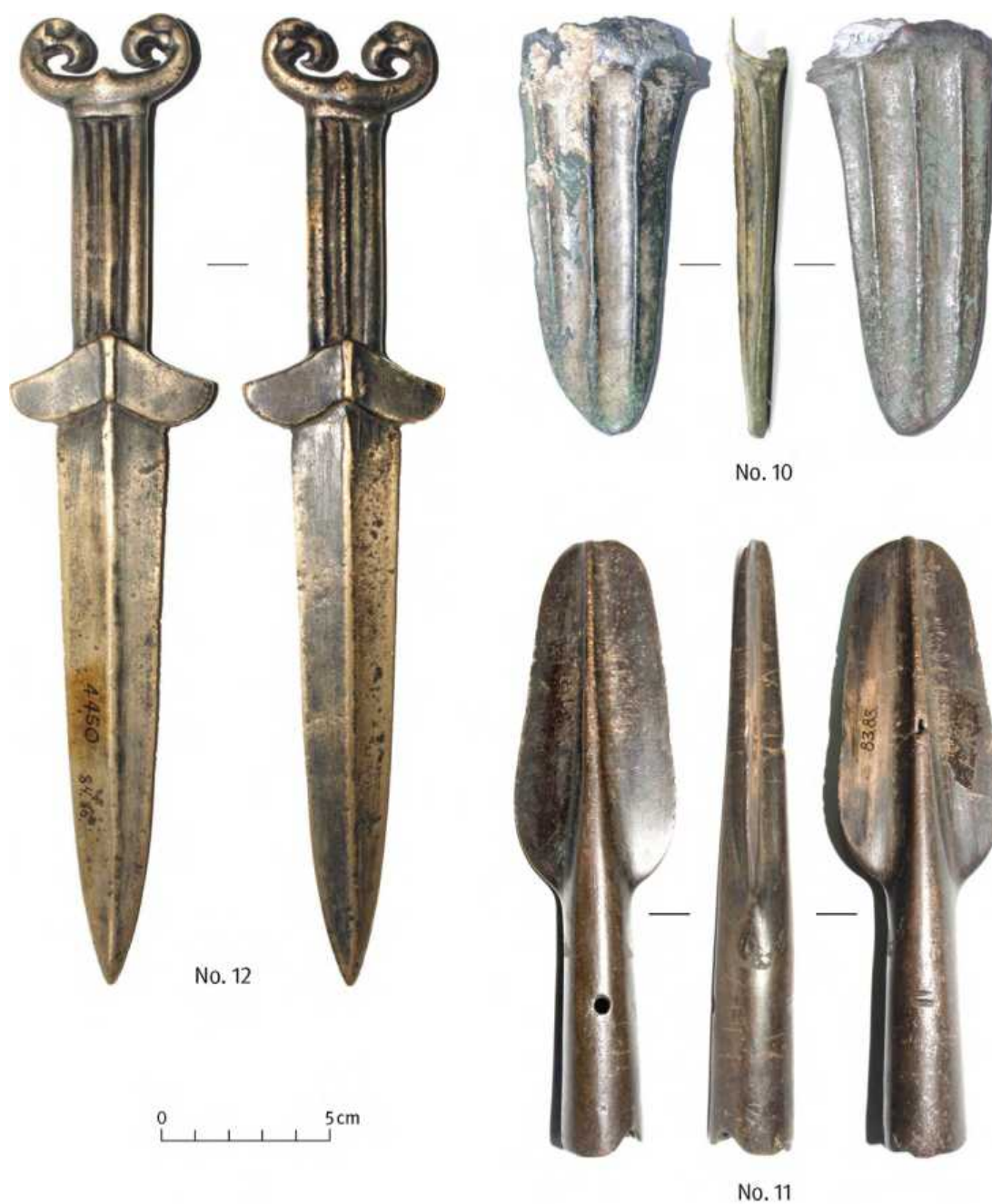

Fig. 9. Bronzes from the Burgan and Khovsgol Provincial Museum [3]

Рис. 9. Бронзовые изделия из Провинциальных музеев Бурган и Хубсугул [3]

(Fig. 2-2) is based on the local knives made of bone handles and bronze blades found in the Okunevo culture; in type Ba, the handle and blade form an almost vertical angle. The chronological changes seen in type B are characterized by a gradual fading of the hilt/blade distinction (Fig. 2-3) and Bc (Fig. 2-4). The curved outline of type Bc without the hilt/blade distinction is similar to type A. It is therefore possible that changes between types Ba, Bb, and Bc occurred due to the influence of the Mongolian Bronze Complex, including type A. Unlike type A, the knives of type B (Ba, Bb, Bc, and Bp;

Fig. 2-5) do not feature deep grooves on their hilts (the shapes of the cross-sections are almost flat). Although mold joint marks can be seen, they are more indistinct than in type A. Moreover, the outline is straight when the back is viewed from above, not curved as seen in type A. According to these features, type B seemed to have been casting clay or metal molds using a model. Although types Bb and Bc show morphological features from Mongolia, their casting method maintained the local tradition in the Minusinsk basin, such as in type Ba, which is not found in any Mongolia sites. Rather,

Fig. 10. Bronzes from the Burgan and Khovsgol Provincial Museum (4)

Рис. 10. Бронзовые изделия из Провинциальных музеев Бурган и Хубсугул (4)

it is concentrated in the Minusinsk Basin. While type Bb is also scarce in Mongolia, this study found two examples. In addition, four knives of type Bc were recorded. There were no knives of type Bp, which is a characteristic of the Great Wall Region.

Type Bb

No. 1 (**Fig. 8-1; 10-1**) (Khovsgol Provincial Museum) features zigzag patterns that were cast on both sides of the slightly wollen hilt. While they initially seem to protrude, the zigzag lines were actually cast on the same surface as the blade. There are no ornamental patterns

protruding from the blade, which is another characteristic of type B. Such a zigzag pattern is similar to the continuous square pattern (**Fig. 6-1**), which is common in types Bb and Bc. There is a narrow lump slightly off the top of the ring-shaped pommel, which may be a trace of pouring. The boundary between the blade and hilt is clearly delineated by a ridge or projection. The body color is slightly reddish-black.

No. 15 (**Fig. 8-15; 10-15**) (Bulgan Provincial Museum) features a rather deep groove and no expression of the border between the blade and hilt, but can be classified as type Bb based on the outlines of both the whole

Fig. 11. Bronzes from the Burgan and Khovsgol Provincial Museum (5)

Рис. 11. Бронзовые изделия из Провинциальных музеев Бурган и Хубсугул (5)

form and back. The body color is blackish white-gold with no patina. This knife corresponds to figure 6-2 in Volkov's article (Волков, 1967). Type Bb can be dated to the 12th to 11th centuries BC (Matsumoto, 2018).

Type Bc

No. 7 (Fig. 8-7; 11-7) (Khovsgol Provincial Museum) features a nun marked hilt with a square-shaped cross-section. The outline is curved. No pommel was

attached to the head of the handle. The body color is entirely black. On the both sides of the blade, the sharpening lines are clear from the base to the tip of the blade, which is also a characteristic found in some type Bc knives. Similar knives were present in the Dzhidy hoard of Zabaikalie (Гришин, 1981).

No. 3 (Fig. 7-3; 11-3) (Khovsgol Provincial Museum) features a similar overall shape to that seen in No. 7, but the handle is slightly thinner than the ring-shaped pommel. The tip of the blade was broken off. It is somewhat similar to type D3 in regard to some aspects, thus indicating a later manufacturing date than that for No. 7.

No. 18 (Fig. 11-18) (Burgan Provincial Museum) features a similar construction to that of No. 3, with a circular hole at the end of the handle. There is a raised area around the hole on one side, which may have been left behind when the clay model was drilled before making casting molds. There are two circular depressions near the hole, where metal samples may have been taken. The sharpening of the blade is clear, as in other examples of type Bc. There are a number of cast cavities. The body is whitish gold with no patina. Shown in **figure 6-4**, this knife seems to correspond to the example described by Volkov (Волков, 1967).

In **No. 4 (Fig. 8-4; 11-4)** (Khovsgol Provincial Museum), only the hilt remains. Both sides of the hilt feature deep grooves, which are typical of type A. However, owing to the outline of the back and the unclear mold joint marks, it is considered a type Bc example. The ring-shaped pommel is broken at the top, with the broken ends crossed. The overall surface is shiny black without any patina. Although type Bc can usually be dated anywhere from the 11th to 8th centuries BC, Nos. 3 and 18 may be from a slightly later period.

Type D3 originated in the South Siberia or Ural-Altai region before spreading to Mongolia, while types D1 (**Fig. 2-6**) and D2 (**Fig. 2-7**) are unique to the Minusinsk Basin (Matsumoto, 2020). **Type D3 (Fig. 2-8)** features a thin body (inverted triangular cross section of the hilt), while the head of the hilt is often pierced with a small round hole without a pommel.

Literature

- Andersson J.G.** Hunting Magic in the Animal Style // Bulletin of Museum of Far Eastern Antiquities. – 1932. – Vol. 4. – P. 221–317.
- Busanmuseum**, Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, National Museum of Mongolia. The Ancient Culture of Mongolia. – Busan: Busanmuseum, 2009.
- Erdenechuluun P., Erdenebaatar D.** The sword of heaven // “Sunny Mongolia Today” Magazine. – Ulaanbaatar, 2011.

No. 2 (Fig. 7-2; 11-2) (Khovsgol Provincial Museum) features an undecorated hilt with an almost triangular hole at the top. The body is yellowish-black.

No. 13 (Fig. 7-13; 11-13) (Burgan Provincial Museum) features a ring-shaped pommel. Inverted triangular depressions are found just below the pommel on both sides. As in No. 17, there are two circular depressions, which may have been created when collecting metal samples. No. 13 is also shown in Volkov’s report (**Fig. 6-3; Волков, 1967**).

Conclusion

The types of knives reported above seem to show characteristics related to regions of Northern Mongolia, with a large number of A and Bc types and small number of Ba and Bb types. The combination of these types is similar to those from findings in other regions of Mongolia (the Great Wall and south of Mongolia), which is in contrast to the Minusinsk Basin, where the shifts from type Ba to Bb and Bc occurred sequentially. The transformation from the Mongolian Bronze Complex to Late Karasuk Bronze Complex is therefore evident in this region. On the other hand, the presence of type Bb, which is rarely found in other parts of Mongolia, indicates that the Late Karasuk Bronze Complex may have influenced the area at an earlier time, particularly due to its close proximity to South Siberia.

Regional diversity is evident in the emergence of type D3. In Southern Siberia, type Bc was followed by type D1, with types D2 and D3 appearing in the following stage. In both Inner Mongolia and the Great Wall Region, type Bc was displaced by type Bp, which features some Chinese elements from the Central Plain. Type D3 eventually reached these regions around the 6th to 5th centuries BC. No types Bp, D1, or D2 were found during the survey conducted in this study. It is therefore likely that type Bc persisted for a relatively long period of time in Northern Mongolia, while type D3 emerged due to an influx from Southern Siberia. Thus, the metallurgical tradition of Northern Mongolia continued to develop in the greater context of the eastern Eurasian Steppe, including Southern Siberia in the contexts of both the Bronze Age and the Early Iron Age.

- Karlgren B.** Some weapons and tools of the Yin dynasty // Bulletin of Museum of Far Eastern Antiquities. – 1945. – Vol. 17. – P. 101–144.
- Li Dianfu, Jiling-sheng Kulun.** Naimanliangqi Xiajiadian-xiacengwenhuayizhifenbuyuneha // Wenwuziliaoconggan. – 1983. – Vol. 7. – P. 98–114. (in Chin.)
- Matsumoto K.** The development of bronze complexes in Mongolia // Chinese Archaeology. – 2012. – No. 12. – P. 111–134. (in Japan.)
- Matsumoto K.** The Bronze Age in the Eurasian Steppes. – Fukuoka: Kyushu University Press, 2018. (in Japan.)

- Matsumoto K.** The development of Bronze Knives in the Scytho-Siberian cultures // *Chinese Archaeology*. – 2020. – Vol. 20. – P. 119–150. (in Japan.)
- Matsumoto K., Tsend A., Lochin I.** The Bronze Daggers and Knives in the Collection of the South Gobi Museum and the Middle Gobi Museum, and Their Historical Meanings // *Bulletin of the Yokohama Museum of Eurasia Cultures*. – 2019. – No. 7. – P. 23–36. (in Japan.)
- Matsumoto K., Iizuka Y., Suzuki M.** The Northern Bronzes in the Kimura Buzan Collection // *Occasional papers Research Institute for Oriental Cultures Gakushuin University*. – 2021. – Vol. 70. – In press. (in Japan.)
- Miyamoto K.** Bronzes of Outer Mongolia, Research on the Bronze Culture of the Great Wall Region // *Research center for silkroadology*. – 2008. – P. 157–168. (in Japan.)
- Neimenggu wen wu gongzuo-dui.** *Maoqinggoumudi, E'ertuosishi qingtongqi*. Beijing: Wenwu chubanshe, 1986. (in Chin.)
- Tokyo National Museum.** Mounted nomads of Asian steppe: Chinese northern bronzes. – Tokyo, 1997.
- Yang Jianhua, Shao Huiqiu, Pan Ling.** *The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe*. Shnanghai: Shanghai Guji Chubanshe, 2016. (in Chin.)
- Ynag Shaoshun.** *Shanxi Liulin-xian Gaohongfaxian-shangdaitongqi* // *Kaogu*. – 1981. – Vol. 3. – P. 211–212. (in Chin.)
- Zhu Fenghan.** The relationship between the Shang people and the ethnic groups in the northern frontier zone reflected by the Northern-style bronzes unearthed in Yinxi // *Kaoguxuebao*. – 2013. – Vol. 1. – P. 1–28. (in Chin.)
- Волков В.В.** *Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии*. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
- Гришин Ю.С.** Закаменский клад медно-бронзовых изделий из Забайкалья // *СА*. – 1981. – № 1. – С. 282–285.
- Дэвлет М.А.** Памятники скифского времени в северо-восточной Туве // *Первобытная археология Сибири* / Отв. ред. А.М. Мандельштам. – Л.: Наука, 1975. – С. 119–127.
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1983. – 191 с.
- Мацумото К.** Южная Сибири и Монголия в карасукское время // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии* / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – С. 148–153.
- Мацумото К.** Карасукские кинжалы – их происхождение и распространение // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. – 2015. – № 1 (9). – С. 19–34.
- Мацумото К.** Карасукские боевые топоры и клевцы «гэ» // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. – 2017. – № 1 (17). – С. 3–11.
- Членова Н.Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с. (МИА. – № 182).

К. Мацумото¹, А. Ценд², И. Лочин²

¹ *Высшая школа гуманитарных наук, Университет Кюсю (Япония)*

² *Институт археологии, Монгольская академия наук (Монголия)*

ИЗУЧЕНИЕ ОРУДИЙ И ОРУЖИЯ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ИЗ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

В Монголии в последнее время состоялись международные совместные раскопки, направленные на изучение формирования и развития ранних кочевых культур во II–I тыс. до н.э. Эти исследования способствовали значительному прогрессу благодаря анализу обнаруженных в ходе раскопок разнообразных материалов. Однако остаются неясными вопросы, связанные с коллекциями бронзовых изделий этого периода в Монголии. Несмотря на то что корпус таких изделий периодически пополняется сравнительно

большим количеством находок, исследование существующих коллекций имеет решающее значение для изучения взаимосвязей Монголии с другими регионами евразийской степи, включая Южную Сибирь и регион Великой Китайской стены. В данной статье представлены материалы изучения бронзовых изделий, проведенного авторами в Северной Монголии. Обсуждается также место рассматриваемого региона в системе взаимодействий древнего населения восточной части евразийской степи в эпоху бронзы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *евразийская степь, бронзовый век, ранний железный век, ранние кочевые культуры, музейные коллекции, изделия из бронзы, кинжал, нож, боевой топор.*

Д.А. Виноградов

Сибирский федеральный университет (Россия)

ПОСЕЛЕНИЕ ИРКУТСКОЕ В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Введение

Древности в окрестностях Красноярска начали активно изучаться со второй половины XIX в. За это время на территории Красноярской лесостепи было открыто и исследовано немало памятников археологии (Макаров, Вдовин, 2018). Однако обращает на себя внимание неравномерная изученность данной территории: большинство известных стоянок и поселений сосредоточены по берегам р. Енисей, а внутренняя область лесостепи, за исключением долины р. Качи, в настоящее время остается белым пятном. По этой причине с 2016 г. автор проводит систематические обследования центральной части Красноярской лесостепи в долине р. Бузим и его притоков. В рамках этих работ в 2019–2020 гг. проведены раскопки одновременного поселения близ с. Иркутское.

Поселение Иркутское¹ расположено на левом берегу р. Сухой Бузим, в 2 км северо-восточнее одноименной деревни, ниже устья безымянного ручья. Местоположение памятника представляет собой надпойменный террасовидный уступ высотой 10 м от уреза воды, с абсолютными высотными отметками 189–190 м над уровнем моря. Поверхность уступа ровная, покрыта луговой растительностью, отмечены поросшие крапивой остатки русских построек. На территории памятника имеются грабительские ямы «черных копателей».

Памятник открыт отрядом археологической экспедиции Сибирского федерального университета под руководством автора в 2017 г. На краю уступа был заложен шурф, который показал наличие одновременного материала, беспорядочно залегающего в слое мешаной темно-серой гумусированной супеси.

В 2019 г. шурф расширен до раскопа площадью 25 кв.м. Кроме того, для уточнения границ памятника проведено дополнительное обследование, в результате которого в шурфе, расположенном в 25 м

к ЮЗ от раскопа, в подошве слоя темно-серой супеси зафиксировано скопление фрагментов глиняного сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом. В 2020 г. раскоп был расширен на 125 кв.м, охватив площадь второго шурфа.

В результате проведенных работ из выбросов грабительских ям собраны фрагменты керамики и костяной гребень, изучена культуросодержащая толща подерновой темно-серой супеси мощностью 10–45 см, подстилаемая палевым «материковым» суглинком. Культурный слой включал разновременные материалы, в его нижнем уровне отмечены находки залежавшие *in situ*. Несмотря на смешанный характер культурного слоя, полученные материалы морфологически делятся на четкие хронологические группы.

Материалы Нового времени

Наиболее поздние находки памятника относятся к «русскому» периоду. Самой многочисленной категорией находок являются обломки посуды. Всего найдено 332 глиняных черепка серых и бурых оттенков, из них по фрагментам привенчиковой зоны и придонной части определены 11 сосудов. По профилю венчиков выделяется группа горшков и сосудов простой формы. У первой венчик отогнут наружу, образуя область для ухвата, венчик округлый, прямой либо приостренный (**рис. 1-1–1-5**). Вторая группа имеет прямой или слегка вогнутый венчик, округлый или уплощенный в сечении (**рис. 1-6, 1-7**). Дно сосудов плоское, с внешней стороны – песчаная присыпка. На многих черепках присутствует нагар. По сохранившимся технологическим следам установлено, что посуда изготавливалась скульптурной лепкой: ко дну прикреплялись кольца глины, затем сосуд дорабатывался на поворотном столике либо ручном гончарном круге. Подобный способ изготовления сосудов отмечен Г.С. Масловой на этнографических материалах русского населения Восточной Сибири (Маслова, 1962).

Из всей керамики русского времени орнамент имеют только несколько черепков. У двух фрагментов под венчиком – ряд округлых наколов (**рис. 1-7**), на двух фрагментах отмечены прочерченная линия и накол подтреугольной формы, на пяти фрагментах нанесены прочерченные линии (**рис. 1-8**).

¹ В отчете по результатам работ и сборнике «Археологические открытия за 2017 г.» выявленный объект проходил с названием «Стоянка Иркутская-2», при составлении учетной документации в Государственном органе по охране объектов культурного наследия Красноярского края памятник получил название ВОАН «Иркутское. Поселение Иркутское».

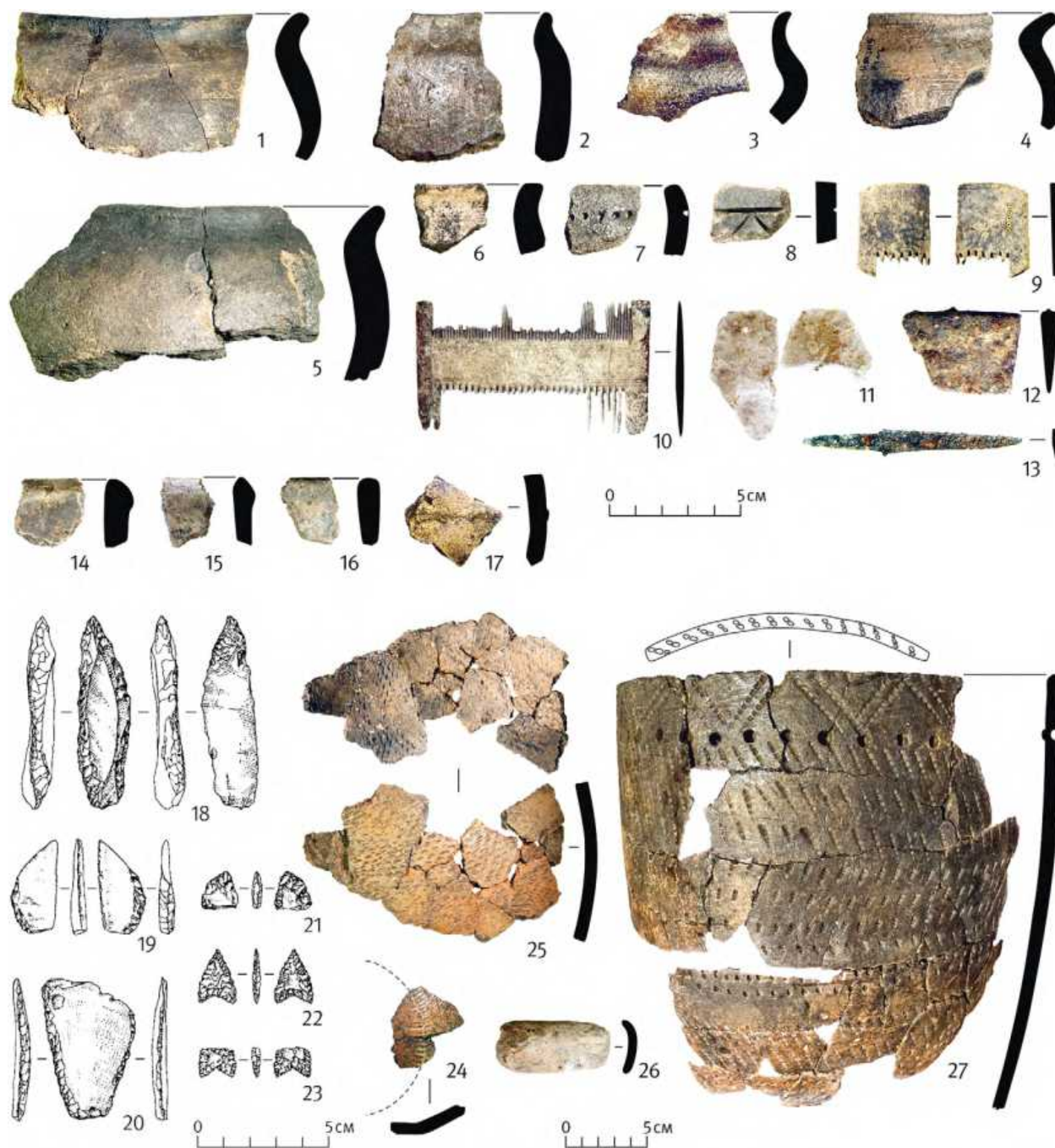

Рис. 1. Поселение Иркутское, Красноярская лесостепь, находки Нового времени (1–13), раннего железного века (14–17) и эпохи бронзы (18–27).

1–8, 14–17, 24, 25, 27 – керамика; 9, 10, 26 – кость; 11 – слюда; 12, 13 – железо; 18–23 – камень

Fig. 1. Irkutskoe settlement, Krasnoyarsk forest-steppe, finds of the New Period (1–13), of the Early Iron Age (14–17) and of the Bronze Age (18–27).

1–8, 14–17, 24, 25, 27 – ceramics; 9, 10, 26 – bone; 11 – mica; 12, 13 – iron; 18–23 – stone

Найденная посуда сопоставима с керамикой первых русских поселений Сибири, схожа она и с материалами из раскопок Красноярского острога (Николаева, 1963, с. 117–118). К сожалению, несмотря на эпизодически проводимые охранно-спасательные работы на территории г. Енисейска и г. Красноярска,

посуда русских первооселенцев этого района является слабо изученной, поэтому невозможно ответить на вопрос, где и когда изготовлялась найденная керамика. На местное (придомовое) производство может косвенно указывать отсутствие клейма на сохранившихся черепках. Ближайшим населенным

пунктом с развитым гончарным промыслом являлось с. Атаманово Сухобузимской волости (Шлихтер, 1915, с. 51).

К русскому времени также относятся два костяных гребня, пять пластинок слюды, железный ножичек и три железных обломка.

Костяные предметы представлены обломком одностороннего гребня и двусторонним гребнем с обломанными зубцами (рис. 1-9, 1-10). Аналогичные гребни найдены при раскопках Красноярского острога (Николаева, 1963, с. 120) и в слое русского времени стоянки Дрокино-2 под Красноярском (Новых, Мехр Киан, 2009, с. 133).

Пластинки слюды (рис. 1-11) сохранились небольшими фрагментами, на одной из них отмечено отверстие. У двух пластинок ровные края образуют тупой угол, по-видимому, пластинки были ромбической или пятиугольной формы и сшивались между собой. Подобные изделия встречены под Красноярском в слое русской деревни на памятнике Дрокино-2 (Там же, с. 132). Известно, что «слюду оконечную» в Красноярском уезде начали добывать с конца XVII в. на берегах р. Посолка, притока Енисея, выше Казачинского порога (Бахрушин, 1959, с. 119). Подобный вид окон был популярен до появления в 1823 г. в окрестностях Красноярска стекольного завода (Степанов, 1835, с. 244).

Изделия из железа (рис. 1-12, 1-13) представлены черешковым ножичком с прямым обушком и левой заточкой лезвия, а также коррозированными обломками: изогнутой пластинкой, фрагментом крючковидного изделия, фрагментом клиновидной железной пластины (ножа?). Исходя из контекста культурного слоя, железные предметы должны относиться к русскому времени.

Также в слое зафиксировано 128 фрагментов костей животных, из них определены косуля (фаланга в анатомической связке) и большое количество костей домашних копытных животных, представленных МРС и КРС, лошадьё и свиньей.²

Помимо этого, в пределах раскопа отмечено 16 ям. Из-за переотложенного состояния почвы часть ям удалось зафиксировать лишь на нижнем уровне. Два параллельных ряда ям округлой и подквадратной формы располагались вдоль края уступа и являлись остатками опорных столбов для изгороди. У некоторых из них отмечен древесный шлейф от упавшего столба, а также округлое заполнение из древесной трухи в центре. Одна из столбовых ям в северном

углу раскопа впущена в более древнюю яму овальной формы, в заполнении которой среди битого кирпича, обломков булыжника, извести и трухи древесины зафиксированы фрагменты дна и стенок гончарного сосуда, пластинки слюды и коррозированный клиновидный обломок железной пластины. Назначение ямы не ясно; также неизвестно назначение одной из ям с древесным заполнением, которая не встраивается в систему изгороди.

Массовое освоение русским населением территории среднего течения р. Бузим стало возможным только во второй четверти XVIII в., после того как качинские князцы увели свои улусы в Хакасию. В результате миграционных процессов, связанных с перераспределением жителей Красноярского уезда и оттоком населения из Енисейского уезда, на освободившихся черноземах Верхнего Бузима в конце 1750-х – 1760-х гг. возникли новые селения, в т.ч. ближайшие к памятнику – деревни Иркутская, Ишимская и Подсопочная (Быкоя, 2015, с. 212–226). Данная местность активно заселялась, в т.ч. по причине прокладки Енисейского тракта вдоль р. Сухой Бузим. Об этом «новом тракте» упоминает Г.Ф. Миллер по итогам своей поездки из Енисейска в Красноярск в 1739 г. (Элерт, 1996, с. 135); этот же путь отражен на карте Красноярского уезда 1798 г., составленной землемером Андреем Сергеевым (Атлас..., 1798).

К сожалению, в доступных источниках не удалось найти информацию о нахождении на месте памятника какого-либо населенного пункта, но, исходя из близкого положения к с. Иркутскому, можно предположить, что здесь располагался выселок размером в несколько дворов. Данный тип сельских поселений распространился в Западной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. в результате укрупнения населенных пунктов (Татарникова, 2015, с. 172). В этой связи необходимо отметить, что в районе Енисейского тракта селились также бывшие сибирские рекруты и отставные нижние чины регулярных сибирских полков, отслужившие свой 25-летний срок к 1761 г. (Быкоя, 2015, с. 220). Вероятно, что дер. Иркутская могла получить свое название от переселенцев из Иркутской губернии.

Таким образом, нижней границей существования русского поселения следует считать вторую половину XVIII в., верхняя граница, судя по находкам в грабительских ямах обломков кирпича, штукатурки, и битого стекла, должна приходиться на начало XX в.

Материалы раннего железного века

Следующая группа находок отнесена к раннему железному веку и представлена 60 фрагментами лепной лощеной керамики (рис. 1-14–1-16).

² Определение фаунистического материала выполнено сотрудником Института земной коры СО РАН (г. Иркутск) канд. геогр. наук А.М. Клементьевым.

По сохранившимся фрагментам выделены: один сосуд с приостренным в сечении венчиком, один – с прямым венчиком и два – с округлым в сечении венчиком и валикообразным утолщением с внешней стороны (к этим же сосудам относятся фрагменты плоского дна). На некоторых черепках отмечены ряды из неглубоких вдавлений.

Данная керамика схожа с посудой из курганов и поселений раннего железного века Красноярского района (Мандрыка, 1998, с. 65–67) и, предположительно, принадлежит к финалу тагарской культуры. К этому же хронологическому периоду можно отнести два фрагмента керамики со следами обмазки (рис. 1-17).

Материалы бронзового века

Артефакты этого периода встречены по всей толще слоя темно-серой супеси. В непотревоженном виде они сохранились в нижнем уровне слоя в южной части раскопа и локальными скоплениями – на остальной его площади. Находки представлены фрагментами двух глиняных сосудов и изделиями из камня и кости.

Фрагменты сосуда № 1 локализованы в границах раскопа 2019 г. на площади около 3×3 м, преимущественно в рассеянном виде на разных уровнях слоя. Отдельные компактные скопления в основании слоя позволяют предположить, что они залежали *in situ*. Всего найдено 170 черепков, из них – три фрагмента дна; толщина стенок составляет 0,6–0,9 см. Сосуд из красноватой ожелезненной глины с обеих сторон оформлен частыми ложнотекстильными оттисками, выполненными прокатом (шишки?) (рис. 1-25), в некоторых местах отмечены частично сохранившиеся округлые отверстия. Дно уплощенное, оформлено гладкой качалкой (рис. 1-24).

В Красноярской лесостепи аналогичная керамика отмечена на стоянках Творогово-2 и Емельяново-3 (Новых, Дроздов, 1991, с. 50). Единичные находки с подобным узором встречены в низовьях р. Ангары (Мандрыка, Сенотрусова, 2019, с. 99). Значительная часть керамики со сплошной орнаментацией ложнотекстильными оттисками происходит с территории Западной Сибири, ее принято относить к крохалеvскому типу памятников (Полосьмак, 1978). Период бытования такой посуды приходится на большую часть первой половины II тыс. до н.э. с возможным удревнением до последней четверти III тыс. до н.э. (Бобров, Марочкин, 2016, с. 111).

Сосуд № 2 зафиксирован компактным скоплением фрагментов, которые лежали друг на друге в несколько слоев. Среди обнаруженных 188 черепков от него отсутствовали обломки от дна; толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,0 см. Реставрированный

сосуд имеет высоту 33 см, диаметр по венчику – 30 см. Форма сосуда открытая, венчик прямой в сечении, вследствие нанесения на венчик гребенчатого штампа, его край слегка отогнут наружу. Внутренняя поверхность сосуда заглажена по окружности гребенчатым орнаментом с прямыми зубцами; на внешней – такие же заглаживания имеют хаотичный характер. Под венчиком нанесен двойной зигзагообразный гребенчатый штамп, ниже – пояс ямок. Остальная часть тулова орнаментирована сопоставленным гребенчатым штампом (в некоторых местах образуя горизонтальную «елочку») и разделяется рядами ямочных вдавлений, выполненных краем гребенчатого орнамента. Узор наносился поверх следов заглаживания (рис. 1-27). Также на сосуде отмечены конические отверстия для сшивания образовавшейся в древности трещины.

Гребенчато-ямочная орнаментальная традиция широко представлена на большей части Западно-Сибирской равнины в период от неолита до позднего Средневековья (Косарев, 1981, с. 53–54). По своей форме и орнаменту сосуд из пос. Иркутское тяготеет к керамике предсузгунского этапа развитого бронзового века (XVI–XIV или XV–XIII вв. до н.э.) (Там же, с. 84–86), а также имеет определенное сходство в орнаментации с керамикой первой группы поселения Самусь IV в Притомье (третья четверть II тыс. до н.э.) (Кирюшин, 2004, с. 32; рис. 31; 32).

Изделия из камня выполнены из кварцитовидного песчаника, роговика и гальки. Они представлены ретушированным остроконечником (рис. 1-18), обломком шлифованного ножа с двусторонней ретушью у одного края (рис. 1-19), ножевидным изделием на отщепе (рис. 1-20), обломком треугольной формы с бифасиальной ретушью (рис. 1-21), двумя пластинками и 47 отщепами. Среди каменного инвентаря присутствуют наконечник стрелы треугольной формы с вогнутым насадом (рис. 1-22) и два обломка аналогичных наконечников: один с сохранившимся основанием (рис. 1-23), второй – в виде фрагмента кромки лезвия. По мнению Н.П. Макарова, подобные наконечники стрел появляются в Красноярском районе в развитом неолите, бытуют в позднем и сменяются в раннем бронзовом веке изделиями листовидной формы (Макаров, 2005). С позднего неолита фиксируются шлифованные ножи (Там же, с. 159).

Стоит также отметить кость крупного копытного со следами обработки, вероятно являвшуюся лоцилом (рис. 1-26).

Большая часть каменных изделий (54%) зафиксирована в рассеянном виде на площади 3×3 м, в одном метре севернее скопления керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией, залегая с ней на одном

уровне. Таким образом, планиграфическая и стратиграфическая позиция этой группы изделий позволяет определить их в один комплекс.

Заключение

В итоге следует заключить, что степень информативности полученных материалов различная. Артефакты русского времени позволяют прийти к выводу, что раскопками была вскрыта окраина деревенского выселка. За время его существования менялись очертания двора, было установлено как минимум две изгороди. В границах этих изгородей отмечено наибольшее смешение археологического материала, что свидетельствует об интенсивной эксплуатации территории распашкой и другими антропогенными действиями. Основные постройки, по-видимому, находились в глубине террасовидного уступа, на это указывают самые значительные по размеру грабительские ямы.

Наименее выразительными являются находки раннего железного века. Полученный керамический материал свидетельствует о присутствии здесь в этот период носителей тагарской культуры.

Список литературы и источников

- Атлас** географический Тобольской губернии. Сочинен в Тобольске при чертежной 1798 г. – Тобольск, 1798. – 114 л. Рукопись // РГИА – Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43, 44.
- Бахрушин С.В.** Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // С.В. Бахрушин. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. – 260 с.
- Бобров В.В.** Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (23–25 марта 1988 г.) / Отв. ред. А.П. Деревянко. – Барнаул: АлтГУ, 1988. – С. 68–71.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г.** Крохалевская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник ТомГУ. Серия: История. – 2016. – № 4 (42). – С. 108–112.
- Быконя Г.Ф.** Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – 2-е изд., доп., осуществленное по первой авторской редакции. – Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – 295 с.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г.** Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // АЭАЕ. – 2011. – № 1 (45). – С. 69–76.

Самыми дискуссионными являются материалы бронзового века. Здесь необходимо отметить, что посуда, аналогичная керамическим комплексам Западной Сибири, не является чем-то новым для окрестностей Красноярска – самые ранние аналогии фиксируются в материалах развитого неолита (Макаров, 2005, с. 157). Из-за слабой изученности этого периода и малой информативности публикаций, посвященных бронзовому веку Красноярской лесостепи, невозможно дать точную культурно-хронологическую привязку полученному материалу. Присутствие на поселении Иркутское в одном слое сосудов с ложнотекстильной и гребенчато-ямочной орнаментацией наводит на мысль об их хронологической близости. В качестве рабочей гипотезы можно определить их бытование в пределах раннего – начала развитого бронзового века. Важным обстоятельством является присутствие на памятнике керамики крохалевского типа, что отодвигает границу ее ареала в лесостепи значительно восточнее, чем предполагалось ранее (см.: Бобров, 1988, с. 70; Ковтун, Марочкин, 2011, с. 73).

- Косарев М. Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Макаров Н.П.** Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.** Археология в Красноярском краеведческом музее. 125 лет истории. – Красноярск: Сибирский федер. ун-т, 2018. – 207 с.
- Мандрыка П.В.** Поселение Ладейское 2 – новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска (к вопросу о времени существования тагарской культуры в Красноярской лесостепи) // Межмузейный научный сборник [Сибирский межмузейный сборник] / Отв. ред. В.И. Парамонова. – Красноярск: Краевой краевед. муз., 1998. – С. 61–71.
- Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О.** Керамические комплексы бронзового века Нижней Ангары: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Мат-лы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рожд. выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред.: А.В. Поляков, Е.С. Ткач. – СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. – С. 98–101.
- Маслова Г.С.** Гончарство русского населения Восточной Сибири // КСИЭ. – 1962. – Вып. XXXVII. – С. 57–73.

- Николаева И.Б.** Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Археология* / Отв. ред. А.Н. Липский. – Красноярск: Красноярская кн. изд-во, 1963. – С. 115–121.
- Новых Л.В., Дроздов Н.И.** Хронология керамических комплексов Красноярского края эпохи неолита и бронзы // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюз. науч. конф. (3–5 апр. 1991 г.)* / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. – С. 47–50.
- Новых Л.В., Мехр Киан Дж.** Археологические материалы русского поселения XVII в. из окрестностей Красноярска // *Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы междунар. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края. Красноярск, 19–21 ноября 2009 г.* – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. – Т. 1. – С. 132–135.
- Полосьмак Н.В.** Керамический комплекс поселения Крохалевка-4 // *Древние культуры Алтая и Западной Сибири* / Отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–40.
- Степанов А.П.** Енисейская губерния. – СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. – Ч. 1.: 276 с.; Ч. 2.: 139 с.
- Татарникова А.И.** Типы сельских земледельческих поселений в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 12 (62). – Ч. IV. – С. 171–174.
- Шлихтер А.Г.** Кустарные промыслы в Енисейской губернии (по данным статистической анкеты). – Красноярск: Енисейская губ. электро-тип., 1915. – 185 с.
- Элерт А.Х.** Сибирь в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.

D.A. Vinogradov

Siberian Federal University (Russia)

IRKUTSKOE SETTLEMENT IN THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

The article discusses the results of excavations of Irkutskoe settlement of different times on the left bank of the Yenisei in the central part of the Krasnoyarsk forest-steppe. As a result of the work carried out, a stratum of dark gray sandy loam was studied, in which materials of the first Russian settlers of the region of the mid-18th – early 20th centuries, and ceramics of the Ear-

ly Iron Age, related to the final of the Tagar culture, were revealed. In the undisturbed lower level of the stratum, materials of the Early and developed Bronze Age were discovered, which allow us to outline a number of questions regarding the cultural-chronological situation in the region at this time.

KEYWORDS: *Central Siberia, Krasnoyarsk forest-steppe, Bronze Age, Early Iron Age, New Period, ceramics, artifacts.*

Этнография и современность

И.Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ХАКАССКИЙ ЭТНОС И ЕГО СЕМЬЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Хакасский этнос: этнические процессы

Состояние современной семьи обусловлено историческим прошлым хакасского этноса и его семьи. Процессы становления, развития, кризиса, вхождения в более крупное объединение, возрождение происходили практически у всех этносов мира. Хакасский этнос не является исключением. Для него характерно общее, присущее этносам поэтапное движение, своеобразие которого проявляется во внутренних процессах.

Внутренняя динамика хакасского этноса формируется за счет закономерных изменений в субэтнических группах. В качестве субэтнических подгрупп хакасского этноса выделяются качинцы, сагайцы, койбалы, кызылыцы, бельтыры, как имеющие специфические черты культуры, осознавшие свою общность, совокупность людей внутри этноса. К началу XX в. их состав был несколько сужен в связи с тем, что «бельтыры в XIX в. растворились среди сагайцев, койбалы – почти полностью ассимилированы качинцами, сохранили самоназвание только в Бейском районе» (Буганаев, 1998, с. 3). Нужно отметить, что субэтноты – явление эволюционное; согласно Ю.В. Бромлею, эволюционность предполагает изменение отдельных компонентов этнической системы (см.: Бромлей, 1983). Одним из важных факторов, определяющих этнические процессы, является вхождение в состав того или иного территориального образования.

В составе территориальных границ государственных образований. Становление хакасского этноса и формирование основных его элементов проходило продолжительное время. В течение длительного периода он находился в территориальных границах различных государственных образований (Потапов, 1957, с. 308):

• III–I вв. до н.э. – северо-западная провинция гуннского государства;

- II–IV вв. – под влиянием сяньбийцев;
- VI–VIII вв. – в Тюркском каганате;
- VIII–IX вв. – в составе Уйгурского каганата;
- IX–XIII вв. – в составе государства енисейских кыргызов;
- XIII–XIV вв. – в составе Монгольской империи;
- XV в. – нет точных сведений;
- конец XVI – XVII в. – в даннической зависимости от княжества Алтын-Ханов (монголов);
- XVIII–XXI вв. – в составе Российского государства.

Этнические процессы. Функционирование этнической общности населения Минусинской котловины в условиях иноэтничного окружения привело к процессам его максимальной интеграции (IX–XIII вв., XVII–XVIII вв.). По представлениям Л.Р. Кызласова, хакасский этнос окончательно сложился к XVIII в., интеграция же хакасского этносообщества, с точки зрения Л.П. Потапова, завершилась в советский период – в начале XX в. (История Хакасии..., 1993).

Современное состояние хакасского этноса можно оценивать двояко: с одной стороны, отмечаются процессы интеграции на основе процессов конвергенции, предполагающих формирование монолитного этноса; с другой, подчеркиваются дезинтегративные моменты, связанные с ассимиляцией субэтнических групп хакасов с другими этнотерриториальными общностями, разрывом связей и отношений между ними, в общем формирующие процесс этнической дивергенции. Следует обратить внимание на наличие противоположных процессов с доминированием консолидации, охватывающих хакасский этнос.

Консолидация хакасского этноса происходит как активное взаимодействие его этнических подразделений, причем в данном процессе субэтноты играют неодинаковую роль. В формировании современного

хакасского этноса значима роль качинского и сагайского субэтносов, менее ощутима – койбальского, кызыльского, особенно в связи с активной ассимиляцией последних русским этносом в XVIII–XIX вв. Доминирование субэтносов внутри этноса выражается в его численном превосходстве над другими элементами, приоритете культурных форм данной родоплеменной группы с определенной формой диалекта, росте браков внутри хакасской национальной группы с ведущим субэтносом и пр. Консолидация народа происходит на основе формирования общего самосознания с общенациональными элементами культуры ведущего субэтноса, что способствует обогащению их духовной жизни.

Процесс консолидации этноса сопровождается процессами кризиса некоторых субэтнических групп. Так, ряд субэтносов на протяжении продолжительного времени были подвержены значительной ассимиляции как со стороны родственных им субэтносов, так иноэтнического элемента. Результатом стало изменение их долевого соотношения и фактическое исчезновение ряда субэтнических групп к началу XXI в. По данным В.П. Кривоногова, в критическом положении на современном этапе находятся койбалы, которые более чем за столетие (1897–2007 гг.) уменьшились в доле соотношении на 0,6%; они составляют наименьшую долю из всех хакасских субэтносов – 2,1%. Подобная ситуация складывается и по кызыльскому субэтносу – сокращение за данный же промежуток времени отмечается на 12,6%; на сегодняшний день доля кызыльцев в общей этнической структуре хакасов составляет 9,7%. В это же время прослежено увеличение долей сагайского субэтноса на 27,9%, в т.ч. пропорции хакасского населения долины р. Матур и Анжуй Таштыпского р-на, которое принадлежит к сагайскому субэтносу, говорящему на шорском диалекте, в доле приросте за век увеличились на 3,0% (Кривоногов, 2011, с. 54; Бутанаев, 1998, с. 3).

Интенсивный процесс межэтнического, субэтнического взаимодействия хакасов проходит на протяжении всего советского и постсоветского периодов начиная с 1920-х гг. Основными консолидирующими факторами субэтнических групп хакасов являются: природно-биологический, проявляющийся в более сильной генетике и географическом положении того или иного субэтноса; политический статус, формирующий привилегированное положение в обществе; характер иноэтнического окружения, зависящий от миграционного элемента в регионе; социально-историческое развитие, оказывающее влияние на смешение внутри этноса (Великая Отечественная война); экономический прогресс, ведущий к росту транспорт-

ных магистралей, промышленных зон, приводящий к внутренней динамике населения; культурная близость субэтносов, способствующая снятию языкового диалектического барьера, особенностей обычаев субэтносов; внутренний фактор, выражающийся в положительном психологическом отношении к соседствующим субэтносам, и пр.

Воздействие определенной комбинации факторов на этнос в ходе истории привело к консолидационным процессам. Нужно отметить, что консолидация этноса происходит в условиях расширяющегося присутствия иноэтнического элемента. За последние 100 лет численность иноэтнического компонента возросла с 16 до 80,1%, в то же время отмечается снижение доли титульного этноса Хакасии с 84 до 12,1% (Кышпанаков, 1998, с. 51; Итоги..., 2013). Ситуация, связанная с состоянием хакасского этноса и возникшая в начале XXI в. (2002–2010 гг.), достойна особого внимания, т.к. как впервые в истории этноса произошло «естественное» снижение его численности с 65,4 до 63,6 тыс. чел. по региону и с 75,6 до 72,9 тыс. чел. по Российской Федерации (Итоги..., 2005; Итоги..., 2013). Данные изменения обусловлены процессом интеграции и поглощения этносов более крупным этнообразованием. Результатом данных процессов являются как социокультурные инновации, так и исчезновение мелких этнических групп.

Таким образом, период формирования основ хакасского этноса приходится на III в. до н.э. – XVII в., окончательное оформление – на XVIII–XX вв. Фазы максимальной его интеграции отмечаются в IX–XIII и XVII–XVIII вв. На сегодняшний день хакасский этнос охвачен противоположными процессами конвергенции и этнической дивергенции. Этническая конвергенция проходит наиболее интенсивно, о чем свидетельствуют субэтнические и межэтнические процессы. Формирование хакасского этноса происходило под влиянием природно-географического, политического, социально-экономического и этнического факторов. Периоды формирования этноса соответствовали определенным этапам развития форм семьи и брака, социальной организации данного института.

Хакасская семья: формы семьи и брака, социальной организации

Хакасскую семью мы рассматриваем в исторических периодах развития этноса. Стоит отметить, что основные фазы развития форм семьи и брака, выделенные М.М. Ковалевским (Ковалевский, 1939), соотносятся с типами социальной организации института семьи (**табл. 1**). В основном они приходятся

Таблица 1. Соотношение исторических периодов развития хакасского этноса и форм социальной организации ее семьи (составлено по: Гумилев, 1992; История Хакасии..., 1993)

Table 1. Correlation of historical periods of development of the Khakass ethnic group and forms of social organization of its family (compiled by Гумилев, 1992; История Хакасии..., 1993)

Исторические периоды (автор)		Формы хозяйствования	Стадии развития форм семьи и брака (М.М. Ковалевский)	Преобладающие формы социальной организации семьи (автор)	Этнические процессы (автор)	Фазы развития этноса (Л.Н. Гумилев)
11	III–I вв. до н.э. – северо-западная провинция гуннского государства; II–IV вв. – под влиянием сяньбийцев; VI–VIII вв. – в составе Тюркского каганата; VIII–IX вв. – в составе Уйгурского каганата	Ручной труд на основе скотоводства, земледелия	Матриархальная, патриархальная	Господство парной семьи, в последующем с I в. н.э. – большесемейной общины, постепенное выделение неразделенной семьи	Этническая фузия	Пассионарный подъем (стадия формирования хакасского этноса)
22	IX–XIII вв. – в составе государства енисейских кыргызов	Ручной труд на основе скотоводства, земледелия	Индивидуальная, патриархальная	Господство малой семьи с X в., функционирование неразделенной семьи и большесемейной общины	Этническая фузия	Этнический подъем (стадия формирования хакасского этноса)
33	XIII–XIV вв. – в составе Монгольской империи; XV в. – нет точных сведений; конец XVI – XVII в. – в даннической зависимости от княжества Алтын-Ханов (монголов); XVIII–XXI вв. – в составе Российского государства	Индустриальный труд	Индивидуальная, патриархальная, с XX в. – неопатриархальная, стремящаяся к эгалитарной	Господство малой семьи, функционирование неразделенной семьи и большесемейной общины вплоть до XX в., с XX в. – сужение форм семьи до одной – малой формы (минимума)	Межэтническая интеграция, этническая консолидация	Надлом пассионарности (стадия окончательного оформления хакасского этноса)

на патриархальный период¹ организации хакасского общества, для которой характерна большесемейная община (I–XX вв.). Исключение составляют первый этап становления этноса, а именно период с III в. до н.э. по I в. н.э. (Абромзон, 1973), когда господствовала матриархальная форма семьи и брака с парным типом организации социального института (Киселев, 1949, с. 33); а также третий этап – период возникновения новой переходной формы семьи и брака в XX в. (неопатриархальной, стремящейся к эгалитарной).

Первый этап развития хакасского этноса (III в. до н.э. – IX в. н.э.) характеризуется переходным этапом от матриархальной к патриархальной форме семьи у хакасов с I в. до н.э., а также динамичной типом семьи. В этот период доминирует боль-

шесемейная община, происходит выделение неразделенной семьи, представлявшей собой два совместно проживающих поколения (женатых мужчин или родителей и нескольких женатых сыновей с детьми) (Угдыжекков, 2003, с. 51–59, 114), ведущих совместное хозяйство на основе межсемейной кооперации (выпас скота, взаимная материальная поддержка, совместное участие в различных обрядах) (Абромзон, 1973). Данные формы организации хакасской семьи, возможно, просуществовали до XIX в., по предположению С.А. Токарева, как подчиненные формы рядом с большой преобладающей малой семьей (Токарев, 1952, с. 124).

Второй этап (IX–XIII вв.) характеризуется становлением и укреплением позиций индивидуальной малой семьи² с X в. при параллельном функционировании иных ее форм (неразделенной семьи и большесемейной общины). Этот период характеризуется

¹ Патриархальная семейная община представляла собой объединение 3–5 поколений родственников по отцовской линии с численностью ее членов в несколько десятков человек, для которой характерно право мужчины на детей и домочадцев, наличие общей собственности.

² Малая семья – объединение родителей и их детей или отдельное проживание семейных пар в одном жилище.

тесным взаимодействием всех типов семей, наличием иерархической структуры соподчинения от малой к большесемейной общине хакасов, доминированием индивидуальной семьи над патриархальной.

Особенностью третьего этапа развития хакасского этноса (XIII – начало XXI в.) является появление в XX в. новой переходной формы семьи и брака – неопатриархальной, где инструментальным лидером выступает супруг, экспрессивным – супруга. Данная форма является предэтапом становления эгалитарной семьи, где предполагается равноправие супругов во всех вопросах семейной жизни.

Список литературы

- Абрамзон С.М.** Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья, Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологический сборник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 287–305.
- Бромлей Ю.В.** Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Бутанаев В.Я.** Этническая культура хакасов: учеб. пособие. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1998. – 317 с.
- Гумилёв Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. – М.: ДИКАРТ, 1992. – 456 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.** / Отв. ред. Л.Р. Кызласов. – М.: Восточная литература, 1993. – 523 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.:** в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. – М.: Статистика России, 2005. – Т. 4: Владение языками (кроме русского) населением отдельных национальностей по Республике Хакасия. – URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39103> (дата обращения: 17.03.2021 г.).
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.:** в 11 т. / Федер. служба гос. статистики. – М.: Статистика России, 2013. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по

В целом, реконструкция исторической динамики позволила выделить три этапа в развитии хакасского этноса и его семьи. Каждый этап характеризуется изменением форм хозяйствования этносообщества, этнического окружения и расселения хакасов, что повлекло за собой смену фаз развития этноса и его семьи. Отмечены качественные изменения семейной организации этносообщества – стремление большой семьи к малой форме, равноправию в брачно-семейных отношениях. Данные перемены были обусловлены различного рода факторами, в т.ч. изменениями менталитета.

субъектам РФ. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html (дата обращения: 17.03.2021 г.).

- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 642 с. (МИА. – Вып. 9).
- Ковалевский М.М.** Очерк происхождения и развития семьи и собственности / Пер. с франц. С.П. Моравского; под ред., с предисл. и прим. проф. М.О. Косвена. – М.: Соцэкгис (Ленинград), 1939. – 188 с.
- Кривоногов В.П.** Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. – 249 с.
- Кышпанакоев В.А.** Национальный состав населения Хакасии в XX в. // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития / Отв. ред. Г.Г. Котожеков. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1998. – С. 50–54.
- Потапов Л.П.** Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1957. – 307 с.
- Токарев С.А.** Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Вып. 1. – С. 108–141. (Тр. Ин-та этнографии. – Т. XVIII).
- Угдыжеков С.А.** Социальная структура раннесредневековых кыргызов. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 168 с.

I.N. Troshkina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Russia)

KHAKASS ETHNIC GROUP AND ITS FAMILY: RECONSTRUCTION OF HISTORICAL DYNAMICS

The reconstruction of the historical dynamics allowed us to distinguish three stages in the development of the Khakass ethnic group and its family. Each stage is characterized by a change in the forms of management of the ethnic community, the ethnic environment and the settlement of the Khakass, which led to a change in the

phases of the development of the ethnic group and its family. Qualitative changes in the family organization of the ethnic community were noted – the desire of a large family for a small form, equality in marriage and family relations. These changes were caused by various factors, including mental shifts.

KEYWORDS: *Khakass ethnic group, family, historical dynamics, reconstruction.*

М.П. Чебодаева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ИСТОКИ ХАКАССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ

Истоки хакасской народной вышивки восходят к тагарской культуре скифского периода, расцвет которой приходится на VII–III вв. до н.э. Это был один из наиболее интересных и богатых периодов в истории Хакасии, переход от эпохи бронзы к железному веку, период кочевых племен, между которыми от Причерноморья до Центральной Азии существовали тесные культурные связи. Раскопки курганов тагарской культуры обогатили музейные коллекции замечательными по своей художественной цельности и выразительности произведениями «скифо-тагарского звериного стиля». Тагарское декоративно-прикладное искусство достигло больших успехов в изготовлении керамики, художественной обработке дерева, кожи, кости, металла и в вышивке.

В период бытования тагарской культуры значительного развития достигло скотоводство. Благодаря этому население было обеспечено продуктами питания, но также имело материалы для изготовления различного рода декоративных изделий, особенно для шитья одежды. Широко использовались «тагарцами» шкуры животных, получаемые от скотоводства и охоты, из которых они выделяли различные кожаные изделия: чехлы (иногда с вышитым орнаментом) для ножей, шильев, зеркал и т.д.; колчаны для стрел; ремешки для привязывания различных предметов. Кожа употреблялась «тагарцами», вероятно, и для изготовления некоторых частей одежды: ее остатки вместе с бляхами обнаружены в погребениях. Техника изготовления кожи пока не выяснена. Кожаные и меховые изделия шили, судя по небольшой величине проколов, сравнительно тонкими иглами, применяя сухожильные нити. Такие нити встречены на всех шитых кожаных изделиях тагарской культуры. Это обстоятельство вполне понятно, т.к. для скрепления шкур и кожи требуются очень прочные нити, а наилучшими из них были сухожильные.

В 1963 г. был найден единственный сохранившийся в настоящее время образец вышивки тагарского искусства: в самом большом кургане из исследованных в те годы Красноярской археологической экспедицией в составе М.П. Грязнова и М.Н. Пшеницыной на оз. Сарагаш (Богградский р-н Хакасской автономной области) в могиле юноши 14–15 лет у пояса справа находились бронзовые нож и кинжал в кожаном чехле, а слева – бронзовое зеркало с ос-

татками кожаного футляра и чекан (см.: Грязнов, 1965, с. 70). На кожаном чехле сделана вышивка с мотивом орнамента «мировое дерево», выполненная в технике тамбура. Обычно фоном для вышивок служила гладкая ткань, но здесь вышивка была выполнена по коже.

Большинство дошедших до нас древних вышивок, включая из Сарагаша, выполнены тамбурным швом. Эта техника вышивки в древности была широко распространена в античном мире, на Ближнем Востоке и в Китае. Изучением хуннских вышивок из Ноин-Ула (Монголия) много лет занимался научный сотрудник Государственного Эрмитажа Е.И. Лубо-Лесниченко. Ученый выделил три древних способа тамбурного шва, обозначенных как А, Б и В: «Вариант А представляет собой классический тамбурный шов. Как видно из схемы, игла с нитью выходит из точки *a*, сделав петлю, в точке *b* уходит в обратную сторону ткани и в точке *c*, закрепляя петлю, снова выходит на поверхность. Отличие варианта Б состоит в том, что игла, проходя в правой части петли через нить, делит ее надвое, поэтому раздвоенная нить покрывает большую площадь. При варианте В нить на поверхности ткани, как и при варианте Б, разделяется надвое, игла выходит на поверхность в точке *c*, очень близко к точке *b*. Особенность варианта В состоит в том, что на обратной стороне ткани почти не видно следов вышивки. Этим достигается эффект высокого художественного исполнения вышивки и, кроме того, экономится нить, бесполезно расходуемая на обороте вышивки при вариантах А и В» (Лубо-Лесниченко, 1994, с. 138).

На кожаных ножнах из Сарагаша был вышит орнамент с мотивом «мировое дерево». Образ «мирового древа» занимает важное место в религиозном сознании, мифологии и изобразительном искусстве тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии. Пережитки культа дерева, восходящего к глубокой древности, сохранились у всех народов Саяно-Алтая.

Культ дерева традиционно сохранился у хакасов – в их фольклоре, обычаях и прикладном искусстве. Эта древняя традиция сохранилась до наших дней. Известно также, что у каждого хакасского рода (сеока) было свое родовое дерево. Например, лиственница – у хакасских сеоков (Таг Харга, Суг Харга, Хобый, Ах Хасха и т.д.), береза – у сеоков (Ах Пильтир,

Шор и т.д.), сосна у сеоков (Хобьй, Хый и т.д.) и др. В 1973 г. томский этнограф М.С. Усманова сделала важный вывод по мировоззрению хакасов, связанный с деревом: «Оказалось, что они осознают принадлежность не только к тому или иному сеоку, но и к особому сообществу людей, имеющих общее дерево рода: лиственницу, березу, сосну и т.д. Северные хакасы (кызыльцы и качинцы) считают такое дерево своей "чулой" (душой), и это, видимо не случайно, потому что как у северных, так и у южных хакасов с деревом рода было связано благополучие, здоровье и жизнь человека. Южные хакасы в настоящее время не осознают непосредственной связи между деревом сеока и категорий души "чула"» (Усманова, 1980, с. 100).

Самое широкое распространение мотив орнамента «мировое дерево» получил в хакасской народной вышивке. Хакасские вышивальщицы украшали им вышивку на спинках женских праздничных шуб (койбалы, качинцы), сикпенах (качинцы) и сигидеках (качинцы), обшлагах и воротнике женского платья (качинцы), на женских и мужских рукавицах (качинцы), мужской обуви и кисетах. Вышивка делалась по определенному канону с сохранением строго традиционных форм узора. Орнаментальные мотивы, украшающие вышивку, сводились к сильно стилизованным элементам растительных очертаний, нередко напоминающих по своей форме растительные побеги.

Другая категория мотивов «мирового дерева» – имитация деревьев – представлена в хакасском орнаменте полнее. Во всех остальных случаях символы деревьев составляют трехчастную композицию с выделением центрального дерева. Материалы орнамента дают возможность проследить процесс замены в вышивке изображений деревьев в растительные мотивы, исчезают корни, появляется трилистник или пятилистник на вершине, ветви превращаются в зигзагообразные и рогаобразные элементы. Если принять, что вертикальная прямая с отходящими от нее симметрично рогаобразными элементами – «мотив дерева», то мы имеем чрезвычайно широкую популяризацию в хакасской вышивке орнаментальных мотивов, в основе которых лежит символика «мирового дерева».

Мотив орнамента «мирового дерева» у хакасов – изобразительный след двух широко распространенных в язычестве культов: Земли-Матери (у хакасов – это богиня Умай) и деревьев. Еще со времен язычества плодородящая сила земли олицетворялась в образе женского божества Умай, столь же древним является ее символическое изображение в виде раз-

личных форм растительности. Также изображалось и священное «дерево жизни» – источник жизненной силы и символ плодородия. Эти два образа почитания и благоговения предков хакасов получили в декоративно-прикладном искусстве единый условный изобразительный знак – «мировое дерево». «Мотив дерева» в вышивке является стержнем трехчастной композиции, сюжетный смысл которой некогда мог означать сцену поклонения женскому божеству Умай или дереву.

Другим древним сохранившимся образцом хакасской народной вышивки стал фрагмент шелковой одежды с вышивкой из богатого качинского захоронения, обнаруженный в 1927 г. археологом С.А. Теплоуховым на могильнике Часовенная гора под Красноярском (Теплоухов, 1929). Данный образец датируется средневековой аскизской культурой XII–XIII вв., который в истории Хакасии был связан с периодом монгольского нашествия и в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже (рис. 1).

Остатки шелковой одежды, найденные в 1925 г. А.Н. Глуховым в могиле мужчины (№ 14) и в могиле женщины (№ 17) на могильнике Кудыргэ (Руденко, Глухов, 1927), позднее были описаны в книге А.А. Гавриловой, сами комплексы отнесены к часоуенногорскому типу позднекочевнических погребений Алтая монгольского времени. Она подробно описала состав предметов, найденных в обоих могильниках, а также указала, что остатки одежды из шелковых тканей были сшиты из тканей двух сортов – тафты и камчатной ткани (Гаврилова, 1965).

Несмотря на широкую известность и эталонное значение памятника, материалы Часовенной горы в полном объеме до настоящего времени не опубликованы. В коллекции находок из часоуенногорских могил, хранящихся в Государственном Эрмитаже (коллекция 1931), находится серия вещей, связь которых с конкретными погребениями не установлена, среди них – фрагменты вышивки на шелковой ткани. В могилах обнаружены остатки шелковой одежды с вышивкой растительного орнамента, выполненная в технике глади. Вышивка вызывает несомненный интерес, на ней древняя мастерица в технике глади вышила мотив растительного орнамента с цветами и листьями. Употребляемые нити на вышивке золотисто-желтого, зеленого и коричневого цветов. В результате лицевая сторона ткани выполнена в технике глади, а на оборотной стороне остались лишь маленькие стежки, которые, сливаясь с оборотной стороной, становятся практически невидимыми.

Рис. 1. Фрагмент вышивки на одежде енисейского кыргыза (?). XII–XIII вв. Шелк, гладь. Раскопки 1925 г. на могильнике Часовенная гора под Красноярском С.А. Теплоухова. Государственный Эрмитаж

Fig. 1. A fragment of embroidery on the clothes of the Yenisei Kyrgyz (?). 12th–13th centuries. Silk, smooth surface. Excavations in 1925 in the Chasovennaya Gora cemetery near Krasnoyarsk by S.A. Teploukhov. The State Hermitage Museum

Вышивка гладью как элемент украшения появилась еще в древности. Таким способом женщины и девушки создавали уникальные узоры и орнаменты, украшая свою праздничную и повседневную одежду. Научившись вышивать гладью, древние мастерицы создавали поистине потрясающие шедевры с многообразием цвета и тонкими тональными переходами.

Район Красноярска и горы Часовенная исторически принадлежали к местам проживания этнической группы хакасов – качинцев. Здесь в бассейне сравнительно небольшой речки Качи располагались кочевья качинцев. Очевидно, степь на Красном яру в ее устье и была центром «Качинской земли», т.к. строитель Красноярского острога атаман Дубенский прямо указывал, что «Красный яр» там же, «что и качинская земля», а «прозвал то место Красным яром» он сам. В 1960 г. красноярский ис-

следователь В.К. Карцов писал: «Здесь, вероятно, уже в XIII–XIV вв. сложился какой-то феодальный центр, о чем говорит открытое С.А. Теплоуховым на Часовенной горе (над Красным яром) богатое княжеское погребение кочевника этого времени, содержащее серебряную посуду, шелковую одежду, дорогое конское убранство, оружие и прочее» (Карцов, 1960, с. 83).

О внешних связях населения Южной Сибири в VI–XI вв. свидетельствуют археологические материалы. Большая часть этого материала иллюстрирует связи енисейских кыргызов с Танской империей. Прежде всего, это бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. Значительную часть привозных вещей из Китая составляли шерстяные и шелковые художественные ткани (полихромные газовые и камчатные шелковые ткани). В обмен

на эти предметы роскоши от енисейских кыргызов в Китай шел мускус, получаемый из рогов кабарги, меха, а также деревья тополь и халадж, как и высоко ценимые на Ближнем Востоке бивни мамонта.

Как известно, в государстве енисейских кыргызов, сложившемся в VI–XII вв., высокого развития достигла внешняя торговля с Танским Китаем. В это время существовал Великий Шелковый путь, который связывал страны Европы со странами Востока. По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко (1994), в Центральной Азии существовало два пути – «уйгурский» и «киргизский», которые связали страны Азии с Танской империей в Китае. «Киргизский путь» шел из Турфана через Джунгарию в предгорья Монгольского Алтая и далее – через перевал Кемиз-арт и через Туву – к Минусинской котловине. По «киргизскому пути» происходила интенсивная торговля государства енисейских кыргызов с оазисом Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. Как пишет китайская летопись «Таншу», кыргызы «всегда имели близкие отношения с Даши, тибетцами (Туфань) и карлуками (галолу). Тибетцы при поездках к киргизам боялись грабежей со стороны уйгур (Хуйху) и непременно брали с собой для сопровождения карлуков. Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года» (Материалы..., 1989, с. 6).

В этой связи вызывают интерес упомянутые выше материалы могильника Часовенная гора, которые в работе С.А. Теплоухова были отнесены к XII–XIV вв. Однако из большого количества найденных здесь предметов в таблицу публикации вошли толь-

ко серебряные изделия (кубок, ковш, накладки седла), золотая серьга, а также железные наконечники стрел, но без указания могил, из которых они происходят (Теплоухов, 1929, табл. II-63–II-67; рис. 14-1–14-4). Петербургский археолог Д.Г. Савинов, изучая этот археологический памятник, сделал важный вывод, что: «В целом, могильник Часовенная гора – это небольшое семейное (?) кладбище явно привилегированной группы населения, где каждому из погребенных были предназначены комплекты конской упряжи и соответствующие их социальному положению другие предметы сопроводительного инвентаря. Обращает на себя внимание, что вещи новых для Южной Сибири форм (кубок, ковш, серьги, щеточка) находились в женском погребении, а вещи, связанные с кыргызской культурной традицией, – в мужском, что может рассматриваться как косвенное свидетельство их различной этнической принадлежности» (Савинов, 1990, с. 118).

Таким образом, предметы с вышивкой по коже и шелковой ткани, обнаруженные в археологических памятниках около оз. Сарагаш Богградского р-на Хакасии, датируемые временем существования тагарской культуры, и фрагменты вышивки с Часовенной горы под Красноярском периода существования аскизской культуры являются образцами древнего декоративного-прикладного искусства Хакасии. Данные изделия – наиболее ранние артефакты, обнаруженные в Хакаско-Минусинской котловине, которые в исторической перспективе оказали влияние на развитие техники вышивки по коже и ткани у хакасов. Техники вышивки тамбуром и гладью и мотив орнамента «мировое дерево» стали традиционными в народных вышивках хакасов.

Список литературы

- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 145 с.
- Грязнов М.П.** Работы Красноярской экспедиции // Важнейшие археологические открытия 1960–1963 гг. / Отв. ред. Т.С. Пассек. – М.: Наука, 1965. – С. 62–71. (КСИА. – Вып. 100).
- Карцов В.Г.** Из истории красноярских качинцев и аринцев // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1960. – Вып. VIII. – С. 78–92.
- Лубо-Лесниченко Е.И.** Китай на Шелковом пути: Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М.: Наука, 1994. – 325 с. (Культура народов Востока. Материалы и исследования).
- Материалы** по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В.А. Ромодин. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1. – 280 с.

- Руденко С.И., Глухов А.Н.** Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л.: Издание гос. Русского музея, 1927. – Т. III, вып. 2. – С. 37–52.
- Савинов Д.Г.** Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: б. и., 1990. С. 114–131.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л.: Издание гос. Русского музея, 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.
- Усманова М.С.** Дерево в традиционных представлениях хакасов // Вопросы этнокультурной истории Сибири / Отв. ред. В.М. Кулемзин. – Томск: Изд-во ТомГУ, 1980. – С. 100–106.

M.P. Chebodaeva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Russia)

ORIGINS OF KHAKASS FOLK EMBROIDERY

The article examines the origins of Khakass folk embroidery on leather, which lie in the Tagar archaeological culture of the Khakass-Minusinsk Basin. In the period of the Tagar culture, the motif of the “world tree” ornament was born, which became popular in the 19th–20th centuries for embroidery on traditional costumes, tobacco pouches, mittens, shoes, especially among ethnic groups of the Khakass – the Kachins and the Koibals. In the famous archaeological excavations on the Chasovennaya

Gora cemetery near Krasnoyarsk, fragments of Chinese silk fabric with embroidery of plant ornaments, made in the technique of smooth surface, were found. Silk fabrics were brought to the Khakass-Minusinsk Basin along the famous “Kyrgyz way”, described in scientific literature by famous scientist E.I. Lubo-Lesnichenko. This technique of “Kyrgyz embroiderers” was also used in the Khakass’ folk embroidery to decorate women’s fur coats, sikipens and dresses in the 19th–20th centuries and to the present.

KEYWORDS: *Khakass-Minusinsk Basin, archaeological excavations, fragments of Chinese silk fabric, Khakass folk embroidery, “world tree” ornament.*

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет (Россия)

О ПОЧИТАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В МОНГОЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.)

Использование сооружений, оставленных иноплеменниками или предшественниками, для удовлетворения религиозных и утилитарных потребностей существовало в разные периоды истории Центральной Азии (Тишкин, Шелепова, 2014). Впускные погребения демонстрируют определенное отношение к памятникам инородцев или свидетельствуют об использовании объектов как удобных мест для собственных захоронений. Зафиксированы многочисленные примеры переоформления изваяний. В скифо-сакское время «оленные» камни широко применялись как удобный строительный материал при сооружении курганов и различных ритуальных конструкций (Шелепова, 2011). В других случаях обелиски преднамеренно разбивались, устанавливались в перевернутом положении и т.д., что демонстрировало факт надругательства над традициями со стороны враждебных групп населения. При этом отдельные «оленные» камни являлись переоформленными изваяниями, изготовленными еще в эпоху бронзы.

В тюркское время окуневские стелы, «оленные» камни, обломки камней с петроглифами эпохи бронзы и скифо-сакского времени служили удобными заготовками для изваяний, балбалов, стенок ритуальных оградок. В то же время сами тюркские изваяния подверглись значительному воздействию природно-климатических и антропогенных факторов, становясь объектом почитания местных этносов.

К настоящему времени только на Алтае и в Монголии найдено в общей сложности около тысячи тюркских скульптур (Кубарев, Кубарев, 2013, с. 6–7). В путевых заметках и отчетах XIX в. содержится краткая и развернутая информация о почитании изваяний и отношении к другим археологическим объектам. В.В. Радлов (1896, с. 24–26) писал, что коренные жители Алтая и Западной Монголии смазывают изваяния жиром и таким образом проводят своеобразный ритуал «кормления». Вокруг скульптур размещались специальные ограждения, на изваяния повязывались ленточки. В 1876 г. в ходе монгольской экспедиции Г.Н. Потанин нашел изваяние близ оз. Даян-нуур (Монгольский Алтай). Вокруг скульптуры был сооружен специальный деревянный сруб, а на ее шее повязаны ленточки (яламы) (Потанин,

1881, с. 72–73, фиг. 34). Более столетия спустя В.Д. Кубарев (2004, с. 112) вновь задокументировал это изваяние. Деревянной конструкции уже не было, но отмечены другие элементы. Например, хорошо сохранились следы краски на губах, а также остатки жира или масла на правом плече изваяния (Кубарев, Цэвээндорж, 2000, с. 53, 55), т.е. скульптура продолжала почитаться уже другими поколениями жителей Западной Монголии. Раскраска губ, как считал В.Д. Кубарев (2004, с. 112), могла встречаться и на других тюркских изваяниях.

Одно из сакрализованных тюркских изваяний отметил также Д.А. Клеменц недалеко от г. Улангома. Над камнем была выстроена глинобитная избушка, и весь он увешан лоскутами (Шелепова, 2013, с. 94). Об изваянии писал ранее Г.Н. Потанин со слов местных жителей, а в 20-е гг. XX в. оно продолжало почитаться дербетами из окрестностей г. Улангома (Бакаева, 2014, с. 9). Судя по всему, именно это изваяние в 2000-е гг. зафиксировано целым рядом экспедиций под именем «Цааган Хушо» (Борисенко и др., 2000; Кимеев и др., 2012; Бакаева, 2014). Согласно этнографическим наблюдениям, жители Убсунурского аймака обращаются к подобным почитаемым изваяниям по определенным поводам, например во время скачек праздника Надом (Кимеев и др., 2012, с. 51). На шею изваяний подвешиваются ходаги, сами фигуры натираются жиром.

Финский ученый И.-Р. Аспелин в ходе поездки на Алтай в 1887–1889 гг. писал о смазанной жиром и разрисованной скульптуре из гранита (?), вокруг которой возведено обо. Перед изваянием стоял ящик и разрушенный деревянный постамент. И.-Р. Аспелин предполагал, что он построен шаманами, вероятно, с религиозными целями и украшен орнаментом. Лицом скульптура была обращена на северо-восток к низкому холму, у подножия которого она находилась, закопанная по пояс (Тишкин, Шелепова, 2013, с. 267).

Побывавший в Монголии и Туве в 1910–1911 гг. английский исследователь А.Д. Каррутерс обратил внимание на местные особенности отношения к памятникам археологии. Население Южной Сибири обращается с изваяниями как со священными релик-

виями, обвешивает лентами и пр. В Урянхайской земле (Тува) достойными жертвоприношений считаются только те каменные изваяния, которые приносят добро, а вот в Монголии к ним относятся индифферентно (Каррутерс, 1914, с. 59–60).

Неоднозначное восприятие изваяний отмечал А.В. Адрианов в Западном Алтае. Одна из скульптур лежала в куче навоза, в связи с чем ее пришлось срочно вывезти в целях сохранения (Адрианов, 1916, с. 82). Вместе с тем встречались изваяния, пользовавшиеся особым почитанием у местных жителей. Некоторые из них якобы «...обнесены большими балаганами из хвороста <...> где совершаются моления» (Адрианов, 1916, с. 90).

Многие путешественники писали об устойчивой традиции сакрализации средневековых объектов из долины Орхона. Согласно Н.М. Ядринцеву, «...монголы относятся к этим древним памятникам, как видно, с уважением, что обнаруживается из поставленных корытцев, камешков, обо, раскиданных около фигур и около львов, а также из следов прикосновения. Монголы трутся около камней до того, что они шлифуются» (Ядринцев, 1892, с. 105). Французский исследователь Э.А. де Лакост, побывавший на Хошо-Цайдаме в 1909 г., рассказал об интересном обряде современного почитания объектов комплекса. Цилиндрическое отверстие в гранитном кубе местные жители наполняют водой и купают в нем больного, надеясь получить исцеление (Lacoste, 1911, р. 83). В настоящее время тюркские мемориальные комплексы из долины Орхона монголы продолжают почитать как священные. Для них используется такое понятие, как «Улхын булан» – священное место (Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 14).

Любопытные сведения, связанные с сакрализацией средневековых изваяний, собрал П.К. Козлов во время путешествия в Монголию в 1925 г. В Центральном Хангае, по Онгин-голу он обнаружил две средневековые скульптуры. Одна из них – женская гранитная фигура без головы, которая лежала отдельно и была украшена двумя хадаками. Перед головой скульптуры стояла медная чашечка для разжигания масла. Вокруг другой – «Цаган-ушхай» («добрая старуха») – монголы соорудили небольшую кумирню (Козлов, 1949, с. 124–125). Интересно, что изваяние было «одето» в буддийские одежды и соответствующим образом почиталось. В 1987 г. монгольский археолог Д. Баяр (2013, с. 222) осмотрел данное изваяние, обнаружив, что некоторые элементы комплекса утрачены.

Возле других изваяний в Монголии исследователи также находили обо и конструкции типа святилищ. В.Д. Кубарев (2004, с. 114) сообщал об одной из

таких скульптур – над ней еще в XVIII в. был построен храм, службу в котором несли ламы.

Наряду с отмеченными примерами известны случаи десакрализации объектов наследия. Стела с надписями вместе с изваяниями баранов, скульптурами волков и каменным сосудом из комплекса тюркского времени на горе Шивэт-Улан в 1950-е гг. использовались в буддийском храме. В частности, стела служила молитвенным столом, а в настоящее время она установлена в буддийском храме Хайрханского сомона (Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, с. 71).

Двойственное отношение отмечено и по другим памятникам археологии. В целом исследователи отмечают, что у различных народов Центральной Азии существовала устойчивая традиция отождествления курганов и могильников с духами предков и их сакрализация, по крайней мере с XIX в. (Бурнаков, 2014; Кубарев, Кубарев, 2013, с. 14–15). В то же время зафиксированы свои особенности для отдельных территорий. Путешественники отмечали факты грабительских раскопок монгольских курганов (Клеменц, 1896, с. 47, 49). О таком же случае упоминал и Н.М. Ядринцев во время своей знаменитой поездки в Монголию в 1889 г. Монголы «разрыли» один из херексуров на левом берегу Толы в надежде найти богатство (Ядринцев, 1892, с. 64). В этом плане интересны показания Г.Н. Потанина, который записал легенду о происхождении курганов-херексуров у монголов халха. Соорудили их люди-великаны древности. По другой легенде, под херексурами и каменными бабами скрыто имущество людей древности; херексуры появились в результате войны. Интерпретация легенд варьировалась у разных монгольских народов. Однако, как писал Г.Н. Потанин (1881, с. 47–48), херексуры не пользуются почитанием монгольского населения.

Экспедиторы XIX в. находили на херексурах современные культовые постройки типа обо (Позднеев, 1879, л. 70б.). Это своеобразный полифункциональный знак, маркер родовой или этнической территории, который представляет собой одновременно святилище и жертву (Нанзатов и др., 2008, с. 191). Обо связаны с почитанием хозяина места и обычно встречаются на перевалах, у священных гор и озер (Вайнштейн, 1991, с. 235), в местах, опасных для жизни. Сейчас ясно, что существуют различные варианты оформления таких искусственных сооружений (Шерстова, 2010, с. 217), но правила «обращения» с ними, в общем-то, схожие. Традиция предписывает каждому проезжающему мимо обо путнику положить на него «свой» камень, какой-либо предмет, кусочки пищи, повязать священную ленту

на шести, воткнутые в грудку камней, обойти ее троекратно и т.д.

Обо на могильнике близ Улангома видел Д.А. Клеменц во время путешествия 1895 г. Ученый сделал фотоснимок привлекшего его внимание объекта (Шелепова, 2013). Оказалось, что у местного населения существовали легенды, связанные с этими культовыми знаками. В предварительном отчете об экспедиции в долину Орхона Д.А. Клеменц (1892, с. 2–3) писал о громадном обо 4–5 сажен вышиной, которое якобы состояло из снесенных из разных мест камней (вероятно, могли использоваться и камни с курганов), а появилось оно по приказанию Чингисхана. В настоящее время в Монголии по-прежнему сооружают обо, используя камни с курганов (Кимев, 2011, с. 15).

Путешественники прошлого столетия удивлялись интересному феномену сакрализации или утилитарного использования археологических объектов и пытались найти ему объяснение, расспрашивая местных жителей и привлекая другие источники.

На современном этапе археологи и этнографы продолжают отмечать различные аспекты отношения к изваяниям, курганам и древним святилищам (Ерохина, 2020; и др.). Нередко изваяния внушают боязнь и страх. Известен такой случай в Западной Монголии. Тюркское изваяние нашли шоферы, привезли во двор автобазы и, смеясь, надели на него шапку. После этого ни стали попадать в неприятности. Впоследствии изваяние попытались вернуть, но не смогли найти его первоначальное местонахождение (Мунхбаяр и др., 2012, с. 208).

О трепетном отношении к отдельным тюркским изваяниям в Туве в научной литературе упоминалось неоднократно. Скульптуры охраняются от разрушения и уничтожения; их перемещают в безопасное место, укрепляют и пр. (Леус, 2000, с. 227–228; Куулар, 2018). Почитание изваяний объясняется тем, что они символизируют маркер сакральной территории и предка (Бакаева, 2014, с. 17). Есть поверье, что некоторые камни избавляют от болезней и недугов (Тугужекова, 2009, с. 104), а другие просто внушают страх (Куулар, 2018, с. 219). Однако имеется и такой аспект отношения к скульптурам, как уничтожение изваяния. Согласно тувинскому эпосу это приравнивается к богатырскому подвигу (Дыртук-оол, 2013, с. 121).

Реалистичным и крупным скульптурам народы Центральной Азии давали имена, они становились частью фольклора, включались в легенды и мифы или стимулировали их появление. Таких случаев немало. Знаменитое изваяние «Кезер» с Алтая, экспонирующееся сейчас в Национальном музее

имени А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск), известно под таким именем с конца XIX в. Однако в 1970-е гг. из-за угрозы уничтожения скульптура была вывезена в музей.

На Алтае почитание искусно выполненных изваяний фиксировалось в разное время. В.Д. Кубарев (2004, с. 114) отмечал обо возле изваяния «Акташ». Есть и другие примеры. Однако значительная масса антропоморфных и стеловидных обелисков, судя по информации из сводных каталогов, была найдена лежащими, смещенными с места первоначальной установки (в ходе сельхозработ), иногда со следами преднамеренных повреждений (Кубарев, 1984; Кубарев, Кубарев, 2013). Судьба многих скульптур, зафиксированных на Алтае в XIX – первой половине XX в., в т.ч. экспедициями М.П. Грязнова и Л.А. Евтюховой, неизвестна.

Также несомненно, что места, ранее наделенные иерофанией, продолжают сохранять свой сакральный статус. Культовые объекты алтайцев часто находятся вблизи или на территории древних святилищ, археологические памятники которых могли восприниматься как культурные знаки-ориентиры. Забота и «кормление» отдельных объектов считаются эффективным средством задобривания богов и духов местности. Возле скал с петроглифами до сих пор фиксируются разнообразные подношения, возводятся обо, поверхности самих скал намазываются жиром, и т.д. (Молодин, Ефремова, 2010, рис. 6, 159; Кубарев, 2004, с. 104). На Алтае есть поверье, что строить новое стойбище благоприятнее не на старинных поселениях, а рядом с древними курганами, т.к. там не живут «злые духи покойников – их души отправлены на тот свет» (Клешев, 2011, с. 210).

В целом, стоит отметить мозаичность восприятия археологических объектов и синкретичность культовых воззрений современных тюрко- и монголоязычных кочевников Монголии, Алтая и сопредельных территорий. Наряду с новыми религиозными представлениями остается целый пласт традиционных верований. Возможно, определенное значение при формировании современного отношения к древним памятникам сыграло распространение буддизма и ислама, которые «прохладно» относились к остаткам прежних верований. Эти процессы требуют дальнейшего изучения и учета местного своеобразия культовых практик, включающих археологические объекты. Еще одной, требующей внимания тенденцией стало создание новых мест силы, сакральных центров в результате сакрализации памятников археологии – курганов и целых могильников. Это связывается с попытками этнической самоидентификации, влиянием новых религиозных

течений в Центральной Азии, Южной Сибири и других регионах (Тишкин, 2012; Тузбеков, 2015; Тузбеков, Бахшиев, 2016; Селезнев, Селезнева, 2017). При этом сакрализация археологических объектов носит отчасти спекулятивный характер (Тишкин, 2012,

с. 399). Такие процессы, несомненно, ведут к дополнительным антропогенным нагрузкам на памятники (Сарапулкина, 2020, с. 76) и требуют пристального внимания со стороны археологов, этнографов и государства.

Список литературы и источников

- Адрианов А.В.** К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). – Петроград, 1916. – 94 с. (Известия Императорской Археологической комиссии. – Вып. 62).
- Бакаева Э.П.** К вопросу о параллелях в обрядовой культуре дербетов Монголии и калмыков России (комментарий к дневнику Ц.-Д. Номинханова) // *Mongolica*. – 2014. – Т. 12. – С. 9–19.
- Баяр Д.** Монголын дундад зууны археологийн судалгаа. I боть (1972–1990 он). – Улаанбаатар, 2013. – 338 т. (на монг. яз.)
- Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С.** Исследования в Убсунурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2000. – Т. VI. – С. 245–251.
- Бурнаков В.А.** Курганы в традиционных мифологических представлениях хакасов (к. XIX – XX вв.) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай): Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (16–18 сентября 2019 года) / Отв. ред. Ф.И. Куликов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – С. 78–85.
- Вайнштейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Дыртык-оол А.О.** Коллекция каменных изваяний в национальном музее Республики Тыва // Вестник ТомГУ. Серия: История. – 2013. – № 3 (23). – С. 120–124.
- Ерохина Е.А.** Сакрализация историко-культурного наследия в практиках неотрадиционализма тюркских народов Южной Сибири // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – 2020. – № 10. – С. 94–97.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К.** Атлас орхонских памятников. – Астана: Култегін, 2006. – 360 с.
- Каррутерс Д.** Неведомая Монголия. – Т. I: Урянхайский край. – Пг.: Издание Переселенческого упр. Глав. упр. землеустройства и земледелия, 1914. – 341 с.
- Кимеев В. М., Терентьев В. И., Акулова А. С., Ширин Ю. В., Лхагвасурэн Батсуурь.** Очерки Западной Монголии. Т. 1: Традиции и современность. – Кемерово: Примула, 2012. – 206 с.
- Клеменц Д.А.** Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологических исследований бассейна реки Орхона // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. – Вып. I. – С. 1–23.
- Клеменц Д.А.** Отдельная экскурсия в Восточную Монголию // Известия Императорской Академии наук. – СПб., 1896. – Т. IV, № 1, январь. – С. 41–52.
- Клешев В.А.** Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. – Горно-Алтайск: ИП Высоцкая Г.Г., 2011. – 246 с.
- Козлов П.К.** Путешествие в Монголию. 1923–1926 гг. Дневники, подготовленные к печати Е.В. Козловой. – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1949. – 242 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, – 1984. – 232 с.
- Кубарев В.Д.** Путешествие в страну «стерегущих золото грифов». – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – 134 с.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.** Каменные изваяния древних тюрков Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 79 с.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Terra incognita в центре Азии // АЭАЕ. – 2000. – № 1. – С. 48–56.
- Куулар А.И.** Современное отношение к каменным изваяниям в Туве // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия, Кызыл, 20–23 сентября 2018 г. / Отв. ред. З.Ю. Доржу. – Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2018. – С. 216–220.
- Леус П.М.** О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святителища: археология ритуала и вопросы семантики: Мат-лы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г. / Отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 225–229.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С.** Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.
- Мунхбаяр Ч., Энхтур Ч., Мунхбат Ц.** О тюркских изваяниях, обнаруженных на территории Манхан сомона (Монгольский Алтай) // История и культура средневековых народов степной Евразии: Мат-лы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. – С. 206–211.
- Нанзатов Б.З., Николаева Д.А., Содномпилова М.М., Шагланова О.А.** Пространство в традиционной культуре монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2008. – 341 с.
- Позднеев А.В.** Путевые заметки и другие разнохарактерные записи. 1879 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. – Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 37. – 36 л.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического общества): в 3 вып. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. – Вып. II. – 280 с.
- Радлов В.В.** Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. – 70 с.

- Сарапулкина Т.В.** Особенности охраны и сохранения древних сакральных пространств как объектов культурного наследия // Изучение и сохранение сакральных пространств в современном мире (к 1365-летию ссылки папы Мартина в Херсонес): Мат-лы междунар. науч. конф. / Ред.-сост.: В.В. Майко, Э.А. Хайрединова, Т.Ю. Яшаева. – Симферополь: Антикава, 2020. – С. 73–77.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А.** Археологические памятники и новые сакральные пространства: иеротопия, хронотоп и глобальная информационная среда // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 1 (54). – С. 135–143.
- Тишкин А.А.** Современная сакрализация археологических памятников в Центральной Азии // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы междунар. конф. / Отв. ред. Н.Н. Крадин. – Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерал. ун-та, 2012. – С. 398–407.
- Тишкин А.А., Шелепова Е.В.** Изучение культовых мест и святыниц Алтая и Западной Монголии в XIX – начале XX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – С. 263–272.
- Тишкин А.А., Шелепова Е.В.** Об использовании «оленных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия АлтГУ. Серия: История. – 2014. – № 4-1 (84). – С. 221–229.
- Тугужекова В.Н.** Священные места Хакасии // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. – Красноярск: Город, 2009. – С. 100–105. (История и культура Востока).
- Тузбеков А.И.** Камни в ритуальной практике тюркского населения Южного Урала // Вестник Пермского ун-та. Серия: История. – 2015. – № 1 (28). – С. 151–157.
- Тузбеков А.И., Бахшиев И.И.** Формирование новых сакральных пространств в Башкирском Зауралье // Проблемы науки. – 2016. – № 12 (13). – С. 48–50.
- Шелепова Е.В.** «Переиспользование» и «переоформление» «оленных» камней в памятниках древних и средневековых кочевников Центральной и Северной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.) / Под общей ред. А.В. Харинского. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 292–297.
- Шелепова Е.В.** Историко-культурные исследования Д.А. Клеменца в Монголии // Известия АлтГУ. Серия: История. – 2013. – № 4-1 (80). – С. 88–96.
- Шерстова Л.И.** Бурханизм: истоки этноса и религии. – Томск: ТомГУ, 2010. – 288 с.
- Ядринцев Н.М.** Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 г. действительным членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Географического общества Н.М. Ядринцевым по поручению Отдела (географический дневник) // В.В. Радлов. Предварительный отчет о результатах снаряженной... Академиею наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона: С прил. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1892. – С. 51–113. (Сборник трудов Орхонской экспедиции. – Вып. I).
- Lacoste B., de.** Au pays sacré des anciens Turcs et des Mongols. – Paris: É.-Paul, 1911. – 232 p.

E.V. Sheleпова

Altai State University (Russia)

ON THE VENERATION AND USE OF ARCHAEOLOGICAL SITES IN MONGOLIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

The article deals with the features of the sacralization of certain archaeological sites in Mongolia according to the information of the second half of the 19th – early 20th centuries. Travelers and scientists made descriptions and photographs of the venerated statues recorded, ethno-cultural environment, traditions and legends associated with sanctuaries and individual places of cult, elements of ritual practice. The appearance of many complexes has changed significantly over the period of long-term use. The fate of some Turkic statues is currently completely unknown. The existing information

indicates a dual perception of archaeological sites by the population of Altai, Mongolia and neighboring territories. The respectful attitude did not exclude utilitarian use for the construction of their sanctuaries and places of cult. Such evidence, firstly, demonstrate an interesting layer in the worldview of the cattlemen of the Great Altai in the 18th–19th centuries, i.e., before had happened their significant transformation and the loss of many original elements. Secondly, they help to understand the current trends of sacralizing or desacralizing cultural heritage objects.

KEYWORDS: *Mongolia, Altai, archaeological sites, ethno-cultural environment, cultural heritage objects, sacralizing, desacralizing.*

Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия)

ВОЗДУШНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА РЕКЕ ОЛЕНЁК В ЯКУТИИ (XVIII–XIX вв.)

В бассейне р. Оленёк в настоящее время зафиксировано около 60 погребений, большинство из которых представлено надземными, т.н. воздушными захоронениями. Учитывая плохую сохранность памятников, представляющих собой хрупкие деревянные конструкции, сооруженные на вечной мерзлоте на столбах-сваях высотой до 2 м, это уникальный случай в археологической практике. Арангас – местное название этих захоронений – термин тюрко-монгольского происхождения.

На погребения бассейна р. Оленёк первым обратил внимание Р.К. Маак, в маршрут экспедиции которого входил и Оленёкско-Вилуйский водораздел. В его известной книге «Вилуйский округ» содержатся графические изображения воздушных захоронений, зафиксированных им на границе Оленёкской провинции. Детей вилуйские якуты хоронили в колоде – обрубке бревна, расколотого на две выдолбленные изнутри половинки. На концах колоды просверливали отверстия для закрепления ее на обрубленных деревьях. Набор сопроводительных предметов из этих захоронений в основном якутский (Маак, 1994, с. 270–278, рис. 49–59; табл. 1).

В монографию И.С. Гурвича (Гурвич, 1977) вошли материалы семи арангасных погребений, обследованных в Оленёкском, Кирбейском и Жилиндинском наслегах Оленёкского р-на. Опора арангасов состоит из двух, трех или четырех столбов высотой 2,0–2,3 м с укрепленными на них массивными поперечными перекладинами, на которых сооружен помост. На нем помещалась гробовина из плах, внутри которой находился гроб-ящик или колода. В некоторых погребениях концы колоды были округлены. Детские арангасы аналогичны описанному Р.К. Мааком захоронению в колоде, установленной на двух срубленных деревьях (Там же, с. 142–143). По мнению ученого, все обследованные им захоронения по своему устройству и инвентарю в общем сходны с якутскими захоронениями центральных районов XVII–XVIII вв. Северные якуты, в отличие от центральных, вывешивали около могилы череп жертвенного оленя, оставляли на могиле нарты, оленью упряжь и седло (Там же, с. 146).

В 1978–1988 гг. исследованием погребальных памятников северных якутов XVIII–XIX вв. на р. Оле-

нёк занималась этносоциологическая экспедиция кафедры философии и прикладной социологии Якутского государственного университета под руководством Н.Д. Архипова. Всего было обследовано около 40 погребений воздушного и наземного типов, из которых одно детское захоронение и почти половина – женские. Большинство исследованных памятников приурочено к устьям больших и малых притоков Оленька (Кутуяхтах, Алакит, Ётёхтёх, Чилиндин Балаганнага, Кырылах Юрягэ, Сурах, Чурбукулах, Улахан Бердакит, Куччугуй Бердакит, Кёбёнг, Улахан Бёгёлю, Ойун Апата, Батыялах, Кюрэ, Сэнке, Долгокор, Биректе, Тонгус Чуостага, Барая, Толуопка, Некэжит) и наиболее крупного притока Арга-Сала (Омолджун, Кенгаде и Сэвэки). В настоящее время в научный оборот введены материалы из четырех шаманских арангасов (Архипов, 2005). Часть артефактов использована исследователем в качестве иллюстрации традиционной культуры северных якутов в научно-популярном издании «Древние культуры Якутии» (Архипов, 1989). Протоколы вскрытий и археологические материалы хранятся в фондах Оленёкского историко-этнографического музея народов Севера (с. Оленёк) и Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

подавляющее большинство изученных захоронений представляют собой воздушные захоронения – арангасы на двух, трех, четырех и шести столбах. Исключение представляют: арангас Сэнке II, установленный на шести столбах, где над погребальным настилом сооружена двухскатная крыша чардатного типа; парные арангасные захоронения Тонгус Чуостага и Некэжит, погребальная камера которых представляет собой сруб из плах, продольно разделенный досками на две секции.

Топография расположения захоронений, приуроченных к хорошо обдуваемым и богатым ягелем устьям речек, свидетельствует о занятии населения оленеводством. Это отразилось и на составе сопроводительного инвентаря женских погребений, в который входили железное навершие палки для верховой езды – *нёри* и подпружные пряжки – *тимэтин* (Куччугуй Бердакит I, Улахан Бёгёлю I, Батыялах I и II, Кутуяхтах).

Большинство погребений расположено поодиночке, хотя встречаются и групповые (Улахан Бердакит I, II и III; Улахан Бёгёлю I, II, III и IV; Кюрэ I, II, III и IV; Батыялах I, II, III и IV, Сэнке I, II и III). И.С. Гурвич допускает, что у отдельных оленёкских родов, возможно, были определенные для захоронений места (Гурвич, 1977, с. 142).

По сторонам света погребения ориентированы по-разному. В большинстве погребений отмечается ориентировка умерших головой на запад или север с разными отклонениями. Исключение составляют парное арангасное захоронение Некэжит и шаманский арангас Сэнке II, в которых скелеты ориентированы головой на юг, а также два женских захоронения, расположенных перпендикулярно течению реки (Улахан Бердакит I, Улахан Бёгёлю I).

Погребальный инвентарь свидетельствует, что основой хозяйства населения бассейна Оленька была охота на северного оленя. По фольклорным и этнографическим данным, население верхнего и среднего течения р. Оленёк охотилось с помощью оленья-манщика, применяя лук и стрелы, что получило отражение в предметном наборе сопроводительного инвентаря. Фрагменты сложносоставного лука обнаружены в девяти арангасах, в том числе в семи женских (Улахан Бердакит II, Улахан Бёгёлю I, Батыялах IV, Сэнке I, Некэжит, Майында и Тонгус Чуостага). Наибольшей сохранностью отличается экземпляр из парного захоронения Тонгус Чуостага. Он состоит из трех склеенных друг с другом слоев лиственницы и березы и имеет костяные вставки в рогах для крепления тетивы. Лук подобной конструкции был обнаружен И.С. Гурвичем в чардатном наземном погребении возле с. Оленёк. Он состоял из трех слоев – двух лиственничных и наружного (хребиного) березового, сверху был оклеен орнаментированной берестой; тетива была изготовлена из скрученных сухожилий (Там же, с. 32). В отличие от северного типа, луки из якутских погребений Центральной Якутии XVIII в. состоят из двух слоев – лиственничного и березового (Константинов, 1971, с. 113–114). При стрельбе для защиты запястья левой руки от удара спущенной тетивой использовались железные и костяные щитки (*хары, лиэбэнчэт*). Щиток, обнаруженный в захоронении Кюрэ II, изготовлен из крупной трубчатой кости сохатого, на его обоих концах имеются по четыре круглые дырочки для ремешков (Архипов, 2005, рис. 11-1).

Почти во всех погребениях, включая и женские, имеются наконечники стрел разного типа. В женском арангасе Улахан Бёгёлю I в берестяном колчане обнаружен 31 наконечник стрел: железные ромбовид-

ные (5 экз.), четырехгранные с желобком на 4 сторонах (8 экз.), прямоугольные в сечении долотовидные (8 экз.), двурогие (вильчатые) срезни (3 экз.), трехгранные напильниковидные из трубчатой кости сохатого (6 экз.) и один деревянный томар. И.С. Гурвич, характеризуя данные обследованных им погребений, отмечает, что листовидные и долотовидные наконечники использовались при охоте на крупного зверя, вильчатые стрелы – на птицу, а деревянные томары – на пушных зверей (Гурвич, 1977, с. 32). Описание группы наконечников из коллекции Н.Д. Архипова вошло в классификацию железных наконечников стрел, составленную Ф.Ф. Васильевым (Васильев, 1995, с. 73–83). По его мнению, некоторые из них, например вильчатые срезни, типологически близки селькупским и ненецким и, вероятно, использовались не только на охоте, но и в сражениях в качестве броневой (Васильев, 1995, с. 83).

Другим широко распространенным охотничьим орудием было колюще-рубящее оружие пальма *батыя*. Большой набор их (4 экз.) обнаружен в женском арангасе Улахан Бердакит II. Две из них украшены насечками около насада. Одна вложена в берестяной чехол. Длина клинка наибольшей из пальм – 62,5 см, т.е. по своим размерам она близка к боевому оружию *батас* (Архипов, 2005, рис. 2). Таких же размеров орудие находилось среди трех пальм, обнаруженных также в женском арангасе Улахан Бёгёлю I.

Орудия рыболовства представлены единственным экземпляром железного рыболовного крючка из арангаса Кюрэ II (Победа) (Архипов, 2005, рис. 8-6) и железным наконечником остроги из погребения Алакит II. Наконечник остроги представляет собой трезубец, характерный для тунгусской остроги «кирамки»; каждый зубец наконечника имеет по одной зазубрине.

О кузнечном ремесле жителей р. Оленёк свидетельствует погребение Арангас Кюрэ II, в состав инвентаря которого входили железные изделия, напоминающие зубило укороченных пропорций и инструмент для лужения (Там же, рис. 8-7).

Самым распространенным предметом в составе погребального инвентаря является нож якутской работы.

В двух погребениях – Улахан Бердакит III и Улахан Бёгёлю I – находились небольшие топоры с широким проухом. При отсутствии бородки, что характерно для якутских топоров, это, вероятно, придавало дополнительную прочность насадке топорща. Среди предметов сопроводительного инвентаря арангаса Чилиндин Балаганнага обнаружен четырехгранный напильник.

Почти во всех погребениях присутствует огниво – приспособление для получения открытого огня, состоящее из кресала, трута, отщепов и пластин из кремнистого сланца.

В женских погребениях Кюрэ I и IV, Батыялах I, Улахан Бердакит II находились железные и каменные скребки.

В женских погребениях также найдены «овечьи» ножницы и металлические игольницы (Батыялах I, Биректе I, Кенгяде I).

Из предметов личного пользования встречаются курительные трубки (Батыялах I, Некэжит, Кенгяде I), расчески из бивня мамонта (Батыялах I, Кёбёнг) и металлические снежные очки (Кёбёнг).

Из утвари в оленёкских арангасах присутствуют деревянные миски *кытыйа*, черпаки из дерева и кости (Кюрэ II, Батыялах II, Ойун Аппата, Кырылах Юрягэ, Сурах), берестяные туесы (Сэвэки, Ётэхтёх) и железные котелки (Алакит, Улахан Бёгёлю II, Ойун Аппата).

Одежда погребенных в большинстве арангасов представлена фрагментами кафтана тунгусского покроя, богато украшенного бисерной вышивкой, металлическими пронизками, нашивками-бляхами и западноевропейскими счетными жетонами. Особняком стоит женская безрукавка из арангаса Сурах на границе с виллойским регионом. Ее отличительной чертой является наличие воротника-пелерины, сплошь вышитой бисером и бусами. Передняя часть в области груди имела оторочку из шкуры росомахи. Погребенная была одета в высокую шапку *джабака* с круглым серебряным диском *туосахта*. Шею украшала серебряная гривна с подвесками, а волосы – длинная косоплетка из полоски кожи, сплошь покрытая серебряными бляшками и бисером. Натазники имели сплошной бисерный узор и многочисленные серебряные лировидные подвески. В женском погребении из могильника напротив устья р. Батыялах был обнаружен целиком сохранившийся нагрудник с пятью рядами серебряных бляшек, бус, западноевропейских счетных знаков, по низу отделанный серебряными подвесками в виде парных конских голов.

В комплект украшений часто входили проволочные серьги и серебряные перстни, составные пояса с фигурными медными бляхами и окантованные рядами белого, синего и черного бисера. Наиболее полно они представлены в арангасе Улахан Бердакит II, в погребальный инвентарь которого входили также четыре орудия *батыя*. Украшения составляли медная шейная гривна, литая часть серьги в виде антропоморфной фигуры из меди, пять серебряных

перстней, один из которых имел растительный орнамент, три цельнолитые бронзовые пронизки, пять сердцевидных и ажурных медных бляшек и 87 крупных фарфоровых корольков-бусинок.

Особняком стоит набор сопроводительного инвентаря из детского арангаса Ётэхтёх: деревянная фигурка птички в берестяном футляре, деревянная модель лука и игрушечная стрела, вложенные в туес, и деревянная миска.

В шаманских захоронениях на шестах закрепляли деревянные изображения птиц (Улахан Бердакит I, Кюрэ I), а в наборе инвентаря, наряду с охотничьим луком и наконечниками стрел, встречается большое количество металлических привесок шаманского костюма. Разнообразный набор их обнаружен в арангасах Сэнке I и II: железные изображения небесных светил и духов-помощников шамана в виде птиц, рыб и животных, многочисленные трубочки и пластинки *кыасаан* (Бравина, 2018, с. 75–76, 79).

Северо-западный регион Якутии, расположенный в бассейнах р. Оленёк и Анабар, издавна являлся своеобразной контактной зоной, где в течение нескольких тысяч лет пересекались пути древних племен, а позднее якутских, тунгусских, юкагирских и самодийских родов, долган и русских. Надземные захоронения на помостах имели широкое распространение по всей зоне сибирской тайги (Семейная обрядность..., 1980, с. 225–227, карты 3–5).

В отличие от арангасных захоронений центральных якутов, расположенных обычно в одиночку, в бассейне р. Оленёк встречаются «могильники» из воздушных захоронений. Родовые групповые наземные захоронения имели распространение и у ненцев (Грачева, 1971, с. 253–254). Характерной особенностью оленёкских арангасных конструкций является крепление гроба посредством деревянных брусов или планок в виде четырехугольной рамы. В литературе этот тип крепления гроба считается «ненецким» и имел широкое распространение у туруханских и виллойских эвенков, ненцев и нганасан (Семейная обрядность..., 1980, с. 171, 145, 152; Грачева, 1971, с. 261, рис. 1). По мнению Л.В. Хомич, воздушный способ погребения (на деревьях) был характерен для южных предков современных ненцев еще во времена их проживания на Саяно-Алтайском нагорье. С их выходом в тундру – на рубеже I–II тыс. н.э. – эта традиция трансформируется в наземное погребение среди вертикальных планок, которые, возможно, имитировали ветви дерева (Хомич, 1984, с. 15). Как считает Г.Н. Грачева, такие совпадения не случайны (Грачева, 1971, с. 262). По лексическим материалам Г.М. Василевич, в самодийских районах Мангазеи – Таза

и к северу от Турухана до XVII в. жили эвенки – носители южного диалекта эвенкийского языка, в маршруты кочевий которых входили бассейны р. Виллоя, Лены, Нижней Тунгуски, Турухана и верховья Таза (Василевич, 1948, с. 158, 182).

Представляет интерес конструкция шаманского арангаса Сэнке II, над настилом которого сооружена двускатная крыша типа *чардаат*. По внешнему виду он напоминает *чардаат арангас*, распространенный в Центральной Якутии, где гроб помещается внутри бревенчатого сруба с двускатной крышей. Последний тип надземных сооружений был распространен по всей Сибири, в т.ч. в Туве и на Алтае, где он считался сугубо шаманской формой погребения (Дьяконова, 1975, с. 80–81).

Особый интерес вызывают парные арангасные захоронения Тонгус Чуостага и Некэжит, погребальная камера которых представляет собой низкий сруб из плах, продольно разделенный досками на две секции. Наличие продольных (как и поперечных) перегородок внутри гроба считается одной из наиболее архаичных черт погребального обряда якутов – наследием хунно-сяньбийского времени (Алексеев, Бравина, 2017, с. 86).

Анализ предметного состава оленёкских погребений свидетельствует, что в культуре и хозяйстве населения региона органически переплетались различные по происхождению элементы. Это тунгусский комплект одежды и якутский набор украшений; традиционные орудия охоты, в который входили якутская пальма *батыйа* и железные наконечники

стрел, схожие с самодийскими; предметы кочевого быта, основанного на северном оленеводстве, представленные в материалах арангасов подпружными пряжками *тимэхтин* и женским посохом *нёри*. Примечательно, что свадебные посохи, украшенные железными круглыми бляшками, оленные якуты называли *юс кюннээх ньоору* – «посох с трехсолнечным набалдашником» (Гурвич, 1977, с. 62).

В материалах погребений прослеживаются религиозно-мифологические представления, лежащие в основе обряда погребения. В пространственной ориентации погребений и умерших отражается весьма сложная картография путешествий душ в потусторонний мир, куда они добивались на камусных лыжах *туут* или верхом на оленях. Оленёкские погребения располагались обычно параллельно берегу реки (иногда небольшими группами); умершие укладывались вытянуто на спине, чаще всего головой на запад или север, реже ногами к реке. По представлениям центральных якутов, мир умерших находился далеко на западе, под землей. В отличие от взрослых, души детей в виде птичек возвращались в верхний мир к творцам-божествам, что отразилось в традиции изготавливать по смерти детей деревянные фигурки птиц (арангас *Ётёхтёх*), которые якуты называли *ого уйата*, долганы – *ого кута*. Ориентировка покойных ногами к реке или вниз по течению характерна для «речных захоронений» народов Северной Сибири, в т.ч. долган и ненцев, и, вероятно, отражает горизонтальную модель мира с размещением «мира мертвых» в низовьях рек.

Список литературы

- Алексеев А.Н., Бравина Р.И.** Хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» (г. Улан-Удэ, 3–6 декабря 2017 г.). – Улан-Удэ: Бурятский науч. центр СО РАН, 2017. – С. 84–90.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1989. – 190 с.
- Архипов Н.Д.** Шаманские захоронения Оленека XVIII века // Оленёкский улус: история, культура, фольклор / Отв. ред. С.И. Боякова. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 49–58. – (Улусы Республики Саха (Якутия)).
- Бравина Р.И.** Шаманы – избранники Небес и духов. – Якутск: Бичик, 2018. – 160 с.
- Василевич Г.М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1948. – 353 с.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.
- Грачева Г.Н.** Погребальные сооружения ненцев устья Оби // Религиозные представления и обряды народов

Сибири в XIX – начале XX века / Отв. ред.: Л.П. Потапов, С.В. Иванов. – Л.: Наука, 1971. – С. 248–262. – (Сборник МАЭ. – Т. XXVII).

Гурвич И.С. Культура северных якутов-олeneводо-в. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). – Якутск: Якут-книгоиздат, 1971. – 212 с.

Маак Р.К. Виллюйский округ Якутской области. – 2-е изд. – М.: Яна, 1994. – 576 с.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

Хомич Л.В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири / Под ред. Ч.М. Таксами. – Л.: Наука, 1984. – С. 14–29.

R.I. Bravina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

AERIAL GRAVES ON THE OLENEK RIVER IN YAKUTIA (17TH–19TH CENTURIES)

The article summarizes and systematizes the materials of funerary sites of the population of the Olenek River basin investigated by I.S. Gurvich (1940s) and N.D. Arkhipov (1980s). The tribes, who inhabited the Arctic Region from ancient times, were engaged in reindeer husbandry and hunting, roaming the endless northern tundra, reaching the Turukhansk Territory. Areas of aerial graves are spread in the territories of the Turukhansk and Vilyui Evenki, Yukagirs and

Samoyed peoples – Nganasans and Nenets. The analysis of the composition of the graves indicates that in the culture and economy of the population of the Olenek River were intertwined organically with elements of different ethnic origins. These are the Tungus set of clothes and the Yakut jewelry set, traditional hunting tools, including the Yakut *batyja* palm and arrowheads, as well as nomadic items based on the traditions of reindeer herding.

KEYWORDS: *Arctic Region, Yakutia, Olenek River basin, 17th–19th centuries, aerial graves, elements of different ethnic origins.*

И.Г. Смолина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Россия)

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Формирование новой избирательной системы стало необходимо после распада СССР. Ее становление началось после принятия Конституции, т.к. 20 декабря 1993 г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации обнародовала итоги голосования по проекту Конституции России. С тех пор растет научный интерес к теме избирательной системы России и ее субъектов. При этом проблема изучения опыта становления и развития избирательной системы страны и регионов представляет не только научный, но и практический интерес.

Совет народных депутатов Хакасской автономной области Красноярского края своим решением от 15 августа 1990 г. «О повышении государственного-правового статуса Хакасской автономной области» решил «преобразовать Хакасскую автономную область в существующих границах в Хакасскую автономную Советскую Социалистическую Республику». Решением от 18 апреля 1991 г. «О выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края» Совет народных депутатов решил «считать факт выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края свершившимся». 3 июля 1991 г. за № 1538-1 принят Закон РСФСР «О преобразовании Хакасской автономной области в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР», что было в соответствии с Законом РСФСР «О порядке преобразования Адыгейской, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской автономных областей в Советские Социалистические Республики в составе РСФСР» (Выборы в Хакасии, 2016).

В 2020 г. исполнилось 25 лет с момента создания Избирательной комиссии Республики Хакасия. На первом этапе комиссия именовалась Центральной избирательной комиссией Республики Хакасия, как и большинство избирательных комиссий республик Российской Федерации. 9 июня 1995 г. постановлением Президиума Верховного Совета и Президиума Совета Министров Республики Хакасия она получила свое новое наименование, был определен ее состав в количестве 14 человек с правом решающего голоса и статус действующей на постоянной основе. В мае 1999 г. Верховным Советом Республики Хака-

сия был принят Закон «Об Избирательной комиссии Республики Хакасия», в котором изложены основные положения деятельности комиссии.

Становление избирательной системы в течение 25 лет – небольшой отрезок времени в исторической перспективе, но весьма насыщенный по своему содержанию. Охватывая этот период с точки зрения историка, юриста, избирателя, становится очевидным, каким он был сложным. Принимались решения, порой они оспаривались в судах, совершенствовались избирательные законы, причем даже их перечисление свидетельствует о важности избирательного процесса.

Необходимо отметить, что после принятия Конституции Российской Федерации в 1993 г. интенсивно менялось не только федеральное законодательство, регулирующее вопросы организации и деятельности избирательных комиссий, но и законодательство субъектов Российской Федерации (Демьянов, 2018, с. 94). Менялось выборное законодательство, времена и кандидаты, избиратель, который становился грамотнее, но оставались неизменными принципы гласности, открытости и объективности в избирательном процессе. Без событий прошедшей четверти века невозможно оценить и понять современные избирательные процессы.

Следует отметить, что 1990-е гг. несли новые глобальные перемены в стране, что одновременно настораживало и вселяло надежду.

Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление от 23 сентября 1991 г. № 1671-1 «О порядке и сроках проведения выборов народных депутатов Хакасской Советской Социалистической Республики в составе РСФСР», в котором назначил выборы народных депутатов Хакасской Советской Социалистической Республики на 22 декабря 1991 г. Данные выборы организовывала Центральная избирательная комиссия Республики Хакасия (Тутужекова, 2016, с. 50). Формирование избиркома проходило на основе предложений представительных и исполнительных органов власти.

Отчет современного формирования комиссии в Хакасии ведется с 1995 г. Кандидатуры в ее состав выдвигают политические партии, избирательные блоки, органы местного самоуправления.

Из 14 членов комиссии равное количество (по семь человек) назначались Верховным Советом Республики Хакасия и Советом Министров Республики Хакасия. С этого времени начинает формироваться система избирательных комиссий республики, структура которой имеет следующий вид:

- избирательная комиссия Республики Хакасия – 14 человек;
- 13 территориальных избирательных комиссий – 124 человека;
- 379 участковых избирательных комиссий – 3298.

В 2013 г. впервые участковые избирательные комиссии Республики Хакасия сформированы сроком на 5 лет и в своем составе насчитывают около 4000 человек. Это представители разных профессий и образования, но вместе с тем к членам участковых избирательных комиссий законодательство предъявляет определенные требования.

Современное избирательное законодательство согласно п. 1 ст. 27 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ для обеспечения процесса голосования избирателей и подсчета голосов избирателей на избирательных участках, образованных в соответствии с п. 2 ст. 19 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ, формирует участковые избирательные комиссии. Участковые избирательные комиссии осуществляют полномочия по обеспечению процесса голосования и подсчета голосов при проведении всех выборов, а в случаях, предусмотренных законом, – также референдумов, отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосований по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования на территории соответствующего избирательного участка.

Общий срок полномочий участковой избирательной комиссии составляет пять лет.

Число членов участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса определяется формирующими ее территориальной избирательной комиссией либо должностным лицом в зависимости от числа избирателей, участников референдума, зарегистрированных на территории соответствующего

избирательного участка, участка референдума, в следующих пределах:

- а) до 1001 избирателя – 3–9 членов участковой избирательной комиссии;
- б) от 1001 до 2001 избирателя – 7–12 членов участковой избирательной комиссии;
- в) более 2000 избирателей – 7–16 членов участковой избирательной комиссии.

Кандидатуры, предложенные в состав участковой избирательной комиссии, но не назначенные членами комиссии, зачисляются в резерв составов участковых комиссий, который формируются избирательной комиссией субъекта Российской Федерации в соответствии с Порядком формирования резерва составов участковых комиссий и назначения нового члена участковой комиссии из резерва составов участковых комиссий, установленным Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Следует согласиться с В.В. Пылиным, что «Избирательные комиссии представляют собой коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, установленные федеральным законодательством и законодательством субъекта. Избирательные комиссии представляют собой стройную централизованную систему, государственно-общественную систему» (Пылин, 2003, с. 15). Является ли эта система общественной? Далеко не все авторы, занимающиеся вопросами избирательного законодательства, согласны с данным утверждением.

Главной задачей избирательных комиссий, организующих подготовку и проведение выборов или голосования по отзыву выборного лица либо проведения референдума, является соблюдение законных прав граждан и защита избирательных прав (Эбзеев, 2016, с. 53).

Члены избирательных комиссий первых составов работали активно, целеустремленно, слаженно и весьма эффективно, ибо все хорошо осознавали уровень ответственности, ведь на их глазах происходили судьбоносные события. Надо особо отметить, что всегда неукоснительно соблюдалась коллегиальность в принятии решений. При этом не обходилось без споров и дискуссий, как и особых мнений членов избирательных комиссий.

Основной формой работы в межвыборный период Избирательной комиссии Республики Хакасия, которую Верховный Совет Республики Хакасия наделил правом законодательной инициативы, была работа по формированию регионального избирательного законодательства.

В период с 1995 по 2020 г. разработано более 90 законов, которые условно можно разделить на четыре группы.

Первая группа – законы выборные, связанные с процедурой выборов депутатов всех уровней и представительных органов и исполнительных органов местного самоуправления и должностных лиц:

- Закон Республики Хакасия от 9 июня 2012 г. № 50-ЗРХ «О выборах депутатов Верховного Совета Республики Хакасия»;

- Закон Республики Хакасия от 28 июня 2012 г. № 52-ЗРХ «О выборах Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия»;

- Закон Республики Хакасия от 08 июля 2011 г. № 65-ЗРХ «О выборах глав муниципальных образований и депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Хакасия».

Ко второй группе можно отнести законы, регламентирующие проведение референдумов в Хакасии:

- Закон Республики Хакасия от 25 сентября 2006 г. № 50-ЗРХ «О референдуме Республики Хакасия»;

- Закон Республики Хакасия от 16 ноября 2006 г. № 64-ЗРХ «О местном референдуме в Республике Хакасия».

Третья группа – законы, регулирующие и обеспечивающие избирательный процесс в республике:

- Закон Республики Хакасия от 25 мая 1999 г. № 61 «Об Избирательной комиссии Республики Хакасия»;

- Закон Республики Хакасия от 20 декабря 2012 г. № 123-ЗРХ «Об избирательных комиссиях, комиссиях референдума в Республике Хакасия».

Выделенная условно четвертая группа:

- Закон Республики Хакасия от 09 июля 2010 г. № 73-ЗРХ «О гарантиях равенства политических партий, представленных в Верховном Совете Республики Хакасия, при освещении их деятельности региональными телеканалом и радиоканалом».

Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации как субъектов избирательного процесса определяет их правовое положение по отношению к государству и его органам, а также к другим субъектам правоотношений в сфере организации и проведения выборов и референдумов. Правовой статус избирательных комиссий Хакасии определяет политико-правовое положение этих комиссий в структуре и механизме функционирования государственных органов, особенности взаимодействия комиссий с органами местного самоуправления, партиями, общественными объединениями как политическими представителями гражданского общества, иностранными (международными) наблюдателями и другими участниками избирательного процесса.

Оформление указанного статуса избирательных комиссий связано с переходом государства к демо-

кратическому развитию, что предполагает необходимость правового закрепления избирательного процесса и прежде всего правового статуса его основных субъектов (участников). Речь идет о таком направлении в развитии федерального и субъектного избирательного законодательства, как оформление правового статуса избирательных комиссий в качестве единственных органов, обеспечивающих организацию волеизъявления избирателей в ходе свободных конкурентных выборов и референдумов (Новиков, 1996, с. 41).

Остановлюсь подробнее на открытости и гласности избирательного процесса, которые повышают эффективность работы избирательных комиссий всех уровней.

Согласно ст. 11 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ, статус избирательных комиссий представляет собой совокупность их прав и обязанностей (полномочий) по обеспечению условий для организации свободного волеизъявления избирателей, порядок формирования и срок полномочий избирательных комиссий, их подконтрольность и ответственность, гарантии деятельности. В широком смысле статус избирательных комиссий определяет политико-правовое положение комиссий в структуре и механизме функционирования государственных органов в Российской Федерации, особенности взаимодействия комиссий с органами местного самоуправления, общественными объединениями (Российская Федерация..., 2002).

Современная организация демократического избирательного процесса предопределяет содержание правового статуса избирательных комиссий и основные направления его развития. На наш взгляд, ведущими элементами правового статуса избирательных комиссий Российской Федерации являются:

- природа избирательных комиссий как постоянно действующих органов, занимающих особое место в системе государственных органов и механизме функционирования принадлежащей народу всей полноты государственной власти;

- характеристика высшего звена системы избирательных комиссий как государственных постоянно действующих на профессиональной основе органов, призванных обеспечивать волеизъявление избирателей в ходе проведения свободных выборов;

- механизм взаимодействия с другими государственными органами и органами местного самоуправления, а также субъектами избирательного процесса;

- механизм и порядок формирования, срок полномочий избирательных комиссий;

- компетенция избирательных комиссий, их права, обязанности и ответственность за соблюдение требований законодательства о выборах и реализацию предоставленных полномочий;

- статус юридического лица (Смолина, 2007, с. 42).

Рассматривая затронутую проблему, Е.М. Ковешников пишет, что «важнейший признак демократичности выборов есть проведение их самими избирателями, невмешательство или минимальное вмешательство в это дело государственных органов. Структурами, обеспечивающими самоорганизацию избирателей на выборах, служат избирательные комиссии» (Избирательная реформа..., 1993, с. 50). А.В. Иванченко полагает, что «избирательные комиссии для обеспечения законного и демократического избирательного процесса должны быть в юридическом, организационно-техническом и материально-финансовом отношении независимы от какой-либо политической партии, государственных органов и их должностных лиц. Для того чтобы сделать планомерной и стабильной работу комиссий, обеспечить преемственность в их деятельности, потребовался перевод их на новый режим, то есть на постоянную основу. Время и опыт подтвердили правильность второго подхода, ибо слишком сложным оказался избирательный процесс, иначе за короткий срок не удалось бы выстроить систему избирательных комиссий» (Иванченко, 1996, с. 42). Как отмечает А.Е. Постников, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации являются особой разновидностью государственных органов, действующих на коллегиальной основе (Постников, 1996, с. 36).

Вместе с тем трудно согласиться с позицией А.В. Иванченко, который считает, что «специфика этих комиссий как государственных органов состоит в том, что они не относятся ни к одной из трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной)» (Иванченко, 1996, с. 149). На наш взгляд, избирательные комиссии связаны прежде всего с формированием различных уровней депутатского корпуса и тем самым примыкают к законодательной (представительной) ветви государственной власти.

Государственно-правовой статус избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, в том числе Избирательной комиссии Республики Хакасия, состоит в том, что:

- избирательные комиссии работают на постоянной основе;

- избирательные комиссии финансируются за счет средств бюджета, они самостоятельно рас-

пределяют выделенные из федерального бюджета и субъектов Российской Федерации средства на финансовое обеспечение подготовки и проведения выборов;

- они имеют собственную компетенцию, установленную федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации;

- избирательные комиссии формируются органами государственной власти на основе предложений политических партий, общественных объединений, выборных органов местного самоуправления, избирательной комиссии субъекта, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации;

- избирательные комиссии наделены контрольными полномочиями, в частности осуществляют контроль за соблюдением прав граждан;

- акты избирательных комиссий, принятые в пределах их компетенции, обязательны для исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных объединений, учреждений, организаций и должностных лиц, избирателей, а также для нижестоящих комиссий.

Правовые основы статуса избирательных комиссий предопределяются рядом принципов, установленных действующим законодательством, из них главными являются несколько принципов.

Независимость избирательных комиссий. Для обеспечения законных, демократических выборов, избирательные комиссии должны быть в юридическом, финансовом, материально-техническом и организационном плане независимыми. Избирательная комиссия Республики Хакасия, как и комиссии других субъектов, не входит в систему государственных органов ни одной из ветвей власти. Отметим, что Избирательная комиссия Республики Хакасия занимается правотворческой деятельностью в пределах тем избирательного процесса и избирательного права. Участвует в формировании избирательных комиссий всех уровней.

Вместе с тем, чтобы обеспечить преемственность в их деятельности, повысить профессионализм, ответственность, особенно в части защиты избирательных прав граждан, потребовался механизм перевода не только Избирательной комиссии Республики Хакасия на постоянную (основу) работу, но и территориальных избирательных комиссий. Наряду с вышеупомянутым общественным статусом возникла задача оформления избирательных комиссий в качестве юридических лиц, обеспечивающих задачу организации избирательного процесса, одновременно создавая условия реализации гражданами их избирательных прав.

Важность представляет принцип самостоятельности в принятии решений, который выражается в наличии определенных полномочий. Избирательные комиссии наделены правом принимать решения, устанавливать запреты, осуществлять собственное финансирование. При этом законодатель предусмотрел запрет на вмешательство каких-либо органов в деятельность избирательных комиссий, федеральное законодательство прямо указывает на неподчинение избирательных комиссий иным органам власти. Отдельно следует отметить, что полномочия комиссий исключительны и ограничены пределами закона и, соответственно, не подлежат толкованию. Важнейшим элементом самостоятельности избирательных комиссий является обязательность их решений для всех участников избирательного процесса.

Принцип коллегиальности. На наш взгляд, это есть объединение воли нескольких людей (членов избирательной комиссии в данном случае) в принятом решении. Ибо не случайно на основе коллегиальности принимают решения представительные, законодательные органы власти. Открытость и гласность в деятельности избирательных комиссий – принцип, закрепленный в ст. 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ. Он обеспечивает прозрачность всех избирательных действий, открытость информации. Следует подчеркнуть, что данный принцип предоставляет участникам избира-

тельного процесса полностью процедур на всех ее стадиях: участие средств массовой информации, наблюдателей и иное.

Законность – основа деятельности избирательных комиссий. Важнейшим принципом пронизана вся деятельность избирательных комиссий, ибо именно он определяет характер их полномочий. Избирательные процедуры четко регламентированы соответствующими нормами законодательства избирательного процесса, а компетенции комиссий строго определены законами.

Принцип приоритета прав и свобод граждан в деятельности избирательных комиссий. Суть данного принципа состоит в том, что в обеспечении прав в сфере избирательных правоотношений наиболее значимые для государства – человек, его права и свободы, которые утверждены Конституцией Российской Федерации. Конституция России устанавливает три важнейших условия обладания гражданами избирательных прав: возраст, дееспособность и в полном объеме личная свобода (Конституция...). Конституция Хакасии повторяет эти права.

Таким образом, избирательная система в части избирательных комиссий Республики Хакасия прошла несколько этапов становления. Этапы обусловлены нормативами действующего законодательства, отражающими общее состояние российского законодательства, которое меняется и совершенствуется вместе с обществом и страной в целом.

Список литературы

- Выборы** в Хакасии: (1991–2016 годы) / Авт. кол.: В.Н. Тугужекова и др. – Абакан: Журналист, 2016. – 98 с.
- Демьянов Е.В.** Избирательные комиссии в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты функционирования и взаимодействия // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Ставрополь, 2018.
- Иванченко А.В.** Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. – М.: Весь мир, 1996. – 302 с.
- Избирательная реформа: Опыт, проблемы, перспективы** / В.И. Васильев, Ю.А. Дмитриев, А.В. Иванченко, Е.М. Ковешников и др.; Под ред. В.И. Васильева. – М.: Манускрипт, 1993. – 258 с.
- Конституция** Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [электронный ресурс]. – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=0&rangeSize=1>.
- Новиков Ю.А.** Избирательная система России – 90 лет истории. – М.: Манускрипт, 1996. – 632 с.

- Постников А.Е.** Избирательное право России: С прил. «Модельного закона субъекта Рос. Федерации о выборах депутатов законодат. (представит.) органа гос. власти субъекта Рос. Федерации». – М.: ИНФРА-М, Норма, 1996. – 217 с.
- Пылин В.В.** Избирательное и референдумное право Российской Федерации: Учеб.-практ. пособие. – СПб.: Юрид. центр прессы, 2003. – 559 с. (Учебники и учебные пособия / Ассоц. «Юрид. Центр»).
- Российская Федерация.** Законы. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24.
- Тугужекова В.Н.** Становление и развитие избирательной системы Республики Хакасия (к. XX – н. XXI вв.) // Вестник Избирательной комиссии Республики Хакасия. – Абакан: Март, 2006. – (Спецвыпуск).
- Эбзеев Б.С.** Избирательная система и Конституция Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 4. – С. 53–56.

I.G. Smolina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Russia)

HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ELECTORAL SYSTEM (REGIONAL ASPECT)

The electoral system, in terms of the election commissions of the Republic of Khakassia, has passed several stages of formation. The stages are determined by the standards of the current legislation, reflecting the general state of Russian legislation. It changes and improves together with the society and the country as a whole.

KEYWORDS: *Republic of Khakassia, electoral system, Election Commission, stages of formation.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГУ	– Алтайский государственный университет. Барнаул
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВолГУ	– Волгоградский государственный университет
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ЗапСибНЦ	– Западно-Сибирский научный центр. Кемерово
ИА РАН	– Институт археологии РАН. Москва
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ИрГТУ	– Иркутский государственный технический университет
КарГУ	– Карагандинский государственный университет
КГУ	– Красноярский государственный университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КРС	– крупный рогатый скот
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН. Москва
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Ленинград / Москва
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии. Москва
КузГТУ	– Кузбасский государственный технический университет. Кемерово
МарГУ	– Марийский государственный университет. Ижевск

МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград / Москва
МРС	– мелкий рогатый скот
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НИЛ	– научно-исследовательская лаборатория
РА	– Российская археология. Москва
РАН	– Российская академия наук
РАНХиГС	– Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников по археологии СССР. Москва
САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СГСПУ	– Саратовский государственный социально-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского
СевГУ	– Севастопольский государственный университет
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТомГУ	– Томский государственный университет
ЧелГУ	– Челябинский государственный университет
ЮУрГГПУ	– Южно-Уральский государственный гуманитарно- педагогический университет

Научное издание

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ МОНГОЛИИ, ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КИТАЯ

**Материалы XI Международной научной конференции
8–11 сентября 2021 года, г. Абакан**

*Редакторы: А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров
Верстка и художественное оформление И.Н. Лицук
Корректор Л.А. Виноградова*

Подписано в печать 16.07.2021. Формат 60×90 ¹/₈.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 40,01. Усл. печ. л. 47.
Тираж 300 экз. Заказ № 1311

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография».
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-7950.
E-mail: spbcolor@mail.ru

Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China

The Proceedings of the 11th International Scientific Conference «Ancient Cultures of Mongolia, South Siberia and North China» contain works of participants of the conference held on September 8–11, 2021 in Abakan (Russian Federation). This conference, which continues a series of scientific events started in 2010 in Ulan-Ude, was held on the basis of the South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The Conference Proceedings chronologically cover a large period of time from the Paleolithic to the Modern Times and are devoted to current problems of archaeological science, ethnology and preservation of historical and cultural heritage of the eastern part of Northern Eurasia.

